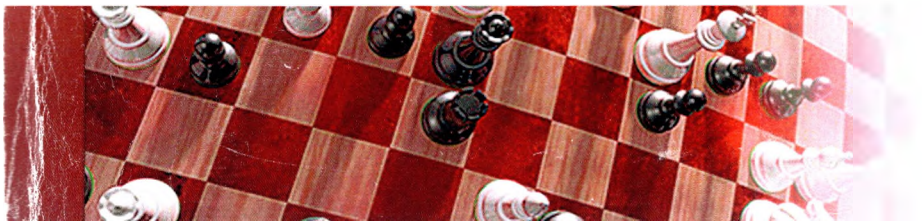
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX - НАЧАЛО XXI В.)

ВИТЕБСК 2013

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
Государственное научное учреждение «Институт истории Национальной академии наук Беларуси»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ
(вторая половина XX – начало XXI в.)

Материалы международной научно-практической конференции

Витебск, 25–26 апреля 2013 г.

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2013

УДК 327(075.8)
ББК 66.4я73
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 7 от 11.04.2013 г.

Редакционная коллегия:
А.П. Косов *(ответственный редактор)*,
А.Н. Дулов, М.К. Кошелев, В.Е. Снапковский, А.А. Челядинский, А.В. Шевчук, С.Ю. Шенин, В.М. Шорец, Д.В. Юрчак, Г.Н. Яковлева

Р е ц е н з е н т ы:
декан факультета международных отношений БГУ, доктор исторических наук, профессор *В.Г. Шадурский;* проректор по учебной и воспитательной работе Одесской национальной академии связи им. А.С. Попова, доктор политических наук, профессор *А.А. Силенко*

А43 **Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX – начало XXI в.)** : материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 25–26 апреля 2013 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Косов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 344 с.
ISBN 978-985-517-394-7.

В научном издании содержатся материалы докладов, посвященные актуальным проблемам международных отношений и дипломатии второй половины XX – начала XXI в. Может быть полезно исследователям, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется историей и современным состоянием международных отношений и дипломатии.

УДК 327(075.8)
ББК 66.4я73

ISBN 978-985-517-394-7

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2013

О Г Л А В Л Е Н И Е

РАЗДЕЛ 1. **ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И ДИПЛОМАТИИ. ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА** …… 4

РАЗДЕЛ 2. **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»** …… 45

РАЗДЕЛ 3. **БССР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ДИПЛОМАТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА** ……... 70

РАЗДЕЛ 4. **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА. КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА** …….. 83

РАЗДЕЛ 5. **ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ** ……... 149

РАЗДЕЛ 6. **ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ** …….. 183

РАЗДЕЛ 7. **РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ДИПЛОМАТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА** …… 226

РАЗДЕЛ 8. **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВО. ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ. СМИ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА. ДИАСПОРЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА** …… 252

РАЗДЕЛ 9. **ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕГИОНОВ** ……... 294

РАЗДЕЛ 10. **ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ** ……. 317

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ …….. 337

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ……. 343

Р А З Д Е Л 1
ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И ДИПЛОМАТИИ. ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ЗАПАДНЫХ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

А.А. Челядинский (Минск)

Внешнеполитический анализ по своей сути является частью теории международных отношений, в рамках которой прослеживается ее доминирующая роль. В этой связи следует отметить, что внешнеполитическая деятельность как таковая является полифункциональной по отношению к другим видам социальной деятельности, таким как социальная, экономическая или культурная. Это обусловлено тем, что она призвана обеспечить оптимальное сочетание всех других видов деятельности для удовлетворения потребностей безопасности, возникающих у государства и его граждан. Вместе с тем, специфической чертой внешнеполитической деятельности, принципиально отличающей ее от внутренней политики государства, является то, что она выстраивается не только под влиянием внутренних потребностей, но и внешней среды. В то же время, внешнеполитический анализ обязан методологически учитывать как международную, так и внутриполитическую составляющую, поскольку они в равной степени оказывают влияние друг на друга, особенно в условиях глобализованного мира.

Оформление внешнеполитического анализа в теорию было обусловлено, прежде всего, ростом наукоемкости политической практики, которая ранее рассматривалась в абсолютном большинстве случаев как эмпирическое искусство. Отчасти это было обусловлено дифференциальной тенденцией, господствовавшей в науке вплоть до начала XX в. Создание в 1919 г. первого научного центра, призванного заниматься вопросами внешнеполитического анализа – Лондонской школы международных исследований – стало частью процесса определения сути предмета. В качестве важнейших факторов, сыгравших значительную роль в оформлении внешнеполитического анализа как теории, следует остановиться на следующих: прежде всего, это Первая мировая война, которая на практике продемонстрировала, насколько возросла цена политической в условиях использования принципиально новых средств ведения войны, возникших вследствие научно-технического прогресса. Во-вторых, это существенное усложнение политических реалий, обусловленное возрастающей взаимозависимостью субъектов. При этом характерной чертой этих реалий было то, что на национальном уровне существование этой взаимозависимости было полноценно воспринято лишь после Второй мировой войны. В-третьих, возникла необходимость в поиске оптимальных вариантов регулирования отношений между субъектами с целью недопущения нового крупномасштабного кровопролития в будущем, что нашло свое отражение в оформлении идеалистического и марксистского подходов в качестве альтернати-

вы традиционному, реалистическому механизму международных отношений, основанному на применении силовых механизмов.

Следует отметить, что при ближайшем рассмотрении эти факторы продолжают активно влиять на формирование как самих международных отношений, так и взглядов изучающих их исследователей. Безусловно, в этом прослеживается прямая взаимосвязь с системным характером международных отношений. Сложность их изучения сводится к тому, что процесс приведения системы представлений о международных отношениях в соответствие с самой системой объекта исследования является длительным во времени и во многих случаях неосознанным – к счастью или к сожалению, у человечества нет общепринятой унифицированной программы собственного развития. В этой связи трудно не согласиться с российским исследователем Н.А. Косолаповым, который в качестве главной проблемы исследований в сфере международных отношений выделяет то, что «интуитивно воспринимаемое явление (международных отношений) качественно эволюционирует во времени ... тем самым многократно усложняется задача корреляции системы представлений с изменяющимся объектом анализа» [1, с. 36]. В то же время, если спустя почти 85 лет с момента создания Лондонской школы проанализировать факторы, обуславливающие развитие международных отношений и, соответственно, исследований в данной сфере, то по своей сути они остаются прежними, меняется лишь интенсивность социальных процессов и общая экономическая и технологическая конъюнктура.

На сегодняшний день большинство западных исследователей в области внешнеполитического анализа, вне зависимости от того, к какой школе они принадлежат, выделяют **три** основных фактора, влияющих на развитие международных отношений. **Первый** фактор, который обусловливает современное состояние международных отношений – это научно-технический прогресс (НТП). Его влияние на жизнь человечества настолько разнообразно и многовекторно, что его можно проследить практически в каждой сфере. С военно-политической точки зрения создание оружия массового поражения, новейших систем вооружений, применение в современной войне высокоточного оружия, космических средств связи и целеуказания, способность к быстрой переброске и развертыванию войск в конечном итоге приводит к недопустимости мысли о широкомасштабном конфликте, как неизбежно влекущем колоссальные потери для любой принимающей в нем участие стороны. Кроме того, астрономические затраты на ведение современной войны и создание новых систем оружия делают первенство в этой сфере и возможность потенциальной угрозы силой уделом очень узкого круга государств, где несомненным лидером являются США. С экономической точки зрения НТП стал двигателем совершенствования средств производства и технологических процессов, что неизбежно привело к дальнейшему развитию международной специализации и, как следствие, росту взаимозависимости между различными субъектами международных отношений не только на двустороннем и региональном, но и на глобальном уровне. С социальной точки зрения НТП вызывает усугубление цивилизационных различий, но посредством, прежде всего, экономического влияния создает предпосылки для либерализации общества (Следует, однако, оговориться, что данные предпосылки вовсе не обязательно реализуются на практике в условиях «восточной» модели развития, где либерализация скорее является следствием вмешательства извне. – Прим. автора). С культурной и информационной точек зрения НТП привел к созданию единого информационного пространства, появлению массовой культуры, уменьшению значения расстояний между континентами и культурами, что, однако, на практике вовсе не означает отсутствие

противоречий между ними. Наконец, с системной точки зрения НТП способствовал институционализации международных отношений и кодификации международного права, созданию ООН, как универсальной международной организации, а также специализированных организаций в рамках ее системы, обусловил имеющие место интеграционные процессы, привел к вынужденному поиску приемлемых режимов безопасности. Все исследователи, занимающиеся проблематикой международных отношений и внешнеполитического анализа, в той или иной мере касаются влияния НТП на международные процессы, однако до недавнего времени исследователями не предпринималось масштабных попыток обобщения точек зрения в рамках данного вопроса. В качестве наиболее удачной попытки подобного обобщения следует упомянуть изданную в 2005 г. работу «Политика технологических изменений: международные отношения против внутригосударственных институтов» профессора Массачусетского технологического университета М. Тейлора, в которой проанализированы подходы к НТП представителей различных теоретических школ, таких, как Б. Бьюзан, К. Уолтц, Р. Гилпин, Р. Кеохейн и других, и сформулирован тезис о ведущей роли «технологического» фактора в развитии международных отношений [2, с. 38 – 65].

В качестве **второго** фактора, обусловливающего развитие международных отношений на современном этапе, в работах практически всех исследователей можно выделить нарастающую взаимозависимость субъектов международных отношений. Главная роль в формировании этой взаимозависимости принадлежит комплексному явлению, споры о природе и сущности которого продолжаются по сей день, – глобализации. Если изначально, говоря об истоках этого явления, можно было приписывать ведущую роль в его оформлении все тому же НТП, то на сегодняшний день глобализация является самым главным его стимулом. Сегодня уместнее говорить о признании НТП инструментом глобализации. Именно ей международные отношения обязаны появлением таких новых субъектов, как транснациональные корпорации и региональные интеграционные объединения, которые все активнее влияют на происходящие в международных отношениях процессы. Именно глобализация в конечном итоге привела к эрозии «силового» каркаса, существовавшего в эпоху холодной войны: исчезновение советского блока и крах социалистической модели развития завершил процесс оформления всемирного экономического пространства, в котором ключевую роль в «балансе сил» играет не столько военная, сколько экономическая мощь. Вместе с тем, неотъемлемой спутницей глобализации является тенденция к фрагментарности, вызванная противоречиями внутри этого пространства. В то время как население Запада получает прямую и непосредственную выгоду от глобализации, тезис о ее пользе для большинства развивающихся стран остается дискуссионным. На этом фоне неизбежно происходит обострение культурных противоречий, как естественное противодействие традиционного уклада новым правилам игры и социального устройства, навязываемым извне. Глобализация и фрагментарность порождают такое новое понятие, как «глобальные вызовы» – такие вызовы, с которыми не под силу в одиночку справиться ни одному государству, даже претендующему на роль глобального лидера. Проблемы терроризма, выравнивания пугающей диспропорции между благосостоянием населения развитых и развивающихся стран (что способствует усугублению культурных противоречий), защиты окружающей среды – все они лишь наиболее видимая часть хитросплетения противоречий, вызванных глобализацией.

Наконец, **третий** фактор – организационный или структурный. Следует отметить, что именно ему зачастую отводится ведущая роль в западных внешне-

политических исследованиях при анализе изменений, происходящих в международных отношениях. Организационный фактор невозможно рассмотреть в отрыве от двух предыдущих, с которыми он находится во взаимозависимости. Его суть сводится к тому, что любые процессы находят адекватное структурное отражение в рамках международных отношений путем оформления их в систему, как набор устойчивых тенденций во взаимоотношениях между субъектами. Как правило, смена системы международных отношений обусловлена значительными событиями исключительной важности (прежде всего, войнами), которые приводили к разрушению старых механизмов взаимодействия международных акторов и формированию новых, отвечающих реалиям времени. Следует, однако, отметить, что формирование подобной системы занимает протяженный период времени и носит эволюционный характер. Кроме того, одним из свойств системы является инерционность, то есть даже при ликвидации определенных элементов ее структуры, ведущих к ее неизбежной трансформации в другую систему, она продолжает функционировать. Современное состояние международных отношений и происходящих в них процессов является как нельзя более ярким примером подобной трансформации: распад биполярной системы международных отношений, основанной на «силовом» равновесии между двумя сверхдержавами, является очевидной реальностью, однако большая часть международно-правовых механизмов и институтов, призванных регулировать отношения в рамках этой системы, продолжают функционировать по сей день. Вместе с тем, очевидной становится необходимость пересмотра большей части параметров старой системы, которая больше не соответствует потребностям и интересам субъектов. Именно аспекты того, каким образом должны проводиться эти изменения, в большинстве случаев являются объектом исследования многих западных аналитиков. Современный этап развития международных отношений отличается динамичностью процессов, носящих комплексный характер и охватывающих широкие географические и функциональные рамки.

Эти подходы выходят за национальные рамки, а также за рамки институтов, занимающихся внешнеполитическим анализом. Так, было бы неуместным вести речь о российской или американской школе внешнеполитического анализа или «школе внешнеполитического анализа Брукингского института», так как и на национальном уровне, и на уровне институтов общности исследователей определяются идейными соображениями, а не принадлежностью к стране или институту.

Тем не менее, несмотря на широкое обсуждение в западных исследовательских кругах перспектив дальнейшего развития международных отношений, тема эволюции западных подходов к внешнеполитическому анализу в изменяющихся условиях не является в достаточной степени раскрытой. Попыток полноценного обобщения последних изменений, происходящих в западной внешнеполитической мысли, до сих пор не предпринималось. Учитывая значение внешнеполитического анализу для принятия важнейших решений и выработки стратегии поведения Республики Беларусь на международной арене, данная тема, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении.

1. Богатуров, А.Д. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталев. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – 154 с.
2. Holsti, O. Content Analysis for the Social Science and Humanities / O. Holsti. – Reading, V.A.: Addison-Wesley, 1994. – 120 p.
3. Taylor, Mark Zahary. The politics of Technological Change International Relations versus Domestic Institutions / Mark Zahary Taylor. – Boston: Massachussets Institute of Tehcnology, 2005. – 115 p.

«СИЛА ГОСУДАРСТВА» В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

А.А. Семченко (Одесса)

Согласно современным методикам, потенциал международного влияния рассматривается как совокупность разнообразных средств и ресурсов (финансово-экономических, военно-силовых, политико-дипломатических, демографических), которыми располагает государство для оказания прямого и непрямого воздействия на международную среду и другие государства в своих целях и интересах. В то же время неэффективность каких-либо ресурсов влияния может быть замещена успешными дипломатическими действиями, использованием иных инструментов влияния [3, с. 84 – 85]. Средства и ресурсы влияния определяют силу государства в международной системе. В мировой политике категория силы имеет значение в том случае, если она дает возможность государству оказывать влияние на остальные страны с целью достижения своих целей. Характер источников влияния может со временем меняться. Меняется и понятие силы государства.

Одним из инструментов влияния государства в настоящее время является создание и продвижение положительного имиджа страны как компонента ее «мягкой силы» (soft power), основанной на притягательности ценностей и культуры нации. «Мягкая сила» определяется способностью государства «воздействовать на мировое общественное мнение глубиной и привлекательностью национальной культуры, умением убеждать в своей правоте и завоевывать симпатии в самых разных слоях общественности зарубежных стран» [1, с. 175].

«Мягкая сила» (еще один вариант перевода – «мягкая власть»), охватывает весь комплекс ресурсов и преимуществ государства, существующих вне «жесткой власти» («жесткая сила») (Дж. Най, К. Гаджиев, И. Василенко, И. Радиков, Я. Лексютина и др.). Привлекательность «мягкой власти» можно объяснить тем, что ее осуществление происходит без использования оружия. Использовать механизмы «мягкой власти» гораздо престижнее для государства, нежели прибегать к инструментам «жесткой власти». Поэтому неслучайно крупные государства стремятся к тому, чтобы включить «мягкую власть» в свой арсенал.

Бесспорным лидером в использовании «мягкой силы» стали США. Она стала одним из важных факторов победы США в холодной войне.

Имеются два основных способа повышения эффективности «мягкой власти». Первый – это осуществление различных мероприятий информационного, рекламного и пропагандистского характера с целью улучшения международного имиджа государства. Этот способ содержит три составляющие: публичную дипломатию, государственную дипломатию, программы помощи развитию зарубежных стран и оказание гуманитарной помощи.

Термин «публичная дипломатия» стал известен с середины XX в. Публичная дипломатия представляет собой неофициальную внешнеполитическую деятельность независимых политических акторов, – неправительственных организаций, движений и институтов, – направленную на сохранение мира, развитие и улучшение межгосударственных отношений. Важными формами публичной дипломатии выступают акции солидарности и поддержки, поиск консенсуса, сотрудничество, информационно-просветительская деятельность [2, с. 15].

По мнению приверженцев публичной дипломатии, повысить привлекательность страны возможно благодаря расширению иностранного радиовещания, проведению международных информационных программ, осуществлению программ образовательных и культурных обменов. Результаты публичной дипломатии видны не сразу, однако эффективность ее бесспорна.

Одно из важных направлений деятельности публичной дипломатии – это работа с соотечественниками, находящимися за рубежом. Украинские общины по сравнению с другими мировыми диаспорами, имеют самое большее количество разных общественных объединений (по приблизительным подсчетам – около 3 тысяч). Больше всего их в Канаде – почти тысяча ячеек: политических, культурно-образовательных, профессиональных (объединения врачей, учителей, инженеров, адвокатов), женских, молодежных и т.д.

Авторитетной международной украинской организацией является Мировой Конгресс Украинцев (МКУ), который объединяет около 300 общественных организаций заграничных украинцев в свыше чем 30 странах мира. Международными объединениями являются также Европейский конгресс украинцев (представляет интересы украинских общин в 23 странах, большей частью в Центральной и Восточной Европе), Мировая федерация украинских женских организаций, а также Мировая федерация украинских лемковских объединений. Основным координационным органом мирового украинства является Украинский Всемирный Координационный Совет (УВКС), созданный украинскими общественными организациями Украины и зарубежья в 1992 г. По уставу УВКС является международным союзом объединений граждан, деятельность которой распространяется на территорию Украины и других государств. Позитивно следует отметить деятельность **Open Ukraine** – международного благотворительного фонда, основанного в июле 2007 года по инициативе А. Яценюка для укрепления авторитета Украины в мире и развития публичной дипломатии. Фонд реализует такие программы:

1. «Международный диалог» – направленная на усиление контактов между людьми и углубление понимания украинских социально-политических процессов на международном уровне. Целевая аудитория программы – общественные организации, аналитические центры, СМИ, политическая и деловая элиты. Цель этой программы – обеспечить участие Украины в европейском дискурсе по ключевым политическим, социально-экономическим вопросам и вопросам безопасности. Инструменты программы: Ежегодный Киевский форум по вопросам безопасности, Дипломатический клуб, Семинары за рубежом «Украина в фокусе» на украинскую тематику. Гранты на развитие международного сотрудничества.

2. «**Миграция сегодня»** способствует уменьшению оттока национальных трудовых и интеллектуальных ресурсов за рубежи Украины, повышает дееспособность системы управления миграционными процессами и помощи трудовым мигрантам в регионах через: информационно-юридическую поддержку украинских трудовых мигрантов – поддержку работы контакт-центра при МИД Украины, издание информационных бюллетеней, предоставление правовой помощи в юридических центрах в регионах Украины и за рубежом; аналитические исследования современных тенденций и вызовов миграции, изучение влияния оттока трудовых ресурсов на экономику Украины и европейский рынок.

3. «Культурные горизонты» представляет лучшие образцы современного украинского визуального искусства и литературы в европейском культурном пространстве. Оказывает содействие разработке общих международных культурных проектов. Инструменты программы: книжный фонд (переводы на иностранные языки); гранты на участие в выставках и фестивалях; общие международные художественные мероприятия.

4. «Украинцы за рубежом» – поддержка украинских центров диаспоры, инициатив по сохранению украинского культурного и исторического наследства за рубежом. Содействие выпуску печатных изданий и телерадиопроектов для трудовых мигрантов за рубежом.

5. «Молодые лидеры» – расширяет «пространство изменений» для молодых лидеров. Программа призвана найти практики успешного внедрения изменений в регионах и усилить влияние молодых лидеров (от 22 до 35 лет) на внедрение изменений в Украине [4].

Следует помнить, что эффекты, полученные в результате публичной дипломатии могут легко затмиться непопулярными, признаваемыми другими государствами нелегитимными внешнеполитическими действиями. В качестве примера можно привести США, которые «дискредитировали» свою «мягкую власть» вторжением в Ирак. «Мягкой власти» соответствует такой внешнеполитический курс, который будет соответствовать нормам международного права и не вызывать неприятия у других государств. Так, например, Китай проводит политику, не направленную на вмешательство во внутренние дела других стран, что существенно повысило авторитет этой страны среди развивающих государств мира.

Несомненно, что репутация государства улучшается, если государство участвует в оказании помощи странам мира, которая содействует не только налаживанию отношений между государствами, формированию позитивного имиджа государства-донора в общественном сознании граждан государства-реципиента, но и повышению авторитета в международном сообществе.

Украина также предоставляет гуманитарную помощь нуждающимся странам. Так, например, 26 сентября 2012 г. президент В. Янукович поручил Кабмину обеспечить через механизмы ООН предоставление гуманитарной помощи Сирии. 7 ноября 2012 г. Кабинет министров выделил МЧС 1 млн. грн. на предоставление гуманитарной помощи отдельным странам региона Ближнего Востока.

Второй способ повышения эффективности «мягкой власти» – это не намеренная реклама достижений, как в первом случае, а их реальное увеличение. Речь идет о развитии национальной культуры и науки, создании успешной экономической модели, утверждении справедливого общества, реализации внутренней политики, пользующейся одобрением со стороны собственных граждан, проведении мирной внешней политики, сотрудничестве с другими государствами в целях решения транснациональных проблем, проведении миротворческих акций и пр. Эти достижения являются объективным показателем «мягкой силы» государства».

Важным является то обстоятельство, что степень влияния «мягкой силы» государства определяется его реальной комплексной национальной мощью. Ее повышения можно добиться благодаря деятельности по улучшению имиджевых характеристик. Таким образом, государство имеет возможность высветить в качестве привлекательных свои желаемые, а не действительные достижения.

1. Глаголев, В.С. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. Учебное пособие / В.С. Глаголев, Н.И. Бирюков, Н.Н. Зарубина, Т.В. Занова, А.Н. Самарин, М.В. Силантьева. – М.: Проспект, 2012. – 216 с.
2. Коломенский, М.А. Формирование внешнеполитического имиджа современной России (2000 – 2007 гг.) : автореф. дис … канд.. полит. наук по спец. 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии / М.А. Коломенский. – М., 2008. – 24 с.
3. Мельвиль, А.Ю. Российская внешняя политика глазами экспертного сообщества / М.В. Ильин, Б.И. Макаренко, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, В.М. Сергеев, И.Н. Тимофеев // Полис. – 2009. – № 4. – С. 84 – 98.
4. Официальный сайт Посольства Украины в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.ua/russia/ru/29416.htm. – Дата доступа: 13.03.2013.

AD HOMINEM: О НЕОБХОДИМОСТИ «АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА» В НАУКАХ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В.И. Сальников (Воронеж)

Как сказал известный антрополог К. Леви-Строс: «XXI век будет веком гуманитарных наук – или его не будет вовсе». И, действительно, под влиянием техногенной цивилизации, с ее дигитализацией, виртуализацией, технологизацией всего и вся, засильем общества потребления жизнь человечества все более деонтологизируется, лишается трансцендентных смыслов – даже появился такой термин – «постчеловеческое общество» [8]. Поэтому ряд ученых говорит о необходимости «антропологического поворота», позволяющего увидеть человека не как множество индексных показателей, а, прежде всего, как действующего субъекта истории и как «меру всех вещей». Применительно к международным отношениям это означает дополнение государствоцентричного и социоцентричного подходов к их интерпретации и построению подходом антропологическим, рассматривающим эти отношения в соответствии с принципом ad hominem – т.е. с позиций человека и в интересах человека. Что здесь имеется в виду?

Во-первых, связь природы человека с природой международных отношений. Здесь до сих пор «ломают копья» сторонники эгоистической природы человека, обуславливающей анархизм международных отношений (реалисты), и те, кто верит, что можно создать «справедливый миропорядок»: эволюционным путем – через достижение «вечного мира» посредством международных правовых и политических институтов (либерально-идеалистическая парадигма), либо революционным путем прийти к торжеству социализма и преодолеть поляризующую логику глобализации (марксисты и неомарксисты). Поэтому комплексное рассмотрение этой взаимосвязи во всех ее противоречиях должно быть включено в число задач теории и философии международных отношений.

Во-вторых, личностные особенности, тех, кто принимает решения в области международных отношений, их проектирует и строит. Речь здесь идет о различных элитах: политических, административных, интеллектуальных, бизнес-элитах и др., в той или иной степени являющихся непосредственными участниками международных отношений. Здесь недостаточно описать их биографии и показать их вклад в развитие системы международных отношений – важно понять причины превращения этих людей в исторические личности и установить степень связи их личностных особенностей с теми конструктами системы международных отношений, которые они пытались или пытаются реализовать.

В-третьих, человеческие качества масс людей, не являющихся непосредственными участниками международных отношений, но включенных в состав их макросубъектов (народов, государств, региональных и локальных общностей). Эти качества фиксируют их представления о себе, своем месте в мире и собственной «исторической миссии»; склонность или несклонность к быстрым переменам; умение уживаться с другими общностями; готовность или неготовность к жертвам или компромиссам; степень воинственности и др. [2]. Особенности развития этих качеств помогают, либо мешают формированию международной субъектности сообщества; способствуют, или же, наоборот, препятствуют выбору того или иного внешнеполитического курса. Стоит обратить внимание и на изменение социального контекста существования человека под влиянием международных отношений. Здесь есть обширное поле работы для этнических и социальных психологов, исследующих национальные характеры, для социологов и политологов, изучающих процессы социальной трансформации, особенно усилившиеся в эпоху глобализации, для социологов международных отношений и не только для них.

Отсюда возникает потребность в исследовании «человека международного» как самостоятельного социального типа и взращивании самостоятельной ветви гуманитарного знания – антропологии международных отношений и мировой политики, которая бы как научная дисциплина исследовала детерминирующее воздействие человека на международные отношения и мировую политику, а также мировых отношений на человека. В теоретико-методологическом и практическом плане такая дисциплина должна ориентировать на гуманизацию самих этих отношений и определяемых ими сфер человеческого бытия [2].

Но что такое человек? Ведь он говорит и мыслит в пространстве конкретного языка, имеет сформированную социумом «картину мира», его характер формируется не только под влиянием генетики, но и социального окружения. Поэтому антропологический подход необходимо дополнить социокультурным и цивилизационным подходами, что позволило бы вписать тех или иных индивидов в общности более высокого уровня организации – локальные, этнические, национальные, региональные, цивилизационные, глобальные, вливаясь в которые отдельные индивиды становятся их частью, включаясь через их институты, в том числе и в систему международных отношений.

Что касается *социокультурного подхода*, основы которого заложили М. Вебер, П.А. Сорокин, Н. Элиас, то:

1. Он рассматривает общество как единство культуры и социальности, где человек является единицей общества, творцом и одновременно продуктом культуры, формирующей паттерны социального поведения людей и создающей то «гравитационное поле», которое помогает обществу объединять людей, а людям – жить в обществе, развивая его и себя.

2. Он интегрирует такие измерения человеческого бытия как тип соотношения личности и общества, характер культуры и тип социальности, представляющие собой «типы антропосоциетального соответствия».

3. Данная комплексная взаимосвязь позволяет рассматривать социальные, экономические, политические и иные процессы в социокультурном единстве, которое является основой для методологии исследования как различных социокультурных констант (паттерн, менталитет, национальный характер, цивилизационный тип и др.), так и для исследования процессов социокультурной динамики, тесно связанных с трансформационными процессами.

4. Применение этого подхода к исследованию международных отношений позволило бы проанализировать связь международной системы и ее социокультурной среды, включающей «типы антропосоциетального соответствия», «внешнеполитический менталитет» и подверженную динамике.

Особенностью *цивилизационного подхода*, основы которого были заложены в трудах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя, С. Хантингтона, является то, что его сторонники делают акцент на взаимосвязи экономики, политики, права, культуры, социальных отношений. В силу чего развитие политики, экономики, права, культуры не могут рассматриваться отдельно, но только в комплексе. Этот подход активно применяется и при исследовании международных отношений, где существуют различные трактовки понятия «цивилизация».

Применительно к современной системе международных отношений, с позиций данного подхода мы можем говорить и о том, что она трансформируется вместе со становлением постиндустриальной цивилизации, и о том, что закончилось противостояние капиталистической и социалистической «Мир-систем» при сохранении противостоянии Севера и Юга, и о столкновении локальных цивилизаций, и о необходимости противопоставить формирующемуся антигуманному новому мировому порядку, закрепляющему господство «золотого миллиарда», более справедливое мироустройство. Однако, несмотря на концептуальную про-

тиворечивость и на отсутствие единства в понимании сущности современной цивилизации, обусловленное не только научной, но и мировоззренческой позицией ученых, применение данного подхода в значительной степени обогащает теорию международных отношений, комплексно рассматривая экономику, политику, право, культуру, социальные отношения и привнося в нее ценностное измерение.

Отрадно видеть, что наши ученые-международники все более активно используют принцип ad hominem. Что касается российских ученых, то кроме Э.Я. Баталова и его «Антропологии международных отношений», стоит также отметить П.А. Цыганкова, неплохо проиллюстрировавшего «картины мира» представителей «канонических» и «неоканонических» парадигм [11, с. 105 – 166], С.В. Чугрова, давшего понятие «внешнеполитический менталитет» и предложившего методологию его изучения [12], И.А. Василенко, эффективно применяющей цивилизационную парадигму в глобальном политическом анализе [4] и исследующей национальные и цивилизационные особенности ведения международных переговоров [5] … Нельзя не упомянуть и позитивный опыт применения цивилизационного подхода при анализе факторов, влияющих на выбор внешнеполитической стратегии [6], при обосновании стратегии международной интеграции [7], при построении модели «диалога цивилизаций» как альтернативы их столкновения [10], при оценке конфликтологического потенциала «прав человека» [1] … Умелое сочетание антропологического, социокультурного и цивилизационного подходов проявляется в работах, посвященных анализу влияния стратегии «мягкой силы», информационных технологий, социальных сетей и публичной дипломатии на мировую политику [3], некоторых аспектов деятельности негосударственных акторов международных отношений [9].

Все это вселяет надежду на то, что «антропологический поворот» в теории международных отношений со временем приведет к более гуманной и миролюбивой мировой политике, направленной на построение более справедливого миропорядка для всех жителей планеты Земля через диалог культур и цивилизаций.

1. Атоян, В.В. Конфликтогенный потенциал универсальных ценностей / В.В. Атоян // Вестник Московского университета. Серия 12. – Политические науки. – 2012. – № 3. – С. 59 – 62.
2. Баталов, Э. Антропология международных отношений / Э. Баталов // Международные процессы [Электронный ресурс]. – 2005. – Т.3. – № 2(8). – Режим доступа: http://www.intertrends.ru/seven/001.htm. – Дата доступа: 10.03.2013.
3. Бережная, М. Информационная составляющая публичной дипломатии / М. Бережная // Дипломатическая служба. – 2012. – № 6. – С. 36 – 43.
4. Василенко, И.А. Политическая глобалистика: учебное пособие для вузов / И.А. Василенко. – М.: Логос, 2000. – 360 с.
5. Василенко, И.А. Искусство международных переговоров в бизнесе и в политике: учебное пособие / И.А. Василенко. – М.: Научная книга, 2009. – 302 с.
6. Громыко, А. Цивилизационные ориентиры во взаимоотношениях России, Евросоюза, США / А. Громыко // Свободная мысль – XXI. – 2007. – №8. – С. 68 – 77.
7. Егоров, В. Общая культурно-цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского общества / В. Егоров, О. Смирнова // Обозреватель – Observer. – 2012. – № 12. – С. 42 – 51.
8. Наше постчеловеческое будущее // НГ – наука [Электронный ресурс]. – 2006. – 24 мая. – Режим доступа: http://www.ng.ru/science/ 2006-05-24/15_future.html. – Дата доступа. – 15.03.2013.
9. Садыгова, Э. Проблемы межцивилизационного взаимодействия и негосударственные акторы в современных международных отношениях / Э. Садыгова // Международная жизнь. – 2012. – № 4. – С. 109 – 122.
10. Следзевский, И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики / И.В. Следзевский // Общественные науки и современность. – 2011. – №2. – С. 141 – 156.
11. Цыганков, П.А. Теория международных отношений: учебник / П.А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2007. – 557 с.
12. Чугров, С.В. Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения / С.В. Чугров // Полис. – 2007. – №4. – С.46 – 65.

ТЕОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИНТЕРГОВЕРНМЕНТАЛИЗМ

О.П. Рубо (Минск)

Либеральная парадигма позволяет наилучшим образом объяснить европейскую интеграцию и формирование общей внешней политики Европейского Союза. С одной стороны либералы имеют более гибкий подход, по сравнению с реалистами, к вопросам мировой политики, учитывая роль наднациональных институтов, с другой стороны они смотрят более оптимистично на перспективы межгосударственного сотрудничества, и, соответственно, более готовы признать успех Европейского Сообщества и Европейского Союза [1, p. 31 – 32]. Согласно либеральной парадигме экономические интересы и возрастающая экономическая взаимозависимость почти автоматически ведут к более тесному межгосударственному сотрудничеству и созданию межгосударственных институтов, т.к. государства заинтересованы в решении вопросов путем совместных действий и стремятся к созданию международных режимов, передавая часть полномочий межгосударственным институтам. Национальные интересы (и, следовательно, внешнеполитические цели) формируются на основе индивидуальных предпочтений и определяются в первую очередь экономическими факторами, а не геополитическими интересами. С этой точки зрения, предпочтения ЕС детерминируются конкурирующими экономическими интересами государств-членов и негосударственными экономическими акторами (например, транснациональными компаниями). Предпочтения внутренних акторов Евросоюза также обусловлены экономическими интересами. Соответственно, внешняя экономическая политика определяет план действий ЕС во внешней политике и политике безопасности [4, p. 37].

В итоге развития либеральных концепций в 1990-е гг. была сформирована теория либерального интерговернментализма Э. Моравчика (или либеральный межправительственный подход). Он разработал концептуальную структуру, которая основывается на трех ступенях: на формировании национальных предпочтений, межгосударственных переговорах и выборе международных институтов.

Первая ступень затрагивает формирование национальных предпочтений, подчеркивая при этом доминирующее положение государств-членов в европейском процессе принятия решений. В рамках Евросоюза государства действуют как основные рациональные акторы, и национальные интересы государств- членов имеют, в первую очередь, экономическую основу [4, p. 38]. Моравчик утверждает, что рациональное поведение государства не вытекает из постоянных предпочтений, к которым относятся благосостояние, безопасность, могущество и т.д., а проявляются лишь благодаря динамическим политическим процессам во внутренней политике. Национальные интересы, возникают в результате внутренних политических конфликтов, т.к. социальные группы конкурируют за политическое влияние и за признание их интересов правительством. Соответственно, понимание внутренней политики служит предпосылкой для анализа стратегического взаимодействия между государствами [2, p. 481].

Эмпирический анализ, проведенный Моравчиком, подтверждает, что предпочтения национальных правительств относительно европейской интеграции во многом отражали конкретные экономические интересы, и геополитические интересы лишь иногда играли важную роль [3, p. 70]. На второй ступени Моравчик уделяет внимание межгосударственным переговорам. Основоположник либерального интерговернментализма утверждает, что соглашения на этом уровне являются результатом асимметричной взаимозависимости, другими словами, результаты межгосударственных переговоров определяются национальными предпочтениями и переговорной силой государств. Те акторы, которые наименее заинтересованы в

конкретном соглашении, способны угрожать другим акторам своим отказом от сотрудничества и, тем самым, заставить их пойти на уступки. Но также те государства-участники переговоров, которые имеют больше информации о предпочтениях других участников и работе институтов в целом, могут оказывать влияние на результаты переговоров в свою пользу [3, p. 71]. Национальные правительства ЕС вступают в процесс межправительственных переговоров для достижения своих национальных целей. Они могут проявить инициативу и достичь договоренности в переговорах с относительно небольшими ограничениями [2, p. 515].

Следует отметить, что Моравчик рассматривает первую ступень – формирование национальных предпочтений как политику спроса и вторую ступень – межправительственные переговоры, разрабатывающие возможные действия в ответ на спрос, как политику предложения. Соответственно, внешнеполитическое поведение государств отражает взаимодействие спроса и предложения [2, p. 481].

Третья ступень аналитической концепции, предложенной либеральным интерговернментализмом, рассматривает процесс выбора международных институтов. Институты помогают государствам добиться положительных результатов за счет снижения трансакционных издержек посредством проведения международных переговоров по конкретным вопросам, а также путем предоставления информации, необходимой для снижения неопределенности государства относительно предпочтений и поведения других участников [3, p. 72]. Международные институты позволяют повысить эффективность межгосударственных переговоров.

Моравчик утверждает, что международные переговоры и институты изменяют внутренний контекст за счет перераспределения политических ресурсов. Перераспределение контроля над внутренними политическими ресурсами в целом благоприятствует тем, кто непосредственно осуществляет контроль за эффективностью участия государства в международных переговорах и институтах. Это, как правило, руководители государств. И такой сдвиг способствует расширению международного сотрудничества [1, p. 33]. Другими словами, передавая определенные полномочия наднациональным органам, европейские правительства укрепляют свои позиции, поскольку они получают дополнительные ресурсы по сравнению с внутренней оппозицией. Это связано с тем, что национальная политика государства, одобренная через европейские институты, имеет большую легитимность, и, к тому же, возрастает доверие граждан к реализации общеевропейской политики (в данном случае внешней политики) [2, p. 505].

Соответственно, интеграция представляет собой процесс строгого правительственного планирования и происходит только тогда, когда правительства стран заинтересованы в присоединении к наднациональной стратегии и, тем самым, намерены усилить свой контроль за решением определенных вопросов [1, p. 33]. В этом отношении, внешняя политика остается вне интегрированной структуры «сообщества», которая определяется, прежде всего, денежно-кредитной или торговой политикой, и остается строго отделенной от интеграции в целом. Однако, как только обязательства на себя взяты, то уже трудно от них отказаться, что делает внешнюю политику ЕС важной составляющей сотрудничества стран-членов ЕС [1, p. 34]. Таким образом, договорные нормы по результатам межправительственных конференций во внешнеполитической сфере обязывают партнеров соблюдать достигнутых однажды договоренностей.

1. Andreatta, F. Theory and the European Union's International Relations / F. Andreatta // International Relations and the European Union / C. Hill and M. Smith (et oth.). – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 18 – 38.
2. Moravcsik, A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach / A. Moravcsik // Journal of Common Market Studies. – 1993. – Vol. 31, No. 4. – P. 473 – 524.

3. Moravcsik, A. and Schimmelfennig F. Liberal Intergovernmentalism / A. Moravcsik and F. Schimmelfennig // European Integration Theory/ A. Wiener, T. Diez (et oth.). – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 67 – 87.
4. Stumbaum, M.-B.U. The European Union and China: Decision-Making in EU Foreign and Security Policy towards the People's Republic of China / M.-B.U. Stumbaum. – Berlin: Nomos, 2009. – 250 p.

ИНТЕРЕСЫ И ИДЕИ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

И.В. Максименко (Одесса)

В современной системе международных отношений, которую все чаще определяют как пост-Вестфальская, государство остается ключевым актором этой системы, по-прежнему определяя ее основные параметры. Не менее значимую роль национальные государства продолжают играть в современных интеграционных процессах. Теории европейской интеграции по-разному оценивают влияние государства на развитие интеграционных процессов, опираясь, главным образом, на анализ интересов и идей в качестве движущих сил интеграции.

Либеральный интерговерментализм опираясь на рационалистический подход, сходит из того, что в процессах европейской интеграции государство является высшим центром принятия решений; оно принимает решение о передачи и передает часть своих суверенных полномочий на наднациональный уровень для достижения определенных целей своей политики. При этом деятельность акторов осуществляется в двух измерениях. В первом измерении политические лидеры стран объединяют интересы внутренних кругов, а также свои собственные интересы, и затем формулируют национальные преференции относительно европейской интеграции. Во втором – правительства озвучивают свои позиции во время межправительственных переговоров, где окончательные соглашения отражают относительную силу каждого государства-члена и где наднациональные институты не испытывают практически никакого случайного воздействия. Поэтому интеграция в рамках ЕС представляет интерес для национальных государств только в том случае, если она усиливает их контроль над внутренними делами, то есть через интеграцию государства усиливают свои собственные позиции. Такой подход позволяет национальным государствам сохранять определенную гибкость в отстаивании национальных интересов и преференций в кризисных ситуациях.

Э. Моравчик и М. Поллак уверены, что роль идей в процессах выбора политической стратегии, конкретных интересов, специфической политики и европейской интеграции, которая формируется более общими и коллективными идеями или дискурсами, является очень скромной; идеи не учитывают того факта, что интересы конструируются в «исторически особых обстоятельствах», а политики, стратегии и даже приоритеты актеров определяются взаимодействием с внешней средой и, более того, такое взаимодействие изменяется во времени и пространстве в соответствии с запутанной социальные взаимодействия [7; 8, с. 5]. Поэтому, по мнению Э. Моравчика, «идеи являются причинно побочными явлениями более фундаментальных и основополагающих факторов влияния на поведение государств» [10, с. 181].

Несколько иной подход к роли национального государства, идей и интересов предлагает социальный конструктивизм. Представители конструктивизма указывают, что государства как динамические агенты рассматривают себя и других акторов в контексте взаимодействия, что они являются социально конституированными и «эндогенными к сотрудничеству» [9, с. 173; 10, с. 60 – 62]. Государства как агенты структуры международной политики находятся в зависимости от

нее, а также влияют и изменяют эту структуру в процессе своих действий. Также агенты испытывают влияние структуры, что дает им возможность пересматривать свои интересы. [3, с. 613]. Представители конструктивизма утверждают, что позиции политических акторов ЕС и их идентичность формируется не только с помощью рационалистического поиска национальных или собственных интересов, но и собственно через процесс переговоров, особенно в контексте давления для поиска или достижения компромисса. Т. Кристиансен и М. Финемор подчеркивали, что нормы, идеи и правила, которые вырабатываются в процессе взаимодействия с другими агентами, формируют самих агентов и их потребности, их поведение и идентичности, а также конструируют особый образ и стиль ЕС в современной системе международных отношений [4, с. 128; 10, с. 2]. Именно идеи, взаимные ожидания, конструируемые идентичности во времени и пространстве, доминантный дискурс и процесс коммуникативных действий – все это лежит в основе европейской интеграции.

Итак, либеральный интерговерментализм при анализе европейской интеграции исходят из того, что интересы и идентичности являются заданными и рациональными, политические акторы просчитывают затраты и выгоды тех или иных действий, а затем принимают решение, опираясь на собственные подсчеты. Представители конструктивизма утверждают, что позиции политических акторов ЕС и их идентичность формируется не только с помощью рационалистического поиска национальных или собственных интересов, но и собственно через процесс переговоров, особенно в контексте давления для поиска или достижения компромисса, в основе которых лежат идеалистические ожидания.

Рассматривая в практической плоскости роль государства в европейской интеграции, целесообразно остановиться на «Большой Тройке» ЕС – Великобритании, Германии и Франции, которые и определяли основные направления и форматы развития интеграционных процессов в Европе. Их позиции в рамках ЕС определяются следующими факторами:

- это единственные члены ЕС, которые воспринимаются как глобальные акторы. Их лидирующие позиции в ЕС определили направление развития общей европейской валютно-экономической и внешней политики, процессы расширения и институционального развития. В то же время они способны действовать самостоятельно с той или иной степенью эффективности, пользуясь собственным влияниям в других международных институтах (СБ ООН, НАТО, G8), а также системой традиционных внешнеполитических связей.

- осознание факта своего лидерства в ЕС и значения для сохранения жизнеспособности «Европейского проекта». Особенно это касается Великобритании и Франции, которые дискурсивно опираются на исторические факты (бывшие великие империи), статус ядерного государства, представительство во всех ведущих международных институтах, традиции дипломатического и экономического лидерства, идеи о французской и англо-саксонской исключительности, что закрепляет межправительственный подход в рамках ЕС, особенно в сфере ОВПБ (персональные инициативы, высказанных в то же время от лица ЕС, бывшего президента Франции Н. Саркози (как председателя Совета СЕ) по урегулированию российско-грузинского конфликта 2008 г., российско-немецкий диалог по урегулированию Приднестровского конфликта, французско-британская военная кампания в Ливии в 2011 г.

Анализируя место интересов и идей в евроинтеграционной политики Великобритании, Германии и Франции, можно выделить тесную взаимосвязь и взаимозависимость национальных интересов или же идей, базирующиеся на на-

циональных интересах, с идеалистическими подходами. Например, если интеграция второй половины XX в. воспринималась как свободный выбор, то на данном этапе развития международной системы она характеризуется как необходимость. Преобладание интересов в национальных подходах «Большой Тройки» прослеживается в стремлении объединить силы для социального и экономического восстановления европейских стран после Второй мировой войны, обеспечить политическое выживание в период глобального противостояния двух систем; на современном этапе это выражается в объединении усилий для противостояния новым глобальным трендам: распространение глобализации, экономическая взаимозависимость, ослабление роли государства в контроле за экономическими и социальными факторами, демографическая проблема и снижение военных расходов, растущее влияние БРИКС, а также фактор неделимости безопасности.

Однако в основе многих политических решений и инициатив «Большой тройки» эксперты выделяют идеалистические побуждения: сама идея европейской интеграции базировалась на идеях гуманизма, в том числе идеи французской революции – свобода, братство, равенство, права человека, которые нашли отражение в некоторых «конструктах европейского единства»; попытки политического единства опираются на тезис о необходимости стать источником третьего отличного от американского голоса или даже силы в международных отношениях, что отражало особенности французского подхода к европейской безопасности; углубление экономического и валютного сотрудничества – создание ЭВС и введение евро также опиралось на идею лидирующей роли ЕС в глобальном измерении как дань глобальным политическим амбициям Германии и Франции; расширение также базировалось в значительной степени на идеалистичных утверждениях Лондона и Берлина: объединение Европы, предание забвению последствий Ялтинской конференции, ответственности за Восточную Европу и дальнейшую судьбу объединенной Европы т.д.; даже реализация ОВПБ ЕС представляет для всех его членов – больших и малых, влиятельных и не очень – возможность реализовать идею управлять международными реалиями, выступать на равных на мировом рынке, обеспечивать собственную безопасность и даже сохранять как можно больше своей независимости [1; 2; 5; 11].

Таким образом, идеи и интересы национальных государств играют важную роль в процессах европейской интеграции. Они являются взаимодополняющими факторами, которые актуализируются или отходят на второй план в различные периоды развития ЕС – кризиса или расцвета. Сегодня объединенная Европа находится перед лицом серьезного финансового и социального кризиса, который окажет серьезное влияние на будущее Союза. Возможно, предыдущий опыт преодоления кризисов поможет ЕС и в этот раз найти консолидирующие идеи и интересы, которые выведут объединение не только из кризиса, но и усилят его позиции в новой архитектуре международных отношений.

1. Лукин, В.П. «Центры силы»: концепции и реальность / В.П. Лукин. – М.: Междунар. отношения, 1983. – 256 с.
2. Allen, D. The Common Foreign and Security Policy / D. Allen // The Oxford Handbook of the European Union / Edited by E. Jones, A. Menon, S. Weatherill. – Oxford, 2012. – P. 643 – 658.
3. Diez, T. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering «Normative Power Europe» / T. Diez // Millenium – Journal of International Studies. – 2005. – Vol. 33, №3. – P. 613 – 636.
4. Finnemore, M. National Interests in International Society / M. Finnemore – Ithaka and London: Cornell University Press, 1996. – 154 p.
5. Marcussen M. Constructing Europe? The Evolution of Nation-State Identities / M. Marcussen, T. Risse, D. Engelmann-Martin, H.J. Knopf, K. Roscher // The Social Construction of Europe / ed. by T. Christiansen, K.E. Jorgensen, A. Weiner. – London: Sage, 2001. – P. 101 – 120.

6. Moravcsik, A. Constructivism and European Integration: A Critique / A. Moravcsik // The Social Construction of Europe / ed. by T. Christiansen, K.E. Jorgensen, A. Weiner. – London: Sage, 2001. – P. 176 – 188.
7. Moravcsik, A. Why the European Community Strengthens the State: Domestic Politics and International Cooperation / A. Moravcsik // Harvard Center for European Studies Working Papers 52. – 1994. – 78 p.
8. Pollack, M.A. International Relations Theory and European integration / M.A. Pollack // European University Institute Working Papers. – 2000. – № 55. – 30 p.
9. Rosamond, B. Theories of European Integration / B. Rosamond – New York: St. Martin's Press, 2000. – 231 p.
10. The Social Construction of Europe / ed. by T. Christiansen, K.E. Jorgensen, A. Weiner. – London: Sage, 2001. – 248 p.
11. Vercauteren, P. European Integration and the Crisis of the State / P. Vercauteren // Queen's Papers on Europeanisation. – 2001. – № 7. – 18 p.

К ИСТОКАМ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА США: ОБЩЕСТВО И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА (ПАМФЛЕТ Т. ПЕЙНА «ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ»)

Д.В. Дорофеев (Симферополь)

В конце 1774 г. на американский берег в Филадельфии сошел Т. Пейн – 37-летний британец, уроженец графства Норфолк, который последовав совету Б. Франклина, переселился в Британскую Америку. Именно в «Новом свете» начался стремительный взлет его карьеры. Работая редактором в только что открывшемся в январе 1775 г. журнале «Pennsylvania Magazine» – периодическом издании, отстаивавшем позицию патриотического толка, – Т. Пейн проявил себя способным к политической эссеистике, поэтому один из выдающихся отцов-основателей, член американской революционной организации «Сыны свободы» Б. Раш предложил ему опубликовать его политические воззрения [2, p. 21 – 22, 311].

Кропотливая работа охватила практически всю осень 1775 г., и 10 января 1776 г., за свои собственные сбережения в филадельфийском издательстве Р. Белла, Т. Пейн публиковал на 79 страницах памфлет под названием «Здравый смысл» тиражом в 1 тыс. экземпляров. В последующие дни января и февраля 1776 г. «Здравый смыл» был неоднократно переиздан и уже не только в Филадельфии, но и в Нью-Йорке, Бостоне, Провиденсе. Практически, 120 тыс. экземпляров всех тиражей памфлета начала 1776 г. были раскуплены на протяжении зимних и весенних месяцев. Полученные деньги от продажи книги были направлены на революционные нужды [2, p. 278].

Концептуальной основой рассуждений Т. Пейна о внешней политике Соединенных Колоний являлся тезис о необходимости отделения от Великобритании и провозглашении независимости. Выход из состава Британской Империи был обусловлен двумя причинами: «… всякое подчинение Великобритании или зависимость от нее грозят непосредственно втянуть наш континент в европейские войны и распри, и ссорят нас с нациями, которые иначе искали бы нашей дружбы и на которых у нас нет ни зла, ни жалоб» [3]. Приведенная мысль Т. Пейна ставит вопрос: если вероятное ведение в будущем боевых действий европейскими государствам на североамериканском театре военных действий являлась реальной угрозой, то тяготы этого процесса для еще необъединенных колоний были всего лишь одним из возможных сценариев развития будущего. Утверждение о том, что британская юрисдикция мешает развитию отношений с европейскими государствами, которые дружественно настроены по отношению к Соединенным Колониям, преподносилась Т. Пейном в несколько надуманной форме.

Не давали рассуждения автора памфлета ответ и на такой вопрос: если образование первого независимого государства в Западном полушарии должно было оказать воздействие на мощь Великобритании, то, как ослабление этой империи отразилось бы на балансе сил в регионах двух полушарий? Создавая иллюзию успеха от провозглашения независимости и ведения внешней политики, Т. Пейн приводил весьма слабо аргументированные доводы. В частности, им утверждалось: «Поскольку Европа является нашим рынком, нам не следует вступать в предпочтительную связь с какой-либо ее частью» [3]. Данный тезис создавал необъективную картину реальности, так как Т. Пейн изображал европейский рынок сбыта товаров как рынок, в котором отсутствует иерархии государств, с которыми у североамериканских колоний нет предпочтения в развитии экономических отношений. Такая интерпретация была призвана отвлечь внимание общественности колоний от исторически сложившегося положения: подавляющая часть экспорта колоний приходилось на Великобританию. При этом Т. Пейн совершенно не рассматривал вопрос о том, что после провозглашения независимости, главным экономическим партнером для североамериканского государства станет его бывшая метрополия. Это обстоятельство упускалось из рассуждений автором памфлета.

Не раскрыл Т. Пейн и содержание идеи о «дружбе» с нациями, «… на которых у нас нет ни зла, ни жалоб» [3]. Великобритания явно была не одна в списке государств, к которым Соединенные Колонии имели претензии. К этой группе относились Франция, Испания, угрожавшие британским владениям. По сути, за исключением республиканской Голландии и Швейцарии, все монархические государства Европы, априорно попадали в разряд стран, представлявших угрозу Соединенным Колониям из-за неправильной, т.е. монархической, формы правления.

Умалчивание Т. Пейном этих проблем демонстрирует заангажированность его позиции: велика вероятность того, что, скрывая от общественности полноту картины международных угроз, им ретранслировалась часть тезисов сторонников отделения от Великобритании, которые принимали участие в работе Второго Континентального Конгресса. Умышленное введение суждений об абстрактных государствах, которые стремятся развивать отношения с Соединенными Колониями, выступало всего лишь тезисом, усиливавшим аргументацию о необходимости выхода из состава Британской империи.

Абстрактность подтверждается ограниченностью представления Т. Пейна и о нейтральном статусе Соединенных Колоний в грядущих войнах: «Очередная война может обернуться не так, как последняя, и тогда нынешние адвокаты примирения будут ратовать за отделение, так как нейтралитет в этом случае послужит более надежным конвоем, чем военный корабль» [3]. Подчеркнутый акцент на самой войне и на нейтральном статусе, не были наделены содержанием и объяснены прогнозом о том, как сложится ситуация после войны для провозгласивших независимость колоний Британской Америки. Это сегмент будущего и анализа нейтралитета полностью не преподносился читателю памфлета.

По-сути, замысел автора памфлета сводился к тому, что неопределенность и сомнение относительно будущего, сопряженного с международными угрозами отделения от Великобритании, не должны были привнести дополнительные сложности в и так напряженный политический климат тринадцати колоний. Организация массовой поддержки действиям «патриотов» должна была свести к минимуму угрозу ее неэффективности из-за негативной оценки американской общественностью международных угроз.

С точки зрения концептуально новых идей, Т. Пейн не предложил ничего нового. При этом, обратить внимание следует и на историческое время публика-

ции работы: на рубеже 1775 – 1776 гг. сложилась острая необходимость у представителей лагеря Патриотов заручиться массовой поддержкой населения Соединенных Колоний. Она являлась следствием необходимости формирования выгодного патриотам состояния общественного мнения, что, в конечном счете, помогло повысить степень эффективности в организации вооруженного сопротивления британским военным силам. Также публикация памфлета позволила сбалансировать враждебную пропаганду лоялистов, которая разрушала единство позиций общественности и элитарных кругов, особенно, Нью-Йорка, Пенсильвании, Нью-Джерси, Делавэра, относительно понимания общих целей. Содержание памфлета представило не просто общую позицию для тринадцати колоний, но и сформировало метаязык коммуникации между политической элитой и большей частью населения. Это давало возможность достичь относительный консенсус в понимании необходимости провозглашения независимости, международных угроз и ведения внешней политики. Поддержка населением колоний идеи вступления в отношения с иностранными державами открыла возможность делегатам Второго Континентального Конгресса принять решение о начале внешнеполитической действий: 1 – 3 марта 1776 г. этим институтом было принято решение об отправлении во Францию с секретными поручением С. Дина, которого традиционно считают в научной литературе первым американским дипломатом.

Написание и публикация памфлета «Здравый смысл» Т. Пейна создали прецедент. Для мобилизации общественной поддержки формирования и реализации внешней политики Соединенных Штатов закладывается традиция публикации интеллектуальных работ, авторы которых популяризируют выгодные для политических сил и государственных институтов оценки внешнеполитического курса. Следуя этой логике, в США с определенной периодичностью появляются работы, которые освещают внешнеполитические проблемы с целью формирования необходимого состояния общественного мнения. В одном ряду с памфлетом «Здравый смысл» находятся такие произведения, как «Записки Федералиста» (1787 – 1788 гг.) [1], «Pasificus» (1793 г.), «Helvedius» (1793 – 1794 гг.) [4].

В результате проведения исследования были сделаны следующие выводы.

1. Провозглашение независимости и развития отношений с европейскими державами были аргументированы Т. Пейном ограниченно. Им создавался иллюзорный, бесконфликтный формат отношений Соединенных Колоний с Францией, Испанией в будущем. Одновременно, занижалась роль Великобритании в безопасности возникавшего североамериканского государства.

2. Т. Пейн необъективно обосновал международную угрозу Соединенным Колониям из-за их пребывания в составе Великобритании. Сделав акцент на британском измерении, им была искажена историческая реальность международных процессов середины 70 – гг. XVIII в.: им не была поставлена проблема угрозы экспансии европейских держав в Западном полушарии и воздействия этого процесса на интересы Соединенных Колоний. Данное «упущение» возникло вследствие политически обусловленных мотивов позиции Т. Пейна, которые отвечали интересам нереальной исторической ситуации, а соответствовали интересам части политической элиты североамериканских колоний, боровшейся за провозглашение независимости от Великобритании.

3. Уже в колониальный период истории внешней политики США закладывается принцип манипуляции состоянием общественного мнения американского общества по вопросам внешней политики. Публикация памфлета «Здравый смысл» оказала воздействие на принятие в начале марта 1776 г решения делега-

тами Второго Континентального Конгресса по отправлению во Францию миссии С. Дина, положившей начало американской дипломатии.

1. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / Под ред. Н.Н. Яковлева. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1994. – 592 с.
2. Life and writings of Thomas Paine: containing a biography / Ed. and annotated by Daniel Edwin Wheeler: In 10 Vols. – New York: Vincent Parke and Company, 1908. – Vol. 1: Life and appreciations. – 450 p.
3. Paine, T. Common Sense / T. Paine // The Project Gutenberg EBook of Common Sense [Electronic recourse]. – Mode of access: http://www.gutenberg.org/files/147/147-h/147-h.htm. – Date of access: 15.03.2013.
4. The Pacificus-Helvedius Debates of 1793 – 1794 / Ed. by Morton J. Frisch. – Indianapolis: Liberty Fund, 2007. – 121 p.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ СИСТЕМЫ СОБИРАНИЯ И АНАЛИЗА ДАННЫХ, ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ, В РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ США (OSINT)

Ю.С. Петухов (Витебск)

Современные международные отношения характеризуются нарастанием конкурентного противоборства между ведущими странами мира в целях достижения геополитического доминирования. Важнейшую роль в этом противоборстве играют США, ведомые идеей всемирного лидерства и готовые достичь его, в том числе и с использованием силовых методов. В этих условиях одно из ключевых мест в стратегии и тактике их внешней политики принадлежит разведывательной деятельности как средству информирования органов государственного и военного управления и содействия принятию целесообразных и своевременных решений.

Структура разведывательной деятельности спецслужб США претерпела значительные изменения со времен геополитического противостояния с СССР. В начале 1990-х гг. появился Интернет – всемирная система объединённых компьютерных сетей, которые образуют информационное пространство, представляющее собой совокупность динамично обновляющихся данных. По своей природе Интернет стал неисчерпаемым источником данных любой тематики, и в настоящее время ни один вид социальной деятельности, включая и разведывательную, невозможен без систематического анализа информации, распространяемой в глобальной сети. Разведывательное сообщество США (РС США) успешно освоило предоставленный Интернет информационный потенциал, что нашло выражение в выделении в его методологии особого вида разведывательной деятельности, получившего название OSINT (opensourceintelligence – рус. «разведка на основе открытых источников информации») и формулировке его специфических целей, задач, методов, принципов. В американской традиции принято говорить об OSINT как разведывательной дисциплине, однако в рамках отечественной методологии целесообразно рассматривать ее как *систему собирания и анализа разведывательных данных*.

В настоящее время не существует единого подхода к определению семантического объема OSINT как термина. К примеру, Е. Бен Бенавидес понимает под OSINT«разведывательную дисциплину, которая включает информацию, собираемую из открытых источников, и ее анализ для производства пригодных к работе разведданных при отсутствии необходимости их засекречивания для эффективного использования» [1, с. 8]. К. Берд полагает, что «термином OSINT обозначают сбор и анализ разведданных на основе информации из общедоступных источников» [2]. Дэйв Маркус, директор McAfeeLabs, считает, что под OSINT следует по-

нимать «форму управленческой деятельности по собиранию данных, которая включает обнаружение, отбор, приобретение информации из публично доступных источников и ее анализ с целью получения выводных разведданных» [3].

Однако в качестве основного целесообразно принимать нормативное определение, закрепленное в законодательстве США. Так в Законе «О национальной обороне в 2006 бюджетном году» изложено следующее определение OSINT: «ценная разведывательная дисциплина, которая должна быть включена в менеджмент разведывательных задач, собирание, обработку, использование и распространение разведданных с целью гарантии полного и своевременного информирования высших чиновников Соединенных Штатов» [4, sec. 931, §A, п. 3]. Эта дефиниция, построенная с использованием форм будущего времени, на момент ее принятия не являлась окончательной, однако в нормативных актах США более поздних определений OSINT не обнаружено.

Принимая во внимание, что информирование государственных органов и должностных лиц является непосредственной задачей любой спецслужбы, следует полагать, что в структуре РС США OSINT понимается как *система собирания и анализа разведданных, включающая менеджмент задач разведки, собирание, обработку, использование и распространение к целевой аудитории информации, полученной из открытых источников, и осуществляемая уполномоченными государственными органами в целях решения возложенных на них задач.*

OSINT, как система собирания и анализа разведывательных данныхРС США, характеризуется специфическими признаками: 1. Оперирование общедоступной несекретной информацией. Поскольку в качестве объекта OSINT выступают сведения, не отнесенные к государственным секретам США или других стран, то аналитики РС не сталкиваются с препятствиями по их получению, а также не ограничены режимными мерами при организации работы с ними и передаче союзникам США; 2. Осуществление уполномоченными на то органами. В настоящее время число органов, осуществляющих OSINT как систему собирания и анализа разведданных, не ограничивается основным перечнем субъектов РС США, поскольку включает также подведомственные им подразделения; 3. Осуществление в целях решения разведывательных задач. Реализация возможностей OSINT в рамках деятельности уполномоченных на ее проведение органов лежит в русле решения острых тактических вопросов и построения стратегических прогнозов деятельности американской разведки или воинских контингентов, выполняющих задачи за рубежом; 4. Наличие методологически установленной процедуры осуществления OSINT, включающей менеджмент разведывательных задач, собирание, обработку, использование и распространение информации к целевой аудитории и составляющей, таким образом, содержание OSINT как системы собирания и анализа разведданных. Следовательно, могут быть выделены и описаны основные компоненты содержания OSINT:

1. Менеджмент задач разведки (intelligencetasking, intelligence planning and direction). Заключается в формулировании разведывательных запросов к подразделению, осуществляющему OSINT, а также в организации «обратной связи» (feedback), призванной информировать аналитические подразделения о степени соответствия представленной ими выводной разведывательной информации изначальным запросам [5, с. 16 – 17].

2. Собирание (collection). Представляет собой процесс поиска открытой информации и получения права на владение либо доступ к ней. Под поиском понимается соотнесение разведывательного запроса с доступными источниками информации в целях создания аналитического продукта, удовлетворяющего этот за-

прос [5, с. 17]. После определения круга адекватных запросу источников происходит собственно собирание информации. Стоит отметить, что в Директиве РС США № 301 от 11.07.2006 г. в качестве синонимичных рассматриваются два термина – собирание (collection) и приобретение (acquisition), причем в качестве предпочтительного указывается последний, так как «по определению, открытые источники накапливают и распространяют открытую информацию, предварительно собранную другими пользователями. Таким образом, аналитики разведки получают ее как бы из вторых рук»[6, §F, п. 1]. Логика данного суждения состоит в том, что собранная и распространенная кем-либо информация изначально уже имеет своего правообладателя, поэтому методологически верно говорить именно о приобретении открытых данных, хотя бы и безвозмездном.

3. Обработка и использование (processin gand exploitation). Под обработкой понимается применение к первичным данным, полученным путем собирания, методов и приемов аналитической деятельности с целью проверки релевантности источника и достоверности полученных из него сведений. Следующим этапом является использование, то есть приведение полученной выводной развединформации в соответствие с формальными требованиями заказчика (перевод, оформление в виде документа и т.д.) [5, с. 23 – 24].

4. Распространение к целевой аудитории (dissemination). Состоит в предоставлении заказчику выводной разведывательной информации [5, с. 33]. При этом следует отметить, что ввиду несекретного характера разведданных OSINT в перечень их получателей включены не только субъекты РС США, но и органы государственной власти и управления, политические структуры, негосударственные организации. К примеру, регистрация на официальном сайте National OpenSource Center предоставляется всем государственным служащим США федерального, регионального и местного уровней в целях получения доступа к полному объему разведданных OSINT по более чем 160 странам на 80 языках [7].

Обратив внимание на структуру содержания OSINT как системы собирания и анализа разведданных, можно сделать вывод о существовании определенного алгоритма ее осуществления спецслужбами США, который, по нашему мнению, может быть назван, *разведывательным циклом OSINT*. Одновременно следует выделить основные факторы уязвимости национальной безопасности разведываемых государств перед возможностями «открытой разведки»:

1. Незащищенность открытых данных. По своей природе информация, содержащаяся в Интернет, доступна всем пользователям сети, что устраняет перед разведкой препятствия к работе с ней.

2. Низкие возможности противодействия OSINT. Данная деятельность осуществляется с территории своего государства, а потому практически полностью безопасна [2].

3. Оперативность решения разведывательных задач. По нормам стран НАТО предоставление выводных данных осуществляется в течение 4 часов после поступления запроса в подразделение, осуществляющее OSINT [5, с. 19].

4. Рационализация использования сил и средств разведки. Стратегии OSINT не являются ресурсоемкими, и разведка может перераспределить свои усилия более эффективным образом.

Исходя из вышеизложенного, следует полагать, что в распоряжении РС США находится действенный правовой и организационный механизм использования открытых источников информации в целях решения разведывательных задач. При надлежащей организации работы, достаточном финансировании и материально-техническом обеспечении, а также привлечении к осуществлению дан-

ной деятельности квалифицированных аналитиков и программистов, он способен эффективно реализовать разведывательный потенциал открытой информации и создать РС США стратегическое превосходство перед разведывательными органами других субъектов международных отношений.

1. Ben Benavides, E. Open Source Intelligence (OSINT) Link Directory: Targeting Tomorrow's Terrorist Today (T4) through OSINT / E. Ben Benavides // AGM: AllSource Global Management [Electronic resource]. –Mode of access: http://www.agm-az.com/docs/Benavides%20Online%20OSINT%20Quick%20Reference%20Handbook%20New%20Table%20of%20Contents.pdf. – Date of access: 13.07.2012.
2. Берд, К. Модель OSINT / К. Берд // Новости конкурентной разведки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://analitirus.blogspot.com/2012/01/osint.html. – Дата доступа: 30.06.2012.
3. Marcus, D. Emerging Threats and Trends. How To Social Engineer With 100% Success Using OSINT / D. Marcus // US-CERT: United States Computer Emergency Readiness Team [Electronic resource]. –Mode of access: http://www.us-cert.gov/GFIRST/presentations/Emerging_Trends_in_2010.pdf. – Date of access: 17.08.2012.
4. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2006. Public Law 109–163, 109th Congress // GPO: Government Printing Office [Electronic resource]. –Mode of access: http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-109publ163/html/PLAW-109publ163.htm. – Date of access: 06.10.2012.
5. NATO Open Source Intelligence Handbook, November 2001 // The Air University [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/nato/osint_hdbk.pdf. – Date of access: 29.06.2012.
6. Intelligence Community Directive № 301, July 11, 2006// Federation of American Scientists [Electronic resource]. – Mode of access: www.fas.org›irp/dni/icd/icd-301.pdf. – Date of access: 17.08.2012.
7. Open Source Center Information to Intelligence [Electronic Resource]. – Mode of access: http://www.opensource.gov. – Date of access: 20.08.2012.

МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Е.А. Достанко (Минск)

В современной политической науке концепция мультилатерализма не является до конца теоретически обоснованной и выверенной. Тем не менее, с начала 1990-х гг. о важности и значимости мультилатерализма в международных отношениях говорилось в работах Дж. Рагги [4], Р. Кокса [2], функционалиста Дж. Каporазо [1], а также неофункционалистов Р. Кохэна и Дж. Найя-мл. [3]. Необходимо подчеркнуть, что термин «мультилатерализм» используется и как название соответствующей теоретической концепции (теоретическое измерение), и как название многостороннего международного сотрудничества и его видов (практическое измерение). Многостороннее международное сотрудничество выступает «первичной, взаимосвязанной нормой дипломатической культуры», которая формировалась в XX в. [5, с. 6]. Другим направлением изучения практического измерения мультилатерализма является международное многостороннее сотрудничество в международных институтах и организациях. Именно усиление многостороннего сотрудничества в рамках международных организациях привело к необходимости теоретического «оформления» мультилатерализма. Третьим направлением практического измерения мультилатерализма является изучение роли многостороннего международного сотрудничества в формировании международного порядка, т.н. глобального управления (global governance). Таким образом, мультилатерализм является ключевой характеристикой дипломатии, деятельности международных организаций, глобального управления и элементом формирования международного порядка. Мультилатерализм подразумевает не столько многостороннее взаимодействие государств или сотрудничество в рамках международ-

ных организаций – необходимо учитывать динамику мировой политики, в особенности растущую значимость и расширяющуюся роль негосударственных акторов международных отношений. В настоящее время мультилатерализм следует понимать как динамику ролей и взаимодействий между акторами международных отношений (как государственными, так и негосударственными), которые определяют политическое, экономическое и социальное развитие мирового сообщества.

Многосторонняя международная дипломатия является нормой современной дипломатической практики в большинстве сфер взаимодействия. При разрешении кризисных, конфликтных ситуаций возможности многосторонней дипломатии применяются широко (например, различные ad hoc форматы участия группы стран по урегулированию кризисных ситуаций (шестерка по переговорам с Ираном, пятерка по ближневосточному урегулированию, конференции по Афганистану)). При этом, часто такие ситуации становятся предметом обсуждения не только многостороннего формата, но и двустороннего: так, руководство Ирана, Северной Кореи, признавая многосторонние переговоры, тем не менее настаивает на двусторонних консультациях, в частности с США. Кроме того, правительства малых и менее развитых государств в некоторых ситуациях предпочитают многосторонние переговоры вне международных правительственных организаций.

Факторами, определяющими эффективность международного многостороннего сотрудничества, являются: определение общих целей; поддержка ведущих государств той или иной инициативы; ответственное поведение всего международного сообщества по поддержке той или иной инициативы в рамках уже созданных институтов либо во вновь создаваемых; такое ответственное поведение может выражаться, например, в участии в миротворческой деятельности и в операциях по поддержанию мира, поддержке санкций, предоставлению финансовых ресурсов [5, с. 43 – 69].

Современные международные отношения характеризуются расширением влияния и сфер деятельности международных организаций, в частности все в большей степени международные организации координируют взаимодействие участников международных отношений, создают условия для появления новых конфигураций участников международных отношений и их ролей в системе международных отношений. Мультилатерализм подчеркивает сложность современного мирового порядка, фактически, объединяет и как бы выступает координатором взаимодействия государств, негосударственных акторов, международных организаций; призывает государства и негосударственных акторов совместно решать и/или влиять на решение глобальных и международных проблем через осознание общих целей. Мультилатерализм является важным элементом эволюции международных отношений, глобального порядка и глобального управления в XXI в.

1. Caporaso, J.A. International Relations Theory and Multilateralism: The Search for Foundations / J.A. Caropaso // International Organization. –1992. – Vol. 4, № 3. – P. 599 – 632.
2. Cox, R.W. Approaches to world order / Robert W. Cox, Timothy J. Sinclair. – Cambridge University Press, 1996. – 552 p.
3. Keohane, R.O. The Club Model of Multilateral Cooperation and the World Trade Organization: Problems of Democratic Legitimacy [Electronic resource] / R.O. Keohane and J.S. Nye Jr. // The John F. Kennedy School of Government. Visions of governance in the 21st century. Working Paper. – № 4. – Mode of access: http://www.hks.harvard.edu/visions/publication/keohane_nye.pdf. – Date of access: 30.11.2011.
4. Ruggie, J.G. Multilateralism matters: The Theory and praxis of an institutional form / J.G. Ruggie. – New York: Columbia University Press, 1993. – 557 p.
5. The new dynamics of multilateralism: diplomacy, international organizations, and global governance / James P. Muldoon Jr. [et al.]. – Westview Press, 2011. – 369 p.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ: ОСОБЕННОСТИ, СТРАТЕГИЯ, ТАКТИКА

Л.С. Большедворова (Минск)

Переговоры − один из самых древних институтов, появившийся одновременно с международными отношениями. В течение многих веков переговоры использовались в качестве инструмента урегулирования противоречий и конфликтов между государствами.

Цель дипломатических переговоров − достижение согласия по возникающим в международных отношениях вопросам на взаимно приемлемой основе. Результаты переговоров воплощаются в официальных актах, многообразных по форме и обладающих различным статусом, разной обязательной силой. Однако сущность их одна − соглашение сторон.

Характерными особенностями переговоров являются: наличие проблемы как предпосылки переговоров; сходство и различие интересов сторон; взаимозависимость участников переговоров из-за невозможности реализовать свои интересы в одиночку; сложная структура переговоров − подготовительная стадия и собственно переговоры; общение участников переговоров; поиск решения проблемы. Выработка и заключение взаимоприемлемых договоренностей представляют цель переговоров. Главная функция переговоров − обсуждение и совместное решение спорных проблем. Другие функции переговоров: формирование общественного мнения; информационно-коммуникативная; регуляционная; пропагандистская; решение внутриполитических и внешнеполитических задач; координация действий на международной арене.

Организационная подготовка к переговорам. Юридически закрепленных правил процедуры не существует, однако практика проведения переговоров выработала определенные нормы, которые большинство делегаций соблюдают. Правила процедуры включают: определение повестки дня, времени и места проведения; выбор здания, формирование состава делегаций, создание условий для их размещения; обеспечение делегаций связью, транспортом; выработка регламента; выборы руководящих органов (председатель, его заместители или сопредседатели); порядок формирования и обязанности секретариата, который обеспечивает ведение протокола, издание и размножение документов, перевод; составление плана рассадки; установление кворума и порядка принятия решения; полномочия председателя (предоставлять слово для выступления, ограничивать время на выступление, объявлять перерыв, ставить вопрос на голосование); порядок внесения поправок и предложений; условия участия наблюдателей; порядок изменения правил процедуры; языки работы.

Теоретическая подготовка переговоров. Подготовка к переговорам начинается с системного *анализа исходной политической ситуации*, цель которого – прояснить отношение сторон к теме переговоров, историю политических отношений партнеров и перспективы их развития с учетом переговоров.

До начала переговоров необходимо сформировать *«досье переговоров»*. Это тезисы для переговоров в узком и расширенном составе; биографии и политические взгляды участников переговоров; справка о стране и двусторонних отношениях (официальные контакты, политические и торгово-экономические отношения, культурные, научно-технические и гуманитарные связи, проблемный блок); сообщения СМИ о предмете переговоров; справки об экономике, внутриполитическом и социально-экономическом положении, внешней политике стра-

ны; заключенные соглашения и анализ их выполнения, предложения на перспективу; справка о делегации.

Главное в подготовительной работе – разработка *переговорной концепции*. Для этого определяются конечные цели переговоров, формулируются собственные интересы, позиция по обсуждаемой проблеме и вырабатывается стратегия и тактика на переговорах. Важно сделать прогноз позиции партнера, выделить совпадения в позициях и определить неприемлемые результаты, а также выработать компромиссный результат и подготовить проекты итоговых документов.

К анализу предмета переговоров привлекают экспертов. Он включает определение своих интересов и альтернативных вариантов переговорному решению, прогноз интересов и альтернатив партнера по переговорам. Переговорная концепция включает основные цели, политические приоритеты, официально заявленные позиции, предложения и варианты решения проблемы, переговорную позицию. Концепция должна содержать альтернативные варианты решения проблемы.

Подача позиции, стратегия и тактика ведения переговоров. Под позицией понимается официальная точка зрения делегации на переговорах. В переговорном процессе важен способ подачи позиции. Выделяют четыре основных способа подачи позиции: открытие позиции; закрытие позиции; подчеркивание общности в позициях; подчеркивание различий в позициях. Как правило, в процессе переговоров используются все четыре способа в разном сочетании.

Основные стратегии ведения переговоров. Стратегия переговоров зависит от внешнеполитической стратегии государства, политической ситуации, культуры, эрудиции и опыта участников переговоров. Выделяют две стратегии переговоров: 1) стратегия конкурентного поведения, наступления, или жесткого торга, которая предполагает достижение победы любыми способами; 2) стратегия совместного с партнером анализа проблемы и совместного поиска ее решения. Эта стратегия предполагает ориентацию на взаимное удовлетворение интересов.

Обе стратегии чаще всего в той или иной степени присутствуют одновременно. Однако в последнее время начинает преобладать тенденция к совместному с партнером анализу проблем.

Основные тактические приемы ведения переговоров. Тактика − это способ достижения стратегии (цели). Тактические приемы стратегии торга включают: тактику давления: угрозы; ложные угрозы; ультиматум; тактику завышения первоначальных требований; тактику дисквалификации (личные выпады; клевета; преднамеренный обман; шантаж; насмешка; слухи; скандалы); расстановку ложных акцентов в собственной позиции; тактику выдвижения требований в последнюю минуту; тактику растущих требований; тактику пакета, или пакетного решения вопросов; тактику салями – предоставлять партнеру информацию небольшими порциями; тактику двойного толкования, которая предполагает двойной смысл соглашения, достигнутого по итогам переговоров, который одним из партнеров закладывается преднамеренно; тактику ухода, или выжидания, отсрочки, молчания (разновидности: ссылка на третью сторону как обоснование отказа двигаться вперед; игнорирование вопросов и предложений; ответ не по существу обсуждаемых проблем; уход с переговоров); тактику Талейрана (разделяй и властвуй); тактику милого друга, или горчичного зерна; тактику загадки; тактику вины; тактику стратагем: намеренная смена плана дискуссии; тактику отсрочки; тактика принца Максимилиана, или тактику цейтнота.

Основные тактические приемы принципиальной стратегии следующие: последовательная цепочка решаемых проблем; тактика постепенного повышения сложности обсуждаемых вопросов; решение проблемы путем системы встречных

уступок; распечатывание пакета − разделение глобальной проблемы на ряд мелких пакетов; тактика вынесения спорных вопросов за скобки предполагает обходить спорные проблемы на переговорах; тактика пирога эффективна на переговорах по разделу чего-либо, например территории; тактика блока применяется, как правило, при проведении многосторонних переговоров (партнеры по переговорам, имеющие общие интересы, выступают единым блоком); тактика пробного шара (предложения на переговорах формулируются в виде некой идеи).

В переговорной практике большинство тактических приемов применяется при осуществлении как стратегии торга, так и принципиальной стратегии.

Нелояльные техники, нарушающие правила диалога: уклонение от темы; аргументы к личности (угрозы в адрес оппонента; намеки и разоблачения; навешивание ярлыков; оскорбления); аргументы к аудитории; аргументы против регламента; аргументы против демонстрации, или нелояльные доказательства в споре (софизмы и паралогизмы, употребляемые вместо доказательств; оттягивание доказательств; неоспоримо доказанное положение; искажение предмета спора).

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О.В. Бобина (Николаев)

«Внешняя политика, это продолжение внутренней политики, только другими способами», – это, уже классическое для определенного геополитического пространства определение включает в себе и такой метод реализации политики как революция. Революция и другие формы проявления конфликта-протеста давно присутствуют в арсенале политиков и политики. Дискуссии о ее роли и значении не прекращаются и сегодня [1]. Особенно они актуализируются в моменты использования этого метода для управления ситуацией. Например, в условиях т.н. бархатных, цветных, весенних революций.

В Украине, которая пережила свою т.н. революцию обсуждения этого вопроса зависит от внутренней политической ситуации. Мы хотим обратить внимание на несколько аспектов этой проблемы. Во-первых, революции сами по себе приводят к напряжению по всему периметру своего протекания, независимо от того поддерживает их внешний мир или нет. Едва ли не самые яркие примеры – это взаимозависимость революции в Америке (Война за независимость 1774/1775 – 1783), революции во Франции (1788 – 1794), наполеоновских войн и Войны за независимость в Южной Америке, не говоря о шоке, который поверг Европу. Аналогичные процессы связаны с революциями 1848 – 1849 гг. в Европе и революциями в России 1905 – 1907 гг., 1917 – 1922 гг. Во второй половине XX в. примеры «перетекания» революций дает нам Африканский континент и опять Южная Америка. Во-вторых, любая революция поддерживается различными ресурсами: от финансов и оружия до активных открытых (или наоборот незаметных) личностей. Достаточно вспомнить помощь французского правительства восставшим американским колониям. И буквально через несколько лет помощь англичан, которые принимали французских аристократов-эмигрантов и финансировали контрреволюционеров с одной стороны, и не запрещали части французов финансировать с британских островов французских революционеров. В-третьих, любая революция, должна быть готова к т.н. революционным войнам. Революция, которая защититься себя от внешнего врага, всегда имеет шанс защищаться и «перенести» войну на территорию своего врага. Классическими, являются примеры наполеоновских войн и войны большевистской России. Все эти факторы (связь револю-

ции и геополитики, скорость революции в индустриальном и постиндустриальном мире, идеология революции) действовали в XIX – XX вв. Это были, если можно так говорить классические элементы-факторы любой революции которые проявились и могли быть использованы для подготовки революции и в ходе реализации.

Именно XX в. позволил утвердить ряд постулатов: 1) революциям необходим внутренний грунт, внутренняя основа; 2) для достижения своих целей уже с XVIII в. международные акторы использовали революцию; 3) использование революции грозило большими потрясениями как в странах, где происходили революции, так и в тех, которые использовали революцию как инструмент своего влияния. Во второй половине XX в. ситуация меняется. Либеральная система Европы и США, после событий 1968 г. перестает бояться массовых протестов, учится управлять массовым протестом, создает новые и развивает старые теории конфликта. Именно в 1968 г. известный Джин Шарп, когда ему было сорок лет, защитил докторскую диссертацию «Ненасильственные действия: изучение контроля над политической властью». В 1970 г. появилась его работа «Изучение ненасильственных альтернатив», а в 1973 г. – «Политика ненасильственных действий» [2]. Во многом эти работы базируются на изучении опыта М. Ганди. Отсутствие страха перед революцией (социальным конфликтом), в том числе, основывается на достаточном материальном благополучии общества, свободном передвижении населения, размытости национальных сообществ большим количеством мигрантов, созданием общества массового потребления. Европа получив «прививку» революций в XIX – XX вв. превратила революцию в массовый продукт. Кроме того, евроатлантические интеллектуалы, используя марксистскую теорию (например, идеи А. Грамши), формируют идею «мягкой» силы, ненасильственной борьбы. В связи с этим снимается главное противоречие революции – быстрые изменения необязательно должны сопровождаться насилием и кровопролитием. Таким образом, революция перестает быть «грязным инструментом» политики и превращается в «тонкий инструмент» влияния. Особый опыт применения этой технологии приходится на время разрушения социалистической системы. Отличительной чертой этого этапа стало создание особых агентов влияния, которые могли готовить общество к восприятию революции. Имеем в виду т.н. негосударственные организации. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, выделим несколько, на наш взгляд, важных моментов. Сейчас в Украине, государственными статистическими органами, зарегистрировано больше шестидесяти тысяч негосударственных (общественных) организаций. В аналитической записке Института стратегических исследований Украины делаются такие выводы: 1) деятельность негосударственных организаций (НГО) может быть как позитивная, так и негативная; 2) наиболее эффективной формой участия НГО в жизни общества есть функционирование неправительственных аналитических центров, которые, являясь независимыми от государственного финансирования, могут выступать достаточно объективным информационным каналом; 3) часть НГО выступают как агенты влияния, особенно это относится к некоторым иностранным и международным НГО, они продвигают особые идеологемы, могут формировать общественное мнение и таким образом угрожать национальной безопасности. Используя открытость общества, эти организации могут сформировать его особое отношение к революции и другим формам социального протеста как к инструменту разрешения социальных противоречий [3].

Таким образом, революции и в XXI в. остаются эффективным инструментом влияния в межгосударственных отношениях. Но «пересадить, перенести, провести» революции по мановению и желанию отдельных субъектов международ-

ных отношений невозможно без наличия необходимых внутренних предпосылок. Современные революции, несмотря на свой «мягкий и мирный» характер («бархатные», «цветные», «цветочные», «твитерные») угрожают обществу реальными потерями и разрушениями. Любая «мягкая, ненасильственная» революция может перерасти в кровопролитные столкновения и гражданскую войну, как показала т.н. арабская весна. В тоже время общества и государства не желающие испытывать на себе такой инструмент социальной технологии обязаны научиться переводить социальную напряженность в другие формы социального протеста.

1. Кунгуров, А.А. Будет ли революция в России / А.А. Кунгуров. – М.: Алгоритм, 2012. – 494 с.; Шоль, Е.И. «Прослойка» или истоки революций и перестроек / Е.И. Шоль. – М.: Вузовская книга, 2012. – 511 с.; Фарес, В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке / В. Фарес. – М.: Коммерсант, Эксмо, 2012. – 479 с.; Васильев, А. Рецепты Арабской весны: русская версия / А. Васильев, Н. Петров. – М.: Алгоритм, 2012. – 304 с.
2. Лерен, Э.У. Застенчивый американский интеллигент – теоретик революции / Э.У. Лерен, Д.Д. Киркпатрик // Радио Голос России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/2011/02/17/ 44860713/. – Дата доступа: 13.03.2013; The Albert Einstein institution // THE ALBERT EINSTEIN INSTITUTION [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.aeinstein.org/. – Date of access: 13.03.2013.
3. Новакова, О.В. Роль міжнародних неурядових організацій як суб'єктів світової політики / О.В. Новакова. – Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Polzap/2011_3/11_novssp.pdf. – Дата доступу: 13.03.2013; Горєлов, Д. Діяльність неурядових організацій в Україні у контексті національної безпеки України / Д. Горєлов // Національний інститут стратегічних досліджень [Електронний ресурс]. – 2009. – Режим доступу: http://old.niss.gov.ua/ Monitor/june2009/13.htm. – Дата доступу: 13.03.2013.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О.М. Литвишко (Пятигорск)

Начало нового тысячелетия ознаменовалось кардинальными изменениями в экономической и политической жизни мирового сообщества. Интернационализация общественной жизни, глобальные масштабы взаимосвязей различных стран, их национальных хозяйств, политик, культур, развитие информационных технологий – все это является признаками новой системы мирового порядка. В различных сферах общественной жизни на сегодняшний день существуют свои особенности развития. В политической сфере – увеличении числа акторов на международной арене, как государственного, так и наднационального и неправительственного уровня, вносящих значительный дисбаланс в международные отношения. Кроме того, происходит стирание граней между внутренней и международной политикой, т.к. нормы международного права зачастую имплементируются в национальные правовые системы. В экономической сфере – возрастающая роль транснациональных корпораций на международной арене. В социальной сфере – две противоположные тенденции: увеличение числа межэтнических конфликтов и тенденции дезинтеграции в различных точках земного шара, с другой стороны – стремление к тесной экономической и политической интеграции различных стран (ЕС, НАФТА) на региональном уровне.

В идеологическом плане противостояние капиталистической и социалистической моделей сменилось противостоянием теорий многополярности и однополярности. По мнению ряда аналитиков, миру навязывается «американоцентричная» модель глобализации, что подтверждает тезис о том, что в мире существует единственная сверхдержава, и в интересах других государств – играть по прави-

лам, устанавливаемым США [1, с. 46]. С другой стороны, противоречивость глобализации порождает возникновение новых силовых центров, которыми могут стать Китай, Индия, или ЕС. Таким образом, концепция униполярности не является единственным и закономерным итогом современной эволюции международных отношений. По мнению теоретиков неореализма, закономерным является переход от униполярной системы к многополярной [2], т.к. новые центры силы способны ограничивать лидерство США не с помощью военной конкуренции, а посредством «мягкого балансирования» [3]. Но многополярная система международных отношений находится сегодня в стадии формирования. Современный мир нередко характеризуется как переходная «одно-многополярная» система, или «плюралистическая монополярность». Учитывая несформированный характер современной многополярности, полагаем, что международные отношения сегодня наиболее соответствуют концепции биполярности, однако в новой биполярной системе происходит трансформация природы полярности. На смену противостоянию капитализма – социализма приходит экономическое противостояние Севера – Юга. При этом, как отмечает В.Н. Панин, в качестве новых полюсов выступают индустриально-развитые демократически стабильные страны Севера (США, Западная Европа, Канада, Япония), составляющие так называемый «золотой миллиард». Противоположный полюс – индустриально отсталые, политически нестабильные государства Юга, включающие страны Азии, Африки и Латинской Америки, ряд государств бывшего СССР [4, с. 24].

Глобализация оказывает все большее влияние на развитие как отдельно взятого государства, так и мирового сообщества в целом, при этом она ставит перед ними ряд острых и сложных вопросов. Для нас же в целях проводимого исследования наибольший интерес представляют новые приоритеты в формировании национальных интересов, выступающие на первый план в новых мировых условиях.

В российской политической теории достаточно распространено мнение о том, что глобализация размывает национальные интересы и заменяет их интересами мирового гражданского общества. Развитие международных институтов, интеграционные тенденции и экспансия транснациональных корпораций в отдельных регионах мира ведет к передаче части национального суверенитета региональным правительствам и смещению центров силы к наднациональным структурам [5]. Как отмечал Ю.П. Давыдов, противоречивость процесса глобализации состоит в том, что он требует наднационального управления глобальными процессами, но мир еще не готов к этому и пытается втиснуть эти процессы в традиционные национально-государственные рамки [6, с. 28]. Соответственно, вопрос о национальных интересах вообще не стоит: при передаче полномочий наднациональным образованиям национальные интересы естественным образом переходят в категорию наднациональных – региональных, глобальных и т.д.

Мы же полагаем, что государство является центральным звеном международных отношений, предлагая, узаконивая и контролируя все политические решения, что обусловлено связанностью государства с территорией и населением посредством механизма гражданства и контроля границ. Поэтому функция государства – выступать в роли связующего звена между глобальным и национальным развитием: государство инициирует законодательные решения, гарантирует исполнение всех юридических норм во внешней и внутренней политике, принятых на уровне международных организаций. И в этом смысле государство «как источник и исполнитель обязательств занимает центральное положение по отношению к интернационализированной экономике и обществу» [7, с. 194]. Важным фактом является также то, что государства сохраняют контроль над материальными и не-

материальными ресурсами, что подтверждает монополию государства в вопросах распределения власти и полномочий [8, с. 9].

Таким образом, мы приходим к выводу, что приоритетным национальным интересом в эпоху глобализации является задача правильного встраивания в мировую экономику, поскольку именно уровень экономического развития государства является показателем его могущества. Как отмечает Э. Фрост, «сегодня национальное могущество зависит в меньшей степени от находящихся в распоряжении активов (например, земля, природные ресурсы), а в большей степени от созданных активов (например, владение информационными технологиями, благоприятствующая рынку экономическая политика, атмосфера, способствующая инновации и риску, квалифицированная рабочая сила)» [9, с. 40]. Именно поэтому так важно в новых условиях выработать оптимальное соотношение между нарастающими процессами глобализации и политикой, основанной на национальных интересах, политикой национального экономического развития и общемировыми тенденциями, которое бы позволило государствам с наименьшими потерями вписаться в структуру нового глобального миропорядка.

По нашему мнению, в этом и заключается роль государства в эпоху глобализации – обеспечение оптимального, наиболее полно соответствующего национальным интересам вступления и участия в новой системе международных отношений на наиболее выгодных условиях. При той минимальной роли, которая отводится государству и национальным правительствам идеологами неолиберальной глобализации, рыночный фундаментализм способен «поглотить» более слабые государства, способствуя продвижению экономических интересов сильных государств в рамках прогрессирующей активности создаваемых ими транснациональных корпораций. Более того, международные экономические отношения также нуждаются в регулировании, поэтому экономически развитые государства поддержали инициативу о создании таких глобальных институтов, как ВТО, МВФ, различного рода региональных экономических альянсов. И если инициаторами в создании подобных институтов могут выступать ТНК, наднациональные организации и т.д., то регулируют их деятельность в значительной степени нации-государства посредством интернациональных руководящих органов, поскольку именно государство обладает необходимыми ресурсами и полномочиями. Как государство распорядится своими ресурсами, насколько правильно определит внутренние приоритеты, будет зависеть и его внешнеэкономическая привлекательность, поскольку сегодня государства становятся все более вовлеченными в иного рода конкуренцию, «соревнуясь за долю на мировых рынках как наиболее надежный путь к процветанию и … экономической безопасности» [10, с. 564]. Как отмечает А.И. Уткин, «глобализация заставляет правительства гармонизировать национальную экономическую политику с потребностями и пожеланиями соседей и потенциальных конкурентов» [11, с. 43], что еще раз подтверждает тезис о том, что государству отводится активная роль в процессах глобализации. Соответственно, и понятие национального интереса под влиянием глобального экономического соревнования, а также условий растущей политической и экономической взаимозависимости государств, все более сосредотачивается на экономическом аспекте. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением о том, что «торговля стала основной составляющей национального интереса» [12, с. 14]. Поэтому глобализация акцентирует задачу трансформации функций национальных государств с целью превращения их в **эффективные государства**, которые обеспечат устойчивый экономический рост, полноценную реализацию личностного потенциала каждого индивидуума, сохранность экологической среды проживания нации, вы-

полняя при этом задачи ликвидации диспропорциональности территориального развития и целостности, единства территории.

Мы разделяем мнение о том, что в условиях глобализации государство продолжает играть решающую роль в развитии национальных экономик. Концентрация на внутренней экономической модернизации, развитии науки и образования, подготовке квалифицированной рабочей силы будет способствовать скорейшему и более успешному встраиванию государств в глобальную экономику. Поэтому ключевыми являются стратегии государства, направленные на уменьшение имущественного расслоения народов, обеспечение доступа к знаниям и к информационному полю все более широкого круга людей, выравнивание уровней территориального развития и ликвидацию диспропорциональности хозяйственного противостояния «Богатый Север – Бедный Юг». Реализация этих задач невозможна без создания возможностей полной реализации личностного потенциала в каждой стране на основе демократизации общественной жизни, но при учете национального, исторического, культурно-религиозного менталитета наций.

Таким образом, проведенный анализ трансформации национальных интересов в эпоху глобализации позволяет нам сформулировать основные параметры, составляющие приоритеты национальных интересов в современных условиях: сохранение независимости, суверенитета и территориальной целостности государства, его самобытного политического развития, основанного на учете исторических, культурно-цивилизационных и национальных особенностей; развитие государства на основе национальной идентичности и в соответствии с передовыми тенденциями в эволюции человеческой цивилизации и подлинными общечеловеческими ценностями; защита свобод и прав граждан, их безопасность и обеспечение высокого жизненного уровня не как абстрактных либеральных ценностей, а как обязанности государства перед нацией; установление внешнеэкономических связей и сотрудничества в соответствии с уровнем и стандартами, существующими между высокоразвитыми государствами; региональная интеграция на принципах равного партнерства; обеспечение доступа к внешним источникам ресурсов, рынкам, свободы торговли на равных с другими государствами условиях; развитие образования, науки и культуры как основы процветания нации; создание надежной системы национальной безопасности, обеспечивающей защиту геополитических интересов в мире.

Полагаем, что практическое решение этих задач позволяет обеспечить оптимальную парадигму вхождения государств в новую глобальную ситуацию и встраивания в современную структуру миропорядка как приоритета национальных интересов, их способность выстоять перед вызовами глобализации, сохраняя положительную динамику развития в условиях жесткой глобальной конкуренции, политического и экономического доминирования стран «золотого миллиарда».

1. Белашов, И.И. Геополитические интересы в структуре современного политического процесса: Дисс. .... канд. полит. наук / И.И. Белашов. – Ставрополь, 2004. – 178 с.
2. Waltz, K. Structural Realism after the Cold War, International Security / K. Waltz. – 2000. – Vol. 25, № 1. – P. 5 – 41.
3. Paul, T.V. Soft Balancing in the Age of U.S. Primacy / T.V. Paul // International Security. – 2005. – Vol. 30, № 1. – P. 46 – 71; Pape, R.A. Soft Balancing against the United States / R.A. Pape // International Security. – 2005. – Vol. 30, № 1. – P. 7 – 45.
4. Панин, В.Н. Политический процесс на Ближнем Востоке: влияние России и США / В.Н. Панин. – Пятигорск, 2003. – 256 с.
5. Сергеев, В.М. Экономические центры силы на пороге XXI века // Мир и Россия на пороге XXI века. Вторые Горчаковские чтения / Российская Ассоциация международных исследований

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rami.ru/publications/gorchakov/index.html. – Дата доступа: 18.03.2013.
6. Давыдов, Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования / Ю.П. Давыдов. – М.: Наука, 2002. – 287 с.
7. Hirst, P. Globalization in Question / P. Hirst, G. Thompson. – Cambridge: Blackwell Publishers, 1996. – 304 p.
8. Luard, E. The Globalization of Politics: the Changed Focus of Political Action in the Modern World / E. Luard. – London: Macmillan, 1990. – 208 p.
9. Frost, E.L. Globalization and National Security: A Strategic Agenda // The Global Century: Globalization and National Security: in 2 volumes / R.L. Kugler, E.L. Frost (eds.). – Washington, D.C.: National Defense University Press, 2001. – V. 1. – 1154 p.
10. Strange, S. The Persistent Myth of "Lost" Hegemony / S. Strange // International Organization. – 1987. – Vol. 41(04). – P. 551 – 574.
11. Уткин, А.И. Мировой порядок XXI века / А.И. Уткин. – М.: Эксмо, 2002. – 512 с.
12. Rosencrance, R. The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World / R. Rosencrance. – N.Y.: Basic Books, 1986. – 268 p.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ 1990-х – НАЧАЛА 2000-х гг. НА ПРИМЕРЕ ПОСТСОВЕТСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В.В. Фрольцов (Минск)

Необходимость детального и всестороннего рассмотрения различных аспектов формирования и реализации внешней политики ФРГ после окончания холодной войны требует от исследователя привлечения достаточно широкого круга источников. В особой степени это относится к постсоветскому вектору внешней политики Германии, который в отличие от многих других ее важных направлений: отношений с партнерами по ЕС и НАТО, оказания помощи развивающимся странам и т.д., не мог опереться на детально разработанную правовую, институциональную и концептуальную основу. Многолетний опыт взаимодействия с Советским Союзом мог быть использован лишь в выстраивании отношений с Российской Федерацией как государством-правопреемником СССР. В случае же с такими постсоветскими странами, как республики Прибалтики или Украина, германскому правительству приходилось действовать весьма гибко, опираясь не на концептуальные документы, а в большой степени учитывая ту или иную конкретную ситуацию в двухсторонних отношениях.

В этой связи, наряду с международно-правовыми документами, официальными заявлениями, выступлениями и докладами, документами программного характера правительства ФРГ и ведущих политических партий Германии, мемуарами политических деятелей, целесообразно уделить внимание информационным и статистическим материалам, обзорам и справкам. Эти документы готовятся сотрудниками МИД, посольств, а также иных структур изучаемых государств, отвечающими за реализацию отдельных аспектов внешней политики: политических фондов, ассоциаций деловых кругов, СМИ для зарубежной аудитории. Большинство из них доступны в электронном виде на сайтах этих организаций и позволяют выявить характерные нюансы в оценке правительством ФРГ состояния и перспектив отношений с отдельными странами или их группами.

Не меньшую помощь способны оказать материалы СМИ Германии, содержащие информационные обзоры и сводки, а также многочисленные интервью официальных лиц. Это обусловлено особенностями формирования и реализации внешней политики ФРГ, которые состоят в наличии реальных возможностей для публичного обсуждения, оценки и различной трактовки принятых решений, в том числе и в отношении других государств. Следует отметить, что в условиях откры-

той политической конкуренции позиции руководителей и ведущих представителей партий, в особенности тех, которые формировали в изучаемый период правящие коалиции, а также представителей влиятельных экономических структур и общественных организаций, авторитетных экспертов и обозревателей СМИ, могли оказывать существенное влияние на принятие внешнеполитических решений и процесс их реализации. Далеко не случайно в 1990-е гг. – начале 2000-х гг. в Германии получила распространение практика, когда глава МИД (иногда совместно с коллегами из стран – союзниц ФРГ по ЕС или НАТО) прибегал к публикации статей программного характера во влиятельных немецких печатных изданиях. Вместе с тем, необходимо особо подчеркнуть, что такое широкое использование информационных материалов СМИ для изучения внешнеполитической проблематики может быть целесообразным лишь применительно к тем государствам, в которых традиция принятия и публичного обсуждения решений в этой сфере является сходной с имевшейся в ФРГ в конце XX – начале XXI в.

Исходя из этого, можно предложить следующую классификацию источников по истории постсоветского направления внешней политики ФРГ с учетом таких критериев, как их релевантность, целостность и объективность:

1. *Международно-правовые документы и национальные правовые акты*. Большая часть необходимых документов содержится в единых электронных базах данных правовых актов Германии и постсоветских государств.

2. *Программные документы правительства ФРГ*. Среди них следует выделить подготовленные министерством обороны Германии «Директивы оборонной политики» (1992, 2003), «Белые книги о безопасности ФРГ и состоянии и будущем бундесвера» (1994, 2006), внешнеполитические разделы коалиционных соглашений между партиями, формировавшими федеральные правительства в 1990-е – начале 2000-х годов. Безусловный интерес представляют также «Повестка дня отношений Германии с прибалтийскими государствами» (1996) МИД ФРГ, «Центрально-азиатская концепция» (2002) федерального правительства, «Кавказская инициатива» (2001) и «Центрально-азиатская концепция» (2005) министерства экономического сотрудничества и развития Германии.

3. *Официальные выступления, заявления и доклады*. В первую очередь, это публичные заявления канцлеров Г. Коля, Г. Шрёдера и А. Меркель, а также федеральных президентов и глав МИД ФРГ, государственных министров (заместителей министра) и государственных секретарей в этом министерстве, а также высокопоставленных чиновников в оборонном ведомстве Германии. Нельзя оставить без внимания и программные статьи членов правительства ФРГ, опубликованные в ведущих печатных изданиях этой страны, а также их речи и выступления в ходе парламентских дебатов. Значительная часть этих документов содержится в публикациях Ведомства печати и информации федерального правительства, сборниках архивных документов по внешней политике ФРГ, подготовленных МИД [2].

4. *Документы бундестага ФРГ*. Работа с материалами из архива нижней палаты германского парламента приобретает особое значение с учетом влияния решений бундестага и даже активности отдельных депутатов на формирование внешнеполитического курса. В некоторых случаях даже обнародование депутатского запроса по чувствительной для другого государства проблеме влекло за собой официальные заявления или комментарии со стороны его внешнеполитического ведомства. Интерес представляют и развернутые ответы федерального правительства на эти запросы, которые составляются МИД ФРГ и содержат весьма подробные сведения об официальной позиции Германии в отношении отдельных аспектов взаимодействия с постсоветскими странами или их группами.

5. *Официальные информационные материалы министерств иностранных дел и дипломатических представительств.* В них содержится значительный объем официальной и достаточно детальной информации о состоянии, оценке и перспективах развития отношений ФРГ с постсоветскими государствами.

6. *Интервью официальных лиц в СМИ.* Наибольшей ценностью среди них обладают интервью глав государств и правительств, министров, послов и других высокопоставленных дипломатов, ведущих политических деятелей и общественных активистов, представителей влиятельных экономических структур, авторитетных экспертов и исследователей в области международных отношений.

7. *Программные документы основных политических партий ФРГ.* Безусловный интерес для исследователя представляет изучение разделов, посвященных внешнеполитическим вопросам. В особой степени это относится к четырем партиям, формировавшим правящие коалиции в 1990-е – начале 2000-х гг.: ХДС/ХСС, СДПГ, СвДП и «Союз-90 – Зеленые».

8. *Статистические и справочные материалы.* Они, прежде всего, могут оказать помощь в изучении особенностей экономической и информационной политики ФРГ на постсоветском пространстве, так как содержат информацию об объеме и структуре внешнеторгового оборота Германии с отдельными государствами, привлеченных немецких инвестициях, других формах сотрудничества.

9. *Информационные материалы в СМИ*. При работе с этой группой источников следует, безусловно, учитывать политическую ангажированность немецких средств массовой информации, которые, несмотря на декларируемый независимый подход, в той или иной мере отражают позиции различных политических сил ФРГ или представителей отдельных групп германского истеблишмента.

10. *Мемуары*. Детальное изучение мемуарной литературы необходимо для получения более полного представления о мотивах и оценках действий государственных деятелей, дипломатов и политиков изучаемых стран в 1990-е – начале 2000-х гг. Такие сведения, как правило, редко можно почерпнуть из официальных документов или информационных материалов государственных структур.

Особый интерес представляют воспоминания Г. Коля. В 2000 г. в мюнхенском издательстве «Дрёмер» были изданы мемуары канцлера под названием «Мой дневник 1998 – 2000». В книге присутствовали и отдельные факты, которые относились к периоду его пребывания у власти [6]. В 2007 г. в том же издательстве вышли воспоминания Г. Коля на почти 800 страницах о его работе на посту канцлера в 1990 – 1994 гг. [5]. В мемуарах бывшего главы МИД Г.-Д. Геншера, которые были опубликованы в 1995 г., основной упор делался на более ранних этапах его многолетней профессиональной карьеры [4].

Не менее важным источником являются мемуары Г. Шрёдера, впервые вышедшие в 2006 г. и переведенные на русский язык в 2007 г. Их содержание позволяет получить представление об оценке канцлером роли России в германской политике на постсоветском пространстве. Этой теме посвящена отдельная глава. Из остальных бывших республик СССР в книге эпизодически упоминались лишь Узбекистан и страны Прибалтики [1]. Отдельные аспекты этого направления политики ФРГ были освещены также в мемуарах федерального президента Р. фон Вайцзеккера и министра иностранных дел Й. Фишера. Внимание уделялось, прежде всего, отношениям с Россией [3; 7].

Интерес для исследователя могут представлять и воспоминания целого ряда политических деятелей СССР и постсоветских государств, в которых затрагиваются отдельные аспекты изучаемой тематики. В случае Республики Беларусь, к примеру, это вышедшие в начале 2000-х гг. мемуары председателя Совета Мини-

стров Республики Беларусь В.Ф. Кебича, председателей Верховного Совета С.С. Шушкевича и М.И. Гриба, министра иностранных дел П.К. Кравченко, первого посла Беларуси в ФРГ П.В. Садовского. Но при этом необходимо учитывать, что многие авторы воспоминаний продолжают в той или иной степени участвовать в общественно-политической жизни своих государств, активно поддерживают различные партии и организации, по-прежнему стремятся оказывать влияние на принятие решений в сфере внешней политики и безопасности. Это обстоятельство предопределяет их не вполне объективную, а зачастую и ангажированную оценку отдельных фактов, событий и явлений, желание продемонстрировать свою особую компетентность и представление о механизме принятия решений, жесткую критику в адрес других государственных деятелей, политиков и дипломатов.

В заключение следует подчеркнуть, что предложенная классификация источников, безусловно, не является окончательной. Она будет дополняться и пересматриваться по мере введения в научный оборот новых документов. Вместе с тем, уже сегодня такая классификация может быть полезной для историков и политологов, которые занимаются изучением не только постсоветского, но и других направлений внешней политики ФРГ в 1990-е – начале 2000-х гг.

1. Шрёдер, Г. Решения. Моя жизнь в политике / Г. Шрёдер. – М.: Европа, 2007. – 552 с.
2. Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Dokumente von 1949 bis 1994; herausgegeben aus Anlass des 125. Jubilaeums des Auswaertigen Amts. – Koeln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1995. – 1160 S.
3. Fischer, J. Die Rueckkehr der Geschichte. Die Welt nach dem 11. September und die Erneuerung des Westens / J. Fischer. – Koeln: Verlag Kiepenheuer&Witsch, 2005. – 304 S.
4. Genscher, H.-D. Erinnerungen / H.-D. Genscher. – 3. Aufl. – Berlin: Siedler, 1995. – 1086 S.
5. Kohl, H. Erinnerungen 1990 – 1994 / H. Kohl. – Muenchen: Droemer Knaur, 2007. – 784 S.
6. Kohl, H. Mein Tagebuch 1998 – 2000 / H. Kohl. – Muenchen: Droemer Knaur, 2000. – 351 S.
7. Weizsaecker, R. von. Im Gespraech mit Jan Ross.Was fuer eine Welt wollen wir? / R. von Weizsaecker. – Berlin: Rowohlt, 2005. – 239 S.

ПОЛИТИКА СССР В АФРИКЕ (1953–1964 гг.) В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е.Г. Сакович (Минск)

В анализе советской внешней политики середины 1950-х – середины 1960-х гг. англоязычные исследователи обратились к рассмотрению взаимоотношений СССР с Африкой. До конца 1950-х гг. в историографии практически отсутствовали исследования, посвященные рассмотрению политики СССР в регионе. Причина заключалась в том, что только в середине 1950-х гг. в связи с началом национально-освободительного движения в африканских странах СССР активизировал действия по поддержке антиколониальных выступлений и налаживания связей с освободившимися странами. В условиях «холодной войны» для СССР приобретение союзников на бывшей колониальной периферии имело важное значение.

В историографии конца 1950-х – начала 1990-х гг. изучение взаимоотношений СССР и африканских стран определялось политикой «холодной войны», в соответствии с которой большинство ученых рассматривали политику Н.С. Хрущева в Африке как направленную на захват и последующую коммунизацию континента [1; 4; 5; 7]. В современной историографии исследователи представили более сбалансированные оценки политики СССР в африканских странах [2; 3].

Отличительной чертой историографии проблематики конца 1950-х – начала 1990-х гг. стало появление исследований, в которых красной нитью проходила идея о том, что продвижение СССР в Африку основывалось на традициях имперской политики России, которая отличалась экспансионистским характером. Наи-

более последовательная аргументация «преемственности» традиций внешней политики СССР и царской России в Африке была представлена в статье С. Якобсона, опубликованной в сборнике «Российская внешняя политика», вышедшем в свет в 1962 г. Ученый подчеркивал, что советская политика в Африке в период с 1920-х гг. и вплоть до середины 1950-х гг. представляла прямое продолжение экспансионизма и догматизма внешней политики Российской империи в регионе [4, p. 34]. Характеризуя политику Н.С. Хрущева на континенте, С. Якобсон отмечал антизападную направленность и считал, что главная цель советского лидера состояла в утверждении позиций посредством распространения коммунизма. А. Рубинштейн также придерживался концепции «преемственности» в анализе политики СССР в «третьем мире». Исследователь полагал, что «экспансионизм» Российской империи имел ограниченный характер, так как распространялся в основном на Эфиопию. Советский экспансионизм, в отличие от имперского, особенно во время Н.С. Хрущева, затронул многие регионы [4, p. 14].

Диапазон обсуждений проблемы «наследия» и «преемственности» политики СССР в Африке в англоязычных кругах оказался очень широким. Некоторые ученые, например, Ч. Гати считали, что «агрессивное» поведение СССР основывалось на «сталинском внешнеполитическом наследии». Что касается политики Н. С. Хрущева в странах «третьего мира», что она строилась на тех же сталинских принципах «расширения» СССР за счет включения новых территорий», только теперь сместились территориальные интересы: акцент был сделан не на Восточной Европе, а на Африке, Азии и Латинской Америке [5, p. 45].

Зб. Бжезинский в статье «Африканская проблема», опубликованной в сборнике «Африка и коммунистический мир», вышедшей в 1963 г. под его же редакцией, также утверждал, что интересы СССР в регионе сводились в основном к идеологическому воздействию, в то время как экономический аспект имел второстепенное значение. С точки зрения ученого, для СССР главным представлялось «выиграть схватку с США за умы африканцев» [1, p. 208]. Российский специалист С.В. Мазов, характеризуя работу Зб. Бжезинского, писал, что ученый репрезентировал советскую цель в Африке «как будто речь шла о военной наступательной операции. На перовом этапе с помощью «антиколониализма» наводились мосты … Далее следовал «захват плацдарма». Основным содержанием этой фазы была подготовка прокоммунистической пятой колонны из местной элиты … После закрепления на плацдарме советские стратеги планировали его расширение и наступление по всему фронту» [8, с. 12].

А. Даллин также придерживался идеи «захватнической» политики СССР в Африке. Исследователь отмечал, что уже в середине 1950-х гг. в СССР началось формирование специализированных институтов, направленных на углубленное изучение африканской истории и культуры – Институт стран Азии и Африки, созданный при АН СССР в 1959 г. во главе с И. Потехиным. А. Даллин отмечал, что основной задачей Института стала разработка «пропагандистских» методов воздействия СССР на африканский континент. В 1961 г. был основан журнал «Азия и Африка сегодня», в котором публиковались статьи советских авторов и рецензии на работы американских исследователей, в 1958 г. в Министерстве иностранных дел СССР было создано специальное ведомство, занимающиеся анализом политической ситуации в Африке [1, p. 20 – 21]. Оценивая «пропагандистскую» политику СССР в Африке во второй половине 1950-х гг., А. Даллин отмечал, что начиная с 1958 г. СССР начал распространять на территории Африки советские периодические издания. Тиражирование вначале было ограниченным, но к 1960 г. советская периодика в Африке по объему значительно превышала французскую и

британскую [1, p. 22]. Анализируя «африканскую» стратегию Н.С. Хрущева, А. Даллин писал, что особенность политической деятельности советского лидера в этом направлении состояла в том, что он активно использовал «персональную дипломатию», суть которой заключалась в установлении личных контактов с лидерами освободившихся африканских государств [1, p. 21].

Идеологический фактор ставил во главу угла и Дж. Клингхоффер, который утверждал, что активизация советской политики в Африке состоялась после XX съезда КПСС и была связана с тезисом Н.С. Хрущева о существовании различных путей построения социализма. Ученый подчеркивал, что воздействие данной концепции на континент проявилось в том, что советский лидер признал возможным построение африканского социализма с минимальным удельным весом пролетариата [7, p. 69]. А. Эрлих и К. Сонни, рассматривая политику СССР в Африке, выделяли два этапа: 1955 – 1959 гг. и 1960 – 1964 гг. На первом этапе преобладала «идеологическая» политика, на втором – политика СССР сводилась в основном в экономическим интересам [1, p. 58 – 59]. Авторы отмечали, что кризис в Конго в 1960 г. показал бесперспективность «идеологической борьбы» СССР за Африку. Экономическое направление в «африканской» политике являлось приоритетным во второй период. В конце 1960 – начале 1961 г. СССР заключил торговые договоры с Гвинеей, Эфиопией, Суданом, Мали, Нигерией, Сенегалом, Суданом и Того, а с 1962 г. СССР увеличил поставляемые в эти страны кредиты [1, p. 60 – 61].

В современной историографии изучение африканской политики СССР середины 1950-х – середины 1960-х гг. проходило на основе использования новых источников из российских, бельгийских и британских архивов. В научных кругах активное обсуждение получила проблема выявления африканской стратегии СССР, определения позиции СССР во время суэцкого и конголезского кризисов, политики СССР в отношении стран Африканского Рога, Южной и Юго-Западной Африки. Критически переосмысливая работы предшественников, Л. Намикас рассматривала политику СССР в «третьем мире» как «ответ» на политику США. Она писала, что единого плана продвижения в Африку в советском руководстве выработано не было. После XX съезда КПСС Н.С. Хрущев сделал акцент исключительно на пропаганде преимуществ социализма перед капитализмом, а идея советской угрозы в Африке, которую активно проводили в жизнь американское руководство, была преувеличенной и впоследствии оказалась несостоятельной. Вместе с тем, Л. Намикас, не отрицая тезис о наличии геополитического соперничества СССР и США в Африке, утверждала, что действия Н.С. Хрущева на континенте являлись только «ответом» на провокации со стороны США [2, p. 10].

Концептуальное объяснение политики СССР в странах «третьего мира», в том числе, и в Африке, представил А. Пейнтер, который также подчеркивал ответственность США в начале «холодной войны» в Африке и Азии. Он отмечал, что «для США контроль над доступом к иностранным запасам нефти был ключевым приоритетом на протяжении всей «холодной войны». Зависимость стан Восточной Европы от советского газа и нефти усиливала влияние СССР. США противостояли революционному национализму стран «третьего мира» и стремились к «сдерживанию» советского влияния, опасаясь лишиться доступа к жизненно важному сырью и тем самым ослабить позиции Запада в «холодной войне» [3, p 113].

О. Вестад для обозначения политики СССР в Африке предложил концепцию «мессианизма», суть которой заключалась в том, что СССР сделал акцент на идее «социальной справедливости», в то время как США – на идее «свободы». При этом автор подчеркивал, что каждая из сторон полагала, что именно ее идео-

логические ценности и модель развития «будут способствовать прогрессу развивающихся стран» [3, p. 243].

Таким образом, в анализе советской политики в Африке середины 1950-х – середины 1960-х гг. англоязычные исследователи акцентировали внимание на анализе стратегии СССР во время суэцкого и конголезского кризисов, советской политики в отношении стран Южной и Юго-Западной Африки. До начала 1990-х гг. англоязычные авторы утверждали идею «идеологического» проникновения СССР на континент с целью «коммунизации» региона. С начала 1990-х гг. в историографии утверждается тенденция менее критических оценок деятельности СССР на континенте. Англоязычные исследователи утверждали, что единого плана продвижения в Африку в советском руководстве выработано не было, политику СССР в Африке рассматривали как «ответ» на действия США.

1. Brzezinski, Z. Africa and the Communist World / Z. Brzezinski. –. Stanford: Stanford University Press, 1963. – 270 p.
2. Namikas, L. Battleground Africa. Cold War in the Congo / L. Namikas. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 830 p.
3. Reviewing the Cold War Approaches, Interpretations, Theory / Edited by Odd Arne Westad. – London – Portland: London School of Economics and Political Science. – Franc Class., 2000. – 382 p.
4. Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective / Edited by I. Lederer. – New Haven and London: Yale University Press, 1962. – 610 p.
5. Rubinstein, A. Soviet Foreign Policy since Stalin / A. Rubinstein – Boston. Toronto: Imperial and Global, 1985. – 400 p.
6. Stevens, Ch. The Soviet Union and Black Africa / Ch. Stevens. – London and Basingstoke: The Macmillan Press LTD, 1976. – 299 p.
7. The Soviet Union and the Developing Nations / Eds. By R.E. Kanet. – Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1974. – 563 p.
8. Мазов, С.В. Политика СССР в Западной Африке. 1956 – 1964. Неизвестные страницы истории «холодной войны» / С.В. Мазов. – М.: Наука, 2008. – 339 с.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.П. Бетеня (Минск)

Проблемы и сложности во взаимоотношениях России и ЕС были всегда. Ю. Борко и О. Буторина, рассуждая о кризисных ситуациях в отношениях ЕС и России в 1990-е гг., называют следующие: «Два из них, весной 1995 г. и в октябре 1999 – первой половине 2000 г., были вызваны действиями российских войск в Чечне. Кризисы весной 1997 г. и в марте – июле 1999 г. были следствием, соответственно, расширения НАТО и бамбардировок Югославии. Наконец, в августе – сентябре 1998 г. имел место открытый кризис в сфере экономических отношений…» [5, с. 367]. И. Максимычев отмечает, что «начало процесса ухудшения совпало с массовым расширением Евросоюза в 2004 году, когда в него были приняты страны Восточной Европы и три прибалтийских государства, бывшие в своё время республиками СССР» [15, с. 150]. И. Бусыгина и А. Дерягина, анализируя стратегию ЕС в отношении России выделяют «проблему 2007»: «несоответствие между действующим правовым форматом отношений России и Европейского Союза («Соглашение о партнерстве и сотрудничестве» от 1994 г.), реальным их наполнением, а также целями сторон, и проблемы выработки нового соглашения между Россией и Европейским Союзом» [4, с. 26]. И. Пашковская, анализируя события августа 2008 г. на Кавказе, констатирует, что «…события в Грузии – Южной Осетии – Абхазии августа 2008 года существенно омрачили до того времени

позитивно развивавшиеся отношения между Россией и Евросоюзом» [16, с. 121]. М. Энтин замечает, что «другой клубок противоречий, из которого Россия, ЕС и его государства-члены не могут высвободиться, касается «Восточного партнерства». Ни для кого не секрет, что политика была придумана и форсировано утверждена как направленная на подрыв российского влияния в регионе и переориентацию на себя местных элит в ответ на августовские события 2008-го года» [21]. С. Караганов указывает на то, что: «...есть еще проблема «непризнанных государств» – территорий, после кровопролитных конфликтов отколовшихся от Молдовы, Грузии или Азербайджана. Да, этот вопрос может вызвать разногласия – однако важность его столь мала, что остается только диву даваться, почему ему уделяется столько времени и сил» [7]. Б. Хейфец подчеркивает, что «инвестиционная экспансия российских компаний в страны ЕС сопровождается острыми конфликтами как на государственном, так и на корпоративном уровнях. В первую очередь это касается так называемых госкомпаний» [19, с. 17]. Л. Сутормина считает, что «диалог по безвизовой проблематике был и остается проблемным аспектом в двустороннем сотрудничестве, настоящим «камнем преткновения» в отношениях между Россией и ЕС» [18, с. 115]. В. Загашвили говорит о том, что «не меньшие, если не большие трудности проявляются в разрешении вопросов сближения нормативной базы хозяйственной деятельности» [6, с. 5].

Среди причин, по которым время от времени возникают напряженные ситуации между ЕС и Россией, российские европеисты называют следующие. Р. Симонян: «…глубокие разрывы между современной Россией и Западной Европой существуют не столько между западно-христианскими и восточно-христианскими ценностями, сколько между пострадавшей от длительной изоляции страной и европейскими достижениями XX в.» [17, с. 48]. А. Кузнецов, анализируя капиталовложения из ЕС в России, констатирует, что «Евросоюз … открыто признал свою неготовность к углублению политического партнёрства с Россией … Более того, оказалось, что согласование политической позиции в рамках ЕС неизбежно означает учёт мнения тех европейских политиков, кто продолжает мыслить категориями «холодной» войны» [14, с. 58]. На взгляд Н. Шмелёва и В. Фёдорова, «главная проблема отношений между Европой и Россией состоит в том, что Европа согласна подчинятся Соединённым Штатам и подчинятся, а Россия – нет, она не желает стать чьим-то протекторатом. У России глобальное мышление – у Европы сервильное, независимо от того, хорошо это или плохо» [20, с. 12 – 13]. М. Энтин подчеркивает, что «… Европейский Союз возомнил себя чем-то вроде империи. Он решил, что все остальные должны подчиняться его воле только потому, что он так велит. Потому что он может и должен служить эталоном для всех. Он всегда прав. Он вне критики. Он самый-самый. Он иконостас. Достаточно просто следовать его предписаниям, и повсюду в мире настанет эра стабильности и процветания» [21]. Э. Баталов в своей статье анализирует эволюцию российского общественного сознания, он подчёркивает, что «одна из причин этого заключается в недооценке Западом значимости России как глобального политического игрока и стратегического партнера. Видимо, Европа и Америка по-прежнему исходят из презумпции, что Запад важнее для России, чем Россия для Запада, со всеми вытекающими отсюда последствиями» [3, с. 49]. С. Караганов, анализируя причины, по которым не происходит сближение России и ЕС, называет следующие: «из-за чрезмерной забюрократизированности европейской политики» [9], «ценностных различий», а также «…появление в ЕС стран, исторически подозрительно относящихся к России» [11]. Н. Арбатова говорит о том, что «одна из главных проблем в отношениях России с ЕС, который остается самым важным

партнером на западном направлении, состоит в отсутствии стратегических целей этих отношений. Россия, сыгравшая решающую роль в окончании биполярности, так и не нашла своего места в стратегии расширяющегося Европейского союза, как, впрочем, и НАТО. Спустя пятнадцать лет после распада СССР так и остается неясным, до какой степени Россия может быть интегрирована в Большую Европу» [1, с. 15]. Такой точки зрения придерживается значительное количество российских исследователей. В том числе и М. Энтин, который отмечает, что «отношения между Россией и ЕС лишены стратегической глубины. У политических элит обеих сторон отсутствует даже приблизительное видение того, как политическая конфигурация нашего континента будет выглядеть через 20, 30 или 50 лет. Или должна выглядеть» [21]. С. Караганов указывает на тот факт, что «…ЕС, не имея стратегии в отношении России, просто занимается мелким выдавливанием односторонних уступок в пользу своих стран или рыночных субъектов» [8].

Так что же необходимо предпринять российской политической элите для реального сближения с ЕС? Что нужно России сегодня? По мнению Р. Симоняна, «…сегодня России нужно не обоготворение Запада, в чём уже преуспели одни, и не обожествление собственной исключительности, в чём ещё больше хотят преуспеть другие, но твёрдое осознание реальности и стремление к максимальной целесообразности, прагматичности, как это сделали передовые азиатские и делают передовые южноамериканские страны» [17, с. 49]. Ю. Борко и О. Буторина считают, что «главным полем совместных усилий становится рутинная работа, направленная на практическое осуществление достигнутых договорённостей, терпеливый поиск решения конкретных проблем и взаимоприемлемых компромиссов, то есть всё то, что именуется в Европе стратегией продвижения «шаг за шагом» («step by step» strategy)» [5, с. 395]. М. Байков отмечает, что «…Россия должна, видимо, переориентировать на других внешнеэкономических партнеров. Такая диверсификация будет способствовать укреплению позиций нашей страны на мировых рынках. Противовесом Европейскому Союзу могут выступать страны Азиатского региона … «Выход на Восток» послужит инструментом сокращения перекоса, который сложился в российской внешней торговле» [2, с. 36].

Похожей точки зрения придерживается С. Караганов, который предлагает следующее: «для обеих сторон стоит отойти от громко звучащих, но мало реалистичных мегапроектов типа четырех пространств и перейти к десятку-двум небольших конкретных проектов, имеющих понятную структуру и четкие сроки реализации» [10], «начать создавать дееспособную бюрократию, которая могла бы вести эффективные переговоры с ЕС» [11], «родготовить вместо полуфиктивных четырех пространств стратегический договор о долгосрочном взаимодействии и сближении» [10], таким образом протянув «…руку стратегической дружбы Европе…» [10]. Рассуждая о будущем договоре между Россией и ЕС, С. Караганов настаивает на переименовании «его из «договора о стратегическом партнерстве» в «договор о стратегическом союзе» [13], «поскольку «стратегическое партнерство» является довольно бессмысленным термином, который прикрывает любые отношения, кроме открыто враждебных» [12]. Понимая сложности, существующие во взаимоотношениях Евросоюза и России, он предупреждает о том, что стратегическая дружба «может быть не принята из-за нашей нынешней непривлекательности, их смятения в умах, из-за сопротивления новых членов ЕС, генетически боящихся России. Но Европа будет в ближайшие годы находиться в поисках новой стратегии развития, и мы обязаны подключиться к этим поискам. И в интересах России, и Европы. Мы можем не выиграть, подключившись к этим по-

искам. Но проиграть мы точно не можем. У нас появилось «окно возможностей». Глупо его не попытаться использовать [10].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, ЕС является одним из «наиболее изучаемых» субъектов международных отношений в российской историографии. Во-вторых, значительная часть исследований направлена на поиск практических результатов, в частности, в вопросах конструктивного сотрудничества России и ЕС.

1. Арбатова, Н.К. Станут ли страны СНГ «яблоком раздора» в отношениях России и ЕС? / Н. К. Арбатова // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 6. – С. 15 – 20.
2. Байков, М. Актуальные проблемы экономических отношений Россия-ЕС / М. Байков // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 6. – С. 29 – 36.
3. Баталов, Э.Я. Россия и Запад: эволюция российского общественного сознания / Э.Я. Баталов // Современная Европа. – 2000. – № 2. – С. 39 – 51.
4. Бусыгина, И. Стратегия Европейского Союза в отношении России и трансграничное сотрудничество на Северо-Западе / И. Бусыгина, А. Дерягина // Аналитические записки. – 2007. – Выпуск 7 (27). – С. 28.
5. Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / под ред. Ю.А. Борко (отв. ред), О.В. Буториной. – М.: УРСС, 2001. – 480 с.
6. Загашвили, В. Отношения России с лидерами мировой экономики / В. Загашвили // Мировая экономика и международные отношения.– 2009. – № 8. – С. 3 – 11.
7. Караганов, С. Отношения России и Европы: хватит изводить друг друга / С. Караганов // Персональный сайт С. Караганова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://karaganov.ru/publications/144. – Дата доступа: 25.01.2013.
8. Караганов, С. Россия и Европа: трудное сближение / С. Караганов // Персональный сайт С. Караганова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://karaganov.ru/publications/50. – Дата доступа: 25.01.2013.
9. Караганов, С. Россия и Европа: вместе или по соседству? / С. Караганов // Персональный сайт С. Караганова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://karaganov.ru/publications/33. – Дата доступа: 20.01.2013.
10. Караганов, С. Россия и Европа получили «окно возможностей» / С. Караганов // Персональный сайт С. Караганова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://karaganov.ru/publications/56. – Дата доступа: 20.01.2013.
11. Караганов, С. Россия и ЕС – необходимость нового формата / С. Караганов // Персональный сайт С. Караганова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://karaganov.ru/publications/37. – Дата доступа: 20.02.2013.
12. Караганов, С. России надо отложить договор с Евросоюзом / С. Караганов // Персональный сайт С. Караганова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://karaganov.ru/publications/143. – Дата доступа: 20.02.2013.
13. Караганов, С. Реальные договоры и пустые декларации / С. Караганов // С. Караганов. Персональный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://karaganov.ru/publications/233. – Дата доступа: 20.02.2013.
14. Кузнецов, А.В. «Капиловложения из ЕС в России: значимые перемены» / А.В. Кузнецов // Современная Европа. – 2009. – № 3. – С. 58 – 72.
15. Максимычев, И.Ф. «Трудности диалога России и ЕС: основа для оптимизма» / И.Ф. Максимычев // Современная Европа. – 2009. – № 1. – С. 150 – 153.
16. Пашковская, И.Г. Участие Европейского Союза в урегулировании вооруженного конфликта августа 2008 года в Грузии – Южной Осетии – Абхазии / И.Г. Пашковская // В поисках новой роли: международные организации безопасности в евроатлантическом и евразийском регионах. Сборник статей / под ред. А.И. Никитина, А.А. Казанцева. – М.: МГИМО – университет, 2011. – С. 109 – 122.
17. Симонян, Р. Россия и Евросоюз: Балтийский потенциал Экономической интеграции / Р. Симонян // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 4. С. 48 – 59.
18. Сутормина, Л. Диалог России с Европейским Союзом об отмене виз / Л. Сутормина // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 9. – С. 114 – 120.
19. Хейфец, Б. Энергодиалог Россия-ЕС: корпоративный срез / Б. Хейфец // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 8. – С. 12 – 21.
20. Шмелёв, Н.П. Россия-Запад: требуется концепция ограниченного возмездия / Н.П. Шмелёв, В.П. Фёдоров // Современная Европа. – 2010. – № 1. – С. 5 –1 7.
21. Энтин, М. Вернуться назад, чтобы идти вперед / М. Энтин // Вся Европа. [Электронный ресурс]. – 2012. № 5(66). – Режим доступа: http://www. alleuropa.ru/vernutjsya-nazad-chtobi-idti-vpered. – Дата доступа: 30.06.2012.

Р А З Д Е Л 2
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

«СЕРЫЙ КАРДИНАЛ» ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ
(Жан Монне в истории европейской интеграции)

О.М. Болдырева (Елец)

История Франции в XX в. ознаменовалась значительными изменениями как во внутри-, так и во внешнеполитической сферах. Важную роль в этих процессах сыграл французский бизнесмен и политический деятель Жан Монне. Однако изучение и анализ его жизни и деятельности представляет для исследователя значительную сложность. После II мировой войны, один американский журналист, писавший биографическую статью о нем, пришел к выводу, что невозможно классифицировать Монне в одну из привычных профессиональных категорий, таких как «политик», «бизнесмен» или «дипломат» [4, с. 494], настолько насыщенной и разноаспектной была его жизнь. В историю же Монне вошел, прежде всего, как автор послевоенного плана модернизации и снабжения Франции и, особенно, как родоначальник процесса европейской интеграции, один из «отцов» объединенной Европы. Войдя в мировую политику совсем молодым человеком, без специального образования и навыков, Монне в 1940 – 1950-х гг. стал одним из наиболее влиятельных политиков Франции. Не всегда соглашаясь с официальной правительственной линией, он, тем не менее, оказывал значительное влияние на формирование внутри- и внешнеполитического курса страны. Несмотря, а возможно и благодаря отсутствию официального статуса, положение Ж. Монне было весьма стабильным. Как писал французский историк П. Жербе: «… правительства менялись, Монне оставался» [2, с. 98]. Уже к началу II мировой войны Ж. Монне окончательно сформировался как «человек второго плана», «серый кардинал» [4, с. 355], не претендовавший на высокие посты и должности и направлявший действия тех, кто занимал такие посты.

В ходе I мировой войны Монне открыл средство развития международного сотрудничества не через традиционную дипломатическую систему договоров и компромиссов между национальными интересами, но через согласованную деятельность, исходя из общего интереса и с точки зрения общего решения. Это стало своего рода «коперниковской революцией» в международных отношениях [1, с. 117]. Монне применил этот метод в Исполнительных межсоюзнических комитетах, осуществлявших в течение I мировой войны распределение между союзниками морского тоннажа и продовольствия. Он повторил этот опыт в ходе II мировой войны, занимая пост председателя Комитета по координации союзнических усилий в войне.

Анализируя работы и выступления Ж. Монне, нельзя сказать, что он всегда мечтал о создании единой Европы, тем не менее, в начале 1940-х гг. он часто задумывался о ее послевоенной судьбе. Монне был свидетелем ряда неудачных попыток интеграции Европы и пришел к выводу, что идея создания полного институционального здания единовременно является неосуществимой мечтой. При попытке ее воплощения государства оказали бы такое ожесточенное сопротивление, что инициатива оказалась бы обреченной на неудачу. Успеха можно было добить-

ся лишь в том случае, если бы удалось наметить несколько конкретных целей, имеющих огромное психологическое значение, а также выработать механизм принятия решений, действие которого постепенно можно было бы распространить и на другие области. Эта мысль была положена в основу «метода Монне» – основополагающих принципов западноевропейской интеграции.

Чтобы прийти к успешному решению вопросов интеграции предстояло разрешить многие серьезные противоречия между старыми соперниками в Европе. Особую роль играли, конечно, франко-германские отношения. Было очевидно, что никакая политическая или экономическая структура межгосударственного характера, претендующая на роль основы интеграционных процессов, не сможет быть эффективной без поддержки Франции и ФРГ, действующих с согласованных позиций. В этих условиях министром иностранных дел Франции Р. Шуманом 9 мая 1950 г. был выдвинут проект ЕОУС, разработанный Монне (план Шумана).

Анализируя деятельность Ж. Монне, важно понять, что он не был «творцом идей», не придумывал ничего нового, поскольку выдвигаемые им идеи уже витали в воздухе. Так было в 1945 г. с планом модернизации и снабжения, то же самое произошло в 1950 г. с объединением угольной и сталелитейной промышленности. С 1948 по 1950 гг. французской прессой было представлено не менее десяти подобных проектов, выдвигались они и немецкой стороной. Монне не занимался и проработкой технических вопросов функционирования будущего Сообщества. Его вкладом было определение общего направления деятельности ЕОУС, методов его создания и умение определить подходящий момент и убедить в целесообразности своего предложения. Именно поэтому в европейскую историю он вошел, прежде всего, как «вдохновитель» европейской интеграции.

В июне 1955 г. министры иностранных дел стран-участниц Европейского объединения угля и стали встретились в г. Мессине и пришли к выводу, что необходимо начать новый этап в европейском строительстве, в экономической сфере, путем « создания общих учреждений, слияния национальных экономик, гармонизации социальной политики» будущих членов Общего рынка [3, с. 432].

Чтобы добиться более широкой поддержки европейских проектов, Ж. Монне и его сотрудники думали о создании фронта или группы для борьбы за единую Европу. Ф. Дюшен, работавший в информационной секции Верховного органа власти, советовал Монне баллотироваться во французский парламент, чтобы сформировать «европейскую» партию во Франции. Но Ж. Монне предпочитал идею «Европейского фронта» или «Фронта за Соединенные Штаты Европы», члены которого представляли бы не только Францию, но и другие европейские страны. Цель организации была обозначена в самом ее названии: Соединенные Штаты Европы.

Главная цель Комитета заключалась «...во вмешательстве и убеждении правительств, парламентов и общественного мнения, что резолюция, принятая в Мессине 2 июня 1955 г., – реальный шаг к созданию Соединенных Штатов Европы» [5, с. 93]. Г. Венер характеризовал Комитет как «круг друзей, которые рассматривали друг друга не как политических противников, а как друзей, служащих одному делу...» [7, с. 3]. Монне был центром этого круга. Для М. Констамма, вице-председателя Комитета Монне, «Комитет борьбы и личность Монне были неразделимы» [7, с. 4]. Едва ли можно говорить о Комитете и его деятельности, не говоря одновременно о Ж. Монне и его месте в европейском строительстве. Связь между ними была тесной, и мы полагаем, что Комитет борьбы был хорошим поводом для влияния Ж. Монне на политиков различных стран и уровней. Без Комитета, после отставки с поста председателя Высшего органа власти ЕОУС, по-

добное влияние было бы весьма затруднительным и даже невозможным. Другими словами, Монне была необходима визитная карточка, чтобы сохранить и расширить сеть своего влияния, и Комитет придавал ему определенную легитимность в отношениях с собеседниками. Влияние Комитета ощущалось в создании соответствующей атмосферы для подписания Римских договоров. Первые его заседания были посвящены проблеме создания Евратома и ратификации договоров о Европейском Экономическом Сообществе и Евратоме.

Комитет Монне, не являясь массовой организацией, объединил в себе представителей политической и профсоюзной элиты стран Шестерки. Потенциальная зона его влияния была весьма обширна. На национальном уровне многие его члены занимали места в национальных правительствах и парламентах. На европейском уровне – были членами европейского Парламента, консультативной Ассамблеи Совета Европы, Европейского движения. На международном уровне представители профсоюзов, присоединившихся к Комитету, занимали ключевые посты в международной Конфедерации свободных профсоюзов и международной Конфедерации христианских профсоюзов. При необходимости Монне пользовался помощью своих друзей в ЕОУС, ученых и журналистов, которые не имели официального членства, но оказывали Комитету поддержку [6, с. 719].

Создавая Комитет борьбы за Соединенные Штаты Европы, Монне не создавал ничего нового, используя лозунг, имевший более чем вековую историю. Идея была старой, но нужно было иметь немало смелости, чтобы провозгласить ее в период кризиса в европейском строительстве и сделать ее носителя одной из влиятельнейших транснациональных групп давления в пользу развития интеграции. Комитет Монне, объединивший внутри себя лидеров крупнейших партий и профсоюзов шести западноевропейских стран, обладал реальной политической властью и выполнял функции лоббистской группы, «проталкивая» в национальных правительствах и парламентах решения в пользу европейского строительства. Роль самого Монне в этом Комитете была двойственной. С одной стороны, Комитет придавал ему определенную легитимность и вес в мировой политике, с другой – эта организация представляла собой сеть личных связей Монне, существовала только силой его авторитета и прекратила существование с его отставкой в 1975 г.

Европейские инициативы Ж. Монне не только положили конец вековому франко-германскому противостоянию, но и заложили основу высоких амбиций Франции в европейской политике, что дало ей право считать себя «вдохновителем и идеологом европейской интеграции» и претендовать на ведущее положение в Европейском Союзе. Римские договоры 1957 г. доказали правильность метода Монне. Однако оценки Европы, вдохновленной его инициативами, до сих пор столь же неоднозначны, как и оценки деятельности Ж. Монне в целом. Необходимо признать, что на каждом этапе развития Сообществ и при каждом кризисе Ж. Монне находился за кулисами европейской политики, с упорством защищая европейское строительство, выполняя, когда это было необходимо, функции советника и регулировщика, предлагая действия, которые нужно было срочно предпринять. Ж. Монне не обязательно было быть автором выдвигаемых им идей. Его вкладом было определение общего направления деятельности предлагаемых институтов, методов их создания и умение определить подходящий момент и убедить в целесообразности своего предложения. Являясь не «творцом идей», а человеком, умеющим предложить их в нужный момент, Монне за годы активной международной деятельности стал незаменимой фигурой второго плана при французском правительстве. Насколько хорошо он продолжал играть роль «серого кардинала», показывает обширный комплекс литературы по истории интеграции, где

исследователи зачастую даже не говорят о заслугах Монне в развитии процесса евростроительства или ограничиваются коротким упоминанием об этом. Одни считали его космополитом, «духовным отцом» и «вдохновителем» единой Европы, другие – открыто называли американским шпионом. В этом весьма разнообразном спектре мнений и характеристик сложно понять, кем же в действительности был Ж. Монне, какими идеалами он вдохновлялся и какие цели преследовал.

Проанализировав основные направления и методы его деятельности, мы пришли к выводу, что обе характеристики не являются абсолютно верными. Мы полагаем, что, далекий от национализма, Монне на протяжении своей долгой карьеры оставался, прежде всего, французом. Испытывая искреннюю симпатию к англичанам, восхищаясь динамизмом американцев, даже внешне похожий на американского фермера, он оставался патриотом (при всей нелюбви к этому слову) Франции. Во всех своих общеевропейских начинаниях он руководствовался политической и практической выгодой, в первую очередь, Франции. Желание сделать ее великой державой, ведущей на европейском континенте, подталкивало его к единственно возможным в тех условиях решениям.

1. Bjol, E. La France devant l'Europe. La politique européenne de la IV Republique / E. Bjol. – Copenhague: Munskgaard, 1966. – 455 p.
2. Gerbet, P. Construction de l'Europe / P.Gerbet. – P.: Plon, 1999. – 213 p.
3. L'Année politique. 1955. – P., 1956. – P. 432.
4. Témoignages à la mémoire de Jean Monnet. – Lausanne: Centre de recherches européennes de Lausanne, 1989. – 628 p.
5. Poos, J.-F. Jean Monnet et Luxembourg dans la construction de l'Europe / J.-F. Poos, H. Rieben. – Lausanne: Centre de recherches européennes, 1989. – 144 p.
6. Roussel, E. Jean Monnet / E. Roussel. – P.: Fayard, 1996. – 1004 p.
7. Winand, P. 20 ans d'action du comite Jean Monnet (1955 – 1975) / P. Winand // Problematiques européennes. – 2001. – Mai. – № 8. – 121 p.

ВЛИЯНИЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» НА ГЕРМАНСКУЮ ПОЛИТИКУ ФРАНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.

Н.В. Величко (Витебск)

Франция, США, Великобритания и СССР руководствовались принципами «четырёх «Д» в деле обращения с послевоенной Германией, выработанными в Потсдаме: демилитаризации, денацификации, демонополизации и демократизации. Они полностью соответствовали интересам Парижа, поскольку уничтожали военную и политическую угрозу для Франции со стороны «сильной Германии». 12 октября 1945 г. Ш. де Голль заявил перед прессой, что Франция надеется на то, что «никогда больше не увидит Германского Рейха» [1, с. 32]. Как отмечает М.М. Наринский, «весьма важным для Франции было и то, что к имевшемуся соглашению о выделении для Франции зоны оккупации в Германии прибавилось приглашение участвовать в работе Совета министров иностранных дел и Союзной репарационной комиссии» [2, с. 50], а также Союзного Контрольного совета. Но, пытаясь максимально унизить Германию, исключить её навсегда из числа великих европейских держав, отомстить за унижения французов со стороны немцев во время двух мировых войн и в войне 1870 – 1871 гг., Франция полагала, что меры по денацификации, демонополизации, демилитаризации и демократизации Германии в «духе Потсдама» явно недостаточны.

Ради достижения своих целей Париж рассчитывал на межсоюзнические противоречия по германскому вопросу. Они действительно имели место, как внутри блока западных государств, так и между ними, с одной стороны, и Совет-

ским Союзом с другой. Франция, по крайней мере, до лета 1946 г. пыталась активно играть на этих противоречиях, блокируясь по многим вопросам с Москвой. Подобная тактика Ш. де Голля и Парижа вызвала опасения у американцев. С осени 1945 г. по май 1946 г. США начали активное давление на Францию, используя кредиты и обещая Парижу не допустить «большевизации» Франции, перехода власти к Французской коммунистической партии и левым [3, с. 28 – 29].

До середины 1947 г. позиция Франции по германскому вопросу оставалась наиболее радикальной и антинемецкой. Она предусматривала осуществление комплекса мер, направленных на длительное ослабление Германии: отделение Саара, Рура и Рейнской области, децентрализацию и даже дегерманизацию. США выступили первоначально против всех территориальных требований Франции. Но, поскольку французская поддержка в Германии была им настоятельно необходима, они стали склоняться к тому, чтобы удовлетворить часть претензий Франции в качестве платы за её присоединение к курсу США. Американские политики считали, что временное отделение Саара, в отличие от отделения Рура и Рейнской области, не нанесёт особого ущерба процессу возрождения Германии.

На второй сессии СМИД в июле 1946 г. в Париже госсекретарь США Дж. Бирнс дал понять французам, что согласие США на присоединение Саара будет зависеть от принятия Францией американского предложения об объединении западных зон Германии. Для французской дипломатии стало ясно, что она может получить поддержку США в саарском вопросе. 12 июля, в последний день работы сессии, министр иностранных дел Франции Ж. Бидо откровенно намекнул, что Париж готов пойти на «честную» сделку. Он заявил, что французская делегация не возражает против создания общегерманских бюро с немецким персоналом для разрешения практических вопросов, но потребовал, чтобы деятельность этих центральных союзнических бюро не распространялась на Саар, который должен быть немедленно включён в экономическую и финансовую сферу Франции [4, с. 91 – 96]. Однако это ещё не было прямым согласием Франции на слияние зон.

Очередным средством давления Соединённых Штатов на Францию была так называемая «угольная дипломатия». Осенью 1946 г. «Европейская угольная организация» резко уменьшила ввоз угля во Францию из Германии, в том числе и из Саара. Французское правительство вынуждено было сократить внутреннее потребление угля. Французские представители выступали с отчаянными призывами дать Франции больше угля. Только Советский Союз поддерживал эти требования. США и Великобритания неизменно отклоняли их. Американские и английские представители заявляли, что для увеличения поставок угля необходимо сделать экономику Западной Германии «самообеспечивающейся». Для этого, подчёркивали они, необходимо присоединить французскую зону оккупации Германии к Бизонии (англо-американская зона оккупации Германии).

10 августа 1946 г. главнокомандующий французской зоны оккупации Германии генерал Пьер Кёниг объявил о своём протесте против проекта Бизонии. Его принятие противоречило соглашениям Потсдама. Учитывая состояние действующей французской армии, одобрение англо-американского соглашения влекло за собой опасность советской угрозы для Франции.

Решение французского правительства о неприсоединении к Бизонии имело ряд негативных последствий. Франция утрачивала возможность участия в переговорах, касающихся экономического и политического развития западных зон. Французская зона оккупации оказалась в полной экономической изоляции, хотя географически и политически она склонялась к Бизонии. Изоляция не способствовала поднятию престижа Франции во французской зоне оккупации. Для продо-

вольственного обеспечения французской зоны было принято решение об усилении таможенного контроля на границах. Администрация французской зоны оккупации запретила любые контакты немецких политических партий со своими сторонниками в других зонах. Каждая земля французской зоны должна была иметь свои политические партии, профсоюзы. Политические деятели из других зон редко получали доступ во французскую зону. Однако изоляционный курс Франции не мог долго продолжаться. Из-за своего экономически невыгодного геоположения французская зона оккупации нуждалась в поставках угля, продовольствия, финансовой помощи. Кроме того, с весны 1946 г. Франции были необходимы, по мнению Ш. де Голля, союзники в борьбе против угрозы со стороны СССР.

После провала Московской конференции в апреле 1947 г. и непринятия Москвой «плана Маршалла» экономическое и политическое возрождение Германии стало неизбежным. Германская политика Франции, определяемая Ш. де Голлем и проводимая Ж. Бидо с согласия подавляющего большинства политических партий и общественного мнения, требовала радикального пересмотра. Её было необходимо адаптировать к новым условиям: окончательный разрыв с СССР, укрепление Западной Европы на международной арене и непосредственное участие Германии в восстановлении европейской экономики. С весны 1947 г. американцы резко активизировали свои усилия по присоединению Франции к Бизонии, интеграции западных зон оккупации и образованию ФРГ [3, с. 28 – 30].

В июне 1947 г. Франция признала, что решение германской проблемы содержится в равноправном вхождении Западной Германии в Европейское сообщество. Историк Ж. Бариети отмечал огромную роль и личную заслугу Ж. Бидо в повороте всей французской политики в германском вопросе. Ж. Бариети подчёркивал, что Ж. Бидо с апреля 1947 г. до своей отставки в июле 1948 г. «являлся трагической фигурой, так как в германском вопросе вёл двойную игру. На международных конференциях он работал вместе с англичанами и американцами, а в Национальном собрании он утверждал себя в противостоянии с коммунистами, голлистами и частью своей партии (народными республиканцами из МРП), представляя традиционные позиции Франции» [5, с. 176 – 177].

8 апреля 1949 г. Франция присоединилась к единому западногерманскому экономическому пространству по англо-американскому образцу. Бизония превратилась в Тризонию. В мае 1949 г. оформилась западногерманская, а в октябре – восточногерманская государственность. Однако во Франции продолжало существовать мнение о потенциальной угрозе со стороны обновлённой Германии (ФРГ). Французскому правительству предстояло выработать разумную линию поведения в отношениях с ФРГ. ФРГ уже в момент её образования производила стали столько же, сколько Франция, а угля в три раза больше. Кроме того, она пользовалась политической поддержкой со стороны США и Великобритании. Следовательно, Франции было необходимо строить свои отношения с обновлённой Германией не с позиции страны-победительницы, а с позиции сотрудничества, прежде всего, в целях создания единой европейской политики.

Таким образом, в 1945 – начале 1947 гг. французская дипломатия выражала внешнеполитические интересы Ш. де Голля и решала германскую проблему за счёт идеи «величия Франции». Максимально использовать поражение Германии, не допустить её возрождения – таков был стержень французской политики по германскому вопросу. Эта политика в основном исходила из интересов безопасности Франции и укрепления её экономических позиций. Однако, капитулировав перед гитлеровской Германией, после Второй мировой войны Франция перестала играть роль великой державы и вынуждена была считаться с мнением США,

СССР и Великобритании. В течение двух лет французское правительство пыталось лавировать между англо-американским блоком и СССР, занимать некую среднюю позицию. Однако в условиях «холодной войны» такая политика потерпела крах. С середины 1947 г. Франция под давлением США вынуждена была пересмотреть германскую политику. Французское правительство присоединилось к англо-американскому курсу по возрождению Западной Германии в форме ФРГ.

1. Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945 – 1949. – Bd. 1. – September 1945 – Dezember 1946. – Műnchen – Wien: R. Oldenbourg Verlag, 1976. – 1197 s.
2. Наринский, М.М. Англия и Франция в послевоенной Европе. 1945 – 1949 / М.М. Наринский. – М.: Наука, 1972. – 277 с.
3. Deutschland unter allierter Besatzung. 1945 – 1949/55. Ein Handbuch. Hrsg. v. W. Benz. – Berlin: Akademie Verlag, 1999. – 494 s.
4. Kessel, M. Westeuropa und die deutsche Teilung: England und französische Deutschlandspolitik auf den Aussenministerkonferenzen von 1945 bis 1947 / M. Kessel. – München: R. Oldenburg Verlag, 1989. – 321 s.
5. Bariéty, J. Die deutsche Frage aus französischer Sicht, 1945 – 1955. Die deutsche Frage in der Nachkriegszeit / J. Bariéty. – Berlin: Akademie Verlag, 1994. – 232 s.

МОСКОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ДЖОРДЖА Ф. КЕННАНА (май–сентябрь 1952 г.)

В.А. Райкова (Санкт-Петербург)

Дж.Ф. Кеннан – известный американский дипломат, политический и общественный деятель, историк, публицист, социальный философ, чье имя традиционно ассоциируется с «доктриной сдерживания» СССР и коммунизма, сформулированной в первые послевоенные годы. Однако в его жизни были и другие важные эпизоды, оказавшие значительное влияние на развитие советско-американских отношений. Одним из таких можно считать короткое и драматичное пребывание Кеннана в СССР в качестве американского посла в мае – сентябре 1952 г.

Кандидатура Кеннана вызвала ожесточенные споры в американском руководстве, учитывая его расхождение с официальным Вашингтоном по поводу советской политики и возможности использовать ядерного оружия во время Корейской войны. Однако, в конечном счете, за него сыграл фактор опытности и реноме одного из самых авторитетных советологов – еще в 1933 – 1937 гг. Дж. Кеннан занимал должность третьего секретаря в американском посольстве в СССР, а в 1944 – 1946 гг. являлся советником посла по политическим вопросам.

Кеннан ощущал свою ответственность за развитие советско-американских отношений и согласился возглавить посольство. В беседе с Ч. Боуленом осенью 1951 г. Кеннан признавался: «среди всей работы в мире – эта была той, отказаться от которой я имел минимальное право» [3, p. 119], повторив эту мысль и в мемуарах: «мне было бы особенно трудно отказаться от назначения послом в Советский Союз – это значило отказаться от задачи, к которой меня готовила вся карьера, если она вообще к чему-то меня готовила» [4, p. 106]. Кроме того, несмотря на богатый дипломатический опыт, Кеннан официально никогда не был послом и ему было интересно попробовать себя в этом новом качестве.

Накануне отъезда Кеннана в Москву, президент Трумэн встретился с ним, но ограничился неформальной беседой и не дал никаких официальных инструкций [4, p. 107]. Госсекретарь Дин Ачесон также удержался от каких-либо напутствий и рекомендаций. В итоге, как позднее вспоминал Кенннан: «я не имел абсолютно никаких инструкций ни от госсекретаря, ни от президента, или хотя бы какого-то руководства относительно их отношения к таким острым проблемам, как

Германия, корейское перемирие, дискуссия о демилитаризации в ООН и другие» [4, p. 108]. Он считал, что тем самым руководство демонстрировало пренебрежение к московской миссии.

5 мая 1952 г. Дж. Кеннан прибыл в Москву, встретив теплый прием: на официальных встречах с советским министром иностранных дел А.Я. Вышинским и председателем Президиума Верховного Совета Н.М. Шверником стороны заявляли о взаимном стремлении к пониманию и сотрудничеству. Однако очень скоро стало понятно, что добиться открытого диалога с советским руководством будет практически нереально. В письме Трумэну, написанном в августе, посол отмечал: «здесь просто нет реальных каналов для обмена мнениями и хотя мы сохраняем большое посольство в центре Москвы, мы настолько отрезаны и игнорируемы советским правительством, что создается впечатление будто между нами вовсе нет дипломатических отношений» [5, p. 1035].

Один из вопросов, часто задаваемых Дж. Кеннану впоследствии, почему он не добивался прямого контакта со Сталиным и не стремился прояснить будущий характер американо-советских отношений в личной беседе. Ответ дипломата был таков: «я не знал, что сказать Сталину от имени правительства Соединенных Штатов. Я не имел…инструкции, которая дала бы мне какую-то идею о том, что я должен был бы сказать ему…» [2, p. 41]. Отсутствие нормального общения с представителями советского государства огорчало и угнетало Кеннана, делало невозможным обсуждение каких-либо вопросов. Еще большее раздражение вызывал у Кеннана режим полной изоляции, в котором оказались иностранцы в Москве. Пресечение любых попыток установить контакты с местным населением, запрет путешествовать по стране, постоянное сопровождение сотрудниками НКВД заставляли дипломатов чувствовать себя находящимися под арестом.

Профессиональная деятельность Кеннана в первое время после прибытия в СССР была связана с изучением развернувшейся в советском обществе активной антиамериканской кампании, сосредоточенной на использовании американцами в Корее бактериологического оружия и негуманном обращением с северокорейскими пленными. В ряде аналитических донесений Кеннан отмечал, что новая вспышка антиамериканизма отличается от хорошо известной и ставшей уже привычной советской пропаганды не только степенью интенсивности и жесткостью высказываний, но и внутренними побудителями. По его мнению, главным мотивом советского руководства при принятии решения о начале кампании стало стремление отвлечь граждан от трудностей внутри советского блока и переключить их внимание на международные проблемы [5, p. 987 – 1000]. Основываясь на донесениях Кеннана, Ачесон выразил в беседе с советским послом в США глубокую обеспокоенность озлобленной антиамериканской кампанией и не исключил возможность подать официальный протест руководству Советского Союза в этой связи [5, p. 986]. До официальной ноты дело не дошло, хотя Кеннан в своих докладах не оставлял попыток обратить внимание госсекретаря на проблемы антиамериканской кампании, добиваясь более решительной реакции Вашингтона.

Внимательно изучив состояние дел в московском посольстве, Кеннан отметил два тревожащих его факта: усложнение процедуры дипломатического документооборота и чрезмерное увлечение разведывательной деятельностью. Активное вовлечение сотрудников посольства в шпионаж, поощряемое военными ведомствами и спецслужбами, рассматривалось им не только как наносящее существенный вред нормальной дипломатической работе, но и подвергающее значительному риску дипломатов и членов их семей. Он предлагал госсекретарю обратиться с призывом к руководителям спецслужб США и указать им на то, что

поощрение шпионажа среди дипломатических представителей в Москве наносит ущерб американским интересам и ставит под угрозу жизнь и свободу дипломатов. Кроме того, Кеннан настаивал на необходимости издать официальное распоряжение об ограничении любой публичной деятельности дипломатов, которая могла бы расцениваться советским правосудием как нелегитимная и нарушающая законодательство СССР [5, p. 1004 – 1009]. Полностью разделяя озабоченность посла, Боулен, Мэтьюс и другие сотрудники Госдепартамента провели неофициальные беседы с руководителями спецслужб, достигнув договоренности о сотрудничестве и признании приоритетности дипломатических интересов.

При изучении кеннановской деятельности в Москве в 1952 г. бросается в глаза отсутствие столь свойственных ему аналитических докладов, посвященных не текущим вопросам, а общей ситуации в СССР и возможному развитию американо-советских отношений. Судя по мемуарам, записям в дневнике, а также многочисленным интервью Кеннана – это был его осознанный выбор, слишком иллюзорной ему казалась возможность повлиять на что-либо. Единственным исключением стало донесение «Советский Союз и Атлантический пакт», отправленное в Госдепартамент 8 сентября 1952 г. [4, p. 327 – 351]. Донесение проникнуто твердой убежденностью автора, что создание НАТО было вызвано неверным пониманием на Западе советской угрозы как преимущественно военной. Кеннан предостерегал западные державы от «чрезмерного бряцания оружием … заявлений, которые создают угрозу военных действий против Советского Союза, слов или действий, которые могут рассматриваться как свидетельствующие о неизбежности или даже вероятности войны» [4, p. 348]. В донесении Кеннан повторял характерную для него мысль о нежелании СССР начинать войну с Западом и рассматривал действия США и их союзников как провоцирующие Кремль на ответную агрессию. Тем самым, он фактически переносил ответственность за возможное возникновение вооруженного конфликта на западные державы, хотя и признавал, что война – это всегда взаимное столкновение интересов разных сторон.

В сентябре 1952 г. Дж. Кеннан отправился из Москвы в Лондон на встречу американских дипломатов, аккредитованных в Европе. По пути он совершил остановку в Западном Берлине, в аэропорту которого 19 сентября дал интервью журналистам, которых интересовали условия пребывания иностранных представителей в Советском Союзе. Подобные вопросы вызывали у Кеннана недоумение, смешанное с раздражением, т.к. на его взгляд речь шла об очевидных вещах, повторять которые нет необходимости. В мемуарах он так описывал берлинскую пресс-конференцию: «Журналисты задавали ожидаемые вопросы. Я быстро произносил заготовленные ответы. Но вдруг молодой репортер спросил меня: есть ли у нашего посольства в Москве связи с русскими. Этот вопрос вызвал мое раздражение … Режим изоляции западных дипломатов в Москве существует, по меньшей мере, два десятилетия. Как мог журналист не знать об этом?..."Неужели Вы не знаете, как иностранные дипломаты живут в Москве?" – спросил я. "Нет" – ответил репортер, "как они живут?"… Я ответил: "Я был интернирован в Германии на несколько месяцев в ходе недавней войны. Условия, в которых мы находимся в Москве точно такие же, как условия, в которых находились интернированные, за исключение того, что в Москве мы обладаем свободой выйти и гулять по улицам под охраной"» [4, p. 158 – 159].

Сделанное Кеннаном сравнение условий в СССР и нацистской Германии имело огромный резонанс. 26 сентября 1952 г. в «Правде» появилась редакционная статья, в которой сообщалось, что американский посол, прилетевший в Западный Берлин из Москвы, сделал клеветническое заявление для прессы и пока-

зал себя лжецом и заклятым врагом Советского Союза [1, с. 1]. 3 октября министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский передал представителю американского посольства ноту, объявляющую Кеннана персоной нон-грата и настаивающую на его немедленной отставке с должности посла в СССР. Госсекретарь Ачесон с самого начала инцидента выражал полную поддержку послу, отметив в заявлении для прессы: «Посол Кеннан признан не только в нашей стране, но во всем мире как человек, прекрасно знающий Советский Союз и симпатизирующий законным стремлениям русских людей» [5, p. 1053]. В ноябре 1952 г. Кеннан вернулся в США, но вплоть до 1961 г. занимался научной и общественной деятельностью.

Таким образом, третье официальное пребывание Дж. Кеннана в Москве закончилось быстро и безрезультатно. Объявление его персоной нон-грата и последующую отставку он воспринимал как профессиональное поражение, ставшее одним из самых тягостных и болезненных воспоминаний. Пытаясь осознать причины произошедшего, Кеннан признавал, что был «чрезмерно эмоционален, чрезмерно впечатлителен, чрезмерно чувствителен и чрезмерно озабочен важностью собственного мнения», чтобы спокойно жить в Москве и не пытаться сломать ненормальную практику отношений между представителями советского государства и иностранными дипломатами [4, p. 166 – 167].

1. Правда. – 1952. – 26 сентября. – С. 1.
2. Encounters with Kennan. The Great Debate. – London: Frank Cass and Company, 1979. – 218 p.
3. Hixson, W. George F. Kennan: Cold War Iconoclast / W. Hixson. – New York: Columbia University Press, 1989. – 381 p.
4. Kennan, G.F. Memoirs, 1950 – 1963 / G.F. Kennan. – Boston: Little, Brown, 1972. – 470 p.
5. Foreign Relations of the United States. 1952 – 1954. Vol. VIII. Eastern Europe, Soviet Union, Eastern Mediterranean. – Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1988. – 1463 p.

«ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС» В ПЕРЕГОВОРАХ Н.С. ХРУЩЕВА С Ш. де ГОЛЛЕМ В МАРТЕ–АПРЕЛЕ 1960 г.

В.Е. Гусев (Москва)

Визит Н.С. Хрущева во Францию по приглашению президента Ш. де Голля проходил с 23 марта по 3 апреля 1960 г. В опубликованном в результате этого визита коммюнике информация об обсуждении острых международных вопросов ограничивалась фразой, что стороны «уделили внимание возможности решения вопросов, относящихся к Германии, включая мирный договор с Германией и берлинский вопрос» [1, с. 2]. В настоящее время, благодаря открывающимся российскому исследователю архивным данным и расширенному доступу к зарубежным источникам, мы получили возможность узнать о ходе переговоров и далеко не легкой, но в то же время доверительной полемике, которая развернулась между главами двух государств относительно германского и алжирского вопросов, а также участии Франции в ядерном разоружении.

Первое же изучение материалов переговоров создает впечатление об особом доверии и искренности в изложении позиций без тактичных умалчиваний о существующих проблемах. Для того, чтобы начать новую страницу в отношениях СССР – Франция, стороны открыто позволили друг другу касаться их «болевых точек», без чего процесс разрядки не был бы глубинным. Об этом наглядно свидетельствует признание Хрущева де Голлю в переговорах 24 марта: «Я уважаю средства дипломатии, но иногда они запутывают и не позволяют составить точное мнение по ситуации и принять наилучшее решение» [2, с. 356].

Основное мнение де Голля по германскому вопросу сводилось к тому, что для его урегулирования время еще не настало. Он утверждал, что сначала необходимо наладить взаимоотношения между странами, а затем уже касаться острейших мировых проблем. Убеждая Хрущева в первостепенном значении улучшения отношений, де Голль говорил: «мы убеждены, что если реальная разрядка в отношениях Советского Союза с капиталистическими странами будет достигнута, то германский вопрос как второстепенный, можно будет решить без труда в новой атмосфере … в которой мы не чувствовали бы никакой угрозы» [3, с. 30].

Хрущев в ответном слове подметил, что генерал, в решении «германского вопроса», хочет идти от общего к частному (плодотворные дискуссии по германскому вопросу возможны только в условиях общей разрядки), а СССР желает идти от частного к общему, так как «отдельные вопросы, оставшиеся неурегулированными, будут непрерывно возбуждать страсти» [3, с. 30]. Таким образом, он дал понять генералу, что потепление политической атмосферы на европейском континенте возможно лишь в том случае, если «германский вопрос» начнет сдвигаться с «мертвой точки», но, ни в коем случае, не наоборот. Объясняя Хрущеву опасность поспешности в деле решения этого вопроса, де Голль подчеркивал, что настоящее положение Германии являет собой баланс, с помощью которого Франция может проводить независимую от Америки политику: «Если Германия покинет Запад, то это толкнет Францию к США. А мы этого не желаем» [3, с. 35].

Хрущев, стараясь представить «германскую проблему» как вопрос первостепенной важности говорил, что оздоровлению международной обстановки препятствует именно антисоветская реваншистская политика канцлера ФРГ К. Аденауэра, таящая в себе опасность, в том числе, и для Франции. Впоследствии он вспоминал в мемуарах «Время. Люди. Власть», что на его опасение, что «может разразиться война, а Франция будет втянута в нее как союзница по НАТО, он (де Голль – В.Г.) ответил: «Господин Хрущев, смею Вас заверить, что Франция никогда не будет воевать с Германией против Советского Союза. Пока ФРГ входит в состав НАТО, она вообще не получит возможности развязать войну против СССР и ГДР» [4, с. 400]. Естественно, в ходе визита Хрущев опять предложил де Голлю решить «германский вопрос» путем заключения мирного договора стран Запада с обеими частями Германии. После этого Панков (так в странах Западной Европы называли режим, установившийся в ГДР) в глазах советского правительства станет суверенным государством и ему будет передан контроль над границей, «что повлечет за собой коренное изменение режима коммуникаций между Федеративной Республикой и Берлином и «поставит продвижение французских, английских и американских войск в зависимости от визы правительства, возглавляемого Вальтером Ульбрихтом» [5, с. 208] – объяснял Хрущев де Голлю. Чтобы избежать осложнений, надо «возвести Западный Берлин в статус вольного города … предоставив городу самому урегулировать с правительством Панкова условия своего существования» [5, с. 208].

Де Голль, согласно его мемуарам, «ледяным тоном» [5, с. 209] отвечал, что никто не может Хрущеву помешать осуществить подписание мирного договора с ГДР, но это только усложнит международную обстановку и обострит германскую проблему так, что сложно будет найти пути ее решения. В ходе беседы де Голль подчеркнул ограниченный характер состояния Франции в НАТО: «Франция не может прекратить участие в нем … но в то же время существует четкая позиция, Франции о недопущении расположения американского атомного вооружения на ее территории, средств их запуска, использовании французского флота в средиземноморской эскадре НАТО, организации воздушной защиты. Франция участвует в НАТО, но на определенных условиях» [2, с. 367]. Обращает на себя внима-

ние, что де Голль говорил о преходящем участии Франции в НАТО. Еще днем раньше в переговорах 24 марта, де Голль заявил, что «если в Европе установится равновесие, то Франция не будет нуждаться в Америке. Мы бы остались с ней друзьями, но не нуждались бы в НАТО». Мы можем заметить, что де Голль здесь высказался даже не о военной организации НАТО, которую Франция покинет 1 июля 1966 г., а о блоке в целом. Сам Хрущев писал затем в мемуарах о постепенном отдалении Франции от военной организации НАТО: «Де Голль не высказывался на этот счет прямо, говорил больше намеками, но у меня сохранилось в памяти, что он уже тогда вынашивал какие-то намерения» [4, с. 414].

Хрущев произвел определенное впечатление на де Голля своей готовностью продолжать диалог о путях решения острых мировых проблем. Выступая 2 апреля по французскому телевидению, Хрущев прямо выразил убеждение, что парижская встреча – это только начало пути решения мировых проблем: «Естественно, за несколько встреч и бесед … не размотаешь клубки множества сложных и противоречивых вопросов, которые накопились в мире за годы «холодной войны» … но значит ли это, что надо сидеть, сложа руки и думать, что эти клубки распутаются сами по себе? Личные встречи руководителей государств, которые имели место последнее время, и нынешняя встреча с президентом де Голлем, говорят об обратном». «Мы расстаемся с президентом де Голлем полные больших надежд» [8, с. 218] – подытожил Хрущев.

К сожалению, этим надеждам не суждено было оправдаться в ближайшие пять лет. Срыв Совещания глав четырех держав в мае 1960 г., последующая за ним полоса напряженности, как в международной обстановке, так и в самих двусторонних отношениях из-за берлинского и алжирского вопросов, «притормозили» политику сближения до середины шестидесятых годов. Тем не менее, визит де Голля в СССР в июне 1966 г. явился возобновлением политики «разрядки», которую СССР и Франция всеми силами старались проводить на международной арене. Именно благодаря ей, «германский вопрос» в двусторонних отношениях со временем стал «мягче» и перестал являться источником конфликтов.

1. Хрущев, Н.С. Засучив рукава работать во имя мира: выступление по французскому телевидению 2 апреля 1960 г. / Н.С. Хрущев // Правда. – 1960. – 3 апреля. – С. 2.
2. Entretiens du Général de Gaulle et de M. Khrouchtchev le 23 mars 1960. Très secret // Documents diplomatiques français. 1960. – Paris: Imprimerie nationale. – 1996. – Vol. 2. – 1012 p.
3. Хрущев-Шарль де Голль. Встречи в Париже 1960 // Исторический архив. – 1996. – № 1. – С. 27 – 40.
4. Хрущев, Н.С. Время. Люди. Власть / Н.С. Хрущев.– М.: Московские новости, 1999. – Т. 2. – 512 с.
5. Голль, Ш. де. Мемуары надежд / Ш. де Голль. – М.: Прогресс, 2000. – 338 с.
6. Дубинин, Ю.В. Дипломатическая быль / Ю.В. Дубинин. – М.: РОССПЭН, 1997. – 328 с.
7. Советско-французская дружба – залог мира! – М.: Госполитиздат, 1960. – 240 с.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

И.А. Коробкина (Ставрополь)

В эпоху «холодной войны» значительную роль в разрешении проблем европейской безопасности внесли международные неправительственные организации, в частности Пагуошское движение. Пагуошское движение ученых возникло в 1957 г. Официальное название с 1961 г. – «Пагуошские конференции по науке и мировым проблемам». Пагуошское движение возникло как движение ученых против ядерной войны. На первых конференциях сформировалась так называемая

«пагуошская тематика», включавшая вопросы, связанные с предотвращением термоядерной войны. Однако в дальнейшем к традиционным аспектам деятельности Пагуоша добавились и вопросы о безопасности и сотрудничестве в Европе.

Впервые в контексте проблем международной безопасности вопросы евробезопасности рассматривались на четвертой Пагуошской конференции (Баден, Австрия, 1959 г.). Участники форума высказались за необходимость взаимного признания ГДР и ФРГ, мирного урегулирования положения в Западном Берлине, денуклеаризацию Германии и создание в Европе зоны разъединения между вооруженными силами стран НАТО и государств Варшавского Договора [4, с. 19].

Предметом специального обсуждения проблема европейской безопасности стала на 9-й Пагуошской конференции в Кембридже (Великобритания) в 1962 г. Затем вопросы безопасности и сотрудничества в Европе регулярно рассматривались на последующих Пагуошских конференциях. В 1964 г. состоялась 13-я Пагуошская конференция в Карловых Варах (Чехословакия). Формирование архитектуры европейской безопасности пагуошцы связывали с решением германской проблемы и гарантией существующих границ ГДР [1]. На встрече в Чехословакии было также принято решение о создании специальной рабочей группы по изучению проблем европейской безопасности. Деятельность группы была сконцентрирована на изучении следующих проблем: урегулирование отношений между двумя германскими государствами, проблемы безопасности и процессы европейской интеграции. В заседаниях принимали участие ученые из ГДР и ФРГ, что было достаточно необычным для тех лет. По мнению Председателя Пагуошского Совета, М. Налеча, вполне вероятно, что именно в ходе Пагуошских встреч произошли первые контакты ученых из двух германских государств [3, с. 16].

На Пагуошской конференции в Роннебю (Швеция, 1967 г.) рассматривался уже весь комплекс европейских проблем. В Заявлении Постоянного Комитета по итогам конференции содержались следующие предложения: необходимость признания существующих в Европе границ, включая границы между двумя германскими государствами и Западный Берлин; принять оба германских государства в ООН, так как для европейской безопасности важным был бы даже сам факт признания ГДР всеми государствами. В Заявлении также указывалось на необходимость подписания общеевропейского соглашения, запрещающего применение силы и устанавливающего механизм мирного урегулирования [6, с. 293].

Начиная с 19-й Пагуошской конференции, которая состоялась в Сочи в 1969 г. и на всех последующих конференциях действовали рабочие группы, специально занимавшиеся проблемами европейской безопасности. Участники конференции в Сочи поддержали идею о созыве конференции по проблемам европейской безопасности на государственном уровне с участием представителей государств Европы, а также США и Канады. Было предложено также и проведение конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе на неправительственном уровне. Обсуждая проблему германских государств, ученые уделили внимание новому аспекту – необходимости проведения переговоров между ГДР и ФРГ с целью установления равноправных отношений между ними [7, с. 28].

На последующих конференциях проблемы европейской безопасности рассматривались в связи с подготовкой общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Финляндии. В 1971 г. на 21-й Пагуошской конференции в Синае (Румыния) были предложены два подхода к решению европейских проблем: радикальный («разоружение – сотрудничество») и традиционный («сотрудничество-разоружение»). Сторонники и противники нашлись и у первого и у второго, причем с достаточной аргументацией. Как показали дальнейшие события:

созыв СБСЕ – более приемлемым оказался традиционный подход – «сотрудничество – разоружение» [6, с. 361]. На 22-й Пагуошской конференции в Оксфорде (Великобритания) европейские проблемы обсуждались в двух рабочих группах: «Вооружения ядерного и обычного типа» и «Механизмы, необходимые для обеспечения безопасности и европейского сотрудничества». Участники конференции рекомендовали, чтобы предстоящее общеевропейское совещание создало ряд специализированных рабочих групп, для подготовки материалов, например, по вопросам экономического, социального и культурного сотрудничества в Европе, о мероприятиях, направленных на нормализацию отношений между всеми европейскими государствами, о подходах к решению проблемы разоружения и т.д. [2]. Они также заявили, что Пагуошское движение могло бы сыграть определенную роль в изучении этих проблем и подготовке соответствующих материалов, как для предстоящего общеевропейского совещания, так и по вопросам, касающимся будущего Европы. Участники конференции рекомендовали активизировать деятельность Пагуошской исследовательской группы по европейским проблемам: разработать перечень и обоснование конкретных проектов научно-технического и промышленного сотрудничества, сконцентрировать внимание на проблемах окружающей среды и на разработке соответствующих общеевропейских мероприятий, содействовать созданию новых общеевропейских научных, культурных и общественных организаций по различным дисциплинам в области естественных и общественных наук (по образу Европейского общества физиков, руководящие органы которого находились как в Праге, так и в Женеве) [2].

Вопросы, связанные с подготовкой и проведением общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе были в центре внимания и на последующих конференциях – в 1973 г. в Оуланко (Финляндия), в 1974 г. в Бадене (Австрия). Конференция в Оуланко проходила под девизом «Европейская безопасность, разоружение и другие проблемы». Европейские проблемы обсуждались на заседаниях двух рабочих групп – «Разоружение в Европе» и «Европейская безопасность и сотрудничество» [5, с. 36]. Доклад группы по безопасности и сотрудничеству был вынесен для обсуждения на пленарное заседание, в нем высказывалась поддержка проведения совещания в Хельсинки, позитивно оценивались недавние события в Европе (соглашения СССР и ПНР с ФРГ). Получила также поддержку и идея о том, что проведение общеевропейского Совещания не должно непосредственно связываться с переговорами о взаимном и сбалансированном сокращении вооруженных сил.

В то время, когда проходила Баденская конференция, в Женеве работало Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Признавая важность этого международного форума, участники Пагуошской конференции отметили в своем Заявлении, что процесс разрядки и возрастающее доверие между государствами стали преобладающей тенденцией в послевоенной Европе. Поддержание мира в Европе, подчеркивалось в Заявлении, имело бы также большое значение для укрепления безопасности и в других регионах. В 1975 г. в Хельсинки на встрече глав государств и правительств 35 государств был подписан заключительный акт Хельсинского совещания, что явилось одним из важных факторов укрепления безопасности в Европе. Принимая активное участие в процессе подготовки СБСЕ и разработке основных принципов его проведения, Пагуошское движение внесло свой вклад в дело европейской разрядки. Это подтверждает текст заключительного акта СБСЕ в Хельсинки. В документе провозглашались принципы сотрудничества стран – участниц СБСЕ: суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету; неприменение силы или угрозы силой; нерушимость границ; терри-

ториальная целостность государств; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела; уважение прав и основных свобод человека; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничество между государствами; добросовестное выполнение обязательств по международному праву. Председатель Пагуошского Совета М. Налеч, оценивая роль Пагуошского движения в Хельсинском процессе отмечал, что «Пагуошское движение может гордиться своим вкладом в дело европейской разрядки» [3, с. 16].

После успешного проведения СБСЕ проблемы европейской безопасности рассматривались на Пагуошских конференциях в следующих аспектах: контроль над ядерными и обычными вооружениями; оснащение вооруженных сил обоих блоков новыми видами оружия; «невоенные» аспекты европейской безопасности; обеспечение политической стабильности в Европе посредством уменьшения конфронтации между Востоком и Западом; экономическая интеграция в Европе, создание безъядерных зон и превращение всего европейского континента в безъядерную зону; изменение политической и экономической ситуации в Европе в результате распада социалистической системы и т.д.

Таким образом, в соответствии с главным направлением своей деятельности – разрешением проблем способствующих сохранению человеческой цивилизации – для Пагуошского движения важной проблемой в эпоху «холодной войны» являлись вопросы европейской безопасности. Начиная с 1960-х гг., вопросы формирования архитектуры европейской безопасности на Пагуошских встречах рассматривались в контексте решения германской проблемы, создания безъядерных зон, политического урегулирования. Реальным вкладом Пагуоша в дело европейской разрядки явилось участие в процессе подготовки СБСЕ 1975 г. в Хельсинки и разработке основных принципов его проведения, разработка новых подходов к проблеме вооружений обычного типа в Европе, а также исследование «невоенных» факторов европейской безопасности.

1. Архив Российской Академии Наук. – Фонд 1713. – Оп. 2. – Д. 187. – Л. 1.
2. Архив Российской Академии Наук. – Фонд 1713. – Оп. 2. – Д. 211. – Л. 2.
3. Добросельский М. Европа: континент безопасности / М. Добросельский, М. Налеч // Новое время. Бесплатное приложение для подписчиков. – 1988. – С. 15 – 17.
4. Rotblat, J. History of the Pugwash Conferences / J. Rotblat. – London: Taylor and Francis LTD, 1962. – 90 p.
5. Rotblat, J. The Fourth Pugwash Quinquennium 1972 – 1977. A Supplement to the History of the Pugwash Conferences / J. Rotblat // Pugwash Newsletter. Special Issue. – May 1977. – P. 27 – 28.
6. Rotblat, J. Scientists in the quest for peace. A history of Pugwash Conferences / J. Rotblat // Statement from the Continuing Committee on the Seventeenth Pugwash Conference, held in Ronneny, September 3 – 8, 1967. – L.: Cambridge, MA: MIT Press, 1972. – 376 p.
7. Statement on the 19th Pugwash Conference in Science and World Affairs // Pugwash Newsletter. – 1969. – October. – Vol. 7, № 2. – P. 27 – 29.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦСЛУЖБ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Г.Г. Краско (Минск)

В историографии послевоенному периоду посвящено значительное количество самых разных по объему и исторической ценности исследований. Однако некоторые страницы отечественной истории остаются недостаточно изученными. Представляется, что к числу таковых можно отнести и деятельность спецслужб.

Вторая мировая война стала знаковым этапом в истории отечественных и зарубежных спецслужб. После окончания войны возможности спецслужб стали

активно использоваться во внутри- и внешнеполитической деятельности государств. Разведывательные и контрразведывательные органы уже не ограничивались исключительно добыванием информации, представляющей интерес для обеспечения национальной безопасности своих стран. Они все активнее вовлекались в политическую борьбу между новыми мировыми лидерами – СССР и США. Их силы, средства и методы все чаще использовали в тех сферах, где раньше традиционно доминировали иные, например, дипломатические структуры [7, с. 188].

С разгромом Германии идеологические противоречия между недавними союзниками по антигитлеровской коалиции резко обострились. С целью обеспечения эффективности работы в новых геополитических условиях в первые послевоенные годы разведывательные и контрразведывательные органы ведущих мировых держав (Великобритании, США, ФРГ, Франции) реорганизовывались и вновь создавались [2; 6; 8]. В связи с ростом напряженности между бывшими союзниками специальные службы и организации иностранных государств значительно активизировали свою деятельность на советском направлении. В конце 1940 – начале 1950-х гг. спецслужбы стали активно использовать легальные возможности по сбору информации. Большое внимание уделялось пропагандистской работе, например, засылке из-за рубежа и распространению на территории идеологического противника пропагандистской литературы. Также использовались специальными службами и организациями иностранных государств различные технические средства и возможности, в т.ч. радиовещание.

По мнению российского исследователя В.И. Лазарева, Советский Союз постепенно оказался охвачен по периметру своих границ военными базами и разведывательными органами стран созданного в 1949 г. блока НАТО. В Москве под прикрытием дипломатических представительств западных стран действовали ЦРУ, СИС и спецслужбы некоторых других стран. Со временем деятельность спецслужб стран-участниц блока НАТО против СССР на протяжении первого послевоенного десятилетия приобрела глобальный характер [3, с. 4].

Кроме того, на территории практически всех западных государств, где находились значительные белорусские диаспоры (Германия, Великобритания, Канада, США, Франция и др.), функционировали различные организации, которые являлись антисоветскими по своей сути и в отдельных случаях создавались как некая возможная в перспективе альтернатива официальным советским дипломатическим представительствам.

В условиях жесткой конфронтации бывших союзников изменения произошли и в советской спецслужбе. И если задачи и функции контрразведки, в целом, сводились к выявлению и пресечению деятельности на советской территории сотрудников и агентов спецслужб иностранных государств, то отечественная разведка в послевоенный период претерпела ряд серьезных трансформаций. В новых геополитических условиях от разведчиков требовалось, в первую очередь, обеспечить своевременное получение информации о планах «главного противника» в военно-политической и научно-технической областях, подрывных замыслах и действиях против Советского Союза и других социалистических стран.

Органам государственной безопасности в тот период развития советского государства отводилось центральное место в определении внутренних и внешних угроз его безопасности, своевременном информировании о них высшего руководства страны. Реорганизация органов государственной безопасности началась в СССР еще в 1943 г., когда Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 г. из структуры НКВД СССР в самостоятельный орган обеспечения государственной безопасности был выделен Народный комиссариат государст-

венной безопасности (НКГБ). В систему НКГБ СССР входили Народные комиссариаты в союзных и автономных республиках [4, с. 622 – 623]. На территории БССР система органов государственной безопасности была полностью восстановлена к концу 1944 г. Воссозданному самостоятельному ведомству предстояло решать, в т.ч. задачи ведения разведывательной работы за границей. Организация этой работы возлагалась на 1-е управление НКГБ СССР. В марте 1946 г. в связи с преобразованием народных комиссариатов в министерства НКГБ был переименован в Министерство государственной безопасности СССР (МГБ) [5]. МГБ предстояло решать задачи по обеспечению государственной безопасности в условиях мирного времени, изменившейся оперативной обстановки. Спецслужбе, чтобы противостоять разведывательным органам США, Англии и других государств, было необходимо повысить эффективность своей разведывательной и контрразведывательной работы: проникать в структуры спецслужб иностранных государств, выявлять агентуру иностранных разведок на территории СССР. Поэтому вслед за изменением имени была проведена очередная реорганизация структуры советских органов госбезопасности. Разведывательная и контрразведывательная работа за границей возлагалась на Первое главное управление МГБ СССР, имевшее в своей структуре два управления. Первое занималось разведкой с «легальных» позиций, второе – руководило нелегальными резидентурами.

Однако уже в 1947 г. произошло серьезное реформирование системы внешней разведки. Так, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 30 мая 1947 г. под руководством министра иностранных дел СССР В.М. Молотова было создано самостоятельное ведомство внешней разведки – Комитет информации при Совете Министров СССР. Из-за разрыва традиционных связей военной и внешнеполитической разведок со своими бывшими коллегами новая структура оказалась недостаточно работоспособной. В силу этого уже в январе 1949 г. из состава Комитета информации была выведена и передана в МВС военная разведка, а статус самого подразделения был понижен и он вошел в подчинение Министерства иностранных дел СССР. Спустя два года, в 1951 г., внешняя разведка организационно вошла в состав воссозданного Первого главного управления МГБ СССР и больше не выводилась из системы советских органов государственной безопасности. Первое главное управление МГБ внесло определенный вклад в противодействие органов госбезопасности Советского Союза иностранным разведкам: 1 марта 1952 г. подготовило для руководства МГБ аналитический документ «О мерах правительства США по усилению подрывной деятельности против СССР и стран народной демократии», который был направлен во все контрразведывательные органы МГБ СССР для использования в практической работе. В нем, в частности, отмечалось, что вопросы усиления подрывной работы против СССР и стран народной демократии неоднократно обсуждались на различного рода совещаниях не только руководства разведки, но и государственных деятелей, дипломатов США. В последующем, активизация деятельности американской разведки нашла свое подтверждение на судебных процессах, прошедших в Чехословакии (секретарь американского посольства в Праге У. Бердж, вице-консул в Братиславе К. Пелл), Венгрии (военный атташе Дж. Крафт). Эти факты явились предметом обсуждения на конференции американских дипломатов в странах Восточной Европы, состоявшейся в марте 1952 г. в Париже [1, с. 41].

В целом, в послевоенный период, несмотря на имевшиеся недостатки, напряженную международную обстановку, начало «холодной войны», органы государственной безопасности СССР выполнили возложенные на них задачи по пресечению деятельности иностранных разведок, направленной на причинение

ущерба интересам советского государства. Также был внесен весомый вклад в обеспечение суверенитета и территориальной целостности страны, сохранение международных позиций, завоеванных в ходе Второй мировой войны.

1. Блинков, В.Ф. Подрывная деятельность спецслужб НАТО и ведущих западных стран против Советского Союза в послевоенные годы / В.Ф. Блинков // Исторические чтения на Лубянке, 2001 год / Федер. служба безопасности РФ; редкол.: А.А. Зданович [и др.]. – М.; Великий Новгород, 2002. – С. 38 – 42.
2. БНД // Agentura.ru [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http:http://www.agentura.ru/dossier/german/bnd/. – Дата доступа: 17.03.2013.
3. Лазарев, В.И. Деятельность органов государственной безопасности СССР в послевоенный период (1945 – 1954) / В.И. Лазарев // Исторические чтения на Лубянке, 2001 год / Федер. служба безопасности РФ; редкол.: А.А. Зданович [и др.]. – М.; Великий Новгород, 2002. – С. 3 – 19.
4. Об организации Народного комиссариата государственной безопасности: постановление ЦК ВКП(б), 14 апр. 1943 г. // Лубянка: органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ, 1917 – 1991: справочник / Междунар. фонд «Демократия»; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2003. – С. 622 – 623.
5. О переименовании органов НКГБ: приказ МГБ СССР, 22 марта 1946 г., № 00107 // Лубянка: органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ, 1917–1991: справочник / Междунар. фонд «Демократия»; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2003. – С. 634 – 635.
6. Центральное разведывательное управление США // Энциклопедия разведки и шпионажа [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://spy.hwworld.ru/usa.html. – Дата доступа: 24.02.2010.
7. Щит и меч Отечества / КГБ Респ. Беларусь, М-во информ. Респ. Беларусь; под общ. ред. С.Н. Сухоренко. – Минск: Междунар. центр интеграц. информ.: Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с.
8. Faligot, R. La Piscine: les services secrets français, 1944 – 1984 / R. Faligot, P. Krop. – Paris: Seuil, 1985. – 426 p.

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА ВАШИНГТОНА В 1981–1989 гг.

А.П. Косов (Витебск)

После прихода в начале 1981 г. в Белый дом администрации Рейгана китайская политика Вашингтона претерпела определенные изменения. Известно, что еще в ходе президентской кампании 1980 г. кандидат от республиканцев жестко критиковал действия администрации Картера за чрезмерные уступки Пекину, сделанные в 1978 г., и даже заявлял о своем намерении восстановить дипломатические связи с Китайской Республикой на Тайване в случае своего избрания на президентский пост [8]. Он принадлежал к правому крылу республиканцев с его традиционно пристрастным отношением к Тайваню [6, с. 263]. Среди сторонников Рейгана звучали голоса о слишком дорогой цене заплаченной Америкой за установление дипломатических отношений с Пекином [3, с. 148]. Правда, впоследствии тон резких высказываний в отношении Китая Рейганом был снижен. Более того, еще на выборах президента в платформу республиканской партии было внесено положение о соблюдении статус-кво по обе стороны Тайваньского пролива при условии твердого соблюдения гарантий защиты острова согласно Закону об отношениях с Тайванем от 10 апреля 1979 г. [8]. Тем не менее, в новой администрации оказались люди, враждебно настроенные в отношении КНР. Но к 1980-м гг. в американо-китайских отношениях уже был пройден значительный путь по сближению сторон, и команда Рейгана не могла это не учитывать. Став президентом, Р. Рейган посчитал целесообразным не разрушать каркас отношений между США и КНР. Исходя из этого, он был вынужден следовать уже устоявшимся правилам общения с представителями Тайбэя [10, с. 137]. В конечном итоге стремление иметь партнера в противостоянии Москве постепенно возобладало

в Вашингтоне, и это оказалось сильнее связей консерваторов с Тайванем. Поэтому целью Р. Рейгана стало проведение политики двух Китаев [6, с. 263]. По этой причине в начале 1980-х гг. несмотря на споры и противоречия в самой администрации, китайская политика Соединенных Штатов на практике все еще сохраняла инерцию, приданную ей администрацией Картера, при которой была заложена договорно-правовая база двусторонних отношений [4, с. 336 – 337].

Среди американской элиты, в том числе и в администрации, в отношении Китая по-прежнему выделялись две основные группы политиков – сторонники сближения с КНР и его противники. К числу первых можно отнести вице-президента Дж. Буш-ст., госсекретаря А. Хейга, помощника министра обороны Р. Армитиджа и др. Сам президент Р. Рейган, заняв теперь более умеренную позицию, тем не менее проявлял сдержанность в вопросе сближения с КНР [3, с. 153]. Заверив Пекин в сохранении достигнутого уровня американо-китайских отношений, администрация Рейгана заявила, что будет руководствоваться в двусторонних отношениях, прежде всего, своими национальными интересами. Именно это обусловило определенный спад в отношениях между Вашингтоном и Пекином [3, с. 148]. Тем не менее пересмотр Р. Рейганом своего прежнего радикального подхода к коммунистическому Китаю вызвал неудовольствие у представителей тайваньского лобби в Вашингтоне, которые обвинили президента в предательстве своих идеалов борца с коммунизмом [10, с. 149]. Их основным аргументом была мысль о том, что американская политика сближения с Пекином давала больше преимуществ и выгоды китайцам, нежели Соединенным Штатам [3, с. 154].

Безусловно, самой сложной проблемой двустороннего взаимодействия попрежнему оставался тайваньский вопрос. С приходом в Белый дом Р. Рейгана связи между Вашингтоном и Тайбэем значительно активизировались, во многом даже в ущерб американо-китайскому сотрудничеству. В 1981 г. американская администрация стала рассматривать вопрос о продаже Тайваню партии военных самолетов [2]. По этому поводу Пекин выразил свое явное недовольство Вашингтону. Китайская сторона даже пригрозила отозвать своего посла из столицы США [3, с. 149]. Тем самым были поставлены под угрозу результаты достигнутых с пекинским руководством соглашений. В связи с этим сторонники сближения с КНР в американской администрации, включая госсекретаря А. Хейга, попытались найти некие пути решения данной проблемы. В июне 1981 г. во время своего визита в Пекин госсекретарь заверил китайское руководство в том, что продажа американских истребителей состоится только после предварительных консультаций с ними [10, с. 149]. Более того, А. Хейг заявил о готовности Соединенных Штатов сотрудничать с КНР в сфере продажи вооружений [3, с. 153]. В результате под давлением Пекина в начале 1982 г. Вашингтон отменил продажу самолетов Тайваню, что было расценено в Пекине как победа. Весной 1982 г. американская администрация продемонстрировала пекинским властям свою заинтересованность в устранении имевшихся недоразумений в связи с военно-техническим сотрудничеством США и Тайваня. Вместе с тем, среди отдельных членов рейгановской команды и части конгрессменов стало распространяться мнение о надуманности проблемы и о том, что истоки напряженности следует искать не в подлинных американо-китайских противоречиях, а в специфике политической линии, проводимой госсекретарем Хейгом, что во многом содействовало его отставке. Новым госсекретарем стал Дж. Шульц, который в отличие от своего предшественника не придавал отношениям с Пекином первостепенного значения, но тем не менее 17 августа 1982 г. подписал так называемое «третье коммюнике», в котором, в основном, речь шла о судьбе американских поставок оружия Тайбэю [8]. Американцы обе-

щали в перспективе прекратить поставки вооружений на Тайвань, а до тех пор не наращивать их [2]. Правда, тайваньское лобби в Конгрессе критически восприняло «третье коммюнике», которое противоречило Закону об отношениях с Тайванем, принятому в 1979 г. [8]. Кроме того, коммюнике было аморфно по содержанию, и вскоре стороны возобновили полемику [1, с. 130]. КНР пыталась связать Соединенные Штаты его положениями. Однако эти попытки не увенчались успехом. Сотрудничество же США с Тайванем сохранило очаг напряженности в Тайваньском проливе. В Пекине вынуждены были смириться с действиями Вашингтона на тайваньском направлении. По мнению И.А. Цветкова, отныне на характер политики Соединенных Штатов в отношении тайваньской проблемы большее влияние стало оказывать не давление со стороны коммунистического Китая, а иные факторы, в первую очередь связанные с ростом значения Тайваня как самостоятельного субъекта международных отношений [8].

Несмотря на проблему Тайваня США и КНР все же смогли не допустить расширения разногласий по ней на иные сферы их взаимоотношений: были продолжены программы культурного обмена, породненных городов, туристические программы и т.д. [4, с. 337]. Важным показателем динамичного развития двусторонних отношений является и ряд прошедших встреч представителей руководства двух стран. Так, помимо визитов в КНР госсекретарей США А. Хейга (июнь 1981 г.) и Дж. Шульца (август 1982 г. и февраль 1983 г.), состоялись: встреча президента Р. Рейгана с премьером Госсовета КНР в мексиканском Канкуне (октябрь 1981 г.), визит в Вашингтон министра иностранных дел КНР Хуан Хуа (октябрь 1981 г.), визиты вице-президента США Дж. Буша, министра торговли М. Болдриджа, лидера республиканского большинства в сенате Г. Бэйкера, заместителя госсекретаря К. Холдриджа (1982 г.), визит министра обороны США К. Уайнбергера (октябрь 1983 г.), визит министра иностранных дел КНР У Сюецяня (октябрь 1983 г), визит премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна (январь 1984 г.) [1, с. 132, 138; 3, с. 161; 4, с. 337]. 24 апреля – 1 мая 1984 г. состоялся визит президента Р. Рейгана в Пекин, в ходе которого он провел переговоры с китайским руководством – Председателем КНР Ли Сяньнянем, Премьером Госсовета КНР Чжао Цзяном, генеральным секретарем ЦК КПК Ху Яобаном [7]. Во время данного визита американцы пошли даже на заключение с КНР соглашения в области ядерной энергетики. Правда, часть конгрессменов (как республиканцев, так и демократов) выступила против этого соглашения. В силу этого Конгресс долгое время блокировал его вступление в действие [3, с. 161]. В июне 1984 г. Соединенные Штаты посетил министр обороны КНР Чжан Айпин, а Китай в августе – министр ВМС США Дж. Леман и в январе 1985 г. – заместитель министра обороны Л. Корб [1, с. 141]. 22 – 31 июля 1985 г. Вашингтон с визитом посетил Председатель КНР Ли Сяньянь. Это был первый визит главы Китая в США. В октябре того же года Пекин посетил и вице-президент США Дж. Буш [7]. Американская сторона постаралась использовать эти встречи для упрочения двусторонних отношений в своих интересах. Правда, китайцы вели себя уклончиво, и у Вашингтона так и не получилось теснее привязать Пекин к своей глобальной стратегии. Более того, помимо тайваньского вопроса у Америки и Китая проявились расхождения по целому ряду международных проблем. В частности, стороны не сошлись во мнениях по развитию ситуации в Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и др. Данные различия во взглядах позволили отдельным представителям заявить о несовместимости национальных интересов США и КНР, что, на их взгляд, предусматривало отход от политики уступок и шагов навстречу Пекину в торгово-экономической и научно-технической сферах и проведение в его отношении более жесткого курса.

В итоге к середине 1980-х гг. значение КНР в американской стратегии несколько снизилось. Не сумев навязать Пекину «стратегическое партнерство», США обратили внимание на иные пути усиления своего влияния в АТР. Так, они интенсифицировали сотрудничество в рамках американо-японского союза и занялись усиленным военным строительством [9, с. 24]. Тем не менее, взаимодействие Вашингтона и Пекина продолжилось. В условиях потенциальной возможности нормализации советско-китайских отношений и их дальнейшего сближения, что было явно не в интересах США, американцы не оставили определенных попыток по дальнейшей привязке КНР к своей стратегии. Между сторонами продолжился обмен разведданными о СССР, в Синьцзяне продолжали работать китайско-американские центры электронного слежения за советскими ракетами в Сибири и Средней Азии, продолжались поставки отдельных видов американского вооружения в Китай. В ноябре 1986 г. состоялся заход американских военных кораблей в небольшой китайский порт Циндао [1, с. 230]. Продолжились и визиты высокопоставленных лиц для ведения переговоров по ряду ключевых вопросов. Так, в марте 1986 г. в КНР побывал министр энергетики США Дж. Харрингтон, в мае 1986 г. в Вашингтон прибыл заместитель премьера Госсовета КНР Яо Илинь, а в марте 1988 г. – министр иностранных дел У Сюецянь [1, с. 219]. Это свидетельствовало о достижении определенного уровня сотрудничества двух стран. В 1987 г. Вашингтон закрыл глаза на жестокое подавление китайцами восстания в Тибете [5, с. 161]. В 1988 г. Соединенные Штаты даже предоставили КНР статус «дружественной, неприсоединившейся страны», что открывало ей доступ к высокотехнологичным разработкам американцев [2]. Таким образом, в 1980-е гг. в своей китайской политике американские стратеги попытались взять на вооружение концепцию «деидеологизации китайского коммунизма». В американских СМИ стала пропагандироваться мысль о том, что США и Китай из противников превращаются в «подозрительных партнеров» [3, с. 159]. Хотя по-прежнему в двусторонних отношениях хватало противоречий, особенно по поводу тайваньской проблемы, Тибета, соблюдения прав человека и свободы слова и т.д.

Постепенно все более важное место в американо-китайских отношениях стали занимать торгово-экономические связи. В начале 1980-х гг. между странами часто возникали трения в основном из-за ограничений на передачу КНР американских технологий и экспорта китайского текстиля в Америку. Американская сторона нередко срывала поставки техники и обвиняла Китай в нарушении законов США [1, с. 131]. Несмотря на учреждение смешанной комиссии по торговле, которая с мая 1983 г. начала свою работу, по ряду направлений в этот период сложилась тупиковая ситуация. Однако при этом уже в 1982 г. Америка вышла на первое место по инвестициям в экономику КНР [1, с. 133]. Поэтому в ходе поездки Р. Рейгана в Пекин в 1984 г. экономическим вопросам было уделено заметное внимание на переговорах [3, с. 163]. Дело в том, что обширный китайский рынок очень привлекал американский бизнес. Кроме того, в Вашингтоне понимали, что впоследствии в случае необходимости экономические рычаги можно будет эффективно использовать для политического давления на Пекин, поскольку, развивая с ним торгово-экономические связи, он все больше будет втягиваться в международные хозяйственные связи и все больше будет зависеть от Запада. В итоге торгово-экономические связи США и КНР на протяжении 1980-х гг. развивались достаточно быстрыми темпами. Так, если в 1985 г. товарооборот между странами составлял 8,1 млрд дол., то в 1987 г. уже 10,4 млрд. дол. [1, с. 228].

В 1980-е гг. постепенно активизировались также культурные, спортивные, научно-технические и научно-образовательные контакты между США и Китаем.

Отдельные представители американской элиты надеялись использовать данные связи для размягчения коммунистического режима в Китае и втягивания этой страны в мир западных ценностей. С этой целью американская сторона охотно поощряла стремление граждан КНР получать образование в Соединенных Штатах. Так, к 1989 г. число китайцев, закончивших американские университеты, превысило 20 тысяч человек и около 20 тысяч продолжало еще учиться [1, с. 232]. Программа научно-технического сотрудничества с КНР стала крупнейшей двусторонней программой такого рода, осуществляемой США [1, с. 134]. Американцы поощряли развитие и различного рода гуманитарных связей с КНР, развитие связей между провинциями и городами двух стран и т.д. В 1987 г. было учреждено общество «Америка – Китай», которое наряду с другими организациями, занималось вопросами развития американо-китайских отношений [1, с. 232].

Таким образом, внешняя политика Вашингтона при администрации Рейгана отличалась зигзагообразностью курса, что в первую очередь объяснялось действием двух тенденций: идеологии и прагматизма. Вначале приход Р. Рейгана с его антикоммунизмом в Белый дом несколько замедлил американо-китайское сближение. Однако впоследствии произошла корректировка китайской политики США. На ее эволюцию оказали воздействие несколько факторов. Во-первых, стремление американского руководства использовать Пекин в своих стратегических целях, сделать его младшим «стратегическим партнером» в борьбе с СССР. Во-вторых, наличие среди политической элиты Соединенных Штатов сторонников американо-китайского сближения (А. Хейг, Дж. Буш-ст. и др.). Однако попытки американцев «привязать» к себе Пекин не увенчались успехом. Поэтому в дальнейшем, вплоть до 1989 г., отношения США и КНР, основанные на принципе прагматизма, носили довольно ровный и устойчивый характер при сохранении, однако, определенных разногласий по ряду вопросов. В такой ситуации на первый план вышли экономические интересы, что делало стороны все более взаимозависимыми друг от друга, хотя и в сфере торговли были свои проблемы. Другими словами, китайская политика администрации Рейгана проделала путь от преобладания в ней идеологической составляющей к прагматическому сотрудничеству.

1. Бажанов, Е.П. Китай и внешний мир / Е.П. Бажанов. – М.: Международные отношения, 1990. – 352 с.
2. Богатуров, А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945 – 1995) / А.Д. Богатуров // НОФМО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.obraforum.ru/lib/book5/6_2.htm. – Дата доступа: 17.01. 2013.
3. Давыдов, А.С. Идеология и прагматизм в китайской политике США: Дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / А.С. Давыдов. – М., 2005. – 246 с.
4. Занегин, Б.Н. Политика в отношении Китая / Б.Н. Занегин // Современная внешняя политика США: в 2-х т. – М.: Наука, 1984. – Т. 2. – С. 302 – 340.
5. Кальвокоресси, П. Мировая политика 1945 – 2000: в 2-х кн. / П. Кальвокоресси. – М.: Международные отношения, 2003. – Кн. 1. – 624 с.
6. Лундестад, Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945 – 1996 / Г. Лундестад. – М.: Весь мир, 2002. – 360 с.
7. Справка: хроника важных событий в китайско-американских политических отношениях // Газета «Жэньминь жибао» он-лайн [Электронный ресурс]. – 02.04.2009. – Режим доступа: http://russian.people.com.cn/31521/6627713. html. – Дата доступа: 4.03.2013.
8. Цветков, И.А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949 – 1999 гг. / И.А. Цветков // История США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ushistory.ru/dissertatsii/181-glava-2-evoljutsija-politiki-ssha-v-otnoshenii-tajvanskoj-problemy-v-gody-holodnoj-vojny.html. – Дата доступа: 3.10. 2012.
9. Sutter, R. East Asia and the Pacific. Challenges for US Policy / R. Sutter. – Boulder: Westview Press, 1992. – VII+182 p.
10. Tucker, N. Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945 – 1992: uncertain friendships / N. Tucker. – New York: Maxwell Macmillan International, 1994. – XII+337 p.

ОПОЧЕЦКОЕ ЗЕНИТНО-РАКЕТНОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ ПВО И ВКЛАД ЕГО ВЫПУСКНИКОВ В ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

А.М. Егоров (Псков)

Середина XX в. открыла новую «ядерную» эпоху в истории вооружений, которая обусловила в свою очередь бурную модернизацию и создание новых образцов зенитного артиллерийского и ракетного оружия, радиотехнических средств разведки, управления и создания помех в интересах противовоздушной обороны [1, с. 4]. Символично, что одной из кузниц противовоздушного щита, предназначенного для защиты от ударов противника административно-политических центров, промышленных регионов, группировок вооруженных сил и других важных объектов нашей страны, в 1960 – 1970-е гг. стало Опочецкое зенитно-ракетное военное училище.

Во вт. п. XX в. многим псковским ребятам повезло приобщиться к артиллерийской науке, не покидая родных мест. Хотя такая возможность у них появилась не сразу. 4 июня 1949 г. директивой Генштаба МО СССР было сформировано 3-е зенитное артиллерийское училище. Местом его дислокации был определен латвийский город Алуксне (бывший Мариенбург). Первоначально училище занимало относительно небольшую площадь и располагалось в здании, где до 1940 г. дислоцировался танковый полк, а в первые послевоенные годы размещалась исправительно-трудовая колония. Интересно, что в настоящее время здесь базируется Учебный центр Сухопутных войск Латвии [6, с. 534].

Первым начальником училища был назначен полковник В.С. Орловский – фронтовой офицер, впоследствии генерал-майор артиллерии. Перед формируемым им училищем была поставлена важная задача: подготовка высококвалифицированных специалистов для противовоздушной обороны, а конкретно – артиллеристов-зенитчиков. В сентябре 1950 г. училище провело первый набор курсантов по трехгодичной программе обучения для подготовки командиров взводов зенитных батарей 85-мм зенитных пушек (1951 – 1953 гг.).

В 1955 г. на должность начальника училища назначается полковник К.С. Стифеев, офицер-фронтовик, обладавший большим опытом организаторской и воспитательной работы в войсках ПВО. В 1956 г. училище перешло на подготовку командно-технического состава, и в сентябре этого же года был проведен первый набор курсантов для подготовки специалистов по зенитному ракетному комплексу С-75. Это был новый этап в развитии ПВО по сравнению со ствольной зенитной артиллерией. Для училища это стало перспективным направлением. Достаточно отметить, что исход войны во Вьетнаме решили именно зенитные ракетные комплексы С-75, которые поставлялись туда с 1965 г. По данным архива ВВС США в небе Северного Вьетнама они потеряли не менее 617 самолетов [5, с. 302]. Только с 18 по 30 декабря 1972 г. средствами ПВО был уничтожен 81 американский самолет, причем ЗРК уничтожили 54, а из 34 бомбардировщиков В-52 ракетчики сбили 31. Сразу после этого налеты прекратились, а 27 января 1973 г. американцы подписали мирное соглашение с Вьетнамом.

В апреле 1959 г. начальником училища был назначен полковник Е.И. Белоусов, который находился в этой должности 12 лет. Офицер-фронтовик, он встретил войну командиром взвода и до последнего дня находился в действующих частях зенитной артиллерии, будучи несколько раз раненым.

К этому времени история училища уже начала пополняться новыми героями послевоенного времени. Одним из них стал выпускник 1951 г. майор Н.И. Шелудько, служивший в зенитном ракетном дивизионе, который 1 мая 1960 г. сбил американский самолет-шпион У-2 под управлением захваченного в плен пилота Гарри Пауэрса. За проявленное мастерство и умелое применение боевого оружия майор Н.И. Шелудько был награжден орденом Красного Знамени.

В августе 1962 г. в связи с расширением училище переводится из Алуксне в Псковскую область, город Опочка. Как раз перед этим событием в апреле 1962 г. Е.И. Белоусову было присвоено воинское звание генерал-майор артиллерии.

Военный городок в Опочке существовал еще до войны. В 1950-х гг. здесь стояли две воинские части: авиационных техников и учебное подразделение для подготовки артиллерийских инструментальных разведчиков, которых потом сменил батальон химической защиты. После передислокации сюда зенитно-ракетного училища, его территория заняла около 46 га. Е.И. Белоусов в короткие сроки организовал капитальный ремонт казарм, столовой, учебного корпуса. Осенью 1964 г. был введен в эксплуатацию парк для боевой техники и специальные классы, в которых были размещены элементы зенитного комплекса С-75. С 20 ноября 1965 г. училище было переименовано в Опочецкое радиотехническое училище ПВО.

Престиж училища поддерживался боевыми заслугами лучших представителей его постоянного состава – таких, как Герой Советского Союза, подполковник В.В. Королев, возглавлявший в 1963 – 1965 гг. его парторганизацию. Своего высокого звания он был удостоен за подвиг, совершенный при форсировании реки Вислы в июле 1944 г. После работы в Опочецком училище В.В. Королев продолжил службу на ответственных должностях в ВС СССР и закончил ее в звании генерал-майора артиллерии.

Выпускники училища достойно выполняли боевые задачи в локальных конфликтах того времени. Особенно заметно они проявили себя во время событий начала 1970-х гг. на Ближнем Востоке, во Вьетнаме и иных горячих точках мира.

Одним из самых известных в профессиональной среде участников египетско-израильской войны 1970 г. стал подполковник В.М. Толоконников. Выпускник 1951 г., он был фронтовиком и одним из самых опытных командиров зенитных дивизионов на данном ТВД. 18 июня 1970 г. противник предпринял попытку ликвидировать зенитную ракетную группировку, прикрывавшую объекты и расположение египетских войск. В налете на группу ЗРДН, в составе которой находился и дивизион В.М. Толоконникова, участвовало 24 «Фантома», которые осуществляли налет с разных направлений. Точными пусками дивизион в первые же минуты боя уничтожил три самолета противника. Однако израильские штурмовики, заходившие с другого направления, все-таки успели дать залп по огневой позиции дивизиона. Взрывной волной весь расчет вместе с командиром выбросило из кабины управления зенитной установкой. Тем не менее, по мнению военных экспертов, проявленная в сложившихся условиях стойкость личного состава и его командира позволяет обосновано утверждать, что зенитно-ракетный дивизион бой выиграл [3, с. 16]. Дивизион другого выпускника училища подполковника Н.М. Кутынцева совместно с арабскими подразделениями прикрывал в тот же период район Суэцкого канала. 3 августа 1970 г. дивизионы подполковников Н.М. Кутынцева и К.И. Попова в противовоздушном бою уничтожили три и подбили один израильский самолет, сами не понеся никаких потерь. Совместно с египетскими военными в этот день было уничтожено 5 израильских самолетов [3, с. 17]. Безусловно, эти события ускорили заключение 5 августа 1970 г. перемирия между Израилем и Египтом. Но еще в течение нескольких месяцев наши ракетчики несли

боевое дежурство, охраняя небо над страной песка и пирамид. Показавший себя мастером ракетного огня, Н. Кутынцев вернулся из этой командировки Героем Советского Союза. Он и В. Толоконников стали такой же гордостью училища, как еще раньше их коллега Н.И. Шелудько. Командование специально приглашало в Опочку заслуженных выпускников училища на встречи с курсантами, которые имели серьезный морально-воспитательный эффект для молодых артиллеристов.

В следующем 1971 г. в Опочецком военном училище состоялся юбилейный 20 выпуск офицеров, после которого генерал Е.И. Белоусов был назначен начальником военной кафедры Ленинградского политехнического института. Сменивший его в августе 1971 г. полковник Г.В. Киселев (позже генерал-майор артиллерии) также являлся участником Великой Отечественной войны. Кроме того, он имел опыт ведения современных противовоздушных боев в реальных боевых условиях, т.к. до перевода в Опочку был военным советником в Египте.

В июне 1975 г. училище заслужено переводится в категорию высшего учебного заведения, а в августе получает наименование – Опочецкое высшее зенитное ракетное командное училище ПВО. С 1 сентября 1975 г. курсанты начали заниматься в новом учебном корпусе с современной лабораторной базой и необходимыми условиями для научной и методической работы преподавателей.

В июле 1978 г. училище передислоцировалось из Опочки в город Днепропетровск, где его, к сожалению, и закрыли вскоре после распада СССР [2]. До этого момента на Псковщине было подготовлено более 4 тыс. специалистов для войск ПВО страны, а всего с 1949 по 1991 гг. оно выпустило более 10 тыс. кадровых артиллеристов-ракетчиков, внеся тем самым серьезный вклад в укрепление обороноспособности страны и даже изменения геополитической картины мира.

Среди выпускников училища, которое дало путевку в жизнь нескольким поколениям замечательных офицеров-артиллеристов и ракетчиков, были генералы Р.С. Акчурин, К.Я. Кин, В.А. Белоусов, Н.Е. Столяров, С.Д. Ледовский, а в числе последнего на псковской земле набора – уроженец Опочецкого района, первый командующий войсками воздушно-космической обороны В. Иванов.

Таким образом, кропотливым трудом многих неравнодушных и отлично знающих свое дело людей в маленьком райцентре Псковской области был сформирован военный ВУЗ такого высокого уровня, что на него вполне мог претендовать город с миллионным населением, что и доказал факт скоротечного перевода ЗРВУ из Опочки в Днепропетровск, где оно и было закрыто в начале 1990-х гг.

1. Андерсен, Ю.А. Противовоздушная оборона Сухопутных войск / Ю.А. Андерсен, А.И. Дрожжин, П.М. Лозик: Под общ. ред. П.Г. Левченко. – М.: Воениздат, 1979. – 303 с.
2. Бондаренко, А. Прерванный полет / А. Бондаренко // Красная звезда. – 1999. – 10 сент. – С. 3.
3. Ильин, М.М., Святое воинское братство / М.М. Ильин, С.Д. Ледовской. – Псков: Псковская энциклопедия, 2001. – 102 с.
4. Крылов, А. На месте аварийного здания скоро будет ровная площадка / А. Крылов // «Красный маяк». Общественно-политическое издание Опочецкого района. – 2013. – 16 февр. – С. 1.
5. Макнаб, К. Оружие уничтожения XXI века. Регулярные войска, полиция и террористы / К. Макнаб. – М.: Эксмо, 2009. – 464 с.
6. НАТО. Краткий справочник / Под общ. ред. Маргуса Колга. – Таллинн, 2007. – 543 с.

Р А З Д Е Л 3
БССР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ДИПЛОМАТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

ПАЧАТАК ПРЫГРАНІЧНАГА СУПРАЦОЎНІЦТВА ПАМІЖ БССР І ПНР (СЯРЭДЗІНА 1950-х гг.)

У.Е. Снапкоўскі (Мінск)

Пасля XX з'езда КПСС у Савецкім Саюзе і іншых краінах Усходняй Еўропы былі зроблены спробы рэфармаваць сталінскую аўтарытарна-бюракратычную сістэму, у тым ліку і ў сферы знешняй палітыкі. Гэтым мэтам служыла Дэкларацыя ўрада СССР ад 30 кастрычніка 1956 г. "Аб асновах развіцця і далейшым умацаванні сяброўства і супрацоўніцтва паміж Савецкім Саюзам і іншымі сацыялістычнымі дзяржавамі", якая абвясціла адмову ва ўзаемаадносінах СССР з саюзнымі дзяржавамі ад дыктату і развіццё іх на раўнапраўнай аснове [3]. XX з'езд КПСС, асабліва сакрэтны даклад першага сакратара ЦК КПСС М.С. Хрушчова "Аб культе асобы і яго наступствах", падштурхнуў у Польшчы і іншых сацыялістычных краінах працэсы лібералізацыі, ажывіў надзеі на дэмакратычнае абнаўленне сацыялізму, вызваленне ад празмернага дыктату Масквы. У Польшчы ў адрозненні ад астатніх сацыялістычных краін сакрэтны даклад Хрушчова быў надрукаваны вялікім тыражом і шырока распаўсюджваўся [1, с. 452 – 453].

У польскім грамадстве: на партыйных сходах, маладзёжных мітынгах, у СМІ, прадпрыемствах і ўстановах, у сямейным кругу горача дыскутаваліся горкія для кожнага паляка факты навейшай гісторыі, як пакт Молатава-Рыбентропа, уступленне Чырвонай арміі ва ўсходнія ваяводствы 17 верасня 1939 г., дэпартацыі палякаў у паўночныя раёны РСФСР і Казахстан, катынскае злачынства, паражэнне Варшаўскага паўстання, трагедыя Арміі Краёвай і інш. Палякі патрабавалі вярнуць Польшчы Львоў і Вільню. Як сцвяржае гісторык М. Бухарын, гэта быў адзіны момант у гісторыі ПНР, калі галосна і масава патрабавалі вярнуць землі, што Польшча згубіла ў час Другой суветнай вайны [1, с. 455].

Пасля XX з'езда КПСС быў пакладзены пачатак рэгулярным кантактам паміж партыйнымі і дзяржаўнымі органамі і грамадска-палітычнымі арганізацыямі Беларусі і Польшчы. У сваю чаргу, у гэты час у дзяржаўных і грамадскіх кругах Польшчы стала абуджацца цікавасць да ўстанаўлення ўзаемасувязей і супрацоўніцтва з БССР і іншымі саюзнымі рэспублікамі СССР, якія гранічылі з ПНР. У польскім друку з'явілася шэраг публікацый, у якіх гаварылася аб неабходнасці развіваць польска-беларускія сувязі з улікам даўніх традыцый гістарычнага ўзаемадзеяння народаў.

Яшчэ адным штуршком для актывізацыі беларуска-польскага грамадска-палітычнага супрацоўніцтва сталі крызісныя падзеі восені 1956 г. у Польшчы. Першы сакратар ЦК КПБ К.Т. Мазураў у прамове на V пленуме ЦК КПБ (снежань 1956 г.) падкрэсліў неабходнасць у мэтах далейшага ўмацавання сяброўства і супрацоўніцтва паміж СССР і ПНР пашыраць і ўзмацняць сяброўскія, добрасуседскія сувязі паміж польскім і беларускім народамі як у галіне культурных кантактаў, так і па іншых лініях шляхам абмену рознымі дэлегацыямі [4]. І гэты заклік атрымаў спрыяльны водгук польскага боку.

З наступленнем адлігі значна пашырыўся абмен людзьмі паміж дзвюма краінамі, што ўяўляла выклік для савецкай закрытай сістэмы. У лісце віцэ-консула СССР у Шчэціне Ф. Шарыкіна ў МЗС СССР і паслу СССР у Польшчы П. Панамарэнку ад 31 жніўня 1956 г. паведамлялася, што толькі ў ліпені–жніўні 1956 г. было выдана 11 765 віз для паездак у СССР грамадзянам, якія пражывалі ў Шчэцінскім, Пазнанскім, Зелёнагурскім і Кашалінскім ваяводствах. Усяго ж з гэтых чатырох ваяводстваў паступіла 24 тыс. заяў аб выдачы віз [7, л. 338]. У лісце гаварылася, што асобныя польскія грамадзяне выкарыстоўваюць паездкі ў СССР у спекулятыўных мэтах. Сцвярджалася, што "варожыя элементы", што вярталіся з Беларусі, паведамляюць небыліцы пра калгасы і жыццё калгаснікаў, агітуюць мясцовых сялян выходзіць з сельскагаспадарчых кааператываў і не ўступаць у іх. Пад уздзеяннем гэтай прапаганды ў Шчэцінскім ваяводстве каля 900 сялян падалі заявы аб выхадзе з сельскагаспадарчых кааператываў [7, л. 339]. Віцэ-консул пісаў, што польскія органы міліцыі дрэнна вывучаюць тых грамадзян, якім выдаюць візы. Улічваючы вялікую колькасць заяў на візы, польскія органы міліцыі спынілі прыём заяў на 1957 г., што выклікала вялікае незадавальненне насельніцтва. Прапаноўвалася ўвесці на падставе ўзаемнасці бізвізавы абмен з Польшчай і павялічыць штат консульства [7, л. 340–341].

Паездкі польскіх грамадзян у СССР, уключаючы партыйных работнікаў, суправаджаліся не вельмі станоўчымі для партыйных улад абедзвюх краін ацэнкамі. Так, польскія таварышы, што вярталіся з СССР, жартавалі: "еду из края рад в край нарад", выказваючы такім чынам незадавальненне практыкай частых нарад і сходаў, што склаўся ў Польшчы. Палякі, што наведвалі Брэсцкую вобласць, раілі беларусам: "Мы ў сябе калгасы разагналі, і вы разганяйце іх у сябе". Ці: "У нас у школах дазволілі выкладаць Закон божы. Дабівайцеся гэтага ў сябе" [5, с. 207].

З 1956 г. савецка-польскае супрацоўніцтва ўзбагацілася такой новай формай, як узаемасувязі паміж прыгранічнымі абласцямі БССР і УССР, з аднаго боку, і Польшчы – з другога. Брэсцкая і Гродзенская вобласці пачалі супрацоўніцтва з Люблінскім і Беластоцкім ваяводствамі. У межах гэтага прыгранічнага супрацоўніцтва сталі ўсталёўвацца кантакты паміж партыйнымі арганізацыямі, органамі мясцовай улады, грамадска-палітычнымі арганізацыямі, органамі мясцовай улады, грамадска-палітычнымі арганізацыямі на ўзроўні абласцей і ваяводстваў.

У 1956 г. упершыню адбыліся першыя ўзаемныя паездкі дэлегацый партыйных работнікаў і мясцовых органаў улады Гродзенскай вобласці і Беластоцкага ваяводства. Пачатак супрацоўніцтва быў пакладзены пастановай ЦК КПБ "Аб мерапрыемствах па развіцці культурных сувязей паміж Гродзенскай вобласцю БССР і Беластоцкім ваяводствам Польскай Народнай Рэспублікі" ад 22 жніўня 1956 г., паводле якой была прынята між іншым прапанова Гродзенскага абкама партыі і Беларускага таварыства культурнай сувязі з замежжам аб запрашэнні ў Гродзенскую вобласць дэлегацыі партыйных і раданарадовых работнікаў у складзе 7 чалавек тэрмінам на адзін тыдзень [6, с. 80].

У верасні 1956 г. дэлегацыя работнікаў Беластоцкага ваяводства ў складзе першага сакратара Ваяводскага камітэта (ВК) ПАРП Я. Яблоньскага, старшыні ваяводскай рады нарадовай Ю. Шэйшняка, першага сакратара Гайнаўскага райкама ПАРП П. Любінецкага і іншых адказных работнікаў ваяводства наведала Гродзенскую вобласць. Яны азнаёміліся з вопытам вядзення гаспадаркі ў калгасах і саўгасах, работай партыйных і савецкіх органаў. Перад ад'ездам польскія таварышы заявілі першаму сакратару Гродзенскага абкама КПБ Ф. Баранаву, што іх візіт быў вельмі карысным і звярнуліся з просьбай аказання ім больш істотнай дапамогі ў справе перадачы вопыта партыйных і савецкіх арганізацый Гродзеншчыны. Яны паведамілі аб становішчы ў Беластоцкім

ваяводстве, адзначыўшы, што партыйная арганізацыя там шматлікая, але слабая, ідэйны ўзровень камуністаў нізкі. Пашыраны настроі супраць калгасаў, партыйная і дзяржаўная дысцыпліна падае, прыніжаецца роля партыйных і гаспадарчых кіраўнікоў [8, л. 392 – 393].

Пра ўсё вышэй адзначанае паведамлялася ў лісце першага сакратара ЦК КПБ К. Мазурава ў ЦК КПСС ад 4 кастрычніка 1956 г. Гродзенскі абкам па просьбе кіраўніцтва ВК ПАРП Беластоцкага ваяводства планаваў паслаць у Беласток групу партыйных работнікаў на чале з Ф. Баранавым, групу савецкіх работнікаў і групу работнікаў сельскай гаспадаркі. Ён таксама прасіў дазволу ЦК КПБ запрашаць партыйных і раданарадовых работнікаў Беластоцкага ваяводства на пленумы Гродзенскага гаркама партыі, сходы партыйнага актыву, сесіі гарсавета, дзе яны маглі б азнаёміцца з вопытам партыйнай і савецкай работы. К. Мазураў паведамляў, што ЦК КПБ падтрымлівае прапановы Гродзенскага абкама і просіць указанняў ЦК КПСС [8, л. 393]. У адказ на гэты ліст намеснік загадчыка сектарам аддзела ЦК КПСС па сувязях з замежнымі кампартыямі І. Удальцоў паведаміў 11 кастрычніка 1956 г. намесніку старшыні Савета Міністраў БССР П. Абрасімаву, што ў адпаведнасці з пастановай ЦК КПСС ад 17 мая 1956 г. ЦК КПБ прадстаўлена права самастойна вырашаць пытанні аб абмене дэлегацыямі паміж пагранічнымі абласцямі БССР і пагранічнымі ваяводствамі ПНР [9, л. 394].

Прадстаўленне Кампартыі Беларусі самастойнасці ў прыгранічным супрацоўніцтве з Польшчай выглядала рэвалюцыйным актам. На жаль, пастанова ЦК КПСС ад 17 мая 1956 г. намі не выяўлена. Тым не менш вядома, што ў наступныя гады ЦК КПБ хоць і не запытваў дазвол ЦК КПСС на прыняцце дэлегацый з прыгранічных ваяводстваў Польшчы, аднак інфарміраваў ЦК КПСС аб такіх візітах, спасылаючыся на гэту пастанову. Механізм атрымання дазволу ЦК КПБ на прыём у Брэсце маладзёжнай дэлегацыі Люблінскага ваяводства, які працягваўся паўгады (з мая 1956 па студзень 1957 гг.), апісаў на падставе дакументаў НАРБ беларускі гісторык А. Вялікі [2, с. 191].

Візіт гэтай “маладзёжнай” дэлегацыі, які адбыўся 23 – 25 студзеня 1957 г., быў падобны на візіт дэлегацыі Беластоцкага ваяводства ў Гродна ў верасні 1956 г., пра які згадвалася вышэй, але меў больш цікавую інтрыгу. У складзе дэлегацыі аказаліся сакратар Люблінскага ВК ПАРП Я. Цюрус і загадчык яго арганізацыйнага аддзела П. Карпюк, якія дзейнічалі па дамоўленасці з першым сакратаром Люблінскага ВК ПАРП У. Коздрай. Яны дабіліся неафіцыйнага прыёму ў першага сакратара Брэсцкага абкама партыі П. Машэрава і паведамілі яму аб становішчы спраў у ваяводскай партыйнай арганізацыі, як і ў цэлым у Люблінскім ваяводстве. Польскія камуністы распавядалі пра беспарадкі і дэзарганізацыю работы на шэрагу прамысловых прадпрыемстваў, “антысавецкую прапаганду варожых элементаў”, у прыватнасці іх патрабаванні вяртання Польшчы Заходняй Беларусі, разгубленасць у партыі, незразумелую пазіцыю ЦК ПАРП адносна падзей у Венгрыі і г. д. Яны выказалі жаданне мець больш цесныя сувязі з Брэсцкім абкамам КПБ і прасілі часцей наведваць Люблінскі. Па выніках гэтага таямнічага візіту першы сакратар ЦК КПБ К. Мазураў накіраваў справаздачу ў ЦК КПСС [2, с. 193 – 195]. Савецкае кіраўніцтва адгукнулася на просьбу польскіх камуністаў, накіраваўшы ў чэрвені 1957 г. дэлегацыю Гродзенскага абкама партыі на чале з яго першым сакратаром Ф. Баранавым у Беластоцкае ваяводства, а ў верасні - дэлегацыю Брэсцкага абкама партыі на чале з яго першым сакратаром П. Машэравым у Люблінскае ваяводства. Па выніках вызіту Ф. Баранаў дакладваў у ЦК КПБ, што ваяводскае кіраўніцтва заблыталася ў сваёй палітыцы, “не мае дакладных указанняў ад ЦК, карыстаецца дэкларацыямі Гамулкі і недакладнымі рашэннямі ЦК, асабліва па сялянскім пытанні, не бачыць канкрэтных шляхоў у

будаўніцтве сацыялізму”. Ф. Баранаў лічыў неабходным дапамагаць польскім таварышам “вылазіць з гэтага апартуністычнага балота” і выказваўся ў падтрымку прапановы кіраўнікоў Беластоцкага ВК ПАРП аб пашырэнні сувязей паміж абласцямі па лініі маладзёжных, прафсаюзных, культурных і спартыўных арганізацый. Аналагічную прапанову кіраўнікі Люблінскага ВК ПАРП перадалі П. Машэраву [2, с. 195 – 196].

Пачатак беларуска-польскага трансгранічнага супрацоўніцтва, які прыпаў на драматычныя для ПНР падзеі восені 1956 г., аказаўся нечаканым для саюзнага і беларускага партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва. Кіраўнікі ваяводскіх партыйных камітэтаў Беластока і Любліна выкарысталі гэты новы канал сувязей з СССР для таго, каб шчыра інфарміраваць кіраўнікоў Брэсцкага і Гродзенскага абкамаў КПБ, а праз іх ЦК КПБ і ЦК КПСС, аб рэальным становішчы ў іх ваяводствах, на іх думку сур’ёзных недахопах у партыйным кіраўніцтве падначаленых ім тэрыторый з боку ЦК ПАРП, сваёй апазіцыі да дзеянняў партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва ў Варшаве. Яны прасілі дапамогі і падтрымкі ад СССР і жадалі больш цеснага і энергічнага супрацоўніцтва са сваімі беларускімі партнёрамі. Такое супрацоўніцтва ў наступныя гады атрымала сваё развіццё.

1. Бухарин, Н.И. Оттепель / Н.И. Бухарин // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общей ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 450 – 467.
2. Вялікі, А.Ф. Беларусь – Польшча ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя, 1955 - 1959 гг. / А.Ф. Вялікі. - Мн.: МГПУ, 2007. -272 с.
3. Декларация парвительства СССР от 30 октября 1956 г. “Об основах развития и дальнейшем укреплении дружбы и сотружничества между Саветским Союзом и другими социалистическими государствами” // Правда. – 1956. – 31 окт.
4. Доклад первого секретаря ЦК КПБ К.Т. Мазурова на V пленуме ЦК КПБ // Сов. Белоруссия. – 1956. – 8 дек.
5. Очерки истории Брестской областной партийной организации. – Мн.: Беларусь, 1989. – 447 с.
6. Пастанова ЦК КПБ “Аб мерапрыемствах па развіцці культурных сувязей паміж Гродзенскай вобласцю БССР і Беластоцкім ваяводствам Польскай Народнай Рэспублікі” ад 22 жніўня 1956 г. // Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў / Склад. У.М. Міхнюк, У.К. Ракашэвіч, А.В. Шарапа, І.Г. Яцкевіч. – Мн.: Выд. цэнтр БДУ, 2002. – Т. 5 (верасень 1945 – 1975 гг.). – 344 с.
7. Письмо вице-консула СССР в Щетине Ф. Шарыкина “О временном выезде в СССР польских граждан” зав. IV Европейским отделом МИД А. И. Горчакову, начальнику консульского управления МИД А.П. Власову, послу СССР в Польше П.К. Пономаренко от 31 августа 1956 г. // Расійскі дзяржаўны архіў навейшай гісторыі. – Ф. 5. – Воп. 28. – Спр. 396. – Л. 338 – 341.
8. Письмо секретаря ЦК КПБ К. Мазурова в ЦК КПСС от 4 октября 1956 г. // Расійскі дзяржаўны архіў навейшай гісторыі. – Ф. 5. – Воп. 28. – Спр. 397. – Л. 392 – 393.
9. Справка зам. зав. сектором отдела ЦК КПСС по связям с зарубежными компартиями И.Удальцова от 11 октября 1956 г. в связи с письмом секретаря ЦК КПБ К. Мазурова в ЦК КПСС от 4 октября 1956 г. // Расійскі дзяржаўны архіў навейшай гісторыі. – Ф. 5. – Воп. 28. – Спр. 397. – Л. 394.

ИЗ ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛОРУССКОЙ ССР СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ЮНЕСКО (первая половина 1960-х гг.)

С.Ф. Свилас (Минск)

В белорусской советской историографии в силу недоступности до конца 1990-х гг. ряда необходимых документов вопрос взаимодействия дипломатий БССР и государств Латинской Америки в ЮНЕСКО получил самое общее освещение (публикации К.В. Киселева, В.С. Колбасина, исследование Л.В. Языкович). На основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, автор рассматривает связи республиканского МИДа с Советской ассоциацией дружбы и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки (САДИКС), со-

трудничество Комиссий БССР и Чили, визит проф. Э. Эспоса в Минск. Дана общая характеристика внешней политики латиноамериканских стран в указанный период, отражено взаимодействие МИДа и Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО с другими ведомствами республики и московским Центром.

В первое десятилетие после окончания II мировой войны большинство государств Латинской Америки в сфере внешней политики, по оценке видного российского исследователя В.П. Сударева, выстраивались в «кильватере» дипломатии США, «латиноамериканская машина голосования во всю работала в ООН, почти автоматически поддерживая США по всему спектру международных вопросов». На межамериканской конференции в Каракасе (март 1954 г.) была одобрена «Декларация солидарности в сохранении политической целостности американских государств от вмешательства международного коммунизма». Вместе с тем с конца 1940-х гг. начинается пересмотр Вашингтоном места латиноамериканского региона во внешней политике США, превращение его в «тыловую зону». К концу 1950-х гг. межамериканская система вступила в первый серьезный кризис, но ее «спасла» кубинская революция. Администрация Дж. Кеннеди выступила с программой «Союз ради прогресса», рассчитанной на 10 лет и принятой в августе 1961 г. на конференции в Уругвае всеми странами Латинской Америки (кроме Кубы). Она оценивается современной российской историографией (вслед за западной) как первая в мировой практике программа развития целого региона «третьего мира» [4; 5; 6]. «Хартия Пунта-дель-Эсте» должна была осуществляться за счет мобилизации как внутренних ресурсов (80 млрд. дол.), так и финансирования США (20 млрд. дол.). Зависимость Латинской Америки от США начала постепенно преобразовываться во взаимозависимость, обусловленную рывком в развитии большинства стран региона. Несмотря на то, что программа «Союз ради прогресса», подвергавшаяся резкой критике со стороны советской дипломатии, в том числе и в ЮНЕСКО, перестала реализовываться уже во второй половине 1960-х гг., она стимулировала социально-экономическое развитие региона. Первая половина 1960-х гг. стала также апогеем межамериканского военно-политического сотрудничества [5, с. 116 – 122].

СССР стремился расширить сферу влияния в Латинской Америке, экспортировать социалистические идеи, пропагандировать свою общественную систему [3]. 27 марта 1961 г. ответственный секретарь Советской ассоциации дружбы и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки (САДИКС) В. Кузьмищев направил министру иностранных дел Белорусской ССР К.В. Киселеву план работы Ассоциации на 1961 г. с просьбой рассмотреть и сообщить, в выполнении каких мероприятий республиканское МИД «желало бы принять участие» [2, д. 548, л. 78; 79 – 87]. Ответственный секретарь Комиссии республики по делам ЮНЕСКО В.С. Колбасин получил задание министра: «Изучите и подготовьте ответ за моей подписью» [2, д. 548, л. 87а)]. План был направлен К.В. Киселевым в Белорусское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами (БелОКС), при этом подчеркивалось, что «намечаемые в БССР мероприятия по ознакомлению советской общественности с жизнью, трудом и историей различных стран Латинской Америки, а также информационная и организационная работа по развитию дружбы и сотрудничества с народами Латинской Америки представляют большой интерес для практической работы Министерства иностранных дел БССР (использование на сессиях ООН, для бесед с иностранцами и т.п.)» [2, д. 548, л. 88]. В плане САДИКС отмечалось, что ее основной задачей в 1961 г., как и в предшествующие годы, являлось «по возможности более широкое распространение правдивой информации о СССР в странах Латинской

Америки, показ выдающихся достижений советского народа в построении коммунистического общества, миролюбивой внешней политики советского государства, возможности мирного сосуществования между государствами с различными социальными системами». Особое внимание ассоциация обращала на «показ интереса советского народа к странам Латинской Америки, симпатий советских людей к их национально-освободительной борьбе и революционным традициям». Эти задачи осуществлялись путем всемерного укрепления связей и помощи организациям дружбы с СССР в указанных странах; всемерного укрепления и развития контактов с иными латиноамериканским организациями и отдельными деятелями этих стран; помощи и содействия созданию новых организаций дружбы с Советским Союзом, снабжения пропагандистскими материалами указанных организаций и лиц; издания в СССР специальных материалов «о странах Латинской Америки и для стран Латинской Америки»; организации постоянных радиопередач, обмена делегациями, специализированными группами туристов, работы с делегациями, посещавшими СССР по линии других ведомств и туристами, оказания содействия широкому изучению русского и испанского языков, проведения в СССР мероприятий, посвященных жизни этих стран (особенно Кубе) [2, д. 548, л. 79]. 3 июня 1961 г. и.о. председателя Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами И. Кощеев сообщил К.В. Киселеву, что план работы САДИКС был получен из Москвы еще в начале года, в соответствии с этим планом «проводится определенная работа, с которой мы всегда можем ознакомить МИД БССР» [2, д. 548, л. 98]. В тот же день глава белорусского внешнеполитического ведомства информировал «тов. Кузьмищева» о направлении копии плана работы САДИКС в БелОКС для разработки в соответствии с ним ряда мероприятий, при этом было подчеркнуто: «что касается моего участия в выполнении намеченных мероприятий по плану, то я согласен выполнять любое Ваше поручение» [2, д. 548, л. 99]. Письмом Р. Майо от 31 октября 1961 г. ЮНЕСКО приглашала БССР послать наблюдателя на конференцию по образованию и экономическому и социальному развитию в Латинской Америке, которая проводилась в Сант-Яго (Чили) в марте 1962 г. [2, д. 540, л. 172]. 18 ноября 1961 г. А.Е. Гуринович информировал С.К. Романовского, заместителя председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами, что МИД БССР и Комиссия БССР по делам ЮНЕСКО сочли нецелесообразным направлять наблюдателя на эту конференцию и просил сообщить мнение по этому вопросу. На документе – надпись чернилами: «Комиссия ЮНЕСКО при СМ СССР поддерживает наше мнение. 28 ноября 1961 г.» [2, д. 540, л.176].

Во время 12-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (1962 г.) в Советский Союз для «установления контактов и ознакомления с жизнью советского народа» были приглашены представители национальных комиссий других стран. В соответствии с решением Центра Белорусская ССР на протяжении 10 дней должна была принимать представителей Национальной комиссии Чили в составе трех человек, причем расходы по пребыванию несла советская сторона. Об этом председателя Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО, министра культуры республики Г.Я. Киселева информировал заместитель председателя Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО М.М. Песляк в январе 1963 г. [1, д. 498, л. 1]. К.В. Киселев направил секретарю ЦК КПБ П.М. Машерову проект приглашения и просил дать разрешение на его отправку, вопрос был согласован [1, д. 498, л. 2 – 4, 43], и 22 января 1963 г. МИД БССР направило в адрес Комиссии Чили официальное письмо с приглашением ее членов в составе трех человек совершить 10-дневную поездку в Советский Союз и Белоруссию «для установления деловых контактов и

ознакомления с жизнью народа». В письме выражалась надежда, что в состав делегации войдут председатель Комиссии и генеральный секретарь [2, д. 712, л. 82]. 29 марта 1963 г. Г.Я. Киселев сообщил председателю Национальной комиссии Чили О. Фуэнтесу, что «Национальная комиссия БССР с удовлетворением узнала из Вашего письма от 8 февраля о готовности послать делегацию» [2, д. 712, л. 90], а К.В. Киселев просил Постоянного представителя Белорусской ССР при ЮНЕСКО К.В. Кудрявцева встретиться в Париже с Постоянным представителем Чили при ЮНЕСКО Ривасом и выяснить «фамилии, должности и, по возможности, политические взгляды Председателя Комиссии и Генсека, а также тех, кто войдет в состав чилийской делегации» [2, д. 712, л. 80 – 82]. Во время встречи, состоявшейся 4 апреля 1963 г., Ривас сообщил, что в стране ощущается нехватка иностранной валюты, связанная с сокращением экспорта в США в связи с низкими закупочными ценами, правительство стало проводить ее жесткую экономию. Отсутствие иностранной валюты – официальная причина отказа от поездки делегации Комиссии Чили по делам ЮНЕСКО в СССР и Белорусскую ССР [2, д. 712, л. 92 – 94]. Письмом от 9 апреля 1963 г. Б.В. Кудрявцев доложил К.В. Киселеву о результатах встречи с Ривасом: делегация приехать не сможет, потому что «в Чили очень трудное положение с иностранной валютой, особенно не хватает долларов». Правительство издало специальное распоряжение, запрещавшее поездки чилийских дипломатов в Европу, за исключением особо необходимых случаев, была отменена даже поездка делегации в Париж, а билет в один конец до границы СССР стоил значительно дороже – тысячу долларов. Кроме того, в Чили в разгаре была избирательная кампания, основными соперниками в которой выступали христианский демократ Э. Фрей Монтальва и социалист С. Альенде. При этом с ноября 1958 г. у власти в стране находился президент Х.А. Родригес – лидер либеральной партии. Поездки в Западную Европу сопровождались обвинениями в «прозападной», а в СССР – в «прокастровской ориентации». «Ривас понимает необходимость поездки в целях укрепления взаимопонимания и сотрудничества, но в настоящее время для этого нет условий» [2, д. 712, л. 85 – 86]. 22 мая 1963 г. Оскар П. Фуэнтес, исполнительный вице-председатель Национальной комиссии Чили по делам ЮНЕСКО в письме Г.Я. Киселеву, подтвердив получение приглашения, уведомил, что воспользоваться приглашением не сможет [2, д. 712, л. 90].

26 октября 1964 г., в период 13-й сессии Генеральной конференции, Б.В. Кудрявцев имел беседу с Ривасом и членом Комиссии Чили по делам ЮНЕСКО Эспосом. Последний, сославшись на приглашение, направленное ранее в Чили Комиссией БССР по делам ЮНЕСКО, заявил о готовности посетить СССР и БССР сразу после окончания сессии. Это стало возможным в связи с избранием президентом Чили Э. Фрея, заявившего о готовности установить дипломатические отношения с СССР. Делегация БССР на сессии получила соответствующее письмо от Комиссии Чили по делам ЮНЕСКО [2, д. 805, л. 87; д. 829, л. 1].

9 ноября 1964 г. К.В. Киселев из Минска послал «ВЧ-грамму» заместителю председателя Комиссии СССР М.М. Песляку, в которой напомнил, что в начале 1963 г. Комиссия БССР по делам ЮНЕСКО «в соответствии с Вашими поручениями (январь, март, июль 1963) вела переписку с Комиссией Чили по делам ЮНЕСКО, в ходе которой приглашалась делегация Чилийской Национальной Комиссии по делам ЮНЕСКО посетить Советский Союз и Белорусскую ССР для установления деловых контактов и ознакомления с жизнью нашего народа», однако приглашение не было принято со ссылкой на финансовые затруднения. Заместитель председателя Национальной комиссии Чили по делам ЮНЕСКО О. Фуэнтес сообщил в Минск, что член исполкома Чилийской Национальной ко-

миссии проф. Э. Эспос, находившийся на 13-й сессии Генконференции, намерен выехать в СССР и БССР сразу же после окончания сессии, если приглашение осталось в силе. С такой же просьбой делегация Чили на сессии ЮНЕСКО обратилась к делегации БССР и заявила, что новый президент желает установления хороших отношений с социалистическими странами. «Считаем целесообразным подтвердить наше приглашение и согласиться на приезд профессора в Советский Союз и Белорусскую ССР. Просим срочно сообщить Ваше решение по этому вопросу для сообщения делегации Белорусской ССР на 13-й сессии Генконференции ЮНЕСКО» [2, д. 829, л. 152 – 153]. 10 ноября К.В. Киселев получил ответ из Москвы: «Вопрос о приглашении Эспоса находится на рассмотрении в Инстанции. О решении сообщим дополнительно» [2, д. 829, л. 151]. 17 ноября 1964 г. М.М. Песляк «ВЧ-граммой» информировал министра, что «получено согласие на приглашение представителя Чили Эспоса в БССР и СССР на условиях, которые Комиссия БССР сообщила чилийцам ранее: срок пребывания – до 10 дней, транспортные расходы по проезду в оба конца берет на себя чилийская сторона, а расходы по пребыванию – советская сторона. Просьба наметить программу пребывания и подготовиться к приему Эспоса в Минске. О времени его прибытия сообщим дополнительно» [2, д. 829, л. 150].

В годовом отчете МИД БССР за 1964 г. несколько скупых строк: «В конце 1964 г. в Минске 4 дня находился член исполкома Чилийской комиссии по делам ЮНЕСКО Э. Эспос» [1, д. 529, л. 79], однако за ними скрывается кропотливая работа белорусской дипломатии по подготовке этого визита [2, д. 829, л. 146 – 148]. 24 ноября 1964 г. заместитель Председателя Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО, заместитель министра иностранных дел республики А.Е. Гуринович докладывал заместителю председателя Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО А.А. Петрову, что Комиссия БССР разработала программу пребывания и просил для покрытия расходов перевести на счет МИД БССР 200 руб. [2, д. 874, л. 185]. 28 ноября 1964 г. председатель Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО, министр культуры М.А. Минкович и А.Е. Гуринович информировали председателя Совета Министров БССР Т.Я. Киселева, что «согласно принятому Инстанцией решению, все расходы, связанные с пребыванием Эспоса на территории СССР, берет на себя советская сторона. Учитывая важное политическое значение визита проф. Эспоса, совпавшего по времени с восстановлением дипломатических отношений между СССР и Чили, МИД БССР и Комиссия БССР по делам ЮНЕСКО просят Совмин БССР выделить из резервного фонда Совмина 100 руб. на представительские цели» [2, д. 874, л. 184]. Правительство республики выполнило эту просьбу. В смету расходов вошли гостиница (2 руб.50 коп. в сутки), питание (7 – 8 руб. за один прием), проезд до Москвы (15 руб.), сувениры (30 руб.), деньги на карманные расходы (20 руб.), однако затем половину расходов (за гостиницу и питание) компенсировал Государственный комитет Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами. Управление делами Совмина БССР для обслуживания гостя выделило автомашину «Волга» [2, д. 829, л. 146 – 149; д. 874, л. 145, 186].

В Национальном архиве Беларуси хранится отчет ответственного секретаря Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО Г.К. Новицкого о пребывании члена Комиссии Чилийской национальной комиссии по делам ЮНЕСКО, профессора Э. Эспоса в БССР с 29 ноября по 2 декабря 1964 г. Он приехал в Минск поездом после двухдневного знакомства с Москвой, имел беседы в Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО, в Белорусском обществе дружбы и культурной связи с зарубежными странами, осмотрел достопримечательности столицы республики, посетил БПИ и БГУ, Минский завод автоматических линий и Солигорский калийный ком-

бинат, Дворец пионеров, музей I съезда РСДРП, истории ВОВ, Художественный музей, побывал на оперном спектакле «Флория Тоска», эстрадном концерте и представлении белорусского цирка, в Обществе дружбы посмотрел документальные фильмы о республике. «В первый день пребывания в Белорусской ССР проф. Эспос вел себя очень сдержанно и даже настороженно. Он предпочитал не задавать вопросов, не касался политических тем в разговорах, однако после посещения музея истории Великой Отечественной войны, знакомства с городом и, особенно, после бесед в Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО, в БГУ и политехническом институте, которые прошли в исключительно непринужденной, дружеской обстановке, в его поведении произошел заметный перелом». Эспос подчеркнул, что в Чили «не имеют представления о том, что война принесла вам». Профессор неоднократно отмечал, что ему понравилась «простота и искренность советских людей, будь то министр культуры или аспирант БГУ, дети во Дворце пионеров или директор Солигорского калийного комбината». Как проректор Чилийского политехнического университета, профессор отметил «энтузиазм и энергию молодежи, уверенность ее в своих силах». Э. Эспос заявил: «До приезда к вам я имел превратное представление о вашей стране. Многие наши газеты пишут о вас так, что якобы на улицах ваших городов еще можно встретить белых медведей. Ваша борьба за мир изображается как пропаганда, как маскировка дурных намерений. Теперь я убедился, что вы трудолюбивый и гордый народ. У вас все – от министра до простого рабочего говорят о мире, и я вижу, что говорят искренне, от всего сердца». Гость неоднократно подчеркивал, что очень рад восстановлению дипломатических отношений между Чили и СССР, и особенно рад услышать об этом на советской земле, в то же время не скрывая, что является сторонником Альенде, который не был избран президентом. Г.К. Новицкий в своем отчете подчеркивал, что профессор «не допускал абсолютно никаких выпадов против СССР, был неизменно корректен и вежлив», «лишь однажды заметил, что многие на Западе считают, что в СССР и в других социалистических странах отсутствует демократия, так как существует лишь одна партия», однако «на это замечание было дано соответствующее разъяснение». Из бесед с Э. Эспосом сложилось впечатление, что у него «не было каких-то поручений от Комиссии Чили по делам ЮНЕСКО, связанных с установлением конкретных связей и контактов с Комиссией БССР, с обсуждением определенных вопросов и проблем, поездка носила познавательный характер». Ответственный секретарь Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО, оценивая итоги визита, отмечал, что «открылись гораздо большие возможности для установления необходимых для нас связей с Комиссией Чили, которых не было, а также для установления деловых контактов с делегациями Чили на конференциях, созываемых по линии ЮНЕСКО» [2, д. 829, л. 1 – 5; д. 874, л. 137 – 141].

28 декабря 1964 г. О.П. Фуэнтес, вице-президент Исполнительного комитета Национальной комиссии Чили по делам ЮНЕСКО, отправил председателю Комиссии Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО М.А. Минковичу письмо следующего содержания (в переводе В. Аврорского): «Уважаемый господин, недавно вернулся на родину дон Элиас Эспос, член Исполнительного комитета Чилийской национальной комиссии, и рассказал нам о поездке в Вашу страну и о том внимании, которое ему было оказано со стороны Вашей Комиссии. Мне очень приятно поблагодарить Вас за оказанную любезность. Вместе с пожеланиями счастливого Нового года шлю Вам свой самый искренний привет» [2, д. 874, л. 174].

Приведенный архивный материал – малоизвестная страничка из объемной истории «холодной войны». Эта война не смогла перечеркнуть интереса и уваже-

ния как представителей национальных элит, так и простых людей к культурам друг друга. Традиция Игнатия Домейко продолжалась.

1. Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – Фонд 907/3. – Оп. 3.
2. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 907/1. – Оп. 1.
3. Нежинский, Л.Н. О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны / Л.Н. Нежинский, И.А. Челышев // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945 – 1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. – М.: Междунар. отношения, 1995. – С. 9 – 46.
4. Мартынов, Б.Ф. История международных отношений стран Латинской Америки (XX – начало XXI вв.) / Б.Ф. Мартынов. – М.: Навона, 2008. – 424 с.
5. Сударев, В.П. Генезис и эволюция межамериканской (панамериканской) системы во второй половине XX века / В.П. Сударев // Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Учебное пособие / Под ред. А.Д. Воскресенского – М.: МГИМО – Университет; «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – С. 105 – 149.
6. Сударев, В.П. Межамериканская система: Генезис и эволюция (конец XIX – начало XXI веков) / В.П. Сударев. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 316 с.

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПО БОРЬБЕ СО ШПИОНАЖЕМ В КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

М.А. Анисяев (Минск)

Во вт. п. XX в. в международных отношениях весомую роль играли специальные службы ведущих мировых держав. Советский Союз не являлся исключением. Однако мощная советская спецслужба, как и иностранные, не возникла после окончания Второй мировой войны на пустом месте. Базис для формирования одного из лучших разведывательного и контрразведывательного органа в мире был заложен еще в начальный период становления советской государственности.

В результате срыва в декабре 1917 г. мирных переговоров с представителями германского блока Германия возобновила военные действия. Сопротивление противнику оказывали отдельные красноармейские отряды партизанского типа. Перед руководством пролетарского государства для защиты суверенитета от внешних и внутренних угроз потребовалось создать новую армию, органы госбезопасности, в том числе и военную контрразведку. Через несколько дней после принятия (28.01.1918 г.) СНК декрета об образовании РККА в Белоруссии начали создаваться первые красноармейские части. В связи с этим возникла потребность в создании единого организационного и координирующего центра военными операциями на западном направлении. Постановлением СНК РСФСР 4 марта 1918 г. Ставка была заменена Высшим военным советом (ВВС).

Для прикрытия западных рубежей, обороны Петрограда и Москвы из находившихся вдоль демаркационной линии красноармейских, красногвардейских и партизанских отрядов ВВС организовал два оперативных объединения так называемых участка завесы – Северный и Западный. Формирование Западного участка завесы проходило в сложной обстановке, так как главную массу отрядов составляли местные формирования. Всего на этом участке действовало 120 отдельных отрядов и подразделений общей численностью более 20 тыс. штыков и сабель [5, с. 7]. Трудности управления усугублялись слабостью командных звеньев, нежеланием отдельных отрядов подчиняться центральному командованию, стремлением действовать по собственному усмотрению. 12 апреля в Тамбове был окончательно расформирован штаб старого Западного фронта. К середине апреля самые неотложные мероприятия по организации отрядов Западного участка завесы были завершены. В его состав вошли Невельский, Рославльский, Брянский, Курский, Ви-

тебский, Оршанский и Смоленские отряды. Это было первое объединение войск Красной Армии на территории будущего Белорусского военного округа [2, с. 14].

Относительно спокойное положение на западе можно объяснить в первую очередь дипломатическими достижениями. Так, 27 августа 1918 г. в Берлине был подписан Добавочный договор к Брестскому мирному договору, согласно которому Германия обязывалась в короткий срок очистить оккупированную местность в том числе и территорию Белоруссии к востоку от реки Березины.

Оперативная обстановка в прифронтовой Белоруссии была очень сложной. Противники советской власти пытались изнутри влиять на моральное состояние армии с помощью подрывных акций, использовать часть военных специалистов, а также других неустойчивых или явно антисоветских элементов для ведения подрывной работы. В свою очередь, немецкие оккупационные власти были заинтересованы в дезорганизации управления войсками, в получении шпионских сведений о расположении частей Красной Армии, их снабжении, моральном духе личного состава. В этих целях германская и частично австро-венгерская разведки широко использовали сохранившуюся агентурную сеть, созданную ещё до начала войны. На сопредельной территории вербовали агентуру из числа австро-германских военнопленных, осевших в близлежащих от демаркационной линии городах и населённых пунктах, а также из антисоветски настроенных местных жителей и военнослужащих. Германские и австрийские разведывательные органы, наряду со шпионажем, занимались террором, диверсиями, организацией саботажа [3, с. 12].

Первоначально в штабе Западного участка завесы не предусматривалось иметь каких-либо органов для борьбы с агентурой противника. Однако первое же знакомство оперативной обстановкой, сложившейся на местах, убедило руководство завесы о необходимости срочной организации контрразведывательной службы. Так, военный руководитель Смоленского направления, А.А. Свечин обратился к военному руководителю Западного участка завесы В.Н. Егорьеву с просьбой как можно скорее организовать при штабе военную контрразведку. Своё предложение он обосновал тем, что в Смоленском районе среди местного населения действуют «враждебные нам агенты», подстрекающие массы против организации новой армии. Инициативу А.А. Свечина поддержал начальник штаба Западного участка завесы бывший подполковник А.Н. Де-Лазари, сообщив военному руководителю ВВС М.Д. Бонч-Бруевичу о ходатайстве А.А. Свечина, добавив от себя, что с организацией контрразведывательных отделений надо спешить, так как «агенты в обществе работают вовсю». Руководство ВВС 13 апреля своим распоряжением вменило в обязанность военному руководителю Западного участка завесы установить тщательный контроль на всех участках, в отрядах и в пограничной полосе. Основная задача контроля определялась директивой – оградить от агентуры противника «всё, не подлежащее оглашению». М.Д. Бонч-Бруевич 10 мая обратился непосредственно к председателю СНК со специальной докладной запиской, в которой обосновывал необходимость организации военной контрразведки в масштабе всего государства. Он предлагал срочно создать контрразведывательные отделения в составе штаба каждого отряда, входившего в участок завесы. Инициатива военрука ВВС была одобрена. В начале мая 1918 г. телефонограммой №1492/р (была направлена в 15 адресов, в том числе в Витебск , Оршу) ВВС с согласия советского правительства в категорической форме потребовал от военных руководителей участков и отрядов завесы срочно организовать отделения по борьбе со шпионажем.

Несмотря на возникшие трудности с подбором кадров, к середине лета 1918 г. отделения по борьбе со шпионажем были созданы в подавляющем боль-

шинстве войсковых формирований завесы. В мае – июне приступило к работе отделение при штабе Западного участка завесы. По своей структуре это отделение практически мало отличалось от соответствующего подразделения старой армии, в основе, в основе которого лежали уже испытанные на опыте империалистической войны принципы построения контрразведывательных подразделений. В первой половине июня 1918 г. для руководства отделениями по борьбе со шпионажем в войсках завесы при Оперативном управлении штаба ВВС был сформирован из бывших офицеров, имеющих опыт борьбы с иностранным шпионажем, центральный орган – отделение по борьбе со шпионажем [4, л. 331].

Военные специалисты ВВС отлично понимали, что создаваемая ими контрразведывательная система и решает лишь частные задачи на своей территории. Для усиления эффективности необходимо было установить контакты с Регистрационной службой Всероссийского главного штаба, которой было поручено руководство борьбой с иностранным шпионажем в масштабах всего государства.

Первым шагом явилось переименование отделений по борьбе со шпионажем в регистрационные отделения, о чём ВВС сообщил на места 10 июля 1918 г. Это означало признание контрразведывательной службы завесы составной частью Регистрационной службы Всероглавштаба. В августе 1918 г. был окончательно отрегулирован механизм руководства Регистрационной службой ВВС. По его директиве от 15 августа 1918 г. Регистрационное отделение штаба Западного участка завесы становилось руководящим по отношению к регистрационным отделениям штабов отрядов, входивших в состав участка завесы. Начальнику отделения вменялось в обязанность решать в масштабах своего участка кадровые и организационные вопросы, вырабатывать общий план работы концентрировать у себя сведения по шпионажу, разрабатывать смету и готовить отчётность, а также контролировать деятельность подчинённых отделений. К сентябрю 1918 г. Регистрационная служба ВВС представляла собой довольно большой и разветвленный аппарат. Он состоял из центрального руководящего органа при штабе ВВС и соответствующих отделений при штабах трех участков завесы – Северном, Западном и Южном. Регистрационному отделению Западного участка завесы (с 11.09.1918 г.– Западный район обороны; с 15.11.1918 г.– Западная армия) подчинялись соответствующие отделения отрядов, дислоцируемых в Смоленске, Орше, Витебске, Невеле, Брянске, Рязани, Курске, составляющих первую линию Западного участка завесы. Но добиться единства действий этих органов из-за отсутствия инструкции, регламентирующей важнейшие стороны их работы, не удалось. Многочисленные указания со стороны ВВС на места ограничивались вопросами по организации отделений. Что же касается решения задач оперативного плана, форм и направлений оперативной деятельности, то ВВС полностью положился на опыт руководителей отделений.

Начальники отделений при штабах участков в принятии решений были независимы от центра. Их деятельностью руководили соответствующие военные советы. Созданные контрразведывательные отделения свое остриё направляли на противодействие иностранному шпионажу, а также на борьбу с контрабандой в районе демаркационной зоны. Оперативно-розыскная работа велась путём установления внутреннего и наружного наблюдения среди военнопленных, а также среди части местного населения, которая попадала в поле зрения военной контрразведки. Выявлением фактов контрреволюционных проявлений со стороны привлечённых в войска военспецов занимались контрразведчики местных ЧК.

Таким образом, в этот период наряду с военной контрразведкой оперативную работу в армии проводили и территориальные подразделения ВЧК. Но ни Регистрационной службе Всероссийского главного штаба, ни контрразведке, ру-

ководимой ВВС, советская власть не могла довериться полностью. Гражданская война нарастала с каждым днём. Советское государство нуждалось в контрразведке, способной противостоять и австро-германскому шпионажу, и подрывным действиям вчерашних союзников России – стран Антанты, а также внутренней контрреволюции. По инициативе наркомвоендела при Оперативном отделе было создано контрразведывательное отделение, получившее название Военный контроль. Костяк его составили коммунисты, активные участники революционных событий. На работу в отделение принимались лица, имеющие рекомендации от парткомов. Пресечение шпионажа Германии и стран Антанты, разоблачение подрывной работы, проводимой врагами советской власти в красноармейских частях, предупреждение диверсий, сохранение военных и государственных секретов, учёт и регистрация офицеров и специалистов, мобилизованных в Красную Армию, – вот важнейшие направления работы контрразведывательного отделения, организованного коммунистами [1, с. 29 – 31].

Летом 1918 г. в армии существовало несколько контрразведывательных органов: Это вело к дублированию в работе. Параллелизм в деятельности этих органов вытекал из состояния оперативного руководства войсками Красной Армии в тот период. Политические и военные задачи, вставшие перед государством к осени 1918 г. в связи с развёртыванием гражданской войны, требовали централизации руководства обороной страны. Постановлением ВЦИК от 2 сентября 1918 г. учреждался Реввоенсовет Республики. Ему были переданы функции ликвидированного ВВС и все права коллегии Наркомвоена. Приказом от 11 сентября 1918 г. были образованы фронты и армии, а также Западный район обороны (с 15.11.1918 г. – Западная армия). 1 ноября 1918 г. был утверждён штат Полевого штаба (ПШ) РВСР. В структуре ПШ было предусмотрено Регистрационное Управление, на которое было возложено объединение всех органов агентурной разведки и военной контрразведки. Тем самым завершился двухмесячный поиск места военной контрразведки в системе центральных органов РККА. В этой связи все действующие органы контрразведки (регистрационные отделения) в войсках Западного района обороны переименовались в отделения Военного контроля. Для регистрационных отделений переход в подчинение отдела Военного контроля явился формальным актом, приведшим к переименованию названия самого органа. Какой-либо организационной перемены, изменений в личном составе не произошло.

Таким образом, после Октябрьской революции органы военной контрразведки действующей старой армии в короткий срок были поставлены под контроль ВРК. Реорганизованная таким образом военная контрразведка просуществовала столько, сколько жила старая армия. Части Красной Армии с первых дней существования стали объектом разведывательно-подрывных устремлений иностранных разведок и внутренней контрреволюции, так как являлись главной силой укрепления новой власти и защиты западных рубежей страны. Борьба с иностранным шпионажем в войсках, в том числе и на территории Белоруссии, оставалась, по существу, на протяжении почти всего 1918 г. вне компетенции ВЧК.

1. Военные контрразведчики / Сост. Ю.В. Селиванов. – М.: Воениздат, 1979. – 422 с.
2. Краснознаменный Белорусский военный округ / Редкол.: Е.Ф. Ивановский. – М.: Воениздат, 1983. – 408 с.
3. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914 – 1918 гг. / Э. Людендорф. – М.: Госиздат, 1923. – 800 с.
4. Российский государственный военный архив. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 331.
5. Часовые советских границ: Краткий очерк истории пограничных войск СССР / П.А. Иванчишин, Ю.Г. Кисловский, Н.И. Афанасьев [и др.]. – М.: Политиздат, 1979. – 285 с.

Р А З Д Е Л 4
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА. КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

КАНАДА И ВОЙНА В ИРАКЕ 2003–2011 гг.

А.Г. Иванов (Магнитогорск)

С лета 2002 г. команды Дж. Буша-мл. и Т. Блэра предпринимали серьезные усилия для того, чтобы Канада поддержала США и Британию в военной операции по свержению режима С. Хусейна [17, p. 5]. Однако дипломатические переговоры не дали результатов – канадское правительство отказалось принимать участие в войне. Своё решение премьер-министр Ж. Кретьен обнародовал 17 марта 2003 г. в Палате общин [1].

Позицию правительства Канады определяли следующие факторы:

1. Неубедительность обвинений С. Хусейна в производстве оружия массового уничтожения. Хотя большинством канадцев С. Хусейн мыслился диктатором, спонсором терроризма и угрозой международной безопасности, представленные США доказательства о разработках ОМУ в Ираке показались им неубедительными и даже грубо сфальсифицированными. Канадская сторона с самого начала настаивала на проведении дополнительных инспекций и отказывалась участвовать в военной операции в Ираке без санкции СБ ООН [2, p. 239].

2. Преобладание антивоенных настроений. Конечно, в канадском обществе существовали отдельные политические силы, которые настаивали на участии Канады в войне вместе с США и Великобританией. К их числу относились представители крупного бизнеса, премьеры ряда провинций, члены некоторых оппозиционных партий. Однако, основная масса канадцев была против войны «по американским понятиям». По данным опроса, проведённого в феврале 2003 г., 36% респондентов сказали, что не хотят, чтобы Канада принимала участие в военной операции в Ираке, 46% – согласились бы поддержать вторжение, если бы оно было санкционировано СБ ООН, и только 10% опрошенных высказались за участие страны в войне без санкций Совета Безопасности [17, p. 10]. В парламенте были сильны позиции Либеральной партии, Новой демократической партии и Квебекского блока, которые придерживались антивоенной линии. Накануне англо-американского вторжения по Канаде прокатилась волна митингов против войны в Ираке. Только 15 марта 2003 г. число участников подобного митинга в Монреале составляло 200 тыс., в Ванкувере – 10 тыс., в Торонто – 5 тыс., в Оттаве – 1,5 тыс. человек [17, p. 13].

3. Фактор Квебека, население которого исторически противилось участию Канады в войнах за Великобританию. Отказом поддержать коалицию кабинет Кретьена намеревался выбить почву из-под ног сторонников отделения Квебека и усилить позиции Либеральной партии в преддверии провинциальных выборов апреля 2003 г. Расчет премьер-министра оказался верным – сепаратистские партии Квебекский блок и Партия Квебека потерпели поражение, а либералы сформировали правительство во главе с Жаном Шарестом [12, p. 536].

4. Негативное отношение канадских либералов к политическим установкам и практике американских республиканцев. По мнению некоторых специалистов, отсутствие взаимопонимания между США и Канадой по вопросу о вторжении в Ирак было неизбежно уже в силу того, что правящие партии и элиты двух стран заметно расходились в своих ценностях и приоритетах. Правительство Ж. Кретьена во внутренней политике было ориентировано на либерализацию общественной жизни, к примеру, на обеспечение прав сексуальных меньшинств или легализацию марихуаны, а во внешней – на проведение независимого от США курса при приверженности многосторонности и уважении международного права [10, 24]. Республиканская администрация Дж. Буша, напротив, делала ставку на традиционализм внутри страны и на достижение глобального господства Америки [23, p. 141]. В строительстве однополярного мира республиканцы готовы были использовать любые средства, предпочитая односторонние действия диалогу. В таком ракурсе перспектива мировой гегемонии США была страшным сном канадских либералов.

5. Личные неприязненные отношения между Ж. Кретьеном и Дж. Бушем-мл., которые характеризовали «едва скрытое взаимное презрение» [20, p. A15]. Антипатия двух политиков стала заметной уже во время президентской кампании 2000 г., когда Кретьен публично поддерживал соперника Буша – демократа А. Гора. В ответ на это Дж. Буш изменил традиции и осуществил свой первый официальный визит в качестве президента не в Канаду, как делали почти все лидеры Америки до него, а в Мексику. И в дальнейшем в отношениях Буша и Кретьена сохранялась подчеркнутая дистанция – встречались они только на международных форумах, а единственный визит главы американского государства в Канаду, запланированный на 5 мая 2003 г., был отменен со ссылкой на его занятость вопросами войны в Ираке [12, p. 527; 23, p. 144 – 145].

Несогласные с решением либералов обрушили на них шквал критики. Кабинет Кретьена упрекали в предательстве своих ближайших союзников, что трактовалось не только как аморальный, но и стратегически неверный шаг. Эксперты из этого лагеря доказывали, что гарантом безопасности и благосостояния Канады являются США – её самый близкий сосед, крупнейший торговый партнёр, союзник по НОРАД и НАТО. В связи с этим Канаде правильнее было бы не радеть о священности ООН, не заботиться о поддержании идеалов многосторонности, поскольку у неё все равно нет для этого достаточных сил и веса, а развивать ещё более тесные отношения с Америкой [11, p. 19 – 21]. Только благодаря близкому диалогу с этой сверхдержавой, Канада имеет возможность оказывать сколько-нибудь заметное влияние на мировую политику в условиях XXI века [11, p. 23]. Кретьен же, по словам аналитиков, отказом участвовать в операции «Иракская свобода» испортил отношения с США, тем самым до предела ограничил значение Канады на мировой арене и превратил её в маргинала глобальной политики. Критики осуждали либералов за непоследовательность, напоминая, что они приняли решение об участии Канады в косовской операции 1999 г., совершенно не смущаясь отсутствием резолюции СБ ООН на её проведение [11, p. 23]. Наконец, были и те, кто порицал правительство за не желание помочь благому делу свержения кровавой диктатуры Хусейна и освобождения народа Ирака от неё.

В спектре оценок достаточно любопытно выглядит мнение, согласно которому решение Ж. Кретьена никак не сказалось на течении канадо-американских отношений. Данная трактовка опирается на факты тесной экономической интеграции соседей в рамках НАФТА и показатели роста объемов двусторонней торговли с началом вторжения США в Ирак [17, p. 15, 17].

Ещё более интересна точка зрения о том, что, несмотря на официальное неучастие в войне против Ирака, по факту Канада в той или иной форме участвовала в ней, из-за плотной взаимосвязи её вооруженных сил с войсками США и Великобритании. Сторонники данной версии [9, 14], как правило, цитируют американского посла в Канаде Пола Селуччи, который однажды заявил – «канадцы обеспечили нас большей поддержкой в Ираке, чем большинство из тех 46 стран, которые прямо поддержали нас» [21], а также оперируют следующими фактами:

– По разным оценкам от 30 до 100 канадских военнослужащих участвовали во вторжении в Ирак в 2003 г. в составе американских и британских соединений, находясь там по программам обмена [18].

– Канадские генералы В. Натынчик и П. Девлин командовали отдельными частями коалиции во время войны [15, p. 11].

– На разных её этапах канадские военнослужащие были задействованы в военном планировании, сопровождении американского ВМФ в зоне Персидского залива, координации операций в воздухе. Канада обеспечивала коалицию данными своего спутника RADARSAT-1, транспортными самолетами, воздушным пространством и местами дозаправки.

– Канада помогла США и Британии высвободить войска для вторжения в Ирак. С началом «Иракской свободы» она стала наращивать свой контингент в Афганистане и уже в середине 2003 г. стала одним из ведущих участников Международных сил содействия безопасности в Афганистане (ISAF). Численность канадского контингента на тот момент достигла 1 тыс. человек [5]. В апреле 2004 г. Департамент национальной обороны Канады заявил, что «канадский контингент самый большой в ISAF и составляет 1900 человек» [4].

– Канада была активно вовлечена в процесс послевоенного восстановления Ирака. Она выделила около 300 млн. долл. на реконструкцию страны, направляла своих консультантов для составления новой иракской конституции, проведения парламентских выборов, обучения иракских полицейских и солдат [13, 22].

– В период кампании в Ираке Канада не прекращала экспортировать в США некоторые виды оружия и стратегических материалов [3, 19].

В свое время, информируя общественность об этих фактах, политический активист Р. Сандерс призывал правительство перестать выставлять Канаду страной-миротворцем и открыто признать, что она является пособницей США в войне против Ирака [15, p. 13; 16, p. 6].

Обращает на себя внимание эволюция взглядов членов правящей прогрессивно-консервативной партии и её лидера, нынешнего премьер-министра С. Харпера на иракскую войну и перспективы втягивания Канады в конфликт. Если в 2003 г. консерваторы считали, что Канада должна безоговорочно поддержать своих традиционных союзников и воевать в Ираке вместе с США и Британией [12, p. 532], то в 2008 г. Харпер и другие представители партии назвали эту войну «абсолютной ошибкой» [8]. Очевидно, подобная корректировка произошла под влиянием изменения ситуации в Америке, где ширилось движение против кампании в Ираке и укреплялись позиции демократов, которые выступали за её немедленное прекращение. Уже в феврале 2009 г. премьер-министр Канады выразил солидарность с Б. Обамой в том, что не Ирак, а Афганистан является главным фронтом борьбы с международным терроризмом и именно там должны быть сосредоточены все усилия союзников.

Война в Ираке поставила перед Канадой проблему американских дезертиров, которые отказывались участвовать в этой незаконной и аморальной с их точ-

ки зрения авантюре. Опасаясь преследования властями на основании ст. 85 военного устава США, они бежали в Канаду и просили там политического убежища.

Страна кленового листа исторически была по одному меткому определению «убежищем для американцев, находящихся в беде» [7]. В XVIII в. в Канаду бежали лоялисты, в XIX в. – рабы, скрывавшиеся от хозяев, в XX в. – около 60 тыс. американских дезертиров, не желавших воевать во Вьетнаме. Либеральное отношение к отказникам из США закончилось с приходом правительства консерваторов. Последнее стало отказывать американским дезертирам в статусе беженцев, мотивируя это тем, что они нарушили контракт, который подписывали, становясь военными. Летом 2008 г. по распоряжению кабинета Харпера в США был выслан отказник Р. Лонг, почти сразу приговоренный военным судом к 15 месяцам тюрьмы [6, p. 16]. Все усилия парламентской оппозиции заставить правительство прекратить практику выдворения американских дезертиров долго не давали ощутимых результатов. И лишь в последние годы консерваторы пересматривают свой подход к данной проблеме.

В целом, пример войны с Ираком как нельзя лучше показывает, что трезвая, независимая от США позиция Канады в перспективе может оказаться более конструктивной, чем слепое следование за Америкой, при котором канадцы с неизбежностью рискуют стать соучастниками ошибок, сделанных их южным соседом. Другое дело, высокая степень интеграции Канады с США в экономической и военно-политической сферах заметно ограничивает её поле для маневра и делает её самостоятельность в некотором смысле виртуальной.

1. Alberts, Sh. Chrétien says Canada won’t fight / Sh. Alberts // National Post. – 2003. – 18 March. – P. 6.
2. Barry, D. Chrétien, Bush, and the War in Iraq / D. Barry // American Review of Canadian Studies. – 2005. – Vol. 35. – № 2. – P. 215 – 245.
3. BC Stats // The Central Statistical Agency of the Province of British Columbia [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.bcstats. gov.bc.ca/Publications/Infoline/InfolineArchives2004.aspx. – Date of access: 23.12.2012.
4. Canadian Forces to Deploy for Roto 2 of Operation Athena // Department of National Defence [Electronic resource]. – 2004. – 14 April. – Mode of access: http://www.forces.gc.ca/site/newsroom/ view_news_e. asp?id=1337. – Date of access: 07.03.2013.
5. Canadian Units // CBC News [Electronic resource]. – 2006. – 19 June. – Mode of access: http://www.cbc.ca/news/background/afghanistan/ cdnu nits.html. – Date of access: 07.03.2013.
6. Fong, P. U.S. army deserter first to be deported / P. Fong // Toronto Star. – 2008. – 16 July. – P. 16.
7. Gray, J. US deserter's Canadian campaign / J. Gray // BBC [Electronic resource]. – 2004. – 6 July. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/3867481.stm. – Date of access: 15.02.2013.
8. Iraq war a mistake, Harper admits // CTV News [Electronic resource]. – 2008. – 3 October. – Mode of access: http://www.ctvnews.ca/iraq-war-a-mistake-harper-admits-1.330207. – Date of access: 15.02.2013.
9. Layton, J. Canada’s Illegal War / J. Layton // The Ottawa Citizen. – 2003. – 26 March. – P. A17.
10. McCarthy, S., Leblanc, D. PM Scolds McCallum on Canada’s Role in Iraq / S. McCarthy, D. Leblanc // The Globe and Mail. – 2003. – 16 January. – P. A1.
11. Noble J. Canada-US Relations in the Post-Iraq War Era: Stop the Drift toward Irrelevance / J. Noble // Policy Options – 2003. – Vol. 24. – № 5. – P. 19 – 25.
12. O’Connor, B., Vucetic, S. Another Mars-Venus divide? Why Australia said 'yes' and Canada said 'non' to involvement in the 2003 Iraq War / B. O’Connor, S. Vucetic // Australian Journal of International Affairs. – 2010. – Vol. 64. – № 5. – P. 526 – 548.
13. O’Keefe, D. Paul Martin: ‘we’re certainly doing our share’ (for the U.S. Empire) / D. O’Keefe // Seven Oaks Magazine. – 2004. – December 21. – P. 17 – 22.
14. Sanders, R. Canada’s hands aren't clean: Let’s Stop Claiming That We're Not Helping the U.S. in Iraq / R. Sanders // CCPA Monitor. – 2006. – Vol. 13. – № 2. – P. 6 – 8.
15. Sanders, R. Canada’s real role in Iraq: Our New Defence Chief Commanded U.S. Troops in Iraq / R. Sanders // CCPA Monitor. – 2008. – Vol. 15. – № 4. – P. 11 – 13.

16. Sanders, R. Canada's Secret Complicity in the Iraq War / R. Sanders // CCPA Monitor. – 2008. – Vol. 15. – № 4. – P. 5 – 6.
17. Sayle, T. "But he has nothing on at all!". Canada and the Iraq War, 2003 / T. Sayle // Canadian Military History. – 2010. – Vol. 19. – № 4. – P. 5 – 19.
18. Segal, A., Erik, M. Canada's Position / A. Segal, M. Erik // CBC News [Electronic resource]. – 2003. – April 11. – Mode of access: http://www.cbc.ca/news/background/afghanistan/cdnu nits.html. – Date of access: 18.02.2013.
19. Spannos, C. Blood money: RAV contender, war profiteer / C. Spannos // Seven Oaks Magazine. – 2004. – 16 November. – P. 16 – 20.
20. The Awkward Couple // The Economist. – 2003. – 15 March. – P. A15.
21. The War in Iraq: Another Canadian "No-Means-Yes" Policy in Action // Coalition to Oppose the Arms Trade [Electronic resource]. – Mode of access: http://coat.ncf.ca/our_magazine/links/58/ Articles/50-51.pdf. – Date of access: 14.03.2013.
22. Thorne, S. Canada offers planes, police to help in postwar Iraq / S. Thorne // The Telegram. – 2003. – April 30. – P. A12.
23. Vucetic, S. Why did Canada sit out of the Iraq war? One constructivist analysis / S. Vucetic // Canadian Foreign Policy. – 2006. – Vol. 13. – № 1. – P. 133 – 153.
24. Wells, P. Minister Lectured on Foreign Policy / P. Wells // National Post. – 2003. – 15 Febr. – P. 5.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ФРГ И ИЗРАИЛЕМ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ

М.В. Стрелец (Брест)

Отношения между ФРГ и Израилем многократно освещались в научной литературе. Однако есть некоторые аспекты, которые недостаточно изучены в отечественной историографии, и поэтому заслуживают внимания.

Германо-израильские отношения имеют сложную историю. Сегодня многие ведущие политики Израиля считают Германию политически и экономически, научно и технологически вторым по важности партнёром после США. Имеется свыше ста примеров партнёрства между городами и округами, отмечается молодёжный обмен, прослеживается динамика общественных и культурных связей [8, с. 412]. Никто в Израиле не мог и представить себе именно такого развития двусторонних отношений после образования государства в 1948 г., когда были запрещены любому немцу въезд в Израиль и любому израильтянину – поездка в Германию. До 1956 г. в любом израильском паспорте имелась пометка: для всех стран мира «за исключением Германии». С народом, который был ответственен за Катастрофу, никак не хотелось что-то делать [5, с. 26].

Всё-таки национальные интересы, германская реальная политика на фоне развития мировой политики, а также целый ряд двусторонних договоров привели, наконец, к сближению. Более чем шестидесятилетняя история особых германо-израильских отношений отражает соответствующие изменения внутри обоих обществ, идёт ли речь об обращении с прошлым, о роли Холокоста в национальном самосознании, изменяющейся собственной идентичности или влиянии процесса европейского единения [8, с. 99].

Основу для двусторонних отношений заложило подписанное в сентябре 1952 г. в Люксембурге израильским премьер-министром Д. Бен-Гурионом и канцлером ФРГ К. Аденауэром соглашение о возмещении ущерба. За 1952 – 1965 гг. Германия осуществила «возмещение ущерба» в размере в 3,4 миллиарда марок. Без этой помощи молодое Государство Израиль, по всей вероятности, не стало бы так быстро на ноги. Это, прежде всего, имел в виду Д. Бен-Гурион, когда договаривался с К. Аденауэром. Первый израильский премьер-министр мог уже тогда представить, что Германия в будущем вновь станет важной для его страны [4, с. 67]. Аденауэр преследовал «соглашением о возмещении ущерба» не только моральную политику, ему было ясно, что путь возврата в мировое сообщество дол-

жен проходить через примирение с евреями. Его отношения с Бен-Гурионом представляли вместе с тем своего рода тест для новой Германии. Но Аденауэр верил также во влияние евреев на мир, когда он искал связь с Израилем [3, с. 98].

Так как «возмещение ущерба» поступало, прежде всего, в виде материальных ценностей, завязывались, несмотря на всё израильское сопротивление, первые послевоенные контакты между народами обеих стран. Израильтяне поневоле встречались с прибывшими немецкими специалистами, которые поставляли им автозапчасти, локомотивы, суда. Также среди тех евреев, которые были родом из Германии, были те, кто проявил готовность к диалогу с немцами. Они стали теми, кто строил мосты в германо-израильских отношениях. Были также бывшие германские и австрийские граждане, которые прибывали в качестве послов в Бонн после установления дипломатических отношений [5, с. 58].

Общественное сознание в ФРГ прошло весьма непростой путь к тому восприятию Холокоста, которое характерно для него в настоящее время. О своем стыде за массовое уничтожение евреев сегодня говорит любой германский политик, который посещает всемирно известный мемориал жертвам Холокоста Яд ва Шем в Иерусалиме. Ответственность за катастрофу – это «часть германской идентичности», – заявил тогдашний президент ФРГ Х. Келер по случаю 40-летия установления дипотношений во время своего визита в Израиль [6, с. 288].

И немцы, и израильтяне после войны часто умалчивали о многом относительно прошлого. Израильский истеблишмент в первые годы после образования государства не всегда слышал бывших жертв преследований. Хотелось не быть больше жертвой, а использовать все силы, чтобы сформировать новую идентичность и заглянуть в будущее. Лишь с процесса Эйхмана в 1961 г. в Израиле началась публичная дискуссия о Холокосте [5, с. 11]. Пережившим катастрофу долгое время трудно было говорить об этом. Только в старости некоторые из них ощутили потребность поведать о пережитом потомкам. Стали обсуждать эти вопросы в школах и вузах. Историк литературы Э. Зихер видит в этом «взросление израильского общества» [6, с. 66].

Чем больше проходит времени, тем важнее становятся воспоминания о Холокосте. Так, с начала 1990-х гг. центральное место в сознании молодых израильтян занимает ежегодно отмечаемый день памяти Жертв Холокоста, в том числе и среди тех израильских евреев, родители которых некогда переселились из арабских стран. Они также идентифицировали себя с историей преследования европейских евреев [8, с. 195].

Возрастающий интерес к Холокосту со стороны молодёжи не сопровождается сильным отторжением Германии. В отличие от израильтян пожилых поколений они без колебаний покупают германские товары, восторгаются германскими футбольными командами и слушают новинки немецкой музыки. Особой популярностью пользуются «Токио-хотель» и «Рамштайн» [8, с. 199].

Среди израильтян обозначилась тенденция получать германское гражданство. Кто может, позволяет себе оформить германский паспорт, который делает его обладателя гражданином ЕС. В параграфе 116 абзаце 2 германского Основного закона говорится: «прежние германские граждане, которые между 1933 и 1945 гг. были лишены гражданства по политическим, расовым или религиозным основаниям, и их потомки могут по заявлению вновь получить гражданство» [2, с. 332]. Более чем 100 000 израильтян имеют уже германский паспорт. Израильский адвокат Д. Ассан называет его «страховым полисом для кризисных времён» [5, с. 22]. С германским паспортом во всех странах ЕС гарантируются бессрочное разрешение на пребывание, разрешение на работу, социальные права, почти бесплатное обучение и безвизовый доступ во многие другие государства. С другой

стороны, нет никаких обязанностей. Владелец паспорта не должен платить налоги и нести армейскую службу [6, с. 311].

С точки зрения Израиля, Берлин – решающий фактор не только внутри Европы, но и в ООН, когда речь идёт о сдерживании Ирана. В 2006 г. федеральный канцлер А. Меркель сказала: «Президент, который ставит под сомнение право Израиля на существование, президент, который отрицает Холокост, не может ожидать никакой толерантности из Германии». Затем во время своего визита в Израиль в марте 2008 г. Меркель ещё раз гарантировала Израилю неограниченную поддержку в борьбе за недопущение обладания Ирана ядерным оружием [7, с. 3].

Визит А. Меркель по случаю 60-летия Государства Израиль характеризовался интенсификацией двусторонних отношений. Германия приняла Израиль в круг союзников, таких как Польша, Италия, Франция, с которыми она кооперируется теснее, чем со всеми остальными странами. В официальном коммюнике говорится: «Обе стороны позитивно расценивают тот факт, что германское председательство в Европейском Союзе внесло вклад в то, чтобы усилить сотрудничество между ЕС и Израилем» [8, с. 399].

Израиль стал сегодня более включенным в мир, открытым для Германии, которая, со своей стороны, стала более европейской и мультинациональной. Но в будущем это необязательно означает дальнейшее укрепление более тесных связей с Израилем, так как многие из «новых немцев» приносят с собой другую идентичность и другую историческую память.

1. Timm, Angelika. Hammer, Zirkel, Davidstern. Das gestörte Verhältnis der DDR zu Zionismus und Staat Israel / Angelika Timm. – Bonn: Bouvier Verlag, 1997. – 614 s.
2. Yeshayahu, A. Jelinek (Hrsg.): Zwischen Moral und Realpolitik. Deutsch-israelische Beziehungen 1945-1965. Eine Dokumentensammlung. – Gerlingen: Bleicher, 1997. – 687 s.
3. Hansen, Niels: Aus dem Schatten der Katastrophe. Die deutsch-israelischen Beziehungen in der Ära Konrad Adenauer und David Ben Gurion / Niels Hansen. – Düsseldorf, 2002. – 245 s.
4. Küsters, Hanns Jürgen (Hg.). Adenauer, Israel und das Judentum (Rhöndorfer Gespräche Bd. 20). – Bonn, 2004. –387 s.
5. Wolffsohn, Michael. Deutsch-israelische Beziehungen: Umfragen u. Interpretationen 1952 – 1986 / Michael Wolffsohn. – München: Bayer. Landeszentrale für Polit. Bildungsarbeit, 1986. – 96 s.
6. Schneider, Karlheinz (Hrsg). 40 Jahre deutsch-israelische Beziehungen / Karlheinz Schneider. – Berlin: Dt.-Israel. Arbeitskreis für Frieden im Nahen Osten, 2005 (Reihe: Deutsch-Israelischer Arbeitskreis für Frieden im Nahen Osten: Schriften, Band 30). – 655 s.
7. Lappin, Yaakov. Israel, Germany develop nuclear warning system / Yaakov Lappin // The Jerusalem Post. – 2008. – 17 November. – P. 3.
8. Küsters, Hanns Jürgen (Hg.). Deutsch-israelische Beziehungen 1945 – 2012. – Bonn: Bouvier Verlag, 2012. – 710 s.

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ

А.В. Шевчук (Николаев)

Активизация внешнеполитической деятельности США в АТР связана непосредственно со стремлением КНР достичь статуса сверхдержавы не только регионального, но и глобального масштаба. Инструментами этих устремлений Пекина является рациональное и эффективное использование мощного экономического роста и активная экспансия национального капитала за границу [1].

Профессор Центра политических исследований в Нью-Дели (Индия) Брахма Челлани утверждает: «Всего десятилетие назад США начали ощущать свою незначительность в Азии по нескольким причинам, в том числе – из-за китайского

наступления на дипломатическом фронте. Но теперь Америка решительно вернулась на главную сцену: Южная Корея укрепила свой военный союз с США; Япония отказалась от попыток убедить США закрыть свою военно-морскую базу на острове Окинава; Сингапур разрешил военно-морскому флоту США размещать у себя корабли; в Австралии создаются американские военно-морские и иные базы; Индия, Вьетнам, Индонезия и Филиппины, среди прочих, также сближаются с США» [2]. Фактором, который выступил катализатором процесса активизации внешнеполитических усилий США в регионе, является постепенное расширение геополитического ареала КНР путем проекции военного потенциала за пределы материка, в первую очередь в целях защиты национальных интересов Китая в прибрежных акваториях [3].

Вместе с тем, мировой финансово-экономический кризис вызвал необходимость оптимизации расходов бюджета, а соответственно и корреляцию администрацией Б. Обамы военной стратегии и военного позиционирования США в АТР. Процесс пересмотра стратегических документов Министерства обороны США был инициирован президентом Б. Обамой в апреле 2011 г. Основной целью этих действий была определена необходимость установления вариантов по «дополнительной экономии» в размере 400 млрд. дол. в рамках оборонного бюджета. Президент США Б. Обама выступил с призывом пересмотра существующего положения дел и требованием подготовки «фундаментального обзора миссий и возможностей США и нашей роли в изменяющемся мире» [4].

5 января 2012 г. был опубликован документ Министерства обороны США «Поддержка глобального лидерства США: приоритеты XXI века» [5]. Многие эксперты определил этот документ как новую военную стратегию администрации Б. Обамы. Ключевые моменты в принятой военной стратегии США сводятся к уменьшению численности американских вооруженных сил при одновременной концентрации бюджетных ресурсов на развитии спутников и беспилотных самолетов. Стратегия также предусматривает переориентацию ресурсов на АТР. Кроме того, отношения с Китаем в документе рассматриваются сквозь призму политики стратегического соперничества. Если в Национальной оборонной стратегии 2008 г. говорилось о намерении развивать с Пекином контакты по линии министерств обороны [6], то в этом корректирующем документе подчеркивается, что наряду с продолжением диалога с КНР, США сделают все необходимое, чтобы обеспечить доступ к своей военной инфраструктуре в АТР и сохранить возможности для беспрепятственного выполнения миссий в рамках военных обязательств перед союзниками. «Поддержка глобального лидерства» определяет Китай как государство, способное создать многочисленные угрозы военной безопасности США и их союзникам [5].

Таким образом, новая военная доктрина администрация конференции Обамы весьма неоднозначна. С одной стороны, она нацелена на приведение военной стратегии Вашингтона в соответствие с геополитическими реалиями сегодняшнего мира и финансово-экономическими возможностями США, а с другой – предполагает развитие американского военно-стратегического потенциала с целью жесткого соперничества с другими мировыми центрами силы, одним из которых является КНР. Однако, пока динамика американо-китайских отношений свидетельствует о взаимных поисках возможных моделей усиления военно-политической опоры сотрудничества, что должно минимизировать уровень стратегического оппонирование Вашингтона и Пекина.

13 – 17 февраля 2012 г. по приглашению вице-президента США Дж. Байдена в США с официальным визитом находился заместитель главы КНР Си

Цзиньпин. Визит был приурочен 40-й годовщине визита президента США Р. Никсона в Китай и опубликования двумя странами Шанхайского коммюнике 1972 г. Во время визита представителями оборонного ведомства США было сделано предложение по углублению связей между странами в военной сфере [7].

По приглашению министра обороны США Л. Панетты член Госсовета, министр обороны КНР Лян Гуанли с 4 по 10 мая 2012 г. находился в США с официальным визитом. Пресс-служба американских вооруженных сил комментируя его пребывание в стране отметила: «Визит китайской делегации происходит в период, когда вооруженные силы двух стран настроены на расширение сотрудничества, улучшения взаимопонимания, развитие доверия и уменьшение различий» [8].

Визит министра обороны КНР в США стал иллюстрацией поиска обеими сторонами точек опоры в военно-политической среде. В целом заявления американской стороны, в течение первого за 9 лет визита руководителя оборонного ведомства Китая в США, содержали показательные сигналы о заинтересованности Вашингтона в формировании качественно нового уровня американо-китайских военно-политических связей и стратегическую значимость Азиатско-Тихоокеанского региона с точки зрения новых внешнеполитических установок США доктринального характера.

18 мая 2012 г. в очередном военно-политическом докладе Пентагона по Китаю были отмечены три основных направления стратегии привлечения Китая к военным связям с США: улучшение сотрудничества в таких сферах взаимного интереса, как миротворчество, миссии по устранению последствий стихийных бедствий и катастроф и оказанию гуманитарной помощи, а также операции против пиратов; поддержка межведомственного взаимопонимания посредством контактов между вооруженными силами, включая структуры военного образования; построение общей системы оценок угроз и вызовов в сфере региональной безопасности [9].

Визит министра обороны США Л. Панетты в КНР состоялся 17 – 20 сентября 2012 г. Необходимо отметить, что визит министра обороны США Л. Панетты происходил на фоне недовольства Пекином ролью Вашингтона в Азиатско-Тихоокеанском регионе и нарастанием напряженности вокруг территориального спора Китая и Японии по поводу островов Дяоюйдао. Китай решительно выступает против позиции Вашингтона, согласно которой американо-японский договор 1960 г. о взаимном сотрудничестве и безопасности распространяется и на острова, Китай считает их своей исконной территорией. Вместе с тем, взаимная заинтересованность сторон в сохранении устойчивой положительной динамики двусторонних отношений способствовала тому, что результаты визита имели хоть и недостаточно значительный, но все же положительный «заряд».

Министр обороны США Л. Панетта, характеризуя перспективы сотрудничества между США и КНР в военной сфере, подчеркнул: «Без конструктивных американо-китайских отношений, в том числе более сильных военных связей, мы не сможем обеспечить безопасность и процветание в XXI веке» [10]. Со своей стороны, министр обороны КНР Лян Гуанли отметил: «Мы считаем, что в рамках более широкого спектра китайско-американского сотрудничества, военным двух стран необходимо создать новый тип отношений, который будет основываться на принципах равенства, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша» [10].

По мнению Г. Киссинджера, на повестке дня перед Вашингтоном и Пекином возникла необходимость принятия ключевых решений: «... двигаться к реальному сотрудничеству или скатиться к новой версии старых моделей международного соперничества. Обе страны используют риторику партнерства. Они даже создали для этого форум высокого уровня – Стратегический и экономический диалог, который

проводится дважды в год. Он оказался продуктивным при решении актуальных вопросов, однако путь к реализации основной задачи по созданию действительно глобального экономического и политического порядка только начата» [11, с. 86].

Итак, проведенные американо-китайские контакты на уровне руководителей оборонных ведомств свидетельствуют о заинтересованности глобальных актеров, которые имеют стратегические внешнеполитические интересы в Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, защитить себя от вероятной военной эскалации на перегруженном межгосударственной проблематикой геополитическом пространстве.

1. Цзяньминь, У. 2011. Конец эпохи войн и революций / У Цзяньминь // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Konetc-epokhi-voin-i-revolyutcii-15400. – Дата доступа: 2.11.2012.
2. Челлані, Б. Історія успіху Китаю: Made in USA / Б. Челлані // Економічна правда [Электронний ресурс]. – 2012. – 8 верасня. – Режим доступу: http://www.epravda.com.ua/publications/2012/09/8/334468/. – Дата доступу: 3.10.2012.
3. Понамарев, С. КНР: новая великая морская держава? / С. Понамарев // Индекс безопасности. – 2007. – Лето – Осень. – № 2 (82). – С. 75 – 92.
4. President Barack Obama. “Remarks by the President on Fiscal Policy”, The George Washington University, Washington, D.C., April 13, 2011. 1 February, 2012 // The White House [Electronic resource]. – Access mode: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/04/13/remarks-president-fiscal-policy. – Date of access: 29.03.2012.
5. Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21 Century Defense // U.S. Department of Defense website [Electronic resource]. – Access mode: http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf. – Date of access: 10.02.2012.
6. National Defense Strategy 2008 // U.S. Department of Defense: website [Electronic resource]. – 2008. – June. – Access mode: http://www.defense.gov/news/2008%20national%20defense%20strategy.pdf. – Date of access: 11.07.2010.
7. Dormandy, X. US Election Note: China Policy after 2012 / X. Dormandy // Chatham House [Electronic resource]. –2012. – May. – Access mode: http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Americas/0512usen_china.pdf. – Date of access: 16.06.2012.
8. Pellerin, Ch. Panetta: U.S. – China Relationship One of World's Most Critical / Ch. Pellerin // American Forces Press Service, May 7, 2012 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.defense.gov/news/ newsarticle.aspx?id=116234. – Date of access: 11.07.2012.
9. Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China 2012 // The University of Texas at Austin [Electronic resource]. – Access mode: http://www.lib.utexas.edu/maps/middle_east_and_asia/military_and_security_developments_involving_the_peoples_republic_of_china-2012.pdf. – Date of access: 30.11.2012.
10. Визит министра обороны США: Китай и США развивают взаимовыгодное оборонное сотрудничество // Центральное телевидение Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cntv. ru/2012/09/19/ARTI1348019186783213.shtml. – Дата доступа 10.10. 2012.
11. Kissinger, H. The Future of U.S. – Chinese Relations / H. Kissinger // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – № 2. – P. 68 – 87.

АМЕРИКАНО-ЕВРОПЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

М.Ю. Лымарь (Николаев)

Окончание эпохи блокового противостояния ознаменовалось реструктуризацией геополитического пространства и началом формирования новых силовых центров, среди которых особое место занимают США и ЕС. Эксперты сходятся во мнении относительно того, что от характера их взаимоотношений зависит не только уровень развития евроатлантического пространства, но и глобальный политический климат на планете. В условиях формирования современной системы международных отношений сотрудничество США и ЕС оказывает решающее воздействие на процессы экономической и политической консолидации как традиционных, так и нетрадиционных акторов, одновременно выступая одним из определяющих факторов международной безопасности.

По мнению экспертов, формирование взаимоотношений Соединенных Штатов и ЕС в начале XXI века претерпевает определенные сложности, поскольку относительно стабильные экономические связи ровно как консолидация усилий в политической сфере и вопросах безопасности оставляют желать лучшего. Политологи отмечают тенденцию к спаду в партнерских отношениях двух геополитических акторов, называя раскол в интересах «трансатлантической трещиной» инициируемой Великой трансатлантической сделкой, суть которой заключается в неформальном, нигде не записанном соглашении относительно «разделения труда» между партнерами по обе стороны Атлантики [9, с. 33].

По мнению аналитика из Германского совета Я. Техау, будучи чрезвычайно выгодной всем сторонам-участницам, великая трансатлантическая сделка позволила европейцам в период биполярности сосредоточить свои усилия на восстановлении разрушенного войной континента и развитии интеграционных процессов, которые со временем должны были принести плоды в виде мира и экономического благополучия, путем передачи основной ответственности за Европейскую безопасность Соединенным Штатам, получившим возможность активного участия в определении векторов европейской политики и принятии стратегически важных решений наравне с европейскими странами. Более того, «сделка» дала основания для США укреплять свои позиции как глобального гегемона, в том числе, посредством ведущего инициатора НАТО.

Термин «трансатлантическая трещина» одним из первых использовал французский журналист К. Деснуес, акцентируя внимание на том, что США и ЕС уже давно перестали развиваться и сотрудничать по одной модели. Собственно, события сентября 2001 г. стали переломным моментом для обеих сил. Больше десяти лет США находятся в состоянии войны, в борьбе с нежелательными мировыми режимами и террористическими сетями, намериваясь поддерживать данную политическую линию до этапа перемоделирования всей глобальной периферии по американскому образцу во избежание угроз безопасности Соединенных Штатов. Важно отметить, что Европа, в отличие от Америки, определила свои политические приоритеты несколько раньше – после исчезновения советской угрозы. Ее основные стремления направлены к формированию «вечного мира», который является продолжением кантовских идей [3]. Европейский подход к формированию международных отношений содержит сугубо гуманистические взгляды, согласно которым «глобальную тишину» можно поддерживать с помощью институтов коллективной безопасности, в частности – ООН, ОБСЕ, Совета Европы, многосторонней дипломатии и мирного решения проблем.

Суть данного явления была также описана Р. Кейганом [4]. По мнению ученого, между США и ЕС пролегла пропасть, все диалоги ведутся только с позиции американской силы, а Евросоюзу не остается ничего, кроме наращивания военного потенциала для адекватного ответа в случае обострения и без того непростой ситуации. Р. Кейган видит проблемы только в психологической составляющей, но никак не в экономической или политической. По его мнению, европейцы просто не готовы к решительным и рискованным действиям.

Среди украинских исследователей, вопросу раскола в отношениях США и Европы особое внимание уделил А. Гальчинский в своей статье «Европа и США: геополитическое соперничество», опубликованной еще в 2002 г. [1]. В частности, автор отметил, что мир стал свидетелем возникновения и обострения серьезных разногласий между США и Западной Европой в вопросах ПРО, Киотского протокола, требований иммунитета для американских миротворцев в ходе рассмотрения преступлений в Международном уголовном суде ООН и так далее. По его

мнению, в вышеуказанных действиях проявляются контуры достаточно значимого процесса: монолитный в прошлом, Запад все больше начинает разграничиваться на США, с одной стороны, и Западную Европу – с другой. Более того, наблюдаемое раздвоение не инициируется только США или ЕС, а является обоюдным.

Необходимо так же отметить одну из последних работ украинского ученого Г. Панченко «Трансатлантическая трещина» в отношениях между США и ЕС в начале XXI века» [7], в которой автор анализирует разные подходы к определению данного явления и приходит к выводу о нецелесообразности отрицания его существования. По его мнению, основа оси «раскола» в отношениях США – ЕС проходит по таким сферам как: экономика, культура (в отличии от США, которые стремятся к устранению культурных различий, страны Европы стараются сохранить свою индивидуальность и идентичность) и глобальная стратегия.

Поддерживая мнение экспертов относительно несогласования в интересах акторов, хотелось бы отметить, что оба геополитических центра имеют долгую и непростую историю взаимоотношений, начиная с 1953 г. – первые американские наблюдатели были направлены в ЕОУС, предшественника ЕС, и 1956 г. – формирование в ЕОУС первой американской дипломатической миссии. На сегодняшний день их продолжают объединять несколько уровней сотрудничества на международной арене, несмотря на определенную дестабилизацию, среди которых наиболее актуальными являются следующие [10]:

– *Экономический* (за поддержание которого с 2007 г. отвечает Трансатлантический экономический совет). США и ЕС имеют наиболее диффузные торговые и инвестиционные отношения в мире. По подсчетам специалистов в 2010 г. значение двусторонних трансатлантических потоков товаров, услуг и доходов от поступающих инвестиций составил более 1,5 трлн. долл. Более того, общий объем двусторонних прямых инвестиций американских и европейских компаний, которые также являются крупнейшими инвесторами на рынках друг друга, составил порядка 3,4 трлн. долл. Трансатлантическая экономическая деятельность США и Европы обеспечивает около миллиона рабочих мест для их сограждан и более 40% мирового ВВП [11]. По мнению специалистов, с определенной уверенностью можно сказать, что взаимоотношения США и ЕС являются одним из наиболее влиятельных источников формирования стандартов и правил на международной арене. Вместе с тем, нельзя упускать из внимания тот факт, что эпоха активных интеграционных процессов в Европе и постепенного, но решительного отделения европейской экономики от, казалось бы, всеобъемлющей американской, путем введения евро, создания Таможенного союза и Единого внутреннего рынка для свободного обращения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, является одной из причин, по меньшей мере, психологического дискомфорта для США, поскольку их экономика практически на 70% держится на импортном сырье и услугах. Кроме того, согласно данным французского национального института статистики, экономический потенциал ЕС по меньшей мере равен потенциалу США [7, с. 65].

– *Борьба с бедностью.* Вопросы социального благополучия являются одними из центральных как в Европе, так и в Америке. К примеру, 2010 г. в ЕС прошел под эгидой борьбы с бедностью, поскольку около 17% населения Европы, живет за ее чертой [2]. Важно отметить, что ЕС и США обеспечивают почти 80% мировой помощи странам, которые развиваются.

– *Обеспечение мира и стабильности.* Как признанные центры силы, ЕС и США несут моральную ответственность за содействие мирному урегулированию конфликтов в горячих точках, в частности, путем сотрудничества в рамках НАТО. Вместе с тем, существует ряд вопросов, в которых точки зрения США и стран ЕС

расходятся. Например, в арабском мире США поддерживают Израиль, в то время как Франция – Палестину.

– *Политика безопасности.* Один из наиболее дискуссионных уровней построения отношений, учитывая тот факт, что ЕС не обладает военной мощью, приближенной к США. Необходимо отметить, что отношения между двумя сторонами не всегда складывались удачно. К примеру, камнем преткновения стала военная интервенция США в Ирак в 2003 г., когда две влиятельных европейских силы – Франция и Германия – выступили против действий Соединенных Штатов. В то время как Испания и Великобритания поддержали США, тем самым, давая понять, что в самом Европейском сообществе нет тотального единства относительно формирования внешней политики, в частности, по вопросам безопасности. Важно отметить, что в начале XXI века ЕС решился отдалиться от НАТО и выработать собственную стратегию по безопасности, подтверждением чему стал документ «О коллективных гарантиях безопасности и структурного сотрудничества по вопросам обороны», обнародованный в 2003 г. на саммите в Брюсселе [6]. Вместе с тем, данная инициатива не нашла поддержки у ряда Европейских стран (Ирландии, Финляндии, Швеции), выступивших против обязательной помощи при агрессии против одного из союзников, тем самым дав понять, что ЕС не нуждается в совместной обороне как таковой.

Подытоживая все вышесказанное, необходимо отметить, что, по мнению аналитиков, «трансатлантическая трещина» имеет тенденцию к углублению по причине изменений в соотношении экономических потенциалов Европы и США в начале нового тысячелетия, отсутствием у ЕС четкого подхода к вопросу эффективного формирования системы безопасности, отдельно от НАТО, реакции Евросоюза на вполне очевидное формирование Америкой политики единоличной гегемонии. По мнению И. Погорской, на сегодняшнем этапе развития международной системы можно зафиксировать три модели трансформации взаимоотношений с американской детерминантой: 1) страны поддерживают США как воплощение доброй либеральной империи, которая взвешенно реагирует на давление со стороны амбициозных региональных сил; 2) актеры проявляют лояльность к волеизъявлению США ради защиты национальных интересов и достижения своих внешнеполитических целей; 3) сотрудничество с мировым центром силы путем принятия его как объективной данности за невозможностью противостоять глобальному влиянию Соединенных Штатов [8, с. 162]. ЕС обладают достаточно внушительным потенциалом для решения политических проблем как внутри, так и за пределами Союза, но, вместе с тем, Соединенные Штаты по-прежнему остаются сдерживающим фактором для ЕС в рамках того же НАТО, ограничивая право выбора геополитической стратегии, подтверждением чего является, к примеру, «Стратегия национального обновления и глобального лидерства», обнародованная Б. Обамой 28 мая 2010 г., в которой говорится о том, что США остаются единственной мировой сверхдержавой [5, с. 132].

Очевидным остается тот факт, что улучшение отношений по оси США – ЕС зависит от консолидации усилий обоих силовых центров и, в частности, от более организованного подхода стран ЕС к формированию совместной внешней политики, в том числе – в сфере обороны. 28 ноября 2011 г. Б. Обамой на саммите США – ЕС был определен сценарий неизбежных изменений в трансатлантических отношениях, которые должны способствовать объединению усилий двух геополитических акторов ради сохранения и совершенствования существующего порядка. Таким образом, вопрос о дальнейшем преображении взаимоотношений между США и ЕС остается открытым, учитывая расстановку приоритетов во

внутренней и внешней политике обоих силовых центров, а так же особенности формирования новой системы международных отношений в начале XXI века.

1. Гальчинський, А. Європа і США: геополітичне суперництво / А. Гальчинський // Дзеркало тижня [Електронний ресурс]. – 2002. – № 44. – Режим доступу: http://old.niss.gov.ua/Evrointeg/ekonom. htm. – Дата доступу: 13.03.2013.
2. 2010 – Европейский год борьбы с бедностью и социальным отрешением // Право Европейского Союза [Електронный ресурс]. – 2010. – 17 августа. – Режим доступа: http://eulaw.ru/content/2010-evropeyskiy-god-borby-s-bednostyu-i-socialnym-otresheniem. – Дата доступа: 13.03.2013.
3. Кант, И. К вечному миру / И. Кант. – М.: Наука, 1989. – 218 с.
4. Кейган, Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке / Р. Кейган. – М.: РОССПЭН, 2004. – 160 с.
5. Мерніков, Г. «Перезавантаження» відносин США та РФ: наслідки для України / Г. Мерніков // Стратегічні пріоритети. – 2010. – № 4(17). – С. 130 – 138.
6. Олександров, О. Аналіз підходів до оборонного будівництва позаблокових країн (за досвідом Швеції, Австрії та Фінляндії). Аналітична записка / О. Олександров // Національний інститут стратегічних досліджень при Президентові України [Електронний ресурс]. – 2011. – Режим доступу: http://www.niss.gov.ua/ articles/458/. – Дата доступу: 13.03.2013.
7. Панченко, Г. «Трансатлантична тріщина» у відносинах між США та ЄС на початку XXI ст. / Г. Панченко // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – 2012. – №6 (241). – Ч. 1. – С. 63 – 69.
8. Погорська, І. США: місія здійснима? Праксеологія творення глобального світу / І. Погорська. – К.: Грамота, 2009. – 504 с.
9. Техау, Я. Великая трансатлантическая сделка / Я. Техау // Pro et Contra. – 2012. – Январь – апрель. – С. 33 – 42.
10. EU – USA Relations // EU Facts [Electronic resource]. – 2012. – September 3. – Mode of access: http://www.civitas.org.uk/eufacts/ FSEXR/EX7.htm/. – Date of access: 11.03.2013.
11. Hamilton, D.S. The Transatlantic Economy 2011 / D.S. Hamilton and J.P. Quinlan // SAIS Center for Transatlantic Relations, Johns Hopkins University [Electronic resource]. – Mode of access: http://transatlantic.sais-jhu.edu/bin/s/s/te_2011.pdf. – Date of access: 11.03.2013.

АМЕРИКАНСКОЕ ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО О НАЛАЖИВАНИИ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ МОСКВОЙ И ВАШИНГТОНОМ ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г.

С.Ю. Шенин (Саратов)

Как известно, после прихода Дж. Буша-мл. в Белый дом в январе 2001 г. большинство наблюдателей ожидали ужесточения американской политики в отношении России, что связывалось с чрезмерной активностью Москвы на постсоветском пространстве в период вашингтонского «междуцарствия», т.е. пока американская юридическая система пыталась определить, кто все-таки должен стать президентом США. Однако эти мрачные сценарии не были реализованы. Более того, в середине мая 2001 г. стало ясно, что РФ заняла важнейшее место в энергетической стратегии Вашингтона, а еще через месяц, 16 июня, была организована встреча президентов Дж. Буша-мл. и В. Путина в Словении, в результате которой лед, оставшийся после холодной войны в отношениях двух стран, не просто начал подтаивать – он «практически мгновенно испарился» [5, p. 74].

Хотя такие проблемы, как расширение НАТО и выход США из договора по ПРО, не были решены, начался интенсивный диалог, который, по мнению американской администрации, мог привести к «формированию новой стратегической основы» для американо-российских отношений. Тем не менее, к сентябрю эта основа сохранила в себе только вопросы разоружения, а повестка дня (предлагаемая рядом законодателей-республиканцев) по налаживанию долгосрочного сотрудничества через взаимодействие в сфере образования финансов, бизнеса, экологии и т.д. администрацией игнорировалась.

Однако после террористических атак на США 11 сентября 2001 г. проблема долгосрочного сотрудничества снова возникла, только теперь на базе появления общего врага – исламского терроризма – и необходимости формирования антитеррористической коалиции. Как известно, первым из глав государств до Дж. Буша-мл. дозвонился В. Путин, который выразил соболезнования президенту и американскому народу. 12 сентября российский представитель в ООН поддержал в Совете безопасности резолюцию о необходимости предпринять все нужные шаги для ответа на террористическое нападение, а 13 сентября Россия присоединилась к призыву НАТО объединить международные усилия для борьбы с терроризмом, что означало, что Москва готова поддержать эти усилия.

Для администрации Буша-мл. участие России в объявленной антитеррористической войне против бен Ладена, аль-Кайды, Талибана и Афганистана являлось одним из ключевых факторов. Москву нельзя было игнорировать, поскольку для того, чтобы убедить мировое общественное мнение в легитимности войны против террористов в Афганистане был необходим «большой альянс», а он без поддержки и участия России не мог быть законченным [3, p. 6 – 8].

С чисто стратегической точки зрения, невозможно было вести войну против Талибана без использования баз на территории государств Центральной Азии, где влияние России было очень велико и ее согласие представлялось достаточно важным. Кроме того, с военной точки зрения, союз с Москвой был важен, ибо она располагала очень большим влиянием на руководство узбекско-таджикского Северного Альянса, который должен был стать ударной силой наступления против талибов. Наконец, российское руководство могло обеспечить транзит военного снаряжения, разведывательную информацию, участие в спасательных операциях и т.п. [7, p. A16]

Однако, кроме антитеррора существовал еще ряд проблем, который требовал сближения с Москвой. Как уже отмечалось, это касалось ее важного места в энергетической стратегии Буша-мл., а именно «углеводородного развития» бывшего СССР (Россия плюс Каспий) как альтернативного источника в отношении ОПЕК и Саудовской Аравии, что включало в себя обеспечение условий для прихода корпоративных инвестиций в российский энергетический сектор. Кроме того, надо было наладить диалог по таким проблемам, которые трудно было решить без согласия России, а именно расширение НАТО и прокладка трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан.

Для российского руководства в тот момент возникла проблема сформулировать свои национальные интересы в контексте возможного участия в антитеррористической коалиции. То, что эти интересы рассматривались в России неоднозначно, стало ясно уже 14 сентября из высказывания министра обороны РФ С. Иванова, который заявил, что он «не видит даже гипотетической возможности проведения военных операций НАТО с территории стран Центральной Азии, являющимися членами СНГ». А еще через день, 16 сентября, С. Иванов заявил, что 201-я дивизия, базирующаяся в Таджикистане, приведена в состояние боевой готовности, что расценивалось как реакция на возможный приход сюда американских военных [6].

Аналитики в США, в основном левого толка, полагали, что у Москвы были основания придерживаться этой позиции и опасаться бушевской черно-белой антитеррористической доктрины («или с нами, или против нас»). Вдобавок к своему «афганскому синдрому» русские боялись, что использование территории стран Центральной Азии для ударов по Талибану может вызвать здесь новый всплеск фундаменталистских настроений, усиление террористической активности, рас-

ползание оружия по региону, нарастание потоков беженцев, дестабилизацию многих режимов и мира в целом, который в регионе был пока очень хрупок. Кроме того, российские военные полагали, что пример военных действий в Югославии и односторонний выход администрации Буша-мл. из соглашения по ПРО давали им основание не доверять американцам, особенно у себя в «южном подбрюшье».

С другой стороны, российские генералы не могли не понять необходимости создания буферной зоны в Северном Афганистане, которая могла бы сдерживать исламистскую экспансию в Центральную Азию, что возможно только в рамках контртеррористической операции и сотрудничества со США. Кроме того, это должно было помочь решить некоторые конкретные задачи, связанные с ситуацией в Таджикистане и Чечне, нестабильность которых поддерживалась, по мнению Москвы, Талибаном и исламистами из арабского мира [9, p. 1, 20].

Однако правые аналитики, в основном на неоконсервативном фланге, считали, что даже если Москва не даст согласия на размещение войск коалиции на территории стран Центральной Азии, сильные двухсторонние связи с Западом и сравнительная независимость большинства центрально-азиатских республик позволят проигнорировать мнение Кремля. Правда, согласно им, транспортировка войск и снаряжения по земле будет «почти невозможна»: в этом случае «американские самолеты могли бы осуществлять доставку трудным, хотя и проходимым маршрутом через Турцию, Грузию, Азербайджан и Каспийское море в воздушное пространство Туркменистана и затем Узбекистана, если необходимо» [8, p. 1].

В целом же, американским экспертам и политикам было неясно, чего можно ждать и как выстраивать отношения в Центральной Азии. После жесткого заявления С. Иванова отчетливо ощущалась борьба в российской верхушке за отношение к американскому вторжению в Афганистан. При этом указывалось и на очень существенный фактор общественного мнения: 54% опрошенных россиян предпочитали нейтралитет России в борьбе между Западом и исламскими террористами, а 70% считали, что Москва не должна отдавать американцам базы в Центральной Азии.

Аналитики в США выделяли несколько внутриэлитных московских групп, способных повлиять на окончательное решение. Одна группировка, состоявшая из влиятельных ветеранов армии и спецслужб, т.е. тех, на ком сказались годы участия в холодной войне, призывала не поддерживать «крестовый поход» США против исламского терроризма по двум причинам. Во-первых, Америка попрежнему является стратегическим конкурентом и ей доверять нельзя, тем более пускать в Центральную Азию; во-вторых, можно получить жесткий ответ со стороны исламского и арабского мира. Они указывали на возможность катастрофического развития событий, связанного, например, с поражением Северного Альянса, оставшегося без своего лидера А.-Ш. Массуда, в войне с талибами, и поход последних на Центральную Азию; либо исламское восстание в Пакистане, свержение пуштунами П. Мушарафа, захват ядерного арсенала и ракетные атаки на Нью-Дели или Ташкент. К этой группе примыкали некоторые политики, например, из ЛДПР, лидеры которой призывали противостоять США и даже прикрыть «ядерным щитом» арабские страны, на которые могла напасть Америка.

Другая группа предлагала занять пассивную позицию (go-slow). Ее представители (С. Иванов, Б. Громов, спецслужбы) считали, что участие в коалиции должно носить символический характер и ограничиваться сотрудничеством в дипломатической сфере и разведке, но без допуска западных войск в свою сферу влияния в Центральной Азии, что позволит воспользоваться ситуацией для решения, например, чеченской проблемы и сохранить хорошие отношения с арабо-

мусульманским миром. К этой «силовой» группе примыкали так называемые «евразийцы» (Г. Павловский, А. Дугин), утверждавшие, что именно США организовали весь этот заговор. Поэтому РФ должна участвовать в войне с терроризмом, но не исламским (с ним пусть воюет Америка), а с чеченским, ибо на соблюдении прав человека на Кавказе западные политики теперь активно настаивать не будут.

Третью группу составляли прозападные политики (С. Караганов, А. Арбатов, А. Кокошин и т.д.), которые полагали, что террористические атаки – это «угроза всей цивилизации» и «мир уже находится в состоянии войны». Поэтому России необходимо присоединиться к коалиции западных демократий в борьбе с международным терроризмом, как это сделала, например, Индия, иначе Россия может столкнуться с международной изоляцией и потерей возможности влиять на мировые события. А страны Центральной Азии, в первую очередь, Узбекистан, могут начать сотрудничество со США и без санкции Москвы [4].

Президента В. Путина беспокоила независимость его партнеров в Центральной Азии и их заявления о готовности сотрудничать со США напрямую, что, по сути, означало «мятеж» в зоне контроля, утрату способности влиять там на положение дел и перехват инициативы Вашингтоном. Такое стратегическое поражение могло оказаться роковым для отношения к нему основных групп элиты и общественного мнения. Чтобы восстановить управляемость регионом, 17 сентября, находясь в Сочи, В. Путин начинает обзванивать руководителей всех центрально-азиатских республик с целью убедить их принять секретаря Совета национальной безопасности России В. Рушайло для обсуждения «военного сотрудничества и мер противодействию терроризму». Чтобы подкрепить свою позицию В. Путин провел телефонные переговоры с китайским лидером Цзян Цзэминем, в результате которых стороны заявили о своей «твердой позиции в отношении терроризма во всех формах» [1].

В результате «молниеносного турне» В. Рушайло все четыре республики региона (кроме Туркменистана) заявили о том, что их желание предоставить США базы или воздушные коридоры для нанесения ударов по Афганистану – это «беспочвенные слухи» и что они привержены идее коллективной безопасности в рамках ДКБ. С другой стороны, в тот же день глава российского МИД И.Иванов заявил в Вашингтоне, что Москва рассматривает предложения со стороны государств бывшего СССР о предоставлении военных баз американским военным делом самих этих стран [1]. Таким образом, Кремль намекал, что контроль над регионом восстановлен, и никто не должен думать, что независимо от России здесь что-то можно делать. С другой стороны, американцы могут получить базы, но как бы из рук Кремля и под гарантии России и Китая.

Наконец, Москва сформулировала свою позицию окончательно. Выступая 24 сентября по национальному телевидению, В. Путин заявил о том, что Россия поддержит борьбу с терроризмом. Назвав атаки на США «варварскими», он объявил о готовности вступить в антитеррористическую коалицию. Путин говорил о том, что в позиции Москвы нет ничего нового, она давно настаивала на создании единого фронта против международного терроризма и сражалась с ним в одиночку в Чечне и Центральной Азии. «События в Чечне не могут рассматриваться вне контекста борьбы против международного терроризма»,– подчеркнул он. С другой стороны, президент РФ указал, что Россия не пошлет войска в Афганистан и не будет участвовать ни в каких антиисламских кампаниях. Этот подход, по его словам, разделяли и страны центрально-азиатского региона. Наконец, Путин не исключил использования коалицией авиабаз на их территориях.

На афганском театре военных действий Россия готова сотрудничать с коалицией на пяти направлениях: обмен разведывательной информацией между спецслужбами; предоставление воздушных коридоров для доставки гуманитарных грузов; посредничество в переговорах со странами Центральной Азии с целью получить доступ к базам на их территории; использование российских возможностей для осуществления спасательных операций; увеличение помощи правительству Б. Раббани и Северному Альянсу [2, p. A16].

В итоге западные аналитики сделали вывод, что Путин подавил сопротивление противников участия в антитеррористической коалиции. Однако, с учетом «афганского синдрома» и под предлогом мощного давления на Кремль со стороны «антизападнически настроенных националистов и коммунистов», он сумел уйти от обсуждения вопроса об участии российских войск в конфликте, пообещав помощь исключительно «неконтактную» – логистическую и информационную.

1. Blagov, S. Russia – Central Asia: Lessons from Afghanistan Make Moscow Wary / S. Blagov // Inter press Service English News Wire [Electronic resource]. – 2001. – 20 Sept. – Mode of access: http://www.highbeam.com/doc/1P1-47024839.html. – Date of access: 29.01.2013.
2. Chazan, G. Why is Moscow Making Its Backyard Available to U.S. Forces / G. Chazan, S. LeVine // Wall Street Journal. – 2001. – 26 Sept. – P. A16.
3. Chiesa, G. Bush's Asian Yalta / G. Chiesa // The New Leader. – 2002. – Vol. 85. – P. 6 – 8.
4. Cohen, A. Analysis: Putin Difficult Choices / A. Cohen // United Press International. – 2001. – 25 Sept.
5. Crock, S. From Evil Empire to Strategic Ally / S. Crock // Business Week [Electronic resource]. – 2001. – 11 November. – Access mode: http://www.businessweek.com/stories/2001-11-11/from-evil-empire-to-strategic-ally. – Date of access: 29.01.2013.
6. Ivanov: NATO won't Strike from CIS Countries // United Press International. – 2001. – 14 Sept.
7. LeVine, S. Central Asians May Be Open to Aiding U.S. / S. LeVine // Wall Street Journal. – 2001. – 21 Sept. – P. A16.
8. Turkmenistan and Uzbekistan Seen Possible Afghans Portals U.S. Eyes Central Asia partners // The Washington Times. – 2001. – 22 September. – P. 1.
9. Wines, M. Russia Takes Stand Against Terrorism / M. Wines // The New York Times. – 2001. – 16 Sept. – P. 1, 20.

Дж. БУШ-МЛ. И В. ПУТИН: НАЧАЛО ДИАЛОГА

О.К. Рыбалко (Саратов)

16 июня 2001 г. в Словении состоялась первая личная встреча президентов Дж. Буша-мл. и В. Путина. Этого событие должно было ознаменовать начало нового этапа во взаимоотношениях США и России. Политические обозреватели и эксперты с опасением ожидали дня, когда новый американский президент посмотрит в глаза своему российскому коллеге. Эти опасения не были беспочвенны. Уже во время избирательной кампании, озвучивая основные положения своей внешнеполитической программы, Дж.У. Буш категорично дал понять, что в случае избрания он положит конец «медвежьим объятиям» с руководителями России и личной «дружбе» президентов двух стран, т.е. той практике, которая после распада СССР лежала в основе российско-американских отношений. Буш-мл. критиковал Б. Клинтона за то, что тот пытался влиять на реформы в России без поддержки народа, делая слишком большую ставку лишь на Б. Ельцина и его окружение. Такая политика, по его мнению, была «крайне непродуктивной» и привела к разворовыванию «кремлевскими клептократами» американских денежных средств, направляемых на реформирование российской экономики [4].

Сам Дж. Буш-мл. считал, что необходимо перестать вмешиваться в строительство демократии в России, предоставив это дело самим русским. При этом

нужно было минимизировать финансовую помощь, предоставляя ее лишь целенаправленно на решение проблем безопасности, включающих разоружение, нераспространение оружия массового поражения, гуманитарные аспекты. Средства на формирование гражданского общества и рынка должны предоставляться лишь косвенно, через программы обмена, развития сотрудничества в сфере бизнеса и т.п. Кроме того, условием предоставления финансовой помощи России Буш-мл. назвал прекращение боевых действий в Чечне, которые, согласно его мнению, были проявлением опасного «российского империализма».

Личность В. Путина в характеристиках будущего 43-го президента США также не вызывала желания вести дела с Россией по привычной схеме. Жесткая позиция, занимаемая молодым российским лидером по вопросам чеченской кампании, его приверженность идее сохранения договора по ПРО 1972 г., активность в отношениях со «странами-изгоями», а также «темное прошлое» подполковника КГБ заставляли волноваться о его выборе будущего пути развития России [3].

В этой связи прогнозы относительно будущей модели развития российско-американских отношений были отнюдь не радужными. Буша «второго» неспроста называли Рейганом «третьим». Одним из ключевых тезисов программы Дж. Буша-мл. было положение о необходимости строительства национальной американской системы противоракетной обороны и ликвидации договора по ПРО 1972 г. «Дитя звездных войн», как окрестили этот проект СМИ, вызывало жесткие протесты со стороны России, и настойчивое стремление к его осуществлению грозило вызвать очередной виток «похолодания» в отношениях двух стран [1].

С первых дней работы новой американской администрации стало ясно, что избранный президент намерен воплотить свою международную программу в жизнь. Было заявлено, что никаких личных контактов между лидерами США и России не будет до июльского саммита «большой восьмерки» в Генуе. До этого Дж. Буш-мл. собирался провести ряд консультаций с европейскими союзниками по вопросам строительства американской ПРО и согласовать планы расширения НАТО на Восток. В ответ В. Путин предупредил Белый дом, что американские планы ракетного оборонительного щита и расширения Североатлантического альянса могут нанести непоправимый ущерб отношениям России и Запада [6]. Ситуация еще больше накалилась в марте 2001 г. в связи со шпионским скандалом, выдержанным в лучших традициях холодной войны. После высылки из США 50 российских дипломатов и ответного шага российской стороны аналитики предупреждали об опасности продолжения «шпионского фарса», который грозил вылиться в трагедию, ибо стала явственно чувствоваться жесткость позиций глав обоих государств и отсутствие видимого желания идти на компромисс [5].

Очевидно, что к моменту своей первой встречи, состоявшейся на месяц раньше запланированного, главы двух ядерных держав имели длинный список взаимных претензий и серьезных противоречий, что не могло не настораживать мировую политическую общественность. Однако вместо ожидаемой конфронтации Дж.У. Буш и В. Путин внезапно продемонстрировали образец дружелюбия. Теплота общения президентов, заверения в дружбе и сотрудничестве, обмен приглашениями, высокие оценки, даваемые Дж. Бушем-мл. личным и организаторским качествам российского коллеги – все это очень напоминало возвращение к той самой модели поведения, от которой американский президент так решительно отказывался и которую критиковал будучи перед выборами. Такой резкий поворот вызвал непонимание некоторых аналитиков и негодование части сторонников Дж. Буша-мл. в Сенате [2, p. A1]. Его обвиняли в наивности и несамостоятельности, но несмотря на это, он продолжил курс на сближение с Путиным в рамках вы-

бранной тактики. На то были свои причины. Одним из них служил тот факт, что без лояльности России США не могли рассчитывать на скорое одобрение и поддержку планов расширения НАТО и строительства системы ПРО со стороны скептически настроенных стран Евросоюза. Кроме того, сотрудничество с Москвой было необходимо американской администрации для реализации новой энергетической стратегии. В ней в качестве новых важных источников энергии рассматривались бывшие советские республики в каспийском регионе, где Россия еще имела сильное экономическое влияние [9].

Помимо этого, США волновали тесные связи России с КНР. Стремительно развивающийся Китай, по мнению республиканцев, должен был стать главным геополитическим противником Америки в XXI веке, в то же время Россия имела долгий опыт сотрудничества с Пекином. В случае, если традиционное противостояние Запада и Востока выльется в открытое противостояние, для США предпочтительнее было бы видеть в России союзника. Поэтому Дж. Буш-мл. убеждал В. Путина в том, что НАТО не представляет угрозы для России, которая сама является европейской страной, и что в отдаленной перспективе ее самой острой проблемой, скорее всего, будет Китай, а не Америка [7].

В своих воспоминаниях Дж. Буш-мл. позже признается, что налаживание доверительного личного контакта с российским главой было тщательно спланированным шагом, призванным облегчить процесс принятия выгодных для Америки решений [8, с. 234]. Этот шаг был верным: в России, находящейся в шатком и неспокойном состоянии переходного периода, в стране, где демократическая партийная система была еще слишком слаба и неразвита, государственный лидер был единственным эффективным рычагом влияния. России все еще нужны были американские инвестиции (пусть и не в таком объеме, в каком их предоставляла администрация Клинтона), и Дж. Буш-мл. готов был их предоставить в обмен на некоторые уступки. В свою очередь, В. Путин заработал достаточно высокий рейтинг народной популярности, в том числе и за счет довольно агрессивной публичной позиции в отношении Америки, и уровень влияния на российские бюрократические круги, чтобы, не теряя лицо, пойти на сближение с Западом и при этом не получить обвинения в заискивании перед капиталистами.

На протяжении восьми лет работы республиканской администрации тональность американо-российских отношений менялась от единодушного партнерства до разногласий и обоюдной критики. Но даже в периоды принципиальных расхождений по важнейшим вопросам внешней политики ставка на персональный контакт, «личную дипломатию» и прямые договоренности с президентом России не была отброшена администрацией. Уже на саммите «восьмерки» в Генуе в июле 2001 г. главы США и России достигли соглашения о начале работы над пересмотром договора по ПРО. Таким образом, «личная дипломатия» Дж. Буша-мл. принесла первые и далеко не последние плоды.

1. Dennts, M. Bush channels Reagan on foreign policy / M. Dennts // Salon [Electronic Resource]. – 1999. – 20 Nov. – Mode of access: http://www.salon.com/1999/11/20/foreign_3/. – Date of access: 12.02.2013.
2. McQuillan, L. Senator criticizes Bush on Russia. Helms says president too cozy with Putin / L. McQuillan // USA Today. – 2001. – 21 Jun. – P. A1.
3. Newsmaker: George W. Bush. Transcript // PBS Newshour [Electronic Resource]. – 2000. – 16 Feb. – Mode of access: http://www.pbs.org/newshour/bb/politics/jan-june00/bush_02-16.html?print. – Date of access: 03.03.2013.
4. Vice President Gore and Governor Bush Participate in Second Presidental Debate Sponsored by the Presidential Debate Comission, October 11, 2000 // Federal News Service / Washington Transcript

Service [Electronic Resource]. – Mode of access: http://www.fnsg.com/archive.htm. − Date of access: 02.03.2013.
5. Whittle, G. American envoys expelled as Russia condemns 'Cold War mentality' / G. Whittle // Times in London. − 2001. − 24 Mar. − P. 18.
6. Whittle, G. Putin warns the West over defense shield / G. Whittle, B. Macintyre // Times in London. − 2001. − 27 Jan. − P. 20.
7. Беседа в Овальном кабинете («The Wall Street Journal», США). 25.06.2001 // inoСМИ.Ru [Электронный ресурс]. − Режим доступа: http://www.inosmi.ru/untitled/20010625/141043.html#ixzz2LdwWF9px. − Дата доступа: 15.03.2013.
8. Буш, Дж. Ключевые решения. / Дж. Буш. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 544 с.
9. Нефти не желаете? («Newsweek», США). 27.06.2001 // inoСМИ.Ru [Электронный ресурс]. − Режим доступа: http://www.inosmi.ru/untitled/20010726/145167.html#ixzz2NXq1aUZr. − Дата доступа: 15.03.2013.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИМИ ПАРТНЕРАМИ СОВМЕСТНЫХ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ

И.М. Авласенко (Минск)

1990-е – 2000-е гг. отметились рядом военных операций, осуществлённых США совместно с их европейскими союзниками. В этом ряду можно перечислить авиабомбардировки позиций боснийских сербов в 1995 г., Югославии в 1999 г., афганская и иракская кампании. В то же время в последнее время намечаются новые тенденции в процессе проведения совместных операций, которые влияют на формат взаимоотношений между трансатлантическими партнёрами. Таким образом, *цель* данной статьи – очертить данные тенденции и выявить их причины.

На протяжении 1990-х – 2000-х гг. главным инициатором проведения подобных военных кампаний являлись Соединённые Штаты. Именно они обладали внушительным организационным ресурсом [4, p. 25 – 37], который позволял им мобилизовать европейских партнёров для поддержки собственных действий. Как показали операции НАТО 1995 и 1999 гг., США обладали военным потенциалом, достаточным, чтобы осуществить таковые акции в одиночку. Тем не менее, в 1990-е гг. Америка не решалась самостоятельно начинать ту или иную кампанию, стремясь заручиться поддержкой своих европейских союзников. В частности, операция против боснийских сербов не начиналась вплоть до 1995 г. из-за противодействия ей со стороны наиболее крупных союзников – Великобритании, Франции, Германии, – хотя США имели намерения осуществить бомбардировку уже в 1993 г. Тем не менее, опыт привлечения НАТО к тем или иным военным операциям выявил определённые недостатки данного подхода. Потенциальная возможность Греции заблокировать решение о начале военной операции «Союзная сила» в 1999 г. осложняла перспективу частого использования НАТО, где решения принимаются консенсусом, в качестве институционального инструмента проведения кампании. В связи с этим последующие кампании – афганская и иракская – фактически начинались уже в формате «коалиции желающих» («coalition of willingness», то есть организованных не по институциональному принципу, а объединяющих лишь заинтересованных участников). Однако даже при формальном участии альянса в целом (например, в афганской кампании, миссия ISAF) основную роль играли лишь несколько ключевых, наиболее боеспособных государств, что и в данном случае фактически позволяет говорить о «коалиции желающих».

Главным инициатором указанных кампаний являлись США, но всё же события в Ливии 2011 г., текущая операция в Мали показывают, что отдельные государства Европы (Франция, Великобритания) также стремятся выступить в роли

лидеров. В последнее время стало заметно намерение США воздерживаться от артикуляции необходимости военного решения той или иной проблемы. Этому способствовали следующие факторы: во-первых, большие человеческие и финансовые издержки афганской и иракской кампаний заставили США вообще пересмотреть подход к осуществлению военных операций, сделав упор на иные методы их ведения (использование беспилотных летательных аппаратов, организация точечных спецопераций); во-вторых, ухудшение имиджа на международной арене и сложности с организацией союзников в привлечении их к данной акции. Недовольство многих европейских государств вызвало то, что США в качестве предлога для осуществления той или иной кампании стали фактически использовать собственные национальные интересы, завуалированные под потенциальные угрозы международной безопасности (обозначенные в Стратегии национальной безопасности США 2002 г.) [5, p. 5 – 16]. Наиболее характерным примером оказалась операция в Ираке. Очевидно, что в таких условиях невозможно будет добиться от европейских союзников консолидированной позиции по поддержке американских действий, что ранее показал трансатлантический кризис 2003 г.

Относительная пассивность Соединённых Штатов на фоне бурных событий в Северной Африке и Ближнем Востоке в 2011 г. усилила внешнеполитическую активность Франции и Великобритании на данном направлении.

В последние годы происходит постепенная смена парадигм вмешательства во внешнеполитической активности трансатлантических партнёров. Так, в течение 1990-х – первой половины 2000-х гг. основным объектом военных операций фактически становились режимы, не удовлетворяющие западные государства по тем или иным причинам: С. Хусейна в 1991 и 2003 гг., С. Милошевича в 1999 г., талибов в Афганистане в 2001 г. При этом главная ставка США и их союзников во время операций делалась на авиаудары (в качестве основной меры либо подготовительной), которые сводили вероятность собственных потерь к минимуму. Для того чтобы максимально снизить жертвы среди гражданского населения, применялись высокоточные системы наведения, хотя это не могло полностью исключить гибель мирного населения. Однако затянувшаяся операция в Афганистане и нынешняя ситуация в Мали показывает, что в последнее время основным театром боевых действий становится дестабилизированное государство, а основным противником – разветвлённые сети исламистских организаций, участники которых могут легко раствориться среди гражданского населения. Это заставляет изменить форму вмешательства в кризисные ситуации такого рода. В настоящее время приоритет отдаётся использованию бесконтактных средств уничтожения (например, беспилотных летательных аппаратов) либо активной наземной операции, осуществляемой с помощью мобильных сил быстрого реагирования.

Сложность осуществления совместных операций западных союзников в Северной Африке и на Ближнем Востоке в последнее время обусловливается также и тем, что любая подобная акция европейцев и американцев в мусульманском мире фактически воспринимается как поход «крестоносцев» либо «колонизаторов». Европейцы заслужили такую репутацию в силу африканского колониального прошлого, а американцы – из-за негативного имиджа в связи с операциями в Афганистане и особенно в Ираке. Это снижает возможность развёртывания масштабной совместной военной кампании, а также снижает вероятность начала подобной акции под спорным предлогом, как в случае вторжения в Ирак в 2003 г. Указанный фактор говорит о том, что западные государства теперь стремятся осуществить любую военную операцию в данном регионе (в том числе и операцию в Мали) в кратчайшие сроки с наименьшими потерями. После чего контроль

над ситуацией будет как можно скорее передан международной миссии (главным образом, под эгидой ООН либо Африканского союза) с целью долгосрочной операции по стабилизации.

Сирийская гражданская война стала ярким примером ещё одной формы вмешательства в конфликты – так называемой «опосредованной войны» («proxy war»). Это явление неоднократно имело место в годы «холодной войны», когда две сверхдержавы избегали прямого военного столкновения, а использовали локальные конфликты для противоборства друг с другом. Данный метод позволяет влиять на ход военных действий без прямых потерь, однако включает иные риски: так, в случае смены режима не исключён приход к власти радикалов-исламистов даже путём парламентских выборов. Вероятно, что после падения режима Б. Асада (в случае развития ситуации по такому сценарию) к власти в Сирии также придут исламисты, в ином же случае есть риск дальнейшей дестабилизации государства по малийскому сценарию. Чтобы минимизировать такую опасность, США уже сейчас готовят специальные точечные операции по ликвидации и нейтрализации наиболее радикальных участников конфликта [2]. В дальнейшем вполне вероятно, что весомую роль в подобном вмешательстве будут играть различные диверсионные группы, задачей которых будет дестабилизация «неугодного» режима с целью усиления позиций его внутренних политических конкурентов либо подготовки почвы к прямому военному вторжению.

Существует ещё один фактор, который снижает вероятность осуществления полномасштабной совместной военной операции по иракскому сценарию. С приходом к власти Б. Обамы фокус американской внешней политики начал постепенно смещаться с Ближнего Востока в сторону Восточной Азии. Ключевым моментом данного процесса стало выступление Б. Обамы в парламенте Австралии в ноябре 2011 г. [3]. Главные вызовы для США в данном регионе представляют рост экономической и военной мощи КНР, а также провокационная внешняя политика КНДР. Тем не менее, восточноазиатская система международных отношений находится в состоянии «конфронтационной стабильности» (по выражению А. Богатурова [1]), т.е. при наличии напряжённости в отношениях отдельных государств региона всё же удаётся избежать эскалации крупномасштабных вооружённых конфликтов. С другой стороны, вмешательство европейских партнёров в восточноазиатский конфликт (в случае его возникновения) также маловероятно в силу географической удалённости региона от Европы, что снижает необходимость для США координировать свои действия с ними. Тем не менее, угроза радикального исламизма и его активизация на просторах Северной Африки и Ближнего Востока также приковывает внимание США и ЕС к данному направлению.

Таким образом, можно говорить о том, что в нынешних условиях трансатлантические партнёры постепенно меняют подход к осуществлению совместных военных операций. В ближайшее время главная ставка будет делаться на максимальное использование бесконтактных методов ведения боевых действий, на проведение точечных спецопераций и на привлечение сил мобильных бригад. После проведения операций инициаторы кампании будут стремиться незамедлительно передать ситуацию под ответственность международной миротворческой миссии под эгидой ООН либо местной региональной организации (например, Африканского союза). Рассмотренные выше примеры показывают, что в начале таких кампаний задействованы лишь наиболее активные участники, что означает фактическое применение формата «коалиции желающих». Вовлечение всё большего количества государств мира в те или иные миротворческие миссии позволяет гово-

рить о том, что подобные операции, даже инициированные трансатлантическими партнёрами, приобретают всё более широкий международный характер.

1. Богатуров, А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945 – 1995) / А.Д. Богатуров. – М.: Конверт – МОНФ, 1997. – 353 с.
2. CIA begins seizing up Islamic extremists in Syria for drone strikes // Los Angeles Times [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.latimes.com/news/nationworld/world/middleeast/la-fg-cia-syria-20130316,0,3989647.story. – Date of access: 18.03.2013.
3. Remarks By President Obama to the Australian Parliament // The White House Official Website [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament. – Date of access: 18.03.2013.
4. Tanaka, A. Is There a Reaslistic Foundation for a Liberal Word Order? / A. Tanaka // Prospects for Global Order. Vol. 2 / S. Sato and T. Taylor (eds.). – London: The Royal Institute of International Relations, 1993. – P. 25 – 37.
5. The National Security Strategy of the United States of America. – September 2002. – vii+31 p.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Е.В. Алексеева (Минск)

В последнее время США стали вносить заметные изменения в свою военно-политическую стратегию путем усиления военного присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Американские власти подчеркивают, что США являются тихоокеанской державой, а АТР – приоритетным направлением в их политике по обеспечению национальной безопасности.

Предпосылкой к созданию новой американской стратегии можно считать статью государственного секретаря США Х. Клинтон под названием «Тихоокеанский век Америки», опубликованную в одном из номеров американского журнала «Foreign Policy» [1]. В ней глава американского внешнеполитического ведомства отмечает, что в ближайшее десятилетие стратегический центр тяжести США распространится от их западного побережья до Индостанского субрегиона, а также подчеркивает, что одной из важных миссий США будет значительное увеличение инвестиций в дипломатию, экономику и стратегию развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Параллельный дипломатический сигнал был направлен американской стороной и на высшем уровне во время визита в ноябре 2011 г. президента США Б. Обамы в Австралию. По его словам, АТР – стратегически важный для американской политики узел, который во многом будет определять будущее всего мира в XXI в. [3]. Кроме того, есть основания считать, что одним из основных факторов, определяющих новую политику США в АТР и влияющих на характер взаимоотношений Вашингтона со странами региона, является максимально усилившееся региональное влияние Китая.

Вновь переориентированная стратегическая важность АТР для США обусловлена также географической величиной региона, запасами природных ресурсов и экономическим ростом стран ЮВА, что сопровождается неуклонным смещением мирового политического центра силы в сторону Азии – в демографическом, геополитическом, экономическом и военном отношениях.

Вашингтон предпринимает шаги по наращиванию своего военного присутствия в АТР в рамках глобальной военной стратегии США, направленной на переориентацию военного потенциала страны с наземных и контртеррористических операций на борьбу с ассиметричными угрозами на море. При этом распределение военного потенциала в регионе осуществляется таким образом, чтобы новые

оборонительные возможности страны позволили США проводить мероприятия военного характера с большей оперативностью и при более высоком уровне политической поддержки. США к 2020 г. планируют произвести передислокацию своих военно-морских сил из Атлантики в АТР, изменив ныне существующий между регионами паритетный военно-стратегический баланс на соотношение, равное примерно 60 на 40% в пользу Тихого океана. Планируется, что в результате передислокации сил в АТР будет сосредоточено шесть авианосцев, большинство крейсеров, эсминцев, боевых кораблей и подводных лодок ВМС США.

Основным механизмом обеспечения присутствия США в АТР остается укрепление двусторонних стратегических альянсов. Вашингтон регулярно заявляет о своем намерении соблюдать взятые США обязательства перед своими союзниками и предпринимает шаги по расширению и качественному улучшению своего присутствия в регионе Тихого океана. В соответствии с рамочным стратегическим соглашением США разместят современные прибрежные боевые корабли в Сингапуре. По договоренности с Филиппинами США будут оказывать этой стране военно-морскую поддержку силами своего флота. Кроме того, в ближайшее время будет прорабатываться возможность предоставления боевым кораблям ВМС США права захода и стоянки в бухте порта Камрань во Вьетнаме. В рамках расширения своего присутствия в АТР Вашингтон намерен также укреплять, наращивать и обновлять сотрудничество со своими союзниками и партнерами в АТР через увеличение частоты и масштаба совместных военных учений и организацию обучающих программ для военных.

Несмотря на большую разницу в военном потенциале двух стран, ключевым фактором, влияющим на стратегию США в АТР, остается внешнеполитическая линия Китая. В качестве возможной угрозы интересам США Вашингтон рассматривает избранную Пекином стратегию ассиметричных действий, направленных на закрытие доступа в отдельные части акватории Тихого океана, что, в случае кризисной ситуации, не даст возможности иностранному государству развернуть в регионе свои военно-морские силы [2, p. 51]. Данная стратегия может существенным образом увеличить стоимость той или иной военной операции США и тем самым ограничить свободу маневра их военно-морских сил. Для Вашингтона свобода морского судоходства, доступ к морским портам и безопасность главных морских торговых магистралей являются основными приоритетами военного планирования на тихоокеанском театре военных действий. Вместе с тем в глазах азиатско-тихоокеанских стран наличие упомянутого китайского фактора увеличивает роль США в регионе как гаранта региональной безопасности.

По оценкам аналитиков, усиление военного присутствия США в АТР и укрепление сотрудничества с Вашингтоном в качестве сдерживающего фактора росту влияния Пекина выгодно большому количеству стран региона, среди которых – Австралия, Вьетнам, Индия, Индонезия, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Южная Корея, Япония. Главным препятствием на пути реализации азиатско-тихоокеанской стратегии США в ближайшей перспективе будут не военные угрозы, а финансовые ограничения и способность военной машины США адаптироваться к новым стратегическим условиям, требующим выполнения старых и новых задач с использованием меньших ресурсов. Именно финансовый вопрос заставляет азиатско-тихоокеанские страны сомневаться не столько в желании, сколько в способности Вашингтона в средне- и долгосрочной перспективе действовать в интересах своих региональных союзников [4].

Таким образом, в среднесрочной перспективе азиатско-тихоокеанский вектор приобретает приоритетное значение во внешнеполитической стратегии США.

Ожидаемое увеличение военно-политической и торгово-экономической экспансии США в АТР будет продиктовано, в первую очередь, стремлением сдерживать рост влияния КНР. В этом отношении интересы Вашингтона и большинства стран региона могут совпадать.

1. Clinton, H. America's Pacific Century / H. Clinton // Foreign Policy [Electronic resource]. – 2011. – November. – Mode of access: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_centurc. – Date of access: 18.03.2013.
2. Gray, C. The Search for a Sustainble National Security Strategy / C. Gray // Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College [Electronic resource]. – 2009. – January. – Mode of access: www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubid=902. – Date of access: 18.03.2013.
3. Obama, B. Remarks by the President on Fiscal Policy / B. Obama // The White House [Electronic resource]. – 2011. – April 13. – Mode of access: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/04/13/remarks-president-fiscal-policy. – Date of access: 18.03.2013.
4. Panetta, L. Meeting Our Fiscal and National Security Responsibility / L. Panetta // Department of Defense, Washington, D.C. [Electronic resource]. – 2011. – August 3. – Mode of access: http://www.defense.gov/home/features/2011/0711_message1. – Date of access: 18.03.2013.

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННО-МОРСКОЙ СТРАТЕГИИ США В ИНДИЙСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

С.В. Старкин (Нижний Новгород)

Актуальность настоящего исследования обусловлена возросшей ролью Азиатско-Тихоокеанского региона в международных отношениях, а также расширением значения региона с точки зрения роста военной и экономической мощи входящих в него государств.

Существенным моментом в данной связи является то, что часть акватории Индийского и Тихого океанов, охватывающая Юго-Восточную Азию, выступает в современном академическом дискурсе и документах стратегического планирования как единая геостратегическая система, получившая название «Индийско-Тихоокеанского региона». Следует разобраться, о чем идет речь. Западные авторы, например А. Теллис, говорят о сформировавшемся Индийско-Тихоокеанском геополитическом пространстве [8]. Концепт Индийско-Тихоокеанского региона в настоящее время выглядит далеко не столь фантастичным, как это могло показаться 10 – 20 лет назад. Представители зарубежных кругов, прежде всего американских, полагают, что сегодня имеется необходимый комплекс факторов для выделения и конструирования полноценной дипломатической и экономической архитектуры этого региона, а также соответствующей системы безопасности. Ключевыми предпосылками рассматриваемого процесса, на наш взгляд, являются следующие. Во-первых, с точки зрения пространственной перспективы интересующий нас регион объединяет восточную часть Индийского океана и западную часть Тихого, смыкающиеся в Южно-Китайском море. Во-вторых, речь идет о структурировании системы региональной безопасности, заключающейся в балансировании интересов США и Индии в Тихом и Индийском океанах. В-третьих, исходящей из вышеперечисленного озабоченностью региональных акторов расширяющимися военно-морскими возможностями и амбициями Китая. Итак, в контексте стремительного расширения региональной силовой проекции Индии и КНР и поиска США стратегических партнеров, особое значение для Вашингтона приобретает взаимодействие с Нью-Дели в Индийском и Тихом океанах.

В формате геополитических исследований Индийский и Тихий океаны являются отдельными, хотя и соседними, регионами. В реальности границы между

ними менее фиксированы. Термины классической геополитики («положение» как физическое месторасположение в регионе) могут совпадать с понятиями критической геополитики («положение» – как мировоззрение, мировосприятие). Суть вещей четко выразил Ч. Фримэн, указав, что «после завершения холодной войны Индийско-Тихоокеанский регион превратился в наиболее динамичную зону мира. Смена силовых полюсов привела в восприятии международным сообществом пониманию того, что Индийско-Тихоокеанский регион стал новым экономическим центром тяжести и осевой точкой глобальной геополитики» [3].

Посол Австралии в Индии П. Варгэз подчеркнул, что рассматриваемый индийско-тихоокеанский конструкт «связывает Индийский и Тихий океаны, акцентируя, тем самым, ключевую роль, которую военно-морской потенциал будет играть в стратегическом и оборонном планировании в среднесрочной перспективе» [10, p. 2]. Политическая практика использует институциональные структуры и межгосударственные отношения, формируя единое Индийско-Тихоокеанское пространство посредством концептуализации региональной стратегии для последующей актуализации. Развертывание сил и средств со стороны США и Индии позволяет говорить о наличии операциональной индийско-тихоокеанской стратегии. При этом формальные американо-индийские соглашения сконструированы вокруг основной проблемы – понимания опасности со стороны КНР.

Концепция «Индийско-Тихоокеанского региона» в последнее время начинает активно применяться американскими специалистами в области стратегического планирования. Индийский и Тихий океаны рассматриваются как единое водное пространство, требующее выработки новой стратегии действий, которая позволит обеспечить гибкое развёртывание сил и средств. Применительно к Индии и США такое развёртывание учитывает, прежде всего, устремления Китая, также имеющего долговременные интересы в регионе. С точки зрения оборонной доктрины США концепция «Индийско-Тихоокеанского региона» нашла отражение в создании Тихоокеанского командования (US Pacific Command, PACOM), зона ответственности которого распространяется от Тихого океана вглубь Индийского, включая всё побережье Индии и базу «Диего Гарсиа» в центре Индийского океана. Кроме того, для эффективной реализации концепции западные специалисты по стратегическому планированию полагают необходимым установление более тесных связей с Австралией. В качестве примера практического воплощения данной стратегии специалисты приводят дискуссию о размещении наблюдательных самолетов Р-8 и беспилотных летательных аппаратов в восточной части Индийского океана (на принадлежащих Австралии Кокосовых островах) для проведения операций в Южно-Китайском море.

Американские политикоформирующие круги рассматривают провозглашённое Б. Обамой смещение центра внимания США в Азиатский регион именно в контексте концепции «Индийско-Тихоокеанского региона». По их мнению, в случае если бы США пренебрегли указанным регионом, это способствовало бы возникновению там «многополярного военного порядка» (наряду с уже существующими политическим и экономическим), тогда как военное присутствие США не только уравновесит усиливающееся влияние Китая, но и будет способствовать стабилизации в регионе.

Тексты концептуальных документов также свидетельствуют о неослабевающем интересе американского истеблишмента к рассматриваемому региону. Так, оборонная доктрина США декларирует, что «интересы американской национальной безопасности неразрывно связаны с развертыванием в расширяющейся дуге от западной части Тихого океана до региона Индийского океана» [7, p. 2].

Интересен в этой связи анализ того, как индийско-тихоокеанские формулировки используются американскими функционерами. Понятия операциональных концептов включают геополитическое взаимопроникновение пространств Индийского и Тихого океанов как отражение новой стратегической реальности и вызов для следующей фазы американской стратегии. Стратегическое переосмысление индийско-тихоокеанской региональной концептуализации генерирует практические императивы для американских штабных структур по переводу растущей взаимосвязи между океанами в контекст оперативного планирования.

Заместитель госсекретаря В. Бернс отметил, что «присутствие Индии в Индийском и Тихом океанах является источником комфорта для США и подтверждает наличие у нее потенциала выступать в качестве гаранта безопасности в части, касающейся военно-морской составляющей. В данном направлении США заинтересованы в разработке совместной с Индией парадигмы военно-морской безопасности» [1]. Госсекретарь Х. Клинтон, в свою очередь, предложила ряд стратегических формулировок видения Индийско-Тихоокеанского региона с точки зрения Администрации Б. Обамы: два океана становятся все более связанными посредством активного маневрирования флотов. Развитие данной тенденции вовлекает в рассматриваемые процессы и других региональных акторов. «Мы расширяем интерпретацию нашего союза с Австралией от тихоокеанского партнерства к индийско-тихоокеанскому» [2]. Аналогичные тезисы генерируются руководством Министерства обороны. Л. Панетта в июне 2012 г. заявил о расбалансировке стратегии США: «Мы будем расширять наше военное сотрудничество и наше присутствие в геостратегической дуге от западной части Тихого океана и Восточной Азии до Индийского океана и Южной Азии. Взаимодействие с Индией при этом выступает несущей осью данной стратегии» [5].

Ряд решений, принятых США в 2011 г., подтверждает логику развертывания американских активов в регионе. Во-первых, было анонсировано, что США разместят корабли берегового охранения в Сингапуре, откуда смогут перебрасывать их на северо-запад до Малаккского пролива и в восточную часть Индийского океана, либо на северо-восток к Южно-Китайскому морю и в западную часть Тихого океана. Во-вторых, в ходе своего визита в Австралию в ноябре 2011 г. Обама заявил о «новых возможностях взаимодействия с союзниками в Индийско-Тихоокеанском регионе» [4].

Практическим отражением этих заявлений стало соглашение о расширении присутствия военно-морских сил США в Дарвине на северо-западном побережье Австралии, что справедливо можно расценивать как решительный шаг в проекции американской мощи и создании «индийско-тихоокеанского военно-морского узла». Несомненно, что Дарвиновское соглашение является частью более широкой стратегии по реконфигурации стратегических сил в регионе, а также элементом индийско-тихоокеанской стратегии США в контексте противостояния с Китаем.

В рамках «индийско-тихоокеанской» концепции все участники указанных коалиций испытывают растущее давление со стороны Китая. Так, Китай в настоящее время является единственной силой в Индийском океане, представляющей реальную угрозу возрастающей роли Индии в регионе и использующей стратегию «окружения». Присутствие Китая в Индийском океане вышло далеко за пределы его западной части, что даёт повод индийским аналитикам говорить о его вторжении в сферу влияния Индии. Кроме того, реализация стратегии «окружения» начинает представлять угрозу американской базе «Диего Гарсиа».

Противостояние США и Китая с геополитической точки зрения характерно преимущественно для западной части Тихого океана. Усиливающаяся мощь ки-

тайского военно-морского флота позволяет Китаю вплотную достичь так называемой «первой цепочки островов» от Японии до Филиппин, рассматриваемой американскими стратегами как «первый рубеж обороны».

Наряду с изложенным, как Индия, так и США не стремятся сводить отношения с Китаем только к противостоянию, примером чего могут служить попытки выработки механизма совместного китайско-индийского обсуждения проблем морской политики, начавшиеся в 2012 г. Вместе с тем, наращивание военной мощи и укрепление союзнических отношений продолжают являться неотъемлемой частью соблюдения баланса сил в регионе.

1. Burns, W.J. U.S. – India Partnership in an Asia-Pacific Century. December 16, 2011 / W.J. Burns // U.S. Department of State [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.state.gov/s/d/2011/178934.htm. – Date of access: 15.03.2013.
2. Clinton, H. America's Pacific Century. Foreign Policy, October 11, 2011 / H. Clinton // U.S. Department of State [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.state.gov/secretary/rm/2011/10/175215.htm. – Date of access: 15.03.2013.
3. Freeman, C. Indo-Pacific Dynamics in Trans-Pacific Perspective. April 16, 2012 / C. Freeman // U.S. Department of State [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.mepc.org/articles-commentary/ speeches/indo-pacific-dynamics-trans-acific-perspective. – Date of access: 15.03.2013.
4. Obama, B. Remarks by President Obama to the Australian Parliament. November 17, 2011 / B. Obama // The White House [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament. – Date of access: 15.03.2013.
5. Panetta, L. The U.S. and India: Partners in the 21st Century. June 6, 2012 / L. Panetta // U.S. Department of Defense [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.defense.gov//speeches/speech. aspx?speechid =1682. – Date of access: 15.03.2013.
6. Powell, N. Statement (to Senate Foreign Affairs Committee). February 7, 2012 / N. Powell // U.S. Senate Committee on Foreign Relations [Electronic resource]. – Mode of access: www.foreign.senate.gov. – Date of access: 15.03.2013.
7. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. – Washington: Department of Defense, 2012. – P. 2.
8. Tellis, A. Indian Ocean and U.S. Grand Strategy. January 17, 2012 / A. Tellis // National Maritime Foundation [Electronic resource]. – Mode of access: http://maritimeindia.org/sites/all/files/pdf/Ashley.pdf. – Date of access: 15.03.2013.
9. US Senate (Committee on Armed Services), National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2012. Report (to authorize Appropriations for Fiscal Year 2012. – 2011. – June 22. – P. 211.
10. Varghese, P. Australia and India in the Asian Century. Special Report (ICPS) / P. Varghese. – May 2012. – P. 2.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ В КОСОВСКОМ КОНФЛИКТЕ

В.А. Бурковская (Елец)

Исторические связи России и Сербии имеют многовековую традицию, начиная, как минимум, со времён Крещения Руси. Однако, в течение последних столетий российско-югославские и в частности, российско-сербские отношения были довольно нестабильными, переживая периоды охлаждения и сотрудничества. Политический и национальный кризис в Югославии в начале 1990-х гг. совпал с окончанием длительного периода стагнации отношений между СССР и Югославией, когда балканское направление не считалось приоритетным для советской, а затем и российской внешней политики. В таких условиях в СССР и СФРЮ почти одновременно разразились национально-политические кризисы.

С начала 1990-х гг. внешняя политика России на балканском направлении прошла несколько эволюционных стадий.

1. Период внешнеполитической неопределенности 1991 – 1992 гг., наступивший практически сразу после распада СССР. Вплоть до февраля 1992 г. Рос-

сия исходила из принципа невмешательства во внутренние дела Югославии. После подписания в декабре 1991 г. Беловежских соглашений, зафиксировавших распад СССР, в условиях отсутствия общефедерального механизма разработки и принятия внешнеполитических решений сфера внешней политики была фактически полностью монополизирована руководством МИД [2, с. 13]. Президент России фактически не интересовался вопросами тактики поведения России на Балканах, впрочем, как, и в других регионах. Внешнеполитическая стратегия в этот период полностью отсутствовала. Поэтому на начальном этапе «Югославского кризиса» основным вдохновителем и разработчиком российского внешнеполитического курса был министр иностранных дел А. Козырев. При отсутствии теоретически и практически обоснованной внешнеполитической концепции нового российского государства, политика на отдельных направлениях, в том числе и на балканском, часто формировалась спонтанно. Нагнетание балканского кризиса пришлось, таким образом, на период, когда в России преобладали популистские антикоммунистические настроения, отрицались методы и достижения внешней политики советского периода, включая «сферы влияния», произошло резкое охлаждение отношений с союзниками бывшего СССР и было официально объявлено об отсутствии внешнеполитических противников и гегемонистских планов, а новая российская пыталась налаживать дружеские отношения с лидерами западных стран, стремясь ни в чем им не противоречить. Впрочем, теми же самыми путями двигались и югославские лидеры, стремясь абстрагироваться от социалистического прошлого и влиться в западноевропейский мир.

2. С февраля 1992 г. Москва резко изменила оценку событий в Югославии, проявив резкий интерес к Балканам и признав факт распада федерации. В этот период балканская политика России, устранившейся от участия в урегулировании югославского кризиса, характеризовалась довольно противоречивыми и непоследовательными заявлениями.

3. Период с 1993 по 1995 г. характеризовался попытками России включиться в формирующуюся систему европейской безопасности и в мировое сообщество в качестве равноправного демократического государства. В соответствии с этим курсом активность российской дипломатии на Балканах целиком и полностью была подчинена политическим интересам США и других западных держав. В этих обстоятельствах Россия играла роль последнего инструмента давления на сербов. Этот период характеризовался несамостоятельность внешней политики России, ее зависимостью от позиции западных держав, прежде всего США. К концу 1995 г. Россия перестала влиять на ход событий в балканском регионе.

4. Период с начала 1996 г. характеризовался осознанием российскими лидерами невозможности быстрой интеграции страны в «западный мир» и систему европейской безопасности. Наряду с другими факторами, приведшими к изменению российской внешнеполитической концепции, важную роль сыграли и первые итоги балканского кризиса, которые проявились уже к началу 1996 г. Среди набиравших силу негативных тенденций в деятельности «мирового сообщества» во главе с западными странами, особенно ярко проявившихся на постюгославском пространстве, было закрепление в международных отношениях «права и закона силы», признание международными организациями административных границ многонационального государства как межгосударственных по просьбе субъектов федерации без согласия на то центра; изменение сути миротворческой концепции ООН, переход к применению силы для наказания непослушной или несговорчивой стороны конфликта, возможность участия войск НАТО в миротворческих операциях [2, с. 15].

С назначением в начале 1996 г. министром иностранных дел Е. Примакова внешняя политика России серьезно видоизменилась. В августе 1996 г. Е. Примаков впервые заявил о приоритете национальных интересов России над всеми другими внешнеполитическими соображениями. Он подчеркивал, что необходимо «отстаивать национальные интересы России, идя даже на разногласия, предположим, с США, – но в рамках партнерства, не сползая к конфронтации» [3, с. 7]. Министр подчеркнул, что «двухполюсный мир ранее соперничавших двух сверхдержав и блоков должен эволюционировать не к однополюсному под командой США, а к многополюсному, где у России больше маневра для защиты национальных интересов» [4, с. 3]. Эти тезисы отражали поиск новых ориентиров во внешней политике России, но балканская политика еще не имела четких ориентиров.

Со временем внешнеполитическая концепция Е. Примакова стала более рельефной. Участие России в Контактной группе и в процессе реализации Дейтонских мирных соглашений по Боснии, а также политическая нестабильность и новые этнические конфликты на Балканах обусловили рост значения балканского курса российской внешней политики. Важную роль здесь сыграли и другие внешнеполитические задачи: поиск стран, не стремящихся войти в НАТО, определение места России в складывающейся системе европейской и мировой безопасности. По уровню экономического развития Россия оставалась ближе к балканским странам, чем к развитым странам Европы. Участие в процессе мирного урегулирования на Балканах и степень влияния России на процесс принятия международных решений, касающихся этого региона, стали важнейшим показателем места и роли России в системе международных отношений. Е. Примаков также связывал активную роль России на Балканах со способностью мирового сообщества преодолеть новые угрозы международной безопасности и «не допустить превращения Косово в одну из наиболее опасных горячих точек на земном шаре» [5, с. 14].

В ходе обсуждения косовского вопроса российская дипломатия первоначально чувствовала себя несколько неуверенно среди западных партнеров. Однако постепенно Россия стала высказывать особое мнение по ряду вопросов. Параллельно этому политика России на Балканах приобретала более четкие очертания, чему во многом способствовало развитие ситуации в самом Косово.

В апреле 1998 г. Е. Примаков выразил позицию России более определенно, выступив против попыток отделения Косово от Сербии и размещения в крае «иностранных войск под чьим бы то ни было флагом» [5, с. 14]. Высказав опасения по поводу создания прецедента применения Североатлантическим альянсом военной силы без соответствующего мандата со стороны Совета Безопасности ООН, Е. Примаков решительно выступил против любого военного вмешательства в косовский конфликт.

Линия Примакова получила конструктивное продолжение и при его преемнике – И. Иванове, назначенном на пост министра в сентябре 1998 г. по рекомендации Е. Примакова. Внешнеполитическое кредо И. Иванова не многим отличалось от кредо его предшественника, что позволяет говорить о определенной единой линии двух министров. Продолжая курс на сохранение территориальной целостности Югославии, И. Иванов выступил против применения силы для решения косовской проблемы. В октябре 1998 г. решительная и последовательная политическая позиция Москвы сыграла важную роль в предотвращении военного вмешательства НАТО на территории Югославии.

В целом однозначно оценить позицию России в отношении урегулирования косовского конфликта сложно, прежде всего в силу ее противоречивого характера. С одной стороны, Россия поддерживала применение разнообразных «мер

воздействия» на Югославию за исключением военной силы, отклонила просьбу Югославии рассмотреть в Совете Безопасности вопрос об осуждении угроз НАТО нанести воздушные удары по территории СРЮ и не возражала против максимального расширения статуса автономии для Косово «с выходом на федеративный уровень», что неизбежно приближало Косово к созданию независимой республики [1, с. 547]. С другой стороны, И. Иванов решительно выступал против вооруженного вмешательства НАТО в югославские дела без санкции Совета Безопасности и поддержал позицию Белграда, согласившегося рассматривать только политическую часть мирного соглашения, предложенного Контактной группой участникам косовского конфликта. Одновременно, в декабре 1998 г. Россия и Югославия подписали протоколы о военно-техническом и научно-техническом сотрудничестве в области обороны.

В 1997 – 1998 гг. в российских властных структурах впервые наметилось совпадение интересов по вопросам урегулирования югославского кризиса. В октябре 1998 г. Госдума провела слушания на тему «Угрозы европейской безопасности в связи с расширением НАТО (на примере событий на Балканах)», по итогам которых депутаты признали «непосредственную (без участия ООН) деятельность НАТО по урегулированию конфликтов в Боснии и Албании разновидностью недопустимого вмешательства во внутренние дела суверенных государств или вооруженной агрессией» [1, с. 590]. Россия решительно осудила военную операцию НАТО против СРЮ как агрессию против суверенного государства и выступила инициатором поиска политического урегулирования этой проблемы.

В целом с начала 1990-х гг. внешняя политика России прошла сложный путь – от полного бездействия и беспомощности активному отстаиванию национальных интересов, в том числе и в балканском регионе.

1. Гуськова, Е.Ю. История Югославского кризиса (1990 – 2000) / Е.Ю. Гуськова. – М: Русская правда,2001. – 720 с.
2. Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 1999. – 309 с.
3. Примаков, Е. На горизонте – многополюсный мир / Е. Примаков // Независимая газета. – 1996. – 6 апреля. – С. 7.
4. Примаков, Е. [Интервью] / Е. Примаков // Известия. – 1996. – 9 августа. – С. 3.
5. Примаков, Е.М. Россия в мировой политике / Е. Примаков // Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. – М.: МИД РФ, 1998. – С. 14.

ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКО-ТАДЖИКСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 2001–2012 гг.

М.В. Данилович (Минск)

В 2000-е гг. наблюдается ощутимая активизация КНР в Центральной Азии (ЦА), вызванная как внутренними задачами урегулирования ситуации в стратегически значимом Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе (СУАР) КНР, так и геополитическими изменениями в ЦА после 2001 г. Интерес к ситуационному анализу китайско-таджикских отношений обусловлен приоритетностью приграничных государств региона в китайской «центральноазиатской стратегии».

К началу 2000-х гг. основной проблемой для КНР в отношениях с РТ, оставалась ***безопасность***. В условиях афганской ситуации она была связана, в первую очередь, с неурегулированными вопросами общей границы. Начало международной операции в Афганистане и появление в ЦА новых «внешних» сил, развертывание сотрудничества РТ с НАТО стали для КНР несомненным стимулом для ускорения переговорного процесса и решения данных вопросов. В результате уже в

2002 г. высшим руководством КНР и РТ было подписано окончательное Дополнительное соглашение о государственной границе. Вслед за этим было активизировано сотрудничество в области безопасности с целью борьбы с общими для КНР и РТ угрозами наркотрафика в условиях развития афганской «наркоэкономики», а также деятельности радикальных исламистов.

Торгово-экономическое сотрудничество КНР и РТ к началу 2000-х гг. изначально не превышало показателей нестабильного товарообмена 1990-х гг. и основывалось на челночной торговле дешевой китайской продукцией народного потребления и закупках сырья в РТ. Усиление сотрудничества с соседними государствами предусматривалось официальными стратегиями «Выхода вовне» и «Большого развития Запада». Развитие политического диалога и пограничное урегулирование незамедлительно расширили возможности наращивания экспорта в РТ после 2002 г., позволили открыть первый КПП, активизироват льготное покупательское кредитование и прочно войти в тройку основных внешнеторговых партнеров РТ к 2005 г. Объективными препятствиями для расширения торговли оставались преимущественный транзит товаров через соседние страны региона (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан), неразвитость инфраструктуры РТ, зависимость прямых транспортных перевозок от сезонных условий. В целом, в первой половине 2000-х гг., несмотря на растущую «привязку» небольшой и проблемной таджикской экономики к восточному соседу, РТ продолжала занимать периферийное положение в центральноазиатской стратегии КНР.

В 2006 г. ***политическое взаимодействие*** и ***сотрудничество в области безопасности*** было заметно активизировано, что во многом объясняется фактором возобновления переговоров РТ и НАТО о возможном размещении более крупного контингента Альянса на территории РТ в условиях закрытия базы НАТО в Узбекистане и нестабильной внутренней ситуацией в Кыргызстане [9]. Контакты между военными ведомствами КНР и РТ и финансовая помощь таджикским вооруженным силам и погранслужбам становились более активными [4, с. 45]. Качественно новый уровень двусторонних отношений КНР и РТ был оформлен в первом долгосрочном Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2007 г., обозначившим преимущественные сферы взаимодействия: торговлю, инфраструктуру, энергетику, добычу горнорудных ресурсов [3, с. 238]. Данный документ можно рассматривать как итог всей предшествовавшей китайской дипломатии в РТ и сигнал нового этапа в китайско-таджикских отношениях.

Очередная интенсификация взаимодействия органов безопасности и оказания помощи РТ наблюдалась в 2011 – 2012 гг. на фоне обсуждения НАТО планов вывода войск из ИРА. При этом заявленной целью последних антитеррористических учений в рамках ШОС стало усовершенствование проведения совместных операций в условиях горной местности [7], в чём, несомненно, проявился фактор подготовки к потенциальным изменениям обстановки в регионе после 2014 г.

Завершение к осени 2008 г. демаркационных работ и безоговорочная ратификация РТ соответствующего Протокола в 2011 г. выявили умелое использование китайской дипломатией ситуации мирового финансового кризиса и обострения узбекско-китайских отношений. В целом, фокус китайско-таджикского взаимодействия переместился в ***экономическую*** плоскость. Очередные скачки двусторонней торговли наблюдались в кризисном 2008 г. (с ростом экспорта готовой продукции и текстиля, машин и оборудования и наращиванием импорта сырья из РТ [2]) и в 2011 г. после ратификации протокола о границе и открытия Кашгарской СЭЗ [8] в целях наращивания торговых связей СУАР с РТ, Кыргызстаном и Узбекистаном. Новым фактором отношений стало потенциальное присоединение

РТ к реализуемому Российской Федерацией (РФ) с 2010 г. проекту Таможенного Союза и с возможным привлечением Кыргызстана и Таджикистана.

Одновременно с 2006 г. качестве одной из ключевых областей инвестиционного сотрудничества устойчиво выступает сфера ***транспортных коммуникаций***. КНР стала активно участвовать в реконструкции автомагистралей, возведении мостов и туннелей в РТ (в северном направлении, а также непосредственно к китайско-таджикской границе), предоставляя последней кредитную и техническую помощь. Все совместные проекты финансировались правительственными кредитами от Эксимбанка КНР и выполнены (или завершались) в срок к 2009 – 2012 гг. Вторым направлением крупных китайских вложений стала ***энергетическая сфера*** РТ. Под льготные кредиты Эксимбанка в срок были завершены проекты строительства трёх линий электропередач к 2009 – 2011 гг. Новые договоренности 2011 г. подразумевали схему «ресурсы взамен на инвестиции»: строительство ТЭЦ и ГЭС на территории РТ в обмен на доступ к горнорудным месторождениям [5]. Последний факт указывает на дальнейшее закрепление в 2011–2012 гг. КНР в ***горнодобывающей*** отрасли РТ, в которой крупные национальные китайские компании также активизировались с 2006 – 2007 г. (добыча золота и серебра, обогащение свинцово-цинковых руд). В целом, к концу рассматриваемого периода КНР стала основным инвестором и крупнейшим кредитором РТ (36% от полного размера внешнего долга РТ по состоянию на 2011 г. [1, с. 94]).

Культурно-гуманитарное сотрудничество в 2006 – 2012 гг. также получило развитие. Резко возросло число студентов, обучавшихся в КНР, было активизировано преподавание китайского языка в РТ, где с 2009 г. открыт Институт Конфуция [1,с. 186]. «Мягкая сила» в подобной форме ориентирована на сближение новых поколений обоих государств и одновременное снятие традиционной «китайской угрозы» в восприятии таджиков на фоне ***трудовой миграции*** из КНР как отдельного аспекта отношений после 2006 г. Число этнических китайцев в РТ увеличивалось по мере реализации выполняемых китайской стороной по подряду проектов. Несмотря на соответствие озвучиваемых цифр трудовым квотам РТ, факт нелегальной миграции при этом не отрицается на официальном уровне [6]. Китайская миграция в РТ по масштабам уступает таковой в КР, но является потенциальным фактором недовольства местного населения по причине занятия рабочих мест в сфере строительства и торговли.

Таким образом, ситуационный анализ сотрудничества КНР и РТ в 2001 – 2012 гг. позволяет выявить три этапа реализации стратегии КНР в таджикском направлении: 2001 – 2005 гг. (пограничное урегулирование, наращивание торговли и кредитования), 2006 – 2010 гг. (активизация инвестиций в инфраструктурную, горнодобывающую, энергетическую отрасль, выход отношений на стратегический уровень, укрепление экономических позиций в РТ) и предположительно третий этап после 2011 г. (реакция на возможные геополитические изменения в ЦА после 2014 г., а также на интеграционные процессы в рамках проекта Таможенного Союза). Сравнительно небольшие масштабы сотрудничества указывают на то, что РТ не является для КНР приоритетным партнером в регионе.

Перспективы двусторонних отношений будут предположительно находиться в обратно пропорциональной зависимости от развития ситуации в Афганистане, в экономику которого КНР начала вкладывать крупные инвестиции, а также от хода реализации в регионе интеграционных проектов под эгидой РФ.

1. Алимов, Р.К. Таджикистан – Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? / Р.К. Алимов. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 248 с.

2. Встреча Посла Таджикистана в Китае с журналистами // МИД Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.tj/index.php?node=news&id=5534. – Дата доступа: 15.01.2013.
3. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Республикой Таджикистан (15.01.2007 г.) // Таджикистан – Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 235 – 240.
4. Сайдалиев, У. Таджикистан и Китай: проблемы торгового экономического сотрудничества и региональной безопасности / У. Сайдалиев // Таджикистан и современный мир. – 2006 – № 3(12). – С. 45 – 48.
5. Китайская компания начала строить в Душанбе ТЭЦ-2 // Avesta [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.avesta.tj/ business/14517-kitayskaya-kompaniya-nachla-stroit-v-dushanbe-tec-2.html. – Дата доступа: 01.03.2013.
6. Китайские нелегалы-мигранты заполняют РТ // Ariana [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ariana.su/?S=8. 1112101711. – Дата доступа: 03.02.2013.
7. Об участии делегации ИК РАТС ШОС в совместном антитеррористическом учение вооруженных сил государств-членов ШОС «Мирная миссия – 2012» // Региональная Антитеррористическая структура ШОС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ecrats.com/ru/rats_activity/counterterrorist_trainings/2377. – Дата доступа: 23.02.2013 г.
8. Чжунъян цзюедин цзю цяньго чжи ли цзяньшэ Синьцзян Кашэ цзинцзи тецюй (Центр принял решение о строительстве Кашгарской специальной экономической зоны в СУАР всеобщими силами государства) // Мир финансов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://finance.jrj.com.cn/2010/05/2111237507266.shtml. – Дата доступа: 09.09.2012. (на кит.яз.).
9. Rumsfeld Arrives in Kabul After Talks in Tajikistan // The Washington Post [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/07/10/AR2006071001224.html/. – Date of access: 20.12.2012.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ США В АФГАНИСТАНЕ И ИРАКЕ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ

С.М. Пик (Львов)

Террористические атаки в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. стали свидетельством уязвимости американской системы национальной безопасности и неготовности спецслужб противостоять нестандартным угрозам. Высшее руководство США занималось усилением внешнеполитических и экономических позиций страны на международной арене и подчиняло реорганизацию системы национальной безопасности и разведывательного сообщества приоритетной цели – утверждению мирового лидерства. В глобальной политике администрации Дж. Буша угрозе терроризма не уделялось должного внимания. Совет национальной безопасности, министерство обороны и госдепартамент в 2001 г. разрабатывали планы смены режима в Ираке – дестабилизирующего фактора в ближневосточном регионе, нарушителя международных санкций, потенциального обладателя ядерного оружия и просто «неудобного» для США игрока в сфере их интересов. Настоятельные сообщения ЦРУ о надвигающейся угрозе со стороны террористической организации Аль-Каида учтены не были [13, с. 22].

Следует заметить, что идентификация угрозы не привела к её упреждению: американские спецслужбы не установили ни времени, ни места проведения атаки. Захваченные террористами 11 сентября авиалайнеры не были перехвачены истребителями ВВС США, хотя это стандартная процедура в случае подозрения теракта. Последствия уничтожения 110-этажных зданий ВТЦ и здания Пентагона спровоцировали массу вопросов технического характера, что вызвало появление версии об инсценуации терактов [11]. Она логично «работала» на актуальную для Вашингтона потребность – найти повод для интервенции в Ирак, что и было сделано через два года в рамках всеобщей кампании по борьбе с международным

терроризмом. Тем не менее, эта версия нуждается в тщательном исследовании, так как непосредственно дискредитирует Белый дом перед общественностью.

Реакцией руководства США на теракты 11 сентября стало объявление глобальной войны против терроризма. Приоритетной целью определялось уничтожение очагов Аль-Каиды в Афганистане, а затем – борьба с террористическими группировками во всем мире. В этом контексте были существенно расширены полномочия разведывательных служб. Закон США о патриотизме (USA Patriot Act) значительно усиливал роль директора ЦРУ в разведывательном сообществе; приоритетным заданием всех офицеров и сотрудников сообщества стал сбор информации о лидерах, местонаходжении, финансировании, связях, потенциале, планах и намерениях террористов или террористических организаций [4, с. 387].

Президент Дж. Буш секретно санкционировал практически бесконтрольное использование ЦРУ всех возможных мер против террористов. Разработаный ЦРУ детальный план антитеррористических операций на территории 80 стран под названием «Всемирная атака «Матрица» (Worldwide Attack Matrix) был одобрен президентом и по его указанию ведомству перечислили от 800 до 900 млн дол. Деньги предназначались для реализации плана, а также для открытия контртеррористических разведывательных центров в тех странах, которые до событий 11 сентября не рассмаривались Вашингтоном как близкие друзья или выгодные партнеры [13, с. 20].

Антитеррористическая операция в Афганистане под названием «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom) началась в октябре 2001 г. Одной из её задач было выявление и задержание лидеров и сообщников организации «Аль-Каида». Для этого США и союзники (Великобритания, Австралия, Канада) использовали «силы специальных операцій» – созданые, обученые и оснащеные формирования сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил для выполнения специфических заданий на территории иностранных государств в интересах достижения военных, политических, экономических или психологических целей. Эффективность работы этих формирований, которая ведется нелегально и автономно, зависит в первую очередь от разведывательного обеспечения. Афганские боевики использовали для укрытия системы пещер и комплексы зданий, расположенные в горах и других сложнодоступных районах, которые плотно охранялись. Коалиционные войска наносили мощные авиаудары по выявленным районам укрытия боевиков, после чего силы специальных операций проникали в пещеры и здания. Несмотря на то, что захватить лидера «Аль-Каиды» Усаму бен Ладена не удалось (его ликвидировали 1 мая 2011 г. в результате спецоперации в городе Абботабад (Пакистан)), американцы обезвредили многих других руководителей организации. Это способствовало прекращению активного вооружённого сопротивления войскам коалиции в Афганистане [5, с. 74 – 75]. В начале декабря 2001 г. масштабные военные действия в стране закончились, началась фаза стабилизации и восстановления.

Национальная комиссия по расследованию террористических актов («Комиссия 9/11») за два года работы выявила основные проблемы американских спецслужб и предложила некоторые нововведения на основе заключения о том, что система безопасности США не отвечает реалиям начала XXI в. В частности было рекомендовано создать Национальный центр по борьбе с терроризмом, ввести пост директора Национальных разведслужб, которому бы подчинялись все разведывательные органы США, а также реформировать отдельные ведомства: усилить аналитическую работу ЦРУ, уделить больше внимания его тайным операциям, поднять роль ФБР и министерства внутренней безопасности в сфере

внутренней разведки [1, с. 400 – 406, 407 – 416]. Следует отметить, что «Комиссия 9/11» работала в условиях новых вызовов для американских спецслужб и, как стало понятно позже, для военного и политического руководства США. В ночь на 20 марта 2003 г. войска США и Великобритании начали интервенцию в Ирак на том основании, что в стране имеется ОМУ, режим С. Хусейна намеревается создать ядерное оружие и спонсирует международный терроризм. Глобальная война США против терроризма продолжалась, а её «легитимность» в случае с Ираком базировалась на принципе превентивности. Президент Дж. Буш в своих выступлениях в 2002 г. повторял основной тезис о том, что Америка должна быть готова защитить себя и весь мир от угроз со стороны террористических режимов, используя тактику опережающего удара [8, с. 271; 12, с. 65 – 66, 73]. Решительная позиция Вашингтона основывалась на развединформации спецслужб, в первую очередь ЦРУ, из которой следовало, что режим С. Хусейна владеет новейшими технологиями по производству бактериологического оружия – так называемыми мобильными лабораториями. Эти лаборатории можно было легко скрыть от инспекторов ООН, чья миссия по выявлению ОМУ в Ираке была практически безрезультатной. Разведданные свидетельствовали о том, что в стране продолжалось секретное производство и усовершенствование химического и бактериологического оружия, отдельные виды которого приводились в боевую готовность за 45 мин. Ирак прилагал значительные усилия для производства ядерного оружия, ориентировочные сроки приобретения которого определялись от двух до шести лет. С целью получения обогащённого урана были налажены контакты с политическим руководством Нигера [2; 7, с. 112 – 113].

Таким образом, администрация США нашла повод для интервенции в Ирак и ликвидации режима С. Хусейна. Операция «Иракская свобода» (Iraqi Freedom) продолжалась до середины апреля 2003 г. Англо-американские войска захватили столицу и основные города страны, правительство потеряло власть. Силы специальных операций задержали С. Хусейна в декабре того же года, позже его казнили. Контроль над страной перешёл к оккупационным войскам. Однако ОМУ в Ираке так и не нашли, что не только поставило под сомнение «легитимность» военного вмешательства в глазах мировой общественности, но и вызвало острую критику политики англо-американских союзников в самом Вашингтоне и Лондоне. Более того, в Ираке усилилось внутреннее сопротивление оккупационным войскам из-за неспособности последних стабилизировать ситуацию в стране. Это сопротивление переросло в масштабный бунт в апреле 2004 г. «Молниеносная» для США и Великобритании операция в Ираке трансформировалась в серьёзную проблему, решение которой требовало все больше материальных и людских ресурсов. Случилось то, о чём предупреждали специалисты ЦРУ еще в 2002 г.

Перенесение антитеррористической войны на территорию Ирака не поддержали такие страны, как Франция, Германия, Россия и другие, что подорвало международный престиж антитеррористической коалиции. Интервенция в Ирак и устранение руководящего режима наоборот активизировали деятельность террористических группировок, не обязательно связанных с «Аль-Каидой». Возникли серьёзные осложнения в процессе мирного урегулирования проблем ближневосточного региона. К тому же устранение от власти С. Хусейна (суннита) опосредственно усиливало шиитское руководство Ирана, которое рассчитывало на установление шиитской власти в Ираке [7, с. 273]. Такие последствия превысили политические дивиденды США от «демократизации» Ирака. В начале сентября 2010 г. военная операция в Ираке формально завершилась. 50 тыс. Американских сол-

дат оставались на территории страны в качестве консультантов иракских вооружённых сил и были окончательно выведены в декабре 2011 г.

Возникает логичный вопрос, почему предупреждения американской разведки о том, что война в Ираке может затянуться, оправдались, а данные о наличии ОМУ в стране и другие, которые послужили поводом для военного вторжения (причем без санкции ООН), оказались недостоверными. В июне 2003 г. парламентские комитеты по разведке начали изучение развединформации, на основе которой политическое и военное руководство США принимало решение об интервенции в Ирак. Основной вывод данного исследования заключался в том, что большинство суждений разведывательных оценок 2002 г. не подтверждались соответственной развединформацией; неоднозначность этих суждений не была доведена до ведома политического руководства; коллективное предположение в рамках разведсообщества о том, что Ирак призводит ОМУ, привело к игнорированию или ошибочной интерпретации противоположных доказательств; недостаток развединформации (особенно агентурных данных), неэффективность распределения информации (в первую очередь со стороны ЦРУ) и недостатки анализа стали следствием «размытой корпоративной культуры и слабого управления» в рамках разведсообщества [3; 14, с. 27]. Ответственность за провалы в работе разведки взял на себя директор ЦРУ Дж. Тенет и ушёл в отставку в июле 2004 г. Вместе с Тенетом пост заместителя директора ЦРУ по оперативной работе оставил Дж. Павитт, который непосредственно руководил деятельностью агентурной разведки.

Тем не менее, возникает немало сомнений в отношении того, что ЦРУ так беспечно «подставило» американское правительство. Госсекретарь США К. Пауэлл, выступая на заседании Совета Безопасности ООН 5 февраля 2003 г. и убеждая присутствующих в необходимости силового решения «иракского вопроса», утверждал, что использует лучшую информацию ЦРУ наивысшего качества [14, с. 20]. Однако через год К. Пауэлл публично признал, что разведданные, на которых строился его отчет, оказались неточными и недостоверными [9, с. 44]. Дж. Павитт в 2004 г. отмечал, что ведомство сталкивается с хроническим дефицитом кадров и нуждается в увеличении личного состава на 30 – 35% [10]. По этой причине ЦРУ практически не имело своих информаторов в Ираке и не могло гарантировать качество информации, которая оттуда поступала. Но высказывания Дж. Павитта в 2003 г. были кардинально противоположными: на ЦРУ работало столько шпионов, «сколько их не было за всю историю» [6, с. 31]. Если ЦРУ завышало возможности режима С. Хусейна по производству ОМУ, то точно так же ошибались и британские спецслужбы, которые вместе с американскими считаются лучшими в мире. Ошибка привела к стремительному падению популярности президента США Дж. Буша и вынужденной отставки премьер-министра Великобритании Т. Блэра. Подобные противоречия подводят к мысли о том, что развединформация перед войной в Ираке была значительно политизирована, то есть отфильтрована таким образом, что подтверждала правильность выбраного политическим руководством курса. Другими словами, развединформацию готовили «на заказ» Белого дома, но она оказалась неумело сфабрикованной, что и спровоцировало эти подозрения [9, с. 44; 10; 14, с. 28 – 29]. Несомненно, эта версия нуждается в детальном исследовании и должна быть если не опровергнута, то доказана.

Официально негативные последствия военной операции США в Ираке произошли в результате некомпетентности американской разведки, в первую очередь ЦРУ. Это повлияло на дальнейшее реформирование разведывательного сообщества, усиление роли военных разведслужб и позиций военного руководства в

рамках сообщества. Но ослабление ЦРУ, можно сказать, носит временный характер, как это было не раз в истории деятельности организации.

1. The 9/11 Commission Report [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.9-11commission.gov/report/911Report.pdf. – Date of access: 21.02.2013.
2. Remarks to the United Nations Security Council from Secretary Colin L. Powell. – New York City. – 2003. – February, 5 [Electronic resource]. – Mode of access: http://usiraq.procon.org/view.additional-resource.php? resourceID=000912. – Date of access: 21.02.2013.
3. Report of the Select Committee on Intelligence on Postwar Findings About Iraq's WMD Programs and Links to Terrorism and How They Compare with Prewar Assessments. – 2006. – September, 8 [Electronic resource]. – Mode of access: http://intelligence.senate.gov/phaseiiaccuracy.pdf. – Date of access: 21.02.2013.
4. Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA Patriot Act) Act of 2001. Public Law 107–56. – 2001. – October, 26 [Electronic resource]. – Mode of access: http://intelligence.senate.gov/patriot.pdf. – Date of access: 21.02.2013.
5. Галушко, С. Лидеры под прицелом / С. Галушко // Неизвестная разведка. Факты. События. Люди. – 2004. – № 9. – С. 73–76.
6. Коноплёв, С. Реформа разведывательного сообщества США / С. Коноплёв // Неизвестная разведка. Факты. События. Люди. – 2004. – № 1. – С. 30–33 .
7. Корж, Г.П. Саддам Хусейн: история взлёта и падения / Г.П. Корж. – Харьков: Фолио, 2004. – 479 с.
8. Лаврёнов, С.Я. Война XXI века: Стратегия и вооружение США / С.Я. Лаврёнов. – М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2005. – 314 с.
9. Путилов, Е. Изнанка глобальной разведки / Е. Путилов // Неизвестная разведка. Факты. События. Люди. – 2004. – № 9. – С. 41–45.
10. ЦРУ несёт потери // Неизвестная разведка. Факты. События. Люди. – 2004. – № 5–6. – С. 46.
11. Griffin, D.R. The New Pearl Harbor. Disturbing Questions about the Bush Administration and 9/11 / D.R. Griffin. – Northampton, MA: Olive Branch Press, 2004 [Electronic resource]. – Mode of access: http:// nosedive.org/backup/griffin.htm. – Date of access: 21.02.2013.
12. Shawcross, W. Allies. The U.S., Britain, Europe, and the War in Iraq / W. Shawcross. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – 261 p.
13. Suskind, R. The One Percent Doctrine. Deep Inside America's Pursuit of Its Enemies Since 9/11 / R. Suskind. – N.Y.: Simon & Schuster, 2006. – 367 p.
14. Who's Watching the Spies? Establishing Intelligence Service Accountability / Ed. by H. Born, L.K. Johnson, I. Leigh – Washington, D. C.: Potomac Books, Inc., 2005. – 254 p.

СОТРУДНИЧЕСТВО ООН С РЕГИОНАЛЬНЫМИ МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В 1990-е гг.

О.И. Гогоша (Львов)

Организация Объединенных Наций уделяет большое внимание укреплению сотрудничества с региональными организациями. За последние несколько лет, на встречах высшего уровня были разработаны практические рамки сотрудничества, в районах предотвращения конфликтов и процесс миростроительства.

Устав ООН, прежде глава VIII, и другие нормы и принципы современного международного права признают возможность использования региональных органов и соглашений для урегулирования конфликтов и поддержания мира и стабильности в регионе. Статья 52 Устава ООН поддерживает мирное разрешение споров в рамках региональных международных организаций, не исключает передачи таких споров Совете Безопасности (СБ), если осуществленные усилия не привели к успеху. СБ может применять принудительные действия с использованием региональных соглашений. 9 декабря 1991 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о совершенствовании сотрудничества между ООН и региональными соглашениями или органами в области поддержания международного

мира и безопасности, призвала СБ сотрудничать с региональными органами и организациями в области мирного разрешения международных споров [2].

За прошедшие полвека более 100 государств выделяли свои войска и другой персонал для участия в миротворческих операциях ООН, в 15 случаях – в той или иной форме – ООН сотрудничала с региональными или субрегиональными организациям. Эти взаимодействия включали: совместное развертывании миротворческих сил (Либерия, Грузия, Босния и Герцеговина), совместное развертывание в поддержку мира (Гаити), дипломатическую поддержку (Камбоджа).

После того, как закончилась «холодная война», у мирового сообщества появилась надежда, что соответствующие статьи Устава ООН, касающиеся роли региональных или субрегиональных организаций в поддержку международного мира и безопасности, могут эффективно использоваться. Как было указано в «Повестке дня для мира», «региональные действия с целью децентрализации, делегирования полномочий или сотрудничества с ООН могли бы не только облегчить нишу Совета Безопасности ООН, но и способствовать более эффективному соучастию, формирования консенсуса и демократизации в международных вопросах, а если СБ примет решение уполномочить региональные соглашения или организацию, взять на себя лидирующую роль в разрешении кризиса в соответствующем регионе, это будет означать, что авторитет ООН подтверждает действенность региональных усилий » [3]. 3 мая 1994 г. СБ ООН [6] выступил в пользу того, что одним из факторов, которые должны учитываться при рассмотрении вопроса о создании новых миротворческих операций, является наличие региональных, субрегиональных организаций или соглашений, а также их готовность и способность оказать содействие в урегулировании конфликтов. 28 мая 1998 г. СБ ООН принял Резолюцию 1170 [7] о создании рабочей группы для рассмотрения всех рекомендаций, касающихся международного мира и безопасности.

Следующим шагом, стало заявление главы СБ от 16 сентября 1998 г., которая подтвердила роль ООН в установлении общих стандартов миротворчества, Совет должен быть полностью проинформирован о миротворческой деятельности, осуществлению или планированию региональными или субрегиональными организациями, а также чтобы Генеральный секретарь установил связь между ООН и региональными и субрегиональными организациями [4].

18 сентября 1998 г. была принята Резолюция 1197 СБ ООН, в которой говорилось о необходимости поддерживать региональные и субрегиональные инициативы, а также укреплять координацию между ООН и этими организациями в области предупреждения конфликтов и поддержания мира [8]. Кроме того, в резолюции содержалась просьба к Генеральному секретарю продолжать оказывать содействие государствам-членам в дальнейшей разработке общепринятой миротворческой доктрины.

В Заявлении Председателя СБ ООН от 30 ноября 1998 г. подчеркивалась все более важная роль региональных соглашений и органов, а также коалиций государств-членов в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности [5]. Совет подтвердил, что такая деятельность, которая осуществляется в рамках региональных соглашений или региональными органами, включая принудительные меры, должна осуществляться в соответствии со ст. 52, 53 и 54 главы VIII Устава ООН. Санкционирование Советом действий региональных или субрегиональных организаций или государств-членов, или коалиций государств может быть одним из эффективных способов реагирования на конфликтные ситуации.

Поддержка ООН предоставляет легитимность операциям, основанных региональными или субрегиональными организациями, в то время как поддержка ооновских операций по поддержанию мира с региональными и субрегиональными

организациями обеспечивает более основательную политическую базу. Такое сотрудничество также позволяет ООН быть в курсе дел, которые осуществляются или планируются «региональными лидерами».

Сотрудничество ООН с региональными и субрегиональными организациями может позволить последним содействовать в дипломатических усилиях по созданию механизмов мирного урегулирования конфликтов. В определенных ситуациях некоторые конфликтующие стороны могут отдавать предпочтение привлечению ООН, а другие – наоборот. Таким образом, сотрудничество ООН с региональными и субрегиональными организациями, создает возможности для компромисса, посредством которого могут быть преодолены проблемные вопросы в урегулировании конфликтов, или может стать стимулом для сотрудничества конфликтующих сторон [1].

Региональные организации могут быть лучше проинформированы о причинах конфликта, могут лучше знать особенности представителей сторон и иметь больше гибкости в изыскании средств. Сотрудничество ООН с региональными и субрегиональными организациями может быть полезно при разработке «стратегии выхода» в рамках подготовки к сворачиванию миротворческой операции.

За последние десятилетия, прежде всего в 1990-е гг., миротворческие операции перестали быть прерогативой ООН: более десяти операций проведено не ООН, а региональными организациями, соглашениями или коалициями государств, еще столько же проведенные отдельными государствами или коалициями государств по просьбе ООН, но вполне самостоятельно, при собственном финансировании, организации и управлении.

Традиционно региональными организациями с точки зрения того, как это записано в главе VIII Устава ООН, считались континентальные межгосударственные объединения типа Организация американских государств (ОАГ), Африканского союза (АС), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Содружество Независимых Государств (СНГ) и др.

Главный вывод, который следует из обзора операций в пользу мира, проведенных за последние годы, заключается в том, что большинство региональных и субрегиональных организаций имеют крайне ограниченную способность быстро реагировать на потребности, возникшей в операции в пользу мира, а после развертывания операции – проводить ее эффективно. В частности, у таких организаций, за исключением НАТО и ЕС, являются ограниченные возможности по планированию, организации и устойчивому проведению операции при отсутствии государства-лидера. Более того, нередко, развернув операцию, региональные организации впоследствии (буквально в течение нескольких месяцев) обращались за существенной поддержкой в ООН.

В настоящее время широкое признание получила главная ответственность, которую несет Совет Безопасности ООН в деле поддержания международного мира и безопасности, а также взаимодополняющий характер мероприятий, осуществляемых ООН, региональными учреждениями и государствами-членами. Необходимо обеспечить, чтобы действия, предпринимаемые на международном и региональном уровнях, должным образом были связаны и оптимизированы для достижения максимального эффекта, и чтобы государства-члены обеспечивали ресурсы и политическую волю в поддержку этого взаимодополняющего процесса.

1. Декларация о совершенствовании сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и региональными соглашениями или органами в области поддержания международного мира и безопасности. Принята резолюцией 49/57 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/ documents/decl_conv/declarations/cooperat.shtml. – Дата доступа: 06.03. 2013.

2. Декларация об установлении фактов Организацией Объединенных Наций в области поддержания международного мира и безопасности. Принята резолюцией 46/59 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1991 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ps_factfinding.shtml. – Дата доступа: 02.03.2013.
3. Доклад Генерального секретаря «Повестка дня для мира» // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/siteindex/agenda_peace.pdf. – Дата доступа: 28.02.2013.
4. Заявление Председателя Совета Безопасности ООН. S/PRST/1998/28, 16 сентября 1998 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PRST/1998/28. – Дата доступа: 25.02.2013.
5. Заявление Председателя Совета Безопасности ООН. 8/PE8T/1998/35, 30 ноября 1998 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PRST/1998/35. – Дата доступа: 25.02.2013.
6. Заявление Председателя Совета Безопасности ООН. 8/PK8T/1994/22, 3 мая 1994 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PRST/1994/23. – Дата доступа: 27.02.2013.
7. Резолюция 1170 (1998) принятая Советом Безопасности ООН 28 мая 1998 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N98/147/55/PDF/N9814755.pdf?OpenElement. – Дата доступа: 05.03.2013.
8. Резолюция 1197 (1998) принятая Советом Безопасности ООН 18 сентября 1998 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N98/275/22/PDF/N9827522.pdf?OpenElement. – Дата доступа: 05.03.2013.

KAZAKHSTAN – UN: 20 YEARS OF PARTNERSHIP FOR PEACE, SECURITY AND DEVELOPMENT

Saule K. Tulbasiyeva **(**Almaty**)**

From the first day of independence, Kazakhstan has been very active in the work of the UN and its specialized agencies. This collaboration is one of the priorities of the foreign policy of our country. The main objectives of this activity is to carry out work on the strategic interests of the Republic of Kazakhstan in the international arena in the field of global and regional security, the establishment of a just world order in politics and the economy, creating a framework for sustainable development, the harmonious relations between the members of the world community.

The United Nations was founded after the Second World War, October 24 in 1945 by 51 countries in order to preserve peace through international cooperation and collective security. After 60 years of existence 191 countries are already members of the Organization.

According to the Charter of the UN, there are four goals: to maintain international peace and security; to develop friendly relations among nations; to achieve international cooperation in solving international problems and promote respect for human rights; be a center for harmonizing the actions of nations in the achievement of these common aims [1, p. 4l.].

Organization's charter stipulates that a member can become a peaceful state, ready to perform the document contained within a liability. Kazakhstan was one of the few countries, that at the time of joining to the UN, was not involved in any conflicts and was in crisis. And all the time remains the epicenter of stability and predictability in the region and in the international arena. This undoubted merit of President NursultanNazarbayev, who makes every effort to ensure the consistent creative

development of the state. Joined the Commonwealth of Nations, Kazakhstan has committed itself to promote and protect the rights and freedoms enshrined in the Universal Declaration of Human Rights, to respect the purposes and principles of the Charter in order to worthily enter into the international community and participate in its further work, becoming an integral part of the global organization. But other than those our Republic was entitled to full integration into the international community and the assistance of the UN and its institutions in the implementation of the necessary reforms and changes for the early development as a young independent state.

UN with its polyhedral functions covers virtually all aspects of the international community. Its role is especially important in resolving the current crises which demonstrates the growing global interdependence and require joint efforts of states in the maintenance of international peace and security.

Crucial significance for the UN member states, the involvement of the Organization in key areas such as international peace and security, disarmament and non-proliferation of WMD. Organization is the initiator of the international efforts to combat terrorism, drug trafficking and organized crime.

The organization has become a solution center of all critical issues facing the international community at this stage: The UN carries out a system work to promote the compliance of human rights, protect the environment, fight disease and reduce poverty, assist refugees, set up mine clearance and has played a leading role in the fight against AIDS.

One of the main objectives of the UN is to maintain world peace. For many years, the Organization has played an important role in helping to prevent international crises and resolving protracted conflicts. It carries out complex operations associated with the establishment and maintenance of peace and humanitarian assistance. She also had to prevent a conflict. In post-conflict situations, it is increasingly making concerted efforts to address the root causes of violence and lay the foundation for lasting peace.

March 2, 1992 at the 46th session of the General Assembly of the United Nations, which has become historical in its significance, by resolution 46/224 Republic of Kazakhstan was unanimously adopted by the UN [2].

Kazakhstan became the 168th member of the UN. There are 193 states as part of the Organization now. From the first day of membership, Kazakhstan is an active participant in the work of the Organization and its specialized agencies [3]. This collaboration is one of the priorities of our foreign policy. The main tasks in this case are conducting work on the strategic interests in the international arena in the field of global and regional security, the establishment of a just world order in politics and the economy, to create conditions for sustainable development.

The first forum in which the Kazakh delegation took part as a full member of the UN, was the 47th Session of the UN General Assembly, held in the autumn of 1992. President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev took part at this session and made a comprehensive speech on foreign policy [4].

Over the last from 1992, Kazakhstan has managed not only to successfully integrate into the international community, but also to take a prominent place in it.

Kazakhstan's participation in the work of the UN system is one of the main directions of Kazakhstan's multilateral diplomacy and strengthens the sovereignty and independence of our country, to create a favorable international environment for further reforms in the social, political, economic and other spheres of public life.

For almost 20 years of Permanent Mission of Kazakhstan were and are now active conductor of goals and objectives of Kazakhstan's foreign policy in the multilateral arena, promoting the country's initiatives to strengthen international peace

and security, addressing important social and economic problems of the Republic and the region.

One of the most important activities, international nuclear disarmament and non-proliferation. After independence, Kazakhstan inherited from the Soviet Union's largest nuclear arsenal. On the territory of our country acted Semipalatinsk test site. It should be noted that at that time the leadership of the country decided strategically correct decision- to give up nuclear weapons. August, 29 in 1991, President NursultanNazarbayev signed a historic decree to close the Semipalatinsk test site, thus paving the nuclear-free policy in Kazakhstan.

Deeply symbolic of the fact that almost 20 years after this historic event, the 64th session of the UN General Assembly supported the initiative of the President of Kazakhstan and declared August 29 as the International Day against Nuclear Tests. Voluntary renunciation of nuclear weapons and closing the nuclear test site – a truly unique event in the world. This was announced by UN Secretary General Ban Ki-moon, who visited the so-called "ground zero" – the epicenter of a nuclear explosion at the Semipalatinsk test site during a trip to Kazakhstan in April last year. Speaking to reporters, he said that the history of Semipalatinsk – clear proof the need for nuclear disarmament. At the same time urged the leaders of all countries, in particular the nuclear powers to follow the example of our republic.

UN Secretary-General in 2010, visited Kazakhstan twice – in April and December. This fact, unprecedented case in the practice of country visits of senior management of the United Nations in the state where a stable and non-conflict situations.

The management of our country is supporting the activities of the UN Secretary General, Kofi Annan, for comprehensive strengthening the UN role in the important areas of international cooperation, to promote strengthening of cooperation of Kazakhstan with this authoritative international organization, its specialized agencies, funds and programs.

An important milestone in the development of cooperation between Kazakhstan and the United Nations was the official visit of UN Secretary General Kofi Annan in Kazakhstan on October 17-18, 2002, which consolidated the results of ten years of cooperation between Kazakhstan and the UN, as well as to identify new prospects and interact [4, p. 6l].

Gained tremendous potential of the Republic of Kazakhstan to the UN Development Programme, UNICEF, the World Health Organization, the United Nations Environment Programme and other agencies in bringing to Kazakhstan expert, technical and financial support of the UN at the stage of state formation .

On the basis of unconditional compliance of the UN Charter, Kazakhstan is determined to make further efforts to strengthen the organization and the UN's central role in the overall system security.

Recognizing the primacy of the UN in addressing key issues of the contemporary world, Kazakhstan can not be a witness in that organization processes. Kazakhstan over fourteen years of independence has made an enormous contribution to the maintenance of international peace and security. Renunciation of nuclear weapons, the creation of confidence-building measures in Asia, strengthening integration processes in Eurasia, the promotion of dialogue between civilizations and religions - this is not a complete list of the steps taken by our government in accordance with the purposes and principles of the UN Charter. Kazakhstan has earned wide recognition in the United Nations as a state with a balanced and constructive approach to solving the world's problems [5].

Kazakhstan fully supports peacekeeping and UN efforts to strengthen its peacekeeping capabilities, and appreciates the steps taken to further expand the mandate of the UN Standby Arrangements System. Evidence of participation of Kazakhstan in this activity is to create Kazakhstan's peacekeeping battalion (Kazbat), a division which currently is serving in the stabilization force in Iraq.

Signed in 2003 a Memorandum of Understanding with the United Nations concerning the contributions to the UN system of preparatory activities, Kazakhstan, at this stage is ready to provide personnel for peacekeeping operations, armored vehicles and transport peacekeeping battalion "Kazbat" and interested in a more active role in the UN procurement system keeping world.

We support the expansion of cooperation between the UN and regional organizations and the strengthening of partnerships among regional organizations in the fight against organized crime, drug trafficking, illegal migration, religious extremism, poverty and HIV/AIDS.

Kazakhstan intends to use purposefully capabilities of the UN and its organizations to take concrete measures to mitigate the adverse economic and humanitarian impact of technological and environmental disasters, as the drying of the Aral Sea, the radioactive contamination of the Semipalatinsk test site, contamination of drinking water sources and the total reduction [6, p. 31l]. In this regard, special attention should be given to the active participation of Kazakhstan in the activities related to the implementation of the Millennium Development Goals and sustainable development. Kazakhstan's commitment to its obligations to implement these goals and principles should remain the cornerstone of the basis of the further expansion of cooperation with the UN and its organizations.

Since February 1992, representations of a number of special agencies, funds and programs of the UN system opened and active in Kazakhstan. Their activities are aimed at providing a broad technical, advisory and financial assistance to Kazakhstan.

Currently, the United Nations system in Kazakhstan is represented by 15 organizations: UNDP (United Nations Development Programme), UNICEF (UN Children's Fund), UNFPA (United Nations Population Fund), UNODC (United Nations Office on Drugs and Crime), UNHCR (Office of the High Commissioner for refugees), UNV (United Nations Volunteers), UNIFEM (United Nations development Fund for Women), ILO (International Labour Organization), UNESCO (United Nations educational, Scientific and Cultural Organization), WHO (World Health Organization), UNIDO (United Nations Industrial Development UN), World Bank (WB), IMF (International Monetary Fund), UN / AIDS (Joint United Nations Programme on HIV / AIDS) and DPI (Department of Public Information Office) [2].

1. UN Charter // Profile of Kazakhstan to the UN website [Electronic resource]. – Access of mode: http://www.un.org/ru/documents/charter/index. shtml. – Date of access: 21.01.2013.
2. Kazakhstan and the United Nations: cooperation for Peace, Security and Development // Official website of the UN in Kazakhstan [Electronic resource]. – Access of mode: http://www. zakon.kz/96001-kazakhstan-i-oon-vzaimodejjstvie-vo.html. – Date of access: 11.01.2013.
3. Nazarbaev, N.A. New priorities and tasks of foreign policy of Kazakhstan / N.A. Nazarbaev // Actual problems of Kazakhstan's foreign policy. Collection of articles. Ed. K.K. Tokayev. – Moscow: Russian rarity 1998. – P. 5 – 11.
4. Nursultan Nazarbayev's speech at the 47th session of the UN General Assembly October 5, 1992, the President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev took part in the jubilee session of the CICA.
5. Tokaev, K.K. Foreign policy of the Republic of Kazakhstan in the making of a new world order / K.K. Tokaev. – Moscow, 2001. – 263 p.
6. Retivih, A.V. Kazakhstan to the turn of the century. The historical role of the President of Kazakhstan N.A. Nazarbayev's geopolitical strategy in the formation of the state / A.V. Retivih. – Almaty: Gylym, 2000. – 360 p.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ПРИЗНАНИЕ ГОСУДАРСТВ В НАЧАЛЕ XXI в. (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОСОВО)

М.С. Довгялло (Минск)

В мировом сообществе постоянно происходят изменения: исчезают одни суверенные государства, на их месте появляются новые. Только в конце XX и начале XXI в. мир стал свидетелем исчезновения ряда государств и появления на их месте новых государственных образований. Так, например, на месте одного государства – Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) появилось шесть новых государств: Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория. В 1993 г. вместо Чехословацкой Республики были образованы два новых государства – Словакия и Чехия. В 2008 г. появились Республика Абхазия и Республика Южная Осетия в Закавказье, Республика Косово на Балканах. Существуют разные варианты международно-правового признания. Официальное окончательное правовое признание с установлением дипломатических отношений – признание de jure (де-юре), фактическое признание без установления дипломатических отношений – признание de facto (де-факто). Каждое государство вправе самостоятельно решать, признавать или нет новое самопровозглашенное государство. До сих пор единых критериев нет.

Известно, что принцип нерушимости границ, провозглашённый в Хельсинки, стал основой разрядки между двумя полюсами существовавшей тогда биполярной системы. Однако в условиях крушения коммунистических режимов в Европе в 1989 – 1991 гг. и распада многонациональных государств – Югославии и СССР – эти принципы были нарушены двумя декларациями. Они были приняты 17 декабря 1991 г. в Брюсселе на заседании министров иностранных дел стран-членов Европейского Сообщества. Первая из них – декларация о критериях признания новых государств в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза, содержала ссылки на Заключительный акт Хельсинского Совещания, Парижскую Хартию, принципы самоопределения, Устав ООН, права человека, права национальных меньшинств и этнических групп. Вторая – Декларация о Югославии, констатировала готовность стран ЕС признать независимость тех югославских республик, которые заявят о своём желании и подтвердят его принятием соответствующих обязательств [6, с. 91].

Несмотря на отсутствие договоренностей и решений Совета Безопасности (СБ) ООН, 17 февраля 2008 г. Ассамблея Косова единогласно и фактически в одностороннем порядке объявила о создании в пределах территории Косово независимого государства со столицей в Приштине. В «Декларации независимости Косова» указывалось: «Мы демократически избранные лидеры нашего народа, настоящим объявляем, что Косово – независимым и суверенным государством … Мы объявляем Косово демократической, светской и мультиэтнической республикой, руководствующейся принципами недискриминации и равной защиты, предоставляемой по закону ... Наша независимость подведет итог процессу жестокого распада Югославии» [2, с. 318 – 319]. 9 апреля 2008 г. парламент Косова одобрил «конституцию», которая вступила в силу 15 июня, а власти региона начали выдачу собственных паспортов. Появление независимого государства в Косове вызвало совершенно противоположную реакцию в Сербии и в мире.

Провозглашение независимости Косово разделило мировое сообщество на сторонников и противников этой акции. Содействуя стремлению лидеров албанских сепаратистов к одностороннему провозглашению независимости Косово, влиятельные международные организации, такие как НАТО, ЕС и их члены, ото-

шли от выполнения резолюции 1244 (10 июня 1999 г.) СБ ООН [1, с. 328 – 332], в которой подтверждаются суверенитет и территориальная целостность Республики Сербии, включая Косово и Метохию (КиМ). Уже в первые дни о своем намерении признать независимость Косова заявили такие ведущие страны Запада, как Великобритания, Франция, Германия, Италия, а также США. Страны-члены ЕС пришли к достаточно расплывчатому решению относительно признания независимости Косова: каждое государство «примет решение о своих отношениях с Косово в соответствии с собственной национальной практикой и международным правом». Вместе с тем, 18 февраля 2008 г. Афганистан, Тайвань и ряд других европейских государств первыми признали независимость Косова. Первой европейской страной такое решение приняла Франция, а затем к ней присоединились Великобритания и Италия. В тот же день независимость Косова признали в США. В августе миссия ООН, несмотря на протесты Сербии и России, приступила к передаче края под контроль Евросоюза.

Против признания независимости края выступили Россия, Испания, Кипр, Греция, Словакия, Беларусь, Болгария, Румыния, Китай. Однако, 19 февраля 2008 г. Болгария изменила свое решение и объявила, что в будущем признает суверенитет края. 20 февраля Германия признала суверенитет края. Кроме того, 9 стран, в числе которых Литва и Чехия, объявили о том, что признают независимость Косово де-факто, но не де-юре [3, с. 103].

Необдуманный и совершенный явно с подачи стран Запада и США шаг косоваров привел к дальнейшему ухудшению обстановки в самом Косове и вокруг него, в первую очередь в Сербии и многих странах ЕС. Сербия не признала независимость своего автономного края. Правительство приняло Постановление об аннулировании противоправных актов временных органов самоуправления в КиМ о провозглашении односторонней независмости. В обращении председателя правительства Республики Сербия В. Коштуницы к Народной Скупщине 18 февраля было сказано: «На территории суверенного государства Сербии противоправно было провозглашено лжегосударство Косово … Сербия на своей территории никогда не признает лжегосударство Косово, для государства Сербии край Косово и Метохия – составная и неотъемлемая часть страны» [2, с. 323 – 324]. Состоялись грандиозные митинги протеста в Белграде, Нише, других городах страны. Посольства ряда стран Запада, например, американское, подверглись нападению со стороны протестующих. Сегодня сепаратизм угрожает дестабилизацией всего ЕС, сербский пример заставляет задуматься многие страны. А некоторые из них даже осмелились на пассивное сопротивление Брюсселю – независимость Республики Косово не признали пять членов ЕС из 27 [10, с. 2].

Косово, оставаясь де-факто международным протекторатом, де-юре заполучило статус полупризнанного государства. В настоящее время суверенитет Косово признали 90 из 196 государств-членов ООН [5, с. 47] Вместе с тем, покровителям Приштины не удалось добиться для нее места ни в одной из международных организаций, за исключением Международного валютного фонда и Всемирного банка. Тяжелейшей остается и социально-экономическая ситуация в Республике Косово. Не снята острота хронической для автономии проблемы безработицы, самой высокой во всем регионе – более 40%. При этом 70% из них – молодежь. Около половины косоваров живет у черты бедности, а 14% еле сводят концы с концами [9, с. 46]. Сегодня США, Великобритания, Германия, Франция и Италия образуют так называемый «косовский квинтет» – то есть группу стран, выступающих главными идеологами и спонсорами косовской независимости.

Министерство иностранных дел России резко отреагировало на одностороннее провозглашение независимости Косово. В заявлении было сказано, что нарушен суверенитет Сербии, Устав ООН, резолюция 1244 СБ ООН, принципы Хельсинского Заключительного акта. Также российская сторона выступила за немедленный созыв чрезвычайного заседания Совета Безопасности ООН. По мнению министра иностранных дел России С. Лаврова, «одностороннее провозглашение независимости этого сербского края создает все новые проблемы, как в самом Косове, так и вокруг него … Россия поддержит любое решение, любую развязку, которая будет приемлема для Белграда»» [2, с. 410]. Статус Косова может быть определен только на заседании Совета Безопасности ООН и только на основе Резолюции 1244 официальная Москва, как заявил Лавров, выступает за диалог Белграда и Приштины.

Россия и Сербия потребовали также экстренного заседания СБ ООН для обсуждения косовской проблемы. Однако после консультации с Белым домом Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, ранее поддержавший план Ахтисаари, отказался оспаривать вопрос о лигитимности провозглашения независимости Косово, заявив, что независимость признается государствами, а не секретариатом ООН [3, с. 109 – 110]. Расположенный в Гааге Международный суд (МС) 22 июля 2010 г. вынес консультативное заключение о том, что декларация об одностороннем провозглашении независимости Косово от 17 февраля 2008 г. не нарушила международное законодательство. Как следует из вердикта суда, одностороннее провозглашение независимости Косово не нарушает международное законодательство, поскольку в нем не содержится запрета на подобные декларации. Другими словами, суд, отвечая на вопрос: «Соответствует ли одностороннее провозглашение независимости временными институтами самоуправления Косово нормам международного права?», просто констатировал, что данный вопрос международным правом в принципе не регулируется [11, с. 14]. Вердикт Международного суда по Косово – не победа, но и не окончательное поражение Сербии на правовом поле. Обращаясь к депутатам Народной скупщины Сербии 27 июля 2010 г. президент Б. Тадич признал – «решение Международного суда было тяжелым ударом для Сербии. – Мы находимся в очень непростой ситуации. Мы не можем защитить наши национальные интересы в КиМ без интеграции в ЕС, без хороших отношений с США, Россией и Китаем. […] Мы делаем все для достижения компромиссного решения, которое подразумевает, что одна сторона не может получить все, а другая – все потерять». По его словам, власти готовы обсуждать любые предложения, касающиеся шагов в отношении Приштины. Полностью исключены лишь две возможности: военная операция и разрыв отношений с ЕС. «Сербия никогда больше не будет воевать в Косово. Война – это тот путь, который ведет к необратимой потере наших позиций», – подчеркнул президент [9, с. 47 – 48].

В Косово 14 – 15 февраля 2012 г. состоялся референдум о статусе населенных сербами северных районов края. Подавляющее большинство сербов, как и ожидалось, не признали независимость Косово и приштинские властные структуры. Против признания приштинских властей на референдуме в Северном Косово проголосовали 99,74% граждан, принимавших участие в голосовании. На вопрос «признаете ли вы властные институты так называемой Республики Косово» «да» ответили лишь 69 человек, или 0,26% из всех принявших участие в голосовании. Общая явка составила 75,28% из 35 тысяч зарегистрированных избирателей [4, с. 45]. Референдум послал международному сообществу ясный сигнал: косовские сербы ожидают уменьшения давления на северную часть края, и международное сообщество должно изменить свой подход к решению накопившегося там множе-

ства проблем, занять более взвешенную и беспристрастную позицию и перестать во всем поддерживать лишь албанскую сторону.

Казус Косово уникален, прежде всего, тем, что это первый, но возможно, не последний в Европе случай провозглашения национальным меньшинством своего государства при наличии международно-признанной национальной государственности этого меньшинства – Албании. Результаты исследования, проведенного Программой развития ООН в октябре – декабре 2006 г., продемонстрировали, что лишь 2,5% косовских албанцев считают объединение Косова с Албанией наилучшим способом решения косовского вопроса. И наоборот, 96% опрошенных выступили за то, чтобы Косово стало независимым в своих нынешних границах [7, с. 141] Согласно итогам опроса, проведенного агентством «Гэллап Балкан Монитор» в январе 2010 г., подавляющее большинство граждан Албании и Косова выступили за создание «Великой Албании». О поддержке идеи утвердительно ответили 74,2% респондентов в Косове и 70,5% – в Албании. На протяжении 2010 г. уровень симпатий к идее «Великой Албании» в Косове еще больше вырос и достиг 81% [8, с. 28 – 29].

Страны мирового сообщества стали сторонами в конфликте, у них имелись серьезные геополитические интересы в данном регионе, осуществлялась формальная или неформальная поддержка одной из сторон конфликта. ООН фактически была отстранена от участия в урегулировании конфликта, другие международные организации фактически поддерживали одну из сторон; предъявлялись ультиматумы и размены, которые не могли быть выполнены одной из сторон. Процесс косовского урегулирования формально остается в сфере компетенции ООН, но на практике осуществляется модель передачи миротворческой миссии от универсальной к региональной многосторонней структуре в лице ЕС без должных политических гарантий мирного преодоления конфликтой ситуации в Косово и вокруг него. Недаром режим в Республике Косове до сих пор покоится на иностранном военном и гражданском присутствии. ЕС и США стали опорами «институтов албанской власти в Косове» – власти, которая находится на четвертом месте в мире по уровню коррупции и в настоящее время располагает около 460 000 единиц различного вида вооружения [12, с. 642].

Можно предположить, что международно-правове признание Республики Косово произойдет только через несколько десятков лет, когда эту территорию в качестве независимой признают все великие державы мира, Сербия и ООН. Однако, ситуация урегулирования в данном противостоянии достаточно стабильна и может обеспечить бесконфликтное существование Сербии и Косово, их политическое и экономическое развитие в рамках ЕС. Технология завершения конфликта, которая была использована в данном противостоянии, основывалась на реализации миротворческого плана М. Ахтисаари (2007 г.) [2, с. 121], который устроил большинство западных стран и ряд международных организаций. В основе данного плана лежит принцип ограниченной независимости Косово, а основную роль внешнего урегулирования призвана играть миссия ЕС. Отличительные действия дипломатии ЕС применительно к Сербии на нынешнем этапе заключается в том, что условие признания ею независимости Косова не является обязательным, нужна «конструктивная позиция» относительно участия в региональных организациях и действий «приштинской власти», т.е. все, кроме формального признания независимости. Германия, Франция и Англия предупредили Сербию, что попытка поставить вопрос об открытии переговоров о статусе Косова будет пресечена [12, с. 656].

Таким образом, проблема признания новых государств на международной арене ввиду её необычной сложности продолжает привлекать внимание не только ученых, но и политиков, общественных деятелей, сотрудников дипломатических учреждений. Именно Республика Косово наиболее ярко высветила вопросы международно-правового признания, породила острую полемику в подходах различных международных организаций и государств.

1. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 2 (1998 – 1999 гг.). – М.: Индрик, 2007. – 384 с.
2. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 4 (2006 – 2010 гг.). – М.: Индрик, 2011. – 512 с.
3. Арбатова, Н. Независимость Косово и взаимозависимый мир / Н. Арбатова // Год планеты: ежегодник / гл. ред. В. Г. Барановский; Ин-т мировой экономики и международ. отношений РАН. – М.: Наука, 2008. – Вып. 2008 г.: Экономика, политика, безопасность. – С. 101 – 114.
4. Варивода, С. Уроки референдума в Косово / С. Варивода // КОМПАС. – 2012. – 1 марта, № 10. – С. 45 – 51.
5. Варивода, С. Конец “контролируемой независимости” Косово: перемен не ожидается / С. Варивода // КОМПАС. – 2012. – 27 сентября, № 40. – С. 44 – 50.
6. Волков, В.К. Многострадальный регион / В.К. Волков // Современная Европа. – 2004. – №4. – С. 75 – 93.
7. Искендеров, П. «Казус Косова»: уникальный случай или опасный прецедент? / П. Искендеров // Международная жизнь. – 2011. – № 2. – С. 138 – 146.
8. Искендеров, П. Косово: исторические, военно-политические и международно-правовые аспекты проблемы / П. Искендеров // Международная жизнь. – 2011. – № 10. – С. 20 – 33.
9. Нарышкин, А. Вердикт Международного суда по Косово – не победа, но и окончательное поражение Сербии на правовом поле / А. Нарышкин // КОМПАС. – 2010. – 5 августа, № 33. – С. 45 – 55.
10. Романова, Н. Историю делают личности, которых поддерживает народ / Н. Романова // Советская Белоруссия. – 2013. – 14 марта, № 47. – С. 2.
11. Федорова, М. Косово: противоречивое решение Международного суда создает опасный прецедент / М. Федорова // КОМПАС. – 2010. – 29 июля, № 32. – С. 14 – 17.
12. Филимонова, А.И. «Евроатлантическая интеграция» Сербии: проблемы и перспективы на современном этапе / А.И. Филимонова // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / Отв. ред. К.В. Никифоров. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 775 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ УКРАИНЫ И ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

И.И. Мудриевская (Киев)

Актуальность исследования определяется необходимостью обновления и интенсификации двусторонних украинско-чешских отношений, которые длительное время базировались на активном сотрудничестве в сфере евроатлантической интеграции. Провозглашение внеблокового статуса Украины и политические изменения в обеих странах детерминируют задачу поиска нового базиса двусторонних отношений.

Приоритетность евроинтеграционной стратегии обусловливает высокую важность для Украины двусторонних отношений с государствами Центрально-Восточной Европы. Чехия, в свою очередь, поддерживает евроинтеграционный курс Украины и стремится играть ведущую роль в выработке и практической реализации «восточного вектора» внешней политики и политики безопасности Евросоюза, в первую очередь, – относительно Украины.

Начальный период двусторонних украинско-чешских отношений (1990-е – 2003 гг.) не был обозначен активным развитием политического диалога и характеризовался декларативностью политических межгосударственных отношений. Среди причин – разные внешнеполитические ориентации и разные темпы полити-

ческих и экономических реформ в Чехии и Украине. Так, в 1990-е гг. в Чешской Республике начали формироваться основы гражданского общества, парламентской демократии, а радикальные реформы в экономике заставили говорить о «чешском экономическом чуде». Общественно-политическое развитие в Украине характеризовалось отсутствием четко сформированной внешнеполитической стратегии и слабым социально-экономическим развитием.

Первый официальный визит украинской делегации во главе с министром иностранных дел Украины А. Зленком в ЧР состоялся 17 марта 1993 г. В ходе визита А. Зленко провел переговоры с президентом Чехии В. Гавелом и председателем правительства В. Клаусом, в результате которых был парафирован Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между двумя странами. 2 июня 1993 г. с целью обсуждения перспектив развития политического и экономического сотрудничества между двумя государствами Украину посетила официальная парламентская делегация ЧР во главе с председателем Чешского Национального Совета М. Угде [3, с. 68].

25 – 26 апреля 1995 г. с официальным визитом в ЧР прибыл президент Украины Л. Кучма. Во время визита был подписан «Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Украиной и Чешской Республикой», согласно которому предполагалось двустороннее широкомасштабное сотрудничество. 30 июня – 2 июля 1997 г. президент Чехии В. Гавел посетил Украину с официальным визитом, в результате которого было подписано 8 соглашений [3, с. 74 – 75]. После обмена государственными визитами президентов Украины и Чехии политические контакты на высоком уровне в определенной степени утратили свою динамику. С чешской стороны это было вполне логично, ведь для нее этот период был наиболее ответственным в плане подготовки к вступлению в ЕС [2, с. 411].

В течение 1990-х – начала 2000-х гг. страны активно сотрудничали в международных организациях. При активной поддержке ЧР в 1995 г. (период председательства ее в СЕ) Украина стала членом СЕ, а в 1996 г. Чехия содействовала Украине в членстве в ЦЕИ. Украина, в свою очередь, поддержала кандидатуру чешского министра иностранных дел Я. Кавана на должность председателя ГА ООН в 2002 г. и бывшего министра иностранных дел Чехословакии Й. Динсберга на должность верховного комиссара ООН по правам человека [3, с. 119].

Перспектива вступления Чехии в Евросоюз детерминировала необходимость пересмотра договорно-правовой базы между Украиной и ЧР. Именно поэтому 28 апреля 2000 г. ЧР заявила о денонсации договора о безвизовом режиме для граждан Украины, а в 2003 г. ЧР денонсировала еще четыре соглашения. Отметим, что Украина была довольно активной в вопросах выработки новых договоров и соглашений, передав чешской стороне обновленные проекты 10 соглашений [3, с. 106 – 107, 118, 125]. Началу нового этапа отношений между Украиной и Чехией с позиции будущего членства последней в ЕС был посвящен визит министра иностранных дел Украины А. Зленка в ЧР 23 – 24 апреля 2003 г.

Однако, отдельные украинские ученые подчеркивают, что современные украинско-чешские отношения начались после «оранжевой революции» и соответствующего изменения политической элиты в Украине, а до 2004 г. двусторонние отношения носили декларативный характер [4, с. 176]. Стоит отметить, что ЧР внимательно следила за президентскими выборами в Украине осенью 2004 г. Чехия приветствовала политические изменения и активизацию гражданского общества в Украине [5]. Разделяя отдельные оценки П. Черник, мы считаем, что весомым фактором активизации сотрудничества между Украиной и ЧР в новых геополитических условиях стало именно вступление Чехии в Евросоюз.

В новых геополитических условиях важным был официальный визит в Украину 14 – 16 июня 2005 г. президента ЧР В. Клауса, который заявил о поддержке

евроинтеграционных интересов Киева. В. Клаус провел переговоры с украинским президентом В. Ющенко, который подтвердил заинтересованность Украины в реализации совместных энергетических проектов. В январе 2007 г. во время официального визита министра иностранных дел Украины Б. Тарасюка в ЧР была принято Совместное заявление министров иностранных дел Чешской Республики и Украины о сотрудничестве в реализации плана действий Украина-ЕС [5].

После вступления Чехии в Евросоюз отдельные аналитики охарактеризовали ее позицию по отношению к Украине пассивно-положительной, что означает соблюдение чешской стороной консенсуса принятых решений ЕС, которые удовлетворяют интересы Украины или наоборот. Однако, по нашему мнению, на начальном этапе своего пребывания в ЕС, ЧР еще не могла играть роль весомого политического игрока в данном образовании. Со временем ситуация изменилась, подтверждением чего является позиция ЧР во время председательства в Евросоюзе (первое полугодие 2009 г.). Одним из приоритетов политики чешского председательства стала концепция укрепления контактов с Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной для выработки естественного баланса равновесия политики соседства ЕС, представленной на Западе, в частности, трансатлантическим сотрудничеством с США, и на юге – проектом «Союз для Средиземноморья». ЧР выступила не только инициатором внедрения политики «Восточного партнерства», но и активным ее проводником, о чем указано в Отчете внешней политики ЧР за 2010 г. [5].

В 2009 г., несмотря на газовый кризис, двусторонний политический диалог между Украиной и Чехией продолжался. Так, в январе 2009 г. с целью решения газового кризиса были проведены переговоры в Киеве между премьер-министром Чехии М. Тополанеком и президентом Украины В. Ющенко, премьер-министром Ю. Тимошенко. По приглашению президента ЧР В. Клауса 24 – 25 марта 2009 г. с официальным визитом находился в Праге президент Украины В. Ющенко [5].

В целом, на протяжении 2008 – 2009 гг. политические контакты между Украиной и Чехией были очень насыщенными. Динамика несколько снизилась из-за избирательных кампаний в 2010 г. как в Украине, так и в ЧР. Последний визит Президента Украины в ЧР состоялся в 2009 г., а дата соответствующего визита в Украину с чешской стороны еще не определена. По состоянию на 19 декабря 2011 договорно-правовая база между Украиной и ЧР насчитывала 51 соглашение [1].

Дестабилизирующим фактором в политическом диалоге последних лет стало предоставление в январе 2011 г. Чехией убежища бывшему министру экономики Украины Б. Данилишину, против которого в Украине было возбуждено уголовное дело. ЧР заняла принципиальную позицию в этом вопросе, выражая обеспокоенность дальнейшим развитием двусторонних отношений с Украиной и укреплением отношений между Украиной и ЕС. Для чешской стороны соблюдения прав человека является традиционно важным. В свою очередь, украинская сторона считает решение Чехии политически мотивированным.

Сотрудничество Украины и Чехии происходит и в рамках Вышеградской группы. В годовом отчете председательства ЧР в четверке в течение 2003 – 2004 гг. упоминается о проявленном интересе украинской стороны к сотрудничеству со странами Вышеградской группы. В годовом отчете председательства ЧР в четверке в течение 2007 – 2008 гг. подчеркнуто, что в указанный период Чехия и соответственно страны Вышеградской группы значительное внимание уделили поощрению интеграции и европейской ориентации стран Восточной и Юго-Восточной Европы, в том числе и Украины. В программе председательства ЧР в Вышеградской группе на 2011 – 2012 гг. было отмечено, что Чехия намерена поддерживать активизацию деятельности четверки в рамках «Восточного партнерства» в соот-

ветствии с общим заявлением о «Восточном партнерстве», принятым странами Вышеградской группы с Германией в марте 2011 г. в Братиславе. Наряду с этим, чешское председательство предусматривало проведение консультаций с экспертами Молдовы, Грузии, Азербайджана и Украины. Также планировалось открытие Вышеградского представительства в Украине (Крыму) [6].

По нашему мнению, основными перспективными и приоритетными направлениями украинско-чешского сотрудничества являются: 1) взаимодействие двух государств в рамках инициативы ЕС «Восточное партнерство» с целью повышения ее эффективности; 2) интенсификация сотрудничества Украины с ЧР через Вышеградскую группу в формате В4 +1; 3) усиление сотрудничества межправительственных структур в вопросах транспортно-энергетической сферы.

Итак, первый этап двусторонних украинско-чешских отношений (до вступления ЧР в ЕС) характеризуется слабостью двустороннего политического диалога (имели место периодические обмены делегациями представителей власти между двумя государствами). Однако, плодотворным было сотрудничество Украины и Чехии в международных организациях. Вступление Чешской Республики в ЕС детерминировало стандартизацию согласно требованиям Евросоюза договорно-правовой базы между двумя государствами, что стало причиной денонсации Чехией некоторых договоров и соглашений.

После вступления ЧР в Евросоюз начался качественно новый этап в двусторонних украинско-чешских отношениях. Избрание в 2005 г. В. Ющенко президентом Украины способствовало углублению сотрудничества между двумя странами в новых геополитических условиях. ЧР начала поддерживать евроинтеграционные устремления Украины с позиции членства в Евросоюзе, особенно после периода ее председательства в ЕС и введения инициативы «Восточное партнерство». На современном этапе Чехия прилагает значительные усилия для повышения эффективности данного формата сотрудничества. Активным является сотрудничество Украины и Чехии в рамках Вышеградской группы.

Украинско-чешские политические отношения не лишены проблемных вопросов, однако, с другой стороны, они имеют значительные перспективы и неиспользованные резервы. Так, есть надежда, что чешская внешнеполитическая активность на украинском направлении и в дальнейшем сосредоточится в плоскостях поддержки европейской интеграции и поддержки демократических процессов и программ развития страны. А внешнеполитические устремления нашей страны будут иметь не декларативную, а реальную европейскую ориентацию с соблюдением европейских демократических ценностей.

1. Договорно-правовая база между Украиной и Чехией // Посольство Украины в Чешской Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://czechia.mfa.gov.ua/ua/ukraine-czechia/legal-acts. – Дата доступа: 3.03.2013.
2. Калінічева, Г.І. Стратегеми взаємин України з країнами Вишеградської групи / Г.І. Калінічева // Україна в Європі: контекст міжнародних відносин / За редакцією доктора історичних наук, професора А.І. Кудряченка. – К.: Фенікс, 2011. – 632 с.
3. Корсак, Р.В. Українсько-чеське міждержавне співробітництво в 1991 – 2005 рр. / Р.В. Корсак; Закарпат. держ. ун-т. – Ужгород: Гражда, 2007. – 208 с.
4. Черник, П. Україна в геополітичних концепціях Чехії та Словаччини XX ст. / П. Черник // Українська національна ідея: реалії та перспективи розвитку. – 2009. – Вип. 21. – С. 172 – 179.
5. Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.mzv.cz/en. – Date of access: 3.03. 2013.
6. Visegrad Group [Electronic resource]. – Mode of access: http:// www.visegradgroup.eu/. – Date of access: 3.03. 2013.

ОЦЕНКА СИСТЕМЫ УКРАИНСКО-ПОЛЬСКИХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1991–2004 гг.)

В.И. Наконечный (Николаев)

Сегодня большинство западных исследователей, работающих по региону Восточной Европы постсоветского периода, обращаются к опыту Польши в контексте ее государственного развития и вхождения в ЕС, как к позитивному образцу [7, с. 4], противопоставляя ей опыт Украины, как негативный в этом отношении. При этом, ведущие специалисты склонны оперировать понятиями системных взаимоотношений Польши и ЕС, а также Польши с Украиной [3, с. 182], выделяя последние для детального анализа и оценки единой или схожей ситуации, развитие которой происходит в различных вариантах.

В этом отношении имеется ряд проблемных вопросов и взаимоисключающих оценок, но в первую очередь наиболее спорным является проблематика системности взаимоотношений между Польшей и Украиной. Обе страны в прошлом были объединены в пределах польско-литовского государства – Речи Посполитой и имеют тесные исторические, политические, этнические и социально-экономические связи. Новый виток этих отношений пришелся на начало 1990-х гг., когда после распада СССР Польша приобрела истинную независимость, и практически одновременно с этим появилось новое государство – Украина.

Обе соседские страны активно развивали между собой политические и экономические взаимосвязи, справедливо усматривая в них возможность для обоюдной политической взаимоподдержки и выхода из тяжелого экономического положения [2]. Указанные взаимосвязи политические лидеры Украины и Польши попытались сформировать на системной основе, оценка которой и является целью данной работы. Для достижения указанной цели был поставлен ряд задач, основными из которых являлись: изучение основных компонентов системы; определение ключевых факторов влияния на систему межгосударственных взаимоотношений. Актуальность поставленных задач связана с возможностью определения общих закономерностей существования исследуемой системы и построения на их основе вероятностных прогнозов дальнейшего развития. В методическом плане исследование основано на поиске соответствия общей структуры, компонентов системы и их взаимосвязей, классическим принципам построения системных образований и соответственным методикам системного анализа.

Рассматривая состояние межгосударственных взаимоотношений Украины и Польши в период 1991 – 2004 гг. (до вхождения последней в ЕС), необходимо отметить несколько изначально важных особенностей: Польша не была настолько интегрирована в социально-политическую и экономическую систему СССР, как Украина; население Польши в абсолютном своем большинстве было ориентировано на Европу, на демократические принципы организации и управления государством [7, с. 8]; экономика Польши не была в столь серьезном развале, как в Украине, и к тому же имела достаточно мощный внешний рынок в лице стран СНГ, предоставляя последним, как продукцию сельского хозяйства, так и разнообразную продукцию хозяйственно-бытового назначения [2]; в Польше к власти пришли новые политики, практически не связанные с управленческими кадрами времен СССР и ориентированные на «западную» модель экономики [1, с. 216]; в Украине в этот период возникли процессы формирования олигархических кланов, выходцы из которых в скором времени стали основными управленцами и ведущими политиками, которые до настоящего времени формируют политический климат страны [5, с. 41 – 42].

Учитывая данные особенности, закономерен вопрос – имела ли место быть в рассматриваемый период система политических взаимоотношений между Украиной и Польшей и какова была ее функция? Ответить можно положительно. Естественно, оба основных компонента системы (Украина и Польша) одновременно находились в состоянии зависимости от ряда внесистемных элементов, влияние которых придавало им статус управляющих. В числе таких элементов, несомненно, выступали США, ЕС, Россия и страны СНГ, страны Балтии, Балкан, а также надгосударственные военно-политические организации типа НАТО [4, с. 311; 6, с. 73]. Влияние указанных компонентов носило достаточно стабильный, но часто взаимопротивоположный характер, лимитируя объемы и направленность украинско-польских политико-экономических взаимоотношений. При этом характер взаимосвязей между различными элементами системы был различным. С одними элементами у Украины и Польши более тесная взаимосвязь, которая обусловлена, как социально-историческими (Украина – Польша, Украина – РФ), так и геополитическими и экономическими факторами (Польша – ЕС, ЕС – США, США – страны Балтии). Закономерно в этой системе наблюдается и более шаткая взаимозависимость. Ярко выраженным примером такой связи выступает характер взаимоотношений между РФ и ЕС, а также странами Балтии и несомненно, что одной из причин данной ситуации является мощное влияние ЕС и США, как основных международных объектов в регионе [1, с. 247; 8].

Эфемерность СНГ, как наднационального образования и его экономическая слабость обусловили, то, что предопределяющим фактором на геополитической карте Европы стал ЕС. Данное обстоятельство, в некоторой мере содействовало образованию внешнеполитического вакуума вокруг Украины, поскольку официально провозглашенный курс на европейскую интеграцию и любые попытки его осуществления столкнулись с острыми внутриполитическим проблемами, как экономического, так и социально-политического характера. Украина оставалась буферной зоной между ЕС и РФ, что фактически, было выгодно обеим сторонам – РФ имела дополнительный рынок сбыта своих, относительно низкокачественных и дешевых товаров, а также возможность манипуляции с помощью «газового вентиля» [5, с. 47]. А США и ЕС рассматривали территорию Украины, как будущий плацдарм для развертывания геополитического противостояния с Россией в регионе Восточной Европы, что фактически и произошло в 2004 г.

Система украинско-польских межгосударственных взаимоотношений отыгрывала большое значение на геополитической карте Европы в указанный период, что подтверждается наличием множества взаимосвязей различного характера с иными системными образованиями. Структура указанной системы представлена двумя основными элементами: Украиной и Польшей, а спектр взаимоотношений между ними определен общей тысячелетней историей и объективными реалиями современных международных отношений. Важным моментом является влияние на указанные компоненты со стороны множества внесистемных элементов, в основном представленных такими государственными образованиями, как РФ и США, и такими надгосударственными образованиями, как ЕС, СНГ и НАТО. Различные внешнеполитические доктрины, стремление достигнуть геополитического и экономического превосходства со стороны данных элементов, не всегда благоприятно влияли на становление украинско-польских взаимоотношений и в значительной мере способствовали выделению их в буферную зону между Востоком и Западом.

1. Асиметрія міжнародних відносин / під ред. Г.М. Перепелиці, О.М. Субтельного. – К.: Видавничий дім «Стилос», 2005. – 552 с.

2. Афанасьєв, І.Ю. Зміни обсягу польсько-українського товарообігу у 1992 – 2000 рр.: основні причини / І.Ю. Афанасьєв // Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського [Електронний ресурс]. – 2003. – Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/naukma/Ist/2003_21/08_afanasyev_iyu.pdf. – Дата доступу: 12.12.2012.
3. Богатуров, А.Д. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталев. – М.: НОФМО, 2002. – 390 с.
4. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
5. Еволюція зовнішньої політики України (1991 – 2006 рр.) / С.В. Віднянський, А.Ю. Мартинов // Укр. іст. журн. – 2006. – № 4. – С. 32 – 51.
6. Мельникова, І.М. Україна у взаємовідносинах з прикордонними державами Центрально-Східної Європи: створення міжнародно-правових підвалин добросусідства і співробітництва (90-ті роки) / І.М. Мельникова // Україна в європейських міжнародних відносинах. – К., 1998. – С. 59 – 87.
7. Чорна, Н.М. Інтеграція Польщі до НАТО та ЄС: особливості, основні етапи і наслідки (кін. 80-х рр. XX ст. – 2005 р.): автореф. дис ... канд. іст. наук / Н.М. Чорна; Чернів. нац. ун-т ім. Ю. Федьковича. – Чернівці, 2008. – 20 с.
8. Pisarski, M. Relations between Poland and the United States // Yearbook of Polish Foreign Policy / M. Pisarski // Center for Russia, East Europe&Central Asia University of Wisconsin-Madison [Electronic resource]. – 2007. – Mode of access: http://www.creeca.wisc.edu/images/events/posters/Fall2011/Pisarski_USPoland.pdf. – Date of access: 10.02.2013.

СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ

Ю.А. Седляр (Киев)

В современных реалиях повышения конфликтности международных отношений на первый план выходит проблема международного вмешательства в конфликты с целью их предотвращения, урегулирования, разрешения и нивелирования негативных последствий, поскольку конфликты представляют собой угрозу и дестабилизирующий фактор, как для отдельных соседних национальных государств, так и для целых регионов. Когда речь идет о вмешательстве в конфликт кого-либо (кроме самих его участников) с целью урегулирования, используют общее понятие «третья сторона» [1, с. 181]. Среди средств воздействия третьей стороны принято различать оказание помощи в нахождении мирного решения и использование переговорного подхода, в том числе путем прямого посредничества и наблюдения за ходом переговоров, с одной стороны; а также принуждение, оказание давления путем применения санкций, блокад и иных мер.

Введение санкций не зависит от воли конфликтующих сторон и в классическом варианте должно происходить по решению специально уполномоченных международных институтов в случаях угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии. На практике же санкции нередко применяются по решению только одного государства или группы государств, при военных столкновениях и в ситуациях, в которых вероятность развития вооруженного сценария ничтожно мала. В связи с этим М. Лебедева справедливо отмечает, что санкции не решают проблемы политического урегулирования и нередко приводят к изоляции стран от внешнего мира, что ограничивает возможности поиска разрешения конфликта мирными средствами [1, с. 236]. Анализ политических последствий применения экономических санкций может усложняться и тем, что нередко санкции маскируются под видом применения к конфликтующим сторонам или к одной из сторон неких ограничительных мер или новых режимов (таможенного, пограничного и др.) [4].

Однако каковой бы не была конфигурация применяемых экономических санкций, все они предусматривают достижение результата через нанесение материального ущерба целевому государству (целевым является государство, против которого применяются международные санкции – Авт.), и, таким образом, приво-

дят к серьезным негативным последствиям в мировой политике и вследствие этого выступают не механизмом урегулирования, а инструментом неизбежного обострения конфликтов и кризисов. В свою очередь, негативные последствия применения экономических санкций в академической литературе принято называть политическими рисками [7], которые рассмотрим более детально.

Во-первых, в силу специфики своего влияния экономические санкции негативно воздействуют на экономические процессы государства, что приводит к дезорганизации государственного управления, деградации политических и финансовых институтов, снижению уровня культуры в целом.

Так, в специальном докладе, подготовленном специалистами ООН, отмечается, что в период до наложения санкций социально-экономические показатели Ирака были достаточно высокими. ВНП в 1989 г. был на уровне 75,5 млрд. дол. США для населения численностью 18,3 миллиона человек. Рост валового национального продукта составил в среднем 10,4% с 1974 г. до 1980 г. К 1988 г. ВНП на душу населения насчитывал $3510, неграмотность к концу 1990-х гг. была уменьшена на 20% [3, с. 185]. После введения санкций ситуация резко изменилась, катастрофически упал уровень жизни – среднемесячная зарплата в стране составляла $5 – 15, в то время как до введения санкций она достигала $400. Ухудшение в экономике страны привело к увеличению смертности с 50 чел./100000 в 1989 г. до 117 чел./100000 в 1997 г. По данным ЮНИСЕФ, детского фонда ООН, в стране наблюдалось драматическое увеличение смертности детей 5-летнего возраста. Количество случаев рождения детей с низким весом (меньше, чем 2,5 кг) повысилось от 4% в 1990 г. к почти четверти из зарегистрированных рождений в 1997 г., главным образом, из-за материнского недоедания [2; 15].

Удушающее воздействие оказали экономические санкции на социально-экономическую ситуацию в бывшей Югославии и Гаити. Значительное ухудшение состояния экономики в бывшей Югославии подтверждается уровнем безработицы, составившей приблизительно 1 млн. чел. в стране с населением 11 млн. чел., гиперинфляцией, которая достигала 1880% в месяц в августе 1994 г. и возрастанием уровня смертности на 10% [13]. В Гаити, по данным ООН, лишь за полгода действия экономических санкций из-за нищеты и голода более 300 тыс. человек вынуждены были иммигрировать в соседние страны [11, с. 72], безработица в отдельных отраслях производства достигала 80% [6, с. 10 – 14].

Как видим, во всех трех случаях наблюдалась деградация экономики, которая приносила угрожающие сдвиги в демографической структуре населения, приводила к миграции трудоспособного населения. И при этом отметим низкую политическую эффективность санкций в целом.

Во-вторых, резкое ухудшение экономической ситуации способно стимулировать радикальные настроения, как внутри политических элит, так и среди разных слоев населения. Зачастую эти последствия влияют и на ход переговорных процессов и степень общественного доверия к посредническим институтам, поскольку беспристрастность третьей стороны ставится под сомнение [4].

В-третьих, применение санкций часто ведет к изменению региональной системы сотрудничества, в которую вовлечено целевое государство, что происходит вследствие разрыва связей с геополитическими соседями. В каждом отдельном случае применения санкций конфигурация сил на региональном уровне будет сдвигаться прямо пропорционально потенциалу влияния целевого государства, и в зависимости от степени его интеграции в региональные объединения. При этом государству, которое инициирует применение санкций, следует учитывать стохастичную природу международной среды, которая способна, аккумулируя вызов

санкций, создать на региональном уровне структуры, действующие на разрушение глобальной международной системы.

В-четвертых, применение стратегии экономических санкций контрпродуктивно для разрешения конфликтов в так называемых «failed states», географически расположенных преимущественно на Африканском континенте. Американский африканист В. Рено называет главной причиной такого положения вещей то, что при применении санкций против африканских стран остро стоит проблема мониторинга их внутриполитической ситуации, определения траектории развития в целом. Ситуация обостряется тем, что в условиях слабого государственного управления применение экономических санкций формирует экономику войны, которая смывает грани между военно-политическими и криминальными группами, желающими воспользоваться ситуацией и заработать на теневых схемах поставок вооружений и контрабандных товаров [14]. Более того, дополнительным фактором обострения напряженности при применении санкций против данной группы государств может стать желание соседних держав решить внутриполитические противоречия на территории целевого государства. Весь спектр перечисленных угроз довольно прозрачно наблюдался при урегулировании кризиса в Судане [12, с. 67 – 70], до провозглашения независимости Южного Судана в 2011 г. Вместе с тем, региональные организации Африки, и прежде всего Африканский Союз, последовательно укрепляют институт санкций объединения для их эффективного использования против государств-членов с целью продвижения демократии на континенте, защиты прав человека, обеспечения региональной стабильности в целом [5; 9; 10].

В-пятых, очевидные негативные последствия применения экономических санкций в контексте управления международными конфликтами и кризисами способны продуцировать протестные настроения в государстве или группе государств, которые инициировали формирование режима санкций. Данные политические риски могут создаваться через активную деятельность диаспоры либо посредством работы групп интересов, заинтересованных в сохранении торгово-экономических и политических связей с целевым государством. Указанные риски привели к тому, что США, применив в мае 1998 г. санкции против Индии и Пакистана за их ядерные испытания, вынуждены были значительно их урезать уже в октябре 1998 г., приняв так называемую поправку Браунбека-1, впоследствии усиленную через утвержденную в июне 1999 г. поправку Браунбека-2.

В-шестых, применение экономических санкций способно ослабить международно-политическое положение государства-инициатора принудительного воздействия, сдвинуть систему баланса сил в непредвиденном для него направлении, очертить новые разделительные геополитические линии. Следует признать, что оценка возникновения подобных региональных рисков в 1994 г. легла в основу формирования экспертами Пентагона концепции применения санкций против государств, нарушающих Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯЗ) [8]. Администрация Клинтона на основе критерия «враждебности или невраждебности» США разделила страны-пролифераторы на те, с наличием ядерного оружия у которых она готова смириться (Израиль, Индия, Пакистан), и те, которых ни в коем случае нельзя допускать к нему (Иран, Ирак и Северная Корея). Двойные стандарты дипломатии могут наблюдаться на примере применения экономических санкций против Китая и Кубы. Так, учитывая высокую вероятность использования Китаем средств нивелирования негативных последствий применения экономических санкций, Белый дом ограничился в данном эпизоде лишь эмбарго на поставки вооружений и товаров двойного назначения, в то же время оставив в си-

ле жесткий пакет экономических санкций против Кубы, к которой США выдвигают политические требования, аналогичные предъявленным Пекину.

Существование двойных стандартов и двойной морали в применении экономических санкций представляет наибольшую угрозу для функционирования данного инструмента реагирования на международные конфликты и кризисы. Ведь, несмотря на то, что санкции по сравнению с военной интервенцией считаются более мягким и бескровным механизмом принуждения к миру, они все же зачастую не оправдывают надежд их инициаторов, создавая негативные международно-политические последствия. В связи с этим, как нам представляется, необходимо более взвешенно подходить к применению экономических санкций, прежде всего в рамках СБ ООН, учитывать, что мир неоднороден, а его стабильность должна поддерживаться коллективными усилиями всех участников мировых политических процессов, основываться на силе права, а не праве силы.

1. Лебедева, М. Политическое урегулирование конфликтов: Учебное пособие / М. Лебедева. – М.: Аспект-Пресс, 1999 – 271 с.
2. Рост детской смертности в Ираке // Демоскоп weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/006/strimir08.php#5. – Дата доступа: 10.03.2013.
3. Тамир, Муаффак Зияд. Политико-правовые и социально-экономические последствия применения санкций к Ираку / Муаффак Зияд Тамир // Часопис Київського університету права. – 2008. – № 2. – С. 184 – 188.
4. Штански, Н. Основные методы и механизмы действий по урегулированию и разрешению современных этнополитических конфликтов / Н. Штански // МГИМО Университет МИД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files/172217/shtansky_ethnopol-konflicts_ methods-mech. pdf. – Режим доступа: 10.03.2013.
5. Constitutive Act of the African Union, 2000 // The African Union Commission [Electronic resource]. – Access mode: www.africa-union.org/root/constitutiveact/document_pdf. – Date of access: 10.03.2013.
6. Gibbons, E. Sanctions in Haiti: Human Rights and Democracy Under Assault / E. Gibbons. – Greenwood Publishing Group, 1999. – 138 p.
7. Hufbauer G. Economic Sanctions / G. Hufbauer, J. Schott and K. Elliot. – Washington: Institute for International Economics, 2007. – 234 p.
8. Krauthammer, Ch. Heading off Nuclear Outlaws / Ch. Krauthammer // The Washington Post. – 1994. – 1 April. – P. A25.
9. Lomé Declaration of July 2000 on the framework for an OAU response to unconstitutional changes of government (AHG/Decl.5 (XXXVI) // United Nations Human Rights [Electronic resource]. – Access mode: http://www2.ohchr.org/english/law/compilation_democracy/ lomedec.htm. – Date of access: 9. 03.2013.
10. Magliveras, K. The Sanctioning System of the African Union: Pert Success, Part Failure. Paper Presented at an Expert Roundtable on «The African Union: the First Ten Years» / K. Magliveras / Institute of Securities Studies, Addis Ababa, Ethiopia // Academia.edu [Electronic resource]. – 2011. – 11 – 13 October. – Access mode: http://www.academia.edu/1103678/THE_SANCTIONING_SYSTEM_OF_THE_AFRICAN_ UNION_PART_SUCCESS_PART_FAILURE. – Date of access: 9.03. 2013.
11. Malone, D. Decision-Making in the Un Security Council: The Case of Haiti, 1990 – 1997 / D. Malone. – Oxford University Press, 1998. – 322 p.
12. Portela, K. EU Sanctions and Foreign Policy. When and why do they work? / K. Portela. – London: Routledge, 2010. – 206 p.
13. Principles and Response in International Humanitarian Assistance and Protection. Materials of the 26th International Conference of the Red Cross and Red Crescent. UN Sanctions and Humanitarian Crisis // International Committee of the Red Cross [Electronic resource]. – Access mode: http://www.icrc.org/eng/resources/documents/report/26th- conference-report-100995.htm. – Date of access: 9.03.2013.
14. Reno, W. Warlord Politics and African States / W. Reno. – Lynne Rienner: Boulder, CO, 1998. – 257 p.
15. Situation Analysis of Children and Women in Iraq – 1997 (Unicef, April 1998) // Campaign Against Sanctions on Iraq [Electronic resource]. – Access of mode: http://www.casi.org.uk/info/unicef9804.html. – Date of access: 9. 03.2013.

ПРОБЛЕМА ВКЛЮЧЕНИЯ ТУРЦИИ В ЕС В ПОЛИТИКЕ ХДС/ХСС ФРГ (2005–2013 гг.)

Т.Г. Хришкевич (Псков)

Тезис о том, что ФРГ является одним из политических и экономических лидеров современной Европы является сегодня практически бесспорным. Это государство нередко называют «сердцем Евросоюза» и «мотором европейской интеграции» [4, с. 100]. ФРГ стояла у истоков Европейского объединения угля и стали и Европейского экономического сообщества. В 1980 – 1990-х гг. она стала одним из основных инициаторов Маастрихтского и Амстердамского договоров. Одновременно Германия выступала за расширение ЕС, преодолевая сопротивление других стран сообщества. При ее поддержке в 1995 г. в сообщество были приняты Финляндия, Швеция и Австрия, в 2004 г. – Чехия, Эстония, Кипр, Латвия, Литва, Венгрия, Мальта, Польша, Словения и Словакия, в 2007 г. – Болгария и Румыния [1]. Неудивительно, что расширение Евросоюза на восток нередко называют «европейским проектом с немецким дизайном» [4, с. 101].

В условиях глобализации политика правительства ФРГ в области становления и укрепления интеграционных связей приобретает особую важность и актуальность. После формирования «большой коалиции» в составе ХДС/ХСС и СДПГ в 2005 г., а затем «малой коалиции», состоящей из ХДС/ХСС и СвДП в 2009 г. во главе с канцлером А. Меркель процесс европейской интеграции по-прежнему является для немецкого правительства главным приоритетом.

Особое место в проблематике расширения ЕС занимают перспективы включения Турции в «Большую Европу». Значительная роль в принятии решения в этом вопросе отводится именно руководству ФРГ. Ни один вопрос в последние годы не вызывал в европейском и, в частности, немецком обществе, столь острых разногласий, как возможное членство Турции в ЕС. Следует отметить, что Анкара ожидает этого с 1987 г., когда она подала заявку на вступление в ЕС (с 1999 г – имеет статус официального кандидата). Однако за последние два года в ее переговорах с Брюсселем наступило полное затишье. Для сравнения, Хорватия подала заявку в 2003 г, с 2004 – стала кандидатом и летом 2013 г. уже вступает в ЕС. В Турции активные действия по достижению членства возобновились с приходом на пост премьер-министра страны Р.Т. Эрдогана.

Германия имеет по этой проблеме свою особую точку зрения в противовес, например, Великобритании, являющейся сторонницей включения Турции в ЕС. Ни в одной стране дискуссии на эту тему не достигали такой остроты, как в Германии, и это вполне объяснимо. Именно здесь обосновалась самая крупная турецкая община в Европе, и поэтому немцам чаще, чем другим европейцам, приходится сталкиваться с проблемами, вызванными различиями двух культур, двух цивилизаций – европейской и мусульманской, а также с неготовностью турецких иммигрантов адаптироваться к чуждой для них среде [7, с. 126]. Поэтому, неудивительно появление в ФРГ своих «евроскептиков» и «еврооптимистов».

Экономические и социальные показатели Турции так же являются слабым звеном с точки зрения правительства ФРГ. Среднедушевые доходы населения составляют 22% от среднего показателя по ЕС. Доля сельского хозяйства в совокупном общественном продукте составляет 12,1% (в ЕС в среднем – 2,1%). Уровень инфляции в ЕС в среднем не превышал в 2001 г. 2,3%, в Турции – 57,6%. В том же году бюджетный дефицит в ЕС был зафиксирован на уровне 0,8%, а в Турции – 28,7%. Экономическая слабость страны потребует огромных финансовых вливаний, которые составят порядка 20 млрд евро ежегодно [5, с. 209 – 201].

Немаловажными являются и демографические показатели. На сегодня лидером ЕС по численности населения является Германия – 82 млн человек, но по данным прогноза ООН к 2050 г. численность страны сократится до 71 млн человек. Тогда как численность Турции вырастет с 75,6 млн человек до 94 млн, а это приведет к тому, что Турция отодвинет Германию, в том числе, например, и в таком вопросе как выделенные квоты во всех институтах Европейского Союза (в случае приёма Анкары в ЕС) [8].

Вопрос о членстве Турции в Евросоюзе широко использовался христианскими демократами Германии во время парламентских выборов 2005 г. В одной из своих предвыборных речей А. Меркель заявила следующее: «После провала референдумов по Конституции ЕС во Франции и Нидерландах следует задуматься о будущем Европы и определить пределы ее возможного расширения. Европа должна иметь четко очерченные границы, и граждане должны знать, где именно проходят эти границы» [7, с.127]. Речь шла о том, что в стране будет инициирована дискуссия вопросу о вступлении Турции в ЕС. Однако с приходом А. Меркель к власти ее позиция изменилась.

Вопрос о вступлении Турции в ЕС стал заметным в деятельности правительственного кабинета А. Меркель с 2010 г. До 2013 г. неоднократно звучали заявления канцлера по этому поводу, а с марта 2010 г. прошел ряд встреч с премьер-министром Турции Р.Т. Эрдоганом. Но каждый раз А. Меркель находила причины для замедления переговорного процесса.

Первый за четыре года визит в Турцию она нанесла в марте 2010 г. В ходе его камнем преткновения по вопросу членства Турции в ЕС стал Анкарский протокол. Канцлер заявила на пресс-конференции, что с её точки зрения, он остается важнейшей проблемой «поскольку до сих пор не решен вопрос с Кипром» (в 2005 году в Анкарском протоколе условия таможенного союза между ЕС и Турцией распространили на новых членов Евросоюза, в том числе на Кипр) [6]. Кроме того, во время встречи А. Меркель призвала турецкое руководство поддержать международные усилия по урегулированию иранской ядерной программы. В октябре 2012 г. на встрече в Берлине с Р.Т. Эрдоганом предметом обсуждения стал вопрос о привилегированном партнерстве между Турцией и ЕС. Премьер-министр Турции призвал к более активным действиям по вступлению в ЕС. В ответ А. Меркель вновь подняла тему признания Турцией Кипра. На этой встрече Р. Эрдоган озвучил конечную дату ожидания своего правительства – 2023 г. [2].

Начало 2013 г. ознаменовалось новыми обсуждениями по этому вопросу. Канцлер ФРГ, вновь посетив Турцию, сохранила свою точку зрения на расширенное «привилегированное» партнерство Турции с Евросоюзом, вместо полного ее членства в организации. Однако в Германии противоположную точку зрения высказал министр иностранных дел Г. Вестервелле (представитель СвДП). В своем публичном заявлении он призвал «честно и с уважением» ускорить темпы переговоров о вступлении Турции в Евросоюз [3].

Дело в том, что у противников и сторонников интеграции Турции в ЕС есть свои аргументы. Каждый из них можно рассматривать как вполне убедительный. Например, «скептики» приводят аргументы о несоответствии Турции Копенгагенским критериям в их географической части, а так же о существенных различиях в культурной среде. Немаловажным является проблема наплыва турецких иммигрантов, частое нарушение прав человека, а, следовательно, игнорирование ценностей гражданского общества в их европейском понимании.

Сторонники вступления Турции в ЕС, со своей стороны, отмечают преимущества, лежащие в иной плоскости: в первую очередь, накопленные двусто-

ронние связи (в контексте внутренней политики ФРГ). Это активность турецкой диаспоры в ФРГ в получении немецкого гражданства (оспариваемая скептиками), участие в федеральных выборах, торговые и инвестиционные потоки, роль Турции как стратегического партнера в НАТО.

Таким образом, вступление Турции в ЕС имеет для ФРГ как плюсы, так и минусы. Вероятно, этот процесс затянется еще не на один год. Пока обе стороны, в целом, заинтересованы в развитии и расширении двусторонних отношений. В перспективе, позиция правительства ФРГ, в зависимости от партийной принадлежности, может колебаться, но вряд ли сместится принципиально. Прежние требования (Кипр, курдская проблема и пр.) будут продолжать «педалироваться», а со временем, возможно, появятся и новые требования.

1. Accession of Austria, Finland and Sweden; Accession of the Czech Republic, Estonia, Cyprus, Latvia, Lithuania, Hungary, Malta, Poland, Slovenia and Slovakia; Documents concerning the accession of the Republic of Bulgaria and Romania to the European Union // EUR-Lex. Access to European Union law [Electronic resource]. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/JOHtml.do?uri=OJ:L:2005:157:SOM:EN:HTML. – Date of access: 05.01.2013.
2. Erdogan-Besuch: Merkel verspricht ehrliche Verhandlungen über EU-Beitritt // Spiegel Online Politik [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.spiegel.de/politik/deutschland/merkel-verspricht-erdogan-ehrliche-verhandlungen-ueber-eu-beitritt-a-864494.html. – Date of access: 02.03.2013.
3. Westerwelle will zügige Verhandlungen über EU-Beitritt // Spiegel Online Politik [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.spiegel.de/politik/ausland/tuerkei-westerwelle-will-zuegige-verhandlungen-ueber-eu-beitritt-a-885126.html. – Date of access: 04.03.2013.
4. Власов, Н.А. Германия в начале XXI века / Н.А. Власов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 308 с.
5. Германия. Вызовы XXI века / под ред. В.Б. Белова. – М.: Изд-во «Весь мир», 2009. – 790 с.
6. Демидова, О. Ангела Меркель назвала главную преграду для Турции на пути в ЕС / О. Демидова // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dw.de/dw/article/0,,5409681, 00.html. – Дата доступа: 12.11.2012.
7. Кондратьева, Т.С. Евросоюз – Турция: Геополитическая игра с непредсказуемым результатом // Актуальные проблемы Европы. – 2006. – № 4. – С. 109 – 144.
8. ООН: прогноз населения земли к 2050 г. // etoday [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etoday.ru/2009/03/un-population-prediction-2050.php. – Дата доступа: 02.03.2013.

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Р.Д. Федив (Львов)

Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) – это межправительственная международная организация, созданная 15 июня 2001 г. в Пекине на основе Декларации об основании ШОС. По масштабу географии участников ШОС является межрегиональной структурой. Организация специализируется на сотрудничестве по вопросам безопасности, экономики и общего взаимодействия государств-участниц при формировании ответов на актуальные вопросы современной международной повестки дня. Предшественницей ШОС была так называемая «Шанхайская пятерка» в составе России, Китая, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана. Целями ее деятельности было достижение стабильности в процессе завершения делимитации и демаркации границ, а также продолжение приграничного урегулирования между странами-участницами.

Начало существованию «Шанхайской пятерки» положило подписание в 1996 г. Соглашения об укреплении мер доверия в военной области в районе бывшей советско-китайской границы между представителями России, Китая, Казах-

стана, Киргизстана и Таджикистана. В том же составе государств, но уже в Москве и в 1997 г. было подписано Соглашение о сокращении вооруженных сил в районе границ между государствами. В 2001 г. в состав группы был принят Узбекистан, таким образом, была сформирована ШОС.

В Декларации 2001 г. о создании ШОС были определены следующие цели ее деятельности: укрепление между государствами-участницами взаимного доверия, дружбы и добрососедства; поощрение эффективного сотрудничества между ними в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других сферах; общее поддержание и обеспечение мира, безопасности и стабильности в регионе, создание нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка [2]. Кроме этого, 15 июня 2001 г. в рамках ШОС была принята Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. В статье 11 этого документа предусматривалась возможность предоставления практической помощи государствами-членами по упреждению террористических, экстремистских и сепаратистских действий [4].

Тем не менее, главным правовым документом, который определил принципы, формы, и задачи работы ШОС была Хартия Шанхайской организации сотрудничества, которая была принята 7 июня 2002 г. и является статутом организации. На саммите в Душанбе 28 августа 2008 г. было утверждено Положение о статусе партнера по диалогу ШОС. Статус партнера предоставляется государству или организации, разделяющими цели и принципы ШОС.

В 2010 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «О сотрудничестве между ООН и ШОС», что стало подтверждением растущего признания деятельности организации на глобальном уровне. На сегодня официальными партнерами ШОС являются такие международные организации, как: АСЕАН, СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, а также форматом подобного партнерства характеризируются отношения Туркменистана и ШОС.

На 2013 г. в состав членов ШОС входят Россия, Китай, Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан. В 2004 г. члены Организации предоставили статус наблюдателя Монголии, а в 2005 г. Наблюдателями ШОС стали Иран, Индия и Пакистан. В 2009 г. на саммите глав государств-членов ШОС в Екатеринбурге статус партнера по диалогу был предоставлен Беларуси и Шри-Ланке. В 2012 г. на саммите в Пекине такой же формат взаимодействия с организацией был предоставлен Турции, а Афганистану был предоставлен статус наблюдателя при ШОС.

Главными рабочими органами ШОС являются: Совет глав государств, совет глав правительств, совет глав внешнеполитических ведомств, совет национальных координаторов, секретариат, постоянные представители при секретариате организации, также взаимодействие происходит в формате встреч глав министерств и ведомств, комиссии высших официальных лиц и специальных рабочих групп. Штаб-квартира ШОС размещена в Пекине. 17 июня 2004 г. начал роботу Региональный антитеррористический центр (РАТЦ) со штаб-квартирой в Ташкенте. Среди неправительственных организаций выделяется Деловой совет ШОС, созданный в 2006 г. со штаб-квартирой в Москве. Официально начал свою работу 14 июля 2006 г. [5].

В 2002 г. США попытались получить статус наблюдателя в ШОС, но организация не одобрила решения по этому поводу. В целом, по этому вопросу члены Организации имели разные мнения, к примеру, Узбекистан вместе с другими государствами Центральной Азии поддерживал идею умеренного привлечения официального Вашингтона к работе организации, но ее наиболее мощные участ-

ницы – Россия и Китай – высказались против присутствия представителей США на заседаниях рабочих органов ШОС. Американская сторона восприняла отказ как подтверждение утверждения о том, что ШОС имеет антиамериканскую и, в целом, антизападную направленность.

Западные государства, в особенности государства НАТО, видят в ШОС некую попытку создания противовеса их влиянию в Азии и Центральной Азии, в частности. Особенно с опаской страны НАТО восприняли Декларацию ШОС, принятую в результате саммита глав государств-членов в Астане 5 июля 2005 г., в которой заявлялось, что в связи с окончанием военной фазы операции Международных сил содействия безопасности в Афганистане, государства-участники ШОС просят государства-участников международной коалиции определиться с конечными датами пребывания их военных контингентов на территории этих стран. В частности, имелось ввиду, использование военных баз в Ханабаде (Узбекистан) и Манасе (Киргизстан) военными НАТО [1].

В целом, после 2005 г. ШОС начала активно набирать вес, как организация в сфере безопасности, включив в состав наблюдателей Иран – государство, которое продолжает совершенствовать свою программу развития атомной энергетики, что теперь позволяет КНР и РФ посредством ШОС вести переговоры с официальным Тегераном по этой тематике.

На современном этапе ШОС доросла до этапа необходимых изменений и растущих перед организацией вызовов. В 2010 г. организация утвердила порядок своего возможного дальнейшего расширения. Высказали пожелание обрести статус наблюдателя в Организации Азербайджан, Армения, Украина и даже Египет, принятие которого привело б к выходу организации за пределы Евразии.

Американские эксперты склоняются к пессимистическому видению будущего ШОС. Не говоря прямо о будущей декомпозиции организации, бывший помощник Госсекретаря США Е. Фейгенбаум считает, что ШОС присущий недостаток многостороннего плодотворного сотрудничества, а все конкретные достижения организации базируются на двусторонних соглашениях. Эксперты подчеркивают различия между участниками ШОС, акцентируя внимание на разнице интересов стран-участниц из Центральной Азии с одной стороны, а также России и Китая с другой, и даже между РФ и КНР. Руководитель Института Центральной Азии и Кавказа и профессор Университета Джона Хопкинса С. Старр заявляет о «фундаментальной асимметрии» ШОС, которая заключается в том, что Китай признает права государств Центральной Азии на принятие независимых решений, Россия же – нет. Кроме того, считается, что динамика возрастающего дефицита когерентности внутри ШОС очень четко проявилась во время конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г., когда такие государства ШОС, как КНР и страны Центральной Азии, отказались безусловно поддерживать позицию России в конфликте. Ни одно из государств-участниц ШОС на данный момент так официально и не признало независимости Абхазии и Южной Осетии [9].

В 2009 г., особенно по инициативе России, под эгидой ШОС в Москве была организована конференция, посвященная проблеме урегулирования и нормализации ситуации в Афганистане. Несмотря на обширный круг участников, результаты конференции остались достаточно декларативными. Хотя государства ШОС посвятили немало времени обсуждению ситуации в Афганистане, на саммитах своих представителей, начиная с 2001 г., выработать и определить какие-то активные мероприятия касательно этой ситуации они не смогли.

Стоит выделить особенности деятельности ШОС в сфере транспортировок и транзита. С 2006 г., на уровне Делового совета ШОС обсуждаются вопросы соз-

дания «Большего шелкового пути», т.е. дорожно-транспортного коридора, соединяющего Санкт-Петербург и Шанхай. В 2007 г. было подтверждено намерение государств ШОС реализовать пилотные проекты по строительству автодорог Волгоград – Астрахань – Атырау – Бейнеу – Кунград и Актау – Бейнеу – Кунград, которые должны связать бассейн р. Волга, северное и западное побережье Каспийского моря с транспортными артериями Узбекистана. Также была поставлена задача развития автотранспортного маршрута Ош – Сариташ – Иркештам – Кашгар, а также Братство – Душанбе – Карамик – Иркештам – Кашгар на территории Киргизстана, Таджикистана и западной окраины Китая со строительством перевалочного терминала в Кашгаре (КНР) для мультимедийных перевозок [3].

Что касается экономической сферы сотрудничества между государствами ШОС, то тут есть несколько важных аспектов. Во-первых, за время существования статус некоторых участников Организации существенно изменился, например, Китай с седьмой экономики мира превратился во вторую по размеру ВВП, к тому же, существенно прибавили такие страны, как Россия и Казахстан. Во-вторых, быстрый экономический рост КНР за последние десятилетия привел к возрастающей асимметрии между странами-участницами ШОС, особенно на ситуацию влияет растущий экономический перевес Китая над Россией. ВВП обеих стран по итогам 2012 г. составляет соответственно – 8,25 трлн. долларов [7] и 1,954 трлн. долларов [8].

В-третьих, ввиду дифференциации по параметрам «мягкой» и «твердой» силы – по первому очевидный перевес Китая, по второму – России, наблюдается разница интересов между участниками ШОС. Китай видит в Организации больше экономической составляющей, и стремится расширять практику выдачи кредитов и открытия кредитных линий с помощью институций ШОС. На протяжении 2001 – 2011 гг. инвестиции Китая в другие страны ШОС составили 12 млрд. дол. Россия видит в ШОС скорее организацию-противовес НАТО в Центральной Азии, из-за своего военного преимущества в ШОС, но для Китая такой «противовес» представляется как то, что может привести к совсем ненужной гонке вооружений с США, или, по крайней мере, привести к тому, что Китай будет не субъектом, а заложником политики других государств ШОС в подобной гонке [6].

В целом, перед ШОС стоят значительные вызовы современности. Первый из них, это проблема дальнейшего расширения. Вторая проблема – это отношения с США и странами Запада. Их ухудшение неизбежно приведет к попыткам США развалить Организацию, в том числе, нельзя исключать, что официальный Вашингтон может попытаться это сделать посредством внедрения своего союзника в состав государств-участников ШОС. Третьим блоком проблем для ШОС является вопрос внутреннего реформирования. В 2011 г., во время председательствования в Организации Республики Казахстан, на повестку дня были поставлены вопросы наработки общей стратегии контроля над киберпространством, начались дискуссии по поводу создания энергетического клуба с привлечением Туркменистана. Вместе с этим, обсуждение на Пекинском саммите 2012 г. вопросов противоракетной обороны и поддержания стратегической стабильности выглядят как попытка начала проведения некоторых реформ внутри содержания повестки дня, а также в сфере компетенции Организации.

Таким образом, одной из наиболее важных задач, которая сейчас находится на повестке дня развития ШОС, является определение перспектив дальнейшего расширения и углубления внутренней интеграции. Не менее важным является вопрос определения того, какая из сфер сотрудничества – экономика, торговля, безопасность, противодействие экстремизму, терроризму, сепаратизму, культур-

ное или общеполитическое сотрудничество – является приоритетной, и какая глубина такого сотрудничества будет поставлена в качестве цели достижения.

1. Декларация глав государств-членов Шанхайской Организации Сотрудничества // Министерство Иностранных Дел Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t202678.htm. – Дата доступа: 11.12.2013.
2. Декларация о создании Шанхайской Организации Сотрудничества // Китайский информационный интернет-центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/russian/ 43327.htm. – Дата доступа: 07.02.2013.
3. Совместное коммюнике по итогам заседания Совета глав правительств государств-членов Шанхайской Организации Сотрудничества // Сайт Шанхайской Организации Сотрудничества [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://www.sectsco.org/RU123/ show.asp?id=113. – Дата доступа: 15.02.2013.
4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Правовой портал «Референт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.referent.ru/1/10927 – Дата доступа: 07.02.2013.
5. Шанхайская Организация Сотрудничества // Российский Национальный Комитет по Тихоокеанскому Экономическому Сотрудничеству (РНКТЕС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.rncpec.fareast.ru/Guide/12r_Shoc.htm. – Дата доступа: 09.02. 2013.
6. Шевырев, И. ШОС: путь через десятилетие / И. Шевырев // Газета Киевский Телеграфъ [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://telegrafua.com/world/12530/. – Дата доступа: 20.02.2013.
7. China // Central Intelligence Agency – The World Factbook [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.cia.gov/library/ publications/the-world-factbook/geos/ch.html. – Date of access: 18.02.2013.
8. Russia // Central Intelligence Agency – The World Factbook [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.cia.gov/library/ publications/the-world-factbook/geos /rs.html. – Date of access: 18.02.2013.
9. Scheineson, A. The Shanghai Cooperation Organization / A. Scheineson // Council on Foreign Relations [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: http://www.cfr.org/international-peace-and-security/ shanghai-cooperation-organization/p10883. – Date of access: 16.02.2013.

Р А З Д Е Л 5
ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ

ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ УКРАИНЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

И.С. Недокус (Черновцы)

Международная политика, в том числе интеграционная, проводится определенным образом с использованием соответствующих средств и методов. Европейская и евроатлантическая интеграция Украины является сложным и длительным процессом, который также должен быть обеспечен соответствующим методологическим инструментарием, научно взвешенным и практически ориентированным. Соответствующую работу в этом направлении уже проводили в предыдущие годы, и она имела довольно неплохие результаты, в частности наработки по созданию политико-правового и административно-управленческого механизмов интеграции Украины в ЕС и НАТО, а также институционально-правовое сопровождение европейской и евроатлантической интеграции. Однако с изменением политических игроков на украинско-европейской арене произошли изменения в выборе приоритетов относительно способов (механизмов) реализации государственной политики в сфере европейской и евроатлантической интеграции.

Однако какими бы ни были конъюнктурные представления руководителей органов государственной власти Украины об интеграционных действиях, следует заметить, что последние осуществляются в контексте требований Европейского Союза, которые приняты Копенгагенскими соглашениями (1993). Суть их заключается в том, что они предполагают наличие в странах – претендентах на вступление в Евросоюз, прежде всего: политической стабильности органов власти, которые призваны гарантировать демократию, верховенство закона, соблюдение прав человека и защиту прав национальных меньшинств; экономической системы, которая должна характеризоваться эффективной рыночной экономикой; обязательств, вытекающих из факта вступления в ЕС, и, в частности, признание новыми государствами-членами принципов политического, экономического и монетарного объединения; перестройки странами-заявителями собственных административных структур, которые отвечали бы Копенгагенским критериям [1, с. 12].

Если процедурные моменты европейской интеграции прописаны и зафиксированы в соответствующих документах, то процедуры евроатлантической интеграции, а именно вступления в НАТО, менее четкие. Более того, нет зафиксированных требований о необходимости вступления сначала в НАТО, а затем в ЕС. Однако не следует забывать, что ЕС и НАТО сейчас выработали собственную модель принятия новых членов по формуле «страна-претендент – НАТО – ЕС». В последнее время в Украине распространен миф о том, что якобы достаточно вступить в Европейский Союз, а в НАТО – как покажет время. Однако авторы такой «модели» не понимают или делают вид, что не понимают логики вышеупомянутой формулы, по которой членство сначала в НАТО, а затем – в ЕС.

Коварство указанного мифа еще и в том, что таким образом на территории современной Украины создаются условия для возможного советского реванша: в

форме Единого экономического пространства, иного союза постсоветских государств, Великой России, Великой Руси и т.д. Достаточно интересными представляются соображения по поводу возможного советского реванша американского политолога Александра Мотыля, который называет его реимериализацией.

Во-первых, считает А. Мотыль, Россия может продемонстрировать быстрые экономические улучшения благодаря своим огромным энергетическим ресурсам, а также потому, что Запад заинтересован в стабильном экономическом развитии России. Во-вторых, реимериализации будет способствовать неэффективность и вероятная гибель Союза Независимых Государств (СНГ). Политические и экономические отношения между Россией и другими государствами постсоветского пространства становятся двусторонними, что усиливает позиции России. В-третьих, расширение НАТО и ЕС, несомненно, выведет ряд государств Центральной и Восточной Европы из сферы влияния России. Но это расширение также создаст взамен все более прочные формальные границы между этими странами и теми, которые туда не попадут [2, с. 138 – 139].

Современные интеграционные процессы имеют определенные альтернативы в виде миросистемных интерпретаций. В связи с этим интересными являются оригинальные разработки украинского политолога А. Фисуна о смене циклов гегемонии в международных отношениях.

Во-первых, считает А. Фисун, важнейшая особенность в процессе делегитимизации международного режима Ялты/ООН – конец эпохи доминирования национальных государств как главных игроков мировой системы международных отношений. Мы видим возникновение новой модели, которая в определенных отношениях воспроизводит принципы организации «имперских пространств» домодерной эпохи. Вместо четкой сетки национальных государств (с фиксированными границами их политического, экономического и культурного суверенитета) возникает система концентрических кругов, тяготеющих к «средиземноморскому» или «тихоокеанскому» центру. Вокруг ядра каждой системы постепенно формируется пояс территорий, обладающих различным статусом и разным уровнем суверенитета и отношений ядра и его окружения.

Во-вторых, формируются достаточно гибкие контуры Европейской средиземноморской империи как определенной геополитической, геоэкономической и геокультурной иерархии близких и отдаленных просторов, с очень высокой степенью интеграции в ядре и постепенным ее уменьшением до периферии. Сформулированная концепция «Расширенной Европы» фактически очерчивает контуры институциональной архитектуры новой системы: центр состоит из старого западноевропейского ядра и новых юго-и восточноевропейских членов ЕС, полупериферию образуют ассоциированные члены и кандидаты на вступление в ЕС, ближнюю периферию – страны-соседи преимущественно исламского Южного Средиземноморья (Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Египет, Израиль, Палестинская автономия, Иордания, Сирия, Ливан), постсоветской Восточной Европы (Украина, Беларусь, Молдова) и России [3, с. 257 – 260].

В связи с этим возникает главная проблема украинской стратегии европейской интеграции: будет вопрос об Украине решен Брюсселем по центрально-европейской формуле (непосредственного включения в союз) или в пакетном решении вопроса с Москвой (по известной формуле «В Европу с Россией»). Выбор того или иного сценария европейской интеграции существенно видоизменяет внутренние линии системы европейской интеграции.

Выводы. Можно выделить несколько сценариев развития украинской интеграции: 1) «польская модель» – вхождение в евроатлантическую подсистему

безопасности и европейское геоэкономическое пространство; 2) «белорусская модель» – вхождение в евразийско-российскую подсистему безопасности под геополитическим и геоэкономическим протекторатом России; 3) «швейцарская модель» – балансирование между двумя подсистемами безопасности как принципиально неприсоединившееся государство и отказ от роли активного геостратегического игрока; 4) «индийская модель» – развитие собственной системы военно-политических союзов по периметру своих границ (формирование субрегионального блока в Центрально-Восточной Европе или в Черноморско-Балтийском регионе) и превращение в активного геостратегического игрока; 5) «японская модель» – геостратегический протекторат США (отказ от самостоятельной военно-политической и геополитической активности в обмен на признание независимого геокультурного статуса и право самостоятельной геоэкономической игры с Россией); 6) «финская модель» – геостратегический протекторат России с одновременным вхождением в европейское геоэкономическое пространство.

В условиях внутренних проблем Украины и проблем, вызванных мировым финансово-экономическим кризисом, достаточно сложно и даже рискованно говорить о каких-то конкретных моделях интеграции Украины в ЕС.

1. Інститути, необхідні для членства в Європейському Союзі / Пер. з англ. В.В. Шульги. – К.: Вид-во УАДУ, 2000. – 44 с.
2. Мотиль, О. Підсумки імперій: занепад, розпад і відродження / О. Мотиль. – К.: Критика, 2009. – 200 с.
3. Фисун, А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации / А.А. Фисун. – Х.: Константа, 2006. – 352 с.

ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ И ПОЗИЦИЯ РОССИИ

М.А. Махалкина (Краснодар)

Грузино-абхазские отношения имеют долгую историю, в основе которой лежит противостояние, связанное с проблемой правового статуса Абхазии. В данной статье ставится цель проанализировать российско-грузинские отношении с 1991 по 1993 г. т.е. в период нарастания напряженности и открытых военных действий между войсками Грузии и Абхазии.

К концу 1980-х гг. грузино-абхазские отношения находились в состоянии напряженности, одной из причин этому стало принятие грузинским руководством ряда документов, в которых декларировалась незаконность деятельности государственных структур и правовых актов советского периода.

Для Абхазии в частности болезненным явилась отмена актов о союзном единстве Грузии и Абхазии (от 1921 г.) и о вхождении Абхазии на автономных началах в состав Грузии (от 1931 г.). Расценивая это как угрозу своей независимости, Верховный Совет Абхазии 25 августа 1990 г. принял Декларацию о государственном суверенитете Абхазской АССР, по которому Абхазия объявлялась «суверенным социалистическим государством, обладающим всей полнотой власти на своей территории вне пределов прав, добровольно переданных ею Союзу ССР и Грузинской ССР на основе заключенных договоров» [2, с. 87].

Пришедший к власти в Грузии З. Гамсахурдия в октябре 1990 г., придерживающийся националистических взглядов, не способствовал улучшению отношений центра и автономии, а наоборот, развязав войну в соседней республике Южная Осетия, дал понять, что Сухуми вскоре ожидает тот же сценарий. Российская сторона, оказавшаяся в 1991 г. в сложной политической, социально-экономической и военной ситуации, свой внешнеполитический курс строила с

учетом распада биполярной системы международных отношений и формирования нового многополюсного мира, где ей отводилась роль регионального участника. «Ключевой линией поведения российской дипломатии стало «выравнивание российских позиций по международным вопросам с позициями США и государств Западной Европы» [1, с. 2].

В контексте поддержки мирового сообщества и с учетом разделения симпатий к сторонам в грузино-абхазском конфликте в российском правительстве и парламенте, был сформулирован подход к проблеме, основанный на «признании незыблемости территориальной целостности Грузии, внутри которой Абхазии должны быть предоставлены самые широкие политические права» [2, с. 104].

Военные действия против Абхазии начались 14 августа 1992 г. Под предлогом охраны железной дороги грузинские войска были введены на абхазскую территорию. Еще одним поводом явилось стремление грузинских властей освободить группу захваченных накануне этих событий в качестве заложников сторонниками З. Гамсахурдия представителей грузинского правительства, среди которых был вице-премьер А. Кавсадзе. Заложников держали в абхазском селе Кохори Галийского района. В первые дни войны грузинская сторона захватила г. Сухум, высадила морской десант в районе г. Гагры. На стороне абхазов выступили добровольцы из числа кабардинцев, адыгейцев, черкесов, чеченцев, русских и т.д.

26 августа 1992 г. Б. Ельцин в обращении к руководству Грузии и Абхазии отмечал необходимость прекращения боевых действий перед лицом дестабилизации положения в южных регионах России из-за массового потока беженцев. Вместе с тем, президент подчеркнул, что российская позиция в отношении единства «территориальной целостности Грузии неизменна», и что «будут предприняты все меры для пресечения попыток проникновения на территорию Грузии вооруженных добровольческих отрядов» [4, с. 260].

Являясь правопреемницей СССР и будучи заинтересованной в стабильном и неконфликтном Кавказском регионе, Россия выступила с миротворческой инициативой, предложив услуги посредничества руководству Грузии и Абхазии для достижения мира и политического решения возникших разногласий. 3 сентября 1992 г. в Москве была проведена встреча на высшем уровне Б. Ельцина, Э. Шеварнадзе и В. Ардзинба. В результате был подписан итоговый документ, предусматривающий прекращение огня, вывод грузинских войск, обмен военнопленными, обеспечение возвращения беженцев, возобновление деятельности органов власти Абхазии на всей территории республики.

Данное Соглашение не было выполнено по причине отказа грузинских вооруженных сил оставить свои позиции и перейти к политическому диалогу. Подчеркивая важность невоенного урегулирования конфликта и необходимость реализации пунктов Московского соглашения, Верховный Совет РФ предложил свои посреднические услуги, отмечая, что необходим такой пакет договоренностей, который бы предусматривал «согласованный отвод вооруженных сил Госсовета Грузии с территории Абхазии при одновременном разоружении, расформировании и удалении из Абхазии добровольческих вооруженных формирований и групп, прибывших с Северного Кавказа, а также введение контингента миротворческих сил стран-членов СНГ для обеспечения безопасности населения, а также устойчивого функционирования транспортных магистралей и ключевых промышленных объектов» [3, с. 2868]. Парламентарии России осудили действия Грузии «путем насилия решить сложные проблемы межнациональных отношений» и вынесли ряд рекомендаций президенту и правительству РФ. В частности, было предложено «рассмотреть вопрос об использовании Контингента вооруженных

сил РФ в качестве миротворческих сил», а также «приостановить передачу республике Грузия вооруженной, боевой техники, боеприпасов частей и соединений Вооруженных сил РФ, прекратить поставки вооружений, боевой техники по заранее заключенным контрактам … воздержаться от заключения экономических соглашений с Грузией вплоть до урегулирования конфликта в Абхазии» [3, с. 2868].

С октября 1992 г. боевые действия в зоне конфликта продолжились. Абхазская сторона освободила г. Гагры, северо-западные районы Абхазии до границы с Россией, прорвав кольцо военной блокады вокруг Гудауты, где располагалось Правительство и Верховный Совет Абхазии. Поэтому в марте 1993 г. Верховный Совет Абхазии обратился к парламенту России с «настоятельным ходатайством вернуть республику Абхазия в состав, либо под покровительство России в соответствующей международно-правовой норме, обеспечивающей мор и безопасность в регионе, сохранение народа Абхазии и необходимого для его существования экономического и культурного пространства с РФ» [4, с. 165].

К лету 1993 г. активизировались военные столкновения между соперниками: форсировав р. Гумиста, абхазские войска освободили населенные пункты правобережья г. Сухум. Россия выступила с инициативой подписания трехстороннего Соглашения о прекращении огня, по которому предполагался вывод грузинских войск и всех добровольцев из Абхазии, а также восстановление легитимности абхазских госучреждений на всей территории республики.

Сочинское Соглашение, так же как и предшествующее ему Московское не было выполнено. Боевые действия возобновились в период конституционного кризиса в России. К концу сентября абхазские силы захватили г. Сухум, и к 30 сентября абхазская армия вышла к р. Ингур, где год назад и началась война, что ознаменовало поражение грузинской стороны в данном конфликте.

Россия, тем не менее, отреагировала на нарушение сочинского Соглашения весьма жестко. В соответствии с распоряжением правительства Российской Федерации было приостановлено энергоснабжение Абхазии, а также введена продовольственная блокада [4, с. 282]. Российская сторона, обозначив поддержку Грузии, тем не менее, имела принципиальные расхождения во взглядах, декларируемые представителями законодательной и исполнительной власти. В частности, ряд парламентариев симпатизировал абхазской стороне, объясняя это несостоятельностью политики, проводимой правительством Б. Ельцина и Е. Гайдара; в правительстве поддерживали курс Э. Шеварднадзе, проводимый на подавление сепаратистских движений в Абхазии. Это объяснялось длительной работой грузинского лидера на посту главы внешнеполитического ведомства СССР и его личными контактами с действующими российскими политиками. Некоторые политики использовали ситуацию в целях повышения личной популярности (например, В. Жириновский, контактировавший с З. Гамсахурдия и Д. Дудаевым).

Противоречия Парламента и Правительства РФ по вопросу урегулирования грузино-абхазского конфликта предположительно сказались на том, что Россия перестала рассматриваться грузинскими властями как посредник, способный реально помочь решению проблемы, в связи с чем Грузия стала активно искать поддержку со стороны Запада, в частности США. Об этом упоминает А. Чикваидзе, занимавший в разное время пост министра иностранных дел Грузии: «именно из-за Абхазии Россия потеряла всякое положительное влияние на Грузию, а Соединенные Штаты Америки твердо встали в Грузии и укрепили свои стратегические позиции на российском южном фланге» [5, с. 149].

Российская сторона на начальном этапе формирования внешнеполитического курса безоговорочно поддержала территориальную целостность Грузии и

незыблемость ее суверенитета, т.е. для Абхазии отводилась роль территориального образования с широкой автономией в пределах союзного с Грузией государства. Такая поддержка объяснялась отчасти желанием упрочить свой авторитет в постсоветской республике, имеющей выход к Черному морю и граничащей с Россией в нестабильном регионе Северного Кавказа.

В итоге, за период 1992 – 1993 гг. российско-грузинские отношения развивались на фоне конфликтного взаимодействия в условиях сотрудничества по вопросу обеспечения целостности Грузинской республики и подавления проявлений абхазского сепаратизма. Между сторонами существовал ряд претензий политического и идеологического характера, повлиявший в итоге на изменение геополитического курса Грузии из пространства российского влияния на постсоветском пространстве в сторону Запада и его воззрений на контуры мирового порядка.

1. Богатуров, А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России / А.Д. Богатуров // Международные процессы [Электронный ресурс]. – 2007. – № 1 (13). – Режим доступа: http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm. – Дата доступа: 02.02.2013.
2. Затулин, К.Ф. Россия и Абхазия. Две страны – один народ / К.Ф. Затулин. – СПб.: Алтейя, 2011. – 408 с.
3. Заявление Верховного Совета Российской Федерации в связи с событиями в Абхазии 25 сентября 1992 г. // Вестник Совета народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. –1992. – № 40. – С. 2868 – 2869.
4. Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989 – 2006 гг. / Составление и комментарии М.А. Волхонский, В.А. Захаров, Н.Ю. Силаев. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. – 390 с.
5. Чикваидзе, А.Д. Пальто не надо! / А.Д. Чикваидзе // Международная жизнь. – 2005. – № 11. – С. 128 – 153.

СТРАТЕГИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОЦЕНКАХ БЫВШИХ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ

Е.В. Клевакина (Ставрополь)

Организация Договора Коллективной Безопасности (ОДКБ) занимает одно из центральных мест в исследованиях, касающихся безопасности постсоветского пространства. В силу ряда причин в отношении данной структуры не сформировано единого мнения, как среди государств-членов, так и других международных игроков. Такое положение зачастую негативно влияет на имидж организации и ее эффективное функционирование. В этом отношении изучение оценки ОДКБ различными акторами, в том числе бывшими участниками структуры, является актуальной задачей. В данной статье автор анализирует позиции и оценки государств постсоветского пространства, которые участвовали в подписании Договора о Коллективной безопасности (ДКБ) и образовании одноименной организации, однако, на определенном этапе выбыли из сотрудничества со своими ближайшими соседями, а именно: Азербайджана, Грузии и Узбекистана.

История взаимодействия Азербайджана и ДКБ начинается с 24 сентября 1993 г. Однако сотрудничество было не долгим, так как Баку не устроили принципы, цели и условия ДКБ. Одна из основных причин, по которой республика отказалась от участия в Договоре, – несогласие с российской позицией в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта. В частности, при заключении в 1992 г. ДКБ Азербайджан рассчитывал на коллективную помощь в урегулировании армяно-азербайджанского конфликта, но ожидания не оправдались, что повлекло за собой его выход из Договора в 1999 г. [1, с. 104 – 105; 3, с. 37; 4, с. 98; 6, с. 134].

Одна из первых причин, по которым Азербайджан занимает строгую позицию неприсоединения к организации, заключается в ее пророссийской ориентации. При этом Баку не устраивают средства, которые Москва выбирает для привлечения союзников. В частности, в отношении Азербайджана используется метод экономического воздействия, что противоречит внешнеполитическому принципу прагматизма и реализма Азербайджана, который не намерен вести свою внешнеполитическую линию под диктовку России. Другая причина нежелания Азербайджана сотрудничать с ОДКБ – членство Армении. Более того, организация не имеет средств для решения Нагорно-Карабахского конфликта по причине своей направленности на разрешение внешних, но не внутренних конфликтов. Таким образом, вступление в ОДКБ совершенно не соответствует интересам Азербайджана и, более того, может негативно сказаться на его нынешнем статусе лояльного Западу государства [2, с. 855]. В целом, оценка стратегии и деятельности ОДКБ Азербайджанской республикой носит однозначный характер – это структура, имеющая малую эффективность и пророссийскую направленность. Более того, в определенной степени ОДКБ может нести прямую угрозу для Азербайджана, в случае развития Нагорно-Карабахского конфликта и запуска к действию четвертой статьи Договора – коллективной военной поддержки Армении.

Грузия подписала ДКБ 9 декабря 1993 г., но отказалась от последующего участия в нем по причине нараставших грузино-российских противоречий, прежде всего в отношении Абхазии и Южной Осетии. С первых лет независимости Грузия не скрывала своей прозападной ориентации, а также стремления интегрироваться в НАТО. По этой причине выход из ДКБ стал вопросом времени, и когда необходимо было выбрать стратегических партнеров, Тбилиси открыто сделал ставку на Запад. В новой Концепции национальной безопасности Грузии заявлено: «Грузия стремится стать частью европейской и евро-атлантической структуры, что позволит ей укрепить свою демократию и укреплять свою национальную безопасность [9, p. 33]. Тбилиси, не являясь прямым участником какого-либо военно-политического альянса, активно поддерживает интеграцию, альтернативную российским объединительным инициативам. Прежде всего, участвуя в деятельности организации ГУАМ, которая помимо военно-политических преимуществ, дает Грузии привилегии в льготных закупках нефти и газа, что в свою очередь предполагает большую свободу от российской нефти, а значит и российского диктата. Россия выступает в качестве основного источника вызовов и угроз для безопасности Грузии. По этим причинам, Запад и НАТО ассоциируются в Грузии с безопасностью, надеждой на восстановление территориальной целостности и экономическим процветанием, тогда как Россия – с угрозой независимости и государственности [7, с. 92]. По мнению Грузии, любой военно-политический альянс, возглавляемый Россией, коим является ОДКБ, несет в себе косвенную угрозу безопасности страны. Однако Тбилиси уверен в стабильных двусторонних отношениях с другими государствами-членами ОДКБ, которые в случае необходимости военной поддержки России не окажут. К таким выводам Тбилиси пришел после августовского кризиса 2008 г., когда ни один из участников не выказал открытой помощи России. Однако в свете внутриполитических изменений в Грузии, будущее отношений Тбилиси – ОДКБ во многом будут зависеть от грядущих выборов и возможного изменения ее внешнеполитической линии.

Отдельное положение в ряду бывших участников ДКБ/ОДКБ занимает Узбекистан – государство, за два десятилетия дважды кардинально сменившее отношение к Договору и Организации. История взаимоотношений Ташкент – ДКБ берет начало 15 мая 1992 г. В этот период Узбекистан возлагал на договор боль-

шие надежды. Однако время показало, что в отношениях бывших республик не все гладко, в результате чего Узбекистан поменял свою внешнеполитическую ориентацию, отдав приоритет западным государствам и структурам. Во многом причина данного поворота зависела от отношений Ташкент – Москва, где последняя традиционно выступала инициирующим звеном, а в данный период предпочла также переориентировать свои интересы на запад. В результате Узбекистан в апреле 1999 г. приостановил свое участие в ДКБ. Надеждам Узбекистана на полноценное партнерство с западом и интеграцию в международное сообщество не суждено было сбыться. Основные причина следующей переориентации внешней политики Узбекистана заключалась, в позиции западных государств, США в частности, которые убедились в отсутствии прогресса в осуществлении демократических реформ, и приостановили военную и экономическую помощь Ташкенту.

Немаловажное значение имели экономические выгоды сотрудничества с соседними государствами. Однако основная причина переориентации Узбекистана – Андижанские события мая 2005 г. Действия узбекского правительства во время разгона мирных демонстраций были оценены США и Великобританией неоправданно жестокими, что привело к блокированию отношений Ташкента между ними, а главное, страны Запада намеревались устроить международное расследование Андижанского инцидента. Узбекистан, осознавая все возможные последствия подобного вмешательства, прибегнул к помощи России, которая выражала ему всяческую поддержку и выступала против международного расследования. Следствием того стало очередное вступление Ташкента в ОДКБ 23 июня 2006 г. и выход из ГУУАМ. Дальнейшее участие Узбекистана в ОДКБ имело сложный характер. Так, одним из основных факторов несогласия Узбекистана с политикой ОДКБ стал вопрос о формировании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ. Ташкент выразил несогласие с тем, что КСОР могут выступать военной составляющей для решения споров, которые могут возникнуть между государствами-участницами. «Каждая из стран-участниц ОДКБ в состоянии решать свои внутренние противоречия и противостояния без привлечения вооруженных сил извне» [5].Однако решение все же было принято без участия Ташкента. Дальнейшее недовольство Узбекистана было связано с неучастием организации в Афганском урегулировании, где ОДКБ показала полную несостоятельность в отношении всех сфер своего мандата: от противодействия экстремизму, до вопросов наркотрафика [8]. В результате несогласия с внешнеполитической линией ОДКБ, Узбекистан в июне 2012 г. анонсировал свой выход. По мнению узбекского политолога Б. Эргашева, выход Узбекистана из состава ОДКБ позволил Ташкенту дистанцировался от попыток превращения ОДКБ в инструмент решения внутриполитических проблем тех или иных членов организации [8].

Таким образом, в отношениях ОДКБ с бывшими государствами-участниками можно выделить следующее. Во-первых, одна из основных причин выхода из состава ДКБ и ОДКБ Азербайджана, Грузии и Узбекистана – отрицание лидерства России в регионе, а также пророссийской ориентации созданных ею структур. Во-вторых, указанные государства, с самых первых лет своей независимости, развивали отношения с западными игроками, что не могло не сказаться на отношениях внутри союза и во многом послужило причиной их выхода из него. На данном этапе прозападная ориентация наиболее соответствует их целям, в частности, позволяет дистанцироваться от российского диктата. Свидетельством тому является тот факт, что все три государства стали участницами ГУАМ (ГУУАМ), которая, к слову, показала свою полную недееспособность. В-третьих,

все три государства характеризуют ОДКБ как неэффективную структуру, к тому же служащую интересам России.

1. Алиев, Н. Основные приоритеты внешней политики и дипломатии Азербайджана в постсоветский период: Дис. … канд. ист. наук / Н. Алиев. – М., 2011. – 163 с.
2. Гасанов, А. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана / А. Гасанов. – Баку: «Şərq-Qərb», 2007. – 904 с.
3. Мамед-заде, Н. Взаимоотношение Азербайджанской республики со славянскими странами СНГ и Восточной Европы / Н. Мамед-заде. – Баку: «Ганун», 2006. – 200 с.
4. Ниязов, Н. Взаимоотношения Азербайджана и ОДКБ в 1994 – 2011 гг. / Н. Ниязов // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №4(66). – С. 98 – 106.
5. О заседании Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан // Правительственный портал Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gov.uz/ru/m/news/politics/2110. – Дата доступа: 04.03.2013.
6. Османов, Г. Азербайджано-российские отношения в конце XX – начале XXI вв. в контексте мировой политики: Дис. … канд. полит. наук / Г. Османов. – СПб, 2006. – 173 с.
7. Тархан-Моурави, Г. Перспективы урегулирования российско-грузинских отношений / Г. Тархан-Моурави // Россия и Грузия: в поисках выхода / под ред. К. Гоголашвили. – Тбилиси: Грузинский фонд стратегических и международных исследований,2011. – С. 84 – 101.
8. Эргашев, Б. ОДКБ и Узбекистан – развод или размолвка? / Б. Эргашев // Журнал «Экономическое обозрение» [Электронный ресурс]. – 3 июля 2012. – Режим доступа: http://blog.cer.uz/?p=8264. – Дата доступа: 04.03.2013.
9. National Security Concept of Georgia, 23 December 2011 // Ministry of defense of Georgia [Electronic resource]. – Access mode: http://www.mod.gov.ge/assets/uploads/files/cfgeyzvjwheng.pdf. – Date of access: 04.03.2013.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК НАИБОЛЕЕ УСПЕШНЫЙ ПУТЬ ЕГО ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ю.А. Демянчук (Харьков)

Глобализация в мировой экономике протекает параллельно с регионализацией путем создания разнообразных по форме интеграционных образований. Опыт интеграционных взаимодействий на постсоветском пространстве свидетельствует о нестабильном и разноуровневом характере этих объединений, что является результатом слабого макроэкономического управления национальных экономик во взаимодействии с мировой экономикой и требует детального изучения, а также разработки алгоритма дальнейшего взаимодействия экономик этих государств. В экономической науке выполнено немало исследований по проблемам мирового хозяйства, внешнеэкономических связей, региональных объединений. Однако новые направления интеграционных процессов на постсоветском пространстве выдвинули новые проблемы, требующие исследования и решения в условиях быстро меняющейся геополитической обстановки.

Экономическое развитие стран в период глобализации сопровождается интеграционными объединениями государств, результатом деятельности которых является постепенная согласованность национально-государственных и общерегиональных целей стран, входящих в их состав. Все это способствует повышению их конкурентоспособности и постепенной глобализации в мировую экономику.

Глобализация – объективный процесс в современных международных отношениях, высшая стадия интернационализации. В качестве субъекта глобализации выступает регионализация, дающая мощный кумулятивный эффект формирования мировых геоэкономических полюсов. Проследить взаимодействие этих процессов можно на примере постсоветского пространства. Постсоветское пространство – это совокупность независимых государств, выбывших из состава

СССР в период его распада в 1991 г., и начавших свой суверенный независимый политический курс [3, с. 64]. Термин «постсоветское пространство» был введен в оборот А. Празаускасом в статье «СНГ как постколониальное пространство», опубликованной 7 февраля 1992 г. в «Независимой газете» [10].

Международно-политическая составляющая процесса глобализации способствует стремлению к образованию нескольких мировых центров. Так, в последнее время борьба за советское наследие приняла характер жесткого противоборства. С одной стороны, США и их союзники в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке стремятся вовлечь государства СНГ в сферу своего влияния, с другой, – Россия пытается сохранить традиционное присутствие в бывших союзных республиках [9]. Поэтому интеграционные процессы на постсоветском пространстве идут своеобразно и имеют двойственный характер с различными (даже противоположными) векторами направленности. Один из этих векторов направлен на самые разные формы интеграции с Россией. Среди таких объединений – Союз России и Беларуси, ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ и другие [2, 5, 6, 7]. Другой вектор направлен на, образно говоря, «дружбу государств» против России. Такие организации создаются без участия России и среди них можно выделить на сегодня только одну наиболее серьезную – ГУАМ [4].

Сегодня мотором интеграционных процессов постсоветского пространства эксперты считают экономическую составляющую (зона свободной торговли, таможенный союз, тарифы, рынок труда и т.д.). Однако в структуре интеграционного процесса стран постсоветского пространства есть и другие составляющие: политическая – согласование стратегических интересов, законотворческая деятельность; социальная – семейные отношения, трудовая миграция и т.п.; производственная – промышленные, транспортные, энергетические аспекты; финансовая – инвестиционный климат, рынок капитала и т.п.; обеспечение безопасности – борьба с организованной преступностью, наркотрафиком, военно-техническое сотрудничество, борьба с терроризмом, совместная охрана границ; культурная – языковое пространство, культурный обмен; научная и образовательная [11].

Сейчас в интеграционный процесс вовлечены все государства, расположенные на постсоветском пространстве. Первым масштабным объединением, которое образовалось сразу после распада СССР, стало СНГ – региональная международная организация, призванная регулировать отношения сотрудничества между государствами, ранее входившими в состав СССР. СНГ не является надгосударственным образованием и функционирует на добровольной основе [12]. Сегодня СНГ носит в большей степени формальный характер.

Ведущими центрами интеграции, вокруг которых сосредоточены основные усилия государств постсоветского пространства, выступают Россия и ЕС. Между ними развернулась достаточно активная конкурентная борьба за масштабы интеграции и сферы влияния [11]. Анализируя степень вовлечения в интеграционный процесс, можно отметить, что она разная. Так, лидерами интеграции эксперты считают Россию, Казахстан, Беларусь, в оппозиции к интеграционному процессу (блокирование, создания надгосударственных структур) часто выступает Украина, уделяя особое внимание своей независимости [8].

Лидером по интеграционным инициативам на постсоветском пространстве является Россия. Однако, российские универсальные интеграционные подходы сегодня приемлемы не для всех стран постсоветского пространства. Примером этого является противоположное отношение к интеграции с Россией Украины и Беларуси. Так, российский формат интеграции в сегодняшнем политическом положении этих стран приемлем (и возможно необходим), для Беларуси и не может быть принят Украиной [11] . Анализ отношений Беларуси и России показывает,

что они являются наиболее стабильными из всех стран постсоветского пространства. Наибольшим успехом является создание Союзного государства с поэтапно организуемым единым политическим, экономическим, военным, таможенным, валютным, юридическим, гуманитарным, культурным пространством [6]. Хотя и здесь периодически возникают определенные разногласия.

Отмечая тот факт, что с экономической точки зрения на территории этих стран исторически сложились хозяйственные комплексы, которые взаимодополняют друг друга на базе кооперации, можно отметить, что интеграционные процессы являются наиболее благоприятными для этих стран, что в итоге ведет к наиболее успешному пути глобализации этих стран в мировую экономику. Однако эти взаимоотношения на протяжении последних 22 лет не стабильны. Низкая эффективность текущего интеграционного процесса постсоветского пространства обусловливается следующими причинами: 1. Отсутствие собственных интеграционных интересов и результатов. 2. Несогласованность действий стран-участниц и их бескомпромиссность в принятии решений. 3. Отсутствие четкого плана реализации интеграционных процессов. 4. Воздействие на страны-участницы интеграционных процессов других структур и образований.

Таким образом, отсутствие скоординированной внешней политики стран бывшего СССР привело к порождению внутренних противоречий между ними, чему способствует политика ведущих мировых сил. Отсутствие результатов интеграционных процессов на постсоветском пространстве тормозит его глобализацию в мировое хозяйство.

1. Аналитический доклад «Итоги деятельности СНГ за 20 лет и задачи на перспективу» // Исполнительный комитет СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cis.minsk.by/news. php?id=289. – Дата доступа: 01.03.2013.
2. Гусев, А.В. Участие Беларуси в интеграционных процессах на постсоветском пространстве / А.В. Гусев // Проблемы управления. – 2010. – № 1 (34). – С. 229 – 235.
3. Дергачев, В.А. Международные экономические отношения / В.А. Дергачев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 368 с.
4. Дмитрук, А. Доктрина «Русского мира» и феномен «Советского народа» / А. Дмитрук // Украинский Христианский Монитор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ukrmonitor. ucoz.org/ news/doktrina_russkogo_mira_i_fenomen_sovetskogo_naroda/2010-01-14-1084. – Дата доступа: 25.02.2013.
5. Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве Между Российской Федерацией и Украиной. Киев, 31 мая 1997 г. // Дипломатический вестник. – 1997. – № 7. – С. 35 – 41.
6. Договор о создании Союзного государства // Информационно-аналитический портал Союзного государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.soyuz.by/ru/?guid =10447. – Дата доступа: 01.03.2013.
7. Договор о союзе Беларуси и России, Москва, 2 апреля 1997 г. // Дипломатический вестник. – 1997. – № 4. – С. 41 – 43.
8. Егоров, В.Г. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления / В.Г. Егоров // Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.e-cis.info/news.php?id=74. – Дата доступа: 25.02.2013.
9. Небренчин, С.М. Интеграционное противоборство Борьба за советское наследие обостряется / С.М. Небренчин // Русский биографический институт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/12005/smn.htm. – Дата доступа: 01.03.2013.
10. Празаускас, А. СНГ как постколониальное пространство / А. Празаускас // University of Alberta [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.ualberta.ca/~khineiko/NG_92_93/1141438.htm. – Date of access: 25.02.2013.
11. Результаты исследования «Восприятие интеграционных процессов на постсоветском пространстве» // «Кремль.ORG». Политическая экспертная сеть [Электронный ресурс]. – 2005. – 30 июня. – Режим доступа: http://www.kreml.org/other/90622116. – Дата доступа: 01.03.2013.
12. Устав Содружества Независимых Государств // Исполнительный комитет СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cis.minsk.by/page.php?id=180. – Дата доступа: 01.03.2013.

СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ТРАНЗИТИВНОЙ УКРАИНЫ В СИСТЕМНОМ КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В.В. Зинченко (Киев)

На нынешнем этапе своего развития, в процессе постсоветского преобразования общества и мировых региональных и интеграционных процессов, Украина приобретает новый социально-экономический и политический, исторический и культурно-ценностный опыт. Немалые изменения произошли во всех без исключения сферах жизни. Но ряд представителей высших звеньев госуправления Украины забывают, что эти изменения могут быть сведены на нет, если не обращать должного внимания на вопросы национальной безопасности в контексте актуальных вопросов социально-экономической политики и системной модернизации в условиях транзитивного (переходного) периода развития Украины [2; 3]. Что же мы видим в этом плане? С одной стороны, Украина ориентируется на интеграцию с ЕС, однако еще четко не определены как стратегические, так и тактические преимущества и недостатки данного вектора развития, с другой, уже существуют, подтверждены опытом взаимодействия в рамках СССР и постсоветской истории, комплексы и рисков, и преимуществ в отношениях с Россией.

В результате расширения ЕС, вступлением в него Польши, Чехии и Венгрии, Украина уже граничит не только с Россией, но и непосредственно с ЕС, что создает принципиально новую геополитическую ситуацию. В связи с этим необходимо четкое и всестороннее определение внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии по интеграции Украины в политическое, экономическое и правововое пространства. Среди прочих, нынешняя национальная стратегия предусматривает интеграцию в ЕС в контексте общеевропейской безопасности. Однако необходимо учитывать, что безопасность Украины в этом контексте должна основываться на том, что не только развитие и укрепление ЕС, НАТО и расширение сотрудничества с Западноевропейским союзом – основной структурой обороны и безопасности ЕС – является одним из основных факторов интеграции, которые углубляют общеевропейскую безопасность во всех ее измерениях. Принцип неделимости европейской безопасности одинаково важен как для Украины, так и для России и ЕС. *Кооперативная безопасность,* поиск подходов к которой, наряду с другими европейскими, евразийскими и трансатлантическими структурами, должна стать для Украины гарантией собственной безопасности. Реализуя эту цель, государство должно направлять свою деятельность на развитие конструктивного сотрудничества не только с существующими на европейском континенте структурами безопасности, но и с постсоветскими межгосударственными, интеграционными и оборонными структурами. Как показал опыт истории Украины, для неё должен стать доминантой *принцип многовекторного сотрудничества* с разной степенью интегративности или отстраненности, исходя исключительно из собственных кратко-, средне- и долгосрочных интересов. Объем, качество и всеохватность социально-экономических преобразований, происходящих в нашем государстве, трудно сравнить с каким-либо другим периодом отечественной истории. За годы государственной независимости изменения в структуре социальных, политических и экономических отношений являются кардинальными: сформировались новые субъекты собственности и политической деятельности, трансформировались базовые ценности жизни и мотивация поведения, меняются уклад жизни и мышления вместе с традициями. Является необходимым сделать особый акцент именно на социально-психологическом аспекте национальной безопасности в кон-

тексте политических аспектов взаимоотношений Украины с ЕС и Российской Федерацией. Интеграция со странами с укладами жизни, принципиально отличными от наших, невозможна без изменения сознания каждого гражданина Украины.

Дальнейшее развитие ЕС связано с теми процессами, которые, начиная с 1989 г., произошли в Восточной Европе, а затем и в Советском Союзе. «Европа» имела ранее четкие границы, и ее рассматривали как совокупность либеральных демократий Западной Европы, отделённых от коммунистических стран Востока. Распад Советского Союза изменил ситуацию. В условиях такого сложного положения, многие части населения Украины обращают свои взоры к России. Ощущение определенного морально-психологического единства с народом РФ среди граждан Украины имеет не только исторические корни, но из-за жизни в сложных экономических условиях, пристрастного отношения и недоверия к Украине со стороны развитой Европы, тяготение к «братьям по несчастью» крепнет. Это отбрасывает Украину назад и составляет существенную опасность в плане потери независимости и возможного возвращения авторитарных моделей управления.

Трудно не согласиться, что парадигмой развития российской государственности является безоговорочное наследование прежних государственнических идеологем, принципов и стиля ведения дел, в*и*дения своей геополитической роли. Вопрос о переосмыслении имперского наследия, исторической ответственности, необходимости обновления отношений с ближайшими соседями, в Москве на высшем государственном уровне серьёзно даже не возникал. В российской геополитической мысли не существует всеми признанных концепций относительно определения собственных естественных границ, собственных масштабов, в ней преобладают такие категории как *«сферы исключительных интересов», «зоны влияния», «ареал расселения русскоязычного населения»* и т.п. Отсутствие четкой границы применения методов внешней и внутренней политики и наличие проблем в отношениях с любой соседней державой, если она не соглашается на роль сателлита – характерно для части российской элиты. Понятно, что эти взгляды распространяются и на Украину. Многих российских политиков и экспертов объединяет требование международного признания приоритетности интересов Москвы в Украине. Сейчас является реальностью то, что РФ не готова к изменению алгоритма в отношениях с соседями, к реальной паритетности и равноправному партнерству. Украина и Беларусь сейчас во многих аспектах своей внутренней и внешней стратегии являются во многом зависимыми государствами, (неважно, от каких именно геополитических и геоэкономических группировок и стран). Стратегические российские интересы направлены не только на Беларусь, но и на Украину, и на все постсоветское пространство в целом (кстати, в определённых схемах не сбрасывается со счетов и возможность проведения «сателлитарной» стратегии по отношению и к бывшим странам Варшавского договора). Это вызывает необходимость крайне осторожно относиться к любым формам интеграционного сотрудничества и с РФ и ЕС, побуждает в первую очередь сохранять состояние осторожного дистанцирования от России как наиболее выраженного гегемона на постсоветском пространстве. Так сложилось, что Россия имеет экономические (особенно нефтяные и газовые) рычаги влияния на Украину. К тому же имеет место настоящее засилье российской массовой культуры на территории и в массовом сознании (да и в массовом бессознательном) Украины. Но это еще не так страшно. Совокупность таких факторов как отсутствие энергосамодостаточности, ментального и регионального нациоединства, ядерного оружия и жалкое положение армии вызывают ощущение полной беззащитности.

Рядовой украинский гражданин не чувствует необходимой групповой вовлеченности в социальную, экономическую и политическую жизнь своей страны. Высокий уровень коррупции, стагнация немодернизированной украинской экономики, значительное влияние олигархии на политическую и экономическую деятельность государства обусловливают низкий уровень гражданского сознания [7, s. 41]. При отсутствии опыта интеграции в такие образования как ЕС, в общественном мнении рядовых украинцев не ощущаются такие потребности и сегодня. Для существенных изменений сознания, формирования такого гражданина Украины, который был бы способен жить и работать в ЕС, необходимы изменения в экономическом, социальном и политическом спектрах. К сожалению, практика показывает, что реализация социальной политики в Украине не обеспечивала возможности для соблюдения государством своих обязательств. Разумеется, в условиях системного экономического кризиса социальная политика не может быть полноценной, ведь для реализации социальных программ требуются значительные ресурсы. В этот период функции государства сводятся к обеспечению минимальной социальной защиты наиболее нуждающихся слоев населения. Однако в Украине социальная цена реформ оказалась чрезмерной, а система социальной защиты малоэффективной. В таких условиях для достижения национального консенсуса по отношению к проводимым реформам жизненно необходимо такая экономическая политика, которая способна обеспечить восстановление промышленно-производственного потенциала, сокращение инфляции, безработицы и осуществления стратегии справедливого распределения как бремени, так и выгод от системных изменений [8, s. 110].

Другая главная проблема – коррупция. Этот «рак общества» может принимать различные формы – от поддержки старых связей и мелких взяток мелким бюрократам до прямолинейной жестокой преступности государственных верхов. Нельзя недооценивать масштаб коррупции, хотя он различен в разных странах постсоветского пространства. Коррупцию, которая с определенного момента распространилась и стала обыденной и общепринятой, потом трудно искоренить. Было бы слишком поверхностным предположить, что коррупция исчезнет с устранением несовершенств рынка. Ясно, что в теории рыночная экономика даёт меньше возможностей для коррупции и поисков незаконных источников дохода. Но риск в том, что в переходный период коррупция может успеть стать всеобъемлющей, что может привести не к социально-рыночной экономике, а к дикому и грабительскому олигархическому капитализму [4; 5; 6].

В условиях демократии огромную роль играет гражданское общество. Но чтобы оно было способствовало демократизации, в нём должны доминировать: культура компромисса, уважение к меньшинствам и этика социальной и персональной порядочности и ответственности [1, с. 386]. Культура демократии пока робко, но всё-таки явно пускает корни в переходных обществах постсоветского пространства, которые так долго отрицали ее. Однако из этих корней еще нужно что-то вырастить. Имеются в виду вопросы формирования стратегии ***эффективной безопасности*** в контексте стратегии социальной политики и национальной безопасности государства в условиях разновекторных интеграционных процессов с целью их согласования и взаимокооперирования. Вопрос заключается в том, чтобы политическая система и экономическая стратегия могли бы сделать людей способными выражать свои интересы и стремления таким образом, чтобы это позволило эффективно достичь сбалансированных и эффективных изменений. Демократия серьезно пострадала бы, если бы люди охладели к политике, разочаровались бы в ней из-за измен политиканов и трудностей изменений и занялись бы

только заботами о повседневной жизни. Если бы такое произошло, политическое пространство стало бы открытым для популистов всевозможных сортов. К счастью, можно констатировать, что это не является главной тенденцией. Наоборот, мы видим демократическую культуру, которая постоянно растет на постсоветском пространстве. Поэтому главной задачей является: трансформировать политику постсоветских стран в общую систему *социальной безопасности государств,* как практическое подтверждение того, что государство в своей социальной политике практически реализует интересы общественного большинства, а не отдельной социально-экономической группировки и увеличить роль политического диалога, который включает также и диалог об экономическом выборе.

1. Зінченко, В.В. Громадянське суспільство: шляхи, форми та перспективи (соціально-філософські ідеї і політико-правові тенденції сучасності) / В.В. Зінченко. – К.: КАРПУК, 2007.– 468 с.
2. Зінченко, В.В. Соціальна політика як фактор громадянського суспільства і національної безпеки України / В.В. Зінченко // Вісник ЗДІАкадемії. – 2009. – Вип. № 38.– С. 213 – 221.
3. Зінченко, В.В. Суспільна модернізація і громадянська інституалізація як фактор національної безпеки України / В.В. Зінченко // Актуальні проблеми зовнішньої політики та економіки України. – Чернівці: ЧНУ ім. Ю. Федьковича, 2009. – С. 66 – 69.
4. Christoph, K. Solidarität / K. Christoph. – Baden-Baden: Nomos, 2009. – 223 s.
5. Dannemann, R. Das Prinzip Verdinglichung / R. Dannemann. – Wiesbaden: Panorama, 2005. – 166 s.
6. Fuchs, A. Solidarität der Sozialpolitik / A. Fuchs. – Marburg: Zukunft, 2004. – 280 s.
7. Gleitze, B. Produktivvermogen ist das Kapital der gewerblichen Unternehmen / B. Gleitze. – Bonn, 2007. – 325 s.
8. Siehe, W. Die Freiheiterhalten. Den Klassenkampf zementieren? / W. Siehe. – Fr. a. M.: SurkampfVerlag, 2009. – 213 s.
9. Sintschenko, V. Bilder von der wirtschaft im spätkapitalismus / V. Sintschenko // Kluczowe aspekty naukowej działalności. – 2012. – Vol. 9. Ekonomiczne nauki. – Przemyśl: Nauka i studia. – S. 50 – 61.

ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

О.В. Ратушняк (Краснодар)

После того, как рассеялась эйфория «нового политического мышления» Россия оказалась в сложном положении, а ее внешнеполитическое ведомство вынуждено было решать две основные и взаимосвязанные задачи: 1) определение места России в быстро изменяющемся мире, ее роли в мировой политике; данная задача заключалась в основном в ответе на вопрос: как совместить оставшиеся имперские амбиции великой державы с их несоответствием реалиям современности?; 2) выбор главного направления внешней политики Российской Федерации.

К концу XX в. – началу XXI в. стало ясно: как бы ни определялся главный вектор российской внешней политики (Запад или Восток, а в их рамках – США или Европа, Индия или Китай), Россия не могла уйти от решения задач, связанных с Кавказом. А в решении этих задач было особенно важным отбросить имперские амбиции и реально оценить сложившуюся обстановку.

Внешняя политика России в отношении государств Южного Кавказа тесно взаимосвязана с ее внутренней политикой в отношении своих субъектов на Северном Кавказе. Примеров этому – множество. Приведу только один – решение абхазского вопроса. Казалось бы, в силу известного тяготения Абхазии к России достаточно было предпринять некоторые шаги в этом направлении и интегрировать Абхазию в состав Российской Федерации (не только экономически, но и политически) или способствовать ее независимости. И за этот подход, как известно, выступали и выступают некоторые политические деятели и публицисты. Однако, предпринятые Россией, шаги в данном направлении фактически означали бы игнорирование принципа суверенитета, что, в свою очередь, болезненно сказалось

бы на политической ситуации на Северном Кавказе (учитывая сепаратистски настроенную часть местных политических элит). И это всего один пример. Таким образом, одна из проблем, связанных с проведением Россией кавказской политики, заключается в тесной взаимосвязи ее внутреннего и внешнего аспектов.

Помимо тесной увязки внутренней и внешней политики России на Кавказе, Кавказ важен и сам по себе, благодаря его особому геостратегическому положению. Не случайно его часто характеризуют как «евразийский перекресток» и «солнечное сплетение Евразии». Это положение определяет тот огромный интерес, который питали и питают различные государства к данному региону.

Отмечу еще одну немаловажную особенность, определяющую отношение различных государств к Кавказу. Кавказ – не только значимый геостратегический плацдарм, но и конфликтногенный регион. В силу данного фактора владение им дает не только определенные геостратегические преимущества, но и постоянную (и довольно сильную) «головную боль». Кстати, это одна из причин, в результате которой в настоящее время кто бы ни строил планы в отношении Кавказа, они не идут дальше контроля над этим регионом или отдельными его пунктами. Это является и одной из причин того, что за исключением соседних государств (РФ, Иран и Турция), остальные акторы мировой политики стараются в некоторой степени дистанцироваться от решения кавказских проблем, используя их лишь как средство достижения других своих внешнеполитических и экономических целей, интересов, преимуществ.

В то же время, оглядываясь на историческое прошлое региона, приходится констатировать: Кавказ – никогда не был суверенным и самостоятельным в своей внешней политике, за исключением редких периодов всемирной истории. Но, что еще более важно, с точки зрения мировой политики, зачастую именно эти краткие периоды самостоятельной истории некоторых государств Кавказа были периодами наибольших внутренних раздоров и противоречий в регионе.

Полиэтничность и поликонфессиональность Кавказа, сплетение их в сложный мозаичный узор, с неизбежностью порождали и порождают острые противоречия и конфликты. «Их результатом становилось подчинение всех противоборствующих сторон какой-либо внешней силе», заинтересованной в контроле над данным регионом, а установив этот контроль, – в его политической стабильности [1, с. 16 – 17]. Как показывает исторический опыт, необходимость присутствия на Кавказе внешней силы является не только исторической традицией, но и насущной необходимостью и единственной действенной возможностью поддержки мира и определенной стабильности в регионе. Отмечу, что в настоящее время, говоря о «внешней силе» речь идет не о владении Кавказом, а о присутствии (политическом, экономическом, культурном) в данном регионе, о так называемом доминировании в нем.

Как верно отмечают многие исследователи и, в частности, А.А. Куртов: «Кавказ всегда был периферийным регионом соперничающих между собой северных (западных) и южных (восточных) крупных держав. Поэтому сколь бы себя ни тешили нынешние политические элиты закавказских государств надуманными историческими мифами, реальное благополучие этих стран было детерминировано «десницей Всевышнего». И проблема состоит в том, что непредвзятый взгляд на маятниковые колебания государств Кавказа от одной державы к другой недвусмысленно показывает, что именно в период, когда данные государства находились под покровительством северной державы (т.е. России), и безопасность, и социально-экономическое благополучие большинства населения обеспечивались более эффективно, чем в периоды, когда эти страны попадали в зависимость от

своих южных соседей» [2, с. 141]. Это прекрасно понимают, помнят и знают народы Кавказа, несмотря на искусственно создаваемые и навязываемые им другие стереотипы. Кстати, данный аспект проблемы порождает еще одну важную задачу российской политики на Кавказе – достижение успеха в информационном противостоянии со своими оппонентами с Запада и Востока.

В силу современных условий информационный фактор – одна из важнейших составляющих современной политики (как внутренней, так и внешней). И России необходимо научиться его использовать максимально эффективно. К сожалению, чаще всего в этом плане она зачастую проигрывает своим оппонентам. Необходимо помнить и о том, что информационный фактор наиболее действенен (особенно в долгосрочной перспективе), когда он опирается на реальное положение вещей, а не на искусственно создаваемые мифы и искажение, подмену исторических фактов и реалий современности. Тем более Россия действительно имеет моральное право опираться на историческую традицию создания в целом благоприятных условий для развития народов Кавказа. А некоторые, имевшие место негативные факторы, связанные с политикой императорской России и Советского Союза, на которые указывают ее политические оппоненты, вполне могут трактоваться как издержки имперского прошлого, не имеющие место в политике новой России. Но данный аргумент будет работать, будет действенен только в том случае, если он будет подкреплен реальной политикой в этом направлении.

В настоящее время приходится с грустью констатировать, что политика Российской Федерации на Кавказе пока остается крайне противоречивой и, как следствие, непоследовательной. Причин подобного состояния несколько.

Во-первых, борьба российских элит, преследующих различные, порой противоположные цели и интересы.

Она порождает вторую причину – отсутствие до недавнего времени четко выстроенной долговременной стратегии и тщательно проработанной (с точки зрения экономических возможностей) концепции национальной политики Российской Федерации в целом и ее кавказского направления, в частности.

В-третьих, уже упоминавшаяся, взаимосвязь внутренней политики Российской Федерации на Северном Кавказе и внешней политики на Южном.

Четвертая причина противоречивости и непоследовательности российской политики в Закавказье заключается в том, что и политика правящих элит Азербайджана, Армении и Грузии так же не отличается последовательностью и крайне противоречива. Это определяется как объективными, так и субъективными факторами. В частности, государства Южного Кавказа подвержены одновременно процессам реинтеграции и дезинтеграции с Россией. К реинтеграции их подталкивают особенность экономической структуры государств Южного Кавказа, включая технологические, сырьевые, энергетические потребности, необходимость и возможность экспорта своей продукции на российский рынок, сохранившиеся экономические и культурные связи. Дезинтеграцию вызывают новые экономические и политические реалии современности – неспособность Росси оправдать в полной степени, возложенные на нее ожидания и деятельность определенных кругов внутри данных государств и других заинтересованных игроков мировой политики, а в определенной степени – и некоторые политические шаги самой России [4, с. 232].

Сложность в проведении политики на Кавказе определяется и, уже упоминавшейся, конфликтногенностью региона. На этом фоне особенно значимой представляется следующая реальность. В современной тесной взаимосвязи глобализирующегося мира урегулирование большинства конфликтов международного ха-

рактера требует участия международного сообщества и практически бесперспективно в одностороннем порядке. Однако, до сих пор, в силу определенных причин, международное сообщество в целом дистанцируется от решения проблем Южного Кавказа (решение северокавказских проблем – прерогатива России). Тем более не приходится говорить о каком-то системном характере взаимодействия международных акторов в данном направлении. В тех случаях, когда данное взаимодействие наблюдалось, оно «было основано не на разделении труда и распределении ответственности, а на соперничестве в регионе» [3, с. 87] и – как следствие – не могло быть, и не было продуктивным.

Перспективы российской политики на Кавказе определяются решением следующих основных задач:

1) Выработка и следование четкой (обоснованной политически и экономически) концепции национальной политики России (как внутренней, так и внешней), с учетом как, собственно, интересов России, так и реалий современности.

2) Активная информационная поддержка политических шагов России и информационное противостояние с ее оппонентами.

3) Взвешенная, продуманная государственно-конфессиональная политика, заключающаяся в частности:

а) в четком определении и отделении религиозного фанатизма и экстремизма от мусульманства;

б) необходимости однозначно трактовать и проводить во внутренней политике принцип отделения церкви от государства; но при этом

в) поддержка различных религиозных конфессий и использование их в решении задач достижения и поддержания мира и стабильности в регионе.

4) По возможности мирное преодоление межэтнических противоречий и сепаратистских настроений в республиках Северного Кавказа, путем борьбы с политическим и религиозным экстремизмом, коррупцией и повышения уровня благосостояния основной массы населения северокавказских субъектов Российской Федерации.

5) Налаживание и поддержание системы взаимовыгодных экономических связей с государствами Южного Кавказа, с включением в этот процесс других государств.

6) Формирование на Кавказе региональной системы безопасности и сотрудничества с участием всех государств региона.

1. Зубов, А.Б. Будущее России на Кавказе в свете исторического опыта / А.Б. Зубов // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы / Отв. ред.: А.А. Шаравин, С.М. Маркедонов; Ин-т политического и военного анализа. – М., 2001. – С. 16 – 43.
2. Куртов, А.А. Государства Южного Кавказа и Иран: новые геополитические реалии / А.А. Куртов // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – М., 2001. – С. 139 – 153.
3. Тренин, Д.В. Россия на Кавказе / Д.В. Тренин, Д.А. Данилов // Безопасность России. Черноморский регион / Редколл.: Н.К. Арбатова, В.В. Журкин, Н.А. Ковальский, В.Н. Шенаев, А.А. Язькова. – М.: Интердиалект+, 1997. – С. 81 – 94.
4. Язькова, А.А. Государства Южного Кавказа и Россия: региональные интересы и глобальные факторы / А.А. Язькова // Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы / В.В. Журкин, Н.К. Арбатова, В.А. Бабешко [и др]. – М.: Интердиалект+, 2001. – С. 228 – 239.

КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ: ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ

Е.А. Слинько (Воронеж)

Политическая система Украины переживает в настоящее время серьёзный кризис, не потерявший свою интенсивность за более чем двадцать лет независимости. Кризис охватывает все стороны государственной и общественной жизни страны: политическую, экономическую, административную, социальную и т.д. Несмотря на очевидное быстрое развитие политического процесса, на постоянное реформирование политических институтов, присутствуют все признаки стагнации и ригидности. К таким признакам относятся: незавершённый конституционный процесс, хаотичное реформирование электорального процесса, продолжительное непонимание и неспособность прийти к компромиссу среди представителей украинских элит, а также ряд других явлений политической жизни Украины. Далее подробно рассматриваются некоторые из указанных негативных факторов в качестве основной причины системного кризиса на Украине.

Первым таким признаком является незавершённый конституционный процесс. Конституция имеет фундаментальное значение для консолидации нации и является базисом процесса государственного строительства. Украина приобрела независимость в 1991 г., однако конституция Украины была принята лишь в 1996 г. Украинское государство опиралось на конституцию УССР 1978 г. с внесёнными в неё поправками [1] в течение пяти лет после обретения независимости. В украинской политической системе возникли новые должности президента и премьер-министра при сохранении всей полноты власти Верховной Рады Украины. После краха СССР компартия утратила своё влияние на исполнительную ветвь власти, Политбюро было ликвидировано, однако Верховный Совет (на Украине – Верховная Рада) сохранил свои полномочия. Президент независимой Украины также являлся влиятельной фигурой, однако он практически не имел возможности влиять на парламент, а премьер-министр оказался зависим от обоих институтов (например, поднимать вопрос о доверии правительству имели право и Президент, и парламент). Подобный институциональный хаос сделал политический процесс затруднительным и породил многочисленные конфликты между ведущими политическими акторами.

Процесс принятия конституции Украины привел к новым конфликтам между президентом и парламентом. Раздробленная Верховная Рада не могла прийти к консенсусу по вопросу о содержании Конституции, поэтому решающую роль стала играть воля президента. Определённым успехом стало принятие в 1995 г. «Конституционного договора между Верховной Радой Украины и Президентом Украины об основах организации и функционирования государственной власти и местного самоуправления на Украине в период до принятия новой Конституции Украины», известного, как «Закон о власти». Данный документ был действителен лишь в течение года, по истечении которого должна была быть принята конституция. За указанный срок не были выработаны пути сотрудничества между президентом и парламентом, а также внутри парламента, а потому в 1996 г. противостояние возобновилось.

Президент Украины Л. Кучма настаивал на расширении полномочий президента и включении в их число возможности роспуска Верховной Рады, что превращало парламент в законодательный и представительный орган, лишённый исключительных полномочий, дарованных Конституцией УССР 1978 г. Конструктивного способа достижения компромисса не было найдено, и лишь угроза Л.

Кучмы провести референдум по вопросу о доверии к непопулярному парламенту привела к принятию конституции. Таким образом, Конституция составлялась и принималась в спешке и содержала ряд противоречивых статей [2]. Полномочия Президента значительно расширились, и Л. Кучма использовал эту ситуацию, чтобы усилить авторитарные тенденции политического режима Украины. Возрастающий авторитаризм привёл к постепенному объединению многих политических сил в антипрезидентскую коалицию. После парламентских выборов 2002 г. на Украине впервые появилась консолидированная оппозиция, что в 2004 г. привело к так называемой «оранжевой» революции.

В результате смены властных элит «оранжевый» кандидат В. Ющенко стал президентом Украины, однако был вынужден пойти на компромисс со своими политическими противниками и внести поправки в Конституцию Украины. Согласно новой редакции конституции, кабинет министров формировался коалицией депутатских фракций и был зависим от парламента, но за назначение министра обороны и министра иностранных дел, а также за иные ведомства, занимающиеся безопасностью, по-прежнему отвечал президент. Таким образом, власть была разделена не между законодательной и исполнительной ветвями, а внутри исполнительной ветви. Более того, упомянутые ветви власти имели непосредственное влияние на конституционный суд, что впоследствии привело к невозможности его работы в течение многих месяцев. Ситуацию усугублял и тот факт, что изначально президент В. Ющенко и премьер-министр Ю. Тимошенко были партнёрами по «оранжевой» революции, но их неразрешимые противоречия оказались, в результате, одной из причин паралича политического процесса.

Кроме того, ни В. Ющенко, ни Ю. Тимошенко не могли примириться с ситуацией, в которой, несмотря на победу «оранжевой» революции, новые элиты стремительно теряли популярность, а преемник Л. Кучмы В. Янукович и его Партия регионов, напротив, становились самой серьёзной политической силой в стране. Апогея конфликт достиг, когда в результате раздробленности «оранжевой» коалиции В. Янукович занял пост премьер-министра. С этого момента новая редакция конституции начинает играть две роли, обе из которых негативно сказались на политическом процессе Украины. Во-первых, конституция утрачивает своё регулирующие воздействие и становится исключительно формальным документом (например, роспуск Верховной Рады в 2007 г. произошёл вследствие конъюнктурных соображений, так как в указанный момент ни одно из трёх конституционных условий роспуска парламента не было соблюдено). Во-вторых, попытки соблюдения конституции продолжали приводить к параличу политического процесса. Постепенно все политические силы пришли к мнению, что новая редакция конституции являлась неудачной.

В. Янукович отменил поправки к конституции после своей победы на выборах президента Украины в 2010 г. государство вернулось к конституции редакции 1996 г., однако проблема выработки эффективной конституции сохраняется до настоящего времени. Вторым признаком стагнации является хаотичное и непродуманное реформирование электорального процесса. Первые независимые парламентские выборы состоялись в 1994 г. в соответствии с мажоритарной системой. Результатом стала высокая фрагментация парламента (15 партий), причём значительное число независимых кандидатов (всего их насчитывалось 163 депутата в 450-местном парламенте) вовсе не имело каких-либо идеологических предпочтений. Данный созыв Верховной Рады продемонстрировал свою неэффективность, сделав, в том числе, невозможным конструктивный диалог с президентом в ходе конституционного процесса 1995 – 1996 гг. Вследствие этого политические

элиты осознали необходимость реформы, и с 1997 по 2004 гг. на Украине действовала смешанная избирательная система. Внедрение смешанной избирательной системы было призвано решить две основные проблемы: во-первых, создать стимул для партийной консолидации и для создания коалиций, а, во-вторых, преодолеть слабость политических партий в целом [3, p. 154]. Выборы по пропорциональной системе должны были укрепить партии, так как половина мест в парламенте заполнялась партийными членами. Кроме этого, партийные списки были «закрытыми», то есть партийные лидеры контролировали список кандидатов, и избирательный закон должен был оказывать на партии консолидирующий эффект даже после выборов [4, p. 63 – 86]. Целью мажоритарной системы была партийная консолидация ввиду того, что традиционно мажоритарная система приводит к формированию двухпартийной системы. Идея реформы заключалась в том, что обе формы организации электорального процесса будут работать независимо и одновременно. Если бы так случилось, то на Украине появилась бы сильная партийная система, а количество партий в парламенте значительно уменьшилось.

Однако на практике случилось так, что меры, направленные на решение одной проблемы, усугубили другую. Выборы в одномандатных округах негативно повлияли на укрепление партий, допустив в парламент независимых народных депутатов, а партийные списки позволили небольшим партиям пройти в законодательный орган, тем самым мешая партийной консолидации.

После «оранжевой» революции избирательное законодательство было вновь изменено. Парламентские выборы 2006 и 2007 гг. проходили уже по пропорциональной избирательной системе, что дало ожидаемый результат и способствовало усилению партий. В Верховную Раду, с учётом трёхпроцентного заградительного барьера, и в 2006, и в 2007 г. прошли всего пять партий, которые смогли сформировать коалицию большинства. Но здесь нельзя забывать, что в период 2006 – 2010 гг. для партий существовал очень серьёзный стимул к объединению: согласно изменениям, внесённым в конституцию в 2004 г., правительство формировалось большинством народных депутатов, а неспособность образовать правительство в установленный срок приводила к роспуску парламента. Таким образом, пропорциональная избирательная система становилась жизненно необходимой для эффективного функционирования ветвей власти.

В 2010 г. упомянутые изменения конституции были отменены, и президентский способ формирования правительства вернулся, что, однако, не означает неэффективность пропорциональной системы. Напротив, практика 2006 и 2007 гг. показала, что именно при голосовании по партийным спискам количество прошедших в парламент партий минимизируется, партии получают дополнительные стимулы для усиления и укрупнения, а парламентским фракциям становится легче искать союзников и заключать коалиционные соглашения. Однако в 2011 г. была опять введена смешанная избирательная система [5], что позволяло усилить положение Партии регионов в парламенте за счёт кандидатов, победивших в одномандатных округах, и в то же время должно было способствовать раздроблению оппозиции. Таким образом, электоральный процесс зависит от конъюнктуры, а потому движется по замкнутому кругу без видимого прогресса.

После 2010 г. ведущей политической силой в государстве стала Партия регионов, которая является не столько сообществом людей с близкими идеологическими позициями политического центризма, а, в первую очередь, совокупностью взаимодействующих финансово-экономических групп. В. Янукович, с одной стороны, способствует возвращению сформированной ещё в конце 1990-х – начале

2000-х гг. системы, но, с другой стороны, пытается избежать ошибок Л. Кучмы. Указанным целям отвечает формирование смешанной избирательной системы.

1. Конституція (Основний Закон) Української Радянської Соціалістичної Республіки. – 1978 // Відомості Верховної Ради УРСР. – 11.07.1978. – № 18. – Ст. 268.
2. Конституція України // Відомості Верховної Ради України. – 23.07.1996. – № 30. – Ст. 141.
3. D'Anieri, P. Understanding Ukrainian politics: power, politics and institutional design / Paul D'Anieri. – New York: M.E. Sharpe, 2006. – 299 p.
4. Herron, E.S. Contamination Effects and the Number of Parties in Mixed-Superposition Electoral Systems / Erik S. Herron, Misa Nishikawa // Electoral Studies. – 2001. – March. – № 20. – P. 63 – 86.
5. Закон України «Про вибори народних депутатів Украіні» від 17.11.2011 // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2012. – № 10 – 11. – Ст. 73.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ВЫЗОВАХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ

А.С. Кучик (Львов)

Формирование нового международного порядка после распада биполярной системы международных отношений ставит перед исследователями ряд вопросов, связанных с необходимостью анализа геополитических факторов внешней политики государств. Особенно, в этом контексте, актуальным представляется вопрос постсоветского пространства, которое в силу исторических факторов стало регионом притягивающим внимание как политиков разных стран, так и исследователей-международников. Сопоставление процессов глобализации, интеграции, трансформации в системе международных отношений приводит к пониманию того, что постсоветское пространство является важным элементом формирования и развития внешнеполитической деятельности ряда независимых государств, образовавшихся после распада СССР. Трактовка постсоветского пространства как единого геополитического комплекса, часто встречающаяся в научной литературе, неизбежно приводит к разному толкованию, не всегда объективному, поскольку к рассмотрению постсоветского пространства как такового, необходимо подходить с точки зрения интеграционной модели государств региона. С одной стороны, постсоветское пространство может толковаться как территория распавшегося СССР. С другой стороны, принимая во внимания наличие различных цивилизационно-политических аспектов, мы вправе говорить о наличии субрегиональных составляющих, как например, Европа, Азия, тюркский восток и пр. [2, с. 24 – 25]. Таким образом, анализ внешнеполитических устремлений государств постсоветского пространства следует рассматривать с учётом восприятия их политическими элитами «геополитической прописки» государства в той или иной системе координат. Иными словами, интеграционные перспективы того или иного государства являются тесно связанными, с одной стороны, с выбором модели интеграционного процесса и, с другой, определение платформы и целей такой интеграции. В этом ключе интересным кажется анализ внешнеполитических концепций стран региона в контексте перспектив интеграции вообще и вызовов внешнеполитическим интересам, в частности.

Рассматриваемая проблематика в контексте концептуальных основ внешней политики Украины выражается в дихотомии европейского и евразийского развития Украины. Большинство политиков и исследователей рассматривают таковую поляризацию по линии Восток – Запад [3]. На наш взгляд, такая дихотомия кажется искусственно ограниченной. Поскольку, учитывая наличие широкого спектра работ украинских общественно-политических деятелей [1], можно констати-

ровать необходимость расширения упомянутой дихотомии «Восток – Запад» по крайней мере за счёт Черноморской региональной системы сотрудничества или рассмотрения проекта Балтийско-Черноморской дуги как альтернативе исключительно постсоветского пространства в границах бывшего СССР. Очевидным также является факт такого пристального внимания политических институтов иностранных государств к Украине, которая, в силу специфики своего геополитического положения, является непосредственно важным фактором развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В этом смысле не вызывает особых возражений тезис о том, что страны бывшего СССР и далее остаются объектом внешнеполитической борьбы стран региона, направленной на установления влияния на внешнеполитическую ориентацию бывших республик через политические механизмы институтов многостороннего сотрудничества [5, с. 88 – 90].

Также следует учитывать наличие разных подходов к трактовке геостратегических интересов стран постсоветского пространства, что обуславливает необходимость разработки такой модели сотрудничества, которая может сочетать факторы геополитической ситуации в регионе, национальные интересы отдельных государств, а также тенденциям глобального развития в контексте формирования нового мирового порядка, в котором всё чётче наблюдается возрастающая роль азиатского региона как своеобразного противовеса европейского или американского доминирования в мире. Поскольку в этой борьбе возрастает роль международных организаций, стремительный рост числа которых мы наблюдаем в последние десятилетие [10], это даёт повод говорить о возрастающей роли механизмов и институтов многостороннего сотрудничества во внешнеполитической деятельности государств.

В связи с этим, изучение факторов геополитического позиционирования стран и групп государств на постсоветском пространстве имеет исключительно важное значение при выборе модели сотрудничества, особенно в рамках интеграционных объединений с участием Украины. Важным, на наш взгляд, является и анализ эффективности (результативности) деятельности разных международных форумов в плане реализации внешнеполитических устремлений государств, а, особенно, реализации национальных интересов Украины.

Современное состояние процессов интеграции стран постсоветского пространства вообще и СНГ, в частности, позволяет рассматривать, по крайней мере, несколько моделей сотрудничества как в рамках этого интеграционного объединения, так и на пространстве бывшего СССР, вообще. Стремление политических элит Российской Федерации к сохранению геополитического господства России на пространстве, которое часто считают сферой влияния РФ, приводит к провоцированию дезинтеграционных настроений в государствах – бывших республиках СССР. С другой стороны, ряд исследований, посвященных анализу деятельности региональных международных организаций, ориентированы на рассмотрение процесса формирования региональных интеграционных объединений на основе исторического опыта сотрудничества, учитывая, вместе с тем, модель не столько функционального основания для сотрудничества, сколько цивилизационно-политической близости. К примеру, анализируя принципы формирования и функционирования региональных организаций вне европейского региона, авторы приходят к выводу о том, что не столь функциональная составляющая важна в их деятельности, сколько желание сохранения существующих режимов, и, безусловно, они базируются на нежелании делегировать часть суверенитета наднациональным органам управления тех или иных региональных международных организаций [9]. С другой стороны, анализируя трансформацию роли международных

организаций и функциональные особенности в их деятельности, приходим к выводу о необходимости рассмотрения модели развития сотрудничества в рамках региональной организации в развитии, учитывая при этом меняющуюся международную ситуацию, да и внутриполитические трансформации в государствах-членах тех или иных региональных интеграционных проектов [6].

Анализируя модель участия Украины в интеграционных объединениях постсоветского пространства, следует отметить ориентацию на развитие двусторонних отношений со странами постсоветского пространства. С другой стороны, наблюдается возрастание несогласия политических элит некоторых стран постсоветского пространства (Украина, Молдова, Азербайджан, Грузия и др.) проводить свою внешнеполитическую деятельность используя принцип многовекторности, ориентированный на развитие одновременно рациональных отношений с странами близкого и дальнего зарубежья. Такая концепция базируется на особенностях географического положения Украины, её транзитном потенциале и т.д. Подписывая, таким образом, соглашение об образовании СНГ, украинские политические элиты рассматривали это интеграционное объединение как инструмент развития двустороннего сотрудничества на постсоветском пространстве. В тоже время, предлагаемая Российской Федерацией модель сотрудничества, которая нашла отображение в проекте Устава Организации, обуславливала такие механизмы сотрудничества, которые предусматривали образование унификационных органов управления, и как следствие – возрастание доминирования России на постсоветском пространстве. Очевидно, с этим связаны столь частые обвинения, звучащие в адрес Украины, смысл которых заключается в критике «затягивания процесса интеграции», нежелание развивать сотрудничество и т.п. [4, с. 155]. Предложение, с одной стороны, российской модели интеграции на постсоветском пространстве через расширение участия стран региона в разных интеграционных проектах предлагаемых российским руководством (Таможенный, Валютный Союз, ЕЭП, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС и др.), и возрастающая роль структур Европейского Союза, набирающего экономического и политического влияния на международной арене, привело к необходимости переориентации, а, возможно, и корректировки внешнеполитических приоритетов некоторых стран бывшего СССР. Вместе с тем наблюдается эволюция внешнеполитических устремлений Украины и переосмысление форм участия в интеграционных проектах, инициируемых Россией. В этом контексте можно говорить о переоценке ценностей интеграции в рамках СНГ и переориентация на Европу, которая получила особо острые оценки со стороны российских политических факторов. «Главное отличие подобных установок от принципов Л. Кучмы: восточный вектор в лице России терял статус равнозначного с западным. В. Ющенко, исходя из данного Украине географического окружения, значимости и уровня связей с соседями, предложил свою многовекторную модель. Разъединив два суперинтереса – Россию и Евросоюз, Украина могла бы сидеть на западном «стуле», опираясь одной рукой на восточный» [8]. Подводя итог, можно констатировать, что модель интеграции следует выбирать с учётом меняющихся геополитических, геостратегических факторов на постсоветском пространстве, которое утрачивая свою ценность единого регионального объединения, тем не менее остается влиятельным фактором международной политики.

1. Асиметрія міжнародних відносин / під ред. Г.М. Перепелиці, О.М. Субтельного. – К.: Видавничий дім «Стилос», 2005. – 555 с.
2. Бахлова, О.В. Эволюция интеграционных процессов на постсоветском пространстве и их влияние на центрально-периферийную конфигурацию региона / О.В. Бахлова // Грамота. – Тамбов. – 2011. – № 8 (14): в 4-х ч. – Ч. III. – С. 24 – 28.

3. Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО(У); РОССПЭН, 2002. – 526 с.
4. Горовой, В.А. Содружество Независимых Государств. Реалии и перспективы / В.А. Горовой, С.И. Чернявский. – М.: Навона, 2008. – 192 с.
5. Кучик, А.С. Концептуализация развития СНГ во внешнеполитической деятельности Украины / А.С. Кучик // Международные отношения и интеграционные проекты на постсоветском пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Днепропетровск, 18–19 мая 2012 г.): в 2 частях. – Д.: ТОВ «Інновація», 2012. – Ч. 1. – С. 88 – 90.
6. Кучик, О.С. Функціональні особливості діяльності міжнародних організацій / О.С. Кучик // Вісник Львівського національного університету імені Івана Франка. Серія міжнародні відносини. – 2006. – Вип. 16.– С. 100 – 106.
7. Лысенков, А.В. Взаимоотношения Украины со странами СНГ после «оранжевой» революции: интересы и результаты (2005–2009) / Международные отношения. Политология. Регионоведение / А.В. Лысенков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (1). – С. 320 – 325.
8. Ющенко, В. «Украина всегда хотела иметь независимость» / В. Ющенко. – Официальное представительство Президента Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.gov.ua /ru/. – Дата доступа: 03.03.2013.
9. Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective / Ed. by Amitav Acharya and Alastair Lain Johnston. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 318 p.
10. Yearbook of International Organizations 2012 – 2013 (6 Vols.). Edited by the Union of International Associations – Brill Academic Pub. // Union of International Associations [Electronic resource]. – Access mode: http://www.uia.be/yearbook-online-organizations-tab-search-fields. – Date of access: 03.03.2013.

«ПАРАД СУВЕРЕНИТЕТОВ» И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В БЕЛАРУСИ (1990–1991 гг.)

А.В. Курьянович (Минск)

«Парад суверенитетов» – условное название процесса провозглашения республиками СССР своей государственной независимости. Его пик пришелся на 1990 г. и законодательно закрепил симптомы будущего распада Советского Союза, которые во второй половине 1980-х гг. вылились не только в резком возрастании общественной активности в национальных республиках, но и в острых межнациональных конфликтах, в частности в Нагорном Карабахе.

Выборы в высшие представительные и законодательные органы власти союзных республик – Верховные Советы, состоявшиеся весной 1990 г., показали их стремление дистанцироваться от «центра» и сконцентрироваться на решении региональных проблем. Правда, в Беларуси этот процесс был не так активен. Его особенность заключалась в том, что в результате выборов в марте 1990 г. Верховный Совет XII созыва был в основном укомплектован коммунистами и беспартийными. В новом парламенте была сформирована оппозиционная депутатская группа Белорусского Народного Фронта (БНФ) под руководством З. Позняка. Главную суть своей внешнеполитической доктрины представители БНФ огласили еще во время предвыборной кампании в Верховный Совет, утверждая, что Беларусь – это «полуколония» в составе СССР [1, л. 17].

В марте – мае 1990 г. Грузией, Литвой, Латвией и Эстонией были приняты декларации о государственном суверенитете, устанавливающих приоритет республиканских законов над союзными нормативно-правовыми актами. Вместе с тем определяющим фактором политического развития СССР стали действия союзного руководства, его противостояния союзным властям. Дело в том, что с весны 1990 г. на первые роли в российской политике окончательно вышел Б. Ельцин, ставший, кроме того, председателем Верховного Совета РСФСР. Избрав тактику расшатывания СССР изнутри, Б. Ельцин добился того, что 12 июня 1990 г. Россия

официально провозгласила свой суверенитет. После России процесс декларирования суверенитетов набрал новый оборот: 20 июня 1990 г. его провозгласил Узбекистан, 23 июня – Молдавия, 16 июля – Украина [2, с. 160 – 163].

27 июля 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете принял и Верховный Совет БССР. В ней объявлялась единой и неделимой территория республики, Верховный Совет наделялся самыми широкими полномочиями. Кроме того, провозглашалась свобода всех форм собственности, а также право БССР на свою долю в золотом и алмазном общесоюзном фонде и др. [3].

Парламентская оппозиция БНФ предложила для рассмотрения свой проект Декларации. Он был настолько радикален, что предполагал выход Беларуси из состава СССР, денонсации Договора от 30 декабря 1922 г. и др. [4, с. 46.]

Еще одна особенность состояла в том, что в разгар «парада суверенитетов» у белорусского руководства не было четко очерченной программы действий. Ни правительство, ни парламент старались не делать «резких движений», наблюдая за исходом противостояния М. Горбачева и региональных элит.

Между тем, горбачевское руководство предпринимало попытки сохранить центральную власть с помощью идеологических и экономических мер, так и посредством силы. 1 апреля 1990 г. в газете «Правда» было опубликовано обращение М. Горбачева к литовскому народу, в котором он призывал власти республики отказаться от «безрассудства» [2, с. 143].

Трагические события, связанные с Литвой, произошли в 11 – 13 января 1991 г., когда при штурме верными Москве войсками телецентра в Вильнюсе погибли люди. Литва, Латвия, Эстония и Россия в лице Б. Ельцина единым фронтом выступили против М. Горбачева и даже обратились к Генеральному секретарю ООН с предложением созвать незамедлительно международную конференцию по урегулированию проблемы балтийских государств. С целью укрепления позиций «центра» и своего собственного положения М. Горбачев инициировал проведение 17 марта 1991 г. референдума. Вопрос, выносимый на референдум, формулировался следующим образом: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой в полной мере будут гарантироваться права и свободы человека любой национальности?» [2, с. 201].

М. Горбачев сконцентрировал все усилия на достижение победы на референдуме. В частности, 26 февраля 1991 г. советский президент посетил Белорусскую ССР и выступлении перед представителями научной и творческой интеллигенции предостерег от того, чтобы вернуть государственность в состояние, «напоминающее времена Ивана Калиты» [5, с. 5]. Дезинтеграция, продолжал М. Горбачев, «вещь опаснейшая», и только безумцы могут подталкивать к ней.

Результаты референдума оказались благоприятными для союзных властей: более 76% населения высказалось за сохранение Союза ССР. В Беларуси этот показатель был выше и достиг 83,3% [2, с. 218]. Вместе с тем в референдуме не приняли участие прибалтийские республики, а также Грузия и Молдавия.

М. Горбачев вынужден был объявить реформирование СССР важнейшей задачей. 23 апреля 1991 г. в президентской резиденции Ново-Огареве было сделано совместное заявление М. Горбачева и еще девяти глав союзных республик, в том числе и Беларуси. Из текста заявления следовало, что первоочередной задачей для преодоления кризиса является заключение нового договора суверенных государств «с учетом итогов проведенного всесоюзного референдума» [2, с. 225].

4 мая 1991 г. у М. Горбачева прошло специальное совещание по Союзному договору. В своем эмоциональном выступлении советский президент заявил, что

«держать дальше общество в таком состоянии нельзя», что «недопустимо тянуть с новым Союзным договором». М. Горбачев предложил новое название для обновленной федерации: Союз Суверенных Государств [2, с. 231].

24 мая в Ново-Огареве под председательством М. Горбачева состоялось заседании подготовительного комитета созванного для работы над проектом нового Союзного договора и определения порядка его подписания. Б. Ельцин, в частности, заявил, что начинать процедуру подписания надо с РСФСР, иначе договор не будет заключен [2, с. 242].

В свою очередь Б. Ельцин все более прочно утверждался в качестве хозяина российской политической сцены. 12 июня 1991 г. он одержал уверенную победу против пяти кандидатов, в том числе и малоизвестного тогда В. Жириновского. Победа Б. Ельцина на всенародных выборах была убедительней, чем кулуарное избрание М. Горбачева на пост президента. Став российским президентом, Б. Ельцин внешне подтвердил свое желание подписать Союзный договор.

Сам проект Союзного договора был разработан к 23 июля 1991 г. В соответствии с ним республики получали значительные права, однако и союзное государство сохраняло за собой важнейшие рычаги управления (финансовая система, транспорт, энергетика, вооруженные силы и т.д.).

Процедура подписания договора была назначена на 20 августа 1991 г. Рабочие группы Г. Шахназарова и Г. Ревенко подготовили «Примерную процедуру подписания Союзного договора», которая должна была осуществиться в Георгиевском зале. Однако Союзный договор так и не был подписан. Консервативными силами он расценивался как недопустимая уступка республиканскому сепаратизму. Консерваторы отважились на решительные действия и 19 августа 1991 г. отстранили М. Горбачева от власти. Путч, продолжавшийся три дня, провалился и стал мощным фактором распада Советского Союза. 25 августа и 19 сентября 1991 г. Верховный Совет Беларуси XII созыва принял важнейшие законодательные акты, заложившие основу для становления республики как субъекта международного права [6;7;8].

8 декабря 1991 г. главы России, Беларуси и Украины подписали знаменитое Беловежское соглашение о ликвидации Союза ССР. Роспуск СССР и образование СНГ, вопреки мрачным прогнозам о гражданской войне и реках крови, не вызвал дестабилизации и обстановки и социального взрыва на постсоветском пространстве. Большинство бывших советских людей довольно спокойно и равнодушно рассталась с советским строем, исчерпавшим себя во всех отношениях.

Политические элиты национальных республик старались как можно быстрее юридически закрепить Беловежские соглашения, чтобы получить власть в уже независимых государствах. Так, 10 декабря 1991 г. Верховный Совет Беларуси XII созыва практически единогласно ратифицировал Вискулевские договоренности [9]. Перед новыми независимыми странами – членами СНГ, в том числе и Беларусью – стала задача укрепления государственного суверенитета и утверждения в качестве субъектов международного права.

1. Агитационные листовки, обращения, призывы Белорусского Народного Фронта // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 968. – Оп. 4. – Д. 3. – 38 л.
2. Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства / Горбачев-Фонд; редкол.: В.Т. Логинов [и др.]. – М.: АСТ, 2007. – 526 с.
3. Декларация о государственном суверенитете Беларуси: основные положения / А.В. Курьянович // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей / под ред. М.М. Журавлева, А.М. Барнашова, С.С. Кузнецов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – Ч. 53. – С. 47 – 49.

4. Курьянович, А.В. Оппозиция Белорусского Народного Фронта (БНФ) в Верховном Совете Беларуси XII созыва: идеология и деятельнbсть (1990 – 1995) / А.В. Курьянович // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2013. – Сер. 1. – №.1 – С. 45 – 53.
5. Горбачев, М.С. Сохранить и обновить родную страну. Выступления в Белоруссии 26 и 28 февраля 1991 г. / М.С. Горбачев. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – 32 с.
6. Курьянович, А.В. Августовский путч 1991 г. и его последствия в Беларуси /А.В. Курьянович // Перестройке 25 лет. Историческая память современной России. Материалы Международной научно-практической конференции, 14 мая 2010 г., г. Москва / Российский государственный гуманитарный университет; редкол.: Е.И. Пивовар [и др.] – М.: РГУУ, 2010. – С. 204 – 209.
7. Курьянович, А.В. 19 сентября в политической истории современной Беларуси / А.В. Курьянович // Актуальні проблеми юридичної науки. Збірник тез Міжнародної наукової конференції «Восьмі осінні юридичні читання» (м. Хмельницький, 13 – 14 листопада 2009 року). – Частина перша. – Хмельницький: Видавництво Хмельницького університету управління та права, 2009. – С. 52 – 54.
8. Курьянович, А.В. Герб «Погоня» и бело-красно-белый флаг как государственные символы Республики Беларусь: история утверждения / А.В. Курьянович // Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації професійних спілок України. – 2012. – № 3. – С. 87 – 92.
9. Курьянович, А.В. Роспуск Союза ССР: взгляд из белорусского парламента – Верховного Совета XII созыва / А.В. Курьянович // Право в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 7 декабря 2012 г. В 2 ч.– Екатеринбург: Уральский институт – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2012. – Часть 1. – С. 31 – 38.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА РОССИИ, БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА

Ю.Г. Шубина (Ставрополь)

Таможенный союз – одно из самых молодых и самых неоднозначных международных объединений. Таможенный союз в рамках Евразийского экономического сообщества – форма торгово-экономической интеграции Беларуси, Казахстана и России, предусматривающая единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле товарами не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. Страны-участницы Таможенного союза применяют единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими странами [3].

Таможенный союз (далее – ТС) в трехстороннем порядке начал свою работу с 6 июля 2010 г., с момента ратификации всех необходимых бумаг по союзному Таможенному кодексу. 5 июля 2010 г. лидеры России, Белоруссии и Казахстана в г. Астана подписали все нужные документы. В процессе вступления находится Киргизия – до конца 2013 г. там должны изучить всю документацию. Вариант присоединения к ТС рассматривают и некоторые другие наши партнёры по СНГ. В этом и заключается принципиальное значение и особенность Таможенного союза. Если после развала СССР наши соседи старались дистанцироваться как можно дальше друг от друга, то Таможенный союз стал первой точкой, когда впервые все снова посмотрели в одном направлении [1].

В 2010 г. на территории трех стран начал действовать Таможенный кодекс Таможенного союза, через год на границах России, Беларуси и Казахстана был отменен таможенный контроль. Теперь любым импортным товарам достаточно пройти все таможенные процедуры в одной из стран-участниц союза, и они смогут спокойно перемещаться по всей зоне. Хотя союз в полную силу действует относительно недавно, экономисты уже дали первые оценки. Во-первых, по территории Таможенного союза грузы стали передвигаться существенно быстрее. Во-

вторых, между Россией, Беларусью и Казахстаном существенно вырос товарооборот. В-третьих, Таможенный союз в перспективе даст мощный толчок в развитии производств. Одни страны поставляют сырьё или комплектующие, другие занимаются их переработкой и сборкой. Благодаря этому возможности всех участников задействованы по максимуму, из-за отсутствия таможенных пошлин стоимость товаров падает, перевозки идут быстрее, да и внутри экономического объединения легче обеспечить рынки сбыта для готовой продукции [1].

В итоге, общий размер прибыли, который может получить Россия от создания Таможенного союза, оценивается экспертами в 400 млрд долларов. Выгода Беларуси и Казахстана оценивается скромнее – в 16 млрд долларов. В целом прирост ВВП всех трёх стран к тому же 2015 г. может составить 15% [1]. Так, за минувший 2012 г. объем взаимной торговли стран Таможенного союза увеличился. Этот показатель составил 68,6 млрд долларов, что на 8,7% больше, чем в 2011-м г. [3]. Детально статистика выглядит следующим образом: товарооборот между Россией и Казахстаном в 2012 г. достиг почти 23,8 млрд долларов (рост на 6,8%), между Россией и Беларусью составил 43,9 млрд долларов (плюс 9,6%), между Казахстаном и Беларусью – достиг 900 млн долларов (рост 15,1%).

Увеличился в 2012 г. и объем внешней торговли товарами государств-членов Таможенного союза с третьими странами. В прошлом году он составил 939,3 млрд долларов, что на 28,7 млрд долларов (или 3,2%) больше, чем годом ранее [3]. В 2012 г. сформировалось положительное сальдо внешней торговли товарами в размере 260,9 млрд долларов. В 2011 г. его объем составлял 258,7 млрд долларов [3].

Итогами 2012 г. можно считать и конструктивные изменения в нормативно-правовой базе ТС, направленные на совершенствование таможенного регулирования. Утверждена Инструкция о порядке заполнения декларации на товары в новой редакции, которая была разработана с учетом правоприменительной практики таможенных служб сторон, и которая сделала правила заполнения декларации более удобными для применения. Были установлены особенности ввоза и вывоза товаров, предназначенных для организации и проведения XXII Олимпийских зимних игр и XI Параолимпийских зимних игр 2014 г. Такие товары будут ввозиться без применения запретов и ограничений на срок организации и проведения игр, что позволит ускорить таможенное декларирование данных товаров и упростить их ввоз. Также в этом решении были предусмотрены особенности осуществления ветеринарного контроля в отношении товаров, ввозимых для организации и проведения игр [2]. Значительно сокращается период оформления грузовой таможенной декларации: с трех до одного дня. При этом установлен максимальный срок продления выпуска товаров – до 10 дней со дня, следующего за днем регистрации таможенной декларации. Срок уплаты таможенных пошлин и налогов увеличен с ранее действовавших 15 дней до четырех месяцев, теперь он соответствует сроку временного хранения. У декларанта появилась возможность внесения изменений в таможенную декларацию как до, так и после выпуска товаров. Кроме того, по новому законодательству физические лица могут получать без уплаты таможенных платежей международные посылки с товарами для личного пользования на общую сумму до 1000 евро (ранее сумма составляла 10 000 руб) в месяц. При этом общий вес посылок может достигать 31 кг [6].

Если говорить о перспективах дальнейшего развития ТС, то, по мнению министра по энергетике и инфраструктуре ЕЭК Даниала Ахметова, общий рынок нефти и газа Беларуси, России и Казахстана может быть сформирован уже к 1 января 2015 г. Действительно, нефтегазовая сфера входит в систему глобальных ин-

тересов всех трех стран участниц Таможенного союза и Единого экономического пространства. Поэтому уже подвергнуты рассмотрению вопросы, связанные с разработкой единых правил доступа к нефтегазотранспортным системам, с единой методикой определения их технической возможности и свободных мощностей, а также методологией формирования индикативных балансов энергоресурсов государств-участников ЕЭП [5].

Центр Интеграционных исследований провел в 2012 г. комплексный анализ интеграционных ориентаций населения стран постсоветского пространства, основанный на мониторинговом изучении общественного мнения по вопросам интеграции. В качестве метода сбора данных использовались массовые опросы населения 11 стран постсоветского пространства. В инструментарий исследования был включен вопрос и об отношении населения стран, участвующих в проекте, к созданию на территории бывшего СССР такого экономического интеграционного объединения как Таможенный союз [4].

Общее отношение к созданию ТС оказалось скорее положительным – такие ответы дали в среднем больше половины респондентов. Примечательно, что создание интеграционных объединений воспринимается положительно не только в странах, участвующих в этих объединениях. Высокие доли положительных ответов характерны также для Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана и Молдовы – стран, население которых относительно более ориентировано на экономическое взаимодействие со странами бывшего СССР, и прежде всего, с Россией [4, с. 32]. Из трех участников Таможенного союза и Единого экономического пространства ниже всех оценивают это участие в Беларуси. Оценки Таможенного союза оказались ниже средних. По мнению авторов мониторинга, здесь проявились отголоски сопровождавших процесс вступления Беларуси в ТС довольно эмоциональных дискуссий о тарифах и экспортных пошлинах. Впрочем, доля положительных оценок в Беларуси все равно составляет больше 50% [4, с. 33].

Все же, экономически Россия доминирует в ЕЭП. Единый рынок и единое таможенное пространство не могут в одночасье принципиально изменить конкурентную ситуацию между предприятиями в складывающемся едином экономическом пространстве. Следует учесть, что формальный уровень либерализации взаимного торгово-экономического сотрудничества был достаточно высок даже до создания Таможенного союза, так что в краткосрочной перспективе не следует ожидать радикальных изменений в условиях взаимного доступа стран-участниц ЕЭП на рынки друг друга [7, с. 16].

Стоит напомнить, что специально для формирования Таможенного союза несколько лет назад была создана организация Евразийское экономическое сообщество (ЕвроАзЭС). Туда вошла Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан. Из них только последний пока не начал присоединение к Таможенному союзу. Кроме того, в качестве наблюдателей в ЕвроАзЭС числятся Армения, Молдавия, Украина. Все они в перспективе могут стать членами Таможенного союза. По мере его укрепления Евразийское экономическое сообщество должно перерасти в Евразийский экономический союз. Ожидается, что это может случиться уже в 2015 г. Обсуждается даже формирование единой валюты внутри союза [1]. Таким образом, можно утверждать, что в обозримом будущем ТС действительно может стать весьма влиятельным не только экономическим, но и политическим объединением.

1. Авдеева, Л. Таможенный союз – планы, угрозы и перспективы / Л. Авдеева // Информационно-аналитическое агентство «Посольский приказ» [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.posprikaz.ru/2013/01/tamozhennyj-soyuz-plany-ugrozy-i-perspektivy. – Дата доступа: 5.03.2013.

2. Законодательство Таможенного союза-2013 // CustomsExpert.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://customsexpert.ru/articles /zakonodatelstvo-tamozhenno.htm. – Дата доступа: 5.03.2013.
3. За минувший год объем взаимной торговли стран Таможенного союза увеличился // Консультативно-экспертный совет Таможенного союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sovet-ts.ru/novosti/68/. – Дата доступа: 13.03.2013.
4. Интеграционный барометр ЕАБР 2012 / Центр интеграционных исследований ЕАБР. – СПб., 2012. – 80 с.
5. Общий рынок нефти и газа Беларуси, России и Казахстана может быть сформирован к 1 января 2015 года // Консультативно-экспертный совет Таможенного союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sovet-ts.ru/novosti/1-2015/. – Дата доступа: 5.03.2013.
6. Таможенный союз. Обзор изменений и прогнозы // Консультативно-экспертный совет Таможенного союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sovet-ts.ru/poleznie_materiali/poleznie_ssilki/ tamozhenniy_soyuz_obzor_izmeneniy_i_prognozi/. – Дата доступа: 4.03. 2013.
7. Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России / Центр интеграционных исследований ЕАБР. – СПб., 2012. – 56 с.

ПАМЯТЬ О ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К НАТО НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

О.Н. Маклюк (Запорожье)

Первоочередными задачами для государств, образовавшихся на территории постсоветского пространства в 1990-е гг., стали – интеграция в мировую политику и формирование концептуальных основ внешнеполитической деятельности. Не стала исключением и Украина, которая тоже была сосредоточена на решении этих тактических задач. Принципы внешней политики государства сводились к многовекторности, что в значительной степени было обусловлено геополитическим положением страны. Одним из самых дискуссионных для Украины стал вопрос о перспективах развития евроатлантического вектора во внешней политике. Идея евроатлантической интеграции Украины не нашла поддержки в большинстве регионов страны, о чем свидетельствуют данные многочисленных социологических опросов [4; 5]. Несмотря на работу государственной программы по поддержке НАТО и колоссальную по масштабам разъяснительную работу, одним из факторов, способствовавшим формированию негативного отношения к альянсу, стали мифы и стереотипы, которые сохранились и прочно укоренились в памяти населения Украины, в массовом украинском сознании еще со времен «холодной войны».

Во вт.п. XX в. понятие «память», как психический процесс, перестал быть предметом внимания только психологии. На его научное содержание и возможность использовать для объяснения явлений общественной жизни обратили внимание социологи, политологи, историки, философы. В результате – на стыке комплекса социогуманитарных дисциплин постепенно сформировалось новое направление исследований – memory studies («исследование памяти»), теоретические и практические аспекты которого стали предметом анализа как европейских ученых – Я. Ассман, П. Нора, Й. Рюзен, так и исследователей на постсоветском пространстве – А. Полетаев, Л. Репина, И. Савельева (Россия), Я. Грицак, Ю. Зерний, С. Кульчицкий, Ю. Шаповал (Украина), А. Казакевич, А. Ластовский (Беларусь), Р. Балочкайте (Литва), Н. Муйжниекс, А. Приедитис (Латвия).

Свидетельством широкого научного интереса к заявленной проблематике стало огромное количество круглых столов и научных конференций. Теоретические разработки по проблемам памяти стали дополняться практическим материалом по истории разных периодов и проблем. Военно-блоковое противостояние эпохи «холодной войны» также стало предметом исследований в рамках проек-

тов, посвященных исторической памяти. В качестве примеров можно назвать научную конференцию, проведенную 13 – 14 июля 2011 г. в Берлине (Германия), которая была посвящена вопросам истории и памяти «холодной войны» (The Cold War: History, Memory, Representation, European Academy Berlin) [8] и многолетний международный научный проект «Multilateral attitudes towards the Cold War» («Многонациональные интерпретации событий холодной войны») [3, с. 8 – 11]. В рамках последнего было проведено несколько мероприятий, на которых обсуждались разные аспекты биполярного противостояния и их отображение в исторической памяти разных народов. Так, в Неймегене (Нидерланды) в 2008 г. были проведены конференции: «Польское, украинское и советское восприятие «холодной войны», «Зеркальные образы холодной войны»; в 2009 г. там же прошла международная конференция «Сравнение многосторонних взглядов на холодную войну») [6]; в Кракове (Польша) в 2010 г. был организован международный семинар «Движение Солидарность и международные интерпретации последнего десятилетия холодной войны» [7]; в Запорожье (Украина) в 2011 г., в рамках конференции «Распад Советского Союза и международные интерпретации окончания «холодной войны» работала секция, где заявленная проблема анализировалась в контексте устной истории [3].

Таким образом, приведенные примеры показывают актуальность и значительный интерес к данной проблематике. Изучение механизмов формирования коллективных представлений, воспоминания людей способны полноценно дополнить официальный материал по проблеме переосмысления «холодной войны» и ее влияния на процесс становления новых суверенных государств. Понимание того факта, что коллективная память о прошлом транслируется следующим поколениям и влияет не только на настоящее, но и будущее, сделало проблемы исторической памяти, предметом внимания не только академического сообщества, но и политиков, представителей государственной элиты европейских стран.

Цель статьи – на материалах устной истории и социологических опросов проиллюстрировать как «образ врага», закрепившийся в годы «холодной войны» в памяти населения и в значительной степени ассоциировавшийся с НАТО, повлиял на современное отношение к альянсу, а также проследить динамику процесса и региональные особенности в пределах Украины.

Исследователи отмечают, что память формируются как самим обществом, без заметного вмешательства государства, так и с помощью самого государства – через его структуры [1]. Важнейшим элементом роботы государственной машины СССР по формированию негативного образа США периода «холодной войны» была пропаганда ярко эмоционально окрашенных, что важно для запоминания, военных операций НАТО. В результате, в ходе многолетнего противостояния эпохи «холодной войны» было воспитано несколько поколений советских граждан, для которых Североатлантический альянс ассоциировался исключительно как потенциальный противник и агрессор.

Вступление государства в НАТО предусматривает соблюдения определенных процедур, среди которых нет требования проведения обязательного референдума в стране-претенденте. Вопрос о членстве в альянсе обсуждался на общенациональных референдумах, лишь в нескольких странах, например, в Словакии (май 1997 г.), в Венгрии (ноябрь, 1997 г.), в Словении (март 2003 г.). Для Украины проведение такого референдума стало нецелесообразным, т.к. его результаты, как свидетельствуют исследования, скорее отобразили бы не объективную оценку населением этой проблематики, а уровень не информированности и стереотипных представлений про альянс. Вопросу отношения украинского общества к вступлению в НАТО посвящено достаточно большое количество социологических иссле-

дований разной степени компетентности – от общественных организаций до солидных научно-исследовательских учреждений (Национальной академии наук Украины). В сотню наилучших мировых исследовательских центров по вопросам государственной политики (по оценкам программы аналитических центров и гражданского общества университета Пенсильвании) входит, Центр Разумкова – негосударственный аналитический центр, основанный в 1994 г., социологическим исследованием которого доверяют 53% украинцев [5]. Социологические опросы, проведенные центром, зафиксировали, что при ответе на вопрос «Если бы в следующее воскресенье происходил референдум относительно вступления Украины в НАТО, как бы Вы проголосовали?» против вступления в НАТО в июне 2002 г. ответило 23,6% респондентов в возрасте от 18 до 29 лет, 28,2% – в возрасте 30-39 лет, 32,4% – 40 – 49 лет, 38,3% – 50 – 59 лет и 37,7% – 60 лет и старше. Ответ на этот же вопрос радикально отличается в декабре 2008 г. против вступления в НАТО выступило 44,3% респондентов в возрасте от 18 до 29 лет, 55,2% – в возрасте 30 – 39 лет, 53,9 – 40 – 49 лет, 60,1 – 50-59 лет и 63,7% – 60 лет и старше [4]. Динамика цифр показательна. Столь активная пронатовская пропагандистская компания, которая проводилась на Украине в 2005 – 2008 гг. дала обратный эффект, а военные кампании НАТО в Югославии, США в Афганистане и Ираке, только воссоздали образы «холодной войны» в памяти населения и способствовали закреплению в массовом украинском сознании негативного восприятия Североатлантического альянса.

Среди огромного количества мифов, которые оформились на территории Украины, «НАТО – агрессивный блок», один из самых распространенных и «живучих» в памяти населения. В коллективном исследовании украинских историков под редакцией профессора Д.И. Дзвинчука приводятся данные (2006 г.) по регионам. Так агрессивным блок НАТО считают – 77,2% жителей Крыма, 54,7% жителей Николаевской области, 54,5% – Одесской. В отличие от юга Украины, диаметрально противоположной выглядит ситуация в западных областях. Так, в Тернопольской области агрессивным считают блок НАТО только 8,7% респондентов, в Ивано-Франковской – 16,2%, Львовской – 14,7%. [2, с. 335].

Дополняют данные социологических исследований по вопросу изучения памяти о «холодной войне» как факторе формирования современного отношения к НАТО на территории Украины и материалы устной истории. Так, в июне-октябре 2011 г. в Запорожье и области собирался материал методом интервьюирования по вопросам распада Советского Союза и завершения «холодной войны». Основной целью было обнаружить особенности оценок и интерпретаций событий, которые зафиксировала индивидуальная память обитателей региона разного возраста. Одним из аспектов работы стал анализ отношения к НАТО эпохи «холодной войны» и выяснение вопроса изменилось ли современное отношение к альянсу. В целом, полученные материалы устных опросов жителей Запорожской области и города, нуждаются в дополнительной обработке и научном анализе. Однако уже можно сделать первичные выводы. Население сельских районов мало интересовалось событиями международной жизни, если сравнивать с городским населением. Однако и первые, и вторые понятие “холодная война” связывали исключительно с агрессивной политикой Соединенных Штатов Америки и военным блоком НАТО, отношение к которому практически не изменилось, особенно у представителей старшего поколения. Таким образом, стереотипы времен «холодной войны» являются пока еще неотъемлемой частью коллективного сознания населения Украины, а проблема деконструкции массовых представлений о прошлом,

изучение основных механизмов формирования коллективной памяти еще требует дополнительных прикладных исследований.

1. Гирич, І. Чому необхідно переосмислювати минуле? / І. Гирич, Ю. Шаповал // Konrad-Adenauer-Stiftung [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.kas.de/ukraine/ukr/ publications/21888/. – Date of access: 18.03.2013.
2. Північноатлантичний альянс: історія, функції, структура, відносини з Україною: Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів та слухачів магістерської підготовки за напрямом «Державне управління» / за заг. ред. проф. Д.І. Дзвінчука. – Івано-Франківськ: Місто НВ, 2012.– 604 с.
3. Розпад Радянського Союзу та міжнародні інтерпретації завершення Холодної війни: 20 років потому: матеріали міжнародної науково-практичної конференції (Запоріжжя, 2 – 4 листопада 2011 р.). – Запоріжжя: Інтер-М., 2011. – 280 с.
4. Соціологічні опитування Зовнішня політика НАТО // Центр Разумкова [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://razumkov.org.ua/ukr/socpolls.php?cat_id=49. – Дата доступу: 18.03.2013.
5. Центр Разумкова [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://razumkov.org.ua/ukr/ pro_centr.php. – Дата доступу: 18.03.2013.
6. Conference on Multilateral Comparison of Cold War Perspectives. 23 – 26 March. – 2009. – Radboud University Nijmegen // Radboud Universiteit Nijmegen [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.ru.nl/nsm/students/current/news/redactionele/conference_on/. – Date of access: 15.11.2011.
7. Międzynarodowe seminarium naukowe – Solidarity movement and the International Perspectives on the last decade of the Cold War. 15-17 March 2010 // Krakowska Akademia im. Andrzeja Frycza Modrzewskiego [Elektronowy zasób]. – Reżim dostępu: http://www.ka.edu.pl/aktualnosci/ konferencje-naukowe/zakonczone-konferencje//. – Data dostępu: 18.03.2013.
8. The Cold War: History, Memory, Representation, European Academy Berlin // Recherches recentes sur la guerre froide [Electronic resource]. – Mode of access: http://guerre-froide.hypotheses.org/1166. – Date of access: 15.11.2011.

Р А З Д Е Л 6
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ДА ПЫТАННЯ ЎДЗЕЛУ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ У ІНТЭГРАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАХ СУЧАСНАСЦІ

М.К. Кошалеў (Мінск)

Сусветны вопыт пераканаўча сведчыць аб непазбежнасці глабалізацыі, развіцця рэгіянальных інтэграцыйных працэсаў. Разгляд інтэграцыі як праявы глабалізацыі дае падставы лічыць, што глыбіннай рухаючай сілай рэгіянальнай інтэграцыі з'яўляецца імкненне краін і народаў дзякуючы ёй трапіць у лепшыя ўмовы (ці сумесна сфарміраваць іх), чым тыя, у якіх яны знаходзіліся паасобку. У той жа час глабалізацыя вядзе да стратыфікацыі свету, а рэгіянальная інтэграцыя ў гэтым сэнсе выступае ў якасці эфектыўнага сродку ўнутранага развіцця рэгіёну, і, адначасова, дазваляе, максімальна выкарыстоўваючы з'явы глабалізацыі, абмяжоўваць магчымасці яе негатыўнага ўздзеяння. Такім чынам, цалкам прыдатнай, на наш погляд, з'яўляецца фармулёўка: "Рэгіянальная інтэграцыя – гэта мадэль свядомага і актыўнага ўдзелу групы краін у працэсах стратыфікацыі свету, абумоўленых глабалізацыяй" [3, с. 142].

Ва ўмовах, калі сусветная супольнасць развіваецца пад сцягам паглыблення глабалізацыі і інтэграцыі, краіны СНД, у тым ліку, вядома, і Рэспубліка Беларусь, не могуць застацца ў баку ад адпаведных працэсаў. У гэтым плане для іх стаіць агульная праблема, важнасць вырашэння якой абумоўлена ўсім комплексам праяваў, што суправаджаюць працэсы сусветнай глабалізацыі і інтэграцыі ў эканамічнай, палітычнай, сацыяльнай, эканамічнай, іншых сферах жыцця і функцыянавання кожнай краіны і народа. Інакш кажучы, стаіць пытанне: паўстаць перад сусветнай супольнасцю ў абліччы "беднага прасіцеля", ці імкнуцца заняць сваю нішу ў якасці ўжо дастаткова кансалідаванага члена пэўнага ўплывовага інтэграванага аб'яднання?

Пасля распаду СССР толькі рэспублікамі Балтыі вектар інтэграцыі быў вырашаны станоўча на карысць варыянту супольнасці дзяржаў ЕС, шэраг іншых займае яшчэ прамежкавыя пазіцыі; іх эканамічныя інтарэсы ў значнай ступені застаюцца пакуль што ў межах СНД. У той жа час, практычна ўсе (за выключэннем Беларусі) постсавецкія краіны імкнуцца пазбягаць выразных форм больш цеснага палітычнага збліжэння, якія б прадугледжвалі стварэнне нейкіх наднацыянальных інстытутаў, шукаюць іншыя геапалітычныя арыенціры і перспектыўных партнёраў па інтэграцыі сярод сучасных асноўных цэнтраў сілы (ЕС, ЗША, Кітай, іншых, больш перыферыйнага ўзроўню, цэнтраў прыцягнення).

Палітыка інтэграцыі Беларусі з Расіяй, абвешчаная А. Лукашэнкам яшчэ да абрання яго Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь, атрымала ўвасабленне ў практыцы кіраўніцтва беларускай дзяржавай. Эканамічная мэта інтэграцыі, паводле афіцыйнага тлумачэння, была заклікана дапамагчы краіне выйсці з глыбокага гаспадарчага крызісу, аднавіць "разбураныя міжрэспубліканскія сувязі". Складовай часткай эканамічнай інтэграцыі з'яўвілася палітычнае, ідэалагічнае, геастратэгічнае супрацоўніцтва. Але пры гэтым кожны з бакоў меў уласныя інтарэсы, імкнуўся вырашаць свае спецыфічныя задачы.

Важная эканамічная задача для Беларусі – атрыманне з Расіі энергарэсурсаў, нафты і газу коштам ніжэй за сусветныя. Так, калі верыць дадзеным, прыведзеным У. Пуціным у 2006 г., фармальныя і нефармальныя ільготы для Беларусі з боку Расіі складалі не менш 40% беларускага бюджэту. Гэта, паводле меркавання беларускага кіраўніцтва, кампенсуецца палітычнай лаяльнасцю ў дачыненні да Расіі, падтрымкай яе знешнепалітычнага курсу, забеспячэннем абароны Расіі ў заходнім напрамку, уключаючы прадастаўленне ў бясплатную арэнду ваенных аб'ектаў на тэрыторыі Беларусі і інш. Аднак і гэта сітуацыя нярэдка выклікала і выклікае сур'ёзныя пытанні з абодвух бакоў.

Разам з эканамічнымі прычынамі імкнення кіраўніцтва Беларусі да інтэграцыі менавіта з Расійскай Федэрацыяй, расійскі вектар беларускай палітыкі грунтуецца ў значнай ступені на той ментальнасці, якая мэтанакіравана фарміравалася ў беларусаў на працягу стагоддзяў знаходжання ў складзе Расійскай імперыі і СССР. Калі незалежнасць большасці былых саюзных рэспублік разглядалася іх кіраўніцтвам (і ў той ці іншай ступені – грамадствам), у першую чаргу, як вызваленне ад імперскай ўлады Масквы, то ў Беларусі размытасць акрэсленай ідэі беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці стварала прыдатную глебу для таго, каб у грамадстве ў цэлым эканамічныя фактары не з'яўляліся адзінымі ў ацэнках інтэграцыйнага курсу краіны, яго перспектыў на будучыню для дзяржавы і нацыі. Хаця "гістарычная памяць" – з'ява пластычная і зменлівая, але, як сведчаць вынікі комплекснага даследавання інтэграцыйных арыентацый насельніцтва краін постсавецкай прасторы, што праводзіў Цэнтр інтэграцыйных даследаванняў Еўразійскага банку развіцця (ЦІДЕАБР) за 2012 г., – толькі Беларусь не бачыць ніводнага недруга ўнутры постсавецкай прасторы. Для яе насельніцтва носьбіты пагрозы – найбольш значныя краіны Еўрасаюза: Вялікабрытанія, Германія, Францыя [5, с. 36]. Іншыя постсавецкія краіны, іх насельніцтва бачаць фактары пагрозы з боку Расіі, а таксама – ад сваіх непасрэдных суседзяў і больш далёкіх дзяржаў.

Гэтая сітуацыя знайшла адлюстраванне ў адносінах значнай частцы насельніцтва Беларусі да інтэграцыйных праектаў перыяду станаўлення незалежнасці краіны, з'яўлялася ідэалагічнай платформай дзеянняў яе кіраўніцтва, набыла формы пастаяннa дэкларуемай палітыкі. Разам з тым, беларускім кіраўніцтвам рэгулярна агучваюцца заявы аб непарушнасці суверэнітэту і ўмацаванні дзяржаўнасці краіны, больш за тое, у якасці шляху да гэтай мэты ўказваецца менавіта інтэграцыя з Расіяй, што выглядае як пэўны парадокс. Азначанае стварае цяжкасці пры спробах сістэмнага аналізу ўсяго комплексу захадаў, што прымаюцца ў напрамках рэальнай інтэграцыі дзвюх краін, перспектыў на будучыню Беларусі. У першую чаргу гэта праяўлялася ў афармленні арганізацыйна-прававой асновы інтэграцыі. Пачатак быў пакладзены 2 красавіка 1996 г. з падпісаннем дагавораў аб стварэнні Супольнасці Беларусі і Расіі; 2 красавіка 1997 г. – аб Саюзе Беларусі і Расіі, а 8 снежня 1999 г. – Дагавору аб стварэнні Саюзнай дзяржавы.

У перыяд 1996 – 1999 гг. працэсы інтэграцыі Беларусі і Расіі адбываліся пад значным уплывам тых унутры- і знешнепалітычных абставін, якія складваліся пасля краху СССР на постсавецкай прасторы, у свеце ў цэлым. Шырокія колы насельніцтва былі незадаволены кіраўніцтвам Расіі, якое расіяне, адчуваўшыя сябе дамінуючай нацыяй, абвінавачвалі ў здрадзе нацыянальных інтарэсаў – развале СССР. Шэраг канфліктных сітуацый у рэгіёнах Расіі, паводле грамадскай думкі, пагражаў распаду самой федэрацыі, балюча ўспрымалася няздольнасць дасягнуць кардынальных змен у становішчы ў Чачні. Рэзка паглыбілася маёмасная і сацы-

яльная няроўнасць. На фоне збяднення значнай колькасці грамадзян, страты імі працы ў тых галінах народнай гаспадаркі, якія не здолелі належным чынам адаптавацца да новых умоваў жыцця, з'явіўся пласт багатых людзей – "новых рускіх". Усё гэта суправаджалася ў Расіі карумпіраванасцю, разгулам злачыннасці, іншымі негатыўнымі з'явамі. Пратэстныя настроі ў грамадстве накіроўваліся палітычнымі партыямі і рухамі адпаведных, часам радыкальна настроеных сіл, лозунгі якіх утрымлівалі агрэсіўную антызаходнюю ідэалогію, падкрэслівалі выключнасць Расіі, знаходзілі водгук у расіян. Надзвычай балюча расійскае грамадства ўспрыняло змены ў геапалітычным становішчы сваёй краіны. Менталітэт расіян, які стагоддзямі складваўся пад уплывам імперскай гісторыі і ідэалогіі, быў траўміраваны не толькі распадам СССР, тым фактам, што прыхільнасць да Масквы не дэманстравала практычна ніводная, апроч Беларусі былая саюзная рэспубліка, а таксама – крахам "сацыялістычнага лагеру", імгненнай пераарыентацыяй яго краін-сатэлітаў на Захад, але і адчувальным змяншэннем геапалітычнай ролі Расіі ў цэлым.

Беларусь у поўнай ступені карысталася становішчам унікальнай краіны ў СНД, якая пазбегла моцных узрушэнняў. Гэтаму спрыялі закладзеныя яшчэ за савецкім часам эканамічныя падмуркі, шырокае выкарыстанне расійскіх рэсурсаў. Створаны імідж стабільнай рэспублікі, якой, дзякуючы намаганням кіраўніцтва, не трэба было праводзіць карэнных балючых пераўтварэнняў, здаваўся для значнай часткі расійскага грамадства ідэалам. У будаўніцтве новай Расіі бачыліся толькі негатыўныя бакі, надзвычай востра ўспрымалася набыццё дзяржаўнай незалежнасці былымі саюзнымі рэспублікамі, у першую чаргу – славянскімі. Беларусь ва ўсіх адносінах разглядалася як пазітыўны прыклад, узор для ўсіх. Ідэя аднаўлення саюза, які б аб'ядноўвала Расія, далучэнне да яе Беларусі (як першы крок), у свядомасці многіх расіян была бясспрэчна лагічнай і неабходнай справай. Незалежнасць Беларусі ўспрымалася імі, як гістарычны казус, які патрабуе выпраўлення. У гэтым плане магчымасць прыходу да вярхоўнай улады ў Расіі беларускага прэзідэнта ў асобе А. Лукашэнкі здавалася для расіян не толькі магчымай, але і пажаданай з'явай, якая, на іх думку, вырашала б многія праблемы. Падпісанне беларуска-расійскіх дагавораў стварала спрыяльны для менталітэту расіян фон, абуджала надзеі аб рэінтэграцыі, аднаўленні былой ролі Расіі.

Змены ў палітычным кіраўніцтве Расіі, якія адбыліся напярэдадні зыходу з палітычнай арэны Б. Ельцына і яго атачэння, пэўныя поспехі ў ажыццяўленні сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў спрычыніліся да карэкціроўкі адносінаў да інтэграцыйных працэсаў з Беларуссю. Пры гэтым большасць расіян, падтрымліваючы ідэю беларуска-расійскай інтэграцыі, асноўны акцэнт рабілі не на эканамічных, а на геапалітычных наступствах збліжэння, мяркуемыя вынікі якога сведчылі б аб аўтарытэце Расіі, пацвярджалі ўкаранёную ў грамадстве ўпэўненасць у яе велічы і выключнай аб'яднаўчай ролі. Немалаважным для Расіі было імкненне стрымаць краіны СНД ад заходняй арыентацыі, захаваць "акно ў Еўропу", пазбегнуць стварэння адзінага, як лічылася, антырасійскага фронту накшталт праектаў Чарнаморска-Балтыйскай федэрацыі, ГУАМ, "Усходняга партнёрства", іншых падобных аб'яднанняў.

З пункту гледжання геапалітычных інтарэсаў Расіі пазітыўныя аспекты інтэграцыі з Беларуссю бачыліся ў забеспячэнні калідору ў заходнім напрамку, што мела не толькі гандлёва-эканамічнае, але і ваенна-стратэгічнае значэнне, набліжала Расію да межаў Цэнтральнаеўрапейскага рэгіёну. У абарончым плане інтэграцыя была заклікана спрыяць павелічэнню расійскага патэнцыялу ў галіне звычайных узбраенняў за кошт беларускай арміі, памяншэнню выдаткаў на забес-

пячэнне аховы заходняй мяжы Расіі. Ва ўмовах змяншэння ўплыву Расіі ў краінах Усходняй і Цэнтральнай Еўропы, актыўнага прасоўвання там інтарэсаў іншых дзяржаў, інтэграцыя з Беларуссю набыла значэнне для Расіі як у ваенна-стратэгічным, абарончым плане, гэтак і ў магчымасцях пэўным чынам уплываць на еўрапейскую палітыку ў цэлым, пазбегнуць тэрытарыяльнай ізаляцыі.

Комплекс акалічнасцей, які складваўся ва ўзаемаадносінах паміж Беларуссю і Расіяй, а таксама палітычныя разлікі іх кіраўнікоў, мелі вынікам падпісанне ў снежні 1999 г. чарговага Дагавору, ўжо аб стварэнні Саюзнай дзяржавы, які, як лічылася, быў закліканы больш выразна зазначыць стратэгічныя мэты бакоў. У артыкуле 1 апошняга адзначаецца, што гэта з'яўляецца новым этапам "у працэсе яднання народаў дзвюх краін у дэмакратычную прававую дзяржаву" [9, с. 118]. Тым не менш, ацэнкі і прававы аналіз розных палажэнняў Дагавору з пункту гледжання яго ролі ў інтэграцыі дзвюх дзяржаў, разгляд форм і перспектыў іх кансалідацыі адразу выклікалі шмат пытанняў і дыскусій. Яго крытыкі, сярод якіх былі не толькі праціўнікі самой ідэі, але і сур'ёзныя палітыкі, эксперты, спецыялісты-навукоўцы бачылі супярэчлівасць дакумента нават у самой дэфініцыі – "Саюзная дзяржава". Звярталася ўвага на нелагічнасць таго, што ў адпаведнасці са зместам дагавора прадугледжвалася стварэнне адзінай дзяржавы, у якой, у той жа час, захоўваецца суверэнітэт яе складовых частак – цяжка сумяшчальная на практыцы сумесь федэрацыі і канфедэрацыі [2, с. 4 – 9]. Адзначалася, што з пункту гледжання тэорыі права, тэрмін "саюзная дзяржава" эквівалентны тэрміну "федэрацыя". Ёсць звесткі, што беларускім бокам высоўвалася прапанова аб змяненні дадзенай тэрміналогіі, бо яна ўступае ў супярэчнасць з сусветным статусам удзельнікаў Саюзнай дзяржавы, але расійскім бокам гэтая ініцыятыва падтрымана не была [8, с. 23]. Тое, што беларускі бок не праявіў у гэтым пытанні настойлівасці дазваляе даследчыкам зрабіць дапушчэнне наконт таго, што расплывістасць фармулёвак у цэлым задавальняла абодва бакі, бо ў залежнасці ад сітуацыі яны маглі выкарыстоўваць гэтую акалічнасць для абгрунтавання і рэалізацыі тых ці іншых асабістых намераў [10, с. 47].

Нават больш дзіўным выглядалі спробы вырашэння пытання адзінай валюты, што абмяркоўвалася паміж беларускімі і расійскімі ўладамі у рамках СНД яшчэ да падпісання дагавору 1999 г. Гэта планавалася зрабіць "паэтапна", неаднаразова згадваліся тэрміны яе ўвядзення, але ў выніку расійскі бок прапанаваў сваю схему, паводле якой Беларусь мусіла пераходзіць на расійскі рубель, які замяняе беларускі нават у наяўным абарачэнні, а потым, у нейкай нявызначанай перспектыве, як тлумачылася, – "пасля дасягнення больш высокай ступені эканамічнай інтэграцыі дзвюх краін", – уводзіцца адзіная саюзная валюта. Гэтая схема была прызнаная беларускім бокам непрыймальнай. Такі крок азначаў бы простае адмаўленне ад уласнай валюты і пераход на валюту іншай краіны, і, такім чынам, – страту адной з асноўных рэальных складовых дзяржаўнага суверэнітэту Рэспублікі Беларусь.

Спробы стварэння праектаў Канцэпцыі і структуры Канстытуцыйнага акта, якія былі зроблены ў 2001 – 2002 гг. і ў 2003 г., таксама не прывялі да канчатковага ўзгодненага выніку ў сувязі з разыходжаннем пазіцый беларускіх і расійскіх экспертаў па шэрагу прынцыповых пытанняў. Адным з іх было тое, што беларускі варыянт праекта замацоўваў прынцыпы захавання дзяржавамі-членамі суверэнітэту, парытэту пры фарміраванні органаў Саюзнай дзяржавы, прыняцце рашэнняў яе органамі толькі пры згодзе прадстаўнікоў абедзвюх дзяржаў. Прадстаўленыя Масквой праекты Канстытуцыйнага акта ў цэлым былі арыентаваныя на федэратыўную мадэль пабудовы Саюзнай дзяржавы з поўным дамінаваннем Расіі. Зрэшты гэта

пытанні тэорыі, якая ў цэлым існуе шмат у чым паралельна з рэальным жыццём. Непараўнальна больш складаным з'яўляецца дасягненне інтэграцыі ўнутраных працэсаў у абедзвюх дзяржавах. Сапраўды, да 2005 г. фарміраванне і рэгламентацыя дзейнасці галоўных органаў Саюзнай дзяржавы было ў асноўным завершана. Аднак эфект дзейнасці гэтых утварэнняў нярэдка з'яўляецца не вельмі прадуктыўным, значная колькасць падпісаных дакументаў па сутнасці з'яўляецца пратаколамі аб намерах, належным чынам не працуе. Адным з характэрных прыкладаў таго з'яўляецца няздольнасць аператыўна вырашыць адпаведнымі органамі Саюзнай дзяржавы пытанняў аб коштах на пастаўку нафты, нафтапрадуктаў і газу, якія прапануюцца Расіяй. Спробай яго вырашэння ў 2010 г. нават быў іск Беларусі да Расійскай Федэрацыі, накіраваны ў Эканамічны суд СНД. Паміж краінамі, якія знаходзяцца ў адзіным саюзным праекце, перыядычна разгортваюцца інфармацыйныя "нафтавыя", "малочныя" і іншыя "войны".

Не спрыяе паглыбленню інтэграцыі і той факт, што эканамічныя і сацыяльныя сістэмы ў Беларусі і Расіі маюць істотныя адрозненні. Так, у Беларусі не адбывалася значная прыватызацыя, але дзяржаўныя прадпрыемствы паступова камерцыялізуюцца. Пры гэтым у Рэспубліцы Беларусь захаваўся кантроль дзяржавы над буйным бізнесам, шырока выкарыстоўваюцца адміністрацыйныя рычагі кіравання эканомікай, практыкуецца дзяржаўны патэрналізм ў адносінах да насельніцтва. Гэтыя адрозненні, на наш погляд, таксама ў пэўнай ступені перашкаджаюць эфектыўнай стыкоўцы сацыяльна-эканамічных параметраў супрацоўніцтва дзвюх краін.

Наогул, наяўнасць шматлікіх пытанняў выклікае ў скептыкаў сумненні аб сур'ёзнасці намераў дзвюх дзяржаў у далейшым будаваць Саюзную дзяржаву [1, с. 4]. Што тычыцца такіх меркаванняў у адносінах да Беларусі, то ў іх аснове ляжыць дапушчэнне, што інтэграцыя, пачынаючы з 1995 г., разам з прагматычнымі чыста тактычнымі эканамічнымі інтарэсамі, у значнай ступені выступала ў якасці палітычнай кампаніі. Гэтым тлумачылася перыядычнае ўзмацненне інтэграцыйнай рыторыкі і фармальнае фарсіраванне працэсаў аб'яднання напярэдадні прэзідэнтскіх выбараў у Расіі 1996 г. Далейшыя этапы збліжэння Беларусі і Расіі разглядаюцца выключна праз прызму намаганняў вырашыць беларускім кіраўніцтвам пытанні з расійскай нафтай і газам, якія транзітам ідуць у Еўропу праз Беларусь і Украіну, складаюць прыкладна палову беларускіх прыбыткаў ад экспарту ў Еўропу прадукцыі нафтаперапрацоўкі. Рабілася дапушчэнне, што будаўніцтва Расіяй нафтапроваду, які дае магчымасць накіроўваць нафту на Захад мінуючы Беларусь, кардынальным чынам можа змяніць сучасныя падыходы да інтэграцыйных працэсаў паміж нашымі дзяржавамі. Высоўвалася думка аб нежыццяздольнасці прапанаванай раней мадэлі [7]. У той жа час сама ідэя збліжэння дзвюх дзяржаў у самых розных сферах, пры захаванні суверэнітэту Беларусі і наладжванні шматвектарнасці ў міжнародных адносінах, у сувязі з адсутнасцю выразных антырасійскіх настрояў, не выклікала яўных рознагалоссяў у беларускім грамадстве [6, с. 185 – 208]. Больш за тое, як сведчаць вынікі маніторынгавых даследаванняў ЦІД ЕАБР 2012 г., у палітычнай сферы практычна для ўсіх краін (апроч Грузіі) прыярытэтным інтэграцыйным напрамкам застаецца менавіта постсавецкая прастора. Хаця ў эканоміцы пераважае арыентацыя на Еўрасаюз, характэрная для шасці краін (Арменія, Беларусь, Грузія, Малдова, Расія, Украіна), але, па сукупнасці трох фактараў, – эканоміка, палітыка, культура, – прыярытэтным для большасці краін, што ўдзельнічалі ў дадзеным апытанні, з'яўляецца ізноў жа постсавецкая прастора [5, с. 5].

Разгляд вынікаў беларускай мадэлі інтэграцыі сведчыць аб наяўнасці не толькі тэарэтычных пытанняў, але і практычных цяжкасцей, супярэчнасцей паміж інтарэсамі суверэнных дзяржаў – Беларусі і Расіі. Расійскае кіраўніцтва ўсё часцей дае зразумець, што былая канцэпцыя інтэграцыі, якая шмат у чым грунтавалася на старых савецкіх прынцыпах “бескарыслівай брацкай дапамогі”, яго не задавальняе. Пачынаючы з 2000 г. у адносінах з былымі саюзнымі рэспублікамі, у тым ліку – з Беларуссю, быў абвешчаны “прынцып эканамічнага прагматызму”. Перавага надаецца мадэлям, пабудаваных на ўзаемнай зацікаўленасці ў інтэграцыі суб'ектаў, якая дыктуецца законамі рынка, а не ініцыятывамі кіраўнікоў. Пры гэтым аналітыкамі адзначаецца, што пры такіх падыходах краінам не абавязкова абмяжоўвацца ўдзелам толькі ў нейкім адным інтэграцыйным напрамку. Розныя праекты могуць дапаўняць адзін другога. Напрыклад, мадэль постсавецкага рэгіяналізму не павінна перашкаджаць інтэграцыі яго ўдзельнікаў з ЕС. Насупраць, такі вектар мог бы зрабіцца інструментам, які пашырае магчымасці для супрацоўніцтва, стварае атмасферу здаровай, канструктыўнай канкурэнцыі паміж рэгіянальнымі саюзамі [4, с. 167]. У гэтым сэнсе больш перспектыўным для Беларусі выглядае не фарсіраваная аб’яднальная палітыка (дэкларацыі і бюракратычна-структуратворчая дзейнасць), а максімальнае выкарыстанне ўзаемакарысных, у першую чаргу, – з эканамічнага пункту гледжання, – інтэграцыйных праектаў. Такіх, як створаная ў 2000 г. Еўразійская эканамічная супольнасць, заснаваны ў 2006 г. Еўразійскі банк развіцця, а таксама – Мытны саюз Беларусі, Казахстана і Расіі, заключаны 1 студзеня 2012 г. У 2015 г. Расія, Беларусь і Казахстан плануе стварыць Еўразійскі Эканамічны Саюз, да якога могуць далучыцца і іншыя краіны.

Перспектывы, якія адкрывае адзіная эканамічная прастора, рэалізацыя саюзных і міжрэгіянальных, інвестыцыйных і іншых праграм і праектаў даюць магчымасць з большай эфектыўнасцю выкарыстоўваць патэнцыял краін, спрыяюць пашырэнню ўзаемных гандлёвых кантактаў, што, у сваю чаргу, забяспечвае павышэнне эфектыўнасці нацыянальных эканомік, стварэнне агульнага рынку тавараў, паслуг, капіталу і рабочых рэсурсаў, і, у канчатковым выніку, паскарэнне і паглыбленне інтэграцыйных працэсаў. Гэта можа забяспечыць для Беларусі максімальны ўзровень супрацоўніцтва, абарону яе нацыянальных інтарэсаў у рамках сістэмы міжнароднага гандлю, знешняй палітыкі і калектыўнай бяспекі, выступіць у якасці ключа да практычнага ажыццяўлення ідэі інтэграцыі на ўзроўні Еўрапейскага саюза і плануемага Еўразійскага саюза. Ці атрымаюць развіццё гэтыя ініцыятывы – пакажа жыццё, але тэндэнцыя прыярытэту эканамічных фактараў у інтэграцыі, а не палітычных меркаванняў і намераў, з'яўляецца больш прываблівай, апраўданай і праверанай жыццём справай.

1. Беларусь и Россия: организационно-правовые основы интеграции (2001 – 2003) / П. С. Алишевич, Н.В. Астрейко, Ю.З. Борчук [и др.] – Минск, 2004. – 288 с.
2. Бровка, Ю. Белорусско-российская интеграция: международно-правовые аспекты. / Ю.Бровка // Вопросы международных отношений и внешней политики Республики Беларусь. – Минск: Юнипак, 2004. – С. 4 – 9.
3. Буторина, О.В. О понятии региональной интеграции СНГ. Россия и Европа: сборник статей / О.В. Буторина; сост. А.В. Захаров. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2006. – 236 с.
4. Винокуров, Е. Евразийская континентальная интеграция / Е. Винокуров, А. Либман. – СПб.: Центр интеграционных исследований, 2012. – 284 с.
5. Интеграционный барометр ЕАБР 2012 / Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития. – Санкт-Петербург, 2012. – 80 с.

6. Карбалевич, В.И. Курс на интеграцию с Россией: истоки, тенденции, последствия / В.И. Карбалевич // Национально-государственные интересы Республики Беларусь / О.М. Абрамова [и др.]; под ред. Л.Ф. Заико. – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999. – С. 185 – 208.
7. Коктыш, К.Е. Союзный договор между Россией и Белоруссией явно выработал свой ресурс/ К.Е. Коктыш // Газета.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2009 06/18_a_3212672.shtml. – Дата доступа: 20.06.2009.
8. Мясникович, М.В. Союзное государство: создание и перспективы развития / М.В. Мясникович. – Минск: ИИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2006. – 280 с.
9. «О ратификации Договора о создании Союзного государства», Закон Республики Беларусь от 24 декабря 1999 года № 343–3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – № 4.
10. Шадурский, В. Реализация принципа многовекторности в белорусской внешней политике / В. Шадурский // Труды факультета международных отношений: научный сборник. Вып. 1. – Минск: Тесей, 2010. – С. 47 – 55.

БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А.В. Тихомиров (Минск)

Географическая близость и тесное переплетение исторических судеб белорусского и литовского народов предопределяли особый характер белорусско-литовских отношений, поэтому нет ничего удивительного в том, что после непродолжительного периода размежевания, вызванного восстановлением независимости Литвы и обретением независимости Беларуси в 1991 г., оба государства стали взаимодействовать на прагматичной основе. Проблемы в белорусско-литовских отношениях возникали не столько в результате двусторонних споров, сколько в силу общего ухудшения отношений Беларуси с Европейским Союзом, членом которого стремилась стать и в мае 2004 г. стала Литва.

Сближение Литвы с ЕС сопровождалось свертыванием белорусско-литовского политического диалога на официальном уровне. В 2000 – 2007 гг. контакты отсутствовали даже на уровне руководителей внешнеполитических ведомств двух стран. Изменения к лучшему последовали после встречи министров иностранных дел Беларуси и Литвы на приграничном КПП «Каменный Лог – Мядининкай» в мае 2007 г., в ходе которой руководители внешнеполитических ведомств двух стран высказались за развитие двустороннего сотрудничества на принципах добрососедства, равноправия и взаимного уважения [1].

В 2008 г. руководство Литвы высказалось в поддержку диалога с официальными структурами Республики Беларусь. Также литовские политики выступили за подключение Беларуси к инициативе ЕС «Восточное партнерство».

В 2009 г. в Вильнюсе побывал с официальным визитом Президент Республики Беларусь А. Лукашенко, в 2010 г. ответный визит в Минск осуществила Президент Литвы Д. Грибаускайте. Руководители двух стран выражали желание развивать двусторонние контакты на дружественной основе. В частности, А. Лукашенко выражал готовность вести диалог с Литвой на любом уровне, а Д. Грибаускайте высказала мнение, что только посредством диалога Беларусь удастся вывести из сферы влияния России и приблизить к Евросоюзу [5; 6; 9].

Расширение политического диалога поспособствовало успешному завершению процесса демаркации государственной границы в 2008 г. и достижению договоренности об облегчении режима пересечения границы гражданами приграничных территорий в 2010 г. Литва, которая с ноября 2007 г. вошла в шенгенское безвизовое пространство ЕС, призывала облегчить доступ белорусских граждан в страны Евросоюза.

Итоги президентских выборов 2010 г. в Беларуси затруднили развитие белорусско-литовского диалога по линии государственных структур, хотя литовские политики не стремились к разрыву отношений с белорусской стороной, ссылаясь на то, что изоляция Беларуси со стороны ЕС усилит ее зависимость от России. Как следствие, в литовской политике в отношении Беларуси стала проявляться двойственность. С одной стороны, литовские официальные лица критиковали белорусское руководство за отступление от демократических норм государственного устройства, с другой стороны, поддерживали активность литовских бизнесменов по налаживанию деловых связей с белорусскими государственными структурами и предприятиями. В марте 2011 г. Д. Грибаускайте выразила надежду на то, что правительство Беларуси «осознает свои ошибки и попытается открываться навстречу и Европе и правам человека» [7].

В сентябре 2012 г. литовский посол в Беларуси Л. Линкявичус заявил, что Литва готова выполнять функции «интерфейса» между Западом и Беларусью, необходимого для более доходчивой передачи определенных сигналов и рекомендаций [8].

Очередное осложнение отношений Беларуси с ЕС воспрепятствовало решению проблемы облегчения допуска белорусов в шенгенское пространство. В сложившихся условиях литовские власти в сентябре 2011 г. приняли решение о бесплатной выдаче национальных виз для белорусских граждан. Также литовцы расширили практику выдачи белорусам бесплатных шенгенских виз. В 2011 г. посольство Литвы в Минске и генеральное консульство Литвы в Гродно выдали белорусским гражданам около 150 тыс. виз, причем около четверти виз были выданы бесплатно [11].

Хуже обстояло дело с «малым приграничным» движением. Соглашение об облегчении порядка допуска на территорию Беларуси и Литвы граждан двух государств, проживающих в 50-километровой приграничной полосе, так и не вступило в действие. В ноябре 2012 г. белорусская сторона заявила, что порядок перемещения населения Беларуси и Литвы будет облегчен только после детального анализа последствий реализации аналогичного соглашения между Беларусью и Латвией (соответствующее соглашение заработало с февраля 2012 г.) [10].

Немаловажную роль в укреплении белорусско-литовского сотрудничества сыграли ранее налаженные торговые и инвестиционные связи. К концу первого десятилетия XXI в. Беларусь стала вторым по значимости торговым партнером Литвы на пространстве СНГ. В свою очередь, Литва входила в десятку важнейших торгово-экономических партнеров Беларуси. В 2010 г. доля Литвы в общем объеме внешней торговли Беларуси составляла 1,3%, в 2011 г. увеличилась до 1,5%, а в 2012 г. – до 1,8%. Объем белорусско-литовской торговли в 2010 г. составил 796,7 млн. долл. США, в 2011 г. – 1,3 млрд., в 2012 г. – 1,6 млрд. [3, с.36, 41; 4; 12, с.600] Прирост в торговле осуществлялся преимущественно за счет увеличения белорусского экспорта в Литву. Так, объем белорусского экспорта в Литву в 2010–2011 гг. вырос с 451,1 до 892,8 млн. долл. США (то есть в два раза), а в 2012 г. достиг 1185,2 млн. долл. США [3, с.36; 4; 12, с.600] Что касается литовского импорта в Беларусь, то в 2010 г. его объем составил 346,5 млн. долл. США, в 2011 г. – 395,2 млн., а в 2012 г. – 371,1 млн. [3, с.41; 4; 12, с.600].

Литовцы охотно приобретали продукцию белорусского машиностроения (в особенности тракторы), белорусские нефтепродукты, древесину, калийные удобрения, товары легкой и пищевой промышленности. За сохранение активных торговых контактов с белорусской стороной выступали владельцы литовских портов, в первую очередь, Клайпедского порта, через который переправлялась основная

часть белорусских калийных удобрений. В 2010 г. доля грузов из Беларуси составила около 26% от общего количества грузов, переправленных через указанный порт [2]. В этом отношении белорусы уступали лишь литовцам, обойдя россиян, украинцев и казахов.

Что касается инвестиций, то в 2011 г. из Литвы в Беларусь поступило 114,5 млн. долл. США и примерно столько же инвестировала белорусская сторона в экономику Литвы [13]. В 2012 г. Беларусь и Литва реализовывали 15 совместных проектов с объемом инвестиций в 550 млн. долл. США [13]. Больше всего литовских бизнесменов интересовали оптовая и розничная торговля, финансовое посредничество, недвижимость, аренда, отделочная промышленность.

Успехи, достигнутые в развитии сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах, вынуждали литовских политиков сдержанно относиться к возможности введения экономических санкций в отношении Беларуси. Нежелание разрывать налаженные связи с белорусскими партнерами стимулировали кризисные явления в экономике Евросоюза и Литвы и осознание того, что в условиях сближения Беларуси с Россией и Казахстаном, экономическое давление на нее не даст ожидаемого эффекта.

В целом же белорусско-литовские отношения на нынешнем этапе их развития остаются противоречивыми. Сдержанность в развитии двустороннего политического диалога сопровождается налаживанием связей в области торговли и инвестиций, что, в конечном счете, способствует сглаживанию межгосударственных противоречий.

1. Веснік Міністэрства замежных спраў. – 2007. – № 2. – С. 19.
2. Владимир Дражин. Отношения Беларуси и Литвы за 20 лет переросли почти в стратегическое сотрудничество // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 04.07.2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/person/interview/Vladimir-Drazhin_i_0000513118.html. – Дата доступа: 05.07.2012.
3. Внешняя торговля Республики Беларусь. Статистический сборник. – Минск: Б.и., 2010. – 377 с.
4. Внешняя торговля. Годовые данные // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/ftrade1.php. – Дата доступа: 09.03.2013.
5. Волянюк, В. Демонтаж ненужной стены / В. Волянюк // Советская Белоруссия. – 2010. – 21 октября. – С. 3.
6. Грибаускайте: Лукашенко – это гарант независимости Беларуси // Белорусские новости [Электронный ресурс]. – 11.11.2010. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/politic/2010/11/11/ic_news_ 112_355230/. – Дата доступа: 19.01.2012.
7. Грибаускайте: одинаково непросто и с Лукашенко, и с Путиным // ИноСМИ.Ru [Электронный ресурс]. – 17.03.2011. – Режим доступа: http://inosmi.ru/baltic/20110317/167423599.html. – Дата доступа: 17.03.2011.
8. Дракахруст, Ю. Лінкявічус: Літва будзе «інтэрфэйсам» паміж Захадам і Беларусьсю / Ю. Дракахруст, С. Шупа // Радыё «Свабода» [Электронны рэсурс]. – 28.09.2012. – Рэжым доступу: http://www. svaboda.org/content/article/24723343.html. – Дата доступу: 30.09.2012.
9. Кольченко, И. Близкие люди / И. Кольченко // Советская Белоруссия. – 2009. – 16 сентября. – С. 3.
10. Коровенкова, Т. Малое приграничное движение ждет потепления // Белорусские новости [Электронный ресурс]. – 29.11.2012. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/politic/2012/11/29/ic_articles_112_180051/. – Дата доступа: 29.11.2012.
11. Министр иностранных дел: сближение с ЕС – единственная альтернатива для демократической и независимой Беларуси // Министерство иностранных дел Литвы [Электронный ресурс]. – 14.05.2012. – Режим доступа: http://www.urm.lt/index.php?2957560071. – Дата доступа: 17.05.2012.
12. Республика Беларусь. Статистический ежегодник. – Минск: Б.и., 2011. – 634 с.
13. Торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество между Беларусью и Литвой динамично развивается – Дражин // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 08.06.2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Torgovo-ekonomicheskoe-i-investitsionnoe-sotrudnichestvo-mezhdu-Belarusju-i-Litvoj-dinamichno-razvivaetsja-Drazhin_i_599772.html. – Дата доступа: 09.12.2012.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н.А. Бударина (Минск)

В соответствии со ст. 34 Закона Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь», в качестве одного из направлений внешней политики Беларуси выступает развитие международного научно-технического сотрудничества, а равноправная интеграция Республики Беларусь в мировое политическое, экономическое и научное пространство входит в перечень ее основных задач [2].

В свою очередь, внешняя политика Беларуси основывается на ряде принципов, включая соразмерность внешнеполитических целей политико-дипломатическому, экономическому, оборонному, научно-техническому потенциалу государства, обеспечение их реализации для укрепления международных позиций республики и ее международного авторитета. Здесь следует отметить, что Беларусь еще во времена СССР, обладая развитой научно-технической базой и разработками мирового уровня в области новых материалов, радиофизики и электроники, биотехнологий, агротехники, нефтехимии, геологии, фундаментальных исследований, по праву носила звание «сборочного цеха» советской страны [1, с. 99]. В настоящее время среди стран СНГ Беларусь обладает третьим по величине, после России и Украины, научно-техническим потенциалом [3, с. 280].

Что касается второй части вышеупомянутого принципа, а именно «обеспечения укрепления международных позиций Республики Беларусь и международного авторитета», то ее воплощению на практике, во многом способствует политика международного сотрудничества. Сотрудничество, в том числе и научно-техническое, оказывает непосредственное влияние на формирование и укрепление международной позиции страны и способствует реализации имеющегося потенциала. Однако исполнение обозначенных выше задач и принципов внешней политики Беларуси и осуществление эффективного международного сотрудничества подразумевает наличие соответствующей правовой базы.

Правовая база, регулирующая вопросы международного научно-технического сотрудничества Республики Беларусь включает: 1) международные договоры и соглашения Республики Беларусь; 2) законодательные акты Республики Беларусь (законы Республики Беларусь, декреты и указы Президента Республики Беларусь); 3) иные нормативные правовые акты (постановления Совета министров Республики Беларусь и другое). Отдельно можно выделить локальные нормативные акты (приказы, правила, инструкции, положения министерств, ведомств, государственных комитетов) и акты органов местного самоуправления, касающиеся некоторых вопросов научно-технической деятельности.

Таким образом, правовую базу научно-технического сотрудничества условно можно разделить на две большие группы: 1) «внешнюю» базу международного научно-технического сотрудничества (имеется ввиду международная договорная база Республики Беларусь); 2) «внутреннюю» базу научно-технического сотрудничества (законы и подзаконные акты Республики Беларусь, а также соответствующие локальные нормативные акты, касающиеся отдельных аспектов научно-технического сотрудничества).

Целью настоящего исследования является характеристика и общий анализ договорной базы международного научно-технического сотрудничества Республ-

лики Беларусь как одного из инструментов реализации внешней политики Республики Беларусь в данном направлении.

Международное сотрудничество Республики Беларусь в научно-технической сфере осуществляется в рамках двусторонних и многосторонних соглашений о сотрудничестве. На сегодняшний день список действующих международных договоров и соглашений в сфере науки и технологий насчитывает более 40 соглашений. Отслеживая общую динамику заключения международных договоров и соглашений, необходимо обратить внимание, что наибольшее число соглашений приходится на 1990-е гг. Затем активность по заключению договоров и соглашений о научно-техническом сотрудничестве несколько снижается.

Следует отметить ряд общих недостатков и пробелов, имеющейся договорной базы. Среди основных стран-партнеров в данной области по-прежнему превалируют страны так называемого постсоветского пространства. Так, соответствующие соглашения заключены с Казахстаном, Таджикистаном, Кыргызстаном, Молдовой, Украиной и Россией, с которой осуществляется наиболее тесное взаимодействие в данной сфере. Одним из последних соглашений в данном направлении стало заключенное 3 июня 2010 г. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Азербайджанской Республики о сотрудничестве в области науки и технологий. Вместе с тем отсутствуют соглашения о научно-техническом сотрудничестве с Узбекистаном, Грузией, Туркменистаном.

Среди иных векторов внешней политики в части реализации международного научно-технического сотрудничества можно определить сотрудничество со странами Европы, Латинской Америки, Азии и Африки.

В настоящее время научно-техническое сотрудничество Республики Беларусь со странами Европы, по сути, со странами Европейского союза, как правило, осуществляется на основе двусторонних соглашений. Если давать общую характеристику имеющейся правовой базы научно-технического сотрудничества со странами ЕС, то на данный момент заключено 12 из 27 возможных соглашений о научно-техническом сотрудничестве, включая соглашения с бывшими советскими республиками – Литвой и Латвией (отдельное соглашение о научно-техническом сотрудничестве с Эстонией отсутствует).

Основным сдерживающим фактором, препятствующим развитию эффективного сотрудничества в данном направлении между Беларусью и ЕС, является отсутствие соглашения о научно-техническом сотрудничестве, либо так называемого соглашения о партнерстве. Данное обстоятельство негативно отражается на реализации совместных проектов, в том числе выполняемых в рамках многолетних европейских программ по развитию научных исследований и технологий, предусматривающих использование механизма софинансирования проектов.

Обратимся к договорной базе научно-технического сотрудничества республики со странами Латинской Америки и Азии. До настоящего времени Беларусь заключила лишь одно соглашение о научно-техническом сотрудничестве со странами Латинской Америки, а именно Соглашение о сотрудничестве в области науки и технологий с Боливарианской Республикой Венесуэла в 2006 г. Таким образом, данный регион остается фактически незадействованным в отношении развития научно-технических связей и можно сделать однозначный вывод о недостаточной степени активности научно-технического сотрудничества в данном направлении. Однако наличие соглашений о научно-техническом сотрудничестве не всегда означает, что реализация сотрудничества будет осуществляться эффективно. Это, прежде всего, относится к сотрудничеству Беларуси с Японией.

Согласно постановлению правительства Беларуси от 8 декабря 1995 г. № 670 «О правопреемстве Республики Беларусь в отношении некоторых Соглашений между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Японии» Беларусь оформила правопреемство в отношении Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Японии о научно-техническом сотрудничестве от 10 октября 1973 г.

Япония входит в число лидирующих стран в области научных исследований и разработок и является одним из трех мировых технологических лидеров. Наибольших успехов японцы достигли в области фундаментальных и прикладных исследований, биомедицины, высоких технологий, робототехники. Кроме того, Япония располагает серьёзным потенциалом в сфере космических исследований особенно в отношении проектирования и запуска искусственных спутников. Эта область является актуальной и для Беларуси и входит в перечень ее приоритетных направлений развития научно-технической сферы. Несмотря на то, что в целом научно-техническое сотрудничество со странами Азии формируется довольно успешно. Ярким примером может служить научно-техническое сотрудничество, осуществляемое с КНР. На наш взгляд, научно-техническое сотрудничество с Японией развивается недостаточно интенсивно. Среди совместных проектов фактически отсутствуют проекты, выполненные совместно с японской стороной.

Обращает на себя внимание факт отсутствия в договорной базе соглашений о научно-техническом сотрудничестве со странами Африки. В настоящее время правовая база научно-технического сотрудничества со странами Африки состоит лишь из рамочных соглашений с Суданом и ЮАР о торговом, инвестиционном и научно-техническом сотрудничестве. Учитывая масштаб Африканского региона, а, следовательно, масштаб потенциального рынка, на котором впоследствии можно было бы реализовывать научно-техническую продукцию, являющуюся одним из результатов научно-технической деятельности, и научно-технический потенциал, которым располагает Беларусь, дальнейшее развитие сотрудничества в данном направлении было бы взаимовыгодным для обеих сторон.

Сегодня внешняя политика Беларуси в части реализации международного сотрудничества в научно-технической сфере включает в себя следующие направления: 1) сотрудничество со странами постсоветского пространства; 2) сотрудничество со странами Европы; 3) сотрудничество со странами Латинской Америки; 4) сотрудничество со странами Азии; 5) сотрудничество со странами Африки.

Наиболее интенсивно развивается сотрудничество со странами постсоветского пространства. Однако следует отметить ряд существенных недостатков относительно других регионов. Прежде всего, необходимо активизировать процесс заключения договоров с европейскими странами и с ЕС. Наиболее перспективным было бы развитие научно-технического сотрудничества с Францией, Испанией, Австрией и Швецией при условии наличия необходимой договорной базы. Продуктивным могло бы оказаться сотрудничество с Финляндией, занимающей третье место (из 142 стран) в области развития информационных технологий и обладающей разветвленной структурой технопарков. При условии заключения соответствующих соглашений с ЕС, в перспективе можно было бы воспользоваться возможностями, предоставляемыми статусом ассоциированного членства и получить доступ к европейским программам на равных условиях со странами ЕС.

Не получило должного развития сотрудничество со странами Латинской Америки и Азии, в частности с Японией и странами Африки.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что договорная база научно-технического сотрудничества Беларуси находится на стадии формирования

и безусловно обладает потенциалом к ее дальнейшему развитию и совершенствованию.

1. Мацель, В.М. Сотрудничество Республики Беларусь и Китайской Народной республики в научно-технической сфере / В.М. Мацель // Проблемы управления. – 2004. – № 3. – С. 98 – 104.
2. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14.11.2005, № 60-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
3. Шумак, Ж.Г. Инновационная деятельность в Республике Беларусь: проблемы, перспективы / Ж.Г. Шумак // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы и перспективы: сб. науч. статей перв. Междунар. конф. Пинск, 10 – 11 мая 2007 г.: В 4 ч.– Пинск: ПолесГУ, 2007. – Ч. 2. – С. 279 – 283.

СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ (НА ПРИМЕРЕ АРГЕНТИНЫ, БРАЗИЛИИ, ВЕНЕСУЭЛЫ И КУБЫ) В 1992–2010 гг.

К.П. Андриевский (Минск)

Сотрудничество с **Венесуэлой** в области науки и образования между двумя странами развивалось в контексте активизации политических отношений и достигло наиболее высокого уровня среди других стран Латинской Америки. Минск и Каракас подписали соглашения о сотрудничестве в области науки и технологий (июль 2006 г.) и в области образования (декабрь 2007 г.), что создало благоприятные условия для развития отношений в этих областях.

Было налажено взаимодействие между отдельными научными учреждениями двух стран. В частности, в июне 2008 г. был заключен контракт по оказанию профессиональных услуг в подготовке, переподготовке и повышении квалификации кадров в области газификации между Государственным институтом повышения квалификации и переподготовки кадров в области газоснабжения и компанией «PDVSA Gas Comunal» [6].

Активно развивались связи между БГУ и венесуэльскими вузами. Между белорусским вузом и Национальным экспериментальным университетом им. С. Родригеса в декабре 2007 г. был подписан договор о сотрудничестве, а в марте 2010 г. во время визита А.Г. Лукашенко БГУ подписал соглашение о сотрудничестве еще с одним вузом Венесуэлы – Институтом инженерного дела и технологического развития [17; 19].

В апреле 2008 г. на базе БНТУ было открыто белорусское отделение совместного центра научно-технического сотрудничества (при научно-технологическом парке БНТУ «Политехник») [17]. Основной целью центра являлось формирование условий для развития и укрепления экономического и научно-технического сотрудничества в инновационной сфере, содействие предприятиям, научно-исследовательским и конструкторско-технологическим организациям, вузам в организации совместного обучения и освоения достижений в области науки и технологий, организации двустороннего обмена научно-техническими достижениями и др. [18].

С **Кубой** взаимодействие в данных областях развивалось еще в советский период, однако после распада СССР его уровень заметно снизился. В 1993 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Национальной академией наук Беларуси и Академией наук Кубы [3].

Связи БГУ с Камагуэйским университетом – одним из главных партнеров советского периода – были возобновлены лишь в январе 2002 г., когда стороны подписали рамочное соглашение о сотрудничестве [20]. В мае 2004 г. договор о сотрудничестве подписали Центральный ботанический сад НАН Беларуси и Ботанический сад Сьенфуэгоса министерства науки, технологии и охраны окружающей среды Кубы. В декабре 2005 г. стороны договорились о расширении договора и привлечении для дальнейшего сотрудничества БГУ [2].

Министерства образования Беларуси и Кубы в марте 2008 г. подписали соглашение о сотрудничестве, предусматривающее обмен профессорско-преподавательским составом, аспирантами, стажерами и студентами, взаимное участие специалистов обеих стран в симпозиумах [13].

В феврале 2009 г. был подписан протокол о намерениях между БГУ и Гаванским университетом, главной целью которого стала подготовка к подписанию рамочного соглашения между университетами двух стран [15]. К концу исследуемого периода стало намечаться взаимодействие между Национальной академией наук Беларуси и Центром молекулярной иммунологии Кубы (CIMAB) [16].

Контакты между Беларусью и **Аргентиной** в области науки и образования после распада Советского Союза и до открытия посольства в Буэнос-Айресе в марте 2000 г. отсутствовали. В июле 2000 г. Белорусский государственный университет посетил профессор Университета Буэнос-Айреса Ф. Сабсай. В ходе его визита было подписано межвузовское соглашение о сотрудничестве в области высшего образования, науки и культуры сроком на 5 лет, согласно которому обе стороны обязались облегчать преподавателям, исследователям, дипломированным специалистам и студентам доступ к научным, технологическим и культурным возможностям друг друга [12]. По информации аргентинской стороны, технические разработки БГУ были переданы в крупнейшую фирму телекоммуникаций «Telefónica». Как подчеркнул Ф. Сабсай, БГУ впервые за историю своего существования заключил соглашение о сотрудничестве с академическим центром Латинской Америки. По его оценке, такое сближение касалось не только университетского образования, но имело и политический аспект [10]. В то же время следует отметить, что договор об обмене студентами подписан не был, поскольку Аргентина выступала за сокращение оттока своих дипломированных специалистов и сохранение для них рабочих мест, не допуская притока квалифицированных иностранных кадров [9]. В этом же году рассматривалась возможность заключения межправительственного соглашения о сотрудничестве в области науки и технологий, однако Государственный комитет по науке и технологиям Беларуси ввиду отсутствия сотрудничества между научными организациями и отдельными учеными двух стран посчитал заключение такого соглашения безосновательным [5; 8]. В последующие годы двусторонние связи в этой области развитие не продолжили, поэтому вышеупомянутое соглашение стало единственным документов в сфере межвузовского сотрудничества.

С **Бразилией** взаимодействие в данных областях за указанный период также не было налажено. В 1998 г. гражданин Бразилии доктор С. Канемото через посольство Бразилии в Москве попросил у белорусской стороны информационно-справочный материал о Беларуси [1, л. 31]. По состоянию на тот же год в Беларуси обучался один гражданин Бразилии [8]. Неоднократно обсуждалась возможность заключения соглашения о научно-техническом сотрудничестве. Так, в 1999 г. посольство Беларуси в России трижды обращалось по данному вопросу в посольство Бразилии, однако ответа со стороны министра науки и технологий Бразилии Р. Сарденберга не последовало [4].

В рамках визита министра предпринимательства и инвестиций А.Ю. Сазонова в Бразилию 17 – 26 апреля 1999 г. обсуждались состояние и основные задачи развития научно-технической сферы в обеих странах. Белорусской стороной был установлен контакт с заинтересованными в научно-техническом сотрудничестве ведомствами и учреждениями Бразилии, определены основные направления сотрудничества: биотехнологии, исследования в области космоса, сверхбыстродействующие компьютерные системы, метрология и стандартизация, информационные технологии, станкостроение и технологии материалов, медицинская техника и оборудование. Обе стороны пришли к общему мнению о целесообразности заключения межправительственного соглашения о научно-техническом сотрудничестве [11]. Во время своей поездки по странам Латинской Америки С.Н. Мартынов 26 октября 2004 г. совершил визит в наиболее экономически развитый штат Бразилии – Сан-Паулу, где провел переговоры с его руководством. Была достигнута договоренность о содействии установлению сотрудничества между белорусскими университетами и университетами Сан-Паулу в сфере науки и технологий, культуры и образования [7, с. 34].

В 2007 г. при содействии консульства Беларуси были установлены связи между Бразильским обществом славянской культуры (БОСК) и Минским государственным лингвистическим университетом. В 2008 г. стороны подписали договор о сотрудничестве, и с того же года бразильские слушатели БОСК стали посещать Беларусь для обучения на курсах русского языка в МГЛУ [14].

Таким образом, наибольшего развития сотрудничество в области науки и образования достигло с Венесуэлой, однако отношения стали развиваться лишь к концу рассматриваемого периода. Белорусско-кубинские связи были продолжены, но уровень сотрудничества заметно снизился по сравнению с советским периодом. С Аргентиной и Бразилией связи в данных областях получили незначительное развитие, однако, по мнению автора, в ближайшее время возможна активизация сотрудничества с Бразилией, которая начинает приобретать все больший вес в латиноамериканском векторе внешней политики Республики Беларусь.

1. Дакументы па двухбаковых узаемаадносінах з краінамі Паўднёвай Амерыкі (лісты, справаздачы, інфармацыя, службовыя запіскі), 27.10.97–04.05.98 // Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 1998.
2. Договор о сотрудничестве между Государственным научным учреждением «Центральный ботанический сад Национальной академии наук Беларуси», Ботаническим садом г. Сьенфуэгоса Республики Куба Министерства науки, технологии и охраны окружающей среды и Белорусским государственным университетом // Текущий архив Управления международных связей БГУ.
3. Международные договоры о сотрудничестве // НАН Беларуси [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://nasb.gov.by/rus/activities/international/agreementsr.php. – Дата доступа : 11.06.2011.
4. О научно-техническом сотрудничестве с Бразилией // Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 11. – Д. 12. – Л. 163.
5. О сотрудничестве с Аргентиной в области науки и технологий: письмо заместителя министра иностр. дел Респ. Беларусь В.В. Величко № 1447/11 от 27.10.2000 г. // Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 11. – Д. 14 – Л. 425.
6. О сотрудничестве с Венесуэлой в области образования и науки // Текущий архив Управления международных связей БГУ.
7. О сотрудничестве с государствами Латинской Америки в 2004 году / Весн. М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь. – 2004. – № 4. – С. 33 – 38.
8. О сотрудничестве со странами Латинской Америки // Архив Управления международных связей Министерства образования Республики Беларусь.

9. Об образовательных услугах: письмо посла Респ. Беларусь в Аргентинской Республике В.И. Лазерко от 19.10.2005 г. № 387-э // Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 12. – Д. 17 – Л. 330.
10. Об итогах визита Ф. Сабсая в Минск // Текущий архив Управления международных связей БГУ.
11. Обоснование необходимости заключения Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Федеративной Республики Бразилия о сотрудничестве в области науки и технологий // Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 11. – Д. 12 – Л. 172.
12. Соглашение между Белорусским государственным университетом и Университетом Буэнос-Айреса о сотрудничестве в области высшего образования, науки и культуры // Текущий архив Управления международных связей БГУ.
13. Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Министерством высшего образования Республики Куба о сотрудничестве в области высшего образования : соглашение Министерства образования Респ. Беларусь, 27 мар. 2008 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 110. – 3/2120.
14. Сотрудничество в сфере образования // Генеральное консульство Республики Беларусь в Рио-де-Жанейро (Федеративная Республика Бразилия) [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.brazil.belembassy.org/rus/new_page_80/new_page_91/. – Дата доступа: 11.01.2011.
15. Протокол о намерениях между Белорусским государственным университетом (Республика Беларусь) и Гаванским университетом (Республика Куба) // Текущий архив Управления международных связей БГУ.
16. Текущий архив Управления международного сотрудничества Национальной академии наук Республики Беларусь.
17. Текущий архив Управления международных связей БГУ.
18. Цели и задачи // Белорусско-Венесуэльский центр научно-технического сотрудничества [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://www.belven.metolit.by/ru/dir/index.php/1558. – Дата доступа : 24.06.2010.
19. Convenio de cooperación mutua entre: la Fundación Instituto de Ingenieria para Investigación y Desarollo Tecnológico (FII–IDT) y la Universidad Estatal de Belarus (BSU) // Текущий архив Управления международных связей БГУ.
20. Convenio marco entre la Universidad de Camagüey, Cuba y la Universidad Estatal de Bielorrusia // Текущий архив Управления международных связей БГУ.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ БЕЛАРУСИ С ЕС И НЕОБОСНОВАННОСТЬ ПРИТЯЗАНИЙ ПОСЛЕДНЕГО К НАШЕЙ СТРАНЕ

Е.М. Бабосов (Минск)

В своих взаимоотношениях с различными государствами Беларусь разработала и последовательно реализует на практике принцип *многовекторности* внешней политики и внешних политических связей [1]. В этом контексте важное значение имеет осуществление взаимовыгодного сотрудничества Беларуси со странами ЕС. Проведенное в ноябре 2012 г. Институтом социологии НАН Беларуси всебелорусское репрезентативное социологическое исследование (опрошено 2107 человек во всех регионах страны) показало, что 59,6% респондентов положительно относятся к идее улучшения отношений Беларуси со странами ЕС.

Приходится с сожалением констатировать тенденцию к сдвигу оценок таких изменений в негативную сторону. Если количество респондентов, считающих, что отношения Беларуси со странами ЕС на протяжении последнего года улучшилось в ноябре 2010 г. достигало 38,9% от общего количества опрошенных, то в ноябре 2012 г. оно снизилось почти втрое и составило 13,1%. В то же время обратная по направленности тенденция проявилась в оценках общественного мнения белорусов ухудшения таких отношений: в ноябре 2010 г. считали, что отношения Беларуси со странами Евросоюза на протяжении последнего года ухуд-

шились 6,6%, а в 2012 г. количество таких оценок в среднем по массиву опрошенных возросло до 34,1%, т.е. более чем впятеро.

Широкая общественность Беларуси проявила большой интерес к принципам, целям и задачам Европейского союза, провозглашенным в подписанном на саммите ЕС 13 декабря 2007 г. в монастыре иеронимистов в Лиссабоне и вступившем в силу 1 декабря 2009 г. Лиссабонском договоре. С ободрением восприняли наши сограждане выдвинутую Лиссабонским договором цель, состоящую в «повышении уровня знания и улучшение распространения культуры и истории европейских народов», а также в «сохранении и защите культурного наследия» и в расширении культурных обменов некоммерческого характера» (часть 3, раздел 13, статья 167) [3].

Наша республика включилась в осуществление белорусско-европейского сотрудничества в рамках утвержденной 7 мая 2009 г. на Пражской встрече глав европейских государств и правительств декларации и программы «Восточное партнерство», которой предусмотрено придание ускорения дальнейшей экономической интеграции между Европеским союзом и заинтересованными странами-партнерами. Напомним, что в программу «Восточное партнерство» включены Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина. Эта программа, как заявляют ее разработчики и утвердившие ее главы государств и правительств названных стран, а также представители Евросоюза, служит взаимному стремлению к стабильности, безопасности и процветанию всех стран не только участников данного соглашения, но и всего Европейского континента. Она рассматривает в качестве приоритетных направлений деятельности согласованные и совместные мероприятия, ориентированные на поддержку политических и социально-экономических реформ в странах-партнерах, на многостороннее укрепление их взаимодоверия, на осуществление интенсивной и всесторонней свободной торговли между ними, на либерализацию и упрощение действующего визового режима [4]. Однако, возникает вполне резонный вопрос: каким образом и в какой мере осуществляются в реальной действительности провозглашаемые в данной программе принципы, как согласуются с ней действия стран-участников Евросоюза в отношении к восточным партнерам, в частности Беларуси. Такая постановка вопроса и поиски ответа на него вызывают определенные и вовсе немалые разочарования и сомнения.

Первое такое сомнение в возможности единства слова и дела в отношениях стран Евросоюза к Республике Беларусь возникает в связи с пресловутой «проблемой санкций» в отношении ЕС к Беларуси. Такие санкции – отнюдь не изобретение последних дней. Еще пятнадцать лет назад, в 1997 г., после непризнания странами Запада итогов референдума по внесению изменений в Конституцию Республики Беларусь, Евросоюзом был введен запрет на развитие контактов с нашей страной на высшем уровне. Этот чисто внутренний для нашей страны вопрос, получивший юридически обоснованное решение абсолютным большинством белорусского народа, в соответствии со странной «логикой» лидеров ЕС, находящейся в полном противоречии с основополагающим постулатом «Восточного партнерства» о необходимости европейского добрососедства, превратился в объект предвзятого и недружественного обсуждения в правительственных кругах и средствах массовой информации ряда стран-участниц ЕС.

Развивающаяся по волнообразной кривой, то затихающая, то обостряющаяся «санкционная лихорадка» по отношению к Беларуси, от которой никак не может избавиться в своем рвении к осуществлению европейской программы добрососедства Евросоюз, летом 2011 г. вдруг расширила масштабы своего распро-

странения. На этот раз на очередном заседании Совета министров иностранных дел стран Европейского союза, состоявшемся в Люксембурге 20 июня 2011 г., по инициативе правительства Великобритании впервые были введены *экономические санкции* против нашей страны. В данном случае (уже в который раз!) сигнал к действию прозвучал из Вашингтона. Президент Б. Обама 27 мая 2011 г. заявил: «следуя нашим ценностям и принципам, правительство Соединенных Штатов будет вводить новые санкции в отношении отдельных белорусских государственных предприятий, в дополнение к санкциям, визовым ограничениям к замораживанию активов, введенных ранее». А дополнять есть что. Еще в марте 2008 г. госдепартамент США ввел санкции против предприятий, входивших в состав концерна «Белнефтехим», а в 2011 г. возобновил экономические санкции против белорусских предприятий «Полоцк стекловолокно» и ОАО «Лидская лакокраска». Под давлением следующего в фарватере за своим более сильным партнером по НАТО английского министра иностранных дел его коллеги по Евросоюзу 20 июня 2011 г. ввели экономические санкции в отношении трех белорусских компаний – «Белтехэкспорт», «Спорт-пари» и «БТ Телекоммуникации». Такие санкции нередко сопровождаются разнузданной информационной интервенцией против нашей страны, против существующего в ней общественно-политического строя, что, разумеется, сеет недоверие и обостряет существующие противоречия между Беларусью и странами-участницами ЕС.

Разумеется, несколькими санкциями в отношении к нескольким предприятиям, чиновникам, судьям и журналистам, общую экономическую и общественно-политическую ситуацию в нашей стране ухудшить невозможно. Более того, они возбуждают справедливое негодование наших сограждан, подталкивают их к еще большей консолидации и сплочению. А это побуждает их более эффективно трудиться, спокойно заниматься своими повседневными делами. Спокойствие и уверенность наших людей, их консолидация и сплоченность служат социальной опорой инициативной и творческой внутренней и внешней политики Беларуси, в том числе и последовательного осуществления одобряемой нашим народом стратегии «равной приближенности» к Востоку и Западу [2].

Речь идет, в первую очередь, о кропотливой и многосторонней работе по реализации потенциала сотрудничества Республики Беларусь с Европейским союзом, по отношению к которому наша страна является партнером во многих сферах жизнедеятельности, в таких, в частности, как энерготранзит, транспорт, миграция, борьба с торговлей людьми, организованной преступностью и наркотрафиком, вышедших на уровень общеевропейского значения. В процессе расширения масштабов деятельности по этим и другим направлениям, включая научно-техническое и социокультурное сотрудничество, необходимо развивать конструктивной доверительной, хотя и непростой диалог, который поможет разрушить сложившееся, но изживающие себя стереотипы. Только в таком случае удается преодолеть существующие разногласия и противоречия, развивать полноформатное и рентабельное для обеих сторон добрососедское партнерство.

Что же следует предпринять для практической реализации такой именно ориентированности взаимодействий Республики Беларусь со своими партнерами, входящими в Европейский союз? Во-первых, необходимо восстановить и активно развивать равноправный и взаимоуважительный диалог, который будет способствовать урегулированию международных разногласий.

Во-вторых, возникает настоятельная потребность, чтобы обе взаимодействующие стороны последовательно, целеустремленно и активно выступали за безусловный отказ от любых действий, включая, разумеется и различные санкции,

которые препятствуют взаимовыгодному и равноценному добрососедскому взаимодействию между Беларусью и Евросоюзом.

В-третьих, необходимо, чтобы многие ответственные сотрудники белорусских государственных органов, причастные к принятию и реализации решений о развитии сотрудничества между предпринимательскими структурами нашей страны и стран-участниц Евросоюза, глубже и обстоятельнее изучали западные реалии в бизнес-сфере и преодолевали свою низкую компетентность в данной области, поскольку она часто отбивает желание у многих потенциальных инвесторов из европейских стран вести предпринимательскую деятельность на территории Беларуси и развивать международное деловое сотрудничество.

В-четвертых, для упрочнения подлинного партнерства между Беларусью и Евросоюзом необходимо совместными усилиями преодолевать барьеры, мешающие человеческим и экономическим контактам между ними, в первую очередь создать предпосылки и условия для отмены визового режима.

В свое время выдающиеся деятели польской национальной культуры, родившиеся в Беларуси – А. Мицкевич, С. Монюшко, М. Огинский и др. – своим творчеством доказали высшую значимость межэтнических и межкультурных связей, не ограниченных какими-либо визовыми установлениями. В этом состоит одно из весомых доказательств того, что отмена виз может стать мощным импульсом для реальной интеграции Беларуси и ЕС, содействовать расширению не только культурных, но и деловых связей, особенно между средним и малым бизнесом. Поэтому необходимо, чтобы наши партнеры из Евросоюза твердо уяснили, что мы одинаково зависим друг от друга. В современном мире взаимозависимость отдельных стран и их интегративных объединений существенно возрастает.

1. Лукашенко, А.Г. Наш исторический выбор – независимая, сильная и процветающая Беларусь. – Доклад на четвертом Всебелорусском народном собрании / А.Г. Лукашенко // Беларусь сегодня. – 2010. – 7 дек. – № 234 (23623).
2. Бабосов, Е.М. Креативная роль государственного суверенитета и национальной культуры в созидании новой архитектуры мироустройства в условиях глобального кризиса / Е. М. Бабосов // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – № 4. – 2010. – С. 8 – 21.
3. Лиссабонский договор [Электронный ресурс]. – Ресурс доступа: http://mnogobit.n2bo.ru/.zip. – Дата доступа: 04.07.2011.
4. Европейская политика добрососедства [Электронный ресурс]. – Ресурс доступа: http://centerpost.org/disk_eu/content/panorama/im-02.html. – Дата доступа: 04.07.2011.

К ВОПРОСУ О ГЕОПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Э.Г. Иоффе (Минск)

После провозглашения независимого суверенного государства – Республики Беларусь – у жителей нашей страны разных возрастов усилился интерес к проблемам геополитики и положения нашего государства на геополитической арене.

Термин «геополитика» появился в 1916 г. Он был введен в научный оборот шведским профессором-государствоведом Рудольфом Челленом. Геополитика – это одно из фундаментальных понятий теории международных отношений, характеризующее место и конкретно-исторические формы воздействия территориально-пространственных особенностей положения государств на локальные, континентальные и глобальные международные отношения. В наше время роль геополитики состоит не в том, чтобы подталкивать межгосударственное соперничество, а в том, чтобы быть инструментом внешней политики, позволяющим опре-

делить ее возможности, исходя из принципа географического детерминизма, то есть научного понимания причинной обусловленности всех социальных явлений.

Анализируя геополитическое положение Республики Беларусь, мы, в первую очередь, акцентируем внимание на то, что она находится в центре Европы, на стыке цивилизаций и геополитических интересов великих держав. К сожалению, наша страна не имеет выходов к морям, на ее территории отсутствуют какие-нибудь значительные запасы полезных ископаемых. В то же время республика обладает весьма сильным экономическим и научно-техническим потенциалом, разветвленной коммуникационной системой, которая позволяет соединить высокотехнологические страны с сырьевыми ресурсами Российской Федерации. Беларусь обладает определенной и немалой военной силой, позволяющей обеспечить защиту своего государственного суверенитета и территориальной целостности.

Сегодня существенно изменилась расстановка политических сил в Европе. Есть ряд оснований сделать вывод, что ликвидирован пояс нашей безопасности, который существовал на западной границе. Всех беспокоит сложившаяся макроэкономическая ситуация, некоторый спад жизненного уровня, инфляция, превышение импорта над экспортом. Все это выдвинуло перед Национальным собранием, Президентом и правительством страны множество проблем, необходимость правильного определения приоритетов и планов развития и, прежде всего, установления добрососедских отношений со странами ближнего зарубежья.

Сегодня Республика Беларусь является полноправным субъектом мирового общества. В настоящее время она установила дипломатические отношения более чем со 160 государствами мира. В своей деятельности на международной арене наша страна руководствуется принципом многовекторности. Интересы страны естественным образом охватывают как западный, так и восточный векторы, так как Беларусь расположена на перекрестке путей с Запада на Восток.

В своем Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 21 апреля 2011 г. Президент А.Г. Лукашенко подчеркнул: «Принципиальная основа нашей внешней политики – многовекторность. Так было. И так будет, У Беларуси свое место в Европе, которое определяет необходимость сбалансированного взаимодействия с двумя центрами силы. Поэтому взятая нами на вооружение стратегия «равной приближенности» к Востоку и Западу, дающая шанс эффективно использовать выгодное географическое положение, транзитный и индустриальный потенциал нашей страны, останется неизменной … Россия – ключевой стратегический партнер Беларуси, что обусловлено объективными многогранными связями между нашими народами. Всестороннее сотрудничество с Россией является одной из опор нашего суверенитета и экономического развития … Европейский союз – наш ближайший сосед с другой стороны. Да, сегодня в белорусско-европейских отношениях взят тайм-аут. Здесь многое сказано … Ключевое значение сточки зрения национальных интересов имеет дальнейшее развитие наших двусторонних связей с республиками СНГ. Это не просто лозунг. Укрепление сотрудничества в разных областях с Украиной, Казахстаном, Азербайджаном, Арменией, Туркменистаном и другими партнерами будет оставаться первостепенной задачей … Двух векторов – условно говоря, восточного и западного – для эффективной политики недостаточно. Мы должны расширить число «опорных точек» на международной арене за счет наращивания «дальней дуги» союзников и партнеров. Уже сегодня мы получаем серьезные дивиденды от сотрудничества с такими странами, как Китай, Венесуэла, Индия, Арабские Эмираты, Катар, Вьетнам, Сирия, Иран, Бразилия и другие» [4, с.11 – 12].

В начале 1990-х гг. в средствах массовой информации Республики Беларусь и ряда зарубежных стран возникла дискуссия о вариантах экономического развития нашей страны. Интересным вариантом экономического развития нашей республики стала избранная в 1994 г. пришедшим к власти Президентом А.Г. Лукашенко опора на развитие существующей промышленной базы. Для этого, естественно, требовались большие объемы дешевых ресурсов и рынки сбыта для производимых промышленных товаров преимущественно низкого качества. В то время и то и другое было только у России.

Белорусский ученый-политолог С.А. Кизима отмечает: «Проведенный … сравнительный анализ развития Беларуси со странами соседями, вступившими в ЕС, по основным геополитическим и геоэкономическим параметрам свидетельствует, что модель развития нашей страны может быть признана успешной и конкурентоспособной. Невзирая на более высокий уровень ВВП на душу населения по паритету покупательной способности у наших соседей, вступивших в ЕС. Более высокий уровень ВВП объясняется теми геополитическими конкурентными преимуществами стран-соседей, которые у Беларуси просто-напросто отсутствуют. Ее геополитические преимущества (возможность реализовывать товары на российском рынке, дешевые российские энергоресурсы) не могли в полной мере компенсировать те преимущества, которыми обладают страны-соседи, вступившие в ЕС. Так, Литва, Латвия и Польша вместо доступа на российский рынок получили выход на значительно более богатый и платежеспособный рынок ЕС. При этом, даже, несмотря на имеющиеся преимущества, экономическую модель прибалтийских государств трудно признать полностью успешной» [2, с. 24 – 25].

Заслуживает внимания и точка зрения белорусского экономиста В. Ярошевича. Акцентируя внимание на открытость и достаточно высокий уровень развития белорусской экономики, он замечает, что одной из ключевых особенностей последовательной политики белорусского руководства стала интеграция с Россией. Не следует, однако, забывать, что Беларусь – транзитное государство, которое, несмотря на отсутствие выхода к морю, находится на пересечении важных торговых путей как с запада на восток, так и с севера на юг. Обладая довольно развитой транспортной инфраструктурой, удобным рельефом и умеренным климатом, страна способна извлекать преимущества из сотрудничества не только со своими традиционными восточными партнёрами, но и с западными соседями. Более того, именно белорусы в силу своей толерантности и исторического опыта могут стать надёжными и эффективными посредниками в налаживании взаимовыгодных экономических отношений между Россией и Евросоюзом как основы региональной и глобальной безопасности. Однако для этого Беларуси необходимо существенно улучшить свои отношения с Западом, в первую очередь с ЕС – своим непосредственным соседом.

Очевидно, что в основе существующих проблем в двусторонних отношениях лежат не столько социально-экономические противоречия, сколько политические причины. Европейский союз не считает демократической политическую систему Беларуси и призывает власти страны к широкомасштабной демократизации по примеру других постсоциалистических стран. В Брюсселе полагают, что применение к Беларуси более высоких (а по сути двойных) «демократических стандартов», чем к России, Казахстану или некоторым другим постсоветским республикам, вполне оправданно, потому что Республика Беларусь – европейское, а не азиатское государство.

Диалог с ЕС в политической сфере следует проводить таким образом, чтобы не ставились под сомнение основополагающие принципы белорусской политико-экономической модели. Все остальные вопросы следует сделать открытыми

для обсуждения, так как их решение может стимулировать прогресс в двусторонних экономических связях [7, с. 94 – 96].

Очень важно, что в Беларуси в связи с изменившейся международной ситуацией усовершенствована Концепция национальной безопасности. Большое значение в деле обеспечения этой безопасности имеет участие нашей страны в региональных соглашениях о коллективной безопасности (ОКБ) и ее членство в таких международных организациях как ООН и ОБСЕ.

Один из тезисов Концепции национальной безопасности Республики Беларусь гласит: «Беларусь в силу своего географического положения и открытости в полной мере подвержена воздействию большинства происходящих в мире геополитических процессов». В связи с этим нельзя не согласиться с мнением министра обороны Республики Беларусь Ю. Жадобина: «Трагический парадокс нового времени заключается в том, что человечество до сего времени не нашло надёжных путей обеспечения мира на планете. Только в 2012 году в мире были развязаны или продолжались более 20 военных конфликтов, преимущественно в Северной и Центральной Африке, на Ближнем Востоке … Но если ядерное сдерживание пока исключает из арсенала большой политики мировую ракетно-ядерную войну, это ни в коей мере не касается войн локальных и региональных, Тем более, что идёт размывание границ между военными и невоенными способами международного противоборства, наращивание возможностей скрытых, ассимметричных насильственных военных и невоенных воздействий. При этом имеют место такие тенденции осложнения самой военно-политической обстановки. Во-первых, всемерно наращивается конфликтный потенциал в мире … Во-вторых, наметилась тенденция международной легитимации локальной войны … В-третьих, имеет место беспрецедентное наращивание военных потенциалов в мире, о чём свидетельствуют, в частности, военные бюджеты государств. В-четвёртых, продолжается дальнейшее укрепление Североатлантического альянса, расширение сферы стратегического влияния блока с выходом на глобальный уровень, совершенствования оперативных возможностей и потенциала кризисного реагирования … Тенденции развития региона свидетельствуют об отсутствии в настоящее время военной угрозы Республике Беларусь. Вместе с тем существует военная опасность на уровне вызовов и рисков, обусловленная наличием объективно существующих источников военной угрозы» [1, с. 5 – 6].

Осмысливая факторы, формирующие силу и могущество того или иного государства один из классиков геополитики Х. Маккиндер, наряду с местоположением и вооружениями, выделяет численность, мужество, национальный характер, менталитет и организацию народов [3, с. 169]. К сожалению, цифры говорят о том, что население Республики Беларусь сокращается. За период с 1999 по 2009 г. население страны уменьшилось на 556 тысяч человек, или на 5,5%.

Объективные процессы, происходящие в нашей республике, влияют и на состояние армии. Так, неблагоприятные последствия демографической ситуации объективно сохранятся в течение нескольких лет. Если в 2002 г. детей в возрасте до 17 лет в республике было 376 тыс., то в 2012 г. – 216 тыс. (сокращение на 43%). Это отражается на качественных показателях призывного возраста. Если до 2009 г. практически не призывались лица, имевшие снятую или погашенную судимость, то в последние два года в отдельные призывы её имели до 8% нового пополнения. Но, несмотря на это, благодаря заблаговременно созданным системам, обеспечивающим эффективное функционирование армии, уровень преступности в 2012 г. – самый низкий за всю историю армии [1, с. 9 – 10].

В настоящее время Республика Беларусь уделяет большое внимание практическим вопросам совершенствования совместных систем обеспечения безопасности, прежде всего региональной группировки войск нашей страны и Российской Федерации, а также Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ, объединённой системы ПВО государств – участников СНГ (в том числе Единой региональной системы ПВО Республики Беларусь и Российской Федерации).

Сила и могущество государства во многом зависит от национального характера титульного этноса. Не так давно социологи Беларуси сделали попытку определить национальный характер современного белоруса. Как и ожидалось, первые позиции в рейтинге качеств по-прежнему занимают гостеприимство, трудолюбие, доброта терпимость и такая черта, как «памяркоўнасць». В то же время у многих жителей нашей республики отмечаются такие черты, как предприимчивость и креативность. Все это дает основания сделать вывод, что характер белоруса приближается к европейскому [6, с. 7].

Важно заметить, что в мировой геополитической системе Республика Беларусь выделяется по такому принципиальному показателю, как число студенческой молодежи. Сравним нашу страну с США и КНР. Так, в Соединенных Штатах на 10 тысяч населения приходится 500 студентов, в Беларуси – 400, а в Китае – только 200 студентов [5, с. 23]. Это сравнение позволяет придти к выводу, что в нашей стране имеется хороший резерв для повышения уровня человеческого потенциала страны с условием, что в ближайшие годы мы резко повысим качество высшего бразования. В заключение констатируем, что в мировом сообществе Беларусь в целом по индексу ИРЧП занимает место выше среднего.

Проблемы геополитики тесно связаны с интеграционными процессами. В связи с этим возникает вопрос: «Как изменится геополитическое положение Беларуси в ближайшем будущем?»

В Послании Президента нашей страны белорусскому народу и Национальному Собранию Республики Беларусь в апреле 2011 г. есть такие строки: «Геополитическое положение Беларуси обусловливает необходимость ее вовлечения в интеграционные вопросы. Иначе невозможно эффективное решение стоящих перед нами масштабных социально-экономических задач. Этим вызвано участие нашей страны в Таможенном союзе Беларуси, Казахстана и России, а в недалеком будущем – в Едином экономическом пространстве. По сути, мы создаем условия для свободного движения услуг, капитала, рабочей силы … Ключевой задачей на ближнюю перспективу должно стать превращение Беларуси в масштабный транспортно-логистический международный центр в целях максимального использования выгодного географического положения нашей страны. И кое-что мы в этом отношении начали делать … Беларусь должна не просто связывать запад с востоком и север с югом многочисленными транспортными нитями, но и быть региональным узлом по безопасному и комплексному обслуживанию потоков транзитных грузов. Причем наиболее привлекательным для наших партнеров по сравнении и с другими конкурентами. Достижение этой цели будет служить как экономической выгоде нашего государства, так и укреплению его роли в геополитическом плане…» [4, с. 12 – 13].

Анализ геополитики нашей страны в XXI в. в целом позволяет сделать вывод, что в республике принимаются все необходимые меры для поддержания международной стабильности, осуществляется миролюбивая многовекторная политика, проводится эффективное взаимодействие в сфере безопасности с большинством государств ближнего и дальнего зарубежья. Все вышеизложенное позволяет придти к заключению, что место Республики Беларусь в складывающемся новом миропорядке зависит от выбора пути модернизации экономики и общества, а

также движения в общем цивилизационном пространстве с учетом белорусского менталитета. Внешняя политика нашей страны как общий курс стратегии в международных делах должна сочетать национальные интересы и ценности с общечеловеческими ценностями в вопросах безопасности, решения глобальных проблем, сотрудничества и укрепления мира.

1. Жадобин, Ю.В. Армия белорусского народа / Ю.В. Жадобин // Беларуская думка. – 2013. – № 2. – С. 3 – 10.
2. Кизима, С.А. Развитие национального государства в условиях глобализации: геополитический аспект: Автореф. дис. … д-ра полит. наук / С.А. Кизима; БГУ. – Минск, 2009. – 43 с.
3. Маккиндер, Х.Дж. Географическая ось истории / Х.Дж. Маккиндер // Полис. – 1995. – № 4. – С. 162 – 169.
4. Основа успеха заложена в нас самих // Беларуская думка. – 2011. – № 5. – С. 3 – 15.
5. Под знаком качества // Беларуская думка. – 2010. – № 1. – С. 16 – 25.
6. Шестакова, О. Новые белорусы считают себя не «памяркоўнымі», а креативными / О. Шестакова // Комсомольская правда в Белоруссии. – 2009. – 23 декабря. – С. 7.
7. Ярошевич, В.И. Беларусь – ЕС: Время расставляет акценты / В.И. Ярошевич // Беларуская думка. – 2013. – № 2. – С. 94 – 97.

УГО ЧАВЕС. РОЛЬ В ГЕНЕЗИСЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БОЛИВАРИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ ВЕНЕСУЭЛА И РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ

Йохана Рута (Венесуэла)

Личность президента Уго Рафаэля Чавеса Фриаса сыграла решающую роль в установлении стабильных двусторонних отношений между Боливарианской Республикой Венесуэла и Республикой Беларусь. Тесные взаимоотношения двух стран способствуют построению многополярного мира в условиях налаживания не только дипломатических отношений, но и установлению глубоких уз дружбы в соответствии с принципами, основанными на получении взаимных экономических, научно-технических, культурных, а также военных преимуществ. В основе этих связей – идеи равенства, взаимоуважения, солидарности, взаимовыгодного обмена, невмешательства и гармонии.

Так, Посол Боливарианской Республики Венесуэла в Республике Беларусь Америко Диас Нуньес утверждает, что двусторонние отношения между Венесуэлой и Беларусью основаны на уважении, паритете, взаимовыгоде и невмешательстве во внутренние дела каждой из наций [4]. «Двусторонние дипломатические отношения между Венесуэлой и Беларусью скреплены прочной и надежной дружбой, так как в их основе лежат принципы паритета, взаимодополняемости, взаимной выгоды, поддержания национального суверенитета и борьбы за построение многополярного мира, который, бросая вызов и показывая свое превосходство, положит конец гегемонии одного центра власти и его союзников, противопоставляющих себя всему остальному миру» [3].

Обращает на себя внимание тот факт, что эти двусторонние взаимоотношения не ограничиваются импортом и экспортом товаров. Обе страны придают большое значение передаче технологий, технической подготовке, созданию совместных предприятий, привлечению инвестиций, а также реализации совместных проектов. Так заявил У. Чавес в июне 2012 г. на встрече с белорусским президентом А.Г. Лукашенко. Основной задачей данной встречи было «способствовать установлению нового многополярного мирового порядка с тем, чтобы превратить Венесуэлу и Беларусь в полюсы развития, – одна из целей, преследуемых обеими нациями на основе подписанных соглашений» [2].

Визиты президента У. Чавеса в Беларусь укрепили стратегический характер политических, торговых и экономических отношений, существующих с данной дружественной страной, расширяясь в новых сферах, представляющих взаимный интерес [6]. В период с июля 2006 г. по ноябрь 2010 г., было осуществлено пять визитов президента У. Чавеса в Минск, которые привели к реальным результатам. Так, целями визитов У. Чавеса в Беларусь были активизация двустороннего партнерства путем поддержания существующих и расширения сотрудничества в новых, представляющих взаимный интерес, проектов, на основе углубления политических связей между правительствами обеих стран. В данном контексте, специфические задачи были направлены на налаживание политического диалога; укрепление инициативы существующих проектов сотрудничества в области энергетики, продовольствия, промышленного и военного сотрудничества; активизации утверждения проектов и соглашений о сотрудничестве в новых областях (науке и технологии, правосудии, коммуникации и информации).

В настоящее время сотрудничество развивается в ключевых сферах, важных для обеих стран. Этот альянс значительно продвинулся в структурировании проектов сотрудничества в области энергетики, продовольствия, промышленного развития, жилищного строительства и развития городской инфраструктуры [1].

Результаты эффективного сотрудничества следующие: **энергетика:** сотрудничество в сфере энергетики оказалось особо выгодным для Беларуси, чья энергетическая зависимость от Российской Федерации ярко выражена. Венесуэла, в свою очередь, получила бесценный опыт технологического развития Беларуси в области газификации и сейсмических исследований; к**оличественная** к**лассификация, сертификация и добыча сырой нефти**: совместное предприятие С.П. «Петролера *Бел-Венесолана*» – пример успешного проекта сотрудничества; и**сследования:** совместное предприятие по геофизическому сбору данных «SismoVenBel» успешно функционирует на территории Венесуэлы; **газификация:** в Венесуэле в данной области были достигнуты положительные результаты; п**ищевая промышленность:** Беларусь сотрудничает с Венесуэлой с тем, чтобы выйти на уровень самообеспечения в данной сфере посредством обмена опытом в области усовершенствования молочного животноводства; ж**илищное строительство и развитие городской инфраструктуры:** многое было достигнуто благодаря созданию совместного предприятия по производству строительных материалов и других ресурсов, необходимых для выполнения планов жилищного строительства в Венесуэле; **промышленное развитие**: в данной сфере были достигнуты значительные результаты через внедрение двух заводов по производству грузовых автомобилей и тракторов.

Для развития сотрудничества между Венесуэлой и Беларусью было приложено много усилий и были достигнуты значительные результаты. Каждый из проектов и договоренностей о сотрудничестве между двумя государствами был реализован в различных вышеупомянутых областях, также в секторе агроиндустрии, стратегическом сотрудничестве в сфере производства сжиженного нефтяного газа в качестве автомобильного топлив, строительства и нефтехимии.

Все эти достижения привели к выполнению ряда поставленных целей и задач в сферах, являющихся приоритетными в политике стремительного развития, направленной на создание многополярного мира. К августу 2009 г. было подписано 18 двусторонних соглашений о сотрудничестве с Республикой Беларусь и разработано 43 проекта [1]. Во время последнего визита У. Чавеса в Минск в октябре 2010 г. было подписано еще три новых соглашения. Таким образом, к настоящему времени, в общей сложности, достигнуты 73 двусторонние договоренности, одобренные обеими странами [6].

В этом поиске новых горизонтов и стратегических союзов с народами, которые разделяют общее прогрессивное и идеологическое видение, президенту Уго Чавесу удалось установить крепкие отношения с дружественной страной Беларусью и увидеть в данной стране соратника по борьбе за независимость. Беларусь, как и Венесуэла, стремится построить многополярный мир, более сбалансированный и справедливый, ориентируясь на антиимпериализм в качестве основного компонента. Кроме того, в союзе обе эти, географически удаленные страны, добились отличных результатов, направленных на поддержание интеграции.

Что касается прогресса, то Беларусь, также как и Венесуэла, кроме накопления и получения научно-технического опыта, продолжает расширять сферы взаимодействия в области дипломатии. Раньше данное направление не было приоритетным. Беларусь обладала небольшим количеством установленных дипломатических связей. Все эти достижения позволили реализовать возможность будущих инвестиций в обеих странах. Например, это может относиться к поддержанию предприятий малого и среднего бизнеса, важности передачи технологического опыта, а также появлению новых заводов в Венесуэле и Беларуси. Необходимо также отметить, что культурный обмен также повлиял на сближение двух наций.

По словам президента У. Чавеса: «Беларусь является щедрой нацией, сотрудничество с которой способно обогатить другой народ и привести к взаимопониманию» [2].

1. Visita del Comandante Presidente, Hugo Chávez Frías a la República de Belarús. Carpeta Política. 08.09.2009 // Archivo de la Embajada Bolivariana de Venezuela en la República de Belarús.
2. Chávez: alianza Venezuela-Belarús busca establecer nuevos polos de desarrollo // AVN Agencia Venezolana de Noticias [Recurso electrónico]. – 2012. – Régimen en línea: http://www.avn.info.ve/contenido/ch%C3%A1vez-alianza-venezuela-belar%C3%BAs-busca-establecer-nuevos-polos-desarrollo. – Datos en línea: 17.02.2013.
3. Bolívar, Reinaldo. 3 años de la política exterior de Hugo Chávez / Reinaldo Bolívar // Aporrea.org [Recurso electrónico]. – 2003. – Régimen en línea: http://www.aporrea.org/actualidad/a4359.html. – Datos en línea: 20.02.2013.
4. Díaz, Núñez. Relaciones diplomáticas entre los países deben estar basadas en los principios de respeto, igualdad y la no injerencia en los asuntos internos / Núñez Díaz // Revista científico-práctica Problemas de Gerencia. – 2012. – Abril – Junio. – № 2(43). Serie A y B. Tema de la Edición: Relaciones diplomáticas estables-base de colaboración mutua. – P. 25 – 26.
5. Balance de las visitas oficiales al exterior celebradas por el ciudadano presidente de la República Bolivariana de Venezuela. Gira por Asia y África- Agosto 2006 // Ministerio de Comunicación e Información [Recurso electrónico]. – 2006. – Régimen en línea: http://www.gobiernoenlinea.ve/misc-view/sharedfiles/balance.pdf. – Datos en línea: 22.02.2013.
6. Presidente de Venezuela concluye visita a Bielorrusia // Pueblo en Línea [Recurso electrónico]. – 2010. – Régimen en línea: http://spanish.peopledaily.com.cn/31617/7169042.html. – Datos en línea: 28.02.2013.

ИНТЕГРАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Д.В. Коваленок (Минск)

Союз Советских Социалистических Республик отвечал всем критериям современного регионального интеграционного объединения еще до создания Евросоюза. В нем существовали зона свободной торговли, таможенный союз, единое экономическое пространство с четырьмя степенями свободы (движение товаров, капитала, услуг и рабочей силы). Кроме того, функционировал единый рынок, наднациональные органы управления, единая макроэкономическая, внешнеэкономическая, налоговая и социально-экономическая политика, единая валюта.

После распада СССР и перехода к рыночным отношениям участие Беларуси в таможенных союзах стало закономерным процессом. Будучи долгое время сборочным цехом Советского Союза, Беларусь стала страной, чья экономика в высокой степени зависела от внешней торговли: в 1995 г. доля импорта и экспорта в ВВП составляла 53% и 46% соответственно [1]. Зависимость экономики республики от внешних сырьевых и энергетических ресурсов, а также отсутствие валютных запасов, способных обеспечить альтернативное снабжение их закупкой в других странах стали наиболее существенными факторами, предопределившими интеграционные усилия со стороны белорусского руководства [18, с. 274].

Подписание в декабре 1991 г. в Вискулях Соглашения о создании Содружества независимых государств (известное как Беловежское Соглашение) [15] и последующее заключение всеми государствами-участниками двусторонних Соглашений о свободной торговле провозгласили, де-юре, зону свободной торговли с минимальными изъятиями на всем пространстве СНГ.

Кроме того, государства-участники СНГ предпринимали попытки сохранить общую таможенную территорию и создать Таможенный союз: в 1992 г. подписано Соглашение о регулировании взаимоотношений государств Содружеств в области торгово-экономического сотрудничества [13] и Соглашение о принципах таможенной политики [12], предусматривающие устранение возникших торгово-экономических барьеров, обеспечение свободного движения товаров и проведение согласованной таможенной политики.

В мае 1993 г. главы девяти государств Содружества приняли Декларацию, в которой заявили о решимости идти по пути экономической интеграции, создания общего рынка для свободного передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы на общем экономическом пространстве, поэтапно двигаться к Экономическому союзу, развивать свободные хозяйственные связи предприятий, производителей и потребителей продукции, снять все препятствия на пути их прямого взаимодействия [2, с. 74].

В этой связи попытки придания нового импульса интеграционным процессам на постсоветском пространстве продолжились подписанием Соглашения о Таможенном союзе России, Беларуси, Казахстана 1995 г. [16], и Киргизии, которая присоединилась в 1996 г., а также Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве 1999 г [6].

Стоит отметить, что Таможенный союз России, Беларуси, Казахстана и Киргизии не стал интеграционным «долгожителем» и в 2000 г. был преобразован в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) [4] – перспективную региональную организацию, построенную с учетом основных принципов Европейского союза и наличием четких экономических целей и действенной институциональной структуры. Именно в ЕврАзЭС, впервые после обретения республиками, входившими в состав СССР, независимости, была создана зона свободной торговли без изъятий и ограничений.

Тем не менее, краткая история осуществляемой в рамках СНГ интеграции показывала, что формальные декларативные объединения, регистрируемые в виде рамочных соглашений и не доведенные до конца на каждом из этапов, не могли рассматриваться как конструктивные, что способствовало, в свою очередь, поиску новых путей организации политических и социально-экономических связей.

Это привело к подготовке специалистами Беларуси, России, Украины и Казахстана многостороннего Соглашения о формировании Единого экономического пространства совместно с Концепцией его формирования [17]. Примечательно то, что инициатива в выдвижении идеи ЕЭП-4 (т.е. «четверки») исходила от украинской стороны, которая в постсоветской интеграции всегда занимала довольно сдержанную, а нередко и явно деструктивную, позицию [8, с. 55].

В ходе реализации Соглашения о формировании Единого экономического пространства, ЕЭП-4 «четверка» достигла достаточно высокого уровня интеграции (в частности, в области трудовой миграции), однако так и осталась на уровне межгосударственного проекта в действительности. В этой связи, главами Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан опережающими темпами был выдвинут и подписан Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза [5], предусматривающий единую таможенную территорию, единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими странами.

Начало функционирования Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (ТС) с 1 января 2010 г. явилось качественно новым этапом интеграции Республики Беларусь в сфере таможенной политики и стало основой для формирования Единого экономического пространства (ЕЭП). В 2010 г. государства-члены ТС подписали пакет документов об интеграции в рамках ЕЭП, состоящий из 17 международных соглашений [11], вступивших в силу с 1 января 2012 г. [9].

Таким образом, сегодня Республика Беларусь официально работает в рамках ЕЭП, предполагающим, в отличие от ТС, помимо свободного перемещения товаров, свободу движения услуг, капитала и рабочей силы. Кроме того, стороны обязались завершить к 1 января 2015 г. кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу ТС и ЕЭП в целях создания Евразийского экономического союза [3].

В заключение отметим, что современная таможенная политика Беларуси совершенствуется не только внутри интеграционных объединений СНГ, а успешно развивается в рамках многосторонней торговой системы. В этой связи, республика подписала Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы, явившейся необходимым для согласования процедуры вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) с форматом действия ТС, и с 22 августа 2012 г. функционирует в рамках ЕЭП с учетом «связанных» обязательств в рамках ВТО (по меньшей мере, 30 двусторонних соглашений по доступу на рынок услуг и 57 по доступу на рынок товаров [10]).

Кроме того, Беларусь активно участвует в направлении создания зон свободной торговли с Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ), Новой Зеландией и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

1. Валовой внутренний продукт. Внешняя торговля / Официальная статистика. Годовые данные [Электронный ресурс] // Сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/ftrade1.php. – Дата доступа: 10.02.2013.
2. Декларация глав государств-участников Содружества Независимых Государств // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – 1993. – № 3 (11). – С. 74 – 75.
3. Декларация о Евразийской экономической интеграции: принята в г. Москве 18 ноября 2011 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
4. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества: подписан в г. Астане 10 октября 2000 года, ратиф. Законом Респ. Беларусь от 24.05.2001 № 24-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
5. Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза: подписан в г. Душанбе 6 октября 2007года, ратиф. Законом Респ. Беларусь от 09.07.2008 № 380-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
6. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве: подписан в г. Москве 26 февраля 1999 года, ратиф. Законом Респ. Беларусь от 09.11.1999 № 303-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

7. Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы: подписан в г. Минске 19 мая 2011 года, ратиф. Законом Республики Беларусь от 11.11.2011 № 310-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
8. Косикова, Л. Интеграционный проект «Единое экономическое пространство России, Украины, Белоруссии и Казахстана» (концепция, содержание, правообеспечение, этапы и перспективы реализации) / Л. Косикова // Российский экономический журнал. – 2004. – № 11 – 12. – С. 51 – 73.
9. О вступлении в силу международных договоров, формирующих Единое экономическое пространство Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19.12.2011, № 9 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2013;
10. Отчет рабочей группы по вступлению России в ВТО // Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/15550.html. – Дата доступа: 10.01.2013.
11. О ходе выполнения Плана действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: Решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (Высшего органа Таможенного союза) от 09.12.2010, № 65 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
12. Соглашение о принципах таможенной политики: закл. в г. Москве 13 марта 1992 года, ратиф. постановлением Верховного Совета Респ. Беларусь от 03.02.1993 № 2157-XII [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
13. Соглашение о регулировании взаимоотношений государств Содружества в области торгово-экономического сотрудничества в 1992 году: закл. в г. Минске 14 февраля 1992 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
14. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств: закл. в г. Минске 8 декабря 1991 года, ратиф. постановлением Верховного Совета Респ. Беларусь от 10.12.1991 № 1296-XII [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
15. Соглашение о Таможенном союзе: закл. в г. Москве 20 января 1995 года, ратиф. Законом Респ. Беларусь от 13.11.1997 № 92-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
16. Соглашение о формировании Единого экономического пространства (вместе с «Концепцией формирования Единого экономического пространства»): закл. в г. Ялте 19 сентября 2003 года, ратиф. Законом Респ. Беларусь от 14.05.2004 № 276-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
17. Тарасевич, В. Экономические эффекты интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации / В. Тарасевич, А. Лобач // Белорусская экономика. От рынка к плану (1995 – 2000): науч. сб.; под ред. Р. Антчака [и др.]. – Варшава: CASE – Центр социально-экономических исследований, 2011 – 2012. – Том I – II. – С. 271 – 302.

ЗНЕШНЯЯ КУЛЬТУРНАЯ ПАЛІТЫКА РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ: РАСПРАЦОЎКА ПРАВАВОЙ БАЗЫ І ВЫЗНАЧЭННЕ КАНЦЭПЦЫІ

Д.А. Крывашэй (г. Мінск)

Выхад адноўленай незалежнай Беларусі на міжнародную арэну прывёў да неабходнасці перагляду не толькі палітычнай і эканамічнай базы жыцця краіны, але і культурнай палітыкі. Паступова выспявала разуменне таго, што знешняя палітыка Рэспублікі Беларусь павінна будавацца як палітыка стварэння ўмоў поўнай рэалізацыі нашай краінай сваіх нацыянальных інтарэсаў у міравым супольніцтве. Пры гэтым яна павінна адпавядаць жыццёвым інтарэсам усіх сваіх грамадзян.

Прынятая ў сакавіку 1994 г. (са зменамі і дапаўненнямі, прынятымі на рэспубліканскіх рэферэндумах 24 лістапада 1996 г. і 17 кастрычніка 2004 г.). Канстытуцыя Беларусі падвяла юрыдычную базу пад знешнюю палітыку і дыпламатыю беларускай дзяржавы. Ужо ў Законе “Аб культуры” (ліпень 1991 г.) асобны раздзел (XIII, арт. 49) быў прысвечаны знешнім культурным сувязям.

За развіццё міжнародных культурных кантактаў ў вывучаемы перыяд было адказным Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, якое рэалізоўвала задачы знешняй культурнай палітыкі ва ўзаемадзеянні з Міністэрствам замежных спраў, дыпламатычнымі прадстаўніцтвамі, дзяржаўнымі і грамадскімі арганізацыямі розных узроўняў.

Канкрэтнымі міжнароднымі прававымі крыніцамі культурных сувязей Рэспублікі Беларусь з іншымі дзяржавамі з'яўляліся: дагаворы аб дружбе, супрацоўніцтве і ўзаемадапамозе, міжурадавыя пагадненні аб культурным супрацоўніцтве; міжведамасныя пагадненні па асобным пытанням культурнага супрацоўніцтва; канкрэтныя міжурадавыя і міжведамасныя планы і праграмы культурных сувязей Рэспублікі Беларусь. Канкрэтная рэалізацыя пагадненняў, якія змяшчаюцца ў агульнарэгулятыўных пагадненнях, прадугледжваецца ў прававых дакументах планава-выканаўчага характару. Міжнародныя пагадненні, заключаныя Рэспублікай Беларусь з іншымі дзяржавамі, вызначалі агульныя і спецыяльныя прынцыпы ўзаемаадносін бакоў, сферы супрацоўніцтва і канкрэтных выканаўцаў, прадугледжвалі садзейнічанне развіццю і пашырэнню кантактаў не толькі дзяржаўных, але і няўрадавых (грамадскіх) устаноў і аб'яднанняў.

Пытанне ўдасканалення сістэмы сувязей з замежнымі краінамі ў галіне культуры разглядалася ў Міністэрстве культуры Рэспублікі Беларусь ўжо ў 1991 г. У снежні гэтага года ў Савет Міністраў былі накіраваны прапановы па гэтаму пытанню [5, арк. 241 – 245]. Асобую значнасць надавалася культурнаму ўзаемадзеянню з славянскімі краінамі. Другім напрамкам бачылася ўстанаўленне прамых культурных кантактаў з краінамі Бенілюксу, Германіяй, Вялікабрытаніяй, Францыяй, Скандынаўскімі краінамі. Новай дамінантай культурнай палітыкі рэспублікі павінны былі стаць узаемаадносіны з беларускім зямляцтвам за мяжою. Цікавай выглядала прапанова аб тым, каб Беларусь выступіла ініцыятарам адметных культурных акцый, накіраваных на ўмацаванне ў Еўропе прынцыпаў адзінай культурнай прасторы.

У сувязі з павелічэннем аб'ёму міжнародных сувязей Міністэрства культуры і падначаленых яму устаноў, неабходнасцю распрацоўкі і своечасовага прыняцця рашэнняў па пытаннях міжнароднага супрацоўніцтва ў галіне культуры ў пачатку 1993 г. быў створаны Савет па міжнароднай дзейнасці Міністэрства культуры [6, арк. 1 – 2].

У наступныя гады работа над канцэпцыяй знешняй палітыкі Беларусі ў галіне культуры працягвалася. Першая спроба яе прыняцця як асобнага дакумента была ў кастрычніку 1995 г. на калегіі Міністэрства культуры і друку [4, арк. 4 – 10]. Аднак канцэпцыя не была зацверджана. Другая спроба – у канцы 1990-х гг. На гэты раз у выглядзе раздзела Дзяржаўнай праграмы "Функцыянаванне і развіццё культуры Рэспублікі Беларусь (1999 – 2005 гг.)" [3]. Параўнанне праекта 1996 г. раздзела з Дзяржаўнай праграмы дазваляе зрабіць некаторыя абагульненні і адзначыць адрозненні. Абодва дакументы вызначаюць *прынцыпы* развіцця міжнародных сувязей і міжнароднага супрацоўніцтва. Сярод іх: суверэннасць зносін; парытэтнасць; адпаведнасць нацыянальным інтарэсам, садзейнічанне развіццю нацыянальнай культуры і росту яе ўкладу ў сусветную духоўную скарбніцу; сістэмнасць; дзяржаўная падтрымка (уключаючы і фінансавую), а таксама актыўная дапамога недзяржаўных устаноў і арганізацый з выкарыстаннем пазабюджэтных сродкаў фінансавання.

Асноўнымі задачамі і мэтамі ў развіцці міжнародных культурных дачыненняў дакументы называюць: садзейнічанне ўзаемаўзбагачэнню духоўнага жыцця народаў Беларусі; азнаямленне свету з мастацтвам рэспублікі; інтэграцыя

беларускай культуры і мастацтва ў духоўнае жыццё ўсяго свету, у еўрапейскую і сусветную інфармацыйную прастору, міжнародны кніжны рынак; удзел у праграмах і праектах міжнародных арганізацый; сувязі з беларусамі за мяжой.

Вызначаныя напрамкі дзейнасці засталіся і ў Галіновай праграме "Захаванне і развіццё культуры Рэспублікі Беларусь на перыяд 2006 – 2010 гг." [2, с. 66].

Акрамя згаданых дакументаў канцэптуальныя асновы знешняй культурнай палітыкі нашай краіны акрэсліваліся іншымі нарматыўнымі прававымі актамі. Так у лістападзе 2005 г. быў прыняты закон "Аб зацвярджэнні Асноўных напрамкаў унутранай і знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь". Адной са сфер рэалізацыі знешняй палітыкі законам вызначана міжнароднае супрацоўніцтва ў галіне культуры. Са зместу Закона яскрава прасочваюцца асноўныя напрамкі: краіны – суседзі і падтрымка беларускай дыяспары. Акрамя гэтага ў гэтым нарматыўным прававым акце звяртаецца ўвага на важнасць культурнага аспекту ў развіцці трансгранічнага супрацоўніцтва.

Больш дакладнае акрэсленне задач, прынцыпаў, напрамкаў і прававых асноваў знешняй палітыкі (міжнароднага культурнага супрацоўніцтва) здзейснена ў новай рэдакцыі Закона аб культуры (2004 г.). Перад суб'ектамі культурнай дзейнасці закон паставіў наступныя задачы: узбагачэнне культурнага жыцця беларускага народа, далучэнне грамадзян, што пражываюць у Рэспубліцы Беларусь, да каштоўнасцей сусветнай культуры; азнаямленне сусветнай грамадскасці з культурай Беларусі; інтэграцыя беларускай нацыянальнай культуры ў сусветную культуру і сусветную інфармацыйную прастору. Асноўнымі напрамкамі былі вызначаны: міжнародны культурны абмен; культурныя сувязі з суайчыннікамі за мяжой; захаванне, ахова, стварэнне і выкарыстанне культурных каштоўнасцей; навукова – даследчая дзейнасць; правядзенне фестываляў, конкурсаў, аглядаў і іншых культурных мерапрыемстваў. Практычнай рэалізацыі асноўных напрамкаў знешняй культурнай палітыкі дапамагалі мэтавыя праграмы. Першай і бадай што найбольш значнай была дзяржаўная праграма «Беларусы ў свеце», зацверджаная Саветам Міністраў Рэспублікі Беларусь ў 1993 г. Згодна з ёй, адным з накірункаў дзейнасці Міністэрства культуры з'яўлялася падтрымка беларускай дыяспары. У яе рамках адбывалася папаўненне беларускай літаратурай бібліятэк розных устаноў за межамі краіны [1, с. 1 – 3]. У структуры Міністэрства культуры быў створаны Каардынацыйны Савет па рабоце з беларускім замежжам. Штогод распрацоўваўся асобны план работы ў вызначаным накірунку. У далейшым са стварэннем Дзяржкамітэту па справах рэлігій і нацыянальнасцей, адказнасць за яе выкананне была перададзена апошняму.

У 1998 г. была зацверджана Дзяржаўная праграма інфармацыйнага забеспячэння знешнепалітычнай і знешнеэканамічнай дзейнасці на 1999 г. У мэтах яе выканання Міністэрства культуры выдала загад аб мерах па інфармацыйным забеспячэнні міжнароднай дзейнасці Міністэрства культуры ў 1999 г. Сярод апошніх называлася падрыхтоўка рэкламна-інфармацыйных выданняў, удзел у выпуску марак, серыі рэкламных відэаролікаў, пачатак стварэння відэа- і фанатэкі, кампакт-дыскаў, распрацоўка і стварэнне інфармацыйнай базы дадзеных па асноўных напрамках і аспектах дзейнасці міністэрства для наступнага размяшчэння ў Інтэрнэце, распрацоўка і накіраванне ў МЗС для распаўсюджання дыпламатычнымі і консульскімі ўстановамі кароткай рэпрэзентатыўнай інфармацыі аб асноўных паказчыках і дасягненнях у развіцці галіны культуры [8, арк. 170 – 171]. Спецыялісты Міністэрства адзначалі цяжкасці, з якімі даводзілася сутыкацца пры рэалізацыі знешніх сувязей у галіне культуры камерцыйнай накіраванасці. Існуючы рынак культурных паслуг неабходна было заваёўваць. Пры гэтым для вы-

хаду на гэты рынак беларускім артыстам даводзілася весці барацьбу з канкурэнтамі з іншых краін. Перавышэнне прапановы над попытам дазваляла еўрапейскім імпрэсарыё і арт-фірмам дыктаваць свае, часам прыніжальныя, умовы. У гэтым плане сказвалася адсутнасць вопыту і навукаў правядзення міжнароднага культурнага менеджменту, кваліфікаваных менеджэраў і юрыстаў-міжнароднікаў. Адмоўна сказвалася і няздольнасць на неабходным узроўні забяспечыць запуск аднаго з асноўных механізмаў рэалізацыі знешнекамерцыйнай дзейнасці – рэкламы [7, арк. 35 – 36].

Не спрыяла развіццю культурнай дыпламатыі і такая акалічнасць, як вызначэнне Міністэрства культуры ў якасці галоўнага ведамства. Напрыклад, сярод Мерапрыемстваў міждзяржаўнай праграмы доўгатэрміновага эканамічнага супрацоўніцтва Рэспублікі Беларусь і Украіны на 1999 – 2008 гг. прадугледжвалася, што партнёрам Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь у справе падрыхтоўкі праекта пагаднення аб заснаванні і ўмовах дзейнасці інфармацыйна-культурных цэнтраў з украінскага боку выступіць нацыянальнае Міністэрства замежных спраў. Рэалізацыя гэтага новага для Міністэрства культуры напрамку дзейнасці ўжо на самым пачатку выклікала складанасці працэдурнага парадку. Міністр культуры звяртаў увагу Савета Міністраў на тое, што існуючая практыка падрыхтоўкі пагадненняў аб заснаванні і наглядзе за дзейнасцю інфармацыйна-культурных цэнтраў. А таксама вопыт работы краін-суседзяў сведчылі, што гэтыя пытанні ўваходзілі ў кампетэнцыю Міністэрства замежных спраў. У сувязі з гэтым Міністэрства культуры прасіла Савет Міністраў вызначыць у якасці галоўнага выканаўцы з беларускага доку Міністэрства замежных спраў [9, арк. 48].

Такім чынам, у вывучаемы перыяд у Беларусі была створана канцэпцыя знешняй культурнай палітыкі, заснаваная на прынцыпах ўсебаковага культурнага абмену, эфектыўнага выкарыстання багацця векавых культурных кантактаў і культурнай спадчына, імкненні да плённасці кантактаў і ўзаемадзеняння паміж рознымі культурамі.

Аднак дасягнутыя дамоўленасці выконваюцца не заўсёды, у прыватнасці абавязацельствы па абмену творчымі калектывамі, стварэнні культурна – інфармацыйных цэнтраў. Асноўная прычына – недастатковае фінансаванне. На ўзровень эфектыўнасці знешняй культурнай палітыкі непасрэднае ўздзеянне аказвае наяўнасці высокакваліфікаваных кадраў, узаемная зацікаўленасць у супрацоўніцтве, жыццядзейнасць беларускай дыяспары, адлегласць паміж краінамі.

1. Бутэвіч, А. Калі прышчапіць высокую культуру людзям, то яны не захварэюць на духоўную заразу... / А. Бутэвіч // Беларуская думка. – 1994. – № 7. – С. 1 – 3.
2. Галіновая праграма “Захаванне і развіццё культуры Рэспублікі Беларусь на перыяд 2006 – 2010 гг.” / Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь; нав. рэд. І.Б. Багачова − Мінск: БелДІПК, 2006. − 168 с.
3. Дзяржаўная праграма “Функцыяніраванне і развіццё культуры Рэспублікі Беларусь да 2005 года” / Пад навук. рэд. У.П. Скараходава. – Мінск: БелДІПК, 2002. – 70 с.
4. НАРБ. – Ф. 974. – Воп. 1. – Спр. 46.
5. НАРБ. – Ф. 974. – Воп. 1. – Спр. 2060.
6. НАРБ. – Ф. 974. – Воп. 4. – Спр. 1.
7. НАРБ. – Ф. 974. – Воп. 4. – Спр. 217.
8. НАРБ. – Ф. 974. – Воп. 4. – Спр. 231.
9. НАРБ. – Ф. 974. – Воп. 4. – Спр.289.

БЕЛАРУСКА-КІТАЙСКАЕ СУПРАЦОЎНІЦТВА Ў ПАЛІТЫЧНАЙ І ЭКАНАМІЧНАЙ СФЕРАХ: СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ

Т.А. Папоўская (Мінск)

У шматвектарнай палітыцы Рэспублікі Беларусь, нацэленай на стварэнне спрыяльных умоў для паступальнага развіцця і ўздыму эканомікі краіны, асаблівая роля адводзіцца Кітайскай Народнай Рэспубліцы. Гісторыя адносін паміж Кітаем і Беларуссю, як новай суверэннай дзяржавай, пачалася з 27 снежня 1991 г., калі урад Кітайскай Народнай Рэспублікі адным з першых прызнаў незалежнасць Рэспублікі Беларусь. Дыпламатычныя адносіны КНР з Беларуссю былі ўсталяваныя 20 студзеня 1992 г. У гэтым жа годзе ў сакавіку ў Мінску было адкрыта кітайскае пасольства. Беларуская амбасада ў Пекіне адкрылася ў 1993 г., а з 1998 г. пачало дзейнічаць беларускае консульства ў Шанхаі.

Беларуска-кітайскія адносіны характарызуюцца высокім узроўнем палітычнага ўзаемадзеяння. Бакі рэгулярна абменьваюцца візітамі на вышэйшым і высокім узроўнях, ажыццяўляецца актыўны міжпарламенцкі дыялог, дынамічна развіваюцца міжведамасныя беларуска-кітайскія кантакты. На першапачатковым этапе развіцця беларуска-кітайскіх адносін адбыліся візіты ў КНР Старшыні Савета Міністраў Беларусі В. Кебіча (студзень 1992 г.) і Старшыні Вярхоўнага Савета Беларусі С. Шушкевіча (студзень 1993 г.), у ходзе якіх былі падпісаны пагадненні аб устанаўленні дыпламатычных адносін, аб гандлёва-эканамічным супрацоўніцтве, цэлы шэраг двухбаковых міжурадавых пагадненняў. Вялікае значэнне для пашырэння кантактаў дзвюх краін мелі вынікі візітаў у КНР Прэзідэнта Беларусі А. Лукашэнкі ў 1995, 1997, 2001, 2005 і 2010 гг., прэм'ер-міністра С. Лінга (1996 г.), першага намесніка прэм'ер-міністра краіны У. Семашкі (2007, 2010 гг.). У 1995 г. Беларусь наведаў старшыня Дзяржаўнага савета Кітая Лі Пэн (у 2000 г. ён пабываў у нашай краіне ўжо ў якасці старшыні Усекітайскага сходу народных прадстаўнікоў), у 1996 г. Мінск наведаў віцэ-прэм'ер У Банго (у 2011 г. ён здзейсніў паўторны візіт у якасці старшыні Пастаяннага камітэта Усекітайскага сходу народных прадстаўнікоў), у 1999 г. адбыўся візіт члена Дзяржаўнага савета КНР У І, у 2000 г. – намесніка старшыні КНР Ху Цзіньтао, у 2001 г. – старшыні КНР Цзянь Цзэміня, у 2007 г. – прэм'ера Дзяржсавета КНР Вэнь Цзябао, у 2008 г. – намесніка старшыні Пастаяннага камітэта Усекітайскага сходу народных прадстаўнікоў Хэнь Цыдэ. У сакавіку 2010 г. нашу краіну з афіцыйным візітам наведаў намеснік старшыні КНР Сі Цзіньпін.

Якасна новы стан беларуска-кітайскія двухбаковыя адносіны набылі з моманту афіцыйнага візіту ў Пекін у снежні 2005 г. Прэзідэнта Беларусі, у ходзе якога кіраўнікі Беларусі і Кітая А. Лукашэнка і Ху Цзіньтао падпісалі Сумесную дэкларацыю, у якой адзначалася, што беларуска-кітайскія адносіны выйшлі на ўзровень стратэгічнага супрацоўніцтва. У 2006 г. у штогадовым Пасланні беларускаму народу і Нацыянальнаму сходу Рэспублікі Беларусь А. Лукашэнка абвясціў развіццё супрацоўніцтва з КНР прыярытэтам знешняй палітыкі краіны, а ў жніўні 2008 г. А. Лукашэнка, сустракаючыся са старшынёй КНР, заклікаў Кітай ажыццявіць “вялікі прыход у Беларусь”. У 2010 – 2011 гг. дыялог на вышэйшым і высокім узроўні атрымаў далейшае развіццё. На сустрэчы Прэзідэнта А. Лукашэнкі з Намеснікам Старшыні КНР Сі Цзіньпінам, якая адбылася ў Мінску 24 сакавіка 2010 г., быў прааналізаваны стан двухбаковых адносінаў, намечаны перспектывы ўмацавання стратэгічнага супрацоўніцтва паміж Беларуссю і КНР. На думку Сі Цзіньпіна “дынаміка адносін паміж Кітаем і Беларуссю дасягнула такіх вынікаў, што можа лічыцца ўзорам адносін паміж дзяржавамі”.

У Нацыянальным сходзе Рэспублікі Беларусь і Усекітайскім сходзе народных прадстаўнікоў створаны дэпутацкія групы па супрацоўніцтве з парламентамі Кітая і Беларусі адпаведна. У 1998, 2005 і 2009 гг. былі ажыццёўлены візіты ў Кітай старшыняў Палаты прадстаўнікоў Рэспублікі Беларусь, а ў 2002 г. – Савета Рэспублікі Нацыянальнага сходу Беларусі. У 2000 г. Беларусь наведаў Старшыня Пастаяннага Камітэта Усекітайскага сходу народных прадстаўнікоў Лі Пэн, у 2008 і 2010 гг. – Намеснік Старшыні Пастаяннага камітэта Усекітайскага сходу народных прадстаўнікоў Цзян Шушэн. Усяго за перыяд з 2002 па 2011 гг. адбылося больш за 130 візітаў і сустрэч рознага ўзроўню. Парламентарыі ўнеслі значны ўклад у развіццё дагаворна-прававой базы беларуска-кітайскіх адносін. Зараз паміж Беларуссю і Кітаем дзейнічае больш за 60 двухбаковых міжнародных дагавораў, у тым ліку – больш за 30 міждзяржаўных і міжурадавых, якія ахопліваюць шырокі спектр пытанняў, у тым ліку гандлёва-эканамічнае супрацоўніцтва, супрацоўніцтва ў галіне навукі і тэхналогій, мастацтва і культуры, адукацыі, турызму і інш.

Важнай складовай часткай беларуска-кітайскіх двухбаковых палітычных адносін стала канструктыўнае ўзаемадзеянне дзвюх краін у міжнародных арганізацыях. У студзені 1993 г. у Пекіне быў падпісаны Пратакол аб кансультацыях паміж міністэрствамі замежных спраў. У ім адзначалася, што «бакі прызнаюць важнасць і карыснасць правядзення кансультацый па пытаннях, што ўяўляюць узаемную цікавасць, у тым ліку ў рамках ААН і іншых міжнародных арганізацый». У далейшым супрацоўніцтва паміж Беларуссю і Кітаем у міжнародных арганізацыях набыло характар каардынацыі дзеянняў паміж двума дружалюбнымі дзяржавамі. МЗС Беларусі неаднаразова выступаў з афіцыйнымі заявамі, у якіх падкрэсліваў неабходнасць паважаць тэрытарыяльную цэласнасць Кітая, выступаў на баку КНР у падтрымку палітыкі «аднаго Кітая». Беларускія прадстаўнікі пастаянна галасавалі супраць ініцыятываў некаторых краін аб уключэнні пытання «аб аднаўленні членства Тайваня ў ААН» у парадак дня Генеральнай Асамблеі ААН. У сваю чаргу Кітай дэманструе павагу да суверэнітэту Рэспублікі Беларусь, асуджае спробы ўмяшання любой дзяржавы ва ўнутраныя справы нашай краіны. Так, у красавіку 2008 г. МЗС Кітая выказаўся ў падтрымку Беларусі ў процідзеянні эканамічным санкцыям з боку ЗША. Супадаюць пазіцыі дзвюх краін і па пытаннях ядзернага раззбраення, прадухілення гонкі ўзбраенняў. недапушчальнасці блокавай палітыкі. Беларусь і Кітай падтрымліваюць рэфармаванне ААН і яе Савета Бяспекі, выступаюць за забеспячэнне эфектыўнай рэалізацыі мэтаў і прынцыпаў Статута ААН, за павышэнне ролі гэтай арганізацыі ў справе абароны міру.

Не прыніжаючы ролі палітычных адносін ў наладжванні сувязяў Беларусі з Кітаем, варта падкрэсліць, што іх значнасць для беларускай дзяржавы вызначаецца перш за ўсё эканамічнымі інтарэсамі. Для каардынацыі працы ў эканамічнай сферы 16 верасня 1994 г. была створана Беларуска-Кітайская камісія па гандлёва-эканамічным супрацоўніцтве. Асноўнымі артыкуламі беларускага экспарту ў Кітай з'яўляюцца калійныя ўгнаенні, капралактам і іншая хімічная прадукцыя, кар'ерныя самазвалы і запчасткі да іх, жгут сінтэтычных ніцей, шыны, электронныя інтэгральныя схемы і мікразборкі, прадукцыя машынабудавання. Найбольш важнымі артыкуламі імпарту з Кітая з’яўляюцца перадаючая апаратура для сувязі, радыёвяшчання і тэлебачання, сыравіна для хімічнай і спадарожных галін прамысловасці, лекавыя сродкі, прадукцыя сельскай гаспадаркі і морапрадукты, тытунёвая сыравіна, тканіны, машыны для аўтаматычнай апрацоўкі інфармацыі,

падшыпнікі, трансфарматары і акумулятары электрычныя, першасныя элементы і батарэі.

Створаны істотны задзел для павелічэння ў аб'ёме беларускага экспарту ў КНР долі складанай машынатэхнічнай прадукцыі. У 2009 г. у Кітаі былі створаны сумесныя кампаніі «АВІК-БелАЗ Кар'ерныя Машыны» па вытворчасці кар'ерных самазвалаў і СП «Харбін Дунцзін Гомель прадпрыемства сельскагаспадарчага машынабудавання» па вытворчасці кормаўборачных камбайнаў. Плануецца, што ў 2013 г. беларуска-кітайскае прадпрыемства вырабіць каля 1 тыс. камбайнаў для ўборкі кукурузы ў кіяхах. У жніўні 2010 г. у Харбіне было зарэгістравана сумеснае прадпрыемства па зборцы энергаёмістых мадэляў трактароў «Belarus». З 2012 г. у Кітаі праводзяцца тэставыя выпрабаванні бульбаўборачнага і буракаўборачнага камбайнаў з перспектывай арганізацыі іх вытворчасці на сумесным прадпрыемстве. Арганізацыя вытворчасці навясных і полупрыцэпных камбайнаў можа прадстаўляць цікавасць для кітайскага боку і па той прычыне, што тут працуе СП па зборцы трактароў «Belarus». Гэта дазваляе прапаноўваць пакупнікам не толькі трактары, але і камплект адаптараў для правядзення розных відаў сельскагаспадарчых работ.

Аб значнасці беларуска-кітайскіх эканамічных сувязяў сведчыць і дынаміка тавараабароту паміж дзвюма краінамі. Так, калі ў 1992 г. аб'ём двухбаковага гандлю складаў толькі 40 млн дал. ЗША, то ў 2011 г. – перавысіў 3 млрд дал. ЗША. У 2012 г. сярод гандлёвых партнёраў Беларусі (па-за краінамі СНД) Кітай па аб'ёму гандлю таварамі заняў чацвёртае месца.

У апошнія гады аснову эканамічных адносін паміж Беларуссю і Кітаем складае крэдытна-інвестыцыйнае супрацоўніцтва, узаемадзеянне паміж фінансавымі арганізацыямі дзвюх краін у грашова-крэдытнай сферы. У 2009 г. у Пекіне было падпісана Рамачнае пагадненне аб развіцці доўгатэрміновага ўсебаковага супрацоўніцтва паміж урадам Беларусі і Экспартна-імпартным банкам Кітая. У 2010 г. у Мінску было падпісана Рамачнае пагадненне аб фінансавым супрацоўніцтве паміж Міністэрствам фінансаў Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўным банкам развіцця КНР. Шэраг льготных крэдытаў для рэалізацыі праграмы мадэрнізацыі прамысловых аб'ектаў і развіцця інфраструктуры ў Беларусі быў прадстаўлены ўрадам Кітая праз кітайскі Эксімбанк, абмяркоўваецца магчымасць адкрыцця прадстаўніцтва гэтага найбуйнейшага кітайскага банка ў Мінску. Адным з яркіх прыкладаў паспяховага развіцця беларуска-кітайскага фінансавага супрацоўніцтва з'яўляецца валютная здзелка СВОП (для спрашчэння разлікаў ва ўзаемным гандлі), праведзеная ў перыяд абвастрэння сусветнага фінансава-эканамічнага крызісу. У выніку Беларусь атрымала крэдыт памерам у 2,8 млрд дал. ЗША ў эквіваленце. У верасні 2011 г. беларускія банкі пачалі праводзіць разлікі ў ходзе гандлю з кітайскімі партнёрамі ў юанях. Такім чынам Беларусь стала першай краінай, якая не маючы агульнай мяжы з Кітаем пачала праводзіць двухбаковыя разлікі ў кітайскай валюце.

Выкарыстанне кітайскіх крэдытных рэсурсаў дазволіла рэалізаваць важныя праекты, звязаныя з мадэрнізацыяй беларускай эканомікі. Сёння агульная сума крэдытнай падтрымкі Кітая для рэалізацыі інвестыцыйных праектаў у Беларусі складае каля 5,5 млрд дол. ЗША. У 2008 г. завяршылася рэалізацыя першага інвестыцыйнага праекта – стварэнне аператара мабільнай сувязі «Бест» з удзелам кітайскай кампаніі «Алкатэль Шанхай Бел Компані Лімітэд». У гэтым жа годзе кітайская дзяржаўная кампанія «СІЦІК Інтэрнэшнл» пачала мадэрнізацыю цэментнай галіны Беларусі. У 2009 г. быў падпісаны кантракт з кітайскай карпарацыяй «XY Group» на будаўніцтва лініі па вытворчасці ДСП ў ААТ «Фандок». На

розных стадыях падрыхтоўкі знаходзяцца яшчэ каля 100 інвестыцыйных праектаў, найбольш важнымі з якіх з'яўляюцца будаўніцтва завода па вытворчасці сульфатнай беленай цэлюлозы на базе ААТ «Светлагорскі ЦКК», а таксама завода кальцыніраванай соды. Дадзеныя праекты адыгрываюць важную ролю для Беларусі, бо непасрэдна накіраваны на выкарыстанне мясцовай рэсурснай базы і замяшчэнне імпартнай прадукцыі.

Асобна трэба адзначыць ролю Кітая ў рэфармаванні беларускай энергетыкі, павышэнні яе эфектыўнасці. Урад Беларусі зацвердзіў пералік з 34 аб'ектаў беларускай энергетычнай сістэмы, будаўніцтва якіх плануецца ажыццявіць з прыцягненнем крэдытных рэсурсаў банкаў Кітая. Першымі рэалізаванымі праектамі сталі мадэрнізацыя мінскіх ЦЭЦ-2 і ЦЭЦ-5. У 2011 г. пачалася рэалізацыя праектаў па будаўніцтву Бярозаўскай і Лукомльскай ГРЭС, падпісаны кантракты на будаўніцтва Віцебскай ГЭС.

Толькі ў Мінску з прыцягненнем крэдытаў кітайскіх банкаў плануецца рэалізаваць 21 праект агульным коштам каля 1,3 млрд дал. ЗША. У план ўключаны інвестпраекты па развіцці транспартнай і сацыяльнай інфраструктуры горада ў сувязі з правядзеннем у сталіцы Беларусі чэмпіянату свету па хакеі 2014 г. У іх ліку – будаўніцтва завода індустрыяльнага домабудавання, стварэнне інтэлектуальнай транспартнай сістэмы бяспекі, будаўніцтва транспартных развязак, 10 паркінгаў і аўтобуснага парка, будаўніцтва гасцініцы «Пекін» і жылога квартала «Чайна-таўн».

Варта адзначыць, што акрамя нарошчвання тавараабароту, стварэння сумесных прадпрыемстваў і прыцягнення інвестыцый прапануюцца і значна больш амбіцыйныя праекты. Так, на сустрэчы з намеснікам міністра камерцыі КНР Гаа Хученам ў чэрвені 2010 г. прэм'ер-міністр Беларусі С. Сідорскі высунуў прапанову аб пераносе шэрагу кітайскіх высокатэхналагічных прадпрыемстваў на тэрыторыю нашай краіны для стварэння магутных прамысловых зон. У выніку, з удзелам ААТ «Гарызонт» і карпарацыі «МидеаГрупп» у Беларусі было створана СП «Гарызонт-Мідэа» па выпуску складанабытавой тэхнікі. Значным дасягненнем стала падпісанне ў студзені 2012 г. дамовы аб стварэнні на тэрыторыі Беларусі зборачнай вытворчасці кітайскіх легкавых аўтамабіляў. Прадугледжваецца, што сабраны з кітайскіх машынакамплектаў аўтамабіль будзе канкурэнтаздольным не толькі на ўнутраным рыку, але і на рынках Мытнага саюзу. Вядзецца работа па прыцягненню прамых кітайскіх інвестыцый у новыя праекты ў сферах сельскай гаспадаркі і харчовай прамысловасці – стварэнне ў Беларусі экспартнаарыентаваных прадпрыемстваў па вырошчванні і перапрацоўцы лёну і бульбы.

Гаворачы аб перспектывах развіцця адносін паміж Беларуссю і Кітаем, варта адзначыць супадзенне пазіцый па ключавых пытаннях сусветнай палітыкі, адсутнасць якіх-небудзь супярэчнасцяў, што дазваляе прагназаваць далейшае іх паглыбленне і актывізацыю. Аналізуючы дынаміку беларуска-кітайскага эканамічнага супрацоўніцтва трэба сказаць, што рэалізуемыя з кітайскімі партнёрамі праекты накіраваны перш за ўсё на мадэрнізацыю беларускай эканомікі і павелічэнне выкарыстання мясцовых рэсурсаў. У стратэгічным плане гэта вельмі важна для Беларусі, нацэленай на павелічэнне аб'ёмаў вытворчасці, пашырэнне экспартных паставак і рынкаў збыту. Новыя магчымасці ў развіцці беларуска-кітайскіх эканамічных адносін безумоўна адкрываюцца і ў сувязі з уступленнем Беларусі ў Мытны саюз з Расіяй і Казахстанам.

ГЕАПАЛІТЫЧНЫЯ ПРЫЯРЫТЭТЫ ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫКІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ У СУЧАСНЫХ УМОВАХ

С.І. Сіманоўскі (Мінск)

У сучасным свеце пад уплывам глабалізацыі і ўзмацнення інтэграцыйных працэсаў адбываюцца шырокамаштабныя змены ў сістэме міжнародных адносін, якія маюць розны змест і спецыфічныя аспекты ў пэўных рэгіёнах зямного шара. Уступленне чалавецтва ў эпоху глабалізацыі і шматпалярнасці ўнесла кардынальныя змены ў дзяржаўную палітыку ўсіх краін, канцэптуальныя палажэнні іх знешнепалітычнага курсу, вызначэнне кірункаў, прыярытэтаў і партнёраў.

Рэспубліка Беларусь не знаходзіцца ў баку ад падзей, якія адбываюцца ў свеце. У выніку распаду СССР яна ператварылася ў суверэнны, самастойны суб'ект міжнародных адносін. Перад маладой дзяржавай паўстала задача стварэння нацыянальнай знешнепалітычнай дактрыны з улікам яе геапалітычнага становішча і дамінуючых геапалітычных тэндэнцый у свеце, накіраванай на забеспячэнне захавання тэрытарыяльнай цэласнасці, суверэнітэту і культурна-гістарычнай супольнасці беларускага народа. У сувязі з гэтым аб'ектыўны навуковы аналіз асноўных кірункаў і прыярытэтаў знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь у сучасных умовах, вырашэнне пытання цывілізацыйнай і геапалітычнай ідэнтыфікацыі, вызначэнне найбольш аптымальных шляхоў забеспячэння дзяржаўнага суверэнітэту краіны набываюць асаблівую актуальнасць.

Разглядаючы знешнюю палітыку Рэспублікі Беларусь у сучасных умовах, неабходна звярнуцца да аналізу маштабных геапалітычных трансфармацый у сучасным свеце і асаблівасцей геапалітычнага становішча нашай краіны. У сувязі з гэтым трэба адзначыць, што канец XX – пачатак XXI ст. характарызуецца глыбокімі зменамі ў расстаноўцы сіл на сусветнай арэне, звязанымі з распадам СССР і сістэмы сацыялізму ў цэлым. Маштабнасць геапалітычных трансфармацый у свеце знайшла сваё адпюстраванне ў пераходзе ад біпапярнага свету да аднапалярнага з відавочным дамінаваннем ЗША, прасоўваннем НАТА на Усход, накіраваным на замацаванне новага перадзелу Еўропы, змяненні ў знешнепалітычных арыентацыях усходнееўрапейскіх краін і былых савецкіх рэспублік. У той жа час назіраецца ўмацаванне новых цэнтраў сілы ў сусветнай палітыцы, што абумоўлівае тэндэнцыю паступовага пераходу да шматпалярнага свету. У адпаведнасці са шматлікімі прагнозамі, у XXI ст. Азіяцка-Ціхаакіянскі рэгіён стане галоўным геапалітычным пунктам у сусветным згуртаванні.

Акрамя таго, можна канстатаваць, што свет ва ўмовах глабалізацыі стаў больш хаатычным, чым у мінулым, у перыяд існавання Вестфальскай дзяржаўна-цэнтрычнай сістэмы, што пагражае асновам сучаснай цывілізацыі, стварае прадумовы для ўзмацнення канфліктнасці ў адносінах паміж цывілізацыямі і краінамі.

У сувязі з разгортваннем працэсаў глабалізацыі перад Рэспублікай Беларусь стаіць задача вызначыць сваю геапалітычную нішу, якая б адпавядала яе нацыянальным інтарэсам і забяспечвала захаванне дзяржаўнага суверэнітэту.

Геапалітычнае становішча Беларусі характарызуецца тым, што яна знаходзіцца ў цэнтры Еўропы, на стыку цывілізацый і геапалітычных інтарэсаў вялікіх дзяржаў. Сучасная геапалітычная арыентацыя Беларусі складваецца пад уплывам шэрагу геаэканамічных і ваенна-стратэгічных фактараў. Геаграфічнае становішча краіны ў цэнтры Еўропы на перасячэнні важных транспартных камунікацый дае магчымасць выгадна яго выкарыстоўваць для стымулявання эканамічнага развіцця і ўзмацнення сваіх пазіцый у рэгіянальнай палітыцы.

Традыцыйна Беларусь знаходзіцца ў зоне геастратэгічнай увагі Расіі, што трэба выкарыстоўваць у сваіх нацыянальных інтарэсах. З другога боку, цэнтральна-еўрапейскае становішча Беларусі робіць яе прывабным партнёрам і саюзнікам для заходнееўрапейскіх краін, якія жадаюць бачыць яе ў якасці стабільнага і прадказальнага партнёра. Усё гэта абумоўлівае неабходнасць правядзення шматвектарнай знешняй палітыкі, якая прадугледжвае шматлікія кірункі яе рэалізацыі.

Асноўныя прынцыпы, мэты і задачы знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь заканадаўча замацаваны ў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь і Законе «Аб замацаванні Асноўных напрамкаў унутранай і знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь» ад 14 лістапада 2005 г. № 60-З.

Найбольш поўна прынцыпы знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь выкладзены ў артыкуле 18 Асноўнага закона: «Рэспубліка Беларусь у сваёй знешняй палітыцы зыходзіць з прынцыпаў роўнасці дзяржаў, непрымянення сілы ці пагрозы сілай, непарушнасці межаў, мірнага ўрэгулявання спрэчак, неўмяшання ва ўнутраныя справы і іншых агульнапрызнаных прынцыпаў і нормаў міжнароднага права». У гэтым жа артыкуле знайшоў адлюстраванне і такі важны прынцып знешняй палітыкі Беларусі, як прыхільнасць да палітыкі ядзернага раззбраення і дэмілітарызацыі міжнародных адносін: «Рэспубліка Беларусь ставіць за мэту зрабіць сваю тэрыторыю бяз'ядзернай зонай, а дзяржаву – нейтральнай» [1, с. 8].

Да ліку важнейшых прынцыпаў знешняй палітыкі Беларусі трэба аднесці адсутнасць у нашай дзяржавы якіх-небудзь тэрытарыяльных прэтэнзій да іншых краін, роўна як і непрызнанне Беларуссю тэрытарыяльных прэтэнзій да яе з боку іншых дзяржаў.

Вышэйадзначаныя прынцыпы знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь сталі асновай для вызначэння мэт і задач знешнепалітычнай стратэгіі нашай дзяржавы.

Стратэгічнымі мэтамі знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь з'яўляюцца: бяспека краіны, захаванне і замацаванне суверэнітэту і тэрытарыяльнай цэласнасці, ахова інтарэсаў грамадства, асобы і дзяржавы.

Асноўныя задачы беларускай дзяржавы на міжнароднай арэне выцякаюць з названых вышэй стратэгічных мэт: стварэнне спрыяльных знешніх умоў для паступальнага развіцця Беларусі, пад'ёму яе эканомікі, павышэння дабрабыту грамадзян краіны, развіцця палітычнага, эканамічнага, інтэлеюуальнага і духоўнага патэнцыялу краіны; умацаванне міжнародных пазіцый, адпавядаючых інтарэсам Беларусі як еўрапейскай дзяржавы; уздзеянне з улікам свайго становішча і магчымасцей на фарміраванне шматпалярнага, стабільнага, справядлівага і дэмакратычнага светапарадку, заснаванага на агульнапрызнаных нормах міжнароднага права; фарміраванне «пояса добрасуседства» па перыметры беларускіх меж; усебаковая ахова правоў і інтарэсаў беларускіх грамадзян і юрыдычных асоб за мяжой; данясенне сапраўднай інфармацыі аб краіне, садзеянне пазітыўнаму ўспрыманню Беларусі ў свеце, папулярызацыі культурных і духоўных каштоўнасцей беларускага народа за мяжой.

Аналіз прынцыпаў знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь пераканаўча сведчыць, што яны ў поўным аб'ёме адпавядаюць літары і духу асноўнага закона самай аўтарытэтнай міжнароднай арганізацыі – Уставу ААН.

Міжнародная актыўнасць Беларусі накіравана, у першую чаргу, на падтрыманне бяспекі дзяржавы і абарону нацыянальных інтарэсаў ад любых знешніх выклікаў і пагроз, садзейнічанне фарміраванню спрыяльных умоў для стабільнага эканамічнага развіцця краіны і павышэння дабрабыту грамадзян.

Важным кірункам знешнепалітычнай дзейнасці ва ўмовах глабалізацыі з'яўляецца раўнапраўная інтэграцыя Беларусі ў сусветную палітычную,

эканамічную, культурную прастору. Прынцыповае значэнне для нашай дзяржавы мае забеспячэнне абароны правоў і свабод яе грамадзян за мяжой, захаванне беларускага этнасу па-за тэрыторыяй краіны.

Геаграфічнае становішча Беларусі, на тэрыторыі якой зыходзяцца найбольш важныя транспартныя шляхі паміж Еўропай і Азіяй, і няпростая гісторыя краіны, якая адчула на сабе разбуральныя вынікі шматлікіх еўрапейскіх войнаў і канфліктаў, абумовілі курс на шматвектарнасць нашай палітыкі як яе фундаментальны прынцып, які азначае развіццё збалансаваных канструктыўных адносін з партнёрам) ў розных рэгіёнах свету. На шляху наладжвання дыялогу і ўзаемакарыснага супрацоўніцтва з імі Беларусь кіруецца прынцыпамі прагматызму і паслядоўнасці, узаемнай павагі, раўнапраўя, неўмяшальніцтва ва ўнутраныя справы. У цяперашні час Рэспубліка Беларусь падтрымлівае дыпламатычныя адносіны са 172 дзяржавамі свету, у 50 з якіх адкрыта 62 дыпламатычныя і консульскія прадстаўніцтвы, не лічачы 13 аддзяленняў. Яна выконвае каля 3600 міжнародных дамоў. З іх 2000 – двухбаковыя і 1550 – шматбаковыя дамовы [2].

Прытрымліваючыся адзіных падыходаў да развіцця адносін з усімі замежнымі партнёрамі без выключэння, Беларусь у той самы час, як і любая іншая дзяржава, канцэнтруе свае знешнепалітычныя намаганні на шэрагу найбольш важных і перспектыўных вектараў. Сярод такіх прыярытэтных напрамкаў – дзяржавы-суседзі (Расія, Украіна, Еўрапейскі саюз), Садружнасць Незалежных Дзяржаў, краіны сусветнага Поўдня, ЗША і інш.

Удзел у працы ўніверсальных і спецыялізаваных, глабальных і рэгіянальных міжнародных арганізацый і інтэграцыйных аб'яднанняў з'яўляецца адным з важнейшых напрамкаў знешняй палітыкі бепарускай дзяржавы. У час глабалізацыі сусветнай эканомікі, нарастания новых глабальных выклікаў і пагроз патрабуюцца дзейсныя міжнародныя шматбаковыя механізмы рэагавання на гэтыя праблемы і рэгулявання сучасных эканамічных, сацыяльных і палітычных працэсаў. Гэту ролю выконвае шматбаковае супрацоўніцтва.

Акрамя традыцыйнага ўдзелу Беларусі у дзейнасці Арганізацыі Аб'яднаных Нацый, Руху недалучэння, Арганізацыі па бяспецы і супрацоўніцтве ў Еўропе, у апошнія гады актыўна развіваюцца нашы ўзаемаадносіны з партнёрамі ў рамках інтэграцыйных аб'яднанняў і арганізацый на постсавецкай прасторы. Працягвае развівацца супрацоўніцтва ў рамках СНД, ЕўрАзЭС і АДКБ. У 2009 г. пачаў функцыянаваць Мытны саюз Рэспубгіікі Беларусь, Рэспублікі Казахстан і Расійскай Федэрацыі. У 2010 г. яму быў перададзены шэраг наднацыянальных функцый у сферы рэгулявання знешняга гандлю. Дзяржавы-члены Мытнага саюза пайшлі далей па шляху інтэграцыі і ў канцы 2010 г. падпісалі пакет пагадненняў, якія складаюць дагаворна-прававую базу Адзінай эканамічнай прасторы.

Неабходнасць згладжвання наступстваў глабальнага эканамічнага крызісу для Рэспублікі Беларусь і правядзення ў краіне структурных рэформ у сферы эканомікі і фінансаў абумовілі сучасную тэндэнцыю пашырэння супрацоўніцтва нашай краіны з вядучымі міжнароднымі фінансавымі і эканамічнымі арганізацыямі – Міжнародным валютным фондам, Сусветным банкам, Еўрапейскім банкам рэканструкцыі і развіцця, Еўрапейскай эканамічнай камісіяй ААН і Канферэнцыяй ААН па гандлі і развіцці (ЮНКТАД).

Да шматбаковага супрацоўніцтва таксама адносіцца ўзаемадзеянне Рэспублікі Беларусь з міжнароднымі структурамі, членам якіх наша краіна не з'яўляецца (ЕС, НАТА і інш.), удзел беларускіх дэлегацый у шматбаковых міжнародных форумах самых розных кірункаў.

Такім чынам, Беларусь сёння – гэта суверэнная еўрапейская дзяржава, якая праводзіць самастойную і міралюбную знешнюю палітыку, актыўна развівае супрацоўніцтва з замежнымі партнёрамі ў розных частках зямнога шара, уносіць значны ўклад ва ўмацаванне міжнароднай беспекі і стабільнасці.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2007. – 48 с.
2. Внешняя политика Беларуси // Сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.by. – Дата доступа: 18.01.2013.

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КУРАШИК – ПЕРВЫЙ ПОСОЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УКРАИНЕ

Д.В. Юрчак (Витебск)

Выход Республики Беларусь на международную арену привёл к необходимости создания собственных дипломатических представительств в других странах. Это же привело к необходимости подбора профессиональных дипломатических кадров для представления нашей республики за рубежом. Среди первых белорусских дипломатов оказался и Виталий Владимирович Курашик, судьбу которого мы и постараемся вкратце рассмотреть.

Чем же уникальна личность Виталия Владимировича? Что его выделяет на фоне остальных дипломатов? Дело в том, что белорусским послом в Украине стал не кадровый дипломат, и даже не гражданин Беларуси, что само по себе уникально. Таких примеров в мировой истории единицы. На момент своего назначения В.В. Курашик имел украинское гражданство (от которого не отказался до сих пор) и блестящую политическую карьеру в Украине. Являясь уроженцем Беларуси, наш герой прошёл долгий путь от простого шахтёра до депутата Верховной Рады Украины и председателя Совета Министров Крыма. Именно от последней очень высокой (и крайне заманчивой для многих украинских политиков) должности Виталию Владимировичу пришлось отказаться для того чтобы стать белорусским послом в Украине. Этот явно не равноценный с прагматической позиции обмен делает фигуру первого белорусского посла в Украине уникальной, а его жизненный путь ярким примером патриотизма и служения Родине.

Родился В.В. Курашик 8 мая 1939 г. в селе Дивин (Дивинского района (сейчас Кобринский) Брестской области) на самой границе с Украиной. В то же время обучение и начало трудового пути будущего дипломата было связано с Украиной. В частности, он окончил техническое училище в г. Красный Луч на Луганщине, горный техникум в г. Торез, Украинский заочный политехнический институт. С 1960 г. началась трудовая карьера Виталия Владимировича с должности машиниста электровоза вахты «Кочегарка» (г. Горловка, Донецкая область). В дальнейшем он был конструктором КБ, техником, старшим инженером, заместителем главного технолога Константиновского химического завода. С 1974 г. В.В. Курашик на партийной работе (заведующий промышленно-транспортным отделом, второй секретарь, первый секретарь Константиновского горкома Компартии Украины, инструктор отдела оргпартработы Крымского обкома КПУ).

Продвижение по партийной лестнице позволило Виталию Владимировичу в 1982 г. занять пост председателя Евпаторийского исполкома городского Совета народных депутатов. Именно с Крымом и был связан дальнейший трудовой путь будущего дипломата. В 1987 – 1989 гг. В.В. Курашик стал заместителем председателя Крымского облисполкома, одновременно (в 1988 – 1989) начальником

Главного планово-экономического управления. В 1989 – 1991 гг. работал на должности председателя исполкома Крымского областного Совета народных депутатов, а в 1991 г. стал первым после объявления независимости Украиной Председателем Совета Министров Крыма.

Особое внимание стоит обратить на процесс образования первых белорусских диппредставительств. В 1992 г. по инициативе МИД на уровне Совета Министров рассматривался вопрос об открытии белорусских посольств в ряде государств, среди которых называлась и Украина [1, л. 69]. В итоге, 26 октября 1992 г. появилось постановление Совета Министров «О дальнейшем становлении внешнеполитической деятельности Республики Беларусь», в котором говорилось о необходимости предпринять меры для открытия в текущем году дипломатических представительств в 14 государствах мира.

Однако выполнить на практике это оказалась сложно. Не хватало финансирования, да и с кандидатурой посла в Украине республика никак не могла определиться. Ситуация с послом, как не странно, разрешилась в ходе юбилейного заседания меджлиса Турции в 1993 г., на которое были приглашены делегации парламентов иных государств, включая Беларусь и Украину. Среди них были председатель Верховного Совета Беларуси С.С. Шушкевич и депутат Верховной Рады В.В. Курашик. В кулуарном разговоре Виталий Владимирович поинтересовался у главы белорусской делегации, почему страна затягивает вопрос с открытием посольства в Киеве. А в ответ услышал: «На должность посла ищем человека, который хорошо бы знал Украину. Вы, конечно, не согласитесь, занимая такую высокую должность, но, может, кого-нибудь посоветуете?». В ответ В.В. Курашик пообещал подумать над предложением [6, с. 102].

Имея давнюю мечту стать дипломатом, читая многочисленные книги по этой теме, В.В. Курашик после продолжительных размышлений решил, что он готов возглавить белорусское диппредставительство в Киеве. Не смогли его переубедить в обратном многие влиятельные люди в Украине. Поступали предложения сделать дипкарьеру в Украине, в частности, предлагали возглавить посольство этой страны в каком-либо европейском государстве. Но желание служить Родине все-таки оказалось сильнее. В итоге, 12 октября 1993 г. в депутатском номере гостиницы «Киев», в которой ранее проживал будущий посол, выполняя свои депутатские функции, было открыто белорусское посольство [5, с. 158].

Изначально в составе посольства было два дипломата – посол и первый секретарь. Последний по совместительству занимался и консульскими вопросами. Уже в ходе процедуры вручения верительных грамот В.В. Курашик выступил с блистательной речью на украинском языке (чего до этого в Киеве никто из послов иных государств не делал), после чего состоялась его обстоятельная беседа с Президентом Украины Л.М. Кравчуком, во время которой были обсуждены основные направления двустороннего сотрудничества [3, л. 5].

Показательным является то, что В.В. Курашик, отстаивая интересы Республики Беларусь, часто использовал многочисленные личные связи и даже дружбу с представителями украинской элиты. Сотрудники МИДа Украины не раз высказывали своё возмущение тем, что белорусская сторона решает многие вопросы напрямую, минуя внешнеполитическое ведомство. Показательным является и тот факт, что только у В.В. Курашика, единственного из представителей дипкорпуса всех стран в Украине была прямая линия с Президентом Украины.

Сотрудники посольств активно занялись углублением контактов между двумя государствами. В частности, в ноябре 1993 г. В. Курашик встретился с заместителем министра иностранных дел Украины Н.Макаревичем. В ходе встречи

обсуждались вопросы активизации межгосударственного сотрудничества и выполнения подписанных соглашений. В апреле того же года В. Курашик встретился с Президентом Крыма Ю. Мешковым и обсудил вопрос функционирования белорусских санаториев и оздоровления детей [7, л. 211]. Подобная активность была характерна для всей деятельности Виталия Владимировича.

Для белорусских и украинских дипломатов в первые годы работы весьма серьёзным являлся вопрос постоянного размещения посольств в Киеве и Минске. Эта тема весьма активно обсуждалась на уровне министерств иностранных дел двух государств. Существовали различные варианты расположения белорусского и украинского посольств на территории друг друга, в 1993 г. стороны подготовили проект соглашения об обеспечении дипломатических представительств зданиями с прилегающими территориями. Но окончательно вопрос о выделении зданий для размещения посольств до 1994 г. так и не был решён. В декабре 1994 г. в белорусском МИДе ситуацию оценивали как критическую, которая отрицательно сказывалась на сотрудничестве с другими государствами, включая Украину. В частности, отмечалось: «Из-за нерешённости вопроса о размещении дипломатических представительств в Минске создаются искусственные барьеры для работы белорусских дипломатических представительств за рубежом» [2, л. 286 – 287].

Уже в 1994 г. Украина информировала белорусскую сторону о выделении здания под посольство Республики Беларусь в Киеве по адресу ул. Январского восстания, 6. С 1995 г. проблема выносится на переговоры на высшем уровне. Однако по состоянию на начало 1997 г. она так и не была до конца решена: Украина возводила под посольство 4-этажное здание в Минске, Беларусь не имела собственного здания посольства и арендовала помещения под дипломатическое представительство. В.В. Курашик также ставил перед официальным Минском вопрос о начале строительства собственного здания под посольство.

Проблема была разрешена после того как в Киеве было закрыто посольство Монголии и освободился особняк в центре Киева. И хотя на это здание было много желающих, В.В. Курашик, не смотря на поступающие угрозы в свой адрес со стороны киевских чиновников, сумел добиться поддержки лично мэра Киева в данном вопросе. В итоге, 28 – 29 сентября 1998 г. в Киеве стороны официально достигли договорённости о продаже белорусской стороне здания по ул. Коцюбинского для размещения посольства, а также об обмене земельного участка в Минске площадью 0,46 га, где велось строительство украинского посольства, на равнозначные земельные участки в Киеве по ул. Коцюбинского и на территории строящегося дипломатического городка [4, л. 18]. В 2000 г. это нашло своё отражение в подписанном сторонами Соглашении об условиях размещения и обслуживания дипломатических представительств, закреплявшем состоявшийся обмен и предусматривавшем аренду названных территорий сроком на 49 лет за символическую плату (1 рубль для Украины и 1 гривна в год для Беларуси).

Большим достижением первого белорусского посла является и то, что именно по его инициативе для сотрудников посольства в 1990-х гг. было приобретено служебное жильё по ценам, за которые сейчас даже снять квартиру в центре Киева (как это делают дипломаты иных стран) очень сложно. Тем самым, такой шаг В.В. Курашика позволил экономить десятки тысяч долларов ежегодно.

В отличие от Украины регулярно меняющей своих послов, до 2013 г. Республика Беларусь только один раз сменила своего официального представителя в соседней стране. Первый посол Беларуси оказался политическим долгожителем. Виталий Владимирович возглавлял белорусское посольство в Киеве до 2001 г. Причём покинул эту должность он по собственному желанию, а новым послом в

Украине был назначен В.В. Величко, работающий в этой должности до сих пор. Благодаря такому «дипломатическому долгожительству» белорусские дипломаты в Киеве побили своеобразный рекорд, так как В.В. Величко (как когда-то и В.В. Курашик) является послом-дуайеном – руководителем всего дипломатического корпуса в Украине, так как раньше всех среди дипломатов различных стран, аккредитованных в Киеве, вручил верительные грамоты Президенту страны [6, с. 15]. Такая почётная роль предоставляет и широкие возможности в расширении межгосударственных контактов, что, безусловно, работает в интересах белорусского государства.

Таким образом, личность первого посла Беларуси в Украине весьма интересна и уникальна. На наш взгляд, пример В.В. Курашика, который ради служения своей Родине и своему Народу отказался от прекрасных перспектив в Украине, гражданином которой являлся, должен активно использоваться при воспитании молодого поколения белорусских дипломатов и госслужащих.

1. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 73. – 298 л.
2. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 373. – 298 л.
3. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 630. – 297 л.
4. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 1899 – 172 л.
5. Курашик, В. Дружбе и сотрудничеству альтернативы нет / В. Курашик // Беларуская думка. – 1997. – № 8. – С. 157-162.
6. Курашик, В.В. Я не хочу судьбу иную… (Записки дипломата). – К.: Освита, 2010. – 366 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 12. – Д. 1242. – 274 л.

Р А З Д Е Л 7
РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ДИПЛОМАТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

ИСКУССТВО РУССКОГО И СОВЕТСКОГО АВАНГАРДА В ВОСПРИЯТИИ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ И НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (1950-е – 1980-е гг.)

В.А. Андреева (Минск)

Художественная культура СССР представляла собой неоднозначный и многогранный феномен существования многонационального социалистического государства. В то время, как жители страны Советов знакомились с ее достижениями по большей части через произведения искусства, выполненные в монументально-парадном стиле социалистического реализма, взгляд граждан капиталистических стран имел другие ракурсы. При отсутствии достаточного количества источников, из которых можно было получить необходимую информацию о СССР, жители ФРГ стремились понять особенности развития этого государства с помощью анализа его художественной культуры.

Одним из направлений советской культуры, интересовавшим граждан ФРГ, было русское и советское изобразительное искусство периода Авангарда (1900-е – 1930-е гг.). Знакомство с отдельными произведениями живописи и скульптуры, которое происходило во время выставок, организованных, в том числе, совместно с СССР, периодически вызывало в западногерманском обществе интерес к «экзотической» стране, а также волны «моды на советское».

Важную роль в этом процессе сыграли тенденции периода «оттепели» в советском государстве, открывшие западной общественности возможность более широкого доступа к культурному наследию СССР. В это время наблюдалось некоторое улучшение отношений между конкурирующими в рамках «холодной войны» системами, что способствовало расширению потока информации о феномене советской культуры на Запад.

В сфере международных отношений правительство СССР придерживалось доктрины «мирного сосуществования». Однако, несмотря на то, что угроза военного конфликта уменьшилась, идеологическая и культурная конфронтация продолжалась. Советские власти активно отстаивали негативный взгляд на западноевропейский модернизм. Это искусство стигматизировалось как декадентское, индивидуалистическое, антирационльное и антигуманное [6, с. 212]. Стилистические решения и приемы, которые нельзя было отнести к социалистическому реализму (импрессионизм, кубизм, сюрреализм, экспрессионизм и другие «модернистские» и нетрадиционные формы искусства), считались «формалистскими» и осуждались в Советском Союзе [4, с. 21].

Однако такая позиция не распространялась на официально признанный советский авангард 1920-х – 1930-х гг. В рассматриваемый период в ФРГ были проведены многочисленные выставки русского и советского авангардного искусства, что привело к его «новому открытию» для жителей Западной Германии [9, с. 3]. Особый интерес в среде западногерманских искусствоведов вызывал феномен авангардной пролетарской культуры, характеризовавшийся оформлением но-

вых стилей и направлений, футуристическим декорированием улиц и расцветом плакатного искусства [2, с. 39].

В период 1960-х – 1970-х гг. количество выставок русского и советского авангардного искусства возросло. Особую роль в этом процессе сыграла деятельность открытого в 1976 г. Музея современного искусства Людвиг в Кёльне. Известные коллекционеры супруги П. и И. Людвиг подарили городу 350 произведений искусства, в том числе, полотна А. Родченко, К. Малевича, Л. Поповой, М. Ларионова, В. Степановой и других представителей русского и советского Авангарда, которые постоянно экспонировались в стенах музея [7].

Новаторские поиски таких мастеров, как К. Малевич, М. Шагал, В. Кандинский и В. Татлин, получили широкое отражение в научных трудах западногерманских ученых. Создавались исследовательские работы, подробно описывавшие на основе документальных данных особенности и периоды развития русского и советского авангардного искусства. Изучалась также деятельность Нар компроса, Института художественной культуры, Высших художественно-технических мастерских и Высшего художественно-технического института [10]. Кроме того, западногерманские исследователи в своих трудах детально описывали жизнь и творческий путь отдельных деятелей советского искусства и культурной политики [2; 5]. Вопросы советской «пролетарской культуры», а также авангардного и революционного искусства начала XX в. активно рассматривались в специализированном журнале «Эстетика и коммуникация». Первый номер этого альтернативного издания вышел в свет в 1970 г. при активном участии сотрудников Института экспериментального искусства и эстетики во Франкфурте-на-Майне [8].

Отдельные работы западногерманских исследователей были посвящены модернистским преобразованиям технического пространства. Похожесть стилистических направлений изобразительного искусства в Высших художественно-технических мастерских и Баухаусе являлась основой для сравнительных исследований искусствоведческого характера [1, с. 5].

Таким образом, можно утверждать, что искусство русского и советского авангарда первой трети XX в. являлось интересным и важным тематическим направлением для западногерманской культурной и научной интеллигенции в период 1950-х – 1980-х гг. Многочисленные выставки и научные труды, посвященные данной проблематике, способствовали «новому открытию» русского и советского искусства для западногерманской общественности, а также развертыванию культурного диалога с Советским Союзом.

1. Borisowski, G. Form und Uniform. Die Gestaltung der technischen Umwelt in sowjetischer Sicht / G. Borisowski.– Reinbek b. Hamburg: Rowohlt, 1967. – 114 S.
2. Gorzka, G. A. Bogdanov und der russische Proletkult. Theorie und Praxis einer sozialistischen Kulturrevolution / G. Gorzka. – Frankfurt am Main / New York: Campus Verlag, 1980. – 315 S.
3. Kasack, W. Veraenderungen in der sowjetischen Kulturpolitik seit 1970? / W. Kasack // Osteuropa. – 1976. – H. 3. – S. 155 – 161.
4. Lass, K. Vom Tauwetter zur Perestrojka: Kulturpolitik in der Sowjetunion (1953 – 1991) / K. Lass. – Koeln / Weimar / Wien: Boehlau, 2002. – 448 S.
5. Peters, J.-U. Kunst als organisierte Erfahrung : ueber den Zusammenhang von Kunsttheorie, Literaturkritik und Kulturpolitik bei A.V. Lunačarskij / J.-U. Peters. – Muenchen: Fink, 1980. – 207 S.
6. Reid, S.E. Modernizing Socialist Realism in the Khrushchev Thaw. The struggle for a “Contemporary Style” in Soviet art / S.E. Reid // The Dilemmas of De-Stalinization. Negotiating cultural and social change in the Khrushchev era / S.E. Reid [a.o.]; ed. by P. Jones. – London / New York, 2006. – P. 193 – 230.
7. Sammlung – Russische Avantgarde. Von der russischen Avantgarde zur Soz-Art / Museum Ludwig [Electronic Resourse]. – Mode of access: http://www.museum-ludwig.de. – Date of access: 15.03.2013.

8. Ueber Aesthetik und Kommunikation / Aesthetik und Kommunikation [Electronic Resourse]. – Mode of access: http://www.aesthetikundkommunikation.de/?a=ueberaeuk. – Date of access: 15.03.2013.
9. Zelinsky, B. Vorwort / B. Zelinsky [u.a.] // Russische Avantgarde 1907 – 1921. Vom Primitivismus zum Konstruktivismus; hg. von B. Zelinsky. – Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1983. – S. 3.
10. Zwischen Revolutionskunst und sozialistischem Realismus: Dokumente u. Kommentare; Kunstdebatten in der Sowjetunion von 1917 – 1934 / hg. von H. Gaßner, E. Gillen. – Koeln, 1979. – 560 S.

ТРАДЫЦЫЯ І ДЭМАКРАТЫЯ: ЦІ ІСНУЕ СУВЯЗЬ ПАМІЖ ГІСТАРЫЧНА-КУЛЬТУРНЫМІ ТРАДЫЦЫЯМІ І СУЧАСНЫМІ САЦЫЯЛЬНЫМІ ІНСТЫТУТАМІ?

А.І. Дзярновіч (Мінск)

Зыходзячы з вэбераўскай традыцыі, шматлікія палітолагі XX ст. (Фукуяма, Харысан, Хантынгтон, Патнэм) прыходзяць да высновы, што культурныя традыцыі надзвычай ўстойлівыя і дзякуючы гэтаму фармуюць палітычнае і эканамічнае паводзіны сучасных грамадстваў. Але на думку тэарэтыкаў мадэрнізацыі, пачынаючы з К. Маркса і заканчваючы Д. Бэлам, уздым індустрыяльнага грамадства цягне за сабой спадарожныя культурныя зрухі, якія змяняюць і пашыраюць традыцыйную сістэму каштоўнасцяў. Вельмі магчыма, як пра гэта і піша амерыканскі сацыёлаг Рональд Інглхарт [2, с. 106], што ў роўнай ступені слушныя і адначасова працуюць абодва гэтыя тэзы:

– Развіццё цягне за сабой сіндром непрадказальнага адыходу ад абсалютных сацыяльных нормаў на карысць ўсё больш рацыянальных і гнуткіх;

– Але культуры сапраўды даволі самастойныя. Праваслаўнае, каталіцкае, пратэстанцкае мінулае таго ці іншага грамадства спрыяе фарміраванню культурных зон, якія адрозніваюцца самабытнай сістэмай каштоўнасцяў і здольныя супрацьстаяць націску эканамічнага развіцця.

Р. Інглхарт бачыць істотную розніцу паміж грамадствамі ў залежнасці ад таго, што яны вылучаюць на першы план – «каштоўнасці выжывання» або «каштоўнасці самавыяўлення». Мяркуецца, што соцыум, які абапіраецца на каштоўнасці апошняга тыпу, мае значна больш шанцаў стаць дэмакратычным. Далей – вельмі верагодна, што эканамічны прагрэс цягне за сабой паступовы пераход ад «каштоўнасцяў выжывання» да «каштоўнасцям самавыяўлення», таму багатыя грамадства ў большай меры прымаюць дэмакратыю.

Такім чынам, можна паставіць наступнае пытанне – ці спрыяюць дэмакратыі «каштоўнасці самавыяўлення», якія разглядаюцца досыць шырока (у тым ліку міжасабовы давер, памяркоўнасць, удзел у прыняцці рашэнняў), альбо дэмакратычныя інстытуты самі стымулююць развіццё ў грамадстве такіх каштоўнасцяў? Сярод жа тых фактараў, якія абумоўліваюць самабытнасць цывілізацый, вылучаюць рэлігійныя традыцыі. Акрамя таго, Ф. Фукуяма дадае, што гатоўнасць грамадства да канкурэнцыі на сусветных рынках абумоўлена такім фактарам, як ступенню наяўнага міжасабовага даверу, а сістэмы, у якіх давер не з'яўляецца грамадскай каштоўнасцю, адстаюць, паколькі няздольныя да стварэння буйных і складаных сацыяльных інстытутаў.

Вельмі важны эмпірычны і аналітычны матэрыял адносна ўплыву культурных традыцый на дэмакратычнае развіццё розных таварыстваў даюць матэрыялы Сусветнага апытання па вывучэнню каштоўнасцяў (WVS – World Values Survey), які праводзіўся ў 1990-х гг. у тры этапы і ахапіў 65 дзяржаў ды 75% насельніцтва планеты. Светапогляд людзей, якія жывуць у багатых грамадствах, стабільна адрозніваецца ад светапогляду "беднякоў" па шырокаму колу палітычных, сацы-

яльных і рэлігійных нормаў і паданняў. Фактарны аналіз раскрыў наяўнасць двух галоўных вымярэнняў, якія ўпарадкавалі паказчыкі зменных і тлумачаць большую частку міжкультурнай варыятыўнасці. Сам жа фактарны аналіз – гэта працэдура, з дапамогай якой вялікая колькасць зменных, якія адносяцца да наяўных назіраннях, зводзяць да меншага колькасці незалежных велічынь уплыву, што называюць фактарамі. Пры гэтым у адзін фактар аб'ядноўваюцца зменныя, якія моцна карэлююць паміж сабой. Зменныя з розных фактараў слаба карэлююць паміж сабой. Такім чынам, мэтай фактарнага аналізу з'яўляецца знаходжанне такіх комплексных фактараў, якія як мага больш поўна тлумачаць зафіксаваныя сувязі паміж зменнымі.

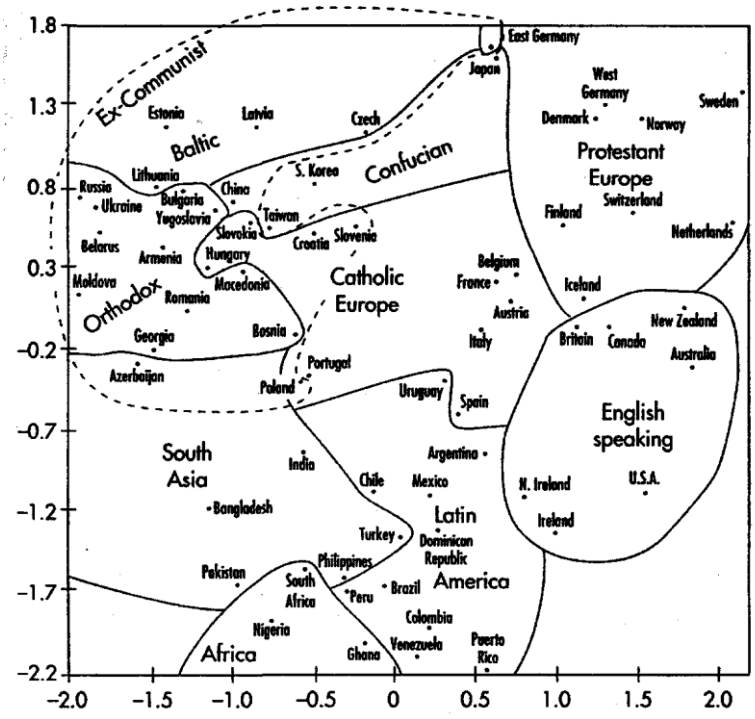
У галоўных ж вымярэннях даследавання адлюстроўваецца міжнацыянальная палярызацыя, што падзяляе, з аднаго боку, традыцыйнае і секулярна-рацыянальнае стаўленне да ўлады, а з другога боку – каштоўнасці "выжывання" і "самавыяўлення". З дапамогай названай сістэмы каардынат кожнае грамадства ўдалося размясціць на культурнай карце свету.

Супрацьпастаўленне "традыцыйнага" і "секулярна-рацыянальнага" адлюстроўвае кантраст паміж тымі грамадствамі, у якіх рэлігія адыгрывае істотную ролю, і тымі, у якіх падобнага няма. Але справа не абмяжоўваецца толькі гэтым. Галоўнымі тэмамі, разам з імкненнем пазбегнуць палітычных канфліктаў і падкрэсліваннем прыярытэту кансенсусу над канфрантацыяй, з'яўляюцца таксама павага да сямейных сувязях і павага ў адносінах да ўлады. Грамадствы, што знаходзяцца на традыцыяналісцкім полюсе, заахвочваюць рэлігію, абсалютныя стандарты і ўстояныя сямейныя каштоўнасці; яны спрыяюць шматдзетным сем'ям; адпрэчваюць разводы; выступаюць у абарону жыцця ў такіх пытаннях, як аборты, эўтаназія, самагубства. Яны аддаюць перавагу сацыяльнаму канфармізму перад індывідуальнымі дасягненнямі, згодзе – адкрытаму палітычнаму канфлікту, падтрымліваюць павага да ўлады і адрозніваюцца высокім узроўнем нацыянальнага гонару і патрыятызму. Па ўсіх гэтых пунктах грамадства, што падзяляюць "секулярна-рацыянальныя" каштоўнасці, займаюць супрацьлеглыя пазіцыі.

Адным з цэнтральных кампанентаў гэтага каштоўнаснага вымярэння ёсць палярызацыя матэрыялістычных і постматерыялістычных каштоўнасцяў. Гэтая разнавіднасць дамінант адлюстроўвае пераарыентацыю, што адбываецца са зменай пакаленняў, ад прыярытэтнага імкнення забяспечыць эканамічную і фізічную бяспеку да жадання дамагчыся найбольш поўнага самавыяўлення, суб'ектыўнага дабрабыту і высокай якасці жыцця. Апісаны культурны зрух можна выявіць ва ўсіх перадавых індустрыяльных грамадствах. Яго ініцыююць тыя пакалення, якія выраслі ва ўмовах гарантаванага выжывання.

Грамадствы, дзе пераважаюць "каштоўнасці выжывання", адрозніваюцца адносна нізкім узроўнем асабістага дабрабыту, адсутнасцю міжасабовага даверу, нецярпімасцю да іншадумцаў, няўвагай да роўнасці палоў, падвышанай цікавасцю да матэрыяльных аспектах жыцця, верай ва усемагутнасць навукі і тэхнікі, здольныя падтрымліваць аўтарытарныя рэжымы.

Арыентацыя грамадстваў на тую ці іншую разнавіднасць каштоўнасцяў мае важныя аб'ектыўныя наступствы. Як паказваюць даследаванні, дзяржавы, у якіх пануюць "каштоўнасці самавыяўлення", маюць больш шанцаў стаць стабільнымі дэмакратыямі, чым краіны, арыентаваныя на каштоўнасці "выжывання". У выніку праведзенага ў 1990-х гг. даследавання ўдалося размясціць 65 грамадстваў адносна двух згаданых вымярэнняў.

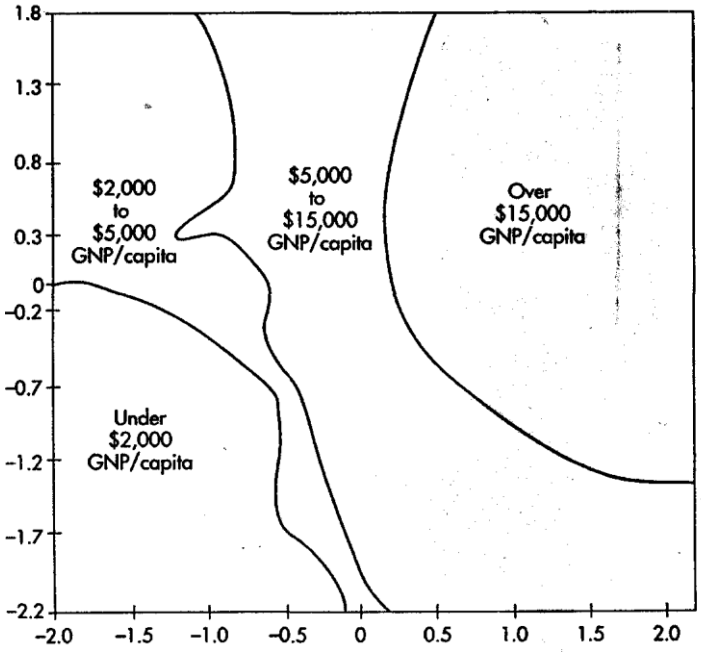

Дыяграма 1. Размяшчэнне 65 грамадстваў адносна двух змяненняў міжкультурнай варыянтнасць. Вертыкальна вось: палярызацыя двух трактовак улады – традыцыяналісцкай і секулярна-рацыянальнай. Гарызантальная вось: проціпастаўленне каштоўнасцяў “выжывання” і “самавыяўлення”. Межы паміж групамі краін праведзены з улікам тэорыі культурных зон, высунутай Хантынгтанам.

Як і меркавалі Вэбер і Хантынгтан, рэлігійныя традыцыі аказваюць доўгатэрміновае ўздзеянне на сучасныя сістэмы каштоўнасцяў 65 дзяржаў. Але рэлігія – не адзіны фактар, які фарміруе самабытнасць культурных зон [1, с. 214]. Камунізм, відавочна, наклаў адбітак на каштоўнасныя ўяўленні тых, хто жыў пры ім (Усходняя і Заходняя Германіі; Кітай; Азербайджан). Маюць значэнне і былыя каланіяльныя сувязі: Лацінская Амерыка – Іспанія і Партугалія. Вылучаецца англамоўная культурная зона. Аўтары работы сцвярджаюць, што размяшчэнне нацый на Дыяграме 1 цалкам аб’ектыўна, бо абумоўлена інфармацыяй фактарнага аналізу, атрыманай па кожнай краіне. Між тым, межы, якія падзяляюць гэтыя грамадствы адзін ад аднаго, суб’ектыўныя – яны заснаваныя на выдзяленні прапанаваных Хантынгтанам культурных зон [2, с. 54 – 60].

Наколькі “рэальныя” такія зоны? Размежавальнай лініі можна праводзіць па-рознаму, бо на развіццё соцыум ўплываюць самыя разнастайныя фактары. Менавіта таму рубяжы зон перакрываюць адзін аднаго (былая зона распаўсюджвання камунізму накрываецца на пратэстанцкія, каталіцкія, праваслаўную, канфуцыянскіх і ісламскую культурныя зоны; Брытанія размешчана на скрыжаванні двух зон – англамоўнай і пратэстанцкай). Нягледзячы на відавочныя адхіленні, грамадствы з супольнай культурнай спадчынай трапляюць пераважна ў адзін і той жа сектар. На асаблівасці іх размяшчэння ў даследчых дыяграмах ўплывае таксама ўзровень эканамічнага развіцця, структура занятасці, рэлігійныя традыцыі і іншыя фактары гістарычныя ўплыву. Як мяркуецца, узровень эканамічнага развіцця аказвае магутны ўплыў на культурныя каштоўнасці. Каштоўнасныя сістэмы багатых і бедных краін стабільна адрозніваюцца адзін ад аднаго. На Дыяграме 1 відавочна відаць размежаванне паміж гэтымі групамі: бедныя імкнуцца да левага ніжняга кута, у той час як багатыя сканцэнтраваны уверсе справа. Наступная Дыяграма 2 канкрэтызуе дадзены факт. Прадстаўляючы сабой мадыфікаваную версію Дыяграмы 1, яна

адлюстроўвае эканамічныя зоны, на якія распадаюцца 65 разгляданых дзяржаў [6, с. 214 – 215].

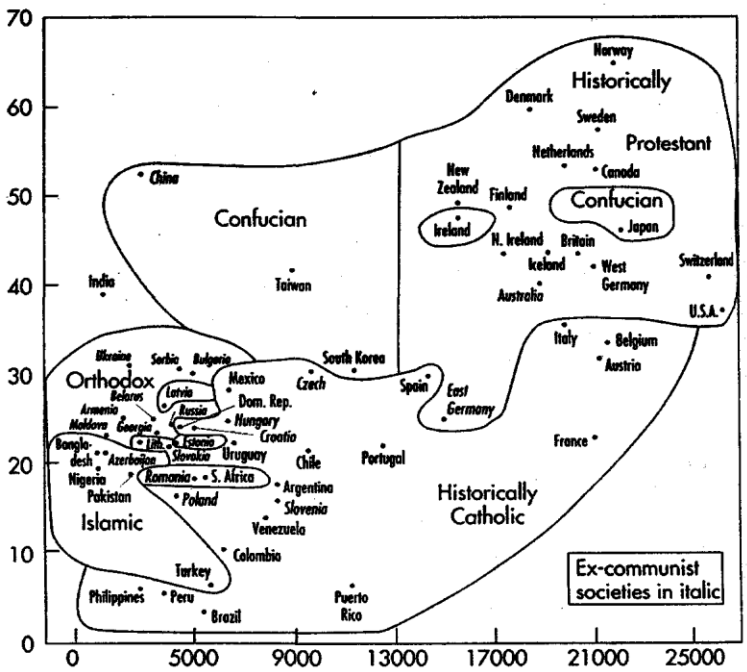
Дыяграма 2. Узроўні эканамічнага развіцця 65 грамадстваў у супастаўленні з двума вымярэннямі міжкультурнай варыянтнасць.

Усе 19 краін, доля ВУП на душу насельніцтва ў якіх перавышае 15 тыс. даляраў, занялі даволі высокія пазіцыі ў абедзвюх вымярэннях і трапілі ў зону ў правым верхнім куце. Гэтая эканамічная зона перакрывае мяжы пратэстанцкай, былой камуністычнай, канфуцыянскіх, каталіцкай і англамоўнай культурнай зон. І наадварот, усё грамадствы з даходам на душу насельніцтва менш за 2 тыс. даляраў аказваюцца ў сектары, які займае ніжні левы кут, у эканамічнай прасторы, якое ахоплівае афрыканскую, паўднёваазіяцкую, былую камуністычную і праваслаўную культурныя зоны. Наяўныя дадзеныя кажуць аб тым, што падобнае стан эканомікі цягне грамадствы ў адным і тым жа кірунку, незалежна ад культурнай спадчыны. Тым не менш, выразна выяўленыя культурныя зоны працягваюць існаваць.

Доля ВУП на душу насельніцтва – толькі адзін з цэлага шэрагу індыкатараў, якія сведчаць аб узроўні эканамічнага прагрэсу. Са змяненнем прыроды працоўнай сілы змяняюць адзін аднаго тры самастойныя стадыі эканамічнага развіцця: аграрная, індустрыяльная і постіндустрыяльная. Існуе яшчэ адна градацыі. Краіны, дзе вялікая частка працоўнай сілы занятая ў сельскай гаспадарцы, размешчаны ў ніжняй поля, краіны з перавагай прамысловых рабочых – у верхняга краю, а краіны з высокай занятасцю ў сферы абслугоўвання – у правага краю карты. Ці можна казаць пра тое, што «культурныя сектары» проста адлюстроўваюць эканамічныя адрозненні? На гэта пытанне трэба адказаць адмоўна. Пры праверцы паказчыка долі ВУП на душу насельніцтва і структуры працоўнай сілы з дапамогай множнага рэгрэсіўнага аналізу ўплыў гісторыка-культурнай спадчыны кожнага канкрэтнага грамадства захоўвае сваю сілу.

Для паказу ступені кагерэнтнасці выдзеленых сектараў, вельмі характэрным з'яўляецца разгляд адной з ключавых зменных, якія выкарыстоўваюцца ў літаратуры па міжкультурных адрозненняў – міжасабовы давер як кампанент вымярэння сістэмы «выжыванне – самавыяўленне» [5, с 95 – 121]. Міжасабовы давер выключна важны для стварэння грамадскіх структур, на якіх будуецца дэма-

кратыя, а таксама складаная сістэма сацыяльных узаемасувязяў, якія забяспечваюць росквіт прадпрымальніцтва.

Дыяграма 3. Міжасабовы давер у супастаўленні з культурнымі традыцыямі, узроўнем эканамічнага развіцця і рэлігійнай традыцыяй.

Дыяграма 3 сведчыць, што ў плане міжасабовага даверу амаль усе пратэстанцкія краіны апярэджваюць каталіцкія: міжасабовы давер цесна карэлюецца з узроўнем ВУП на душу насельніцтва, але нават багатыя каталіцкія краіны па дадзеных параметры адстаюць ад багатых пратэстанцкіх грамадстваў. Практычна ўсе былыя камуністычныя краіны адрозніваюцца адносна нізкімі значэннямі міжасабовага даверу. З 19 краін, у якіх больш за 35% насельніцтва лічыць, што большасці людзей можна давяраць, 14 з'яўляюцца пратэстанцкімі, 3 – канфуцыянскімі, у 1 пераважаюць індуісты і яшчэ ў 1 – каталікі. З 8 найменш развітых еўрапейскіх дзяржаў, адлюстраванне на Дыяграме 3, каталіцкімі з'яўляюцца 8, а пратэстанцкіх сярод іх зусім няма. Р. Інглхарт звяртае ўвагу на дзіўную ўзгодненасць гэтых дадзеных з індэксам ўспрымання карупцыі, які складаецца арганізацыяй “Transparency International”. Тут усё ж патрэбныя некаторыя ўдакладненні. У рамках канкрэтных грамадстваў каталікі могуць шанаваць міжасабовы давер гэтак жа высока, як і пратэстанты. Але вырашальнае значэнне ў такіх пытаннях гуляюць не індывідуальныя ўласцівасці, а сукупны гістарычны вопыт нацыі. Міжасабоваму даверу спрыяе наяўнасць гарызантальных, знізу кантраляваных арганізацый. Наадварот, панаванне вялікіх, іерархічных і цэнтралізаваных бюракратаў расхістае міжасабовы давер [1, с. 119]. Гістарычна рыма-каталіцкая царква была прататыпам іерархізаванага інстытута, у той час як пратэстанцкія царквы былі адносна дэцэнтралізаваная і адкрытымі для кантролю знізу. Відавочна таксама, што гэтыя міжкультурныя адрозненні не адлюстроўваюць сучаснага ўзроўню ўплыву адпаведных дэнамінацый. Каталіцкая царква за апошнія дзесяцігоддзі моцна змянілася. У многіх пратэстанцкіх краінах дачыненне насельніцтва да царкоўнага жыцця скарацілася да такога ўзроўню, што толькі нязначнае меншасць наведвае храмы рэгулярна. Але нават нягледзячы на тое, што цяперашняе большасць насельніцтва еўрапейскіх краін практычна не мае

кантактаў з царквой, ўздзеянне некалі магутных каталіцкіх або пратэстанцкіх традыцый адчувае кожны, хто падвяргаецца сацыялізацыі ў канкрэтным грамадстве.

Тэзіс пра тое, што палітычная культура цесна звязаная з дэмакратыяй, шырока абмяркоўваецца з 1963 г., калі выйшла кніга Арнольда і Вэрба "Грамадзянская культура" [4]. Як у гэтай сувязі можна прааналізаваць лёс народаў былога СССР? З часу прадпрынятага імі ў 1991 г. прарыву да дэмакратыі яны не сталі здаравейшымі, шчаслівейшымі, больш цярпімымі, не сталі больш давяраць адзін аднаму ці падзяляць постматэрыялістычныя каштоўнасці. Нават наадварот: у большасці сваёй яны рухаюцца ў процілеглым кірунку. Канстытуцыйная нестабільнасць Лацінскай Амерыкі – іншы прыклад падобнага роду. Дэмакратыя – гэта не тая рэч, якая дасягаецца простым запазычаннем адпаведных законаў. Калі зыходныя дадзеныя гэтага даследавання карэктныя, то можна казаць пра эмпірычным пацверджанні канцэпцыі Вэбера. З іншага боку, па ўсёй верагоднасці, эканамічны прагрэс цягне за сабой паступовыя змены ў сферы культуры, якія стымулююць сярод шырокай публікі жаданне абзавесціся дэмакратычнымі інстытутамі ці падтрымаць іх, калі такія ўжо ёсць. Такая трансфармацыя не адбываецца аўтаматычна. Акрамя таго, аднаго толькі багацця для набыцця дэмакратыі недастаткова (прыклад – Кувейт і Лівія). Але працэс мадэрнізацыі цягне культурныя зрухі, якія спрыяюць дэмакратыі. Яе немагчыма заснаваць толькі з дапамогай істытуцыянальных зменаў або маніпуляцый кіруючай эліты. Выжыванне дэмакратыі ў асноўным залежыць ад каштоўнасных установак і перакананняў так званых простых грамадзян. І культурна-рэлігійная асяроддзе ды гістарычныя традыцыі займае ў гэтым працэсе важнае месца.

Улічваючы гісторыка-культурны досвед краін, размешчаных паміж Балтыйскім і Чорным морам, можна прыйсці да агульнай высновы, што хутчэй культура садзейнічае станаўленню дэмакратыі, чым наадварот. У такім разе, паўставанне сучаснай дэмакратыі ў краінах, якія згубілі гэтыя традыцыя – даволі працяглы працэс, у якім эканамічны прагрэс мусіць адбывацца поруч з каштоўнаснымі зменамі ў культуры.

1. Вебер, М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М.: РОССПЭН, 2006. – 648 с.
2. Инглхарт, Р. Культура и демократия / Р. Инглхарт // Культура имеет значение. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 106 – 128.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
4. Arnold, G. The Civic Culture / G. Arnold, S. Verba. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1963. – 379 p.
5. Coleman, J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital / J.S. Coleman // American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – P. 95 – 121.
6. World Development Report 1997: The State in a Changing World. – Washington, D.C.: World Bank, 1997. – 265 p.

ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Т.Г. Соловей (Минск)

Глобальные процессы, идущие в современном мире, влияют на характер межэтнических отношений, проникают в национальные культуры. В условиях глобализации резко активизировались миграционные перемещения, изменяющие социальный и этнокультурный облик населения отдельных регионов и стран. Миграции не только существенно расширяют этническую и культурную мозаику, но и выявляют и обостряют этнокультурные противоречия, вызывают социальные напряжения. В связи с этим актуализируются вопросы интеграции полиэтничного

и поликультурного населения, вовлечения новых социальных групп в различные сферы общественной деятельности.

В настоящее время значительный интерес представляет анализ теории и практики мультикультурализма как модели развития культурно-дифференцированных обществ. Мультикультурализм – сосуществование различных культурных опытов внутри какой-либо одной группы или общества. Начиная с 1960-х гг. мультикультурализм характеризует те социальные системы или их сегменты, в которых культурное разнообразие сформировано институциональными признаками – политическими, экономическими или социальными, независимо от общности исторического и географического контекста. Политический мультикультурализм взаимосвязан с тенденцией глобализации культуры, которая, с одной стороны, расширяет информационное пространство межкультурного обмена, с другой, монополизирует наиболее продуктивные формы культурного опыта и знания с помощью различных групп элит [1, с. 9].

Мультикультурализм часто используется как синоним понятия «культурный плюрализм», имеющего свое собственное контекстуальное значение. В самом общем виде плюралистические общества рассматриваются как общества, фрагментированные на различные расовые, религиозные или языковые группы. В понятие мультикультурализма в этом случае вкладывается смысл существования многообразных этнокультурных составляющих в противовес единой культуре. Культурное разнообразие, «инаковость» рассматриваются как высшие ценности, как источник формирования общества. Политика мультикультурализма предполагает толерантность, нахождение компромисса в иерархии социального статуса миноритарных групп; предлагает реализацию различных программ поддержки как иммигрирующих этнокультурных групп, так и уже существующих на территории поликультурного государства [2, с. 8].

Одной из целей мультикультурализма является создание такой структуры общенациональной (государственной) идентичности, которая бы позволяла учитывать и сохранять этнокультурные идентичности всех граждан. Другой его целью является снятие социальных барьеров для различных групп, обеспечения им доступа к ресурсам и возможностям общества. В этом смысле мультикультурализм может рассматриваться как один из способов построения социально справедливого общества, в котором ослабляются все межгрупповые противоречия, и в первую очередь, межэтнические.

Мультикультурализм распространен во многих странах Западной Европы и Северной Америки. При этом западноевропейская модель мультикультурализма имеет свою специфику по сравнению с американской. Для США временной промежуток принятия мигрантов составляет три столетия, а для Европы пятьдесят лет. В США этот процесс растянулся на долгое время с равномерным распределением количества мигрантов. Европа оказалась в более тяжелой ситуации, так как процесс адаптации государственной власти и общества к проблемам, связанным с иммиграцией, требовал здесь быстрой реакции. У европейцев не было того опыта, который был у американской нации, и поэтому возможность ошибки и неправильной оценки обстоятельств была более вероятной. Одной из трудностей стал также этнокультурный и религиозный состав приезжих. В Европе оказались в большом количестве представители мусульманских общин, а также выходцы из бывших колоний в Африке и Южной Азии.

США представляют собой нацию, образованную из переселенцев, в то время как Европа является традиционным примером наций-государств. Амери-

канская модель государства построена на политической идентичности, а европейская – на этнокультурной идентичности.

США, будучи федеративным государством, имеют возможность более детально регулировать законодательство, связанное с миграцией на федеральном уровне. В Европейском Союзе до недавнего времени общих нормативных актов, которые детально касались бы проблемы миграции, не было.

Особенности мультикультурной политики отдельных европейских государств связаны во многом с их историческим прошлым, в частности, с наличием или отсутствием в нем колониальной страницы, с частотой и продолжительностью волн трудовой миграции.

Сегодня поликультурными и иммиграционными стали практически все развитые страны, за исключением разве что Исландии. К первой их группе относятся бывшие метрополии (Великобритания, Голландия, Франция), принимавшие на протяжении всего XX в. людей, прибывавших из колоний в поисках работы. Ко второй – страны традиционной трудовой иммиграции (Австрия, Бельгия, Дания, Люксембург, Германия, Швеция). К третьей – государства, сами до недавнего времени остававшиеся поставщиками дешевой рабочей силы. В 1980-е гг. иммиграционными странами стали Италия, Испания, Португалия и Греция.

В зависимости от сферы, на которую делается упор в процессе интеграции (политика, экономика, социокультурная сфера), в странах Западной Европы выделяют три модели интеграционной политики: политическая ассимиляция, функциональная и мультикультурная интеграция.

Согласно первой модели принимающим государствам следует обеспечивать благоприятные условия для быстрого получения иммигрантами нового гражданства. При этом идентичность новых граждан должна определяться национальным политическим порядком, а не этнокультурными или религиозными корнями; этнические, культурные и религиозные вопросы относятся сугубо к сфере частной жизни иммигрантов. Такой подход был характерен для Франции, но, как показали события последних лет, оказался недостаточно эффективным. Игнорирование французскими властями расовых, этнических и религиозных идентичностей не означает их исчезновения и связанных с ними проблем. Напротив, они имеют тенденцию к радикализации.

В ряде государств ЕС, в первую очередь Германии, Италии, Греции, в отношении иммигрантов, не имеющих местных корней или хотя бы европейского происхождения, осуществляется политика функциональной интеграции, или социального гражданства, – инкорпорация только в сферу занятости и систему социального обеспечения. Возможности политического участия в делах общества и получения нового гражданства ограничиваются.

В мультикультурной (коммунитарной) модели, основывающейся на признании наличия в обществе различных этнорасовых групп и необходимости управления их взаимоотношениями, основной акцент делается на обеспечение равенства пришлых и коренных жителей во всех сферах при сохранении первыми родной культуры. Данная модель базируется на антидискриминационных правовых нормах и политике равных возможностей и отличается быстрым предоставлением мигрантам политических и гражданских прав в полном объеме. Впервые она была введена в Канаде, затем в Австралии и США, а позднее и в Европе (Великобритания, Нидерланды, Швеция). Но после террористических актов в США, Испании и Великобритании западноевропейские страны начали несколько отходить от принципов подобной политики.

Практические выводы, связанные с применением мультикультурализма в различных странах, достаточно разнятся и носят противоречивый характер. Улучшение положения мигрантов на рынке труда, в системе образования, здравоохранения, социального обеспечения, улучшение жилищных условий – это магистральные направления социальной политики в государствах, которые решают сегодня проблемы, вызванные полиэтничным составом населения своих стран. Важную роль имеет принятие таких масштабных инициатив, Европейская стратегия занятости (1997 г.), Лиссабонская стратегия экономического и социального обновления (2000 г.), программа EQUAL (2001 г.) и др.

Вместе с тем наблюдается расхождение между декламируемыми идеологией мультикультурализма принципами и их применением на практике в поликультурных обществах. Результаты политики мультикультурализма по-разному оцениваются в современном мире. Последствия массовых миграций по-прежнему вызывают серьезную озабоченность населения и политиков многих развитых государств. Возникают вопросы готовности мигрантов из развивающихся стран к адаптации к культурным ценностям принимающих стран, достижения взаимного уважения между коренным и приезжим населением. Сам факт участившихся в Западной Европе столкновений на этнической и религиозной почве свидетельствует о росте неудовлетворенности результатами социальной и культурной политики, применяемой в отношении национальных меньшинств. Нехватка опыта в применении мультикультурализма приводят к возникновению новых проблем, связанных с зарождением радикализма и экстремизма внутри самой Европы. В последние годы здесь наблюдается рост популярности правых политических сил. Представители этих сил выступают за ужесточение политики в отношении мигрантов: введение трудовых квот, привлечение высококвалифицированных специалистов, уменьшение пособий по безработице, обязательное знание языка принимающей страны и т.п.

Перечень приведенных фактов свидетельствует о том, что Западная Европа еще не в полной мере способна принять на себя роль нового поликультурного региона. Механизм мультикультурализма нуждается в совершенствовании, в выработке новых принципов и правил. Мультикультурная политика связана как с адаптацией этнокультурных групп к ценностям и нормам доминирующей культуры, так и с обучением принимающего большинства к жизни и взаимодействию с представителями иных культур. Идеология и политика мультикультурализма призвана обеспечить интеграцию этнокультурных групп в поликультурное общество.

1. Матусевич, Е.В. Эволюционные стратегии развития мультикультурного общества / Е.В. Матусевич // Чалавек. Грамадства. Свет. – 2008. – № 1. – С. 8 – 11.
2. Куропятник, А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ /А.И. Куропятник. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 188 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РПЦ И БОРЬБА ЗА МИР В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1949–1991 гг.)

В.Л. Король (Гродно)

Борьба за мир и разоружение стала во вт.п. XX в. одним из основных направлений в деятельности Русской православной церкви. Участие Церкви в борьбе за мир было обусловлено не только религиозными мотивами, но и международной обстановкой вт.п. XX ст., которая характеризовались гонкой вооружений и военно-политическим противостоянием двух систем – социалистической и капиталистической. РПЦ не осталась в стороне от решения наиболее острых глобальных проблем, активно включилась в антивоенное движение.

В конце 1940-х гг. ряд международных событий привёл к обострению международных отношений и эскалации напряжённости. Началась эпоха ядерного противостояния и балансирования на грани новой войны. По словам известного российского историка М.В. Шкаровского, «существовавшее военное неравновесие была призвана частично компенсировать активно развернувшаяся «борьба за мир». В этих обстоятельствах появился новый фактор заинтересованности советского руководства в международных акциях Московской Патриархии – её миротворческая деятельность» [1, с. 297]. С другой стороны, как отмечает автор, подобная деятельность, позволяла Русской православной церкви укреплять свой международный авторитет, оказывать влияние на собственных мирян и священников, выражая их желание предотвратить новую войну [1, с. 297].

В то же время и Совет по делам РПЦ был заинтересован в развитии данной деятельности Церкви. По словам российского историка Т.В. Чумаченко: «сразу поняв, что участие РПЦ в миротворческом движении дает несомненную возможность самому Совету вновь быть востребованным для власти, его руководство настойчиво активизировало деятельность Московской патриархии, зачастую само инициируя новые акции РПЦ в этом направлении» [2, с. 153].

Церковь сразу же активно включилась в международное антивоенное движение. В работе I Всемирном конгресса сторонников мира (20 – 25 апреля 1949 г. в Париже и Праге) приняла участиие делегация РПЦ, во главе с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем), который был избран в состав Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира [2, с. 153].

В конце 1940-х гг. также оформилось движение сторонников мира в Советском Союзе. На 1-й Всесоюзной конференции сторонников мира (Москва, 25–27 августа 1949 г.) был создан Советский комитет защиты мира (СКЗМ), активное участие в котором принимали представители РПЦ. В последствии одной из основных форм церковного миротворчества стало участие представителей РПЦ в деятельности советских общественно-политических организаций: Советского комитета защиты мира (СКЗМ), Советского фонда мира (СФМ). Советского Комитета за европейскую безопасность (СКЕБС). Причём многие иерархи Церкви состояли в руководстве или являлись членами вышеназванных организаций.

Несмотря на активность миротворческой деятельности Русской православной церкви (появление постоянного раздела «В защиту мира» в Журнале Московской Патриархии (май 1949 г.), обращение патриарха Алексия ко всем главам православных Церквей с призывом включиться в борьбу за мир (март 1950 г.), организация среди верующих и мирян СССР сбора подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении ядерного оружия (март – ноябрь 1950 г.). В конце 1940-х – начале 1950-х гг. её позиции на международной арене ослабли в результате того, что государство постепенно теряло интерес к внешним связям Церкви и всё менее нуждалось в ней как инструменте внешней политики.

Новое усиление внешнеполитических позиций Русской православной церкви произошло во второй половине 1950-х гг. Данный процесс во многом был связан со сложной международной обстановкой и необходимостью более активного участия Церкви в борьбе за мир и разоружение. Период 1953 – 1962 гг. стал временем, когда противостояние сверхдержав в холодной войне достигло стадии наивысшего развития и едва не привело мир к уничтожению. Пиком новой эскалации напряжённости между СССР и США стал Карибский кризис 1962 г., поставивший мир на грань ядерного уничтожения. Именно в этот сложный период РПЦ активизировала свою деятельность в международном антивоенном движении.

Период конца 1950-х – начала 1960-х гг. стал подлинным прорывом Русской православной церкви на международной арене. В первую очередь это проявилось в активизации международных связей Церкви и её вступлении в международные религиозные организации – Всемирный совет церквей (ВСЦ), Христианскую мирную конференцию (ХМК), Конференцию европейских церквей (КЕЦ).

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. значительно участились поездки представителей РПЦ за рубеж, а также увеличилось количество религиозных делегаций, посещавших СССР. Постепенно контакты Церкви с зарубежными религиозными организациями приобрели регулярный характер. К середине 1970-х гг., согласно документам Совета по делам религий, религиозные организации СССР ежегодно принимали более 100 иностранных делегаций, с которыми проводили «полезную работу в интересах нашего государства, в плане развития сотрудничества в борьбе за мир и укрепление дружбы между народами» [3, л. 1].

На фоне участившихся поездок советских делегаций за границу и поездок зарубежных религиозных деятелей и делегаций в СССР советское руководство стремилось использовать международные контакты религиозных организаций СССР в своих внешнеполитических интересах. Поездки и приглашения зарубежных религиозных деятелей и делегаций могли быть организованы лишь в том случае, если они являются «действительно полезными с точки зрения государственных интересов СССР». Поэтому решение о приглашении религиозных деятелей в СССР осуществлялось исключительно с согласия ЦК КПСС [4, л. 30].

К выезжающим за рубеж в составе различных делегаций советским гражданам (в том числе и религиозным деятелям) требования были ещё жёстче: за границу рекомендавалось отправлять людей политически проверенных, умеющих соблюдать интересы советского государства, хранить государственную тайну и т.д. Выступления, заявления в печати, по радио и по телевидению делегаты могли делать только после предварительного рецензирования соответствующих органов. [4, лл. 29 – 30].

Наряду с миротворческой деятельностью, советское руководство важную роль отводило Русской православной церкви в формировании за рубежом общественного мнения о существовании в Советском Союзе подлинной свободы совести и отсутствии религиозных гонений. Представители РПЦ в своих выступлениях опровергали сообщения западных СМИ о нарушении свободы совести и давлении на религиозные организации в СССР. При этом в своих выступлениях они подчёркивали поддержку Церковью процесса строительства в Советском Союзе коммунистического общества и союза верующих и неверующих в деле борьбы за мир. Совет в своих документах не раз подчёркивал, что Московская патриархия «проводит большую международную работу в защиту мира и по разоблачению клеветнических измышлений за рубежом о положении религии и церкви в СССР» [3, л. 35].

При этом Церковь жёстко отвечала не только на обвинения западных СМИ, но и на выступления церковных диссидентов, остро критиковавших её за сотрудничество с атеистическим государством и просоветскую деятельность. По словам В.А. Федотова «В конфликте между религиозными диссидентами и представителями государственных структур Церковь, в лице иерархов, занимала позицию государства, в первую очередь, потому что официальная поддержка диссидентов могла навлечь на Церковь новые гонения» [5, с. 6].

Ещё одной особенностью международной деятельности РПЦ во второй половине XX в. было то, что, несмотря на призывы к всеобщему миру, разоружению и недопущению военных конфликтов она вынуждена была чётко расставлять ак-

центы в своих оценках международной ситуации. В условиях холодной войны Церковь остро критиковала любые военные конфликты, начатые по инициативе западных стран, и, в то же время, оправдывала военные акции СССР и его союзников (вторжение в Венгрию в 1956 г., военное вмешательство в Чехословакию в 1968 г., вторжение советских войск в Афганистан в 1979 г. и т.д.).

Американский историк В. Флетчер отмечал, что «проблема мира как таковая во многих аспектах представляла собой идеальную сферу для сотрудничества между Церковью и государством потому что здесь существовала большая возможность, оправдать христианскую заинтересованность и христианское участие в деятельности, инициатива в осуществлении которой исходит от нехристианского государства» [6, p. 67].

Тем не менее, миротворческая деятельность РПЦ получила широкую поддержку большинства верующих в СССР. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет вспоминал, что для людей того времени, переживших ужасы Второй мировой войны, желание мира было искренним и всеобщим, поэтому борьба за мир стала именно той деятельностью, которая в Советском Союзе выражала всеобщее чаяние. «Миротворческая деятельность быстро стала идеологическим полигоном власти, но даже при этом она не утратила для людей своего личностного смысла. Слишком дорогой ценой был добыт мир для нашего народа, и по сравнению с пережитым ужасом последней войны все эти идеологические, политические, дипломатические конструкции так и не смогли заслонить пронзительной остроты восприятия мира как величайшего блага. Именно поэтому Русская православная церковь с чистой совестью участвовала во всесоюзном и всемирном миротворческом движении» – вспоминал митрополит Филарет [7].

Таким образом, политика советского государства оказывала существенное влияние на основные направления внешней деятельности Русской православной церкви, в том числе и на миротворческую деятельность Церкви. Наряду с информированием западной общественности о положении религии и церкви в СССР и поддержкой советской внешней политики, борьба Церкви за мир и разоружение рассматривалась руководством СССР в качестве приоритетного направления в её деятельности на международной арене.

1. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, 2010. – 496 с.
2. Чумаченко, Т.В. Московская патриархия в движении сторонников мира: 1949 – 1953 гг. / Т.В. Чумаченко // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. – 2007. – № 1. – С. 118 – 122.
3. Справки и информации и письма, направляемые в ЦК КПСС и Совмин СССР за 1977 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 6991. – Оп. 6. – Д. 1118. – 67 л.
4. Циркулярно-инструктивные письма Совета по делам религиозных культов при СМ СССР и республиканского Уполномоченного Совета при СМ БССР за 1960 г. // Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Фонд 1385. – Оп. 1 а. – Д. 35. – 61 л.
5. Федотов, А.А. Русская Православная Церковь и религиозная интеллигенция в 1970-х – начале 1990-х гг. / А.А. Федотов // Интеллигенция и мир. – 2010. – № 3. – С. 83 – 92.
6. Fletcher, W. Nikolai: portrait of a dilemma / W. Fletcher. – New York: Macmillan, 1968. – 230 p.
7. Интервью митрополита Минского и Слуцкого Филарета для книги «На службе Церкви. К 65-летию Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата» // Официальный сайт Московской патриархии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://www.patriarchia.ru/db/text/1584884.html. – Дата доступа: 25.08.2012.

УПЛЫЎ ПОЛЬШЧЫ НА АДРАДЖЭННЕ КАТАЛІЦКАГА КАСЦЁЛА Ў БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ 1980-х – ПАЧАТКУ 1990-х гг.

І.І. Лубінскі (Мінск)

Каталіцкі Касцёл у Беларусі сёння – адна з найбольш уплывовых арганізацый, якая садзейнічае захаванню традыцый беларускага народа, актыўна узаемадзейнічае з дзяржавай, іншымі рэлігійнымі аб'яднаннямі, грамадскімі арганізацыямі па развіцці духоўнага багацця Беларусі. Таксама прызнаны аўтарытэт Касцёла і на міжнародным узроўні. Але гэта ўсё дасягнута за зусім кароткі адрэзак часу. Крыху больш за 20 гадоў таму назад Касцёл знаходзіўся ў вельмі цяжкім становішчы. Дзесяцігоддзі атэізацыі і пераследу веры вельмі моцна ўдарылі па каталіцтву на беларускіх землях. Перабудова, якая пачалася з сярэдзіны 1980-х гг., адкрыла шлях рэлігійнай свабодзе ў Беларусі. У новых гістарычных умовах усе хрысціянскія цэрквы атрымалі магчымасць дзейнічаць адкрыта. У мінулае паступова адыходзілі дзесяцігоддзі праследванняў і ганенняў за веру, татальнай атэістычнай прапаганды, бессэнсоўнага знішчэння храмаў.

Аднак для адраджэння духоўнага жыцця гэтага было недастаткова. Касцёлу патрэбныя былі як ніколі дзейсная дапамога і падтрымка. У гэтай сітуацыі Польскі Епіскапат адкрыта стаў дапамагаць у адраджэнні Касцёла ў Беларусі.

Пытанні дапамогі Касцёлу ў Беларусі з боку Польшчы падымаліся толькі некаторымі аўтарамі. Многія аспекты такой дапамогі можна знайсці у працах Э.С. Ярмусіка [8, 9], У.М. Завальнюка [3], І.І. Дорняка [2]. Закранаюць гэта пытанне і польскія аўтары [10, 11]. Але яшчэ застаецца шмат праблем. Існуе меркаванне, што падобная дапамога патрэбна для захавання і развіцця "польскасці" ў Касцёле, падтрымкі польскай дыяспары[4, с. 209], ёсць пазіцыя, што польскае ўмяшальніцтва стрымлівала развіццё беларускага аблічча Касцёла [3, с. 45]. Іншыя даследчыкі сцвярджаюць, што без дапамогі з боку Польшчы Каталіцкі Касцёл не дасягнуў так высокіх вынікаў, што, дзякуючы такой падтрымцы, Касцёл стаў адной з найбольш дзейсных арганізацый у Беларусі, аказвае ўплыў на сацыяльна-палітычныя працэсы ў рэспубліцы [7, с. 34]. Часам пазіцыя беларускіх улад, якія падазрона адносяцца да дзейнасці польскіх святароў у Беларусі, прымушае задумацца над значэннем польскай падтрымкі ў аднаўленні каталіцкіх структур у Беларусі.

Польская дапамога Касцёлу ў Беларусі ў савецкі час аказвалася перш за ўсё праз нелегальны ўвоз літаратуры, рэлігійных рэчаў. Пры прасавецкім камуністычным рэжыме ў Польшчы гэту дапамогу маглі аказваць практычна падпольна каталіцкія колы польскага грамадства. Актывізацыя дапамогі і выхад яе на афіцыйны ўзровень адбыліся разам з палітычнымі зменамі канца 1980-х гг. ў самой Польшчы. Актыўную ролю пачалі іграць сродкі масавай інфармацыі. З Польшчы вяліся трансляцыі рэлігійных тэле- і радыёперадач. У Беларусь пачалі завозіць шмат рэлігійнай літаратуры, далей яе прадавалі ў касцёлах і гэта садзейнічала ўмацаванню іх фінансавага становішча. Напрыклад, у 1990 годзе ад шэрагу замежных арганізацый было пастаўлена больш 54 тыс. экзэмпляраў кніг і брашур. Толькі выдавецтва Варшаўскай архідыяцэзіі перадало ў дар біскупу Тадэушу Кандрусевічу 55 тысяч экземпляраў катэхізіса. Агульная колькасць паступлення ў рэспубліку рэлігійнай літаратуры, па некаторых дадзеных, склала за год 157, 5 тыс. экземпляраў на рускай і польскай мовах [8, с. 373].

З лета 1988 г. ў Беларусь пачалі даволі часта наведвацца польскія біскупы. Першым быў ксёндз біскуп Раман Анджэеўскі з Влацлаўка. А ўжо 5 – 6 верасня 1989 г. у шэрагу касцёлаў Гродзеншчыны пабываў Прымас Каталіцкага Касцёла

Польшчы кардынал Юзэф Глемп. У Гродне, Лідзе, Навагрудку яго сустракалі тысячы вернікаў са свечкамі і кветкамі, якімі высцілалі кардыналу дарогу. Кардынал і яго супрацоўнікі раздавалі шмат кніг, ружанцаў, абразікаў. Кардынал у сваіх казаннях звяртаўся да каталікоў, праваслаўных, атэістаў са словамі міру і сяброўства паміж народамі [8, с. 375]. Візіт кардынала Глемпа стаў магутным стымулам для актывізацыі каталіцкага Касцёла, які пацвердзіў імкненне польскага Епіскапата да захаванння і ўзмацнення ўплыву на касцёлы і каталіцкае духавенства Беларусі. Пры ўсім гэтым трэба аднак улічваць час, калі адбываўся візіт Прымаса Польшчы. Захоўвалася атэістычная камуністычная сістэма, якая даволі непрыхільна ставілася да падобных візітаў. Безумоўна, палітыка перабудовы зрабіла больш адкрытым савецкае гармадства. Аднак падобныя спробы аднаўлення рэлігійнага жыцця мелі пэўнае супраціўленне з боку уладаў. Кардынал Юзаф Глемп зрабіў вельмі шмат для Касцёла ў Беларусі, і таму яго візіт выклікаў хвалю незадавальнення з боку ўлад, ў прыватнасці, Камітэта па справах рэлігій. На словы незадавальнення польскай актыўнасцю Юзаф Глемп у прысутнасці кіраўніка Праваслаўнай Царквы Філарэта, які немалым чынам паспрыяў прыезду Прымаса, заявіў, што такія візіты скончацца, калі ў Касцёла ў Беларусі з'явіцца свая структура і свае біскупы [3, с. 42].

А ўжо ў кастрычніку 1989 г. папа Ян Павел II прызначыў ксяндза Тадэвуша Кандрусевіча біскупам і Мінскім Апостальскім Адміністратарам у Беларусі. Аднак пэўны час новы адміністратар павінен быў прабываць у Гродна [5, с. 224]. Новапрызначаны біскуп адразу пачаў арганізоўваць дзейнасць Касцёла ў Беларусі, прызначыў трох вікарыяў, заняўся вяртаннем і аднаўленнем святынь. У 1991 г. адбылася рэарганізацыя дыяцэзіяльных структур Касцёла ў Беларусі. Пазіцыя Рыму была такая, каб аднаўляць старажытныя структуры Касцёла [1, с. 62]. Была створана Мінска-Магілёўская дыяцэзія, аб'яднаная з асобна існаваўшых да савецкага часу, адноўлена Піская і створана Гродзенская дыяцэзіі. З'явіліся і новыя біскупы: Казімір Свёнтэк, які ў 1994 г. стаў першым беларускім кардыналам, Аляксандр Кашкевіч – біскуп гродзенскі і інш. У 1999 г. з Мінска-Магілёўскай вылучылася Віцебская дыяцэзія. Першым біскупам Віцебскім стаў Уладзіслаў Блін. Такі плён развіцця Касцёла у значнай ступені быў дасягнуты дзякуючы дзейнасці Польскага Епіскапата ў Беларусі [7, с. 34].

Для здзяйснення пастырскай дзейнасці з Польшчы была прынята вялікая колькасць ксяндзоў [9, с. 63]. Справа ў тым, што падчас высокіх візітаў біскупаў каталікі Беларусі прасілі прыслаць святароў для дапамогі ў духоўным адраджэнні. У выніку ў 1989 г. ў Маскве паміж прадстаўнікамі Польскага Епіскапата і Савета па справах рэлігій пры СМ СССР адбыліся перамовы, на якіх прынялі рашэнне у якасці пастырскай дапамогі католікам прыняць на часовую працу 50 ксяндзоў з Польшчы [10, s. 36]. Польскія святары прысылаліся і ў далейшым, беларускіх ксяндзоў не хапае да нашага часу.

Асаблівую ўвагу польскіх біскупаў выклікала сітуацыя на Гродзеншчыне, дзе Касцёл меў найбольшую падтрымку насельніцтва, была вялікая польская дыяспара. Мясцовыя органы і апарат упаўнаважанага Савета па справах рэлігій Гродзенскай вобласці не маглі спыніць дзейнасць польскага духавенства. Ішлі просьбы ў Маскву, каб аказалі уплыў на польскі Епіскапат, бо той умешваецца ў справы каталіцкага касцёла Гродзеншчыны [8, с. 377].

Аднак Польскі Епіскапат не страчваў уплыву на развіццё Касцёла ў Беларусі. Тлумачыцца гэта можа тым, што такая падтрымка выклікала таксама і развіццё польскай дыяспары. Ацэньваючы ўклад мясцовых палякаў у захаванне каталіцкіх традыцый, варта адзначыць, што, напрыклад, захаванне касцёлаў у ру-

ках вернікаў і рэлігійнага жыцця мелася перш за ўсё на Гродзеншчыны, дзе доля палякаў паводле савецкіх перапісаў насельніцтва складала больш за 20%. Гэта Гродна, Ліда, Валкавыск, Слонім, раёны вакол гэтых гарадоў [4, с. 209]. Таму Польскі бок адчуваў маральнае права падтрымаць гэтыя польскія абшчыны ў Беларусі праз дапамогу Каталіцкаму Касцёлу. Гэта садзейнічала замацаванню ў свядомасці беларусаў таго, што Касцёл у Беларусі "польскі". Да таго ж прысланыя з Польшчы ксяндзы рэдка ведалі беларускую ці рускую мовы, таму праводзілі набажэнствы, размаўлялі з парафіянамі па-польску [3, с. 45]. Ужо ў незалежнай Беларусі Старшыня Вярхоўнага Савета С.С. Шушкевіч, выказваў непакой з таго, што польская падтрымка садзейнічае таму, што "польскасць" атаясамліваецца з "каталіцкасцю" [6, с. 1].

Вясной 1990 г. было створана Таварыства касцёльнай дапамогі для каталікоў у СССР. Менавіта яно каардынавала прыбыццё святароў у Беларусь, літургічную і катэхетычную даппамогу. Вялікі ўклад у адбудову і рамонт касцёлаў аказвалі польскія прадпрымальнікі [11, s. 54]. Істотнай была дапамога польскага Епіскапата ў падрыхтоўцы кадраў каталіцкага духавенства, асабліва ў адкрытай у 1990 г. Гродзенскай вышэйшай духоўнай семінарыі.

Польскія ўплывы не абмяжоўваліся толькі Касцёлам. Шмат было зроблена для развіцця польскай дыяспары, падтрымання польска-беларускіх культурных сувязяў. У 1990-х гг. на Гродзеншчыне было адкрыта некалькі школ з пераважна польскай мовай навучання, падтрымлівалася дзейнасць Саюза палякаў на Беларусі [2, с.32]. Такая падтрымка садзейнічала і таму, што польская дыяспара актывізавалася, аказвала ўплыў на многія сферы жыцця грамадства, у тым ліку не страчвала сваіх пазіцый у Касцёле, асабліва на Гродзеншчыне. Як вынік, на сённяшні дзень можна бачыць падзел Каталіцкага Касцёла на "Гродзенскі" – польскі і Касцёл на астатняй тэрыторыі Беларусі з пераважна літургічнай беларускай мовай.

З развалам СССР і атрыманнем незалежнасці Беларусі зніклі многія перашкоды, і сувязь Касцёла ў Беларусі і Польшчы паднялася на больш высокі ўзровень. Пакуль цалкам не сфарміравалася і замацавалася структура Каталіцкага Касцёла ў Беларусі, польская дапамога была найважнейшым фактарам, што дапамагаў каталікам адраджаць разбуранае атэізацыяй рэлігійнае жыццё. Аднак далейшае развіццё Каталікага Касцёла ў Беларусі патрабуе таго, каб гэта рэлігійная арганізацыя умацоўвала веру ў беларусаў, абапіраючыся на мясцовыя традыцыі і культуру.

1. Верашчагіна, А.У. Гісторыя канфесій на Беларусі ў другой палове XX стагоддзя / А.У. Верашчагіна. – Мінск: ІСПД, 1999. – 136 с.
2. Дорняк, И.И. Белорусско-польское сотрудничество в области культуры, науки и образования в 1991 – 2004 гг. / И.И Дорняк. // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія. – 2008. – №3. – С. 30 – 35.
3. Завальнюк, У.М. Узняліся крыжы над святынямі / Уладыслаў Завальнюк. – Мінск: Касцёл св. Сымона і св. Алены, 1999. – 203 с.
4. Кручковский, Т.Т. Поляки на Беларуси на фоне истории и современности / Т.Т. Кручковский. – Слоним: ГО-УПП «Слонимская типография», 2003. – 272 с.
5. Роод, В. Рим и Москва в отношениях между Святым Престолом и Россией/Советским Союзом в период от Октябрьской революции 1917 г. до 1 декабря 1989 г. / Вим Роод. – Львів: Монастир монахів Студійського Уставу, 1995. – 279 с.
6. Синякевич, И. Беларусь и Польша подписали договор / И. Синякевич // Независимая газета. – 1992. – 1 июля. – С. 1 – 2.
7. Этноконфессиональные процессы в Беларуси и формирование патриотизма / А.С. Майхрович, В.И. Бовш, Е.С. Прокошина и др. – Минск: Право и экономика, 2004. – 152 с.

8. Ярмусик, Э.С. Католический костёл в Беларуси в 1945 – 1990 годах: монография / Э.С. Ярмусик. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 567 с.
9. Ярмусик, Э.С. Римско-католическая Церковь в Беларуси в период понтификата Иоанна Павла II / Э.С. Ярмусік. // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія. – 2009. – № 1 – 2. – С. 59 – 65.
10. Dzwonkowski Roman SAC, ks. Problemy Kościoła katolickiego obrządku łacińskiego w bylym ZSRR / Roman Dzwonkowski. // Zeszyty Naukowe KUL. Rok 37. – 1994. – № 1 – 2. – S. 35 – 43.
11. Wietrzak Zdzisław Sl, ks. Kościół Katolicki w Europe Środkowo-Wschodniej / Zdzisław Wietrzak. – Kraków: Wydawnictwo WAM Księż Jezuici, 1997. – 250 s.

ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ: МОДЕЛЬ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В XXI ВЕКЕ

В.Г. Циватый (Киев)

На сегодня уже накоплен опыт разработки и осуществления стратегий внешней культурной политики различных государств мирового сообщества, который использует и Украина XXI века. Но этот опыт должен применяться к украинским реалиям и возможным перспективам, только с учетом национальных особенностей, традиций, истории, культурного, политического, социально-экономического развития нашего государства. В результате расширения ЕС Украина оказалась между двумя центрами с неопределенным до конца её собственным статусом и это требует от нас продуманной, взвешенной, прагматической и реалистичной политики в мировом культурно-цивилизационном пространстве XXI века [2; 3; 4].

Новые вызовы времени, проблемы глобализации, интернационализации, институционализации, культурной экспансии, придают особого звучания вопросам использования культурного потенциала в интересах того или иного государства. Понимание этого нашло своё отражение в целом ряде различных документов, принятых многими государствами мира, которые, в целом, можно назвать внешними культурными концепциями государств.

Следует отметить, что обращение к национальной культуре как способу достижения определённых целей – явление не новое в истории внешней политики и дипломатии [6, с. 609 – 619]. Подобные примеры характеризуют каждую историческую эпоху, но только сегодня этот процесс получил возможность официального оформления в виде различных концепций и доктрин, получив статус неотъемлемой составляющей внешней политики государства.

Принципы внешней политики и приоритеты культурной политики Украины определены в Законе Украины «Об основах внутренней и внешней политики Украины» от 1 июля 2010 г. № 2411-VI и в Указе Президента Украины «О культурно-информационном центре в составе зарубежного дипломатического учреждения Украины» от 20 февраля 2006 г. № 142/2006.

Было запланировано открытие 32 культурно-информационных центров в 27 странах мира (Австрия, Бельгия, Беларусь, Болгария, Великобритания, Венгрия, Греция, Грузия, Эстония, Израиль, Италия, Казахстан, Канада, Китай, Молдова, Польша, Португалия, Российская Федерация, Румыния, Словакия, США, Туркменистан, Франция, ФРГ, Чехия, Узбекистан – в составе посольств; в Мюнхене, Нью-Йорке, Стамбуле, Санкт-Петербурге – в составе генеральных консульств).

Сегодня при учреждениях МИД Украины культурно-информационные центры созданы в 22 странах мира, в т.ч. – в 14 странах ЕС, т.е. только лишь в половине государств-членов Евросоюза (Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Греция, Эстония, Испания, Италия, Германия, Польша, Португалия, Румыния, Франция, Чехия). В тоже время деятельность этих центров нацелена преимущественно на украинскую диаспору и удовлетворение их языково-культурных потребностей.

Задачи репрезентации украинской культуры, продвижения позитивного имиджа Украины в странах пребывания фактически выполняются не в полном объёме.

Деятельность культурно-информационных центров (КИЦ) в составе зарубежных дипломатических учреждений отражает основные направления внешней культурной политики Украины. Одним из основных направлений их деятельности является работа по повышению статуса украинского языка в мире, укреплению его позиций как языка мировой культуры.

Целенаправленному развитию культурно-гуманитарных связей Украины с иностранными государствами способствовало создание солидной профильной договорно-правовой базы, которая в настоящее время насчитывает более 300 межправительственных и межведомственных договоров, соглашений, протоколов и программ в области культуры, образования и науки.

За годы независимости (1991 – 2013 гг.) Украина накопила богатый собственный опыт и потенциал для дальнейшего развития культурно-гуманитарного сотрудничества во всех регионах мира. Особого внимания заслуживает деятельность культурно-информационных центров в составе зарубежных дипломатических учреждений Украины, их практический опыт, принципы и формы деятельности, стратегии и перспективы дальнейшего развития, в частности – по вопросу об использования культуры в качестве инструмента внешней политики. Деятельность культурно-информационных центров в составе зарубежных дипломатических учреждений отражает основные направления внешней культурной политики Украины. Несмотря на особенности реализуемых ими программ и специфику стран пребывания, в их деятельности можно выделить много общего, прежде всего соединение двух важнейших компонентов – образовательного и культурного, что реально даёт возможность глубоко понять духовное развитие общества.

Важную роль в этом направлении выполняет МИД и Министерство культуры Украины. Их основные задачи в области внешних культурных отношений состоят в осуществлении (через систему институций) информационных, культурных, образовательных и гуманитарных связей Украины с другими государствами, а также – в содействии работе неправительственных организаций в этой области, в распространении украинского языка и украинской культуры.

Таким образом, культурно-информационные центры осуществляют активную деятельность по формированию объективного представления и информации о современной Украине, её экономическом, образовательном и духовном потенциале, о проводимых реформах и внешнеполитическом курсе государства, содействуют установлению прочных гуманитарных, научных, культурных связей с иностранными партнерами на основе взаимовыгодного сотрудничества.

Для реализации поставленных задач в сфере внешней культурной политики МИД Украины регулярно инициирует обсуждение вопросов о сотрудничестве в области культуры, образования и науки во время визитов высших должностных лиц государства, активно способствует проведению в десятках стран по всему миру различных международных культурно-образовательных мероприятий, как например, дни культуры, фестивали искусств, художественные выставки и концерты. Многочисленные выступления украинских исполнителей и коллективов, выставки произведений из собраний ведущих музеев Украины, экспозиции украинских художников способствуют укреплению международного авторитета Украины, предоставляют возможность зарубежной общественности познакомиться с культурными и художественными достижениями нашего государства, убедиться в том, что Украина является органической частью мирового культурного сообщества с его богатыми историческими, культурными и духовными традициями [1].

Приоритетами концептуализации и институционализации внешней политики в области культуры в целом на перспективу должны остаться: внимание к культуре как неотъемлемой части социально-экономического развития Украины; многоканальное финансирование культурных мероприятий и развитие финансовых и налоговых механизмов для стимулирования развития индустрии культуры; осуществление программного обеспечения финансирования культуры; разработка средне- и долгосрочных программ в области культуры; согласование определений понятия культуры как основы культурной политики; разработка и принятие нового основного закона о культуре; балансировка культурного развития с экономическим ростом; разработка долгосрочных программ международного, культурного, образовательного и гуманитарного сотрудничества.

Значительная роль во внешней культурной политике принадлежит деятельности сети культурно-информационных центров в составе иностранных дипломатических учреждений Украины [5, с. 70 – 83; 7, с. 52 – 56]. Компаративный анализ практического опыта работы культурно-информационных центров от момента их создания и до настоящего времени, свидетельствует в целом о достаточно высокой результативности и эффективности их деятельности.

Таким образом, следует отметить, что культурно-информационные центры Украины являются главными институциональными элементами формирующейся системы внешней культурной политики Украины и средством ведения постоянного международного диалога. Вся деятельность культурно-информационных центров, в конечном итоге, должна быть направлена на формирование благоприятного внешнеполитического имиджа и престижа Украины. Главная задача внешней культурной политики Украины начала XXI века – это разработка и реализация её новой стратегии. Поэтому важно изучить мировой и европейский опыт в этой сфере, проанализировать плюсы и минусы в их работе, чтобы достичь большей эффективности украинской системы культурно-информационных центров, а также учесть двадцатилетний опыт внешней культурной политики Украины, её традиции, достижения, проблемы, стратегию развития и перспективы.

Современная культурная политика Украины выступает концептуально оформленной совокупностью научно обоснованных взглядов и принципов, соответствующих определённым ценностно-смысловым основаниям, целям и приоритетам. Но при этом следует подчеркнуть, что между теоретическими моделями и практическими возможностями их реализации на практике существует «разрыв», что серьёзным образом сказывается на динамике социокультурных процессов в украинском обществе.

1. Архив Министерства иностранных дел Украины. – Департамент по связям с заграничным украинством и культурно-гуманитарного сотрудничества. – 2006 – 2013 гг.
2. Зеленцова, Е. Культурная политика и экономика культуры. Тезисы для сборки региональных стратегий / Е. Зеленцова, Е. Мельвиль. – М.: «ПИК ВИНИТИ», 2010. – 96 с.
3. Культурная политика в Европе. Выбор стратегии и ориентиры. Сборник материалов / Министерство культуры Российской Федерации. Российская национальная библиотека; Сост. Е.И. Кузьмин, В.Р. Фирсов. – М.: Либерия, 2002. – 240 с.
4. Культурно-цивілізаційний простір Європи і Україна: особливості становлення та сучасні тенденції розвитку / ІЄД НАНУ; За ред. А.І. Кудряченка. – К., 2010. – 405 с.
5. Ціватий, В.Г. Зовнішня культурна політика України (1991 – 2011 рр.): форми, принципи, стратегії розвитку / В.Г. Ціватий // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки: Збірник наукових праць / Інститут історії НАН України. – К., 2011. – Випуск 20. – С. 70 – 83.
6. Ціватий, В.Г. Інституціонально-історичні особливості європейської регіональної політики / В.Г. Ціватий // Науковий вісник Дипломатичної академії України. – К., 2009. – Вип. 15. – С. 609 – 619.
7. Ціватий, В.Г. Історичні традиції, здобутки, пріоритети та перспективи зовнішньої культурної політики: іституціональний аспект / В.Г. Ціватий // Зовнішні справи. – 2011. – № 9. – С. 52 – 56.

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ В СТРАНАХ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ (1990-е – 2000-е гг.)

Е.А. Шимкевич (Запорожье)

В основе локальных современных конфликтов лежит целый комплекс факторов, ведущую роль среди которых играет религия, являющаяся причиной активизации межэтнической борьбы, ее эскалации и обострения. Кроме того, конфессиональный фактор часто становится катализатором социальных и политических кризисов внутри государств; мешает быстрому урегулированию конфликтов, что приводит к их интернационализации и продолжительности. В странах бывшей Югославии в 1990-е – 2000-е гг. религиозный фактор был одной из причин межэтнических конфликтов, этноконфессиональной нетерпимости, совершения массовых военных преступлений и нарушений прав человека. В постсоветских и зарубежных работах, посвященных югославской проблематике, исследователи не отделяют религиозный фактор от этнического[1 – 2; 4 – 7; 10 – 12]. Многие авторы считают их фундаментом зарождения «балканского кризиса» 1990-х – 2000-х гг., причиной всплеска национализма в бывших югославских республиках и распада федерации. В частности, болгарская исследовательница К. Бенчева [1], украинские исследователи Р. Биркович [2] и А. Маначинский [6], российские – Ю. Иванова [4] и М. Мартынова [7] акцентировали внимание на том, что этнические различия стали одними из причин кризиса и оказывали влияние на эскалацию конфликтов в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Косово и Македонии. Зарубежные ученые – сербский З. Изакович [5], словенские М. Клеменчич и М. Загар [11], хорватский И. Банац [10], американський Ф. Синглетон [12] очень подробно изучали этнорелигиозный фактор в историческом развитии южнославянских народов, которые после Первой мировой войны вошли в состав Югославии. При этом авторы считали, что истоки противоречий как в этнической, так и в религиозной сферах были сформированы еще до прихода турков на Балканы. Их появление и обращение населения региона в ислам только закрепили и углибили существующие различия. Таким образом, религия играла ведущую роль в историческом развитии боснийцев, македонцев, сербов, словенцев, хорватов, черногорцев, начиная с принятия ими христианства в IX – XI вв. Поэтому данный фактор можно рассматривать отдельно, учитывая его тесную взаимосвязь с целым комплексом других факторов – этническим, политическим, социальным, культурным.

В течении IX – XIV вв. в регионе Западных Балкан были заложены основы современной конфессиональной структуры населения. Значительное влияние на ее формирование оказали принятие христианства боснийцами, македонцами, сербами, словенцами, хорватами и черногорцами, их деление на католиков и православных, насильственная исламизация, распространение еретических учений [8, с. 303]. В результате были закреплены различия между населением региона, а этническая идентификация происходила на основе религиозной. Кроме того, религия определила появление отличительных черт в формировании языков народов бывшей Югославии. Так католики, к которым себя относили словенцы и хорваты, использовали латиницу; православные – македонцы, сербы, черногорцы – использовали кирилличный алфавит; мусульмане – боснийцы – выработали свой язык на основе латинского алфавита. После Второй мировой войны правительство югославской федерации во главе с И.Б. Тито с целью формирования единого югославского народа, пытались создать искусственный сербскохорватский язык [7, с. 45]. Данные попытки привели к обострению в этнических отношениях между

боснийцами, македонцами, сербами, словенцами, хорватами, черногорцами в республиках федерации.

Комплекс указанных факторов стал основой возникновения межэтнической неприязни и одной из причин зарождения «балканского кризиса» 1990-х – 2000-х гг. [5; 6; 10; 11; 12]. В его ходе лидеры воюющих сторон активно использовали исторически сложившиеся на религиозной основе различия между народами для мобилизации той или иной этнической группы. Существующие различия и противоречия были одним из способов психологического давления и манипуляции для реализации политических планов [9]. Методами их достижения была политика «этнических чисток», массовых убийств, организация концлагерей.

ЕС, НАТО, ООН предпринимали попытки урегулировать межэтнические конфликты. Но дипломатические усилия ЕС и ООН, военные кампании НАТО не учитывали сложность религиозной ситуации в республиках бывшей Югославии. Происходила эскалация кризиса, его обострение и углубление из-за совершения массовых военных преступлений, активного вмешательства иностранных государств, игнорирования внутренних проблем в странах бывшей Югославии.

В периоды послевоенного восстановления международные организации не смогли остановить столкновения на религиозной основе между различными этническими группами. Чаще всего стычки происходили при организованном или самовольном возвращении беженцев, во время ознакомительных визитов на места бывшего проживания, посещения могил родных и святынь своего вероисповедания [3]. Подобные поездки осуществлялись под эгидой миротворческих сил НАТО и ООН, но даже это не гарантировало переселенцам безопасное возвращение и мирную адаптацию к послевоенной жизни.

Наиболее радикальными проявлениями межрелигиозной нетерпимости после окончания массовых конфликтов были убийства, локальные вооруженные нападения на представителей той или иной конфессиональной группы, поджоги домов, хозяйственных построек и транспортных средств [3; 9]. Международные организации, их специализированные учреждения, миротворческие и полицейские батальоны не были способны полностью ликвидировать проявления конфессиональной нетерпимости и остановить преступления, совершаемые на ее основе.

Религиозный фактор значительно замедлял процессы мирной интеграции в странах бывшей югославской федерации и возвращение гражданского населения к мирной жизни. В частности, религиозные противоречия мешали сотрудникам волонтерских и международных групп восстанавливать культурные, культовые и религиозные объекты. Кроме того, конфессиональные разногласия препятствовали проведению расследований военных преступлений, наказанию подозреваемых в их совершении; возвращению беженцев и перемещенных лиц; решению имущественных и внутриполитических проблем.

Таким образом, религиозный аспект во время межэтнических конфликтов 1990-х – 2000-х гг. выступил самостоятельным фактором, который оказывал значительное влияние на процессы их эскалации и урегулирования. Это было вызвано тем, что существующие между народами бывшей Югославии конфессиональные противоречия имели сложные исторические истоки формирования. Успешное и умелое использование различий со стороны правящих элит привело к совершению военных преступлений, к всплескам национализма и шовинизма, влиянию противоречий на эффективность работы международных организаций.

1. Бенчева, К. Роль этнорелигиозных противоречий в Боснийском кризисе в 90-е гг. XX в. / К. Бенчева // Белорусский журнал международного права и международных отношений [Элек-

тронный ресурс]. – 1999. – № 4. – Режим доступа: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=202&Itemid=49. – Дата доступа: 25.10.2010.
2. Біркович, Р.В. Ісламський чинник у міжнародних відносинах на Балканах: Дис. канд. іст. наук: 23.00.04 – політичні проблеми міжнародних систем та глобального розвитку / Р.В. Біркович; Київський національний університет ім. Т. Шевченка. – К., 2005. – 266 с.
3. Доклады Генерального секретаря ООН 1982 – 2013 // ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/sc/ documents/sgreports/. – Дата доступа: 10.12.2012.
4. Иванова, Ю.И. Косовский кризис: этнические аспекты проблемы / Ю.И. Иванова // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / Институт этнологии и антропологии РАН. – 1999. – № 28. – 19 с.
5. Изакович, З. Политические и этнорелигиозные аспекты югославского конфликта / З. Изакович // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 71 – 77.
6. Маначинский, А.Я. Югославия: приговор вынесен / А.Я. Маначинский. – К.: Изд. дом «Румб», 2005. – 288 с.
7. Мартынова, М.Ю. Балканський кризис: народы и политика / М.Ю. Мартынова. – М.: Старый сад, 1998. – 441 с.
8. Шимкевич, К.О. Історичні витоки сучасних етнорелігійних проблем у республіках колишньої Югославії / К.О. Шимкевич // Актуальні проблеми міжнародних відносин і зовнішньої політики країн світу: матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., Луцьк, 13 – 14 жовт. 2011 р. / за ред. В.Й. Лажніка та С.В. Федонюка. – Луцьк: Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2011. – С. 303 – 305.
9. Annual Reports 1994 – 2012 // The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia [Electronic resource]. – Access mode: http://www.icty.org/tabs/14/1. – Date of access: 12.12.2012.
10. Banac, I. The national question in Yugoslavia. Origins, History, Politics / Ivo Banac. – Ithaca; London: Cornell University Press, 1988. – 452 p.
11. Klemencic, M. The former Yugoslavia's diverse peoples: a reference sourcebook / M. Klemencic, M. Zagar. – Santa Barbara, CA, Derver, CO and Oxford; ABC – Clio, 2004. – 426 p.
12. Singleton, F. A short history of the Yugoslav peoples / F. Singleton. – U.K.: Cambridge University Press, 1985. – 309 p.

КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЮНЕСКО И БЕЛАРУСИ

И.В. Протченко (Минск)

ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) была создана в 1945 г., и основная её цель заключается в содействии укреплению мира и безопасности путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки, культуры и коммуникации. В настоящее время членами организации являются 195 государств [1]. Беларусь состоит в ЮНЕСКО с 12 мая 1954 г. и все это время сотрудничает с организацией по всем направлениям ее деятельности. Для БССР ЮНЕСКО являлась трибуной для распространения информации о республике и одним из немногих каналов ее участия в международной жизни. После того, как в 1990 г. Верховный Совет БССР принял Декларацию о государственном суверенитете, сотрудничество Беларуси и ЮНЕСКО приобрело более практический характер. Взаимодействие с ЮНЕСКО открыло перед учреждениями науки, культуры и образования нашей страны возможность международного интеллектуального обмена для привлечения мирового опыта, информационных ресурсов, технической и другой помощи.

С первых лет своего существования ЮНЕСКО предоставляла финансовую и экспертную помощь государствам-членам. Бюджет ЮНЕСКО включает два вида средств: 1) регулярный бюджет, который формируется из обязательных взносов государств-членов, размер которых устанавливаются на Генеральной конференции по соответствующей шкале и зависит от уровня экономического развития страны; 2) внебюджетные средства, поступающие от различных организаций (Всемирный банк, ПРООН, ЮНФПА, ЮНЕП и др.), а также от добровольных жертвователей и целевых фондов [2, с. 81 – 89]. При рассмотрении вопросов о

выделении финансовой помощи ЮНЕСКО особое значение имеет своевременная уплата взносов и отсутствие задолженности страны в бюджет этой организации.

Координирует сотрудничество с ЮНЕСКО межведомственная Национальная комиссия Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО (НК РБ). НК РБ осуществляет связь между правительством Беларуси и ЮНЕСКО, информирует организацию о потребностях и приоритетах Беларуси в области образования, науки и культуры, оказывает консультативное, информационное и культурное содействие органам государственного управления, министерствам и ведомствам, государственным и общественным организациям республики, которые работают в сфере образования, науки, культуры и коммуникации. Комиссия руководствуется национальным законодательством Беларуси, уставом и документами ЮНЕСКО, уставом Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО, принятым в 1993 г., Положением о Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО, принятым постановлением Совета Министров Республики Беларусь 17 сентября 1997 г. [5]. Состав Национальной комиссии утвержден постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 января 2006 г. №25 (в редакции 17.10.2009 № 1347). Председателем комиссии в настоящее время является В.Г. Счастный [3, с. 8; 7].

Основные направления деятельности ЮНЕСКО представлены в пяти программных секторах: образование, естественные науки, социальные и гуманитарные науки, культура, коммуникация и информация. В данной статье рассматривается культурное сотрудничество Республики Беларусь с ЮНЕСКО.

Основой работы ЮНЕСКО в области культуры является содействие культурному разнообразию, основанное на человеческих взаимоотношениях. В 1972 г. в рамках ЮНЕСКО была принята Конвенция по охране всемирного культурного и природного наследия [13]. БССР присоединилась к Конвенции в октябре 1988 г. [4]. Согласно положениям Конвенции, страны-участницы совместно отвечают за ту часть культурного и природного наследия, которая по мнению международной общественности имеет особую универсальную ценность. Также Конвенция призвана дополнять, подкреплять и стимулировать национальные инициативы.

Сегодня в Список всемирного наследия включено более 800 объектов. Наличие в нём памятников той или иной страны способствует её международному престижу и привлекает туристов, что является экономически выгодным. Это способствует достижению основной цели Конвенции – осознанию ценности наследия на местном, национальном и международном уровнях, воспитанию населения на идеях охраны окружающей среды и уважения к культурному наследию. Трансграничные объекты способствуют расширению сотрудничества между странами, обмену информацией в области культуры и экологии; а также распространению знаний в деле сохранения памятников. В настоящее время в Список всемирного наследия включены четыре объекта, находящиеся на территории Беларуси. Первым из них в 1992 г. стал Национальный парк «Беловежская пуща» (совместно с Польшей – объект природного наследия). В 2000 г. в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО вошел построенный в начале XVI века замковый комплекс «Мир». В 2005 г. еще два объекта Беларуси пополнили Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Это «Архитектурно-культурный комплекс резиденции Радзивиллов в Несвеже» и пункты геодезической Дуги Струве [4].

В ходе визита генерального директора ЮНЕСКО К. Мацууры в 2002 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между Правительством Беларуси и ЮНЕСКО. В 2008 г. досье на четыре белорусских объекта – «Деревянное зодчества Белорусского Полесья», «Культовые сооружения оборонного типа» в деревнях Сынковичи, Камаи и Мурованка, «Фортификационные сооружения Брестской

крепости» и Гомельский дворцово-парковый ансамбль – было передано в Центр всемирного наследия ЮНЕСКО [8]. В настоящее время ведется работа над досье «Августовский канал – наследие человека и природы» и «Материальное воплощение духовного наследия Ефросиньи Полоцкой».

ЮНЕСКО не ограничивается охраной памятников культуры и природных ценностей. В 2003 г. Беларусь присоединилась к Конвенции об охране нематериального культурного наследия [9]. Различные формы нематериального культурного наследия: фестивали, обряды, песенное творчество и др. – составляют огромное национальное богатство. У нас немало сделано в этом направлении. В законодательные акты введено само понятие «нематериальное культурное наследие», несколько его объектов внесено в государственный список историко-культурного наследия. Подтверждением авторитета нашей страны в этой области является ее членство в Международном комитете по охране нематериального культурного наследия [3]. Благодаря финансированию ЮНЕСКО проделана огромная работа по возвращению культурных ценностей с помощью применения новейших информационных технологий: издан Лексический атлас белорусских диалектных наречий, в электронном виде возвращен архив М.К. Огинского, выпущены диск «Музыка Беларуси XIX столетия» и коллекция «Музыка Беларуси XX столетия» (состоит из 7 компакт-дисков), проведена оцифровка партизанской печати периода ВОВ, осуществлен проект перевода на электронную основу видеозаписей белорусских народных танцев, сделанных в 1980-х гг., заканчивается создание каталога для последующей виртуальной реконструкции библиотеки Хрептовичей [3], проведено изучение традиционного белорусского костюма и орнамента в Чернобыльской зоне [8]. Создан Международный совет по проекту виртуальной реконструкции документального наследия и библиотеки Радзивиллов. В замковом комплексе в Несвиже работает информационно-образовательный терминал, где представлена информация о Несвиже и культурном наследии династии Радзивиллов.

Комитетом по охране нематериального культурного наследия принято решение о включении обряда «Калядные цари» в Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране, что предполагает оказание содействия, в том числе и финансового, по сохранению данного обряда [10].

Впереди еще много работы. Необходимо создать реестр элементов национальной культуры и ее носителей, механизм сохранения нематериального культурного наследия на всех уровнях, обеспечить подготовку на должном уровне специалистов в этой области и добиться не архивизации, а сохранения в реальной жизни национального нематериального наследия [3].

Несмотря на то, что приведенный перечень мероприятий не является исчерпывающим, он убедительно доказывает, что Республика Беларусь предпринимает много усилий по реализации политики ЮНЕСКО. Потенциал и перспективы развития международного культурного сотрудничества Беларуси с ЮНЕСКО весьма значительны. Участие нашей страны в программах и инициативах данной организации несомненно способствует устойчивому развитию государства, еще большей его интеграции в систему общеевропейских и общемировых ценностей.

1. Member States // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=11170&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html. – Дата доступа: 25.02.2013.
2. Бородько, М.В. ЮНЕСКО: история создания и современная структура / М.В. Бородько // Педагогика. – 2000. – № 2. – С. 81 – 89.
3. В. Счастный: «ЮНЕСКО уделяет должное внимание национальным интересам» // Бюллетень ООН. – 2009. – № 4. – С. 8 – 9.

4. Всемирное наследие ЮНЕСКО в Беларуси // Официальный сайт Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belarus.by/ru/travel/heritage. – Дата доступа: 21.02.2013.
5. Национальная комиссия Беларуси по делам ЮНЕСКО создана 15 октября 1956 года // Белорусское телеграфное агентство «Новости БЕЛАРУСИ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Natsionalnaja-komissija-Belarusi-po-delam-JuNESKO-sozdana-15-oktjabrja-1956-goda_i_577642.html. – Дата доступа: 22.02.2013.
6. Образование // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=11170&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html. – Дата доступа: 25.02.2013.
7. Общая информация. Кафедры ЮНЕСКО Беларуси // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by/unescochairs/kafedra.asp? idf=7. – Дата доступа: 22.02.2013.
8. Снапковский, В. Международное культурное сотрудничество Республики Беларусь (1991 – 2011 гг.) / В. Снапковский, О. Лазоркина // Журнал международного права и международных отношений [Электронный ресурс]. – 2011. – № 4. – Режим доступа: http://evolutio.info/content/view/1889/232/. – Дата доступа: 3.03. 2013.
9. ЮНЕСКО // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov. by/mulateral/organization/list/ecd8ae0f4460 b6f7.html. – Дата доступа: 25.02.2013.
10. ЮНЕСКО // Национальный полоцкий историко-культурный музей-заповедник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. polotskmuzey.vitebsk.by/ru/unesko/unesko.htm. – Дата доступа: 21.02. 2013.
11. ЮНЕСКО и Беларусь: 55 лет успешного сотрудничества // Бюллетень ООН. – 2009. – № 4. – С. 6 – 7.
12. ЮНЕСКО и Беларусь: вехи сотрудничества // Национальная библиотека Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.nlb.by/portal/page/portal/index/detailed_news?param0=12979&lang=ru&rubricId=894. – Дата доступа: 21.02.2013.
13. Конвенция по охране всемирного культурного и природного наследия [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf. – Дата доступа: 28.02.2013.

Р А З Д Е Л 8
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВО. ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ. СМИ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА. ДИАСПОРЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

НАЧАЛО «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В БССР (КОНЕЦ 1940-х – НАЧАЛО 1950-х гг.)

Г.Н. Яковлева (Витебск)

В годы Второй мировой войны окрепли не только военные контакты союзников, но ожили и международные связи – как культурные, так и научные; хлынувшие во все кинозалы страны трофейные киноленты погружали изможденного тяготами военных лет зрителя в пучину страстей совершенно забытой, а для многих и неведомой заграничной жизни. Национальная гордость вздымается на невиданные высоты. Наконец-то страна победившего пролетариата не против всех, а вместе со всеми. В обществе сохранялись надежды на сотрудничество и в послевоенный период. Однако конфликт интересов СССР и Запада, который с разгромом нацизма только нарастал, а также взаимное недоверие привели к «холодной войне» и взаимному восприятию через призму врага [1].

В течение двух лет после войны еще действовали факторы, которые тормозили конфликты между сверхдержавами. Сначала народы держав-победительниц были благожелательно настроены друг к другу. В США первое время после войны еще сохраняли посты дипломаты из администрации Ф. Рузвельта, настроенные на урегулирование конфликтов. До середины 1947 г. шла выработка основных положений политики США по отношению к западноевропейским странам, что создавало ситуацию неопределенности и в отношении СССР. В Советском Союзе тоже сначала всячески подчеркивали необходимость сотрудничества, и критика Запада если и была, то носила абстрактный характер. Объектом критики не выступали первые лица страны или её государственный строй. Вплоть до 1947 г. советское руководство стремилось укрепить свои позиции в странах Восточной Европы через коммунистическое большинство в парламентах и правительствах. Это было необходимо для того, чтобы никто не обвинил СССР в нарушениях основополагающих решений Ялты и Потсдама о проведении свободных выборов на временно оккупированных европейских странах. Однако постепенно стало наблюдаться нарастание противоречий. Произвольная трактовка прежних договоренностей двумя сторонами неуклонно вела к нарастанию негативного восприятия друг друга. Кризис отношений двух сверхдержав на международной арене стал всё более влиять на внутриполитическую ситуацию внутри как СССР, так и США.

Началась борьба за мировое господство, почти на полвека разделившая мир на два лагеря. Выяснилось, что демобилизация – не окончание войны, а конверсия предприятий – не конверсия политики. Новая война стала реальностью; но велась она не бомбами – линия фронта биполярного мира второй половины XX в. удерживалась другим оружием, которое, как и свою атомную бомбу, нужно было выковать как можно быстрее. Речь об идеологии, которую требовалось привести в боевую готовность. Сердцевиной, вокруг которой строилась вся идеологическая работа послевоенных лет СССР, стал советский патриотизм и борьба против пережитков буржуазной идеологии в жизни советских людей. Начиналось противо-

поставление советского и иностранного, появлялись очевидные тенденции к формированию «образа врага». Наглядно это проявилось и в сфере культуры. Рассмотрим, как эти процессы проявлялись на локальном уровне.

Решающую роль в донесении нужной информации, правильных трактовок происходящих в мире и стране событий, играла печать – «самое острое орудие большевистской партии». Агрессивность антизападной риторики в центральных, республиканских и местных газетах нарастала по мере ухудшения отношений СССР и США. Так, в публикациях конца 1945 – начала 1946 г. её было ещё немного. В статье «За высокую идейность белорусского театрального искусства», опубликованной в газете «Советская Белоруссия», говорилось об огромной роли всех театров республики в деле коммунистического воспитания советских людей, в «очищении их от грязи старого общества», формировании коммунистического сознания, способности самоотверженно строить новое светлое будущее. Осуждались безвкусица, безыдейность, пошлость ряда концертов Белгосэстрады, которые не помогали «…большевистскому идейному воспитанию советских людей». Деятелей искусств призывали писать пьесы и ставить спектакли на современные темы, лучше всего отражающие жизнь и трудовой подвиг советских людей [2].

Однако 14 августа 1946 г. было опубликовано постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором зазвучали серьёзные обвинения советских литераторов в низкопоклонстве и преклонении перед мещанской иностранной литературой. Доклад секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова на эту тему был опубликован в главной газете страны. Он обсуждался и разъяснялся всему населению страны, вошел даже в школьную учебную программу и неоднократно переиздавался вплоть до 1952 г. Жданов напомнил писателям, что они стоят на передовой идеологического фронта, у них огромные задачи международного характера, что они должны «наступать на буржуазную культуру, испытывавшую тягчайший кризис и упадок». А 26 августа 1946 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», где уже говорилось о реакционной буржуазной культуре, идеологии и морали. Утверждалось, что в стране ущерб советским пьесам в театрах повсеместно ставились зарубежные пьесы, которые отравляют сознание советских людей и направлены на оживление пережитков капитализма и т.д.

На собрании писателей и критиков Минска 28 августа 1946 г. председатель правления Союза писателей БССР М. Лыньков в своем выступлении сказал, что постановление о журналах имеет отношение и к белорусской литературе, страдающей существенными недостатками. Он отмечал, что многие произведения неглубоко отображали советскую действительность, из – под пера белорусских литераторов иногда появлялись «безыдейные и бездумные произведения». Правда, признавая на словах правильность постановления, участники собрания особой активности в критике собратьев по перу ещё не проявили. В качестве «бездумного произведения» были упомянуты стихи, опубликованные в журнале «Полымя». В них на все лады воспевались «очи», в бездонной глубине которых мечтает «утонуть» их автор [3]. Однако 30 августа была опубликована передовая «Вышэй ідэйны ўзровень работы тэатраў!», где речь шла о засоренности репертуара театров республики пьесами зарубежных авторов, которые по своему содержанию «являются вредными для нашего народа», критиковался ряд советских пьес за их низкий идейный уровень. Примером низкого идейного и художественного уровня были названы некоторые спектакли Белорусского театра музыкальной комедии и «безыдейная и пошлая программа джазоркестра Рознера» [4]. В сентябре того же года ЦК КПБ(б) рассмотрел репертуарный план драматических театров БССР и

признал его неудовлетворительным. Репертуар белорусских театров критиковался за то, что в нем в ущерб советской пьесе большое место занимали спектакли западноевропейских и американских авторов, которые пропагандировали «враждебную советскому зрителю буржуазную идеологию и мораль». ЦК потребовал представить ему на утверждение в октябре текущего года сводный репертуар всех театров республики на 1947 г., обкомам партии и Управлению по делам искусств предписывалось строго и каждодневно контролировать идеологическое содержание театральных постановок и концертно-эстрадных выступлений [5].

Антизападные настроения в вопросах культуры отражали резкое похолодание отношений СССР и США на международной арене. Во многом этому способствовал «план Маршалла». Осенью 1947 г. произошел решительный поворот в советской пропаганде, который ознаменовал начало «холодной войны». Если еще в мае Сталин уважительно отзывался о строе, который выбрал американский народ, то уже в сентябре империализм США и Великобритании был объявлен врагом № 1. Во второй половине 1947 г. в советских средствах массовой информации в разы возросло количество негативных материалов о США и Европе. Советские газеты и журналы высмеивали политических деятелей Запада. Пособниками империализма представали социал-демократы, продажные профсоюзные боссы, деятели культуры. Объектом уничижительной критики стала растленная западная культура. Одновременно проводилась кампания с целью духовной изоляции страны; насаждался великодержавный патриотизм. Значительную часть этой работы выполняли «Литературная газета», «Культура и жизнь», «Правда». Материалы центральной прессы потом перепечатывались на региональном уровне.

В 1947 г. в закрытом письме ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Клюевой и Роскина» говорилось, что «дурная болезнь низкопоклонства перед заграницей может поражать наименее устойчивых представителей нашей интеллигенции, если этой болезни не будет положен предел» [6, с.48]. Пьеса А. Штейна «Закон чести» («Суд чести» в кинематографическом варианте) была рекомендована Политбюро к экранизации в июне 1948 г. Важно было то, что это «фильм о борьбе с проявлениями низкопоклонства перед буржуазной наукой, о воспитании чувства высокого общественного долга, преданности интересам советского государства и о национальном достоинстве советских людей».

В феврале 1948 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба», а в мае отдел культурно-просветительных учреждений Витебского горисполкома провел совещание руководителей кружков художественной самодеятельности города по выполнению решения ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба». «На совещании была подвергнута критике работа отдельных руководителей кружков, их репертуар (Иоффе, Вельтман), даны указания о дальнейшей работе кружков в свете выполнения решения ЦК ВКП(б)» [7, л. 13]. Директор Витебского театра им. Я Коласа Дорский на городской парконференции докладывал, что театр в 1948 г. повернулся к современной тематике, а местные идеологи критиковали гастроли Пензенского ансамбля оперетты за пошлые и грубые жанровобытовые эпизоды в спектаклях, стремление к легкому и внешнему успеху в операттах «Веселая вдова» и «Мадмуазель Нетуш» [8].

Значительную роль в воспитании советского патриотизма и формировании образа врага из бывших союзников играли библиотеки. Типичной становится следующая формулировка в плане работы витебских библиотек: «В основу своей работы библиотека положила пропаганду советского патриотизма, произведений классиков марксизма-ленинизма, пропаганды мичуринской науки, произведений советской художественной литературы, особенно лауреатов Сталинских премий»

[9, л. 44, 50]. В витебской библиотеке им. Пушкина на тему «Советский патриотизм» в феврале 1950 г. было проведено 13 читок, 9 бесед, 1 лекция [9, л. 47об.]. Характерно, что библиотеки области не планировали мероприятий, знакомящих читателей с западноевропейской литературой. Встречались беседы о тяжелой жизни негров в США, в библиотеках вывешивались карты Кореи, отражающие ход войны, планировались лекции и доклады об американском империализме, международному положению и советской внешней политике. Только после смерти Сталина в планах работ детских библиотек появились читки глав из книг В. Гюго, Ч. Диккенса, Сервантеса.

С 1948 г. рефреном газетных передовиц становится тезис: «Реакционный американский империализм сделал космополитизм своим идеологическим знаменем». В сфере культуры начинаются поиски безродных космополитов. На XIX съезде КПБ(б) таковых нашли в Еврейском театре, где в ряде спектаклей «безродный космополитизм соединялся с прямым низкопоклонством перед заграницей», а буржуазная Америка расхваливалась как «обетованная страна». Антипатриотические проявления космополитизма и буржуазного эстетства выявили у литературных и театральных критиков с еврейскими фамилиями.

В августе 1949 г. в Витебске был открыт парк культуры и отдыха им. Фрунзе. В газете «Віцебскі рабочы» появилось письмо «Чыя гэта культура?». Автор писал: «Нашы працоўныя даўно ўжо асудзілі ўсякае пракланенне перад растленнай заходнееўрапейскай культурай, рэшткі якой мы штодзённа выжываем са здаровага совецкага асяроддзя. Нам, совецкім людзям, па праву дазволена ганарыцца нашай, самай перадавой у свеце соцыялістычнай культурай.

Толькі відаць не адчуваюць гэтага гонару добраўпарадкавацелі новага парку. Няма ў іх пачуцця гэтага новага ў запатрабаваннях нашых людзей. Таму на танцпляцоўцы, напрыклад, – гвалтоўная мітусня. Яно і зразумела: пад гукі аркестра тут танцуюць псіхаватую заходнееўрапейскую фокс-лінду. У перапынак аркестроўцаў замяняюць патэфонныя пласцінкі праз радыёўсіліцель – і зноў-жа беснаваты факстрот, танго і т.п. За цэлы вечар – ніводнага рускага бальнага танца! Узнікае пытанне: чыю культуру наладжваюць у парку: нашу айчынную, або гнілую заходнееўрапейскую?» Автор письма требовал от работников культуры «…ўхіліць рэшткі чуждай нам культуры і наладзіць для адпачынку працоўных горада сапраўдны совецкі парадак» [10, л. 3].

Белорусские газеты захлестнула волна публикаций, с одной стороны, прославляющих национальную гордость советских людей, а с другой, клеймящих безродных космополитов, продавшихся тем, кто «размахивает над земным шаром атомной бомбой». В статье о фильме «Суд чести» автор в газете «Віцебскі рабочы» писал, что профессор Добротворский «не зразумеў таго, што совецкая навука заўсёды партыйна і служыць інтарэсам народа і ўсяго працоўнага чалавецтва, тады як рэакцыйная навука, прасякнутая чалавеканенавісніцкай ідэалогіяй, ставіць сабе мэтай заняволіць народы» [11].

Общество пропитывалось духом враждебности, повышенной бдительности и секретности, боязни любого контакта с иностранцами. Можно посочувствовать журналистам того времени, когда фактически любая информация об экономике или обороноспособности страны была государственной тайной. Более того, нельзя было писать о партизанском движении, потерях в годы войны, размерах репараций и т.д. В 1950 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации фактов разглашения государственных тайн в музеях». Была изменена экспозиция в Музее истории Великой Отечественной войны. По представлению цензоров обллита изымались экспозиции в краеведческих музеях Витебска, Орши

и Лепеля. В музее Витебска были изъяты 6 плакатов, где приводились цифровые данные о потерях в живой силе и технике противника за время войны, суммарные данные о захваченных трофеях вооруженными силами СССР [12, л. 60]. В 1951 г. после проверки работы Брестского обллита Главлит БССР указывал, что один из цензоров при первичной проверке постоянной краеведческой выставки в Бресте «…оставил много экспонатов, разглашающих государственную тайну, не были сделаны замечания по поводу политически неправильного оформленного раздела «Партизанская борьба» [13, л. 49]. Дирекция витебского краеведческого музея «была строго предупреждена не вывешивать ни одного экспоната без предварительного просмотра и разрешения обллита» [14, л. 15].

Таким образом, борьба двух сверхдержав на международной арене привела к «похолоданию» и внутри каждой из стран. Деятели искусства оказались втянуты в формирование «образа врага», были свернуты научные и культурные контакты. Процессам духовной изоляции способствовали пропагандисты, журналисты, представители интеллигенции и на местном уровне.

1. Фатеев, А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945 – 1954 гг. / А.В. Фатеев; отв. ред. Н.К. Петрова. – М.: ИРИ РАН 1999. – 261 с.
2. За высокую идейность белорусского театрального искусства // Советская Белоруссия. – 1946. – 6 июля. – С. 3.
3. Собрание писателей и критиков Минска // Советская Белоруссия. – 1946. – 30 авг. – С. 3.
4. Вышэй ідэйны ўзровень работы тэатраў // Звязда. – 1946. – 30 жн. – С. 1.
5. Аб рэпертуарным плане тэатраў БССР // Звязда. – 1946. – 11 вер. – С. 1.
6. Пихоя, Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945 – 1991 / Р.Г. Пихоя. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 684 с.
7. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Фонд 2222. – Оп. 2. – Д. 24.
8. Дарафеенка, Н. Аб гастролях Пензенскага ансамбля аперэты / Н. Дарафеенка, В. Тарубараў // Віцебскі рабочы. – 1949. – 24 ліп. – С. 2.
9. ГАВО. – Фонд 2222. – Оп. 3. – Д. 1.
10. ГАВО. – Фонд 2222. – Оп. 2. – Д. 33.
11. Фейгінзон, С. Суд чэсці / С. Фейгінзон // Віцебскі рабочы. – 1949. – 8 лют. – С. 3.
12. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 2.
13. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 3.
14. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 10.

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ В ЖЕРНОВАХ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ. БРАКИ С ИНОСТРАНЦАМИ В СССР (1940-е – 1950-е гг.)

О.В. Чуракова (Архангельск)

Изменение научных парадигм и антропологический ренессанс гуманитарного знания конца XX – начала XXI в. позволили расширить исследовательский диапазон. Современных ученых интересует мир человека с его заботами и переживаниями, особенностями менталитета, поведенческими стереотипами. Представляется интересным рассмотреть один из сюжетов научного гендерного дискурса: историю борьбы советских женщин за возможность выходить замуж за иностранцев.

Судьба «брачного вопроса» в СССР всегда была неразрывно связана с общеполитическими и социальными процессами в стране и мире. В период господства государственной «этатистско-патерналистский» политики женщины, вступившие в связь с иностранцами, становились заложницами «большой политики». Особенно трагично сложилась судьба большинства из них в эпоху начавшейся после «горячей» Второй мировой «холодной войны». Ситуация осложнялась ещё и тем, что в стране было катастрофическое демографическое положение, и госу-

дарство не могло допустить свободного выезда из страны наиболее перспективной, в плане повышения роста рождаемости, части населения.

Правительство страны Советов в 30 – 50-е гг. XX в. пыталось законодательно регулировать семейную политику. Например, с 1936 по 1955 гг. в стране были запрещены аборты, ужесточились условия развода, была усилена помощь одиноким матерям. Что касается международных контактов, то в период Второй мировой войны и, особенно, в послевоенный период, была принята жесткая установка на идеологическую самоизоляцию граждан СССР. Оберегая советских людей от контактов с иностранцами, власти пытались тем самым исключить любые каналы пропагандистского влияния Запада.

Отсчет начала «холодной войны» сязывают, как правило, с речью У. Черчилля, произнесенной в Фултоне в марте 1946 г. Между тем, несомненные признаки «похолодания» международного климата уже чувствовались в период войны, даже в отношении с союзниками. Поскольку большинству репрессированных в 1930-е гг. инкриминировалась «шпионская деятельность», то дружить с гражданами другой страны («другого мира»!) было крайне опасно. А уж тем более, если дело касалось «личных отношений». За связь с иностранцами женщин исключали из комсомола, партии, института, выгоняли с работы и могли отправить «в места не столь отдаленные». По словам английского капитана Питера Сквайра, с иностранцами у русских «может встречаться либо самоубийца, либо человек, тайно работающий в органах НКВД» [1, с. 248]. Особенно бдительно следили власти за ситуацией в портовых городах, куда в годы войны прибывали тысячи иностранных моряков, доставлявших в СССР грузы по «ленд-лизу». Например, Архангельский и Мурманский интерклубы, бывшие с 1942 г. в ведении Северного бассейнового комитета профсоюза моряков ЦК союза работников морского транспорта, в 1944 г. передали Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей (ВОКС «курировался» НКВД) и Интерклубы сразу стали закрытыми для местного населения учреждениями.

С началом «холодной войны» борьба с «тлетворным влиянием Запада» превратилась в кампанию по «борьбе с антипатриотизмом» («космополитизмом»). В январе 1947 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «О мерах по улучшению центрального вещания» (имелось в виду радио). Это означало не просто ужесточение цензуры, но и изменение в содержании радиовещания. Радиопередачи призваны были убеждать советский народ, что все ценные изобретения и научные достижения человечества появились в России. В марте 1947 г. при министерствах и ведомствах были учреждены «суды чести», обязанные вести «непримиримую борьбу с низкопоклонством и раболепием перед западной культурой». В начале 1947 г. вышел Указа Президиума Верховного Совета СССР о воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами.

Мотив закона был следующий: «в непривычных условиях за границей советские девушки чувствуют себя плохо и подвергаются дискриминации». То есть, следуя патерналистской логике советской политики, государство защищало своих гражданок, по незрелости идейных позиций решивших покинуть родину. На деле же страна решала две проблемы: демографическую и внешнеполитическую.

После войны государство нуждалось в женщинах детородного возраста, но, например, из оккупированных территорий страны многие из них были угнаны на принудительные работы в Германию. Часть из них не собиралось возвращаться на родину, обретя свое женское счастье за рубежом. По подсчетам историка из Файбурга доктора Павла Поляна, подобных «невозвращенок» насчитывалось около 16 тысяч (и примерно столько же было в этих семьях детей). Больше всего девушек осталось в Польше (5957 человек), и меньше в других странах: в Чехосло-

вакии – 1878, во Франции 1200 – 1800 и Голландии 600 – 800 человек. Меньше всего россиянок было в восточной зоне Германии (46, по другим сведениям, 61 человек). В восточной Австрии оставалось 35 советских гражданок, состоящих в браке с немцами или австрийцами [4].

Кроме того, в СССР в это время находилось несколько миллионов пленных немцев и их союзников (итальянцев и др.). Они принимали участие в восстановлении разрушенного хозяйства, изолировать их от местного населения было весьма трудно, а потому возможны были связи россиянок с военнопленными. Необходимо было не допустить их отъезд из СССР. В северных портовых городах после ухода оттуда союзников оставались русские жены иностранных моряков и их дети. Как правило, эти союзы не регистрировались официально, но в СССР законодательно была закреплена практика гражданских браков. Мечтой каждой из них было воссоединиться с мужем на его исторической родине, но вместо дальних берегов большинство из них ждали тюрьмы. Указ от 15 февраля 1947 г. де-факто имел обратную силу и распространялся на тех гражданок, которые вышли замуж еще до его опубликования. За связь с иностранцами было предусмотрено наказание: срок по 58-й статье за «антисоветскую агитацию», под которой подразумевался сам факт заключения брака, сожительства или романа с иностранцем [2].

Не выпускали из страны и советских жен иностранных дипломатов. «Оберегая» гражданок СССР от «притеснений на чужбине», им не выдавали выездных виз. Так, в 1946 г. в британском посольстве в Москве собралось 15 молодых русских женщин, связавших свою судьбу с англичанами. Визы девушкам не давали, а английский посол предложил им развестись с мужьями. Под давлением органов НКВД девушки вынуждены были сделать это. От развода отказалась только Клара Хол. Она не покинула здания посольства и через 18 месяцев всё же получила визу на выезд. Подобная ситуация сложилась с советской невесткой маршала Иосипа Броз Тито (в то время Тито – премьер-министр и министр иностранных дел ДФРЮ) Тамарой Вегер. Тамара вышла за Жарко Броза в конце 1946 года и жила на территории югославского посольства. Несколько месяцев молодожены ожидали визу и только в августе 1947 г. молодой семье разрешили выехать из СССР. Но отец Т. Вегер стал жертвой разлада СССР с Югославией в 1949 г. Он понес наказание за то, что «способствовал браку дочери с сыном фашиста Тито, поддерживал с ней связь и скрывал это от советских и партийных органов». Поскольку Илья Маркович в период конфликта с Тито не хотел отказываться от поездки в Югославию (он собирался навестить дочь) и «не сообщил партийным органам и ЦК ВКП(б) об обстоятельствах, при которых его дочь оказалась изменником Родины, И.М. Вегер был исключен из рядов ВКП(б)» [5, л. 168 – 171].

Пять лет просидела в номере московской гостиницы «Националь» советская гражданка Лидии Лесина, став заложницей дипломатического скандала между СССР и Чили. В декабре 1946 г. Лидия и Альваро Крус Лопес де Эредия – сын посла Республики Чили в СССР доктора Луиса Давида Крус Окампо расписались в одном из московских ЗАГСов, но последовавший в 1947 г. закон о запрещении браков с иностранцами не позволил им выехать из страны. Кроме того, в это время разгорелся дипломатический конфликт между СССР и Чили, правительства отзывали своих представителей. Однако семья Крус не бросила Лидию и в 1953 г., уже после смерти «великого кормчего» и отмены Указа о запрете браков с иностранцами семейная пара Крус-Лесина выехала в Чили.

Справедливости ради стоит отметить, что были и счастливые исходы из страны дипломатических брачных союзов. Но лишь у тех пар, которые успели выехать из СССР до запретительных мер. Так, в ноябре 1945 г. покинули страну

студентка Женя Думнова и ее муж, секретарь уругвайской дипломатической миссии Марио Хаунарена. Захватывающая история жизни Жени и Марио в Уругвае достойна книг и киносценариев [6].

Закон «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами» был отменен 26 ноября 1953 г. Документ, подписанный председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошиловым, предписывал: «Восстановить ст. 5 Закона о гражданстве СССР от 19 августа 1938 года». Тем не менее, бракам советских граждан с иностранцами по-прежнему препятствовали: они не одобрялись общественным мнением, на их пути ставились всевозможные препоны. Репрессии против вступающих в брак с иностранцами чинились, например, во времена «хрущевской оттепели» следующим образом. За роман с иностранцами женщин увольняли с работы и не давали возможности трудоустроиться, а через месяц высылали в отдаленные районы страны как тунеядок. При Брежневе от желающих вступить в брак с иностранцами требовали предъявления разного рода документов, собрать которые было весьма непросто. Регистрировать брак можно было лишь в некоторых ЗАГСах больших городов. Длительное время в РСФСР фактически не допускалось и применение норм иностранного семейного права. Лишь в 1975 г. СССР присоединился к международному договору, обязывающему предоставлять супругам из разных государств место жительства в стране любого из них.

Таким образом, советский закон 1947 г. о запрещении браков с иностранцами является своего рода казусом в мировой практике и достоин изучения юристами и историками международных отношений. «Брачная политика» СССР демонстрирует смену политических и культурных ориентиров в стране на протяжении второй половины XX века, а в отечественной истории дипломатии остается ещё немало лакун, ждущих своего наполнения.

1. Быстрова, И.В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов(1941 – 1945) / И.В. Быстрова. – М.: Российбская политическая энциклопедия(РОССПЭН), 2011. – 438 с.
2. Голубцова, О. Любовь по ленд-лизу / О.А. Голубцова. – Архангельск.: ИПП «Правда Севера», 2007. – 207 с.
3. Материалы по делам о браках между советскими и иностранными гражданами // Советская жизнь, 1945 – 1953 / Сост.: Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая; Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Istituto italiano per studi filosofici (Италия); Ecole des hautes etudes en sciences sociales (Франция) etc. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 688 – 695.
4. Полян, П. Родина или муж? / П. Полян // «Партнер» [Электронный ресурс]. – 2013. – № 2(185). – Режим доступа: http://www.partner-inform.de/partner/detail/2013/2/172/5830. – Дата доступа: 12.03.2013.
5. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 118.
6. Israel, Sergio. Un amor en la guerra fria / Sergio Israel, Y. Dumnova. – Montevideo: Ediciones Trilce, 2004. – 126 p.

РАЗВІЦЦЁ МІЖНАРОДНЫХ КАНТАКТАЎ ЖАНОЧЫХ ГРАМАДСКІХ АБ'ЯДНАННЯЎ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ (1991–2010 гг.)

А.П. Грос (Мінск)

Пазітыўны ўплыў на павышэнне сацыяльнага статусу жанчын аказвае развіццё жаночага руху, умацаванне сацыяльнага партнёрства жаночых грамадскіх арганізацый з урадавымі структурамі, пашырэнне інфармацыйнага абмену і супрацоўніцтва з замежнымі жаночымі арганізацыямі.

Разам з існаваўшай ў савецкі час адзінай жаночай структурай – Беларускім камітэтам савецкіх жанчын, які трансфарміраваўся ў 1991 г. у Беларускі Саюз Жанчын, пачалі ўзнікаць і іншыя жаночыя арганізацыі. Перыядам уздыму жаночага руху ў Беларусі выступае канец 90-х – пачатак 2000-х гг., калі актыўна пачалі

ствараццa адпаведныя арганізацыі ў рэгіёнах. У 2010 г. у Беларусі функцыянавала 31 жаночае грамадскае аб'яднанне [3, с. 62]. Дыяпазон іх дзейнасці надзвычай шырокі: прававая асвета, аказанне сацыяльнай падтрымкі, прафілактыка насілля і гандлю жанчынамі, вырашэнне праблем жанчын, павышэнне іх сацыяльнага статусу, якасці жыцця і здароўя, прафесійнага ўзроўню, павышэнне ролі жанчын у беларускім грамадстве ў цэлым. Да вядучых жаночых арганізацый і рухаў на сучасным этапе адносяцца: Жаночы Хрысціянска-Дэмакратычны Рух (з 1999 г. – Жаночы Незалежны Дэмакратычны Рух), Міжнародны жаночы фонд святой Ефрасінні Полацкай (1993), Беларуская Асацыяцыя Маладых Хрысціянскіх Жанчын (1996), Беларускі жаночы інфармацыйны каардынацыйны цэнтр (1998), Беларуская Жаночая Ліга (1998).

Значны ўплыў на развіццё беларускага жаночага руху аказвае пашырэнне міжнародных кантактаў. Асноўнымі накірункамі такога ўзаемадзеяння ў 1991 – 2010 гг. былі ўдзел у працы міжнародных канферэнцый і семінараў, устанаўленне партнёрскіх адносін з жаночымі арганізацыямі замежных краін, правядзенне міжнародных мерапрыемстваў у Рэспубліцы Беларусь, стварэнне жаночых сетак (Асамблея жаночых няўрадавых арганізацый краін СНД, Карат-Кааліцыя, сетка «Астра») і інш. Стымулам для пашырэння замежных кантактаў жаночых арганізацый рэспублікі з'явілася IV Сусветная канферэнцыя па становішчы жанчын (Пекін, 4 – 15 верасня 1995 г.). На гэтай канферэнцыі Беларусь прадстаўляла афіцыйная дэлегацыя на чале з намеснікам старшыні Кабінета Міністраў В. В. Русакевічам, у склад якой увайшлі прадстаўнікі некалькіх няўрадавых арганізацый (Жаночы Незалежны Дэмакратычны Рух, Беларускі Саюз Жанчын). У выніку ратыфікацыі прынятых на Пекінскай канферэнцыі рашэнняў, Саветам Міністраў у 1996 г. быў зацверджаны Нацыянальны план дзеянняў па паляпшэнні становішча жанчын на 1996-2000 гг. і 19 жніўня 1996 г. прынятая Рэспубліканская праграма «Жанчыны Рэспублікі Беларусь». Пазней была праведзена рэгіянальная канферэнцыя «Пекінскія стратэгіі – беларуская перспектыва», якая пазнаёміла грамадскасць з працай беларускай дэлегацыі на пекінскай канферэнцыі і цыкл семінараў пад той жа назвай, які даў магчымасць вывучыць сітуацыю ў Беларусі ў кантэксце Пекінскай платформы дзеянняў. У 1996-97 гг. былі праведзены 4 семінары з гэтага цыкла: «Жанчына і галеча», «Жанчына і нісілле», «Жанчына і СМІ», «Жанчына на ўзроўні прыняцця рашэнняў» [2, с. 105]. У 1998 г. быў створаны Жаночы Адукацыйна-Кансультацыйны Цэнтр (ЖАКЦ). Пазней у снежні 1999 г. Жаночы Незалежны Дэмакратычны Рух удзельнічаў у рэгіянальнай канферэнцыі краін СНД «Пекін 5: вынікі і перспектывы» (Алматы), у студзені 2000 г. у Еўрапейскай падрыхтоўчай нарадзе «Агляд працэсу Пекін 5» (Жэнева), а ў маі 2000 г. правёў Нацыянальную канферэнцыю ў Мінску па пытаннях становішча жанчын і выканання Пекінскай Платформы дзеянняў у Беларусі [5].

За перыяд 1991 – 2010 гг. жаночыя грамадскія аб'яднанні прынялі ўдзел больш як у 100 розных міжнародных форумах, навукова-практычных канферэнцыях, круглых сталах і семінарах. Найбольш значныя з іх – II Незалежны Жаночы Форум (Дубна, 1992), Сусветны Саміт Жанчын (Тайвань, 1994), Міжнародны Кангрэс «Жанчына – Грамадства – Сям'я» (Мінск, 1994), круглы стол «Інтэграцыя і кантакты: міжнародны жаночы рух і НДА Беларусі» (Мінск, 1996), Першы Усебеларускі жаночы форум: «Жанчыны. Планета. Будучае» (1999), Глабальны Жаночы Саміт «Давос для жанчын» (Каір, 2006) і інш. Асобна патрэбна адзначыць міжнародную навукова-практычная канферэнцыю: «Жанчына. Грамадства. Адукацыя», якая праводзіцца штогод са снежня 1998 г. у Жаночым Інстытуце Энвіла.

Адной з найбольш эфектыўных форм міжнароднага супрацоўніцтва з'яўляецца ўсталяванне партнёрскіх адносін з жаночымі арганізацыямі замежных краін. Так, Беларускі Саюз Жанчын заключыў дамову аб супрацоўніцтве з Саюзам Жанчын Расіі (2000), з Усекітайскай Жаночай Федэрацыяй (2001), з Аб'яднаннем Жанчын Літвы (2002), з Саюзам Жанчын В'етнама (2002), з Усеагульным Сірыйскім Саюзам Жанчын (2005) і Саюзам Жанчын Лівіі (2010) [4]. У лістападзе 1999 г. Жаночы Незалежны Дэмакратычны Рух стаў адным з заснавальнікаў міжнароднай сеткі «Астра», створанай для вырашэння праблем рэпрадуктыўных правоў і здароўя жанчын. У яе ўвайшлі 12 краін Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Акрамя таго ён з'яўляецца заснавальнікам міжнароднай арганізацыі – «Асамблея жаночых грамадскіх аб'яднанняў краін СНД» (2000) з паўнамоцтвамі нацыянальнага каардынатара па Беларусі. У лістападзе 2001 г. ён быў прыняты ў склад міжнароднай сеткавай жаночай арганізацыі «Карат-Кааліцыя» [5].

Умацаванню партнёрскіх адносін і ўзмацненню патэнцыялу жаночых арганізацый Рэспублікі Беларусь спрыялі розныя міжнародныя праекты. 1999 г. – фонд «Еўразія» адобрыў партнерскі праект «Жанчыны Беларусі і Украіны ў барацьбе за свае правы – на шляху станаўлення адкрытага грамадства». З 2004 г. на базе грамадскага аб'яднання Беларуская Асацыяцыя Маладых Хрысціянскіх Жанчын ідзе рэалізацыя ў рамках беларуска-шведскага супрацоўніцтва праекту «Гендэрная роўнасць і праблемы жанчын». Праект «Школа па абмену вопытам паміж асацыяцыямі маладых хрысціянскіх жанчын Беларусі і Украіны» быў рэалізаваны ў 2005 г. У 2007 г. была распрацавана сумесная беларуска-нямецкая праграма «Жанчыны і развіццё».

У 1996 г. Хрысціянскі Дзіцячы Фонд сумесна з ЦГІП і Праграммай развіцця ААН (ПРААН) паклалі пачатак праекту стварэння Цэнтра здароўя жанчын (ЦЗЖ). ЦЗЖ займаецца прапагандай здаровага ладу жыцця, праводзіць гутаркі і дыскусіі па пытаннях планавання сям'і, кантрацэпцыі і інш. Пры Цэнтры была створана бібліятэка па пытаннях жаночага і дзіцячага здароўя. Адным з накірункаў дзейнасці Цэнтра з'яўляецца падтрымка творчых праектаў грамадскіх арганізацый, накіраваных на ахову жаночага і дзіцячага здароўя [1, с. 108].

Са студзеня 2002 г. на базе грамадскага аб'яднання Беларуская Асацыяцыя Маладых Хрысціянскіх Жанчын пачала сваю дзейнасць праграма Ла Страда Беларусь. Асноўная мэта праграмы – прадухіленне гандлю жанчынамі ў краінах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Дзейнасць Праграмы Ла Страда канцэнтруецца на рэалізацыі 3-х мэтаў: 1. прыцягненне ўвагі дзяржаўных органаў, міжнародных арганізацый і грамадскасці да праблемы гандлю жанчынамі; 2. інфармаванне патэнцыйных ахвяр аб небяспеках гандлю жанчынамі; 3. аказанне сацыяльнай, прававой, медыцынскай і псіхалагічнай дапамогі пацярпелым жанчынам і іх сем'ям. У рамках праграмы за 29 месяцаў працы аказана інфармацыйная дапамога 2894 жанчынам па тэлефоне гарачай лініі Ла Страда, а таксама канкрэтная дапамога 44 пацярпелым ад гандлю людзьмі і іх сваякам. Праведзена прэс-канферэнцыя, больш за 50 лекцый у вышэйшых і сярэдне-спецыяльных навуковых установах рэспублікі [2, с. 317]. Вынікі рэалізацыі гэтай праграмы адлюстраваны ў працы Г.В. Цюрына «Вопыт дзейнасці «гарачай» лініі «Ла Страда» па прадухіленні гандлю людзьмі» (Мінск, 2006).

Жаночым рухам і арганізацыям Беларусі аказвае падтрымку ПРААН. Адным з прыкладаў гэтай падтрымкі з'яўляўся праект «Жанчыны ў працэсе развіцця». Яго рэалізацыя пачалася ў маі 1995 г. з правядзення Міжнароднай канферэнцыі «Сацыяльны статус мужчыны і жанчыны: праблемы і перспектывы развіцця», у якой прынялі ўдзел прадстаўнікі 9 краін СНД і далёкага замежжа.

Другім этапам гэтага праекта з'явілася стварэнне Цэнтра гендэрнай інфармацыі і палітыкі (ЦГІП) пры аддзеле сям'і і гендэрных праблем Міністэрства сацыяльнай абароны Рэспублікі Беларусь. У адпаведнасці з рэкамендацыямі Пекінскай канферэнцыі супрацоўнікі ЦГІП распрацавалі і ўзгаднілі з усімі зацікаўленымі органамі кіравання Нацыянальны план дзеянняў па паляпшэнні становішча жанчын да 2000 г. [2, с. 107].

У 2005 – 2006 гг. была праведзена гендэрная экспертыза ўсіх праектаў ПРААН Беларусі. Таксама адбыліся некалькі семінараў-трэнінгаў, рабочых сустрэч і прэзентацый, скіраваных на выпрацоўку стратэгіі інтэграцыі гендэрнага падыходу ў працу офіса ПРААН у Беларусі. У працэссе рэалізацыі дадзенага праекта эксперты ПРААН актыўна супрацоўнічалі з аддзелам народанасельніцтва, гендэрнай і сямейнай палітыкі Міністэрства працы і сацыяльнай абароны Рэспублікі Беларусь, з Нацыянальным Гендэрным Саветам, а таксама з жаночымі грамадскімі арганізацыямі краіны (Беларусскі Жаночы Саюз, Жаночы Незалежны Дэмакратычны Рух). У выніку была падрыхтавана аналітычная справаздача аб становішчы жанчын у рэспубліцы і створаны інфармацыйны рэсурс па інтэграцыі гендэрнага падыходу (http://un.by/pdf/index.html). Ён дае ўяўленне аб паспяховых практыках інтэграцыі гендэрнай падыходу ў дзейнасць розных праграм, праектаў і арганізацый, стратэгіях рашэння гендэрных праблем у розных галінах [6].

Характарызуючы міжнародную дзейнасць жаночых грамадскіх аб'яднанняў Рэспублікі Беларусь у 1991 – 2010 гг., неабходна адзначыць, што падтрыманне і развіццё замежных кантактаў з'яўляецца вельмі важным для беларускага жаночага руху. Гэта тлумачыцца шэрагам прычын. Па-першае, для эфектыўнага вырашэння задач, якія ставіць перад сабой жаночы рух Беларусі, неабходна ўмацаванне партнёрскіх адносін і ўзмацненне патэнцыялу арганізацый праз абмен назапашаным вопытам членамі беларускіх аб'яднанняў і роднаснымі замежнымі арганізацыямі. Па-другое, для рэалізацыі сваіх праектаў жаночым арганізацыям неабходна мець добрую матэрыяльную базу, што па прычыне недахопу ўнутраных рэсурсаў, вымушае іх звяртацца за падтрымкай да міжнародных арганізацый, фондаў.

Падводзячы вынік, можна зрабіць выснову, што ў перыяд 1991 – 2010 гг. жаночыя грамадскія аб'яднанні Рэспублікі Беларусь прымалі актыўны ўдзел ў міжнародным жыцці. Гэта дало магчымасць данесці праблемы жанчын і дзейнасць жаночых грамадскіх аб’яднанняў Рэспублікі Беларусь да сусветнай грамадскасці, заклала асновы супрацоўніцтва з жаночымі арганізацыямі розных краін і рэгіёнаў.

1. Голованов, В.Г. Общественные объединения Беларуси: результаты работы и достижения / В.Г. Голованов, О.Л. Слижевский. – Мозырь: Белый Ветер, 2010. – 498 с.
2. Женщины Беларуси в зеркале эпохи: Национальный отчет / UNDP. – Минск: ЮНИПАК, 1997. – 125 с.
3. Женщины и мужчины Республики Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Пропилеи, 2003. – 206 с.
4. Информационный бюллетень о деятельности ОО «Белорусский союз женщин» // Официальный сайт общественного объединения Белорусский Союз Женщин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oobsg.by/deyat.htm. – Дата доступа: 01.03.2013.
5. Международное сотрудничество // Официальный сайт общественного объединения Женское Независимое Демократическое Движение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://widm.iatp.by/?Mezhdunarodnoe_sotrudnichestvo. – Дата доступа: 03.03.2013.

Сиволобова, Е.А. О консолидации усилий всех ветвей власти, социальных институтов и благотворительных организаций в вопросах укрепления семьи / Е.А. Сиволобова // Миссия женщины в духовно-нравственном развитии общества: Материалы круглого стола [Электронный ресурс]. – Барановичи, 27 мая 2010 г. – Режим доступа: http://oobsg.by/smi/mission.pdf. – Дата доступа: 06.03.2013.

РУССКАЯ ДИАСПОРА МОГИЛЕВА: ОПЫТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БЕЛАРУСИ И РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Б.И. Сидоренко (Могилев)

Эта статья посвящена взаимодействию русских жителей Могилева со своей исторической Родиной в различных культурных формах, сложившихся в рамках культурно-просветительских структур и направлений к концу XX – началу XXI в. При этом автор сразу же вносит существенную оговорку по применению термина «диаспора» к русским могилевчанам. В современной справочной литературе этой дефиницией обозначается часть народа, живущая вне страны своего происхождения, своей исторической Родины [1, с. 280] в качестве другой религиозной и этнической группы на положении национально-культурного меньшинства [2, с. 388]. Однако общность происхождения, языка, религии и материальной культуры не позволили русским в Могилеве стать в положение позиционирующейся общности по отношению к белорусам. Замкнутой русской общины, пикирующейся с местным населением, в днепровском центре не сложилось, смешанные браки были обычным явлением, конфликтов на национальной почве не наблюдалось.

Первые русские появились в Могилеве еще в XV в. [3, с. 55 – 59], первые статистические данные о них в структуре городского населения относятся к концу XIX в. [4, с. 196 – 197], когда согласно переписи 1897 г. русские составили 6,8 тыс. жителей из 43 тысячного населения губернского центра. Несмотря на все переписи отношений Вильно, Кракова и Варшавы с Москвой и Санкт-Петербургом в XVI – XVIII вв. в стенах Могилева русские оставались наиболее комплиментарной частью населения. К исходу прошлого века численность русского населения Могилева распределилась следующим образом: в 1989 г. в городе проживало 356,8 тыс. жителей (русских – 56, 2 тыс. – 15,7%), в 1999 г. – 356,4 тыс. жителей (38,4 тыс. – 10,8%) [5, с. 120 – 121]. По итогам последней переписи 2009 г. в 358,2 – тысячном Могилеве численность русских составила 25,6 тыс. человек или 7,1% его жителей [6, с. 30]. Несмотря на наметившуюся тенденцию к снижению русские сегодня остаются второй по численности этнической группой города.

Современное русское население Могилева представляют три основные группы: потомки русских, которые поселились в городе еще с незапамятных времен, и которые ассимилировались с местным населением. Об их прошлом этническом происхождении напоминают только фамилии: Москалев, Москаленко, Москаленок, Кацапов, Смоляк, Смоляков, Смолячков и др., коренное русское население (старожилы), предки которых жили здесь на протяжении нескольких поколений и сохранили память и родственные связи со своей исторической Родины и русские мигранты, которые прибыли сюда не очень давно, на протяжении двух-трех поколений из Москвы, Ленинграда, Иванова, Кемерона, Красноярска, Крска (по итогам вербовки и вузовских распределений) в период становления «центра большой химии» и строительства крупнейшего в Европе комбината синтетического волокна. Миграции способствовал закрепившийся в период «развитого социализма» курс на всестороннюю интернационализацию образа жизни трудовых и общественных коллективов, стирание классовых границ и этноконфиссионных различий [7, с. 75]. Сложившаяся в годы финального социализма в Могилеве русско-советская культурная традиция делала процесс вживания мигрантов в городскую среду быстрым и безболезненным.

После распада СССР и недолгой, абсолютно безрезультатной активизации белорусского национал-радикализма, заметанного на русофобии, антирусские

тенденции не получили в Могилеве как и на всей Беларуси какого-либо развития [8, с. 171]. В начале XXI в. русское население города смогло организовать несколько структур культурно-просветительской направленности, которые позволили современным могилевчанам русского происхождения сохранять свою национальную и культурную идентичность и поддерживать связь с исторической Родиной. В 2002 г. появилось Могилевское городское отделение Республиканского общественного объединения «Русское общество», в 2008 г. возникло Областное общественное объединение на Могилевщине «Русский дом», а в 2010 г. было создано «Общественное объединение» «Русское культурно-просветительское общество». Поскольку последняя структура оказывает большее влияние на культурную составляющую общественной жизни русского населения Могилева, то на ней следует остановиться более подробно.

Основные цели общества заключаются в сохранении русских культурных ценностей и исторических традиций, пропаганде русской культуры и содействию развития в Республике Беларусь гражданского общества, основанного на патриотических и духовно-нравственных ценностях белорусского и русского народов. Задачи деятельности общества: пропаганда, сохранение и развитие русской культуры и традиций, изучение русской истории, науки, литературы, народного творчества и искусства; содействие изучению русского языка, сохранению его чистоты; воспитание детей и молодежи на лучших примерах из русской истории и нашего времени, в духе уважения к русскому и белорусскому народам, их традициям и законам, уважения к другим народам и государствам; поддержание и развитие связей с исторической Родиной – Россией.

Члены Общества ежегодно участвуют в проводимых на Могилевщине торжественных мероприятиях в связи с государственными и общенациональными праздниками России и Беларуси. Традиционно Общество проводит литературные конкурсы, конкурсы детских рисунков, викторины, фотовыставки, литературно-музыкальные вечера, приуроченные к юбилейным датам деятелей русской истории и культуры. Общество тесно сотрудничает со многими организациями Могилева и с зарубежными организациями при проведении мероприятий и имеет организационную и информационную поддержку подразделений Могилевского горисполкома, финансовую поддержку Посольства Российской Федерации в Республике Беларусь. Членами Общества в прежние годы завоеван авторитет у руководства Могилевской области, города Могилева, Посольства Российской Федерации в Республике Беларусь, Координационного совета российских соотечественников в Республике Беларусь, Представительства «Россотрудничества», Фонда «Русский мир», «Белорусско-российского университета» (г. Могилев). Следует отметить, что председатель Общества Л.А. Володько стала автором главы «Русские в истории Могилевщины» в знаменитой книге «Русские в Беларуси» [9, с. 102 – 118]. Отрадно заметить и то, что фиксированное членство Общества не предусматривает принципа принадлежности исключительно к русской нации. Членом Общества может стать гражданин Республики Беларусь, иностранный гражданин, лицо без гражданства, достигшие 18 лет, признающие Устав и изъявившие желание и способности принимать участие в реализации его целей и задач.

Вместе с тем нельзя пройти мимо того факта, что русские культурно-просветительские структуры Могилева все же функционируют в явной и не явной конкурентной среде, очень разной по восприятию их деятельности. Кризисное положение постсоветского политического пространства, постепенное преодоление которого стало главной задачей национального строительства новых суверенных государств, не обошлось без издержек. В подобных исторических ситуациях

в массовом сознании возникает благодатная почва для складывания различных мифологем и спасительных иллюзий как средства адаптации к действительности. Одной из таких мифологем стала поселившаяся среди определенной части могилевской интеллигенции идея видеть в лице России главного врага белорусской самобытности, что подогревалось и прессой [10, с. 165, 175], на страницах которой появилась и конценциализированная теория националистического направления белорусской истории [11, с. 15, 18, 22]. Она не выдержала проверку временем и умерла естественной смертью [12, с. 113 – 114], но при этом отдельные элементы этой теории, очерняющие Россию и русских, засели в умах преподавателей и даже попали в студенческую среду [13, с. 126], дав самый простой ответ на вопросы «что делать?» и «кто виноват?». Думается, что борьба с историческими заблуждениями о роли и месте русских в истории и культуре Могилева должна более отчетливо проступать в деятельности культурно-просветительских структур.

Очень важно, что со стороны России наблюдается встречное движение в сторону культурно-просветительских структур Могилева, которые позволяют могилевчанам русского происхождения поддерживать связь с Родиной и расширять русскую культурную традицию на всех без исключения жителей города. В рамках представительства «Россотрудничества» разработано несколько интересных программ, популяризующих современные достижения России в научной и культурной сферах. Уже упомянутая председатель Общества Л.А. Володько участвовала в работе 4-й ассамблеи, организованной фондом «Русский мир», автор этих строк принимал участие в «Программе Правительства Санкт-Петербурга по реализации государственной политики России в отношении соотечественников за рубежом», проходившей 7 – 14 декабря 2012 г. в Санкт-Петербурге. Помимо этого представители научных кругов России принимали активное участие в ежегодных научных текущих и юбилейных конференциях, через Могилевскую областную библиотеку им. В.И. Ленина русские могилевчане имеют доступ ко всем основным российским научным и научно-популярным периодическим изданиям, на страницах вузовских изданий Могилева всегда находится место российским авторам.

Таким образом, деятельность культурно-просветительских структур русского населения города и всех находящихся в русле русской культурной традиции помогает не только поддерживать связи с Россией по многим направлениям науки и культуры, но и оставаться Могилеву в русском научном, культурном, образовательном и информационном пространстве, что в свою очередь статусно поддерживает областной центр в качестве культурной столицы Беларуси и СНГ 2013 г.

1. Новейший словарь иностранных терминов и выражений. – Минск: Современный литератор, 2007. – 976 с.
2. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 1600 с.
3. Сидоренко, Б.И. Могилев и эмиграция из Великого княжества Московского в Великое княжество Литовское в конце XV – первой трети XVI веков. / Б.И. Сидоренко // Шляхі магілёўскай гісторыі. Зб. навуковых прац удзельнікаў IV Міжнароднай навук. канф. “Гісторыя Магілева: мінулае і сучаснасць”. – Магілёў: Магілёў.абл.укруп. тып., 2005.– 488 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Издание Центрального статистического комитета МВД; под ред. Н.А. Тройницкого, 1903. – Т. XXIII. Могилевская губерния.
5. Население Могилевской области. Статистический сборник. – Могилев: Могилевское областное управление статистики, 2000. – 163 с.
6. Перепись населения Республики Беларусь 2009 г. Могилевская область / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2010. – 182 с.

7. Каспяровіч, Г.У. Рускія на Беларусі (дэмаграфічны аспект) / Г.У. Каспяровіч // Нацыянальная палітыка і міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў XX стагоддзі. Зб. навуковых артыкулаў. – Мінск, 1997. – С. 67 – 81.
8. Медведев, Ф.А. Из истории Содружества Независимых государств / Ф.А. Медведев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 5. – С. 151 – 181.
9. Русские в Беларуси / сост. А.Н. Андреев. – Минск: Макбел, 2010. – 256 с.
10. Терешкович, П. Русские в Беларуси. Постинтернационалистская рефлексия / П. Терешкович // Нёман. – 1992.– № 6. – С. 164 – 176.
11. Біч, М. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь / М. Біч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993.– № 1.– С. 15 – 24.
12. Трещенок, Я.И. Битва за правду / Я.И. Трещенок // Беларуская думка. – 2006.– № 12. – С. 111 – 119.
13. Сидоренко, Б.И. Исторические идеи белорусского национал-радикализма в студенческой среде / Б.И. Сидоренко // Вестник Могилевского филиала БИП: Право. Политика. Экономика. – 2008. – Вып. 6. – С. 125 – 131.

БЕЛОРУСЫ В АРГЕНТИНЕ В ОРБИТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ

С.В. Шабельцев (Минск)

В настоящее время Южная Америка является динамично развивающимся регионом планеты, с которым Российская Федерация стремится установить долгосрочные экономические и политические отношения. Россия использует разнообразные рычаги своего влияния в этом уголке Земли, в том числе задействуется и потенциал проживающих в Латинской Америке наших соотечественников. В данной статье анализируется работа дипломатических представителей Российской Федерации среди белорусов Аргентины.

Белорусское сообщество в Аргентине было организовано и функционирует в настоящее время только благодаря усилиям белорусов (и их потомков), которые в 1921 – 1939 гг. покинули Западную Беларусь, входившую в состав Польши. Считается, что среди 220 тыс. польских граждан в Латинской Америке (в конце 1930-х гг.) было 50 тыс. украинцев и 20 тыс. белорусов [3, с. 406]. Абсолютное большинство из них проживало в Аргентине, в основном, в Буэнос-Айресе. Белорусы совместно с просоветскими украинцами составили в Аргентине социокультурный комплекс тех польских граждан, которые отрицательно ставились к Польше и симпатизировали СССР. Также вместе они участвовали в борьбе за свои экономические права в первой половине 1930-х гг. в составе Союза Украинских и Белорусских Рабочих Организаций [2, с. 28 – 29]. Во второй половине 1930-х гг. просоветски настроенные белорусы и украинцы создали национальные общества (действовала Белорусская Федерация, а позже – Союз белорусских культурных организаций). Во всех белорусских организациях были также и украинцы, как в созданных «прогрессивных» украинских клубах им. Т. Шевченко, им. М. Лысенко и др. были и белорусы.

Посольство СССР открылось в Аргентине в 1946 г., и все желавшие белорусы поменяли свои польские паспорта на советские. После очередной волны репрессий и закрытия обществ в 1949 г. правительством Х. Перона, в начале 1950-х гг. при содействии посольства СССР были сформированы интернациональные клубы советских граждан (им. М. Горького, им. Н. Островского, им. В. Белинского, им. В. Маяковского и др.). В эти клубы входили в абсолютном большинстве украинцы и белорусы, эмигрировавшие в свое время из II Речи Посполитой.

В результате массовой реэмиграции в Беларусь во вт.п. 1950-х гг., аргентинизации молодого поколения число белорусов в Аргентине постепенно стало со-

кращаться. По состоянию на 1. 01. 1974 г. советское гражданство в Аргентине имели 40 тыс. чел., среди которых было 10 тыс. белорусов [4]. В 1985 г. советское гражданство здесь имели только 21,5 тыс. чел. [5, л. 139]. Официально представлять интересы просоветских украинцев и белорусов перед властями стала Федерация клубов советских граждан в Аргентине, созданная в 1986 г. Эта Федерация действовала вплоть до 2004 г., когда она была преобразована в FISIBRU – Федерацию культурных организаций белорусских, русских и украинских иммигрантов.

Современное положение необходимо оценивать, учитывая неразрешимую проблему выяснения точного количества белорусов в Аргентине. Провести опрос в масштабах всей страны не представляется возможным. К тому же национальная идентификация выходцев из Западной Беларуси часто носила фрагментарный характер: иммигранты называли себя «белорусы» как часть от всей суммы выходцев из Польши (часть «поляко»); могли думать, что белорусы – это региональная разновидность русских, а потом как разновидность советских людей. Аргентинцы не знали слова «белорус», и называли всех приезжих из Польши «поляко», реже белорусов называли «русо».

Создать семью белорусы хотели не с «коренными» аргентинками, а с белорусками или с украинками, которых тут было больше. В результате образовались смешанные браки, в которых детям трудно назвать себя однозначно «белорусами». В настоящее время национальный выбор является сложной проблемой для потомков иммигрантов (если они не аргентинизированы). При этом, важное значение имеет то, какое государство они считают своей родиной. Многие сохраняют симпатии к России (правопреемнице СССР) и к Беларуси, которые не занимаются «переписыванием истории», уважительно ставятся к советскому прошлому, и особенно к победе в Великой Отечественной войне. Эта страница истории наиболее отмечаема, поскольку белорусы в Аргентине организовали сбор помощи СССР во время и после войны. Остро негативно среди них воспринимаются изменения на Украине, где на государственном уровне ставится вопрос о признании как освободительной борьбы украинских националистов («бандеровцев») против советской власти.

Среди общей массы членов клубов белорусы (те, кто имеет хотя бы одного предка-белоруса) составляют меньшинство (большинство – украинцы). Тут следует оговориться, что это относится к Буэнос-Айресу и Русской Общине в штате Мисьонес, а в городке Бериссо (60 км от Буэнос-Айреса) есть клуб «Восток», где вероятное большинство имеют белорусы. Белорусское знаковое присутствие проявляется: в клубе им. М. Горького – библиотека им. Я. Коласа (торжественно открыта 22 июля 2007 г.); в клубе им. В. Белинского – зал Я. Купалы (присвоено залу это почетное имя 4 октября 2009 г.); в клубе «Днипро» (бывший им. А. Толстого) – Белорусский культурный центр «Кастусь Калиновский» (открыт 2 апреля 2010 г.); в клубе «Днипро» Белорусский фольклорный ансамбль «Белавеж» (участники – члены Центра «К. Калиновского»).

Политика посольства Российской Федерации в отношении белорусов. В отличие от посольства Украины, которое сотрудничает только с украинскими националистами из «Просвіти» и «Відродження», посольство России активно привлекает украинцев и белорусов из бывших «советских» организаций к своим культурным и политическим мероприятиям. Главная задача российских представителей – показать заметное присутствие «россиян» в Аргентине, чтобы использовать этот фактор в своей политике. Дипломатические представители России утверждают общий тезис, что все украинцы и белорусы и их потомки – «соотечественники» россиян. В доказательство этого приводятся исторические сведения о

волнах эмиграции из России: до 1917 г. («трудовая»), после революции 1917 г. («белоэмигранты»), после окончания Великой Отечественной войны («антисоветская») и в 1980 – 2000-х гг. из СССР.

Стоит заметить, что, действительно, жители Российской империи переезжали в Аргентину, но это были в абсолютном большинстве евреи, а православных эмигрантов (украинцев, белорусов и русских) среди них был ничтожный процент (может 1 – 3%). При этом собственно русских среди православных было не более 10%, а 55 – 70 % украинцев и 25 – 30% белорусов [6, с. 171 – 172]. В послереволюционные годы белоэмигрантов приехало в Буэнос-Айрес мизерное количество (хотя некоторые и заняли заметное место, например, в балете Аргентины). После Великой Отечественной войны переехало также незначительное число русских.

Об эмиграции украинцев и белорусов из Польши (1921 – 1939 гг.) российские дипломаты не упоминают: вероятно, в противном случае было бы сложно говорить о «родной России», которую покинули эмигранты. А основной контингент, среди которого работают российские дипломаты, как раз клубы, созданные бывшими «поляко». Такое умалчивание позволяет говорить о клубах бывших советских граждан как об организациях «русских, белорусов и украинцев». Но русских среди членов клубов всегда было мало: белоэмигранты были социально чужды иммигрантам-крестьянам из Беларуси и Украины, а послевоенные антисоветские эмигранты не принимались по политическим причинам.

Теперь же под патронажем российского посольства создан «Координационный совет соотечественников из России», который включает и организации украинцев и белорусов. Посольство выделяет средства на необходимые ему мероприятия и привлекает к участию в них и белорусов. Так, 21 июня 2009 г. в Буэнос-Айресе прошел под эгидой посольства России «Фестиваль славянской культуры «Матушка Русь»». За исключением единичных номеров (причем исполнявшимися или одним человеком, или парой-другой танцоров), все многочисленные танцы и песни исполнялись представителями клубов бывших советских граждан (то есть, украинцами и белорусами). Представление под открытым небом в Буэнос-Айресе длилось несколько часов и на фоне российской символики. Через год был выпущен журнал, посвященный «соотечественникам» с иллюстрациями, где многие участники самодеятельности сфотографированы с георгиевскими ленточками или на фоне плакатов с видом Собора Василия Блаженного в Москве. У представителей Библиотеки им. Пушкина из города Росарио был огромный (не менее метра) вымпел с двуглавым орлом и надписью «Русь Великая». При этом участники организации были в костюмах с русскими кокошниками [1, p. 31, 34 – 35].

Распространяя свое влияние, россияне используют знаменательные даты и достижения советской эпохи. Так, 20.04.2009 г. в клубе им. Белинского торжественно открыли фотовыставку, посвященную «советскому и российскому космосу». Мероприятие продолжилось праздничным концертом, где исполнялись русские песни, а клубный танцевальный коллектив «Радуга» в русских народных костюмах представил свои номера. Гостей угощали блюдами русской кухни. Это мероприятие освещала крупная аргентинская газета «Кларин». Другой пример: 7 августа 2010 г. в снятом концертном зале в центре Буэнос-Айреса состоялся вечер, посвященный В. Маяковскому. Встречали гостей вечера председатель и члены клуба им. Маяковского (председатель клуба В. Еремин по национальности русский, что является исключительным случаем), которые ориентировали пришедших людей, предлагали русские блюда – торт «Наполеон», водку и т.д.

Российское посольство делает упор не только на эмоциональную ностальгию иммигрантов, описывая красоты России и ее достижения, но и на желание

определенной части иммигрантов учить русский язык. Дом России проводит семинары, мастер-классы и конференции для клубных преподавателей русского языка. При этом с радостью подчеркивается, что, например, белорусы из клуба «Восток» (г. Бериссо) ориентированы на изучение не белорусского, а русского языка. Ученики из клубов могут принять участие в проводимой с недавних пор аргентинской Олимпиаде по русскому языку.

Кроме того, играя на честолюбии и тщеславии людей, представителей белорусов назначают «Почетными консулами России» в той или иной провинции (например, З. Забчук носит такое звание в штате Мисьонес), награждают их всевозможными почетными знаками. Делается возможным и поездки белорусов на «Конгресс соотечественников» в Москве, куда едут с перспективой посещения своих родственников в Беларуси: среди гостей последнего такого форума от «русской диаспоры в Аргентине» в Москве были З. Забчук и М. Лис, обе белорусско-украинского происхождения.

Таким образом, дипломаты Российской Федерации не используют экономический потенциал белорусов (поскольку он низок), а привлекают их на свои культурные мероприятия и на аргентинские торжества, которые носят представительный характер (фестивали национальных культур, День Иммигранта и т.д.) Тем самым белорусы играют важную роль при создании картины российского национального присутствия в Аргентине.

1. La revista de la Colectividad y para la Colectividad Rusa en Argentina / Consejo Coordinador de los Compatriotas de Rusia en Argentina – Buenos Aires, 2010. – 45 p.
2. Гайлевич, В.И. Краткий очерк основания и развития белорусских культурных организаций в Аргентине / В. И. Гайлевич // Белорусский иллюстрированный календарь. – Буэнос-Айрес, 1946. – С. 26 – 33.
3. Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918 – 1945 / Ю. Грыбоўскі. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2006. – 832 с.
4. Товариство «Україна». Папка «Аргентина». – Справка о клубах соотечественников за 1974 г.
5. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України. – Фонд 4629. – Оп. 1. – Д. 373.
6. Ціхаміраў, А.В. Беларуская эміграцыя. 90-я гады XIX ст. – 1917 г.: дыс. …канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.В. Ціхаміраў – Мн., 1993. – 255 с.

ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БЕЛАРУСИ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Е.С. Бабосова (Минск)

Протекающие в социально-экономической сфере Беларуси и других стран интеграционные процессы, наталкивающие на серьезные трудности объективного и субъективного характера, встречают широкий отклик в общественном мнении населения. Стараясь придерживаться единого подхода к развитию отношений со всеми зарубежными государствами, Беларусь направляет свои внешнеполитические усилия на поддержание взаимодействия с наиболее важными и перспективными из них.

Наиболее приоритетны направлением является сотрудничество с ближайшими соседями, прежде всего с Россией, а также с государствами-участниками СНГ. Именно поэтому Беларусь занимает активную позицию в процессе создания объединительных образований на постсоветском пространстве – СНГ, Таможенного союза. Широкомасштабное сотрудничество с ближайшими соседями за последние годы принесло ряд весомых результатов: создание Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, создание Евразийского экономического союза;

координация в ОДКБ и ЕврАзЭС; сделаны серьезные шаги вперед в развитии партнерства с Россией и Казахстаном.

В 2012 г. Институтом социологии НАН Беларуси был проведен республиканский ежегодный мониторинг общественного мнения, одной из задач которого являлось выяснение отношения населения к взаимодействию между Беларусью и другими странами. Исследование было проведено по республиканской квотной выборке; было опрошено 2107 человек – опрашивалось взрослое население РБ, различающееся по полу, возрасту, образованию, месту жительства.

Следует отметить, что во всех социальных группах количество респондентов, которые поддерживают вступление Беларуси в Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана, значительно превышает количество тех, кто высказывается против него. Исключение составляет молодежь, в этой группе больше тех, кто еще не окончательно определился с мнением по поводу вступления Беларуси в Таможенный союз – 34,4% респондентов однозначно высказываются за вступление, против этого выступают 6,3% опрошенных. При этом 30,4% респондентов из этой категории не имеют определенной позиции по этому вопросу. Достоверность полученных данных косвенно подтверждают результаты опроса, характеризующие наличие своеобразного отличия поколений по поводу ценностных ориентаций в интеграционной сфере. Так, среди людей, которые находятся в возрасте 50 лет и старше, 45,4% являются сторонниками вступления Беларуси в Таможенный союз, 5,2% – противниками и 26,7% – не определились окончательно. Среди тех, кто находится в возрасте от 30 до 49 лет, 44,0% респондентов поддерживают вступление Беларуси в Таможенный союз, 6,4% – высказываются отрицательно, а 21,7% – еще не определились с мнением. Таким образом, чем больше составляет возраст опрашиваемых, тем больше среди них приверженцев вступления Беларуси в Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана.

Одной из основных проблем союзного строительства, волнующих граждан Республики Беларусь, является выбор формы взаимоотношений между государствами. В ходе проведения социологического опроса респондентам задавался вопрос о том, как должны строиться отношения между Беларусью и Россией. Результаты социологических исследований 2012 г. и нескольких предыдущих лет позволяют констатировать устойчивость приоритетов жителей Беларуси относительно форм белорусско-российской интеграции. На первое место население Беларуси постоянно ставит такой вариант взаимоотношений - Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров, в 2012 г. так считали 50,6% респондентов. Думают, что Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления, 41,2% респондентов. Лишь малая часть опрошенных считают, что Беларусь должна войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта федерации – так ответили 5,0% респондентов.

Таким образом, многосторонняя и глубокая интеграция в рамках межгосударственного союза России и Беларуси ни в коей мере не означает игнорирования национальных интересов какой-либо из этих стран, либо ущемления национальных суверенитетов. Сохранение и упрочнение суверенитета – это тот незыблемый фундамент, на котором выстраивается и действует любой вариант интеграции между различными странами.

Одной из главных целей в Договоре о создании Союзного государства определено создание единого экономического пространства. Согласно данным проведенного в 2012 г. социологического опроса поддерживают вхождение в единое экономическое пространство Беларуси, России и Казахстана 39,9% респондентов, вы-

сказываются против него 5,3%, не определились с мнением по этому поводу 26,7% опрошенных.

За два прошедших десятилетия Беларусь и Россия смогли расширить рамки устойчивой интеграции от экономики до социальных и политических процессов. Только в январе 2012 г. товарооборот между странами составил громадную сумму – почти 3,2 млрд дол. На долю России по итогам января – февраля 2012 г. приходится 48,1% всего товарооборота Беларуси, в том числе 30,4% экспорта и 66,8% импорта. Экспорт в Россию за два месяца достиг 2,2 млрд дол., увеличившись на 19,3%. Среди регионов РФ основными потребителями белорусской продукции являются Москва (20,1% экспорта в Россию), Московская область (16,7%), Санкт-Петербург (7,3%), Смоленская, Брянская, Кемеровская, Нижегородская, Ростовская области. Достигнуто серьезное продвижение в обеспечении равных прав граждан в беспрепятственном продвижении по территории двух стран, в трудоустройстве, здравоохранении и образовании, решены важные проблемы в унификации национальных законодательств, координации внешнеполитической деятельности. Сложилась эффективно действующая модель сотрудничества, создана единая система социальных гарантий, выработан механизм урегулирования межгосударственных разногласий, создана совместная военная группировка стран.

Несомненно, что на отношение населения Беларуси к вхождению в Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана, в единое экономическое пространство Беларуси, России и Казахстана, в Евразийский союз непосредственно влияет оценка нынешних отношений между Беларусью и Россией. В ходе проведения социологического опроса в 2012 г. респондентам был задан вопрос о том, как изменились за последний год отношения Беларуси с Россией. Большая часть опрошенных считают, что за прошедший год взаимоотношения между нашими странами не претерпели существенных изменений – так ответили 22,7% респондентов. Однако следует положительно оценить тот факто, что 12,5% респондентов считают, что такие отношения улучшились, а еще 28,7% – что они скорее улучшились, нежели чем ухудшились. Считают, что отношения Беларуси с Россией существенно ухудшились 1,3% респондентов, что они немного ухудшились – 11,5%.

Еще одним объективно приоритетным направлением внешней политики Беларуси является поддержание сотрудничества с ЕС. Приоритетом внешней политики Беларуси на европейском векторе является интенсификация партнерства со странами Евросоюза в сферах взаимного интереса: торговли и инвестиций, транспорта, транзита, трансграничного и регионального сотрудничества, упрощения визового режима, охраны окружающей среды. В ходе социологического опроса проведенного в 2012 г. респондентам задавался опрос о том, изменились ли за последний год взаимоотношения Беларуси с ЕС. Более трети респондентов считают, что отношения изменились – так ответили 39,9% опрошенных. Около четверти респондентов думают, что отношения не изменились – так ответили 15,3% опрошенных. Затруднились ответить на этот вопрос 44,5% респондентов.

Что касается характера изменения взаимоотношений Беларуси с Европейским Союзом, то 19,9% респондентов считают, что отношения немного ухудшились, а 14,1% – что такие отношения существенно ухудшились. Считают, что отношения немного улучшились 9,9% респондентов, что они существенно улучшились – 3,1%опрошенных. К сожалению, такая ситуация складывается из-за того, что по ряду позиций Евросоюз демонстрирует неконструктивные подходы в отношении Беларуси. Но, несмотря на это, Беларусь продолжает твердо отстаивать принципы равноправия, взаимоуважения и добрососедства как единственно возможной основы для партнерских отношений и активизации диалога с ЕС.

Кроме того, Беларусь старается поддерживать дипломатические взаимоотношения со странами Юга – искать партнеров в азиатском, латиноамериканском, ближневосточном и африканском регионах, выводить сотрудничество на уровень стратегического партнерства. Основное направление развития отношений – это экономическое взаимодействие с такими традиционными партнерами как Аргентина, Венесуэла, Египет, Индия, Иран, Китай, Сирия, Япония. Кроме того, происходит налаживание контакта и поиск активного диалога с другими южными государствами, обладающими значительным потенциалом для взаимовыгодного сотрудничества – Австралия, Индонезия, Катар, Колумбия, Малайзия, Мексика, Саудовская Аравия, Эквадор и многие другие.

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

К.Л. Снисаренко (Минск)

В Беларуси наблюдается отрицательный прирост населения. За период с 1989 по 2010 гг. его естественная убыль составила 587,2 тыс. человек [3, с. 332]. Возникла необходимость в пополнении экономически активного населения страны. Одним из действенных способов решить эту проблему является привлечение трудовых ресурсов из других стран. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011 – 2015 гг., утвержденная Указом Президента страны от 11 августа 2011 г. № 357, предполагает достижение положительного сальдо внешней миграции в объёме 60 тыс. чел. [5, с. 12]. Стала актуальной проблема разработки государственной иммиграционной политики. В этом контексте важным является определение её характерных черт и особенностей.

Большинство исследователей придерживается определения иммиграционной политики как системы условий, способов и мер управления миграционным движением населения [6, с. 316; 8. с. 50; 13, p. 56]. В основе этого движения учёные ставили экономические, чаще всего, трудовые отношения. Поэтому анализ иммиграционной политики проводился ими, как правило, через призму политической экономии. Рост в странах Запада числа иммигрантов из стран Азии и Африки, которые обладали явными культурными отличиями от коренного населения, привёл к значительным изменениям в подходах к иммиграционной политике. Стало крайне сложно рассматривать её как своеобразный шлагбаум на пути к рынку труда. В 1970-х – 1980-х гг. отчётливо проявились проблемы натурализации и интеграции иммигрантов в принимающее общество. Как следствие, в научном сообществе стали применяться два подхода к иммиграционной политике. Первый предполагает сужение её предмета. Под иммиграционной политикой понимается комплекс мер по контролю над въездом и пребыванием иностранцев на национальной территории. Второй подход тяготеет к наибольшему расширению трактовки термина. Как следствие, теряется специфика этого вида государственной деятельности. Причиной возникших затруднений является многогранность предмета иммиграционной политики. Можно выделить два основных его аспекта. Во-первых, данный тип политики связан с процессом международной миграции. Она определяется рядом конкретных условий: экономической ситуацией – трудовая миграция; политическими или экологическими явлениями – вынужденная миграция; уровнем правовой культуры – незаконная миграция. Во-вторых, иммиграционная политика связана с социальными изменениями внутри гражданского общества. Они, в свою очередь, определяются его ценностями и отражаются общественным мнением. Таким образом, предмет этой политики находится на границе

двух сфер общественной жизни: социально-экономической и социокультурной. Профессор Миланского университета К. Коданьоне отмечал по этому поводу: «Иммиграция, вообще говоря, находится на перекрестке двух весьма различных политических семантик: основанной на экономических или функциональных проблемах и основанной на культуре, самобытности и традиции» [4, с. 25].

Многозначность предмета подчёркивает необходимость комплексного изучения иммиграционной политики. При её исследовании нужно принимать во внимание демографическую динамику, социально-экономический уровень развития страны и социокультурное развитие принимающего общества.

Важной проблемой в осуществлении иммиграционной политики является вопрос о влиянии государства на международные миграционные процессы. В период существования биполярной системы международных отношений развивалось два противоположных подхода к роли государства в регулировании миграционных процессов. Этатистский подход признавал за государственными институтами исключительную роль в регулировании миграции и был свойственен большинству советских исследований [2; 7]. Либеральный подход подчёркивал исключительную роль рынка, но не отрицал возможности государственного аппарата контролировать миграционные потоки. Он был присущ большинству работ западных исследователей [10; 11]. Распад социалистического блока и последовавшая за ним волна миграции на Запад выходцев из стран ЦВЕ привели к кризису обоих подходов. С одной стороны, возникла насущная необходимость в усилении государственного контроля над миграционными потоками. В 1990-х гг. подавляющее большинство стран Западной Европы и Северной Америки ввели ряд жёстких мер, направленных на ограничение иммиграции. С другой стороны, стало ясно, что государственный аппарат обладает весьма ограниченными возможностями в сфере её регулирования. «Немногие государства смогли сократить количество мигрантов за счет установления жесткого контроля», – с сожалением констатировал генеральный секретарь ООН К. Аннан [9, p. 3].

Иммиграция стала камнем преткновения для политиков. Во-первых, существование международного режима «закреплённого либерализма» делает любые действия усиливающие вмешательство государства в частную жизнь нелегитимными. Примером может послужить конфликт, возникший во Франции в 1997 г. вокруг утверждения Закона «Об усилении контроля над сертификатами проживания». Законопроект предусматривал обязательное декларирование приезда иностранца к французскому гражданину и информирование властей о последующем его отъезде. Предложенная норма создавала предпосылки для вмешательства силовых ведомств в частную жизнь и, тем самым, противоречила правам человека. Слушания по утверждению закона в парламенте сопровождались массовыми выступлениями протеста. Несмотря на то, что проект закона был переработан и принят, инициировавшая его правящая правоцентристская коалиция лишилась большинства в парламенте на выборах, проведённых летом того же года. Во-вторых, с ростом числа иммигрантов усиливается влияние их диаспор. Хорватская диаспора в 1990 г. пожертвовала 4 млн. долларов на избирательную кампанию Ф. Тудмана и получила представительство в парламенте страны [12]. Проживающие во Франции иммигранты из Мали в начале XXI в. финансировали 148 проектов на родине с бюджетом 3 млн. евро [1, с. 45].

«Иммиграционный вызов», с которым столкнулись современные демократические государства, указывает на необходимость пересмотра существующих рамок их деятельности. Иммиграционная политика не может быть согласована с теми, кто подвергается регулированию. Иммигранты испытывают недостаток по-

литических прав. Кроме того, они заметно отличаются от потенциальных иммигрантов – категории, на которую нацелено любое решение, касающееся въезда. Последние находятся вне пределов государства и не могут быть вовлечены в процесс выработки решений. В таких условиях вопросы регулирования иммиграции должны решаться на международном уровне, в рамках двусторонних, либо многосторонних договорённостей. Показателен пример коммунитаризации иммиграционной политики в рамках Европейского союза. С 1999 г. Евросоюз начал разрабатывать общую политику по контролю над въездом и пребыванием иностранцев и стал осуществлять меры по борьбе с незаконной иммиграцией. В тоже время, попытки наднациональных органов ЕС установить общие нормы для натурализации и интеграции иммигрантов себя не оправдали. Эти составляющие иммиграционной политики сильно зависят от социально-экономической и социокультурной обстановки в каждом отдельно взятом государстве.

Таким образом, иммиграционная политика представляет собой комплекс взаимоотношений, которые определяются демографической динамикой, социально-экономическим развитием и социокультурной ситуацией в обществе. Ведущую роль в этих взаимоотношениях играет государство. Реализуется иммиграционная политика на национальном и на международном уровнях.

1. Глущенко, Г.И. Денежные переводы международных трудовых мигрантов: характеристики и детерминанты / Г.И. Глущенко // Вопросы статистики. – 2005. – № 3. – С. 38 – 50.
2. Денисенко, М.Б. Миграциология / М.Б. Денисенко, В.А. Ионцев, Б.С. Хорев; МГУ им. М.В. Ломоносова, Центр. по изуч. пробл. народонаселения. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 96 с.
3. Загорец, В.С. Вопросы внешней миграции в национальной программе демографической безопасности / В.С. Загорец // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 91-летию образования Бел. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2012 г. / редкол.: В.Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 332 – 333.
4. Коданьоне, К. Миграционная политика как планирование наугад / К. Коданьоне // Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России / под ред. Г. Витковской; Междунар. орг. по миграции. Моск. исслед. программа по миграции. – М.: Гендальф, 2002. – С. 8 – 26.
5. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы // Население и общество [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://demoscope.ru/ weekly/knigi/zakon/pdf/nac_progr.pdf. – Дата доступа: 10.03.2013.
6. Почекина, В.В. Рынок труда в мировой экономике / В.В. Почекина, Р.М. Супрунович; под науч. ред. В.Ф. Медведева. – Минск: Право и экономика, 2006. – 326, [1] с.
7. Рыбаковский, Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика / отв. ред. Т.И. Заславская; АН СССР, Ин-т социол. исслед.. – М.: Наука, 1987. – 199 с.
8. Хомра, А.У. Миграция населения: вопросы теории, методики исследования. – Киев: Наук. думка, 1979. – 146 с.
9. Emma Lazarus Lecture on International Flows of Humanity / K. Annan. – New York: Columbia University, 2003. – 12 p.
10. Harris, J.P. Migration, Unemployment and Development: A Two Sector Analysis / J.P. Harris, M.P. Todaro // American Economic Rev. – 1970. – № 60. – P. 126 – 142.
11. Kindleberger, C.P. Europe's Postwar Growth: The Role of Labor Supply / C.P. Kindleberger. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1967. – 270 p.
12. Vertovec, S. The Political Importance of Diasporas / S. Vertovec // Migration Information Source [Electronic resource]. – 2005. – Mode of access: http://www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?id= 313. – Date of access: 20.01.2013.
13. Workers without frontiers: The impact of globalization on international migration / Peter Stalker. – Boulder: Rienner. – Geneva: Intern. Labour Office, 2000. – 163 p.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СФЕРЫ СПОРТА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМИДЖА

А.Н. Костючков (Витебск)

В современных международных отношениях чётко прослеживается разделение средств воздействия на две группы: «мягкая сила» *(soft power)* и «жёсткая сила» *(hard power)*. Международный имидж как средство из группы *soft power* получил всеобщее признание в качестве инструмента внешней политики. Международный имидж – это образ субъекта международных отношений, целенаправленно формируемый в сознании других субъектов международных отношений. Имиджем обладают государства, нации, политические лидеры. Актуальность проблемы международного имиджа в настоящее время обусловлена тем, что имидж – это фактор, значение которого возрастает вместе с ростом роли информационно-коммуникационных технологий в жизни общества. Для формирования позитивного имиджа страны наряду с политическими, экономическими, культурными средствами может быть использован и такой феномен как спорт.

Спорт как сфера человеческой деятельности давно стал ареной борьбы, конкуренции между различными политическими силами, странами, блоками государств. Отчасти он превратился в средство достижения политических целей. Спорт – это проводник политических и экономических идей, отражение состоятельности страны. Как сказал Президент А. Лукашенко: «Он (*спорт – А.К.*) давно стал большой политикой» [5]. Победы стран в чемпионатах, успехи в организации спортивных мероприятий повышают их авторитет, пропагандируют их достижения, а значит, и улучшают их имидж в глазах мировой общественности.

Целью данной работы является обобщение международного опыта в сфере формирования международного имиджа с помощью такого феномена как спорт, классификация направлений, по которым может идти работа в этой сфере. Технологии формирования имиджа включают в себя традиционные этапы: выделение целевых аудиторий, позиционирование, распространение информации. Из приёмов чаще всего используется приём присоединения имиджа. Он заключается в присоединении образа одного объекта (ведомого) к образу другого (ведущего). Например, образ страны (ведомый объект) ассоциируется с уровнем спортивных достижений спортсменов этой страны, уровнем проведения соревнований (ведущий объект).

В мире огромного количества информации надеяться на постоянный ничем необоснованный интерес к стране со стороны СМИ не приходится. Поэтому необходимо позаботиться о создании информационных поводов. Информационный повод (псевдособытие) – это событие, которое СМИ освещают по собственной инициативе, поскольку эта информация пользуется спросом на медиарынке. Задача субъекта имиджа – *инициировать* и *контролировать* событие, от освещения которого СМИ не сможет отказаться, так как всегда существует спрос на информацию определённого рода

По мнению автора, можно выделить пять направлений создания и использования информационных поводов в сфере спорта при формировании международного имиджа: 1) спорт как образ высоких достижений, 2) проведение спортивных соревнований как возможность заявить о себе, 3) проведение соревнований как PR-ход для развития туризма, 4) работа через лидеров мнений, 5) спорт как проводник идей.

Спорт как образ высоких достижений. Несмотря на то, что достижения спортсменов оцениваются в Олимпийском движении как результат личных достижений, мир постоянно видит острое соперничество в командном зачёте между странами. Общий посыл таков: «спорт – это удел успешных стран».

Особенно ярко это проявлялось в соперничестве СССР и США на Олимпийских играх в 1950 – 1980-е гг. В начале XXI в. соперничество идёт между

США и Китаем, который претендует на звание второй сверхдержавы, в том числе в спорте. Сегодня Китай выделяет огромные ресурсы на развитие спорта, для того чтобы подтвердить общий высокий уровень развития страны [3].

Для улучшения имиджа небольшой страны нужны достижения, прежде всего, в «резонансных», «культовых» видах, например, в футболе и хоккее, в престижных дисциплинах популярных видов спорта (бег на 100 и 200 м в лёгкой атлетике, плавание на 50 и 100 м). Кроме этого, даже простое участие в спортивных мероприятиях – это попытка заявить о себе. Известны неудачные попытки нового балканского государства Косово отправить своих спортсменов на ОИ-2012 [10].

Даже не участием в соревнованиях, а просто активным отдыхом могут привлекать к себе внимание чересчур «запротоколенные» дипломаты. Так, посол СССР в Норвегии Н. Луньков с супругой часто в выходные в качестве активного отдыха использовали лыжные прогулки. «И тут на нас «напали» корреспонденты газет и просто любители поснимать. На второй день во всех газетах на первой странице появилось наше совместное фото. После этого нам везде был открыт зелёный свет. «Оказывается, посол России не только говорит по-норвежски, но и ходит на лыжах», – слышали мы разговор на улицах Осло» [6, с. 130 – 131]. Впоследствии, будучи послом уже в Италии, Н. Луньков нередко посещал футбольные матчи в Риме. И поскольку «причастность к футболу всегда вызывает симпатии в Италии», он получил хорошие отзывы в итальянской прессе [6, с. 339].

Проведение соревнований как возможность заявить о себе. Проведение соревнований на высоком уровне позволяет заявить о себе как о развитой и культурной стране. Проведение Олимпийских игр способно улучшить имидж целых государств. Яркими примерами выступают Игры 1936 г. (Берлин, Германия), 1964 г. (Токио, Япония), 1980 г. (Москва, СССР), 1988 г. (Сеул, Южная Корея). Китай превратил Олимпийские игры 2008 г. в Пекине в демонстрацию своих как спортивных, так и общественно-политических, экономических и культурных успехов. При проведении спортивного мероприятия речь должна идти даже не о том «хорошо ли было организовано мероприятие, было ли оно ярким, прошло ли оно без проблем, а о том, были ли правильно использованы гигантские медийные возможности для того, чтобы рассказать о стране-хозяйке что-то подлинное, важное и незабываемое» [2, с. 27]. Использовать приём присоединения имиджа позволяет и проведение чемпионата совместно двумя странами. Так, чемпионат мира по футболу 2002 г. проводился сразу в двух странах – Японии и Южной Корее. Это «укрепило чувство, что эти два бренда являются сопоставимыми» [1, с. 170].

Проведение мероприятий как PR-ход для развития туризма. Широко используются возможности спортивных мероприятий, чтобы привлечь туристов, ознакомить их с достопримечательностями, отличиться высоким уровнем обслуживания и снова вернуть их в страну. Именно высокий уровень обслуживания будет способствовать возврату туриста в большей степени, чем организация собственно спортивного мероприятия. Так, на привлечение туристов в будущем делали упор при подготовке и проведении Олимпийских игр Барселона (1992) и Сидней (2000) [9]. Но для приёма международных соревнований необходим высокий уровень культуры и владения иностранными языками теми, кто контактирует с иностранными гостями. Прежде всего, это работники сферы обслуживания в городе проведения соревнований (диспетчеры и водители такси, работники железнодорожных касс и пассажирских вагонов, администраторы сферы общественного питания и гостиничного бизнеса), работники сферы культуры (экскурсоводы), сотрудники ОВД, работающие на спортивных мероприятиях и в паспортно-визовых службах. Поэтому в целях информирования потенциальных туристов о достопримечательностях страны на соревнованиях маршруты и места состязаний по воз-

можности выбирают рядом с этими достопримечательностями. Например, маршруты марафонских дистанций на чемпионатах по лёгкой атлетике проходят по самым интересным местам города, чем обеспечивают показ памятников истории и архитектуры по телевидению. Кроме этого, спорт предоставляет возможность для размещения рекламы на самых разных носителях: майки спортсменов, рекламные щиты на стадионах и вдоль маршрутов соревнований.

Работа через лидеров мнений. Необходимо вести работу через лидеров мнений, т.е. тех, кто известен целевой аудитории и чьё мнение имеет влияние на её взгляды. Надо обеспечивать присутствие в иностранных СМИ таких лиц в качестве ньюсмейкеров, тиражировать их позитивные высказывания о стране. Так, при работе с аудиториями, в которых заинтересована Беларусь, можно использовать популярность в Норвегии, Германии и других биатлонных державах биатлонистки Д. Домрачевой. Также можно использовать такую хоккейную легенду как У. Гретцки. Его предки – выходцы из Беларуси. Сам Гретцки приезжал в Беларусь в 2010 г. на открытие «Минск-Арена». Его фигура взята на эмблему ЧМ-2014 в Минске [4]. Необходима работа на зарубежные целевые аудитории через иностранных спортсменов и тренеров, работающих в стране. Надо обеспечивать присутствие в иностранных СМИ таких лиц в качестве ньюсмейкеров, тиражировать их позитивные высказывания о стране. Например, бывший главный тренер сборной Беларуси по футболу Б. Штанге заявлял: «Я постарался познакомиться с вашей страной ближе. И я был впечатлён. Особенно мне понравилась природа» [8].

Спорт как проводник идей. Богатые страны, желающие улучшить свой имидж, оказывают помощь в сфере спорта развивающимся странам. Например, в Германии с 1961 г. работает программа поддержки спорта за рубежом. За это время МИД осуществил почти 1300 проектов более чем 100 странах. Проекты предусматривают выплата стипендий одарённым спортсменам, обеспечение спортивным инвентарём школ, помощь в проведении сборов, методическая помощь, приглашение на стажировки. «Люди могут напрямую узнать, что Германия придерживается тех же ценностей, которые имеются в спорте: это креативность, радость жизни, открытость по отношению к внешнему миру» [7].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что высокие достижения в сфере спорта, а также распространение информации и создание информационных поводов благоприятно отражаются на международном имидже страны.

1. Анхолт, С. Брендинг: дорога к мировому рынку / С. Анхолт. – М.: КУДИЦ-ОБРАЗ, 2004. – 272 с.
2. Анхольт, С. Насколько важна роль спорта в создании имиджа / С. Анхольт // Deutschland. – 2010. – № 2. – С. 24 – 27.
3. Боброва, И. Чудо из China / И. Боброва, А. Маслов // Московский комсомолец. PPE. – 2012. – 8 – 15 августа. – С. 26 – 27.
4. Карней, И. Уэйн Гретцки: «Белорусский легионер» в НХЛ / И. Карней // СН. Свободные новости плюс [Электронный ресурс] – 2010. – 7 февраля. – Режим доступа: http://www.old.sn-plus.com/ exclusive/540--l-r-.html. – Дата доступа: 03.09.2012.
5. Лукашенко, А.Г. Спорт давно стал большой политикой // БЕЛТА [Электронный ресурс] – 2012. – 23 августа. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/president /Lukashenko-sport-davno-stal-bolshoj-politikoj_i_606349.htm. – Дата доступа: 03.09.2012
6. Луньков, Н. Русский дипломат в Европе / Н. Луньков. – М.: ЛГ Информэйшн Групп, ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 352 с.
7. Побуждать людей // Deutschland. – 2010. – № 2. – С. 20 – 23.
8. Синкевич, С. Бернд Штанге: Теперь с чистой совестью могу ехать домой / С. Синкевич // Sport.tut.by [Электронный ресурс] – 2011. – 21 ноября. – Режим доступа: http://sport.tut.by/news/football/259786. html. – Дата доступа: 03.09.2012.
9. Сколько стоят летние Олимпийские игры // Мир лёгкой атлетики [Электронный ресурс] – 2012. – 16 июля. – Режим доступа: http://mir-la.com/1795-skolko-stoyat-letnie-olimpiyskie-igry.html. – Дата доступа: 03.09.2012.
10. Kosovo's Olympic dream / Reporter. – EuroNews. – 2012. – 2 апреля. – 17.50 CET.

ИНТЕРНЕТ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.Э. Кривоносова (Витебск)

Долгое время механизмами манипулирования общественным мнением, воздействия на сознание и поддержания контроля над подвластными субъектами выступали традиции и обычаи, церковь и армия, официальная идеология и традиционные СМИ. Но с появлением и развитием информационных технологий ситуация в корне изменилась. Интернет имеет ряд преимуществ перед традиционными СМИ: беспрепятственность опубликования любой информации любым субъектом; отсутствие пространственно-временных границ; возможность тематического поиска, многосторонней коммуникации (в отличие от однонаправленности информационного монолога традиционных СМИ); быстрая связь; отсутствие контроля, цензуры; долговременность существования информации (если картинка телевизионной передачи живет несколько минут, газетная публикация – несколько дней, то материалы в Сети – годы).

Сегодня ни одно событие, будь то местного, общегосударственного, регионального или планетарного масштаба, не обходит стороной виртуальное пространство, оставаясь без обсуждения, анализа, оценок и комментариев со стороны пользователей (т.н. «народная журналистика»). Привлекательность интернету как средству общения придало также появление в нем социальных сетей (Facebook, Twitter, ЖЖ, ВКонтакте и т.д.), консолидирующих широкую аудиторию миллионов пользователей по всему миру и удовлетворяющих естественную человеческую потребность в общении, взаимоподдержке.

Закономерным является факт: где есть массовая аудитория, туда неизбежно приходит политика. Социальные сети направлены на построение сообществ людей со схожими интересами, в том числе и политическими. Их члены, обмениваясь информацией, разрабатывая и реализуя на практике стратегию действий, объединяются для решения социально значимых вопросов, договариваются о совместных акциях, проводят виртуальные и реальные флешмобы, привлекая внимание общественности и властей к назревшим проблемам.

Интернет представляет собой новый вид информационного сопровождения важных международных конференций, саммитов. Международный потенциал интернета позволяет путем давления на мировую общественность и на правительства разных стран блокировать или стимулировать ту или иную политику. Интернет выступает источником не только разного рода инноваций, конструктивных идей, но также различных насильственных действий. Интернет-ресурсы все чаще используются для провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств – границ-то в виртуальном пространстве нет. К сожалению, это находит отклик у интернет-аудитории, так как она представлена в подавляющем большинстве молодежью, которая является легким объектом манипулирования, в силу свойственных молодому возрасту нигилизма, малоопытности, стремления к самоутверждению.

В настоящее время социальные сети активно используются сторонниками «цветных революций» как координирующий элемент множества разрозненных сил. Пример тому драматические события на Ближнем Востоке, где политические дискуссии в социальных сетях о свободе, демократии и революции предшествовали резкому изменению общественного мнения и многочисленным акциям протеста, закончившимся свержением действующего руководства (Египет, Тунис, Ливия, сейчас можно наблюдать волнения в Сирии); митинги в России после последних парламентских выборов. «Арабская весна» ярко продемонстрировала, как

метко заметила госсекретарь США Х. Клинтон, «электронную тиранию», выражающуюся в том, что мировое общественное мнение формируется с помощью активного использования информационных технологий (веб-форумы, массовые sms и mms-рассылки, вирусное видео, распространение управляемых слухов). Последние результативны в случае недееспособности властей в проведении эффективной политики и профилактической пропагандистской работы; отсутствия достоверной, своевременной информации о происходящих событиях в официальных СМИ; отсутствия у населения доступа к СМИ, мобильной связи, к местам, где развиваются революционные события – информационный вакуум в этом случае заполняют радикальные элементы.

Интернет изменил политический радиус деятельности отдельных политических лидеров и общественно-политических организаций. Сегодня владение всеми его возможностями (а не только через официальный сайт учреждения) – политическая необходимость. Социальные сети предоставляют весьма заметные преимущества, являются максимально коротким путем к аудитории, и, если политик не хочет их освоить, в этом пространстве появляются лидеры, с которыми конкурировать впоследствии будет сложно.

Блоги превращают политический процесс в более прозрачное действие; апробируют идеи в массах; формируют «повестку дня»; приближают политиков к народу, позволяя гражданам обращаться к любому публичному деятелю, общаться с ними неформально; налаживают «обратную связь» власти и народа, создавая механизм небюрократического взаимодействия, вызывая у аудитории ощущение причастности, собственной важности, возможности влиять на происходящее в стране; повышают уровень политического участия граждан; дают возможность снизить произвол чиновников, осуществлять гражданский контроль над разнообразными сферами жизни. Сеть может свести к минимуму зависимость граждан от институциональных посредников, партийных организаций и организованных групп интересов.

Образцом максимального охвата населения и оперативности передачи информации является широкое использование социальных сетей и блогосферы предвыборным штабом Б. Обамы. Изложенная там информация работала на повышение осведомленности граждан по различным вопросам политического, социально-экономического, личного характера, а, в конечном счете, на его победу: каждый посетивший его страницу мог почувствовать себя приближенным к президенту. Премьер-министр Японии разместил в своем блоге такую запись: «Я начал этот блог в качестве первого шага по нивелированию разрыва между народом и политикой, а также с целью совместного изменения этой страны» [1, с. 15]. Блог ведет и премьер-министр России Д. Медведев.

Наблюдается тенденция к более активному использованию интернета в избирательных кампаниях не только на стадии предвыборной агитации, но и на этапе голосования (Великобритания, США, Эстония и др.). В будущем процедуру выборов можно будет существенно удешевить, ускорить, сделать удобнее для избирателей, точнее при подсчете голосов. Ещё одна технология, которая из категории экспериментальных постепенно переходит в разряд повседневно используемых средств – это электронное правительство**,** представляющее собой систему взаимодействия государства и общества посредством интернета в целях: расширения реального участия заинтересованной общественности в обсуждении возникших проблем, разработке планов, проектов; разрешения проблемы пассивного отношения населения к политике, не совместимого с демократическим режимом, за счет новых видов партнерства и коммуникативных площадок госструктур с

гражданами; быстрого и не затратного получения органами власти объективной информации о состоянии, настроениях в обществе, общественном мнении; информирования и разъяснения общественности приоритетов и содержания действий властей, что позволит сформировать поддержку властных инициатив со стороны населения; сокращения затрат (временных и финансовых) на получение в Сети необходимой информации, различных услуг государственных ведомств, подачу и рассмотрение жалоб, благодаря большей прозрачности; усиления общественного контроля за работой властных структур, их подотчетности, снижения уровня коррупции. В конечном счете, жизнь людей станет легче, если упростятся процессы их взаимодействия с правительством.

Таким образом, интернет, несомненно, становится ведущим источником информации, начинает доминировать во всех сферах общественной жизни, включая и политическую. Роль глобальной сети в демократизации общества очень велика. Интернет выступает механизмом рационализации коммуникативной функции политической системы, позволяет обеспечить постоянный общественно-политический диспут с возможностью обратной связи между властью и гражданами. Появилась реальная возможность сближения властных структур с простыми гражданами, возможность преодолеть централизм реальной власти.

Но поскольку, в отличие от реальной жизни, в интернете до сих пор нет многих привычных для «оффлайна» ограничений, возможно использование современных информационно-коммуникативных технологий в целях дестабилизации, дезинтеграции общества. Социальные сети могут взять на себя функции неразвитых институтов гражданского общества. А значит, мерами противодействия негативным аспектам электронного медиа-пространства должно стать формирование нравственного и идеологического иммунитета к деструктивным идеям, рационализация чувственных представлений, воспитание патриотизма, ликвидация компьютерной безграмотности среди населения и поднятие общего уровня образования, чтобы граждане были способны корректно, компетентно обсуждать в сети материалы правового и экономического характера.

1. Как плетут социальные сети / Планета. – 2011. – № 4. – С. 14 – 23.

СМИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СУБЪЕКТА ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА): СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О.Н. Фаблинова (Минск)

Средства массовой информации называют «четвертой властью», что свидетельствует о возрастающей роли данного института в жизни современного общества. Увеличивающееся значение СМИ нашло свое отражение в теории «повестки дня», заключающейся в том, что СМИ формирует у аудитории представление, какая новость актуальна и важна (основоположники – М. Маккомбс и Д. Шоу), а также «теории привратника» – теории о существовании группы лиц, принимающих решения и распространяющих свою точку зрения в обществе (разработана К. Левиным). Все это позволяет говорить о медиакратичности современного общества. В целом, под медиакратией понимают 1) власть печатного слова, аудиовизуального образа, 2) власть медиакорпораций (медиахолдингов), т.е. власть определенной группы лиц, лоббирующих свои интересы (в большей мере присуще странам Запада).

В рамках данной статьи внимание будет уделено первому аспекту, то есть направлено на то, чтобы зафиксировать, каким образом СМИ способны формировать имидж того или иного политического субъекта. В качестве примера такого субъекта был взят Азербайджан. Стоит отметить, что Азербайджан для Республики Беларусь выступает одним из приоритетных стратегических партнеров, о чем было заявлено Президентом Республики Беларуси А.Г. Лукашенко во время официального визита в нашу страну Президента Азербайджана И. Алиева в августе 2012 г. [1]. В связи с этим представлялось интересным проследить, каков образ Азербайджана, формируемый СМИ Республики Беларусь.

Внимание автора статьи было сосредоточено на печатных СМИ. По данным Министерства информации Республики Беларусь, на 1 марта 2013 г. в стране было зарегистрировано 694 газеты (207 – государственные, 487 – негосударственные) [3]. Наиболее популярные газеты – «Комсомольская правда» в Беларуси» («КП») и «Советская Белоруссия» («СБ»), издаваемые 5 раз в неделю. Учредителем «Комсомольской правды» в Беларуси» является ЗАО «ИД «Комсомольская правда» (Москва), «Советской Белоруссии» – Администрация Президента Республики Беларусь. Тираж «Комсомольской правды» в Беларуси» составляет 333 тысячи экземпляров, «Советской Белоруссии» – примерно 400 тысяч экземпляров. О популярности данных изданий также свидетельствуют их лидерство в конкурсе «Брэнд года», проводимом «ЦСБТ САТИО» в потребительской номинации (по результатам опроса городского населения Республики Беларусь). Так, в 2009 году обе газеты были признаны брэндами-лидерами в потребительской номинации конкурса. Начиная с 2010 г., брэнд-лидерство закрепилось за «Комсомольской правдой» в Беларуси».

Анализу подверглись сайты двух упомянутых ранее газет. В рейтинге печатных изданий Республики Беларусь (исследование проведено агентством рекламы в поисковых системах «Номинал Технология» в сентябре 2012 года), сайт «Комсомольской правды» в Беларуси» (www.kp.by) находится на втором месте, «Советской Белоруссии» (www.sb.by) – на пятом [2]. При этом стоит подчеркнуть, что первое место разделили между собой издания, являющиеся «профильными», то есть специализирующимися на информации определенной направленности: «Из рук в руки» (реклама, объявления), «Туризм и отдых» (новости в туристической сфере), «Прессбол» (новости белорусского спорта), «Юрист» (правовое издание), «Белорусы и рынок» (аналитическая газета: политика, финансы и т.д.), – в то время как «Комсомольская правда» в Беларуси» и «Советская Белоруссия» являются общественно-информационными газетами. Исследование носило сплошной характер, то есть анализу подверглась вся информация, содержащаяся на сайтах указанных изданий по всем выпускам за 2012 г.: было проанализировано 544 выпуска изданий (300 выпусков «Комсомольской правды» в Беларуси» и 244 выпуска «Советской Белоруссии»). Данные выпуски содержали 97 статей, затрагивающих Азербайджан и/или его представителей (62 статьи – в «Комсомольской правде» в Беларуси», 35 – в «Советской Белоруссии»).

Более половины статей, затрагиващих Азербайджан, были посвящены культуре и шоубизнесу. Данная ситуация во многом обосновывается тем, что конкурс песни «Евровидение-2012» проводился в столице Азербайджана – Баку. При этом между исследуемыми газетами существуют различия в том, в какой из рубрик уделяется большее внимание Азербайджану. Так, «Комсомольская правда» в Беларуси» основной акцент в 2012 г. сделала на рубрику «культура/шоубизнес» (79,0% статей), в то время как «Советская Белоруссия» – равными долями (по 40,0%) на культуру/ шоубизнес и спорт. Политике в «Советской Бело-

руссии» было уделено 20% статей, в «Комсомольской правде» в Беларуси» – 9,7%. Достойным внимания можно считать то обстоятельство, что в «Комсомольской правде» в Беларуси» 11,3% статей с упоминанием Азербайджана и его представителей относились к рубрике «Происшествия/ криминал» (в «Советской Белоруссии» подобного рода статьи не встречались).

В рамках исследования представлялось интересным выявить то, каким событиям посвящены статьи об Азербайджане. Наиболее популярные события в целом по двум газетам – «Евровидение», спортивные соревнования. При этом стоит подчеркнуть тот факт, что в газете «Комсомольская правда» в Беларуси» не было уделено должного внимания спортивным достижениям представителей Азербайджана, но в большей степени (чем в «Советской Белоруссии») акцентировалось внимание на преступления, ими совершенные (табл. 1).

Таблица 1 – События, анонсируемые в статьях

Событие	Всего		КП		СБ	
	Кол-во статей	%	Кол-во статей	%	Кол-во статей	%
Евровидение-2012	55	56,7	45	**72,6**	10	**28,6**
Спортивные соревнования	13	13,4	0	0,0	13	**37,1**
Стрельба/ нападение/ покушение	8	8,2	8	12,9	0	0,0
Биография известных людей	5	5,2	2	3,2	3	8,6
Международные отношения	3	3,1	3	4,8	0	0,0
«Славянский базар» в Витебске	2	2,1	1	1,6	1	2,9
Визит Президента Азербайджана в Беларусь	2	2,1	0	0,0	2	5,7
Другое	9	9,3	3	4,8	6	17,1
Всего	97	100,0	62	100,0	35	100,0

Проводя анализ изданий, внимание также уделялось географии события, упомянутого в статье. Наиболее часто события, затрагивающие Азербайджан/ его представителей, происходили в Баку (29,9%), Минске (20,6%), Беларуси в целом (16,5%), России (без учета Москвы, анализируемой отдельно) – 9,3%. При этом в «Советской Белоруссии» наиболее часто упоминались Беларусь в целом (28,6%), Минск (25,7%), Лондон (17,1%), а также Баку (14,3%). В «Комсомольской правде» в Беларуси» – Баку (38,7%), Минск (17,7%), Российская Федерация (12,9%). Высокая частота упоминания Лондона связана с проводимой в нем Олимпиадой и победой на ней азербайджанцев, Российской Федерации – с тем фактом, что «Комсомольская правда» в Беларуси», являясь дочерним подразделением «Комсомольской правды», содержит много материалов российских авторов.

Анализировалось и то, о ком из представителей Азербайджана (в целом – о каких субъектах) ведется речь в статьях. Наиболее распространено в анализируемых изданиях было информировать об азербайджанцах, проживающих за пределами Азербайджана. С учетом того, что подавляющее большинство статей подобного рода содержалось в «Комсомольской правде» в Беларуси» – 36,0% (для сравнения, в «Советской Белоруссии» – только 1,7%), то в качестве страны пребывания указывалась (в основном) Россия. Зачастую информация преподносилась в неприглядном виде: азербайджанцы выступали участниками драк, стрельбы во время свадьбы, нападений. В «Советской Белоруссии» в подобного рода случаях речь шла об азербайджанских студентах, обучающихся в Республике Беларусь. Более того, в «Советской Белоруссии» за 2012 год, как правило, содержались материалы с упоминанием Президента Азербайджана И. Алиева – 25,6% (в «Комсо-

мольской правде» – 3,0%), а также азербайджанских спортсменов – 18,2% (в «Комсомольской правде» данные субъекты не упоминались).

Кроме представителей Азербайджана, упомянутых в печатных материалах, интерес вызывало и то, через что представлен Азербайджан (объекты/события и т.п.). Безусловно, наиболее популярные слова «Баку», «Азербайджан», «Евровидение-2012». В «Советской Белоруссии» довольно часто содержится информация об Азербайджане в целом (31,3% против 21,6% в «Комсомольской правде» в Беларуси») и о белорусско-азербайджанском сотрудничестве (15,6% и 0%, соответственно). В «Комсомольской правде» в Беларуси» чаще, чем в «Советской Белоруссии», речь идет о Баку (29,5% против 21,8% в «Советской Белоруссии») и о «Евровидении-2012» (29,5% и 11,7%, соответственно).

Как правило, информация об Азербайджане и ее представителях преподносится в нейтральном ключе (74,3% – в «Советской Белоруссии» и 74,2% – в «Комсомольской правде» в Беларуси»). Последняя же, в отличие от «Советской Белоруссии», содержит ряд статей, где общая оценка Азербайджана/ ее представителей носит отрицательный характер (11,3%).

Таким образом, информационная представленность Азербайджана в СМИ Беларуси (судя по двум печатным изданиям) достаточно высока. Безусловно, то, в каком ключе преподносится информация, зависит от целого ряда факторов: кто является учредителем печатного издания, на какую целевую аудиторию оно нацелено, каков «формат» издания и т.д. Так, «Комсомольская правда» в Беларуси», ориентированная в большей мере на громкие события, новости из жизни звезд шоу-бизнеса, скандалы и т.п. нашла для себя большую «информационную подпитку» в «Евровидении-2012». В ней же содержится и больше статей из рубрики «криминал». «Советская Белоруссия», чьим учредителем выступает Администрация Президента Республики Беларусь, в большей мере информировала о событиях в политике двух стран, их партнерстве (значимым информационным поводом послужил визит Президента Азербайджана в Беларусь), а также о событиях в области спорта, поддержка и развитие которого – важная часть социальной политики белорусского государства. В последнем случае поводом информирования об Азербайджане послужили победы ее представителей на Олимпиаде в Лондоне, а также чемпионат мира по боксу в Баку. Таким образом, анализ СМИ, проведенный только на двух печатных изданиях Беларуси, подтверждает тот факт, что СМИ – сильное оружие влияния на аудиторию, которое способно сформировать образ любого субъекта политики как в позитивном, так и в негативном ключе.

1. Лукашенко: Беларуси и Азербайджану важно не потерять интенсивность взаимодействия // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/president/Lukashenko-Belarusi-i-Azerbajdzhanu-vazhno-ne-poterjat-intensivnost-vzaimodejstvija_i_606752.html. – Дата доступа: 01.02.2013.
2. Рейтинг сайтов печатных изданий Республики Беларусь. Исследование // marketing.by [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://marketing.by/main/market/analytics/ 0058297/. – Дата доступа: 01.02.2013.
3. Сведения о СМИ и лицензиатах // Министерство информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.mininform.gov.by/smi/. – Дата доступа: 01.02.2013.

АДЛЮСТРАВАННЕ ПАДРЫХТОЎКІ І ПРАЦЫ З'ЕЗДАЎ БЕЛАРУСАЎ СВЕТУ НА СТАРОНКАХ ГАЗЕТЫ "ЗВЯЗДА"

К.С. Разуванава (Мінск)

Аб'ектыўнае і ўсебаковае інфармаванне насельніцтва краіны пра найбольш значныя падзеі ва ўсе часы было асноўнай грамадскай задачай друкаваных СМІ. Нягледзячы на імклівае развіццё тэхнічных сродкаў перадачы дадзеных, з'яўленне новых формаў іх прадстаўлення (у тым ліку, паралельнае размяшчэнне інфармацыі на афіцыйных сайтах традыцыйных выданняў), сучасныя творчыя аўтарскія калектывы працягваюць даводзіць да сваіх чытачоў розныя аспекты грамадска-палітычных і культурных з'яў у жыцці Рэспублікі Беларусь і замежжа.

Пачынаючы са жніўня 1917 г. газета "Звязда" з'яўляецца адным з найбольш значных выданняў нашай Бацькаўшчыны, ролю якога ў адлюстраванні падзей беларускай рэчаіснасці цяжка перабольшыць. Яркім доказам такога сцвярджэння з'яўляюцца размешчаныя на працягу двух апошніх дзесяцігоддзяў на яе старонках артыкулы, прысвечаныя правядзенню з'ездаў беларусаў свету.

Вартасць асвятлення дадзенай праблемы абумоўлена, па-першае, значнасцю падзеі ў жыцці беларускай нацыі: некалькі ліпеньскіх дзён, калі грамадзяне Беларусі прымаюць на гістарычнай радзіме асоб, якія нават за яе межамі не страцілі ўсведамлення сваёй еднасці з "блакітнавокай". Для часткі з іх гэта шанц наведаць сваю старую вёску або пакланіцца могілкам родных, для іншых – магчымасць адчуць сябе дома, адкінуць на час статус "нацыянальнай меншасці". Па-другое, нягледзячы на рэгулярнасць правядзення дадзенага мерапрыемства (з 1993 г. з перыядычнасцю адзін раз у чатыры гады ў г. Мінску праведзена пяць такіх з'ездаў), асобныя з іх былі прадстаўлены грамадскасці на старонках газеты "Звязда" не ў роўнай ступені. Так, Першы з'езд беларусаў свету стаў сапраўдным святам у жыцці краіны: мерапрыемства праводзілася на працягу васьмі дзён, уключала ў сябе не толькі пленарныя паседжанні запрошаных і гасцей, але і шэраг культурных мерапрыемстваў як у сталіцы, так і на тэрыторыі значных гісторыка-культурных помнікаў і мясцін. Адпаведна, менавіта ён апынуўся пад пільнай увагай супрацоўнікаў выдання. Больш за гэта, наўмысна для ўдзельнікаў з'езда і ўсіх зацікаўленых асоб рэдкалегіяй "Звязды" быў падрыхтаваны спецыяльны выпуск "Маці Краіна" [15], які можна лічыць сапраўднай візітнай карткай беларусаў (як грамадзян, так і замежных жыхароў). Адначасова мерапрыемства атрымала шырокую абвестку: карэспандэнтамі газеты загадзя былі прадстаўлены праграма з'езда, яго эмблема (стылязаваная выява князёўны Прадславы – беларускай асветніцы Ефрасінні Полацкай) з абгрунтаваннем такога выбару, дадзеным яе аўтарам – мастаком Эдуардам Агуновічам ("Прадслава – аб'яднальны пачатак ... Яна патронка ўсіх сваіх дзяцей, што разляцеліся па свеце") [22].

Другі, трэці і пяты з'езды, якія адбыліся адпаведна ў ліпені 1997, 2001 і 2009 гг., хоць і атрымалі пэўнае асвятленне на старонках газеты "Звязда", аднак гэта былі ўжо больш сціплыя артыкулы (не менш за тры на кожны год: першы – напярэдадні з'езда, паведамляў аб ім, вызначаў запланаваную праграму і памяшканне правядзення пленарнага паседжання; другі прадстаўляў прывітанне Главы дзяржавы да замежных суайчыннікаў; трэці з'яўляўся своеасаблівым падвядзеннем вынікаў і пералічваў асноўныя рашэнні з'езда). Тым не менш, даволі часта адзначаныя артыкулы распачыналі серыю нарысаў з гісторыі жыцця і творчасці асобных беларусаў замежжа або нават цэлых суполак [2; 3; 12].

Пры гэтым зварочвае на сябе ўвагу той факт, што падзеі Чацвёртага з’езда беларусаў свету (ліпень 2005 г.) увогуле не знайшлі адлюстравання ні на старонках газеты “Звязда”, ні ў выглядзе асобнага зборніка дакументаў і матэрыялаў (гэта характэрна для першых трох з’ездаў), ні нават у форме асобнага кароткага агляда (тычыцца Пятага з’езда беларусаў свету) [8; 11; 17]. Пры гэтым у паведамленні Згуртавання беларусаў свету “Бацькаўшчына” адзначаецца, што на мерапрыемстве прысутнічалі прадстаўнікі шэрага сродкаў масавай інфармацыі (у тым ліку дзяржаўных) [26].

Нарэшце, сваечасовае з’яўленне інфармацыйных паведамленняў аб ходзе з’ездаў і іх наступствах было асабліва актуальным яшчэ і з той кропкі гледжання, што вышэй адзначаныя зборнікі дакументаў з’явіліся значна пазней за час правядзення мерапрыемстваў. Такім чынам, матэрыялы, прадстаўленыя на старонках газеты “Звязда”, дазволілі насельніцтву края пазнаёміцца і пры жаданні прыняць удзел у паседжаннях з’езда і запланаваных святочных мерапрыемствах.

Як ужо было адзначана, найбольш поўна і паслядоўна на старонках газеты “Звязда” былі адлюстраваны падзеі Першага з’езда беларусаў свету. Яшчэ ў чэрвені 1993 г. з’явіліся артыкулы, прысвечаныя абгрунтаванню створанай эмблемы з’езда, а таксама асвятленню гістарычнай ролі дадзенай падзеі [10]. Адначасова быў прадстаўлены падрабязны план правядзення святочнай (3 – 7 ліпеня) і практычнай частак мерапрыемства (8 – 10 ліпеня) [18]. У наступных нумарах (на працягу 3 – 13 ліпеня) карэспандэнтамі выдання наслядоўна асвятляліся фактычна ўсе падзеі з’езда: удзел дэлегатаў і гасцей з’езда ва ўрачыстасцях з нагоды 770-годдзя з заснавання Нясвіжа, 740-годдзя з дня каранацыі літоўскага князя Міндоўга ў Навагрудку, святкаванне “Купалля” на радзіме Я. Коласа, наведванне экспазіцыі Мірскага замка, правядзенне сумеснай мастацкай выставы “Жыве Беларусь!” у Палацы мастацтваў у г. Мінску.

Неабходна адзначыць, што карэспандэнтам газеты ўдалося перадаць думкі і ўражанні вялікай колькасці ўдзельнікаў і гасцей з’езда, якія не выступалі на пленарных паседжаннях і не прымалі ўдзел у працы “круглых сталоў” і Трэцяй Усебеларускай палітычнай канферэнцыі, што адбылася ў канферэнцзале Дзяржаўнага акадэмічнага тэатра імя Я. Купалы [6; 7]. У той жа час, матэрыялы выдання самі па сабе з’яўляюцца сапраўднай крыніцай па адлюстраванні асобных момантаў у ходзе афіцыйнай часткі сустрэчы. Так, у склад зборніка матэрыялаў і дакументаў не ўвайшлі тэксты выступленняў асобных прамоўцаў (напрыклад, Г. Бураўкіна), паколькі не былі перададзены арганізатарам з’езда [5].

Побач з гэтым, значная колькасць фотаздымкаў з месца падзей і невялікіх нарысаў з жыцця і творчасці асобных удзельнікаў (амерыканскага беларуса – мастака М. Пашкевіча, пецярбургскага беларуса – супрацоўніка Расійскай нацыянальнай бібліятэка бібліёграфа А. Разумава і інш.) [2; 9], перадача тых гарачых дыскусій, якія мелі месца у час паседжанняў, дазваляюць уявіць сабе Першы з’езд беларусаў свету як неардынарную з’яву ў жыцці беларусаў, сапраўдную спробу прымірыць розныя погляды і перакананні, “практычна ўцягнуць дыяспару ў жыццё Беларушчыны” [20].

Дарэчы, да гонару супрацоўнікаў газеты, ім удалося максімальна аб’ектыўна перадаць усю напружанасць з’езда, нават суб’ектыўныя і эмацыянальныя выказванні асобных ўдзельнікаў. Доказам такой пазіцыі рэдакцыі і праявам павагі да падобнага прафесійнага падыходу з’яўляецца той факт, што менавіта на старонках газеты “Звязда” быў надрукаваны зварот прадстаўнікоў беларускай інтэлігенцыі (членаў арганізацыйнага камітэта і будучых ўдзельнікаў

з’езда) супраць спробаў журналістаў асобных дзяржаўных выданняў даць негатыўную характарыстыку тых суайчыннікаў, якія аказаліся па-за межамі Беларусі пасля Другой Айчыннай вайны [1].

Асобную старонку ў асвятленні Першага з’езда беларусаў свету, як ужо было адзначана, склала асобнае выданне газеты – спецвыпуск “Маці Краіна”. Гэта ілюстраванае выданне моджна назваць кароткай нарыс жыцця беларусаў свету: на старонках прадстаўлены дадзеныя па гісторыі, культуры і дэмаграфічным стане Рэспублікі Беларусь, шляхах фарміравання і цэнтрах беларускай дыяпары за мяжой, навукова-даследчых і культурых цэнтрах, стане нацыянальных суполак дыяспары і беларускай царквы, адрасы і кантактныя тэлефоны дзяржаўных арганізацый і ўстаноў краіны, у якія можна звярнуцца па самых розных пытаннях. Значнае месца ў выданні займаюць рэкламных нататкі пра найбольш вядомыя беларускія прадпремствы, прыродных багаццях краіны з экспартным патэнцыялам. У дадатак на многіх старонках “Маці Краіны” прыводзяцца беларускія вершы і выказванні суайчыннікаў – удзельнікаў з’езда, каляндар з рэлігійнымі і традыцыйнымі святамі на другую палову 1993 г., апісанне найбольш вядомых помнікаў беларускага дойлідства, а таксама прэзентацыя беларускіх вытворцаў адзення і рэцэнты старадаўніх страў. Як справядліва сцвярджаюць самі аўтары выдання, галоўнай яго мэтай было “паказаць адзінства духу беларускай нацыі”, а таксама размясціць матэрыялы, якія “могуць быць цікавымі для бізнэсмэнаў усяго свету” [1].

Звяртаючыся да матэрыялаў газеты “Звязда”, прысвечаных правядзенню наступных з’ездаў беларусаў свету, можна зноў падкрэсліць, што яны былі нешматлікімі і больш сціслымі па сваім памеры (каля 3-4 артыкулаў па кожным з асветленых мерапрыемстваў). Разам з тым, у іх таксама прысутнічае імкненне аўтараў да больш-менш аб’ектыўнай перадачы падзей (у тым ліку, асобных адыёзных выказванняў удзельнікаў Другога з’езда ў дачыненні да вырашэння праблемы месца правядзення пленарных паседжанняў, развіцця нацыянальнай культуры, Трэцяга з’езда – да збліжэння з Расійскай Федэрацыяй і г.д.) [4; 13; 21; 25]. Адначасова, па-ранейшаму на старонках газеты можна ўбачыць матэрыялы выступленняў асобных прысутных і афіцыйных прадстаўнікаў урада Рэспублікі Беларусь [14; 16; 19], якія не ўвайшлі ў зборнік па выніках Другога і Трэцяга з’ездаў, а таксама не былі змешчаны ў выглядзе асобнага выдання па выніках Пятага з’езда. Тут жа прадстаўлены інтэрв’ю з асобнымі ўдзельнікамі з ліку прадстаўнікоў беларускай дыяспары [23; 24].

Такім чынам, падводзячы вынікі сказанаму, можна адзначыць, што супрацоўнікі газеты “Звязда” правялі плённую працу, якая дазволіла памагчымасці аб’ектыўна адлюстраваць і захаваць для наступных пакаленняў апісанне працэса падрыхтоўкі і правядзення такой значнай для адчування адзінства беларусаў свету падзеі, як з’езды беларусаў свету, выклікаць цікаўнасць да іх з боку сучаснікаў і даследчыкаў гісторыі Беларусі.

1. Аднабаковы погляд на гісторыю непрымальны // Звязда. – 1993. – 6 ліпеня. – С. 3.
2. Беларускі мартыролаг у замежжы // Звязда. – 1993. – 8 ліпеня. – С. 2.
3. Беларусы Аргенціны // Звязда. – 2001. – 8 ліпеня. – С. 2.
4. Беларусь у пошуках паразумення? // Звязда. – 1997. – 29 ліпеня. – С. 2.
5. Бураўкін, Г. Прыйшоў час разам паклапаціцца пра сённяшні і заўтрашні дзень Бацькаўшчыны… / Г. Бураўкін // Звязда. – 1993. – 8 ліпеня. – С. 1, 3.
6. Гавораць удзельнікі з’езда // Звязда. – 1993. – 7 ліпеня. – С. 3.
7. Гавораць удзельнікі з’езда // Звязда. – 1993. – 9 ліпеня. – С. 1.

8. Другі і Трэці з’езды беларусаў свету: Матэрыялы і дакументы / МГА “Згуртаванне беларусаў свету “Бацькаўшчына”; уклад. А. Макоўская; рэд. рада: Вінярскі Г. [і інш.] – Мінск, 2004. – 371 с.
9. Карціны з-за акіяна // Звязда. – 1993. – 7 ліпеня. – С. 1, 3.
10. Крукоўскі, М. Нацыянальна свядомыя беларусы павінны быць апосталамі сваёй справы / М. Крукоўскі // Звязда. – 1993. – 22 чэрвеня. – С. 2.
11. Кушнер, В.Ф. Пяты з’езд беларусаў свету / В.Ф. Кушнер // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 11. – С. 50 – 51.
12. Латвія: шляхамі беларушчыны // Звязда. – 2001. – 11 ліпеня. – С. 7.
13. Малафееў, П. У Літве, як мне здаецца, беларусы маюць лепшыя ўмовы для развіцця нацыянальнай культуры, чым у сябе на Бацькаўшчыне / П. Малафееў // Звязда. – 1997. –30 ліпеня. – С. 3.
14. Масты з цэлым светам // Звязда. – 1997. –21 ліпеня. – С. 2.
15. Маці Краіна (Звязда. Спецыяльны выпуск да Першага з’езда беларусаў свету). – Мінск, 1993. – 24 с.
16. Перад сваёй дыяспарай мы ў даўгу // Звязда. – 1997. –30 ліпеня. – С. 3.
17. Першы з’езд Беларусаў свету (8-10 ліпеня 1993 г., г. Мінск): Матэрыялы і дакументы / Уклад. Г. Сурмач. – Мінск, 1997. – 334 с.
18. Рэгулямін Першага з’езда беларусаў свету // Звязда. – 1993. – 30 чэрвеня. – С. 2.
19. Сёння ў Беларусі распачынае работу Другі з’езд беларусаў свету // Звязда. – 1997. – 26 ліпеня. – С. 2.
20. Тры дні ў ліпені, якія абнадзеілі Беларусь // Звязда. – 1993. – 13 ліпеня. – С. 3.
21. Тут бушавалі страсці і эмоцыі // Звязда. – 1997. – 29 ліпеня. – С. 2.
22. Усіхняя матка, Прадслава, заступніца Беларусі… // Звязда. – 1993. – 22 чэрвеня. – С. 1 – 2.
23. Харытонава, Я. Пра што я хацела б гаварыць на з’ездзе беларусаў свету… / Я. Харытонава // Звязда. – 1997. – 25 ліпеня. – С. 4.; Хачу пабачыць, што робіцца на Радзіме // Звязда. – 1997. –30 ліпеня. – С. 3.
24. Хачу пабачыць, што робіцца на Радзіме // Звязда. – 1997. –30 ліпеня. – С. 3.
25. Ці збяруцца беларусы свету зноў? // Звязда. – 2001. – 10 ліпеня. – С. 3.
26. Чацвёрты з’езд беларусаў свету // Міжнароднае грамадскае аб’яднанне “Згуртаванне беларусаў свету “Бацькаўшчына” [Электронный ресурс]. – 2002. – Рэжым доступа: http://zbsb.org/index.php?option=com_content&view=article&id=69&Itemid=103. – Дата доступа: 16.04.2012.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ЕС: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.А. Пипченко (Киев)

Изучая проблемы внешнеполитической коммуникации государства, ученные пришли к заключению, что внешнеполитическая информация отличается от разведывательной тем, что не обязательно является тайной и связанной с вопросами безопасности. Учитывая, что государства остаются ключевыми участниками в рамках международной системы, то сбор и обработка информации осуществляется преимущественно государственными структурами. Также эксперты отмечают, что необходимо учитывать особенности развития международной системы, поскольку будущее является неопределенным и информация может помочь уменьшить такую неопределенность, при этом внешнеполитическая информация является дефицитным ресурсом, а не автоматически доступна для всех международных акторов, которые являются «ограниченно рациональным», то есть они имеют ограниченное время и познавательные навыки. Государство собирает внешнеполитическую информацию с помощью трех различных каналов: собственные автономные каналы, информация от других международных акторов и общедоступные источники, например, масс-медиа, отчеты аналитических центров, сеть Интернет и т.д. [1].

Со средины 1990-х гг. государства начали активно использовать сеть Интернет для сбора и обработки информации, а в начале XXI в. Интернет-технологии стали использовать как для внутри- так и внешнеполитической коммуникации, поэтому увеличение политического присутствия в социальных медиа

можно рассматривать как одни из трендов современного глобального развития. Социальные медиа, как Интернет-технологии для обмена контентом, мнениями и информацией, что способствуют обсуждению и развитию многосторонних отношений через использование различных форматов, включая текст, изображение, аудио и видео, пользуются чрезвычайно высоким уровнем доверия со стороны аудитории, в среднем в несколько раз больше, чем традиционные масс-медиа. В частности установлено, что более 60% пользователей являются активными участниками интерактивных сервисов Веб 2.0, а из 100 самых посещаемых сайтов 20 являются классическими социальными сетями и 60 – в той или иной степени используют технологии Веб 2.0, при этом более 80% компаний по всему миру используют социальные сети для работы, а около 78% людей доверяют сообщениям из социальных сетей [2].

Так как уровень проникновения социальных сетей в Европе является одним из самых высоких в мире и этот показатель увеличивается примерно на 17% ежегодно, то Европейская комиссия решила использовать эти платформы для общения с гражданами и влиятельными экономическими акторами в качестве дополнения традиционным медиа, поэтому в рамках Европейского Союза социальные медиа используются для [3]: поддержки политических приоритетов ЕС с помощью последовательного и согласованного размещения официальных заявлений и пресс-релизов; развития экономических процессов через информирование граждан, обмен опытом, взаимодействие с заинтересованными сторонами; связи между сотрудниками, которые могут использовать социальные медиа в личных и профессиональных целях, но согласно с действующим положением об общении служебного персонала в сети Интернет «Guidelines for all staff on the use of social media». При этом социальные медиа, например, Facebook, Twitter, YouTube, не должны использоваться или быть встроенными в сайт Europa, а необходимо вставить ссылку на социальную страницу вместо встроенных плагинов.

На март 2013 г. ЕС открыл внушительный список учетных записей в социальных медиа, в том числе на Facebook, MySpace, Hyves, LinkedIn, Twitter, Blip, Flickr, Picasa, Daily Motion, YouTube и Vimeo. Однако существуют особенности использования социальных медиа Европейским Союзом для продвижения как региональных, так и глобальных целей, в частности открыто около 216 акаунтов в разных социальных платформах для многочисленных структур ЕС, уполномоченных служащих, политиков, а также для продвижения европейских тематических проектов, таким образом, по количеству открытых акаунтов и охвату аудитории ЕС пытается сравниться с лидером использования социальных медиа для внешнеполитической коммуникации США, так: количество акаунтов ЕС на Facebook достигает 69 для институций ЕС и 30 страниц открыто для информирования и обсуждения тематических вопросов; активность пользователей можно рассмотреть на примере Европейской комиссии, количество «друзей» которой составляет 89 217 человек, а обсуждают европейскую тематику 5 026 пользователей; количество акаунтов ЕС на Twitter достигает 85 для институций ЕС и 34 страницы открыто для информирования и обсуждения тематических вопросов; активность пользователей Европейской комиссии – 7 505 твитов, с которых 777 читаемых и 105 044 читателей; количество акаунтов ЕС на YouTube достигает 48 для институций ЕС и 20 страниц открыто для информирования и обсуждения тематических вопросов; активность пользователей Европейской комиссии составляет 17 935 подписчиков, больше 20 млн. просмотров видео; количество акаунтов ЕС на Flickr достигает 14 для институций ЕС и 7 страниц открыто для информирования

и обсуждения тематических вопросов; активность пользователей Европейской комиссии – 149 фотографий; количество акаунтов ЕС на собственном блоге Европейского Союза составляет 6 блогов комиссаров и 9 блогов представителей других институций интеграционного образования; европейские комиссары ведут личные блоги, в которых они освещают собственные политические взгляды, основные аспекты политической деятельности и информируют мировую общественность о жизни в ЕС.

С целью формирования позитивного информационного поля, которое способствует развитию европейской идентичности в области внешней политики и повышению осведомленности дипломатического корпуса Европейская служба внешних дел открыла акаунты в социальных медиа. Так страница на Facebook была создана в мае 2011 г. и имеет ныне 1774 последователя, при этом обновляется примерно раз в день с редким комментированием информации, хотя размещенный контент есть более наглядным и более «неформально-разговорным». На Twitter, открыто два аккаунты: @ eu_eeas и @ EUHighRepSpox, так, первый акаунт является примером односторонней связи в связи с размещением ссылок на официальные пресс-релизы и заявления, при этом акаунт @ EUHighRepSpox чуть менее формальный и не связан с конкретным европейским регионом. Микроблог Twitter используется в основном для передачи заявлений главы внешнеполитического ведомства ЕС К. Эштон, выводов и информации об официальных встречах [4]. Также Европейская служба внешних дел начала использовать платформу Storify для сбора контента из разных источников об важных международных событиях, таких как встречи Генеральной Ассамблеи ООН или встречи специальной комиссии по изучению отношений между ЕС и Египтом [5].

В целом 140 представительств ЕС по всему миру используют социальные медиа для исполнения своих функциональных обязанностей, а также позиционирование Европы. Примечательно, что благодаря усилиям представительства ЕС в Китае ее глава Х. Ван Ромпей является одним из самых популярных иностранцев в китайском микроблоге Weibo, в частности более 1,4 млн. человек следят за информацией на его Weibo-странице, а у представительства Китая при ЕС существуют страницы на платформах Sina и Tencent, которые имеют около 500 тысяч последователей. Также необходимо выделить и другие делегации ЕС, которые активно используют Twitter и иные социальные медиа для продвижения интересов ЕС на международной арене, среди них представительства ЕС в Вашингтоне, Ливане и при ООН [5].

Таким образом, ЕС стремится к развитию солидарности, взаимопонимания и терпимости среди всех акторов международных отношений, способствуя укреплению политической сплоченности как в Евросоюзе, так и за его приделами. Использование социальных медиа для налаживания внешнеполитической коммуникации способствует углублению взаимодействия с заинтересованными группами по различным политическим, экономическим или социальным темам, также содействует получению информации из первых рук, размещению публичных заявлений и неформальному общению, которое дополняет официальный диалог. Такая инновационная внешнеполитическая деятельность является одним из основных инструментов внешней политики ЕС, а также составляющей «мягкой» силы, которая обеспечивает поддержку лидерства на международной арене.

Расширение ЕС содействовало новому политическому, экономическому и государственному распределению в европейском регионе, обусловило выделение в стратегии европейской интеграции и в структуре ЕС целей общей внешней по-

литики, понимание которой определяется институциональной сложностью Европейского Союза. Практика международного взаимодействия ЕС показала стремление организации к таким формам сотрудничества, которые предопределяют избежание силовых методов реализации национальных интересов отдельных европейских государств, однако разногласия во внешнеполитических предпочтениях вызывает проблему политической и экономической нестабильности в регионе. Изменение политического ландшафта и потенциальная смена политических элит в Европе предопределяют вызовы и для дальнейшего углубления европейской интеграции, преодоления финансового и экономического кризиса и, наконец, для позиционирования ЕС как глобального и мощного международного актора.

1. Dijkstra, Hylke. The Changing Politics of Information in European Foreign Policy / Hylke Dijkstra & Sophie Vanhoonacker // Journal of European Integration. – 2011. – № 5(33). – P. 541 – 558.
2. Шафранський, А. Сила лайка. Європа / А. Шафранський // Lacruax [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://lacruax.com/ sila-lajka-yevropa/. – Дата доступу: 03.09.2012.
3. Use of social media in EU communication // European Commission [Electronic resource]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/ipg/go_ live/web2_0/index_en.htm. – Date of access: 01.03.2013.
4. Kenna, M. Social media: following EU public diplomacy and friending MENA / M. Kenna // European Policy Centre Briefs [Electronic resource]. – July 2011. – Mode of access: http://www.epc.eu/documents/ uploads/ pub_1320_social_media.pdf. – Date of access: 10.09.2012.
5. Lockett, T. «Digital diplomacy» – digital media as a foreign policy tool / T. Lockett // European Union 2.0 [Electronic resource]. – Mode of access: http://tonylbxl. wordpress.com/2012/11/26/ digital-diplomacy-digital-media-as-a-foreign-policy-tool/. – Date of access: 14.03.2013.

США НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И МЕСТНОЙ ПРЕССЫ КАНАДЫ

М.Н. Бессонова (Киев)

Начиная со времени своего возникновения масс-медиа стали важной составляющей политической жизни, как на внутренней, так и на внешней арене всех стран современного мира, и канадская пресса не является исключением. Переход к так называемой информационной стадии развития мирового сообщества привел к тому, что печатные издания стали не только отражением наиболее актуальных проблем современности, но и влиятельным механизмом политического давления как на внутригосударственном, та и международном уровне.

В рамках данной публикации предлагаются некоторые обобщения того, как США и их политика освещаются на страницах современной канадской прессы. Актуальность такой темы связана с тем, что США являются не только одной из самых активных действующих сил на мировой арене, но и единственным пограничным с Канадой государством, с которым налажен весь спектр межгосударственных взаимоотношений – политических, экономических, культурно-гуманитарных. Изучение канадской прессы даёт нам возможность увидеть наиболее актуальные аспекты взаимоотношений этих двух стран, которые часто характеризуют как «ассиметричное партнерство» [2]. Отметим, что данная проблематика хотя и является достаточно актуальной, но пока еще не стала предметом отдельного внимания историков на постсоветском пространстве [1; 3]. Большая часть публикаций про прессу Канады касается преимущественно изданий диаспор из республик бывшего СССР (Армении, Украины, России и др.).

В начале XXI в. канадская пресса представлена многочисленными центральными, провинциальными и местными изданиями, иллюстрирующими весь политический спектр. Наиболее влиятельными считаются, прежде всего, общенациональные издания, из англоязычных: *The Globe and Mail* (центристское), *National Post* (консервативное), *Toronto Star* (либеральное), *Maclean's* (центристское), и франкоязычных *La Presse* (центристское), *Le Devoir* (независимое) [8]. Провинциальная и местная пресса также представлена многочисленными изданиями, которые демонстрируют всё разнообразие не только политической, но и этнической палитры Канады. Каждая из обозначенных групп изданий имеет свою специфику, детально охарактеризовать которую не позволяет формат данной публикации, поэтому мы остановимся только на некоторых общих чертах, характерных для информации, подаваемой в канадской прессе про США.

Для большинства национальных изданий Канады начала XXI в характерно: наличие собственных корреспондентов непосредственно в США; использование материалов информационных агентств как канадских (*The Canadian Press, Postmedia News),* так и зарубежных (*The Associated Press, Reuters, Agence France-Presse*). При этом, характерной особенностью франкоязычной прессы является сотрудничество не только с французскими информагенствами, но и прессой (*Le Monde, Liberation*).

Местная пресса, кроме своих собственных материалов, иногда перепечатывает материалы общенациональных канадских изданий, комментирует публикации американских масс-медиа, и значительно большее внимание уделяет событиям спорта и культуры, освещая взаимоотношения Канады и США именно в этой сфере.

Новыми чертами для всех видов изданий стало следование современным тенденциям, а именно открытие собственных сайтов с полными текстами публикаций в Интернете и веб-страниц в социальных сетях, что обеспечивает активную двустороннюю коммуникацию с читательской аудиторией. Кроме того, к традиционному для печатных изданий использованию колонок главного редактора, карикатур, результатов опросов общественного мнения, писем читателей, добавилось появление архивов, блогов, видеосюжетов и видеоблогов.

Информация о США содержится как в общих, так и специальных рубриках, посвященных новостям, международным фактам, бизнесу, политике (наиболее часто встречающееся название специальной рубрики «США» и «Соединенные Штаты»). В канадской прессе представлены как информационные, так и аналитические материалы, касающиеся разнообразных проблем. Необходимо отметить, что подается не только информация о том, что происходит непосредственно в США или описываются актуальные направления американской внешней политики. Значительная часть опубликованных материалов содержит своеобразный «канадский» компонент, что связано с тесным экономическим, политическим и другими формами сотрудничества. Так, особое внимание уделяется: современному состоянию и прогнозированию экономического сотрудничества с США, а также вопросам экологии, здравоохранения, социального страхования, иммиграции, выхода из экономического кризиса, влияния американской массовой культуры и т.д.

Характеристика внутренней и внешней политики США, и оценка канадско-американских отношений в прессе Канады меняется в зависимости от различных внутренних и внешних факторов (экономические проблемы в самой Канаде, пе-

риод выборов в Канаде или США, обострение международных отношений), но, как правило, соответствует политической направленности (либеральное, консервативное, центристское, независимое) издания. В качестве яркого примера можно проиллюстрировать отображение канадской прессой выборов президента США 2012 г. Так, большинство изданий активно освещало течение американской президентской кампании. При этом, подавались не только наиболее значимые факты, программы кандидатов, но и аналитические материалы о специфике кампании, прогнозы относительно победителя. Заметной составляющей было и прогнозирование изменений в канадско-американских отношениях в случае победы того или иного кандидата. Кроме того, необходимо отметить и наличие критики США. Например, негативно оценивалась сама система косвенных выборов главы соседнего государства, а также методы предвыборной гонки, отмечался их клеветнический характер, осуждалось манипулирования со стороны СМИ. Все это в комплексе оценивалось как недопустимое для страны, которая позиционирует себя как образец демократии для всего мира [4]. Англоязычные издания были более активными в освещении американских президентских выборов, в то время как франкоязычные издания – нет. Это можно объяснить тем, что летом проходила выборная кампания в Квебеке, которая окончилась 4 сентября 2012 г., чему франкоязычная пресса уделяла значительно больше внимания. Тем не менее, с приближением даты президентских выборов в США, и франкоязычная пресса также начала более детально их освещать. Во многих изданиях, как англо- так и франкоязычных были созданы отдельные рубрики: «Американские выборы» (*L'actualité*), «Белый дом 2012» (*La Presse*), «Выборы в США» (*The Globe and Mail*), «Выборы в США 2012» (*Ottawa citizen*). В электронных версиях некоторых газет и журналов были созданы специальные проекты. Например: видеоблог Изабель Оде и Фредерика Гуэро «Дорогами Миссисипи: в США по реке (*La Presse*) [7]; интерактивная рубрика «Выборы 2012: Канадцы в Америке» (*The Globe and Mail*) [5]; специальная рубрика «Американские выборы» с материалами, интерактивными картами и ссылками на американские сайты *CNN, New York Times, 270towin.com* (сайт избирательной коллегии), *RealClearPolitics* (сайт новостей и разнообразных данных опросов) для самостоятельного отслеживания хода выборов (*L'actualité*), и т.д. В некоторых канадских изданиях предлагались материалы с историческими экскурсами. Примером может служить обзор результатов всех президентских выборов в США в XX – начале XXI в.: с картами результатов голосования и самыми главными проблемами, которые дискутировались во время той или иной избирательной гонки [6].

В общем, канадская пресса при освещении США, их внешней и внутренней политики демонстрирует тенденции, характерные для большинства современных СМИ. Однако следует отметить и ряд особенностей. США значительно шире представлены на страницах местной и общенациональной прессы Канады, чем какие-либо другие страны и регионы мира, что связано с географическим фактором, а также тесным сотрудничеством между двумя странами. При этом, локальная пресса более активно освещает канадско-американские отношения, а национальная – общемировой контекст внутренней и внешней политики США. И англо- и франкоязычная пресса подает критические материалы про США; кроме того, в некоторых публикациях можно проследить критику взглядов канадских политиков, которую сравнивают с политикой «по-американски».

В целом, отражение в канадской прессе США и канадско-американских отношений требует дальнейших исследований, учитывая, что современные печатные масс-медиа, которые дублируются в Интернет-плоскости, играют важную роль в формировании общественного мнения, и могут существенно влиять на изменения как внутренней, так и внешней политики государства. При дальнейшей разработке этом тематики необходимо уделить особое внимание прессе организованных диаспор, которые издают в Канаде свои печатные издания.

1. Мовчан, Ю.П. Особливості розвитку преси в Канаді / Ю.П. Мовчан // Електронна бібліотека Інституту журналістики. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://journlib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=380. – Дата доступу: 14.03.2013.
2. Осташ, Н.І. Асиметрія канадсько-американських відносин у постбіполярному світі: автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.04 / Н.І. Осташ; КНУТШ, Ін-т міжнар. відносин. – Київ, 2011. – 19 с.
3. Фісанов, В. Особливості функціонування канадських ЗМІ: погляд з України / В. Фісанов // Матеріали Першої міжнародної конференції з Канадознавства, 26 – 28 лютого 2010 року. – Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2011. – С. 32 – 35.
4. Brousseau F. Une démocratie sclérosée / François Brousseau [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.ledevoir.com/international/etats-unis/361410/une-democratie-sclerosee. – Date of access: 15.10.2012.
5. Election 2012: Canadians in America. Interactive: Meet your Canadian guides to the U.S. election // The Globe and Mail [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.theglobeandmail.com/news/world/us-election/interactive-12-canadians-who-will-challenge-your-idea-of-the-united-states/article4380799/?from=4506412 – Date of access: 12.11.2012.
6. Johnson, R. Graphic: A look back at a century of U.S. elections / R. Johnson // National Post [Electronic resource]. – Mode of access: http://news.nationalpost.com/2012/10/12/graphic-a-look-back-at-a-century-of-u-s-elections/. – Date of access: 18.11.2012.
7. Maison-Blanche 2012 // La presse.com [Electronic resource]. – Mode of access:: http://www.lapresse.ca/international/dossiers/maison-blanche-2012. – Date of access: 10.11.2012.
8. The Evolution of Newspapers // Newspapers Canada [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.newspaperscanada.ca/about-newspapers/history-newspapers – Date of access: 10.11.2012.

Р А З Д Е Л 9
ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕГИОНОВ

СИСТЕМНО-СЕТЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

М.А. Слемнев (Витебск)

Приграничное сотрудничество является важной формой взаимодействия региональных экономик сопредельных стран. Оно не только способствует повышению качества и уровня жизни населения приграничья, но и в известной степени нейтрализует угрозы глобализации. Сказанное в полной мере относится и к белорусско-российскому приграничью, которое формируют три области с белорусской стороны (Витебская, Могилевская и Гомельская) и столько же с российской (Псковская, Смоленская и Брянская). Непосредственно к государственной границе, протяженность которой составляет 990 км, примыкают 34 административных района. Площадь территорий белорусско-российского приграничного региона составляет около 320 000 кв. км, что значительно больше суммарной площади территорий трех прибалтийских государств.

Экономическое и гуманитарное сотрудничество в зоне белорусско-российского приграничья активно развивается. Вместе с тем нельзя не отметить, что оно пока что носит субприграничный, локальный характер. Хорошо, например, налажены экономические, культурные и научно-образовательные контакты между Витебском и Смоленском, Псковом и Витебском, Могилевом и Брянском, Лиозненским и Руднянским, Верхнедвинским и Себежским и другими районами. Что же касается системного взаимодействия, которое обеспечило бы интергационно-сетевую «сшивку» всех приграничных областей и превратило внушительные по своим размерам, экономическому и гуманитарному потенциалу территории в слаженно функционирующий, относительно самостоятельный трансграничный регион, то оно пока что отсутствует. Для решения этой необычайно сложной практической задачи необходима предварительная концептуализация белорусско-российского приграничья, разработка его системно-сетевой модели, своеобразной матрицы трансграничного сотрудничества. В статье рассматривается методологический подход к ее созданию, который основан на синтезе геотрионной и социокультурной презентации белорусско-российского приграничья как целостного образования.

Вначале о геотрионной модели белорусско-российского приграничья, которая разрабатывается белорусскими и российскими учеными под эгидой парламентов своих стран [1]. Она представляет собой двойную триаду: взаимодействие трех сопредельных областей (Витебской, Могилевской, Гомельской с одной стороны и Псковской, Смоленской, Брянской с другой) в рамках социоприродной системы с тремя основополагающими компонентами «природа – хозяйство – население». Среди благоприятных факторов, которые способствуют расширению и углублению экономической интеграции, особо выделяются схожесть природно-ресурсных и экологических условий, наличие сквозных транспортно-коммуникативных сетей (7 железных дорог, 11 автомагистралей с твердым покрытием, 3 нефтепровода и 1 газопровод) и мощных речных артерий (Западная Двина, Днепр, Сож), разные уровни занятости населения, что позволяет при хорошо продуманной интеграции успешно перераспределять трудовые ресурсы приграничных районов. Трансграничное сотрудничество в рамках геотрионной схемы также позволяет реструктуризировать органы местного самоуправления,

помочь в создании единого рынка труда, гармонизировать и диверсифицировать использование энергоресурсов, провести модернизацию трансграничной инфраструктуры, стимулировать развитие малого бизнеса и инновационных технологий. Особый акцент делается на следующие моменты: геотрионы не являются надгосударственными образованиями и действуют в национальных интересах каждой из сторон и союзного государства в целом; нормативно-правовое регулирование сетевой системы трансграничного сотрудничества осуществляется на основе законодательства союзного государства и его субъектов; организационно-информационная структура геотрионов выполняет, прежде всего, коммуникативно-координирующую функцию и не подменяет властные институты, действующие на их территории; формирование общего геотрионно-сетевого пространства не ведет к возникновению новой административно-территориальной единицы, имеющей статус юрлица.

Схематическое представление белорусско-российского приграничья в виде сложного природно-хозяйственного комплекса с присущими ему демографическими и социально-экономическими параметрами вполне допустимо, но явно не достаточно. Ведь граница это не только место встречи экономик двух стран, но и различных этносов и культур. В реальном измерении приграничное экономическое взаимодействие всегда протекает на основе активного диалога национальных культур, менталитетов и идеологий. А это требует внесения корректив и, зачастую, весьма существенных в финансово-экономические, энергетические, демографические, экологические и прочие сухие расчеты. Вот почему формализованную геотрионную презентацию приграничья следует дополнить его рассмотрением в качестве живой, динамичной социокультурной реальности. А у каждого геотриона она своя.

Понятие «социокультурная реальность» как и всякая мировоззренческая универсалия культуры не поддается однозначному определению. Для получения схематичного представления о содержании данного концепта следует учитывать, что он есть логическая связка трех терминов – «социальное», «культурное» и «реальное». Поэтому для получения представления об объекте, который называется «социокультурная реальность», надо вначале очертить смысловые контуры членов указанного конъюнктивного отношения.

Реальное – это то, что существует, присутствует в мире, есть, говоря словами Гегеля, не «ничто», а «нечто». Такого понимания реального вполне достаточно для исследования темы. Сложнее разобраться в понятиях «социальное» и «культурное». Очень уж широк спектр их семантических интерпретаций. Так, специалисты в области культурологии указывают на существование более двухсот определений культуры. Имеется немало определений и социального.

В наши задачи не входит подробное рассмотрение всех этих дефиниций. Отметим лишь, что в большинстве из них за понятием социальное просматривается та сторона общества, которая указывает на *совместность* (вместе, сообща) существования людей как необходимое условие их человеческого бытия (разделение труда, социальная стратификация, наличие различных общественных институтов и т.д.). В понятии культурное акцент делается на том, что общество является не природным, естественным, а надприродным, *искусственным* образованием. Это в равной степени касается как вещных, материальных конструктов (техносфера), так и разнообразных предметов ментального характера (нормы, идеалы, идеи, гипотезы, верования, ценностные ориентации и др.).

Рассмотрение социальных и культурных граней общества в качестве относительно самостоятельных образований вполне допустимо. Это, в частности, ус-

пешно делают и социология, и культурология по отдельности. Но следует помнить, что каждая из отмеченных сторон социума органически связана с другой. В итоге, социальное и культурное образуют специфическую социокультурную целостность. Для выявления механизмов взаимосвязи культурного и социального культуру полезно представить в качестве информационного аспекта жизни общества, как социально значимую информацию, регулирующую деятельность, поведение и общение людей.

Кумуляция и передача этой информации от поколения к поколению происходит при помощи различных социальных знаков. К ним относятся естественные и искусственные языки, различные предметы «второй природы», образцы человеческого поведения и др. Культура как сложная семиотическая система, в которой закодирован исторически накопленный социальный опыт людей, выполняет функции своеобразной надбиологической программы их совместной жизнедеятельности. Она обеспечивает производство и воспроизводство различных форм социального бытия людей, общественных институтов и типов личности, искусственной предметной среды и др. С некоторыми оговорками можно считать, что социокультурные программы играют в обществе примерно ту же роль, что и молекулы ДНК и РНК в природе [2, с. 527]. На уровне обыденного сознания программы организации совместной деятельности общения и поведения формируются и выполняются нерефлексивно. В повседневной жизни люди живут, так сказать, не по нормам, а «внутри них» и «между ними». На уровне теоретического сознания происходит осмысление социокультурной реальности, совершается ее структурирование, определяются регулятивные возможности и границы применимости программных рекомендаций и установок. В данной связи следует учитывать, что социокультурная реальность как программа обеспечения жизнедеятельности общества всегда содержит в себе реликтовую часть (остатки прежних культур), активное концептуальное ядро, ответственное за производство устоявшихся социальных структур, связей и отношений и идеологические схемы «опережающего отражения действительности», проекты регуляции деятельности, общения и поведения людей будущего. Все эти три уровня присутствуют в социокультурной реальности белорусско-российского приграничья.

При синтезе геотрионного и социокультурного моделирования белорусско-российское и российско-белорусское приграничье выступают не просто в виде сопряженных природно-экономических ареалов, расположенных по обе стороны границы, а как некое относительно целостное социально-территориальное и культурно-психологическое образование. В личном сознании его представителей в результате диффузного взаимопроникновения культур происходит пересечение и определенная синхронизация потребностей, интересов, ценностных ориентаций сопредельных народов. Это своеобразная буферная этносоциальная группа, структурируемая трансграничными экономическими, культурно-образовательными и психологическими сетями. С некоторыми оговорками позволительно сказать, что по обе стороны границы совершается формирование человека, которого можно условно назвать приграничным. Люди, разделенные границей, особенно, если она прозрачна, непосредственно ощущают ее политическое, идеологическое правовое, экономическое, культурное и этническое «дыхание». Информацию о сопредельной стране они получают не из СМИ, которые нередко страдают тенденциозностью, а в «чистом», недеформированном виде.

На становление маргинально-этнического, политического и духовно-нравственного облика людей приграничья влияет история предшествующего взаимоотношения народов, сложившийся уровень их национального сознания,

социально-психологическая и языковая дистанция, разделяющая этносы, степень прозрачности государственных границ, состояние межгосударственных отношений и др. Как показывают социологические исследования, традиционная оппозиция «Мы – Они», «Свои – Чужие» в белорусско-российском приграничье не носит конфронтационного характера и, тем более, не является демаркационной линией этнического отчуждения. В массовом сознании взаимные оценки русского и белорусского менталитетов имеют свои различия, но лишены неуважительного оттенка. Подтрунивание над некоторыми специфическими чертами национального характера (знаменитая толерантность белорусов, которая нередко превращается в супертерпимость и осторожность и безудержная широта русского характера и др.) имеет место, но не более того.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что достаточно продолжительное нахождение братских народов в различных политических, правовых и идеологических полях, известная разнокачественность экономических укладов не смогли не повлиять на сознание людей, особенно молодежи, которая прошла социализацию после распада СССР уже в разных государствах. Очагов явного приграничного межнационального напряжения сегодня не наблюдается. Но полностью исключать возможность их возникновения нельзя. Этому, в частности, способствуют т.н. газовые, молочные, сахарные «войны», предвзятые оценки в СМИ внутренней и внешней политики государств. Следует также учитывать, что в кризисные времена, когда становится неуютно жить в настоящем, виновников всех бед нередко ищут в историческом прошлом, акцентируя при этом внимание на далеко не лучших страницах взаимоотношений народов и государств. А при желании их всегда можно найти в любой стране. Активисты же радикальных национальных движений, которые стоят на страже своих этнических рубежей, охраняя их чистоту от внешних заимствований, в такие моменты способны нарушить устоявшееся национальное согласие. Можно надеяться, что белорусско-российским отношениям такое вряд ли грозит. Тем не менее, процессы, происходящие в социокультурной среде приграничья, нуждаются в тщательном изучении и отслеживании их динамики. Это столь же важно, как и осуществление мониторинга экономической и социально-политической ситуации в смежных районах.

Очевидно, что для разработки надежных программ кратковременного и долгосрочного регионального и локально-территориального приграничного сотрудничества усилиями одних экономистов, финансистов, логистов, демографов, экологов не обойтись. Приграничье требует также пристального внимания к себе философов, историков, политологов, культурологов, социальных психологов, этнологов и представителей других социально-гуманитарных наук. Только комплексное научно-теоретическое осмысление феномена белорусско-российского приграничья может стать эффективной методологической основой практических действий, способствующих углублению экономической интеграции двух стран, дальнейшему духовному единению братских народов и строительству Союзного государства. В свою очередь, Союзное государство должно стать тем органом, который будет регулировать функционирование и развитие стратегически важного белорусско-российского региона.

1. Востриков, С.В. «Геотрионы» как системообразующий фактор интеграционно-сетевых взаимодействий экономического развития РБС / С.В. Востриков // Социальные трансформации: российско-белорусское приграничье: состояние и проблемы. – Смоленск: СмолГУ, 2010. Вып.20. – С. 28 – 38.
2. Степин, В.С. Культура / В.С.Степин // Новейший философский словарь. – Минск: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2001. – С. 527 – 530.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОЕКТ «ТУМАНГАН»

В.А. Гайкин (Владивосток)

Геополитическая архитектура Евразии в XXI в. может претерпеть изменения, инициатором которых выступают определённые структуры ООН. Проект «Туманган», продвигаемый стратегами ООН не так безобиден и «прогрессивен» как об этом говорится в рекламных и программных буклетах. В будущем Евразийский транспортный коридор (как часть проекта «Туманган») может стать катализатором создания в Евразии двух расовых коалиций, и расовой войны как результата их конфронтации. Концепция Евразийского союза появилась почти одновременно (начало 1990-х гг.) с проектом «Туманган» в качестве его антагониста. Если «Туманган» (и Евразийский коридор) это изоляция России, дезорганизация евразийского пространства, его геополитическая трансформация в угоду геостратегическим интересам Китая, то Евразийский союз – разнорасовое сообщество, символизирующее будущее единство Евразии, а впоследствии и мира. Связанные общим экономическим интересом государства-члены Евразийского союза формируют новый мощный полюс глобализирующегося мира.

Первоначальная («стволовая») концепция проекта Туманган (официальное название «План развития бассейна реки Туманган») заключалась в создании в устье р. Туманган на стыке трех границ трансграничного территориального анклава, состоящего из трех сегментов (китайского, корейского, российского), который будет управляться некоей международной структурой (с постепенной интернационализацией анклава). Отсутствие реальных подвижек в его реализации на протяжении первых 15 лет (с 1991 г.) объяснялось осознанием российскими властями роли «Проекта» как «убийцы» Транссиба и морского порта Владивосток. Сыграли роль и бесцеремонные откровения политологов, которые озвучивали позицию западных лидеров. Директор кельнского Института Восточной Европы Х. Тиммерман в своей статье-меморандуме писал: «Целью политики Запада должны быть не легитимизация и укрепление искусственного построения СНГ, а поддержка естественным путем формирования в его рамках субрегиональных образований типа ГУАМ … таким образом должны быть усилена поддержка проекта «Евразийского транспортного коридора» [5, с. 43]. Бросалась в глаза и сама дата возникновения «Проекта» – 1991 г. – год развала СССР и появления независимых среднеазиатских государств, что давало возможность строительства по их территории «Евразийского транспортного коридора» и изоляции России.

Помимо экономической существует еще более серьезная – геополитическая опасность, связанная с проектом «Туманган». Если попытаться «прочитать» матрицу исторического процесса с помощью гегелевского закона «отрицание отрицания», то выделяются три исторических этапа (гегелевская триада): первобытное общество, классовое общество, постиндустриальное общество. Как известно, по Гегелю, третий член «триады» повторяет первый (спираль развития), но на качественно новом уровне. Тот же Гегель считал, что история человечества это поэтапное развитие свободы индивидуума. Согласно К. Марксу «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»[3].

Таким образом, достижение царства свободы (по Гегелю) как лейтмотив развития человечества, реализуется только после выхода человека из сферы материального производства (по К. Марксу). Первобытное общество, охота и собирательство (зависимость от природы) – тезис, переход к регулярному труду (зави-

симость от материального производства) – антитезис. Развитие материального производства эволюционно приводит к освобождению от всякой зависимости (постиндустриальное общество) – синтез. Однако «синтез» (постиндустриальное общество), как повторение на высшем уровне «тезиса» (первобытное общество) будет означать и перенесение в постиндустриальное общество доминантного конфликта первобытного общества, коим была межрасовая конфронтация. Первобытное общество унаследовало от животного мира внутривидовую борьбу, которая у первобытных людей приняла форму межплеменных войн и межвидовую борьбу, коей стала межрасовая конфронтация.

Расовая война будет самым страшным из конфликтов, по сравнению с которой вторая мировая покажется дивизионными маневрами. Ее ведение не будет преследовать ни одной из целей предыдущих конфликтов (захват рабов, материальных ценностей, создание империй, смена общественного строя). Главная и единственная ее цель – полное уничтожение всего населения расы-антагониста.

Дать точный футуропрогноз с указанием даты реализации того или иного события нереально. Правильнее определять направления, векторы развития, намечать ориентиры и вехи. Аксиомой стал тезис о том, что научно-технический прогресс идёт с возрастающей скоростью. Попробуем вывести «алгоритм» ускорения: От каменного топора до начала использования металлических орудий труда прошли десятки тысяч лет; путь от металлического топора до применения станков человечество прошло в десять раз быстрее – за несколько тысяч лет. На порядок меньший временной отрезок понадобился чтобы изобрести компьютер - несколько сот лет. Экстраполируя эту тенденцию в будущее, можно предположить, что для завершения компьютерной революции, комплексной роботизации производства (и выхода из него человека) будет достаточно нескольких десятилетий (по максимуму столетие). Поскольку первый компьютер появился в середине XX в., то данное событие можно было бы ожидать в середине XXI в.

Нужно сделать поправку на то, что, как отмечают эксперты, в последние десятилетия происходит замедление научно-технической революции. В окончательном варианте, выход человечества из сферы производства, а значит вступление человечества в новый (постиндустриальный) этап развития, и как следствие, возможность расовой войны можно ожидать в конце XXI в. (2080 – 2100 гг.) Наш прогноз-концепция о возможности возникновения в конце 21 века расовой войны получил неожиданное подтверждение. В 2003 г. английским исследователем была найдена ранее неизвестная 2-х томная рукопись И. Ньютона. Информация об этом проходила в прессе и по ТВ [2]. Ее содержание составляют сложные математические вычисления, которые связаны, либо базируются на астрологической информации и библейских сюжетах (Книге пророка Даниила).

Согласно гипотезе великого учёного, между восстановлением Римской империи Карлом Великим, коронация которого состоялась в рождественскую ночь 800 г., и концом света должны пройти 1260 лет. Таким образом, апокалипсис наступит в 2060 г. Между нашим прогнозом даты расовой войны (2080 – 2100) и И. Ньютона (2060) – 20 лет разницы. Учитывая, что прогноз великого ученого был сделан за 400 лет до события, то 20 лет можно считать допустимой погрешностью в вычислениях (5%). Контртенденцией грядущему расовому соперничеству является усиление экономической и политической интеграции государств, рост взаимосвязи, взаимозависимости их экономик. Многое будет зависеть от того, какой из двух процессов завершится раньше – выход человека из сферы производства или приведение мира к единому экономическому знаменателю.

Если первый процесс пройдет быстрее, реальна перспектива создания расовых союзов и балансирования на грани войны. Именно поэтому важна направленная сис-

темная политика по организации единого мира, в результате которой «расовые лавины» пойдут в нужном, безопасном для человечества направлении. Создание в октябре 2000 г. в Астане Евразийского экономического сообщества не каприз «кремлевской верхушки», а закономерный этап мирового исторического процесса. Логика исторического развития потребует присоединения к этому блоку Монголии, Кореи, Японии.

Важную роль должен сыграть Транссиб – готовая артерия, связывающая Европу со Средней Азией и с Дальним Востоком. Его роль будет состоять в «правильной» организации евразийского пространства, через стыковку с Транскорейской ЖД и японскими ЖД путём строительства соответствующих мостов и тоннелей. Соответственно дезорганизующую роль сыграет «евразийский транспортный коридор», который планируется создать в обход России. Этот проект, связанный с проектом «Туманган», протежирует ООН. В докладе ООН по проекту «Туманган» говорится: «Значение этого маршрута в том, что он пройдет по Северо-Восточной и Центральной Азии» [1, с. 42]. На самом деле ничего позитивного в этом нет. Строительство транспортного коридора в обход России объединит в первую очередь монголоидный мир, а не всю Евразию. «Евразийский транспортный коридор», который планируется создать в обход России, сыграет деструктивную роль («бомба замедленного действия»). Этот проект, связанный с проектом «Туманган», может стать катализатором расовой конфронтации на евразийском пространстве.

В евразийской системе Россия должна будет стать третьим интегративным центром, наряду с ЕС и Китаем, снижающим до минимума «расовое напряжение» между европеоидным и монголоидным полюсами планеты. Ее задача в том, чтобы расколоть монголоидное сообщество, создав союз с государствами Центральной Азии, Кореей и Японией. Как написал в своей статье В.В. Путин: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»[4].

1. Гайкин, В.А. Проект Туманган / В.А. Гайкин // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 1999. – № 1. – С. 38 – 49.
2. Лаговский, В. Исаак Ньютон назначил конец света на 2060 г. / В. Лаговский // Комсомольская правда. – 2007. – 19 июня.
3. Маркс, К. Полное собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 25, Ч. 2. – 546 с.
4. Путин, В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В.В.Путин // Известия. – 2011. – № 184.
5. Тиммерман, Х. Процессы дезинтеграции и реорганизации СНГ / Х. Тиммерман // МЭМО. – 1998. – № 12. – С. 42 – 45.

ДУХОВНЫЕ ФАКТОРЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Э.И. Рудковский (Витебск)

Приграничное сотрудничество многогранно, имеет ряд аспектов и осуществляется по целому ряду направлений. Наибольший интерес в сотрудничестве двух братских народов – России и Беларуси – достигнут, как известно, в экономической сфере. Экономические связи и интеграция играют базисную, определяющую роль по отношению к другим видам и формам интеграции, которые по традиционной терминологии принято называть базисными. Вместе с тем, нельзя не учитывать роль и значение факторов социальных, политических и духовных. Общество – это целостный организм, где все взаимосвязано и неотделимо друг от друга.

Важнейшая задача двух стран-соседок – дальнейшее укрепление добрососедства, дружбы и взаимопонимания посредством углубления культурных связей, развития сотрудничества в гуманитарной сфере (вопросы досуга, образования;

проведение дней культуры, фестивалей и т.д.). При этом должны быть созданы объективные предпосылки, которые препятствовали бы росту отчужденности между народами, различных проявлений национализма. Безусловно, решение данной задачи в огромной мере зависит от средств массовой информации, которые должны работать на идеологическое обеспечение интеграции двух братских народов. Более того, необходима институционализация социокультурного сотрудничества приграничных регионов, создание соответствующих государственных структур, общественных объединений, разработка комплексных программ, которые координировали бы данный важный сегмент жизни населения двух стран.

Нельзя не учитывать то обстоятельство, что в сознании широких слоев населения пока отсутствуют четкие представления о сути региональной политики и места в ней приграничного и трансграничного сотрудничества. В этой связи, большое значение имеет информационное взаимодействие регионов и людей, которое является многоаспектным и стремится к преодолению каких бы то ни было границ. Однако информационное взаимодействие часто сопряжено с наличием видимых и невидимых барьеров. Один из них – различный характер идеологических принципов, ценностей, социальных и политических ориентиров, культивируемых в странах. Известен тот факт, что население республики Беларусь в большей мере информировано о событиях в России, нежели россияне о реальных процессах, происходящих в нашей стране. К примеру, доступ белорусского телевидения на российскую территорию по разным причинам ограничен. Прежде всего, в Приграничье происходит апробация путей разрешения возникающих проблем и противоречий в названной сфере.

В этой связи следует, на наш взгляд, учитывать следующую важнейшую проблему. Речь идет об общности идеологических ценностей двух стран.

Уповать только на экономические интересы, получаемую хозяйственную выгоду не стоит, нельзя находиться в плену экономического и технологического детерминизма. Речь идет о единстве духовных ценностей и, если хотите, идеологических ориентиров, о проекте будущего двух стран. Без этого неизбежны всякого рода «войны» (сахарные, молочные и т.п.). Следует признать, что идеология является сегодня слабым звеном интеграции Беларуси и России. Существуют достаточно существенные различия моделей развития двух стран-соседок. Нельзя игнорировать тот факт, что экономика, политика и идеология диалектически взаимосвязаны. Именно идеология, формулирует ориентиры того, как обустраивать на общий дом, включая и экономику. Идеологические ценности являются той «смазкой», которая повышает эффективность функционирования всех звеньев хозяйственного механизма и экономической интеграции. Вот почему вопросы идеологического обеспечения евразийской интеграции в целом и приграничного сотрудничества, в частности, весьма актуальны и требуют обоснованного ответа. Только единое идеологическое векторное поле позволит наполнить интеграционные процессы единым содержанием, преодолеть сиюминутный экономический эгоизм по обе стороны границы.

Нередко в качестве духовной основы единения братских народов рассматривается православие, которое определило культурный и цивилизационный облик восточных славян. Подчеркивается, что в рамках православной традиции формируется литературная и языковая культура, появляется общее самосознание, связанное с понятиями «Русь», «русская земля», «русская вера», «русский дух». Это дает повод говорить о восточно-христианской цивилизации, стимулируя тем самым интеграцию коллективного сознания как в пространственно-территориальном отношении, так и в ментальном измерении.

Православие, безусловно, может и должно сыграть важную роль в единении российского и белорусского народов, развитии между ними международного сотрудничества. Важную, но, думается, не решающую. Такая роль принадлежит политико-идеологическим факторам (если речь идет о факторах духовных).

Это обусловлено следующими причинами. Во-первых, следует признать падение религиозности населения. Процессы секуляризации различных сторон общественной жизни стали реальностью. Доля активно верующих молодых людей в нашей стране незначительна: лишь 6 – 8% их соблюдает религиозные обряды и регулярно не реже одного раза в неделю посещает богослужение в церкви. Во-вторых, истории известны многочисленные случаи, когда именно противоположность идеологических и политических ценностей и интересов разделяла целые нации, вела к кровопролитным гражданским войнам. При этом общность религии не препятствовала этому. Достаточно вспомнить гражданские войны в России и Испании. Ведь население этих стран в то время было в основной своей массе православным и католическим соответственно.

Полагаем, что одной из важнейших идеологических предпосылок единения двух стран и народов является «союзный патриотизм». Данное понятие нуждается в уточнении. До сих пор нет его единого толкования. О союзном государстве в белорусских и российских учебниках говорится вскользь и очень лаконично. Следует признать, что наши страны не вышли на тот объем духовного и информационного обмена, который необходим и который существовал в СССР. Решение проблемы упирается в отсутствие соответствующей структуры, некого нового инструмента, который бы координировал и поддерживал совместные проекты в гуманитарной и социокультурной сферах. Необходимо создавать такое духовное и юридическое пространство, которое, наряду с экономическим и таможенным, способствовало бы союзному строительству. Именно формирование общественного сознания является базой для утверждения тех ценностей, которые необходимы народам в их интеграционных устремлениях и выступают духовным скрепом не только любого интеграционного объединения, но и любого государства.

РЕЛИГИЯ КАК ДУХОВНАЯ ОСНОВА ЕДИНЕНИЯ РОССИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ

Е.В. Давлатова (Витебск)

Религиозная культура является важной составляющей мировоззренческой и культурной идентичности, как для отдельной личности, социальной группы, так и целого этноса. Она определяет принадлежность человека к той или иной религиозной конфессии. На протяжении столетий православные традиции стали культурной и мировоззренческой основой самосознания народов России и Беларуси. Это прочно укрепилось в коллективном бессознательном наших народов.

Сегодня в Витебске зарегистрированы 82 религиозные общины, представляющие 16 конфессий и 95 религиозных организаций. Подавляющее большинство из них это религиозные общины Белорусской Православной Церкви – их насчитывается 46, что составляет 56% от числа зарегистрированных [1].

В рамках изучения бюджетной темы «Образы Беларуси и России в контексте приграничья как специфической реальности» кафедрой философии Витебского госуниверситета имени П.М. Машерова было проведено анкетирование студентов со второго по пятый курсов университета, выпускников Витебского колледжа связи и Витебского станкоинструментального колледжа с целью изучить их отношение к объединению двух стран, определить самооценку собственной ментальности и оценку ментальности своих соседей-россиян, познакомиться с миро-

воззренческими и религиозными аспектами жизнедеятельности студенческой молодежи. На вопрос, «В отношении к религии, к каким людям Вы, скорее всего, относитесь?» 64,7% студентов университета и 56,5% учащихся колледжей ответили, что они являются верующими, 4,9% студентов университета и 5,6% учащихся колледжей ответили, что они не верят в бога. Таким образом, большинство учащихся считают себя верующими. Аналогичные результаты мы получили при опросе студентов университета в 2008 г., 64,32% опрошенных считали себя верующими и 1,3% считали себя неверующими [2, с. 37]. Однако, отвечая на вопрос «Если Вы считаете себя верующим человеком, то в какой форме Вы реализуете свои религиозные убеждения?», 47,1% студентов университета и 43,5% учащихся колледжей ответили, что они по традиции отмечают отдельные религиозные праздники. И только 8,1% учащихся колледжей и 11,1% студентов ответили, что они участвуют в отправлениях всех религиозных богослужений, обрядов и таинств. Из этого можно сделать вывод, что подавляющее большинство респондентов лишь на словах заявляет о своей религиозности и не практикует конкретные религиозные формы практики. Также 29,7 % студентов и 32,4 % выпускников ответили, что, по их мнению, роль церкви в современном обществе уменьшается.

На вопрос «Какую роль, по Вашему мнению, должны играть религиозные организации в духовной и общественной жизни нашей страны?» студенты университета (46,3%) и учащиеся колледжей (34,3%) ответили, что религиозные организации должны служить укреплению духовности и нравственности в обществе; 27,9% студентов университета и 31,5% учащихся колледжей считают, что религиозные организации способствуют накоплению и сохранению религиозных и культурно-художественных реликвий, религиозных традиций общества; 24,5% студентов и 24,1% выпускников колледжей считают, что религиозные организации должны объединять людей на основе общих для них религиозных верований, ценностей, объектов поклонения. Эти цифры показывают, что респонденты подчеркивают роль Русской Православной Церкви в решении социальных и нравственных проблем общества, а значит, объединяют в своем сознании конфессиональную и национальную идентичность. Является ли это достаточным критерием самоидентификации респондентов? На наш взгляд, все же следует принимать во внимание степень их знакомства с религиозным учением и активность участия в культовой практике. К сожалению, 30,4% студентов университета и 39,8% выпускников колледжей затрудняются ответить на вопрос «Какую роль в развитии приграничного сотрудничества играет православие?». Это говорит о том, что респонденты недостаточно хорошо владеют информацией о роли православных традиций в жизни наших народов, и, в целом, плохо представляют, как это может проявляться в повседневной жизни. Между тем, в Витебске и Витебской области уже давно проходят совместные с Россией, Украиной и другими странами СНГ различные образовательные, культурные и религиозные мероприятия. Так, уже 10 лет проходит творческий православный молодежный фестиваль «Одигитрия». 31 июля 2012 г. в Витебске фестиваль собрал православную молодежь из Беларуси, России и Украины, в нем участвовали более 300 человек. Он проходил в рамках соглашения о сотрудничестве между Синодальным отделом по делам молодежи Р ПЦ и секретариатом Совета Межпарламентской ассамблеи СНГ. После музыкального конкурса 5 августа 2012 г. начался традиционный крестный ход участников фестиваля из Витебска в Смоленск. 9 августа 2012 г. юбилейный крестный ход встречали в Смоленске, в молодежном центре при храме святой великомученицы Варвары. В храме апостолов Петра и Павла паломники установили святые иконы, принесенные ими с Белорусской земли. Фестиваль закончился в Свято-

Успенском соборе, где молодежь крестного хода приняла участие в молебне в честь иконы Божией Матери «Одигитрия» и праздничном Всенощном бдении.

Основы христианского вероучения, мораль, система религиозных ценностей всегда была стабилизирующим и консолидирующим основанием, на которое опиралась система образования и воспитания, строилась духовно-нравственная жизнь славянских народов, формировалось этническое самосознание. Православие, безусловно, может и должно сыграть важную роль в единении российского и белорусского народов, развитии между ними международного сотрудничества.

Студенчество занимает особое положение в социальной структуре общества. Студенческая молодежь отличается высоким уровнем стремления к личностно-профессиональному самоутверждению, творческим потенциалом, интересом к практическому участию в социальных преобразованиях Беларуси и России, собственным отношением к различным сторонам общественной жизни своих стран, собственными социальными ориентациями. Без большого преувеличения можно утверждать, что студенчество представляет собой лучшую часть российской и белорусской молодежи и в недалеком будущем выступит определяющей силой социально-политического, экономического и культурного развития наших стран. От того, каких принципов, норм и ценностей придерживается эта социальная группа, во многом зависит успех или неудача предпринимаемых в наших странах реформ.

1. Реализация «Программы развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом» в городе Витебске // Официальный сайт Витебского городского исполнительного комитета [Электронный ресурс]: - 28.02.2013. – Режим доступа: http://vitebsk-city.vitebsk-region.gov.by/ru/social/religia. – Дата доступа: 18.03.2013.
2. Давлатова, Е.В. Мировоззренческие и религиозные аспекты жизнедеятельности студенческой молодежи / Е.В. Давлатова // Материалы республиканской научно-практической конференции «Система воспитательной работы вуза по формированию гражданской позиции молодежи». Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. – С. 36 – 38.

ЯКУТИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АРКТИКЕ В КОНЦЕ XX в.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, МЕХАНИЗМЫ И ФОРМЫ УЧАСТИЯ

А.А. Сулейманов (Якутск)

Вторая половина 1980-х гг. была ознаменована серьезными переменами в системе международных отношений: активизацией связей между СССР и западными странами, снижением напряженности в мире и, в конечном итоге, прекращением холодной войны. Происходившие перемены достаточно быстро нашли свое отражение в арктическом регионе, к широкомасштабному сотрудничеству при изучении и освоении которого М.С. Горбачев призвал в октябре 1987 г. в своей речи в Мурманске [3, с. 1]. В результате, уже в 1988 г. в Ленинграде была проведена крупнейшая научная конференция. Ее работа объединила усилия полутысячи ученых-арктиковедов из 15 стран мира [5]. В 1989 г. начался хорошо известный «процесс Рованиеми». Еще через год для содействия развитию кооперации исследователей Арктики и координации их усилий был создан Международный арктический научный комитет [6, p. 4].

Опираясь на созданную научную базу и исследовательский потенциал, активно включилась в эти интеграционные процессы и содействовала их развитию Республика Саха (Якутия). Ее непосредственное участие в международной научной кооперации было бы невозможно без демократических преобразований в Российской Федерации и падения железного занавеса, открывших перед российскими учеными принципиально новые возможности. Следует упомянуть и о таком благоприятном факторе как существенная поддержка, которую оказало правительст-

во республики научным исследованиям в кризисное для России время, а также отметить энергичную деятельность президента Республики Саха М.Е. Николаева, в том числе в рамках международной неправительственной организации Северный Форум. Серьезную работу по развитию международного сотрудничества проделали созданные при содействии правительства Якутии научно-координационные центры, деятельность которых свидетельствует о существенной роли республики в создании механизмов, объединяющих усилия исследователей по изучению Арктики. Так, активно содействовал привлечению внимания мировой научной общественности к проблемам коренных народов и способствовал популяризации арктической тематики в Якутии организованный в 1991 г. Национальный комитет Республики Саха по делам ЮНЕСКО [1, д. 1, л. 1 – 2.]. Во многом именно благодаря работе Комитета были установлены прямые связи между научными учреждениями Якутии и зарубежных стран, позволившие впоследствии приступить к реализации совместных гуманитарных исследовательских проектов. Развивать кооперацию с зарубежными специалистами были призваны также Якутский международный центр по развитию северных территорий (создан в 1992 г.) [4, с. 1 – 2], Академия Северного Форума (1994 г.), в организации которой ведущую роль сыграла Якутия, а ее представители (Р.М. Скрябин и В.Н. Васильев) заняли в Академии лидирующие позиции [1, д. 16, л. 4 – 15]. Для этих структур, к сожалению, было характерно обилие поставленных перед ними задач и возлагаемых на них ожиданий при очень ограниченных организационных и финансовых возможностях. Главным же затруднением для Центра и Академии стало то, что иностранные исследователи стремились наладить прямые связи с научными учреждениями Якутии. В области естественных наук такие прямые связи наметились уже в начале 1990-х гг., в области гуманитарных – в середине 1990-х гг.

Активными участниками международных изысканий в арктических районах Якутии с российской стороны были представители различных НИИ и других организаций из Москвы, Санкт-Петербурга и самой Якутии. Среди зарубежных участников исследовательскую деятельность вели специалисты из научных учреждений Великобритании, Германии, Канады, США, Финляндии, Франции, Японии [2, с. 65 – 110]. Формами сотрудничества стали: организация морских и сухопутных экспедиций для сбора полевого материала, его обработка и лабораторный анализ; предоставление научными учреждениями Якутии своей исследовательской базы, а зарубежными партнерами – специального оборудования для проведения совместных изысканий; координация исследований и обмен полученными данными; обсуждение проблем коренных народов, охраны окружающей среды, различных аспектов протекания природных процессов в арктических районах Якутии на симпозиумах, конференциях и семинарах; создание природоохранных территорий; совместная публикация материалов изысканий в российских и зарубежных научных изданиях, а также научные обмены [2, с. 46 – 115].

Механизмы взаимодействия ученых: создание специальных структур для активизации и координации международной исследовательской деятельности в Арктике; объединение усилий научных центров и специалистов различных стран посредством использования единой методики исследований; разработка международных программ и проектов, учитывая разнообразные возможности участвующих сторон (финансирование, инструментарий, кадры). Финансировались совместные исследования, как правило, зарубежными партнерами, а международные конференции, проходившие в Якутии, – республикой. В зависимости от характера изысканий иностранные специалисты предоставляли оборудование, аналогов многим образцам из которого в России не было.

Направления совместных исследований ученых из России и зарубежных стран развивались в общем русле международных процессов научной кооперации в арктическом регионе, характерных для конца XX в., и были связаны с ростом внимания к проблемам аборигенных этносов, экологии и изменения климата Земли. При изучении различных сторон жизнедеятельности коренных народов ученых интересовало, прежде всего, современное положение аборигенных этносов в условиях глобальных изменений, происходивших и происходящих в мире. В связи с этим, рассматривались как общие для всего арктического региона вопросы (влияние транспортно-промышленного развития на традиционный образ жизни коренных народов, законодательное обеспечение и практическая реализация их прав на землю и ресурсы на территориях исконного проживания, сохранность родного языка и обычаев, условия жизни), так и последствия специфических проблем нашей страны последнего десятилетия XX в. (рыночные преобразования, развал СССР) на демографическую ситуацию, состояние и развитие традиционных отраслей хозяйства. Среди приоритетных направлений работ по организации мониторинга биологического разнообразия и охране окружающей среды следует назвать сбор и анализ специалистами материалов по состоянию флоры, орнитофауны и млекопитающих Заполярной Якутии, включая выработку на основе полученных данных рекомендаций для правительств государств мира. Отдельное внимание ученые уделили исследованию биоразнообразия дельты Лены, а также изучению численности, ареалов обитания, путей миграции перелетных птиц. Кроме того, международные изыскания были посвящены определению загрязненности участков морей, рек и материковых территорий, созданию особо охраняемых природных территорий. При изучении природных процессов и явлений в арктических районах республики важное место исследователи отвели выявлению связи глобальных изменений климата и состояния вечной мерзлоты, в частности, была выполнена реконструкция древних условий окружающей среды, проведен анализ современного состояния вечной мерзлоты и атмосферы, а также динамики температурного режима. Помимо этого, ученые исследовали полярные сияния, изменения магнитного поля Земли и его вариации на территории Якутии, изучили сейсмическую и тектоническую активность арктических районов [2, с. 50 – 112].

В целом же, история деятельности научного сообщества и правительственных органов Республики Саха (Якутия) в рамках международного сотрудничества по исследованию Арктики в 1990-е гг. свидетельствует о важной роли и значительных возможностях непосредственного участия региона Российской Федерации в развитии мировых интеграционных процессов. Организованные в этот период международные инициативы способствовали росту научных знаний о природе Арктики и населяющих ее народах, позволили ученым активнее обмениваться имеющимся опытом, существенно обогатить свой методологический арсенал и, в общем, расширить горизонты познания арктического региона.

1. Национальный архив Республики Саха (Якутия). – Ф. П-1535. – Оп. 1.
2. Сулейманов, А.А. Якутия и международное научное сотрудничество в Арктике в конце XX столетия / А.А. Сулейманов. – Новосибирск: Наука. – 166 с.
3. Речь товарища М.С. Горбачева // Правда. – 1987. – 2 октября. – С. 1.
4. Учредительный договор о создании и деятельности Якутского международного центра по развитию северных территорий. Якутск, 1992 // Текущий архив Президиума Якутского научного центра Сибирского отделения РАН.
5. Arctic Research: Advances and Prospects. Proceedings of the Conference of Arctic and Nordic Countries on Coordination of Research in the Arctic, Leningrad, December 1988: in 2 Parts / ed. V.E. Sokolov and V.M. Kotlyakov. – M.: Nauka, 1990. – Part 1. – 367 p. – Part 2. – 447 p.
6. Founding Articles for an International Arctic science committee. Final edition. August 1990 // Текущий архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛЯРНО-АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

С.В. Кривов, Э.В. Климов (Нижний Новгород)

Вопросы экономической, экологической и международной безопасности в современном мире приобретают всё большее значение, а трансграничное сотрудничество становится одним из условий снижения политической напряженности и военной конфронтации в регионе. Начиная с конца 1980-х гг., международное сотрудничество в Арктике стало уже заметным фактором развития современной мировой политической системы. Неслучайно, О. Янг обозначил современный период как «век Арктики» [3, p. 162].

Представляется, что значимость рассмотрения указанной проблематики обусловлена следующими основными аспектами. Во-первых, именно в данном регионе наиболее наглядно прослеживается активное вовлечение негосударственных структур в качестве активных участников международно-политического процесса. Особенно ярко прослеживается усиление сотрудничества организаций коренных народов региона и их влияние на выработку важнейших международных договоренностей по ключевым аспектам регионального развития. Во-вторых, рассматриваясь в предшествующее время своего рода периферией, Арктика долгое время не воспринималась в качестве единой региональной общности. Однако в последние два десятилетия ситуация кардинально изменилась. Создание и деятельность ряда межправительственных структур, как на национальном, так и на региональном уровнях в качестве основных действующих лиц, фактически ставит на повестку дня вопрос о формировании здесь новой региональной идентичности. Наконец, в условиях интернационализации и глобализации международно-политического процесса вполне уместным выглядит обращение к изучению взаимодействия этого своеобразного региона с окружающим миром.

Возникнув задолго до появления государств с их национальными интересами и границами, отношения между народами в Арктике с самого начала сопровождались пересечением и взаимопроникновением культур. Так задолго до Колумба викинги установили прочные связи между Северной Америкой, Европой и Россией. Важной вехой явилось и развитие поморской торговли между Скандинавией и регионом Белого моря. Неоднократно поднимался в историографии вопрос и о Беринговом проливе, как своеобразном мосте между континентами.

Вторая мировая война способствовала оживлению международной деятельности в регионе, хотя и на основе военного противостояния. Последовавший затем период холодной войны фактически превратил Арктику в разделительный барьер между противоборствующими блоками. Именно в этот период регион становится сферой повышенного внимания со стороны многих государств, а их отношения предметом тщательного регулирования норм международного права. Так, Конвенция ООН по морскому праву предусматривает создание прибрежными государствами особой экономической зоны в пределах до 200 морских миль, а также право на её защиту. Именно в этот период возникли советско-канадские разногласия по поводу Северного морского пути. Тем не менее, международное сотрудничество на Севере не было полностью заморожено, а стало лишь более институционализированным. В северной части Тихого океана, трансграничное сотрудничество на субнациональном уровне началось в 1970-х гг. в контексте договоренностей между региональными администрациями Японии (Хоккайдо), Канады (Альберта) и США (Аляска). Также одним из примеров многосторонних международных договоров, имеющих отношение к Арктике, стало Соглашение о сохранении популяции белых медведей, достигнутое в 1973 г. Тем не менее, об-

щее состояние сотрудничества в регионе даже в конце рассматриваемого периода характеризуется многими исследователями как «недостаточное» [1, p. 105].

Новый толчок развитию отношений в Арктике дала мурманская речь М.С. Горбачева, произнесенная в 1987 г., приведшая впоследствии к так называемому «процессу Рованиеми» и созданию коллективной Стратегии защиты окружающей среды Арктики (AEPS) в 1991 г. Будучи ещё советским по риторике, документ содержал предложения по созданию зоны свободной от ядерного оружия, по укреплению взаимного доверия, сотрудничеству в области судоходства и освоению природных ресурсов, а также координации усилий в сфере научных исследований и защиты окружающей среды. Фактически начавшийся новый этап сотрудничества в арктическом регионе знаменовал сдвиг от чисто военных интересов, которые доминировали в арктической политике, к решению проблем связанных с реальным человеческим существованием: охрана окружающей среды, устойчивое экономическое развитие, исследовательская деятельность. Тем не менее, значительное военное присутствие государств продолжает свидетельствовать о большом стратегическом значении Севера.

Неоднократно отмечалось, что XX в. стал временем развития национального самосознания и национального строительства. Не остался в стороне и Арктический регион. Поскольку в своих странах большинство коренных народов Арктики являются меньшинством, рост самосознания здесь сопровождается стремлением к определению правового статуса, а учитывая специфику региона, имеет мощную экологическую направленность. Так, возникнув в начале 1980-х гг., саамское движение против освоения реки Альты в Северной Норвегии хотя и не выиграло борьбу против строительства плотины, породило мощное национальное пробуждение, особенно среди саамской молодежи, а также привлекло внимание общественности к саамскому искусству. В 2004 г. в Стокгольме состоялась международная конференция, результатом которой явилось принятие Конвенции о стойких органических загрязнителях. При этом значительную роль в принятии этого документа сыграли именно организации коренных народов Арктики, что демонстрирует их способность эффективно участвовать в решении таких важных вопросов как охрана окружающей среды. Хотя в целом участие таких организаций в налаживании арктического и приполярного сотрудничества пока остается не до конца понятным. Так, организации коренных народов, которые участвовали в принятии Стратегии по охране окружающей среды Арктики, не стали в 1996 г. учредителями Арктического совета, который является преемником AEPS. Кроме того, они обладают лишь ограниченными финансовыми ресурсами для полноценного участия в деятельности межгосударственных структур. Сам факт их деятельности очень важен на международном уровне, так как указывает на возможность такого участия в решении подобного рода вопросов на глобальном уровне.

С конца 1980-х гг. было много попыток определить Арктику в качестве отдельного международного региона, что предполагало создание организаций и учреждений, которые непосредственно касаются вопросов северных территорий. При этом зачастую в рамках этого преследовалась двоякая цель. С одной стороны, такие организации были призваны укреплять доверие между государствами после окончания холодной войны, что определяло их политический, во многом декларативный принцип существования. С другой стороны, вполне очевидной становилась необходимость координации усилий по защите окружающей среды и реализации стратегии по устойчивому развитию. Последнее весьма актуально для всех арктических регионов, учитывая их одностороннюю промыслово-ресурсную специализацию и слабость развития социальной инфраструктуры.

Впервые идея создания международного органа в Арктике высказывалась ещё в конце 1980-х гг. в исследовании канадских неправительственных организаций. Так, в частности предлагалось создание форума в виде организации зонтичного типа для правительств, включающих представителей коренных народов и группы интересов. Однако создание реального международного объединения заняло гораздо больше времени, чем это предполагалось. Несмотря на то, что Арктический совет является форумом высокого уровня, на данный момент он практически не обладает регулирующими функциями. По сути это консультативный орган, строящий свою деятельность на основе принятия консенсуса между национальными правительствами. Наиболее острые вопросы, как например политика безопасности вообще исключены из повестки дня [2]. Кроме того, организация практически не занимается вопросами о регулировании в распределении ресурсов. Доминирование в совете правительственных структур и их постоянные разногласия по поводу многих острых вопросов во многом объясняет такое положение вещей. Кроме того, наблюдаются явные противоречия между организациями коренных народов с одной стороны и интересами крупных корпораций с другой.

В этой связи можно констатировать, что, несмотря на неоднозначность политических процессов в Арктическом регионе, многие явления, обозначившиеся в последние десятилетия, свидетельствуют о новых тенденциях в эволюции системы международных отношений. Налицо явное усиление роли негосударственных акторов, а также отход от чисто стратегических вопросов к более гуманитарным.

1. Archer, C. Arctic Cooperation in Vulnerable Arctic: Need for an Alternative Orientation / C. Archer; Ed. by Jyrki Käkönen / Tampere Peace Research Institute // Research Report. – 1992. – № 47. – P. 87 – 106.
2. Declaration on the Establishment of the Arctic Council, Ottawa, at the Ministerial meeting of the Arctic Council, Ottawa, Canada, 19th day of September 1996 // Arctic council [Electronic resource] – Mode of access: http:// www.arcticcouncil.org/establ.asp. – Date of access: 18.03.2013.
3. Yang, O.R. The Age of Arctic / O.R. Yang // Foreign Policy. – 1985 – 1986. – Winter. – № 61. – P. 160 – 179.

МАЛОЕ ПРИГРАНИЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ

М.В. Трипутень (Минск)

Идея «Малого приграничного движения», вынесенная на открытое обсуждение Государственным пограничным комитетом Республики Беларусь еще в 2010 г., долго будоражила умы политиков, бизнесменов и обывателей. Сейчас, когда закон принят и начал функционировать, можно с уверенностью заявить – идея была отличная, а вот с реализацией возникли сложности.

Актуальность развития малого приграничного движения очевидна, так как в настоящее время необходимо налаживать дружественные взаимоотношения с соседними государствами и развивать добрососедское сотрудничество ради экономического, социального и духовного развития регионов. Также остро встал вопрос о загруженности международных пунктов пропуска, из-за чего назревали конфликты. С целью разгрузки пассажиропотока в пунктах пропуска и было предложено создание малого приграничного движения.

Для характеристики данного опыта целесообразно привести пример наших географических соседей (Украину и Россию) у которых данный процесс начал зарождаться совсем недавно, но уже имеет свои преимущества и перспективы дальнейшего развития. Практика применения подобных соглашений имеется у Украины, которая подписала соглашение о малом приграничном движении с Польшей

еще в 2008 г. В 2012 г. польские политики предлагали расширить зону действия разрешения, но украинские власти не торопятся с решением этого вопроса.

В России малое приграничное движение распространяется на жителей Калининградской области, а в Польше – на жителей Поморского воеводства (Гдыня, Гданьск, Сопот, Гданьский, Пуцкий, Новодворский и Мальборкский повяты) и Варминьско-мазурского воедводства (Эльблонг, Ольштын, Эльблонгский, Браневский, Лидзбарский, Бартошицкий, Ольштынский, Кентштинский, Мронговский, Венгожевский, Гижицкий, Голдапский и Олецкий повяты).

Для Беларуси малое пограничное движение является новым процессом, который должностные лица соответствующих структур пытаются освоить и внедрить в жизнь. К сожалению, процесс идет довольно медленно. Соглашение о малом приграничном движении Беларусь подписала с Польшей, Литвой и Латвией, но развитие малого приграничного движения с Польшей и Литвой ограничилось лишь подписанием соглашения, а вот с Латвией уже достигнуты определенные успехи в данном направлении. Сущность малого приграничного движения заключается в выдаче разрешения на упрощенное безвизовое пересечение границы для граждан смежных государств, проживающих в приграничных районах.

На приграничных территориях с белорусской стороны располагаются города Браслав, Верхнедвинск, Миоры, поселок Видзы, с латвийской стороны – города Даугавпилс, Краслава, Дагда, Зилупе [4, с. 28].

Исходя из подписанных документов, следует: если вы или ваши родственники проживаете в приграничных районах, то для пересечения границы и посещения одного из них вам не нужно оформлять шенгенскую визу, достаточно получить разрешение на малое приграничное движение. Подобный документ позволит вам пересекать границу любое число раз, пребывать за рубежом не более 90 суток за полгода, а оформлять его нужно лишь один раз в два года. Кроме того, в отличие от шенгенской визы, вы можете оформить разрешение и на своих детей или супруга, без их личного присутствия [1, с. 7].

Соглашение регулирует вопросы выдачи разрешений на местное приграничное передвижение и устанавливает упрощенный порядок пересечения границы жителями приграничных территорий Республики Беларусь и Латвийской Республики для дальнейшего пребывания на приграничной территории сопредельного государства в следующих случаях: организация или участие на регулярной основе в культурных, образовательных, научных и спортивных мероприятиях, проводимых органами власти и учреждениями государств Сторон; владение недвижимостью; посещение родственников; тяжелое заболевание или смерть родственников; посещение мест захоронения родственников; получение медицинской помощи; участие в мероприятиях, связанных с местными традициями и проведением религиозных обрядов; осуществление регулярных контактов в сфере хозяйственной деятельности без права ведения трудовой деятельности [1, с. 3].

Плюсы подобного нововведения очевидны: существенное упрощение пересечения границы; неограниченное число поездок к родственникам или по рабочим вопросам; возможность оформления разрешения на ближайших родственников без их присутствия; отсутствие необходимой медицинской страховки; оформление разрешения в виде отдельной карты, а значит отсутствие лишних штампов в паспорте. Заявление оформляется на сайте консульства в электронном виде, а затем вместе с остальными документами подается в консульство. Конечно, в отличие от обычной визы, оформляется подобное разрешение долго, до двух месяцев, но и действует гораздо дольше. Если первое двухлетнее разрешение было использовано по назначению и никаких проблем за этот период не возникло, то второе и последующие будут сроком на пять лет [1, с. 18].

Таким образом, этот недавно введенный способ международного взаимодействия отработан еще недостаточно, и встречает немало препятствий, но сама идея открывает большие перспективы для Республики Беларусь и стран Европейского союза. Наша республика, проводя политику, направленную на добрососедские отношения и взаимовыгодное сотрудничество, очень заинтересована в развитии таких соглашений, ведь это приведет к более полному и эффективному трансграничному сотрудничеству регионов и активизирует привлечение граждан на постоянное место жительства в приграничные районы.

1. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Латвийской Республики об упрощенном порядке взаимных поездок жителей приграничных территорий Республики Беларусь и Латвийской Республики: соглашение Правительства Республики Беларусь, 23 августа 2010 г. // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – 3/2636.
2. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Литовской Республики о порядке взаимных поездок жителей приграничных территорий Республики Беларусь и Литовской Республики: соглашение Правительства Республики Беларусь, 20 октября 2010. // национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – 3/2640.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 09 ноября 2010 г., № 375 // Консультант Плюс: Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Мн. 2011.
4. Об утверждении Плана мероприятий по реализации Концепции обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь на 2008 – 2017 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 сентября 2008 г., № 1348 // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 69. – 5/20115.

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ – ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕГИОНОВ

Н.Б. Бучнева (Витебск)

Современное государство – сложный многоуровневый политический механизм, успешное функционирование которого определяется множеством факторов. В условиях процессов глобализации и интеграции, происходящих в мире, одним из них выступает трансграничное сотрудничество. Возможность эффективного межгосударственного взаимодействия рассматривалась странами в разные периоды их развития как неотъемлемая часть деятельность государства. Успешность его организации во многом определяла эффективность внутреннего политического и экономического развития страны. Изменяющиеся исторические условия активизировали процесс поиска новых форм и путей взаимодействия, позволяющих государственным образованиям успешно реализовывать свои приоритеты в рамках единого европейского пространства.

Европейское межрегиональное сотрудничество имеет долгую историю развития. По мере усиления интеграционных процессов произошло формирование ЕС. К началу XXI в. в его рамках сложилась система политического, экономического и социально-культурного взаимодействия европейских государств, определились главные приоритеты. Наиболее значимыми достижениями на этом пути стали формирование общего рынка, строительство экономического и валютного союза, создание Шенгенского пространства, разработка и проведение государствами ЕС общей политики в разных областях: аграрной, иммиграционной, транспортной, экологической и т.д. Для стран СНГ трансграничное сотрудничество со странами ЕС сегодня имеет особую значимость, поскольку оно создает предпосылки для более активного включения в процессы европейской интеграции. В свою очередь ЕС рассматривает его как возможность продвижения своих норм и стандартов в соседние государства, что важно не только с геополитической точки зрения, но и экономической, поскольку расширяет границы «единой Европы».

В течение последних десятилетий трансграничное сотрудничество стало отдельной сферой управленческой деятельности. Произошло оформление его основных проявлений в виде локальных приграничных контактов, взаимодействия на основе договоров о сотрудничестве между отдельными субъектами (организациями, административно-территориальными единицами и т.д.), временного сотрудничества с целью реализации трансграничных проектов в различных сферах, новых форм международной интеграции (еврорегионы, коридоры развития, трансграничные кластеры и т.д.).

Беларусь имеет выгодное географическое положение, позволяющее налаживать активное взаимодействие с регионами запада. Из общей протяженности сухопутных границ республики на долю стран ЕС приходится 38% (в Украине – 25%, Российской Федерации – 15%). Сложившиеся исторически политические и экономические связи между странами Европы и Беларусью стимулируют дальнейшие трансграничные процессы, благоприятными предпосылками для которых становятся интенсивные связи приграничных регионов. Их правовой основой является Европейская рамочная Конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, в соответствии с которой осуществляется формирование органов по приграничному и трансграничному сотрудничеству территориальными сообществами и органами власти. Одним из главных институциональных образований при этом выступают еврорегионы – территориальные образования, состоящие из административных территорий государств-соседей. Процесс создания еврорегионов в странах Западной Европы получил широкое распространение с середины 1980-х гг. Республика Беларусь включилась в этот процесс десятилетием позже. В марте 1995 г. в г. Брюсселе было подписано соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Беларусью и ЕС. С принятием в 2007 г. Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП) начался новый этап укрепления сотрудничества. В его рамках в 2007 – 2013 гг. в Беларуси реализуется 59 проектов в сферах обустройства государственной границы, модернизации национальной пограничной и таможенной инфраструктуры, транспорта, экологии, культуры и т.д. на общую сумму около 60 млн. евро. Республика участвует в трех программах трансграничного сотрудничества: «Регион Балтийского моря», «Латвия – Литва – Беларусь» и «Польша – Беларусь – Украина» [1].

Вместе с тем процесс развития трансграничного сотрудничества Беларуси и стран ЕС имеет ряд противоречий. Участие республики в развитии еврорегионов сохраняет ограниченный характер, что в значительной степени зависит от объемов финансирования из фондов ЕС, которые в целом недостаточны. Остается длительной процедура утверждения проектов, наблюдаются сложности в их реализации, обусловленные различиями в правовых системах государств-участников. Регионы Беларуси сталкиваются с проблемой отсутствия достаточных полномочий для полноправного участия в совместных проектах на уровне партнеров из ЕС. Негативное воздействие оказывает отсутствие на региональном уровне квалифицированных специалистов в данной области, а также современных методов организации внешнеэкономической деятельности. В свою очередь со стороны ЕС наблюдалось неоднократное замораживание практического сотрудничества в различных областях, введение ряда ограничительных мер в отношении Беларуси, что становилось серьезным препятствием на пути развития отношений. В совокупности это привело к тому, что в 2006 г. в республике реализовывались лишь 15 из 40 возможных проектов по программам «Латвия – Литва – Беларусь» и «Польша – Беларусь – Украина», в 2005 г. белорусские партнеры участвовали в 10 из 101 принятой на конкурсной основе программы «Регион Балтийского моря» [1].

Противоречивость процесса трансграничного сотрудничества Республики Беларусь и ЕС доказывает необходимость поиска новых путей взаимодействия, направленных на преодоление взаимных претензий и создание долгосрочных перспектив развития. В условиях продвижения стратегии повышения конкурентоспособности отдельных регионов наиболее перспективным и устойчивым видится расширение приграничного сотрудничества между областями (районами, городами) Беларуси и соответствующими административно-территориальными единицами субъектов ЕС. Локальные контакты способны стать связующими звеньями, недостаточность которых ощущается при налаживании взаимодействия на общегосударственном уровне. Приграничные связи сейчас развиваются в рамках пяти сформированных еврорегионов: «Буг», «Неман», «Озерный край», «Днепр», «Беловежская пуща». Основные направления их реализации касаются экологии и охраны окружающей среды, а также туристической деятельности. Вместе с тем требуется активнее развивать сотрудничество и по другим направлениям, позволяющим наращивать потенциал экономического развития регионов.

Изучение конкурентных преимуществ Беларуси позволяет отметить, что важной сферой взаимодействия с регионами государств ЕС является деятельность в области транспорта и транзита, логистики, создания совместных интегрированных предприятий. Существуют возможности для более активного использования социальной инфраструктуры приграничных районов благодаря дальнейшему развитию экспорта медицинских, образовательных, информационных и других видов услуг. Качественно новый уровень торгово-экономическим отношениям Беларуси и ЕС способно придать налаживание производственной кооперации между регионами, позволяющей предприятиям республики не только выйти, но и закрепиться на рынке ЕС, экспортировать белорусские технологии и оборудование в Европу. Развивая указанные направления, в первую очередь, целесообразно ориентироваться на такие государства, как Латвия и Литва, с которыми Беларусь имеет длительные политические, социально-экономические и культурные связи, обусловленные общими историческими процессами развития. Именно эти страны способны стать связующим звеном в укреплении контактов Беларуси и ЕС.

Перспективным является развитие между Беларусью и Литвой сотрудничества в области информационных и коммуникационных технологий в рамках соглашения, подписанного в ноябре 2012 г., а также дальнейшая реализация потенциала белорусской стороны по проекту транспортного коридора Восток – Запад II, транспортно-логистического партнерства в рамках «Северного измерения» – проекта, позволяющего наладить диалог между ЕС, Беларусью, Россией и северными странами – Норвегией и Исландией. Важно сохранить белорусско-литовское сотрудничество в энергетической сфере и обеспечить координацию совместных планов перспективного развития энергосистем, наращивания объемов торговли электроэнергией. Расширению контактов двух государств по обмену опытом в сфере производства продукции и разработки новых технологий будет способствовать реализация меморандума о сотрудничестве, подписанного в октябре 2012 г. между концерном «Беллегпром» и Ассоциацией предприятий легкой промышленности Литвы «Latia». Наметились положительные тенденции для расширения взаимовыгодных экономических контактов Беларуси и Латвии. Немало предпосылок для успешного сотрудничества двух стран в таких отраслях как машиностроение и металлообработка, деревообработка, производство стройматериалов, биотехнологии и фармация, банковская деятельность, производство электрического и оптического оборудования. Хорошие возможности укрепить позиции на латвийском рынке имеют белорусские сельхозпроизводители, поскольку согласно прогнозам Латвийского сельскохозяйственного центра консультаций и

образования потребность государства в качественных сельхозпродуктах и сырье будет возрастать. Латвийская сторона заинтересована сотрудничать с Беларусью в реализации проектов по созданию логистической инфраструктуры в Рижском свободном порту. Для белорусской стороны представляет интерес опыт работы Латвийского агентства инвестиций (LIAA), представительства которого успешно функционируют в 12 государствах. По результатам международного сопоставительного исследования Всемирного банка в 2009 г. агентство было названо седьмой лучшей организацией в мире по привлечению инвестиций – направлению экономической деятельности, имеющему для Беларуси стратегическое значение.

Многолетний опыт подтверждает, что именно межрегиональное сотрудничество отличается особой устойчивостью и надежностью, поскольку в наибольшей степени учитывает внутренние особенности территорий. Вместе с тем успешность трансграничного сотрудничества Республики Беларусь и ЕС зависит не только от взаимных усилий на уровне регионов, но и от создания на государственном уровне условий, благоприятствующих интеграционным процессам. Имеющиеся перспективы трансграничного сотрудничества сложно реализовать без дальнейшего развития межгосударственной правовой базы, унификации национального законодательства в области межрегионального и приграничного сотрудничества, миграционной политики, либерализации экспортно-импортных отношений, широкой поддержки межрегиональных проектов в области среднего и малого бизнеса, создания развитой системы транзитных коридоров, других мероприятий, способствующих взаимовыгодному сотрудничеству регионов.

1. Европейский союз // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/mulateral/organization/list/c723f8823e56d467.html. –Дата доступа: 01.03.2013.

ВИДЫ ПАРАДИПЛОМАТИИ В РОССИИ

Н.В. Яковлева (Санкт-Петербург)

Международные отношения регионов становятся объектом изучения для сравнительной политики и международных отношений. Существует две точки зрения по поводу роли международных отношений субъектов и регионов. *Компаративисты* видят их в причинах развития внутренней ситуации в отношениях, связанных с территориальным делением и культурного разнообразия. Со своей стороны, *специалисты по международным отношениям* видят причину появления международных отношений на местном уровне в контексте мирового порядка и осложнений, который он ведет за собой для международной внутренней политики [1]. Обе группы видят параллельность международных действий между государством и регионом, где последние частично остаются автономиями, но очевидно, что они занимают второстепенные позиции. Как один из выходов из сложившейся ситуации, для решения внутренних проблем, обеспечения динамики федеральных органов и борьбы с нестабильностью в мире целесообразно включать в мировой процесс новых акторов местного уровня. Обе группы сходятся в определении этой динамики и этот феномен называется *Парадипломатией.* Она отражает обе стороны взглядов – идеи параллелизма и субсидиарности [1].

Основные проблемы парадипломатии состоят в том, что ее комбинации из формальных и неформальных элементов делают ее тяжелой для понимания. Типология настолько разнообразна и сложна для развития, потому что в парадипломатии задействовано и вовлечено много различных акторов, что приводит к упрощению процесса. Роберт Кайзер вывел следующую типологию форм парадипломатии в глобальной системе управления, выделив три типа парадипломатии:

трансграничная региональная парадипломатия, включающая формальные и неформальные контакты между соседствующими регионами через национальные границы (трансграничная кооперация). Это отношения между корпорациями и правительством двух и более стран, сюда входят лобби группы, местные и региональные власти; трансрегиональная парадипломатия, т.е. кооперация с регионами других стран; глобальная парадипломатия, которая предполагает официальные политические связи и контакты между правительствами, международными организациями, частным сектором промышленности, группами по интересам [2, с. 17].

Данная типология считается вполне всеобъемлющей, т.к. включает негосударственные акторы международного сотрудничества, которые возникли как глобальное гражданское общество, которое также многослойно и многоуровнево. Бывший генеральный секретарь ВТО М. Моор описал ее в книге «Земля без стен (границ)» [3]. Кайзер также схематически описал основных субъектов парадипломатии на всех уровнях [2, с. 18]. Его схема хороша тем, что включает местные и региональные субъекты управления в глобальных отношениях.

Парадипломатию в зарубежных странах начали исследовать в 1970-х гг.. В советской и российской литературе это понятие начали использовать в начале XXI в. Вместо него часто используется понятие *Трансграничное сотрудничество (ТГС)*, которое представляет собой совокупность двусторонних и многосторонних связей между органами власти, хозяйствующими субъектами, общественными организациями и населением приграничных регионов двух и более стран. Связи, возникающие и развивающиеся в ходе трансграничного сотрудничества, способствуют углублению других форм трансграничного взаимодействия [4].

Существует несколько подходов к пониманию трансграничного региона и трансграничных отношений. Одна из них включает классификацию по формам ТГС, которые различаются по субъектам и возникающим в ходе их взаимных связей: 1) локальные приграничные контакты (например: Ленинградская область и Республика Финляндия); 2) взаимодействие между территориальными политическими образованиями, например, административно-территориальными единицами отдельных государств или совокупностью таких единиц, а также нациями-государствами (например: Азовский немецкий национальный район в Омской области и Германия) [5, с. 37]; 3) взаимодействие между акторами различных уровней с опорой на узлы сети глобальных взаимодействий, минуя территориально-пограничное размежевание (например, транснациональные корпорации, общественные объединения, национальные фонды) [6, с. 65].

Трансграничное региональное сотрудничество характеризуется: децентрализацией сотрудничества; охватом основных сфер жизнедеятельности государств; сохранением исторических традиций и регионального сотрудничества. Его можно разграничить по объекту (направлению сотрудничества): трансграничное экономическое сотрудничество; трансграничное экологическое сотрудничество; охрана трансграничных вод, заповедников и др. На наш взгляд, все эти типологии не до конца отражают специфику трансграничного сотрудничества. Поэтому автором была предложена новая типология, которая совмещает в себе зарубежный и российский опыт (рисунок 1.) и которая предполагает следующую типологию: приграничное сотрудничество (локальное приграничные контакты); трансграничное региональное сотрудничество; глобальное сотрудничество. За основу взята третья типология ТГС и типология парадипломатии, которая полностью характеризует взаимодействие всех акторов международного сотрудничества. Рассмотрев европейский и советский опыт, можно отметить схожесть той и другой точки зрения. Получается, что в том и другом случае речь идет о сотрудничестве между двумя странами, которые находятся на разных континентах.

Анализ российских типологий международных отношений показал стопроцентное совпадение с описанием и типологией парадипломатии. И в дальнейшем можно использовать как синонимы следующие термины: 1) Приграничное сотрудничество – приграничная трансрегиональная парадипломатия; 2) Трансграничное региональное сотрудничество – трансрегиональная парадипломатия; 3) Глобальное сотрудничество – глобальная парадипломатия.

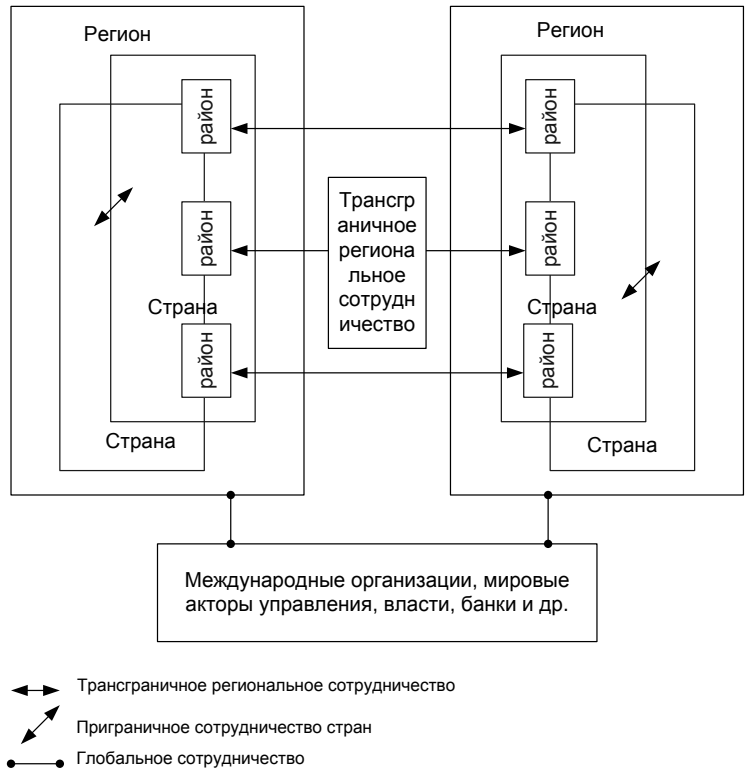

Рисунок 1. – схема сотрудничества государств

Исходя из вышеизложенного материала, можно сделать следующие выводы: в международных отношениях понятие парадипломатия – синоним термину ТГС; ТГС, как же, как и парадипломатия, имеет три уровня сотрудничества; в дальнейшем можно использовать термин трансграничное региональное сотрудничество на примере сотрудничества Германии и России.

1. Bosold, D. Transatlantische Paradiplomatie. Die Kooperation kanadischer Provinzen und deutscher Bundeslander / D. Bosold. – Marburg: Universitätsbibliothek Marburg, 2004. – 144 s.
2. Kaiser, R. Paradiplomacy and Multivel Governance in Europe and North America: Subnational Governments in International Arenas / R. Kaiser // Participation. – 2003. – Vol. 27, № 1. – P. 17 – 19.
3. Magone, J.M. Paradiplomacy Revisited: The structure of opportunities of Global Governance and regional actors / J.M. Magone // Departament of Politics and International Studies University of Hull [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: http://www.unizar.es/union_europea/files/documen/conferencia%2010.2006/JoseMAGONE%20final.pdf. – Date of access: 25.02.2013.
4. Яровой, Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе/ Г.О. Яровой. – СПб.: Норма, 2007. – 280 с.
5. Елютин, В.М. Потенциал приграничного торгово-экономического комплекса «Пограничный – Суйфэньхэ» в реализации государственной программы содействию добровольному переселению соотечественников на Дальнем Востоке России / В.М. Елютин // Финансы Востока. – 2006. – С. 34 – 47.
6. Шинковский, М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока / М.Ю. Шинковский // Полис. Политические исследования: Научный и культурно-просветительский журнал. – 2004. – № 5. – С. 62 – 70.

Р А З Д Е Л 10
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ ПРАВ РЕБЕНКА

В.Н. Плеснякова (Елец)

Развитие концепции прав человека привело к тому, что права ребенка были выделены в особую категорию. В начале XX в. права детей, как правило, рассматривались в контексте существующих проблем использования детского труда, торговли детьми и проституции несовершеннолетних. Необходимость законодательно обеспечить охрану здоровья детей, защиту их прав побудила Лигу Наций принять Женевскую декларацию прав ребенка в 1924 г. Следующим шагом стало принятие ООН в 1959 г. Декларации прав ребенка, в которой были провозглашены социальные и правовые принципы, касающиеся защиты и благополучия детей. В ней отмечалось, что «Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения». Документ состоит из 10 принципов, признание и соблюдение которых должно позволить «обеспечить детям счастливое детство».

К концу 1970-х гг. уровень развития общества, положение детей, новые проблемы – показали, что одних декларативных принципов недостаточно. Требовались документы, в которых бы на основе юридических норм были закреплены меры и способы защиты прав детей. В этих целях в 1974 г. была принята Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов, в 1986 г. – Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном (принимающая семья – соотечественники) и международном (принимающая семья – иностранцы) уровнях.

В течение 10 лет (1979 – 1989 гг.) специалисты многих стран мира, участвовавшие в Комиссии ООН по правам человека, разрабатывали текст нового положения о правах ребенка, в котором бы максимально учитывались все стороны жизни ребенка в обществе. Этот документ получил название Конвенции о правах ребенка, и был принят ГА ООН 20 ноября 1989 г. Согласно ей, основным принципом защиты прав детей является признание приоритета интересов детей. Особенно выделяется требование особой заботы общества о социально уязвимых группах детей: сиротах, инвалидах, беженцах. В соответствии с этими принципами:

1. Ребенок имеет право на жизнь и здоровое развитие.

2. Ребенок имеет право на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство, имя и семейные связи.

3. Ребенок имеет право на свободу личности, свободу мысли, совести и религии. Это право включает в себя свободу выражать свое мнение в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка.

4. Ребенок имеет право на защиту от всех форм физического или психологического насилия, эксплуатации, оскорбления, небрежного или грубого обраще-

ния как со стороны родителей, так и законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке.

5. Ребенок, лишенный своего семейного окружения, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством.

6. Ребенок имеет право на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития. Неполноценный в умственном или физическом отношении ребенок должен вести полноценную и достойную жизнь в условиях, которые обеспечивают его достоинство, способствуют его уверенности в себе и облегчают его активное участие в жизни общества.

7. Ребенок имеет право на здравоохранение и социальное обеспечение, включая социальное страхование.

8. Ребенок имеет право на образование, которое должно быть направлено на развитие личности, талантов и умственных и физических способностей ребенка в их самом полном объеме.

9. Ребенок имеет право пользоваться родным языком, исповедовать религию своих родителей, даже если он принадлежит к этнической, религиозной или языковой группе, которая в данном государстве составляет меньшинство.

10. Ребенок имеет право на отдых и досуг, право участвовать в играх и развлекательных мероприятиях, соответствующих его возрасту, свободно участвовать в культурной жизни и заниматься искусством.

11. Ребенок имеет право на защиту от экономической эксплуатации и от выполнения любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья, либо наносить ущерб физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию.

12. Ребенок имеет право на защиту от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения.

13. Государства-участники обеспечивают, чтобы ни один ребенок не был подвергнут пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания; ни один ребенок не был лишен свободы незаконным или произвольным образом; каждый лишенный свободы ребенок имел право на незамедлительный доступ к правовой и другой соответствующей помощи.

14. Государства обязуются принимать меры для борьбы с незаконным перемещением и невозвращением детей из-за границы.

15. Государства обязуются уважать и соблюдать нормы международного гуманитарного права в отношении детей, попавших в зону вооруженного конфликта. Государства принимают все возможные меры для того, чтобы лица младше 15 лет не принимали прямого участия в военных действиях.

Признавая ребенка самостоятельным субъектом права, Конвенция поставила перед государствами задачу подготовки ребенка к самостоятельной жизни в обществе, воспитания его в «духе мира, достоинства, терпимости, свободы равенства и солидарности». В отличие от Декларации прав ребенка, которая просто провозглашала определенные принципы, Конвенция установила минимальные нормы в области морали и права. Эти нормы обязательны для соблюдения всеми странами, ратифицировавшими Конвенцию. Конвенция стала первым международным документом, в котором наиболее полно излагались права детей: не только экономические, социальные и культурные, но и гражданские и политические права. Другой важной особенностью Конвенции являлось то, что впервые права детей приобрели силу международного права.

В рамках реализации данной Конвенции был учрежден специализированный контрольный механизм, в который входят: Детский фонд Организации Объе-

диненных Наций (ЮНИСЕФ); Комитет ООН по правам ребенка; Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО); Всемирная организация здравоохранения, различные неправительственные организации и специализированные учреждения. Наряду со структурами созданными ООН, все большее значение для защиты прав и свобод ребенка на международном уровне приобретает функционирование конвенционных органов, учрежденных на основании целого ряда международных соглашений.

Но, несмотря на то, что принято множество законодательных актов на международном, региональном и местном уровнях, существует система контрольных органов за их реализацией, проблемы в области защиты прав и интересов детей не исчерпали себя, а наоборот, приобрели большую актуальность. Вместе с этим, на практике защита прав детей зачастую затруднена рядом объективных и субъективных факторов. К ним относятся: неурегулированность на законодательном уровне отдельных вопросов в области защиты детства, затяжной характер принятия законодательных инициатив в данной сфере, правовые пробелы и коллизии в регулировании соответствующих вопросов; нежелание органов исполнительной власти, органов местного самоуправления в отдельных случаях принимать действенные меры, направленные на решение существующих проблем в сфере защиты прав детей; отсутствие координации в действиях органов власти различных уровней; длительное и формальное рассмотрение вопросов, связанных с защитой прав детей, органами, в компетенции которых находится их решение.

Мировое сообщество признало, что права ребенка – ключевая категория, определяющая качественные показатели положения детей во всем мире. Поэтому охрана и защита прав и интересов детей, являются одной из наиболее важных и достаточно сложных задач современности. Одной из главных проблем, существующих на сегодняшний день в области защиты прав и интересов детей, является неэффективная работа внутригосударственных и международных органов, осуществляющих контроль над реализацией и защитой прав детей. Данная проблема является достаточно серьезной, так как порождает множество других проблем, постепенно развивающихся в рамках одного государства, а затем приобретающих характер международных. К числу таких проблем относятся: рост детской безнадзорности и беспризорности; насилие над детьми в семье и обществе; экономическая эксплуатация детей в различных сферах, а также множество других проблем, а ведь «забота о будущих поколениях – это самые надёжные, умные и благородные инвестиции».

В настоящее время можно говорить о развитии следующих механизмов в реализации прав ребенка: поддержка семьи в интересах обеспечения здоровья, благополучия и полноценного развития будущих поколений нации; продвижение программ здорового образа жизни подростков и молодежи; поддержка форм трудовой занятости подростков и молодежи; организация досуга детей, подростков и молодежи в рамках культурных, творческих и спортивно-оздоровительных инициатив; профилактика детской инвалидности; реабилитация детей-инвалидов без отрыва от семьи, содействие развитию интегрированного образования, создание среды, позволяющей человеку использовать свои собственные ресурсы для полноценного развития; развитие семейных форм устройства детей, оставшихся без родительского попечения; социальная реинтеграция выпускников интернатов; совершенствование системы ювенальной юстиции; внедрение институтов и механизмов независимого общественного контроля за соблюдением прав детей на международном, федеральном, региональном и местном уровнях – таких, как уполномоченные по правам детей, общественные инспекторы, и др.; развитие сотрудничества с государственными органами и структурами, в том числе через систему

социального заказа по программам, осуществляемым в интересах детей; развитие моделей партнерства с социально ответственным бизнесом; продвижение законопроектов, поощряющих благотворительность в интересах детей и в поддержку соответствующих гражданских инициатив.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТАМОЖЕННОЙ ПРОЦЕДУРЫ СВОБОДНОЙ ТАМОЖЕННОЙ ЗОНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А. Серебрякова (Калининград)

Калининградская Особая экономическая зона – это территория Калининградской области Российской Федерации, на которой действует специальный правовой режим осуществления хозяйственной, производственной, инвестиционной и иной деятельности и применяется процедура свободной таможенной зоны [8]. С 6 декабря 2011 г. [9] Федеральный закон № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» претерпел изменения, был приведен в соответствие с Таможенным кодексом Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации [6] и Соглашением по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны от 18.06.2010 г. [5].

На территории Особой экономической зоны применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны. Глава третья Федерального закона № 16-ФЗ «Об ОЭЗ в КО» и Соглашение о СЭЗ определяют основные положения процедуры. В соответствии со статьей 10 Соглашения о СЭЗ, свободная таможенная зона – это таможенная процедура, при которой товары размещаются и используются в пределах территории СЭЗ или ее части без уплаты таможенных пошлин, налогов, а также без применения мер нетарифного регулирования в отношении иностранных товаров и без применения запретов и ограничений в отношении товаров Таможенного союза. Иностранные товары, помещенные под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, сохраняют статус иностранных товаров, а товары Таможенного союза, помещенные под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, сохраняют статус товаров Таможенного союза.

Процедура свободной таможенной зоны может быть заявлена резидентами ОЭЗ и юридическими лицами, зарегистрированными на территории Калининградской области. При ввозе на территорию области импортных товаров и помещении их под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, на основании статьи 9 Соглашения о СЭЗ предоставляется освобождение от уплаты ввозных пошлин и НДС, уплачиваемого при импорте товаров. Кроме того, на такие товары не распространяются меры нетарифного регулирования экономического характера. Товары помещаются резидентами под таможенную процедуру свободной таможенной зоны в числе прочего, в целях реализации ими инвестиционных проектов в Особой экономической зоне. Иными юридическими лицами, государственная регистрация которых осуществлена в Калининградской области и которые не являются резидентами ОЭЗ, товары помещаются под процедуру свободной таможенной зоны для их размещения и использования в целях, установленных Федеральным законом № 16-ФЗ «Об ОЭЗ в КО».

Под таможенную процедуру свободной таможенной зоны не могут быть помещены: 1) подакцизные товары; 2) товары в соответствии с перечнем, установленным Правительством Российской Федерации, в том числе по предложению

высшего исполнительного органа государственной власти Калининградской области [4]. Что касается товаров, подвергшихся достаточной переработке на территории ОЭЗ и получивших статус товаров Таможенного союза, то до 1 апреля 2016 г. они могут вывозиться из ОЭЗ в Калининградской области на остальную часть территории Таможенного союза без уплаты ввозных пошлин и НДС юридическими лицами, которые осуществляли внешнеэкономическую деятельность на основании Федерального закона № 13-ФЗ [10].

В соответствии со статьей 19 Соглашения о СЭЗ, определение статуса товара, изготовленного (полученного) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, для таможенных целей производится в соответствии с критериями достаточной переработки товаров, которые могут выражаться в: 1) изменении классификационного кода товара по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза на уровне любого из первых четырех знаков; 2) выполнении необходимых условий, производственных и технологических операций, достаточных для признания товара товаром Таможенного союза; 3) изменении стоимости товаров, когда процентная доля стоимости используемых материалов или добавленная стоимость достигают фиксированной доли в цене конечной продукции (правило адвалорной доли).

22 августа 2012 г. Россия вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО). В многочисленных зарубежных и отечественных исследованиях показано, что ВТО в современных условиях играет ключевую роль в регулировании мирохозяйственных связей и оказывает растущее влияние на глобальную экономику и экономику отдельных стран. Несмотря на то, что в названии ВТО отражена только одна сфера деятельности – международная торговля, на самом деле ВТО – это очень сложная и развернутая система регламентации не только торговли, но также инвестиций и государственной экономической политики. Принципы ВТО, ее структуры и механизмы нацелены на последовательную и масштабную либерализацию торговых и инвестиционных режимов. Они нацелены на устранение нетарифных барьеров, а это предполагает сокращение государственной регламентации частнопредпринимательской деятельности и в целом уменьшение вмешательства государства в хозяйственные процессы и социальную сферу [2]. Государство, присоединяющееся к ВТО, должно привести свое законодательство в соответствие с нормами и правилами этой организации. Например, Китай и Камбоджа, где действуют свободные экономические зоны, приняли на себя обязательство, что с момента присоединения к ВТО, произведенные там товары, станут предметом обычных таможенных формальностей при вывозе их на остальную территорию страны [3]. Согласно правилам ВТО товары, экспортируемые из ОЭЗ на остальную таможенную территорию государства, и (или) импортные компоненты произведенных в ОЭЗ товаров должны подпадать под нормальный таможенный режим, то есть в полном объеме облагаться таможенными и налоговыми платежами (статья I, режим наибольшего благоприятствования и статья III ГАТТ – 1994) [1].

Именно последнее требование входит в противоречие с исторически сложившейся экономической моделью импортозамещения, которая была сформирована в Калининградской области после принятия Закона № 13-ФЗ и до настоящего времени характерна для деятельности многих калининградских производителей. Действительно, имеющиеся у участников ОЭЗ в Калининградской области льготы не соответствуют базовому принципу ВТО – применению ее членами режима наибольшего благоприятствования («ни одна страна не может получать лучших условий для доступа на рынок, чем имеют другие страны») и, таким обра-

зом, могут рассматриваться как дискриминация прав других членов Всемирной торговой организации. Как отмечает генеральный директор ОАО «ОЭЗ» О.А. Костин, по условиям присоединения России к ВТО, использование таможенных пошлин в качестве мер протекционизма запрещено. Но поддержка российских компаний и предприятий может быть реализована не только через таможенные пошлины, которые недоступны для членов ВТО, но и с помощью налогово-бюджетного регулирования, которое не регулируется условиями присоединения к Всемирной торговой организации [7].

Таким образом, для России в отношении ОЭЗ в Калининградской области со дня вступления в силу Соглашения по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны от 18 июня 2010 г., положения данного Соглашения применяются в соответствии с переходными положениями в отношении особых экономических зон. При этом Российская Федерация гарантирует, что иностранные товары, помещенные под таможенную процедуру свободной таможенной зоны в ОЭЗ в Калининградской области, и товары, изготовленные (полученные) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны в ОЭЗ в Калининградской области, не могут быть вывезены с территории Калининградской области на остальную часть таможенной территории Таможенного союза без завершения таможенной процедуры свободной таможенной зоны, за некоторыми исключениями.

1. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) (Заключено 30.10.1947) // Генеральное соглашение по тарифам и торговле ГАТТ. – СПб., 1994.
2. Немова, Л.А. Вступление России в ВТО и Канада / Л.А. Немова // Росссия и Америка в XXI веке [Электронный ресурс]. – 2011. – № 3. – Режим доступа: http://www.rusus.ru/?act=read&id=297. – Дата доступа 18.02.2013.
3. Неучева, М.Ю. Всемирная торговая организация и особые экономические зоны: проблемы институционального согласования / М.Ю. Неучева // Проблемы современной экономики [Электронный ресурс]. – 2010. – № 2(34). – Режим доступа: http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3091. – Дата доступа: 18.02.2013.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2006 № 186 (ред. от 07.03.2012) «О перечне товаров, запрещенных к помещению под таможенный режим свободной таможенной зоны, применяемый в Калининградской области» // Собрание законодательства РФ. – 10.04.2006. – № 15. – Ст. 1618.
5. Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны (Санкт-Петербург, 18 июня 2010 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2012. – Июль, № 7.
6. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) (ред. от 16.04.2010) // Собрание законодательства РФ. – 13.12.2010. – № 50. – Ст. 6615.
7. Тюрин, С. Тихая экономическая гавань / С. Тюрин // Торгово-промышленные ведомости [Электронный ресурс]. – 2012. – 29 мая. – Режим доступа: http://tpp-inform.ru/analytic_journal/2353.html. – Дата доступа: 18.02.2013.
8. Федеральный закон от 10.01.2006 № 16-ФЗ (ред. от 23.04.2012) «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 16.01. 2006. – № 3. – Ст. 280.
9. Федеральный закон от 06.12.2011 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 12.12.2011. – № 50. – Ст. 7351.
10. Федеральный закон от 22.01.1996 № 13-ФЗ (ред. от 10.01. 2006) «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» (Документ утратил силу с 1 июля 2006 года в связи с принятием Федерального закона от 10.01.2006 № 16-ФЗ).

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ И ПРИНЦИПОВ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Г.Н. Москалевич (Минск)

Рассматриваемый период характеризуется договорной кодификацией ряда отраслей международного права: право внешних сношений (Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г.); право международных договоров (Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. и Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г.); универсальные международно-правовые акты (в том числе Устав ООН, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций), морское право (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.), космическое право (Договор по космосу 1967 г.) и другие отрасли международного права. Особо следует подчеркнуть, что в короткие сроки было создано право международной безопасности. В 1970-е гг. сформировалось право окружающей среды (Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. и др.).

Во второй половине XX века вопросы регулирования прав человека вышли за рамки национального законодательства государств: в международном праве сформировалась особая отрасль – уважения права человека. После Второй мировой войны был принят ряд международных документов – Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и др., которые и легли в основу данной отрасли.

Сложилась новая, значительно отличающаяся от прежней, система межгосударственных юридических норм, которые, тем не менее, возникли не на пустом месте. Остались старые демократические принципы – принципы суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела, добросовестного выполнения международных обязательств. К ним добавились новые принципы международного права: неприменения силы и угрозы силой, равноправия и самоопределения народов, нерушимости границ, территориальной целостности государств, ответственности государств за агрессию и другие международные преступления (геноцид, апартеид), сотрудничества, мирного разрешения споров, уважения прав человека, международной уголовной ответственности индивидов.

Применение данных принципов и международно-правовых норм предусмотрено целым комплексом норм Конституции Республики Беларусь. Так, права и свободы граждан признаются и гарантируются в Беларуси в соответствии с международными обязательствами государства (ч. 2 ст. 21 Конституции Республики Беларусь); политическое убежище предоставляется в Республике Беларусь согласно ст. 12 Конституции. Гражданин Республики Беларусь не может быть выдан иностранному государству, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь (ст. 10 Конституции Республики Беларусь). Иностранные граждане и лица без гражданства на территории Беларуси пользуются правами и свободами и исполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами (ст. 11 Конституции).

Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права. Республика ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а государство – нейтральным (ст. 18 Конституции).

Конституционный суд Республики Беларусь дает заключения: о соответствии законов, декретов, указов Президента, международных договорных и иных обязательств Республики Беларусь Конституции и международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь; о соответствии актов межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь, указов Президента, изданных во исполнение закона, Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам и декретам; о соответствии постановлений Совета Министров, актов Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, Генерального прокурора Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам; о соответствии актов любого другого государственного органа Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам (ст. 116 Конституции).

Конституция Республики Беларусь определяет Республику Беларусь как правовое государство (ст. 1). Принцип приоритета прав и свобод человека, закрепленный в Конституции Республики Беларусь, адресован как всему обществу, так и государству, связывает и обязывает их. Принцип связанности государства правами и свободами установлен ст. 2: «Права человека, их признание, защита и гарантии утверждаются как высшая ценность и цель общества и государства» [4].

В мире сформировалась качественно новая социальная и экономико-правовая ситуация, которая обусловливает необходимость определенной трансформации международного права. В правовой системе большинства государств получил признание принцип преимущественного значения норм международного права. Данный принцип четко выражен в статье 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., согласно которой участник договора «не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора» [1]. Этот принцип установил приоритет норм международного права над нормами национального законодательства, который нашел свое закрепление в действующем законодательстве России (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) и Беларуси (ст. 8 Конституции Республики Беларусь). В Конституции РФ сказано «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [5]. В нашей Конституции установлено: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства» [4].

Таким образом, механизм применения международной нормы определен в международно-правовых актах, поэтому государства обязаны ему следовать. При этом конкретные правовые модели процедур согласования международного и национального права должны исходить из следующего: в силу ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться» [1]. Согласно Декларации о принципах международного права, касающихся дружест-

венных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (от 24 декабря 1970 г.), «каждое государство обязано добросовестно выполнять обязательства, вытекающие из Устава Организации Объединенных Наций, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров, действительных согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» [2].

Процесс принятия соответствующих внутригосударственных нормативных актов происходит в соответствии со ст. 34 Закона Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» (2008 г.). Президент Республики Беларусь, Национальное собрание Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь и руководители государственных органов Республики Беларусь, руководитель департамента государственного органа, к компетенции которых относятся вопросы, содержащиеся в международных договорах межведомственного характера, в пределах своей компетенции принимают меры для обеспечения исполнения международных договоров Республики Беларусь путем принятия соответствующих решений [6].

В рассматриваемый период все большее распространение получает использование договорного процесса создания международно-правовых норм – в связи с пониманием субъектами международного права важнейшей роли договоров в международных отношениях и признанием ими возрастающего значения договоров как источника международного права и средства развития мирного сотрудничества между государствами. Представляется справедливым мнение Е.Ю. Зарубаевой, которая считает необходимым единое понимание конституционной формулы о роли общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в правовой системе России для разрешения конкретных вопросов правоприменения [3, с. 6]. Полагаем, что это важно и для правовой системы нашей республики, поскольку единое понимание упомянутой конституционной формулы будет способствовать успешному использованию норм международного права в деятельности судов Беларуси, соблюдению Конституции Республики Беларусь, выполнению международных обязательств государства, защите прав и свобод гражданина в Республике Беларусь.

Нормы национального законодательства и нормы международного права должны применяться, соблюдаться и исполняться всеми субъектами права Республики Беларусь, включая государственные органы, в том числе органы судебной власти. Органы государственной власти Республики Беларусь при применении норм международного права должны исходить из того, что общепризнанные принципы международного права обладают таким же юридическим статусом в рамках правовой системы Республики Беларусь, как и нормы, содержащиеся в договорах Республики Беларусь. Применению подлежат только международные договоры, вступившие в силу для Республики Беларусь. В связи с тем, что в действующих нормативных правовых актах по-разному делаются ссылки на применение международных норм, необходимо установить порядок применения норм международного права в законодательстве Республики Беларусь.

1. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций // ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml. – Дата доступа: 21.02.2013.

3. Зарубаева, Е.Ю. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в правовой системе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01; Российская акад. гос. службы при Президенте РФ / Е.Ю. Зарубаева. – М., 2003. – 26 с.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2007. – 48 с.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. – М.: Юрид. литература, 2012. – 63 с.
6. О международных договорах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

СУПРАЦОЎНІЦТВА РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ З КРАІНАМІ СНД У ГАЛІНЕ АХОВЫ ПРАМЫСЛОВАЙ УЛАСНАСЦІ (1991–2012 гг.)

Я.С. Мальчэўскі (Мінск)

Ва ўмовах развіцця інтэграцыйных працэсаў з улікам неабходнасці пабудовы інавацыйнай эканомікі, эканомікі заснаванай на ведах, у якой прыярытэтнае месца займаюць ужо не традыцыйныя фактары вытворчасці і прыродныя рэсурсы, а інфармацыя і тэхналогіі, асаблівае значэнне набывае міжнароднае супрацоўніцтва ў галіне аховы прамысловай уласнасці.

З моманту ўтварэння Рэспублікі Беларусь адным з прыярытэтных напрамкаў міжнароднага супрацоўніцтва нашай краіны стала аднаўленне эканамічных і навукова-тэхнічных сувязей з краінамі былога СССР і фарміраванне адпаведнай прававой базы ў гэтай сферы.

12 сакавіка 1993 г. у Маскве кіраўнікі ўрадаў дзевяці дзяржаў СНД (Арменіі, Беларусі, Казахстана, Кыргызстана, Малдовы, Расійскай Федэрацыі, Таджыкістана, Узбекістана і Украіны) падпісалі Пагадненне аб мерах па ахове прамысловай уласнасці і стварэнні Міждзяржаўнага савета па пытаннях аховы прамысловай уласнасці [1. с. 23]. Гэтым Пагадненнем быў заснаваны адмысловы калегіяльны орган – Міждзяржаўны савет па пытаннях аховы прамысловай уласнасці. Асноўныя задачы Савета ўключалі каардынацыю сумеснай дзейнасці па стварэнні міждзяржаўнай сістэмы аховы аб'ектаў прамысловай уласнасці, гарманізацыю нацыянальнага заканадаўства ў галіне прававой аховы гэтых аб'ектаў і распрацоўку Канвенцыі па ахове прамысловай уласнасці [8]. У 1990-х гг. Саветам была праведзена значная работа па далейшаму развіццю супрацоўніцтва паміж краінамі СНД. Дадзены орган стаў выконваць функцыю своеасаблівай платформы па рэалізацыі прасунутых інтэграцыйных праектаў у галіне аховы прамысловай уласнасці.

Ужо ў верасні 1993 г. на пасяджэнні Міждзяржаўнага савета па пытаннях аховы прамысловай уласнасці ў Ужгарадзе быў прыняты праект Еўразійскай патэнтавай канвенцыі. Праз год, 9 верасня 1994 г., яе падпісалі кіраўнікі ўрадаў Азербайджана, Арменіі, Беларусі, Грузіі, Казахстана, Кыргызстана, Малдовы, Расійскай Федэрацыі, Таджыкістана і Украіны [3].

Рэспубліка Беларусь ратыфікавала Еўразійскую патэнтавую канвенцыю ў маі 1995 г. і ўжо ў жніўні гэтага года канвенцыя ўступіла ў сілу.

Еўразійская патэнтавая канвенцыя, прадугледжвала стварэнне адзінай Еўразійскай патэнтавай сістэмы, асноўным прызначэннем якой было прадастаўленне магчымасці фізічным і юрыдычным асобам абараніць права на свае вынаходствы на аснове адзінага еўразійскага патэнта адначасова на тэрыторыі ўсіх дзяржаў-удзельніц Еўразійскай патэнтавай канвенцыі. Для выканання задач, звязаных з функцыянаваннем Еўразійскай патэнтавай сістэмы і выдачы еўразійскіх патэнтаў, Канвенцыяй была заснавана Еўразійская патэнтавая

арганізацыя і яе органы: Адміністрацыйны савет (прадстаўнічы орган) і Еўразійскае патэнтавае ведамства (выканаўчы орган) [2].

Акрамя шматбаковых інтэграцыйных праектаў, у пачатку 1990-х гг. пачало актыўна развівацца двухбаковае супрацоўніцтва нашай краіны з краінамі СНД ў галіне аховы прамысловай уласнасці. У 1993 – 1994 гг. былі падпісаны міжурадавыя пагадненні аб супрацоўніцтве ў галіне аховы прамысловай уласнасці з Украінай і Расіяй [4]. Гэтыя пагадненні прадугледжвалі спрашчэнне працэдур падачы і разгляду заявак на аб'екты прамысловай уласнасці для рэзідэнтаў названых краін, забеспячэнне для іх роўнага доступу да патэнтна-інфармацыйных рэсурсаў, узаемны абмен нарматыўнымі прававымі актамі ў сферы прамысловай уласнасці [1. с. 22]. Пазней у 2004 – 2006 гг. падобныя міжурадавыя пагадненні былі заключаны з Малдовай, Азербайджанам і Кыргызстанам [4].

У 1993 – 1995 гг. міжнароднае супрацоўніцтва ў сферы прамысловай уласнасці развівалася таксама і на міжведамасным узроўні, што знайшло адлюстраванне ў падпісанні Дзяржаўным патэнтавым ведамствам Рэспублікі Беларусь пагадненняў аб супрацоўніцтве ў галіне аховы прамысловай уласнасці з патэнтнымі ведамствамі Арменіі і Узбекістана [1. с. 22], якія прадугледжвалі абмен нарматыўнымі прававымі актамі ў адпаведнай сферы і стажыроўкі спецыялістаў патэнтавых ведамстваў за мяжой.

Канец 1990-х – пачатак 2000-х гг. характарызуецца заключэннем у рамках СНД на платформе Міждзяржаўнага савета па пытаннях аховы прамысловай уласнасці шэрагу міжнародных дагавораў, якія рэгулююць ахову і абарону правоў на асобныя аб'екты прамысловай уласнасці (вынаходніцтвы, гатункі раслін, таварныя знакі і знакі абслугоўвання) [4]: Пагадненне аб узаемным забеспячэнні захаванасці міждзяржаўных сакрэтаў у галіне прававой аховы вынаходстваў ад 4 чэрвеня 1999 г.; Пагадненне аб мерах па папярэджанні і спыненні выкарыстання ілжывых таварных знакаў і геаграфічных указанняў ад 4 чэрвеня 1999 г.; Пагадненне аб прававой ахове сартоў раслін ад 16 Сакавіка 2001 г.

Новы імпульс развіцце міжнароднага супрацоўніцтва ў галіне прамысловай уласнасці ў краінах СНД атрымала ў канцы першага дзесяцігоддзя XXI стагоддзя.

19 лістапада 2010 г. падпісваецца Пагадненне аб супрацоўніцтве ў галіне прававой аховы і абароны інтэлектуальнай уласнасці і стварэнні Міждзяржаўнага савета па пытаннях прававой аховы і абароны інтэлектуальнай уласнасці [9]. Міждзяржаўны савет па пытаннях прававой аховы і абароны інтэлектуальнай уласнасці, утвораны дадзеным Пагадненнем, быў закліканы замяніць сабою Міждзяржаўны савет па пытаннях аховы прамысловай уласнасці. І ўжо ў верасні 2011 г. у Мінску прайшло апошняе паседжанне Міждзяржаўнага савета па пытаннях аховы прамысловай уласнасці і Сумеснай працоўнай камісіі дзяржаў-удзельнікаў Дамовы аб супрацоўніцтве па спыненні правапарушэнняў у вобласці інтэлектуальнай уласнасці, якое стала адначасова арганізацыйным паседжаннем Міждзяржаўнага савета па пытаннях прававой аховы і абароны інтэлектуальнай уласнасці [5].

У значнай ступені ўзмацненне інтэграцыйных працэсаў ў галіне аховы прамысловай уласнасці на постсавецкай прасторы было звязана з фарміраваннем Мытнага саюза і Адзінай эканамічнай прасторы. У снежні 2010 г. у рамках стварэння Адзінай эканамічнай прасторы Рэспублікі Беларусь, Рэспублікі Казахстан і Расійскай Федэрацыі (далей – АЭП) было заключана Пагадненне аб адзіных прынцыпах рэгулявання ў сферы аховы і абароны правоў інтэлектуальнай уласнасці (далей – Пагадненне), якое ўступіла ў сілу 1 студзеня 2012 г. [7].

Палажэнні Пагаднення накіраваны на забеспячэнне свабоднага перамяшчэння тавараў і паслуг на рынку АЭП з улікам гандлёвых аспектаў

інтэлектуальнай уласнасці. Пагадненне не замяняе сабой нацыянальнае заканадаўства краін, якія ўваходзяць у АЭП, а ўстанаўлівае асноўныя прынцыпы і мінімальныя стандарты прававой аховы і абароны інтэлектуальнай уласнасці, якія павінны быць выкананы ўсімі трыма Бакамі. У рамках АЭП такія стандарты з'яўляюцца важнымі для ўсіх удзельнікаў знешнегандлёвых здзелак, паколькі робяць больш прадказальнымі прававыя наступствы перамяшчэння тавараў, якія змяшчаюць аб'екты інтэлектуальнай уласнасці. Акрамя таго, імкнучыся ўступіць у Сусветную гандлёвую арганізацыю, Беларусь, Расійская Федэрацыя і Казахстан заяўляюць у Пагадненні аб тым, што яны падзяляюць прынцыпы Пагаднення па гандлёвых аспектах правоў інтэлектуальнай уласнасці гэтай арганізацыі, якое ўяўляе сабой той мінімум абароны інтэлектуальнай уласнасці, які павінен быць выкананы ва ўсіх краінах Сусветнай гандлёвай арганізацыі.

Пагадненнем ўводзіцца новы для нацыянальных заканадаўстваў краін АЭП прынцып рэгіянальнага вычарпання правоў на таварны знак. Так, з 1 студзеня 2012 г. не з'яўляецца парушэннем выключнага права на таварны знак выкарыстанне гэтага таварнага знака ў адносінах да тавараў, якія былі правамерна ўведзены ў грамадзянскі абарот на тэрыторыі дзяржаў - удзельніц Пагаднення непасрэдна праваўладальнікам або іншымі асобамі з яго згоды. Гэта азначае, што Бакі Пагаднення прызнаюць больш важным свабоднае перамяшчэнне тавараў у рамках АЭП і развіццё канкурэнцыі, чым захаванне за праваўладальнікам магчымасці змагацца з паралельным імпартам у межах трох краін.

Для каардынацыі дзеянняў і інфармацыйна-тэхнічнага супрацоўніцтва ў галіне аховы і абароны інтэлектуальнай уласнасці паміж ведамствамі удзельніц Пагаднення на рэгулярнай аснове прадугледжана стварэнне пастаянна дзеючага інстытуцыйнага механізму – Каардынацыйнага савета АЭП па інтэлектуальнай уласнасці. У цяперашні час для рэалізацыі палажэнняў Пагаднення вядзецца распрацоўка праектаў некалькіх міжнародных дагавораў [6. с. 4], сярод якіх варта адзначыць Дагавор аб адзіных механізмах (працэдурах) рэгістрацыі таварных знакаў і найменняў месцаў паходжання тавару (геаграфічных указанняў) (далей – Дагавор) і Пагадненне аб каардынацыі дзеянняў ўпаўнаважаных органаў па абароне правоў на вынікі інтэлектуальнай дзейнасці.

Праект Дагавора накіраваны на ўвядзенне адзіных працэдур, якія забяспечваюць атрыманне прававой аховы таварных знакаў і найменняў месцаў паходжання тавараў (геаграфічных указанняў) на тэрыторыі ўсіх краін АЭП. Ен змяшчае палажэнні, якія вызначаюць парадак падачы і экспертызы заявак на таварныя знакі і назвы месцаў паходжання тавараў у краінах АЭП; вядзення Адзінага рэестра гэтых аб'ектаў прамысловай уласнасці і выдачы ахоўных дакументаў на іх, якія дзейнічаюць адначасова на тэрыторыі ўсіх краін АЭП. Праектам Пагаднення аб каардынацыі прадугледжваюцца асноўныя напрамкі і парадак узаемадзеяння упаўнаважаных органаў дзяржаў АЭП па абароне правоў на вынікі інтэлектуальнай дзейнасці.

Ад пачатку 1990-х гг. развіццё сувязей у рамках СНД стала прыярытэтам міжнароднай палітыкі Беларусі у сферы аховы прамысловай уласнасці. Наша краіна актыўна ўдзельнічала ў заключэнні адпаведных міжнародных дагавораў. Супрацоўніцтва развівалась як на платформе СНД, так на двухбаковай, а з канца 2010 г. і на трохбаковай асновах, што выявілася ў фарміраванні прававога падмурка адзінага рынка інтэлектуальнай уласнасці АЭП.

1. Глеб, А.К. В русле глобального интеграционного процесса / А.К. Глеб // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 1999. – № 4. – С. 17 – 25.

2. Евразийская патентная конвенция от 9 сентября 1994 года // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр прававой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
3. История создания Евразийской патентной системы // Евразийская патентная организация [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.eapo.org/ru/history.html. – Дата доступа: 15.03.2013.
4. Международные договоры / Законодательство / Система управления ИС // Национальный центр интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://belgospatent/index.php?option=com_content&view=article&id=131&Itemid=54#2. – Дата доступа: 15.03.2013.
5. Национальный центр интеллектуальной собственности: Годовой отчет 2011 [Электронный ресурс]. –2013. – Режим доступа: http://belgospatent.org.by/files/Report_2011.pdf. – Дата доступа: 15.03. 2013.
6. Совершенствование законодательства // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2012. – № 3. – С. 3 – 5.
7. Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности от 9 декабря 2010 года // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр прававой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
8. Соглашение о мерах по охране промышленной собственности и создании Межгосударственного совета по вопросам охраны промышленной собственности от 12 марта 1993 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр прававой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
9. Соглашение о сотрудничестве в области правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности и создании Межгосударственного совета по вопросам правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности от 19 ноября 2010 года // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр прававой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВХОЖДЕНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ НА БЕЛОРУССКИЙ РЫНОК

Ю.В. Чайковская (Минск)

Вхождение Республики Беларусь в мировую экономику неизбежно требует ее вовлечения в процесс глобализации, использования прямых иностранных инвестиций и опыта транснациональных корпораций (ТНК). Крупнейшие ТНК, осуществляя глобальную стратегию, являются своего рода индикаторами инвестиционного климата и их функционирование в национальной способствует ее дальнейшей интеграции в мировой рынок.

Сегодня происходит постепенное увеличение присутствия иностранных ТНК в белорусской экономике. Так, из 2000 крупнейших мировых корпораций по версии журнала «Forbes» в первую сотню входят шесть концернов, которые имеют дочерние компании на территории Беларуси. В частности, в банковском секторе стоит отметить присутствие французской транснациональной корпорации Societe Generale Group, которой принадлежит более 96% акций «Белросбанка». Австрийской компании Raiffeisen International Bank-Holding принадлежит контрольный пакет акций «Приорбанка» и французская корпорация «АХА», являющуюся собственником страховой компании «Би энд Би Иншуренс». Белорусские сотовые операторы также не остались без транснационального капитала. В частности, в оператора Life:) инвестировали турецкая компания Turkcell и шведская TeliaSonera. Кроме того, больший интерес к экономике Беларуси проявляют российские корпорации: «Газпром» заинтересован в «Белтрансгазе», «Лукойл» и «ТНК-ВР» – в белорусских нефтеперерабатывающих заводах.

Следует отметить следующую особенность развития транснациональных корпораций: они предпочитают приходить в либеральные государства, которые

сводят к минимуму вмешательство в национальную экономику. В Беларуси, с ее социально ориентированной моделью развития, механизмам государственного регулирования уделяется большое внимание. И для более интенсивного привлечения капитала ТНК необходимо учитывать ряд факторов: во-первых, корпорации интересуют исключительно прибыльные предприятия Беларуси: ТНК не будут покупать убыточные заводы и инвестировать в них большие средства; во-вторых, приход транснационального капитала подразумевает следующее: иностранные корпорации готовы покупать предприятия в Беларуси только на условиях продажи контрольного пакета акций; в-третьих, транснациональные корпорации требуют жестких гарантий, что в будущем государство не национализирует проданные объекты и не изменит условий работы инвесторов на белорусском рынке.

Опыт других стран показывает необходимость соблюдения ряда правил при допущении транснационального капитала на национальный рынок. Так, при приватизации государственных предприятий или создании новых отраслей производства необходимо избегать передачи какой-либо отрасли одной транснациональной корпорации. Целесообразно приглашать как минимум две традиционно конкурирующие между собой ТНК. Необходимо тщательно оговаривать условия прихода иностранных ТНК и проводить анализа функционирования филиалов данной корпорации в других странах.

В заключение можно отметить, что преимущества вхождения белорусских предприятий в иностранные транснациональные компании и создание их филиалов в белорусской экономики связаны с расширением и модернизацией существующих производств, появлением новых рабочих мест, повышением объема налоговых поступлений в государственный бюджет и развитием местной инфраструктуры. Кроме того, для белорусского бизнеса очень важен и тот факт, что транснациональные корпорации принесут с собой мировые стандарты бизнес-процессов, что положительно скажется на его репутации. В целом же, приход иностранных ТНК в Беларусь необходим для включения страны в международное разделение труда, передачи новых технологий для белорусских предприятий привлечении инвестиций в экономику страны. Таким образом, вопрос взаимодействия с ТНК становится для Беларуси все актуальнее с каждым годом.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БИЗНЕС В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Е.А. Макаренко (Киев)

Глобализация мировой экономики, обусловленная стремительными изменениями в сфере высоких технологий, усилила асимметрию экономического развития, обострила международную конкуренцию и перераспределение сфер политического и экономического влияния на мировых рынках. На глобальном уровне сталкиваются многочисленные национальные интересы и приоритеты международных транснациональных корпораций, представителей ведущих производственных отраслей мирового хозяйства. Проявлениями процессов экономической глобализации является возрастание роли интеллектуальных ресурсов, диверсификация мировых рынков, формирование мирового рынка информационных технологий. Глобальные возможности обмена информационными продуктами и услугами влияют на мировой и региональный спрос, координируют их производство, стимулируют инвестиции в информационно-коммуникационную индустрию, создают новые мощности для сотрудничества в различных сферах – от традиционных, где внедряются новые технологии, к интеллектуальным, высокотехнологичным, которые определяют потенциал экономики будущего. Международная кон-

куренция, по экспертным прогнозам, будет меняться учитывая асимметрию роста доходов в различных секторах мирового хозяйства, в разных регионах и странах, особенно в секторе высоких технологий: информационно-коммуникационных, энергогенерирующих, интегрированных, грейд-, нано- и биотехнологий [1; 2]. Международный информационный бизнес включает производство и торговлю продуктами и услугами в области промышленной индустрии, приборостроения, телекоммуникаций, электронной коммерции и Internet, интеллектуальной собственности, информационной безопасности, масс-медиа, рекламы и рекламного сервиса, гуманитарной сферы, государственного и корпоративного управления, банковской и финансовой сферы, страхования и т.п., что дает основания рассматривать международный информационный бизнес как принципиально новую глобальную экономическую систему, в основе которой интеллектуальные ресурсы, высокотехнологичные производства продуктов и услуг, специфика их распространения на глобальных рынках. Тенденции международного информационного бизнеса находят реализацию на региональном и национальном уровне, выявляют особенности экономического развития и проблемы включения отдельных регионов и стран в процессы глобальной интеграции. Иерархию информационных рынков составляют: мировой рынок информационных продуктов и услуг, региональные рынки (европейский, североамериканский, латиноамериканский, азиатско-тихоокеанский, панафриканский, ближневосточный, западно-азиатский, рынок СНГ), национальные информационные рынки. Мировой рынок информационных продуктов и услуг характеризуется значительной асимметричностью в отношении регионов и стран: по последним данным Европейской обсерватории информационных технологий, США занимают 36% мирового информационного рынка, Европа – 30% (на Восточную Европу приходится менее 1%), Япония – 11%, остальные страны – 23% [3; 4]. Мировой рынок информационных продуктов и услуг составляют секторы: медиа, телекоммуникаций, IT; информационной интеллектуальной собственности, информационного приборостроения, коммуникативных технологий [4]. Общий оборот мирового рынка собственно медиа в 2011 г., по исследованиям Gartner, составлял 465.724 млрд. дол., рекламы – 471 млрд. дол., социальных медиа – 10.3 млрд. дол. и имел тенденцию возврата не только к предкризисному состоянию, но и к дальнейшему росту, в частности, в сегменте социальных медиа рост рынка в 2012 г. составил 14.9 млрд., а в 2015 г. прогнозируется рост до 29.1 млрд. дол.; в сегменте рекламы прогнозируется рост в 2013 г. до 526.977 млрд. дол. Мировой рынок медиа, считают эксперты, восстанавливается после рецессии, хотя интенсивность роста замедляется через экономические колебания, природные катаклизмы и политические кризисы.

Среди мегакорпораций мирового медиарынка выделяются AOL Time Warner, Wolt Disney, Viacom, News Corporation, Bertelsmann AG и др., транснациональные медиахолдинги, чья деятельность охватывает весь спектр средств массовой информации. Холдинги занимают ведущие позиции в мире в сфере медиа и развлекательной индустрии, в их состав входят издательские фирмы, музыкальные компании, компании по распространению книг и аудиовизуальной и музыкальной продукции, периодическая печать, теле- и радиостанции и производство телевизионных программ, сервисные медиакомпании, а также компании по производству мультимедийных продуктов и деловой информации [4]. Индустрия телекоммуникаций является наиболее перспективным элементом мирового рынка IKT, поскольку сети мобильной, спутниковой, сотовой, кабельной, фиксированной, Internet-связи охватывают территории почти 90% населения мира. По данным Infonetieks Research, к 2015 г. ожидается рост рынка до 2.4 трлн. дол., в частности, за счет сегмента WIMAX (+27,5%) и решений для развития видеоинфраст-

руктуры (+20,7%). Лидерами в сфере телекомункаций на мировом рынке является США (35%), Европа (30%), Япония (14%), Китай и другие страны (21%), а основными корпорациями British Telecom, France Telecom, Deutsche Telekom, AT&T, NASDAQ SATS, Hughes Network System, Telmex + Telcel, China Mobila (в 2010 году компания имела наибольший доход среди мобильных операторов мира), Telia Sonera, Level 3 Communications, Capital City Service. Мировой информационный рынок демонстрирует конкуренцию мощных телекоммуникационных ТНК, которые, располагая достаточными финансовыми, техническими, и людскими ресурсами, поддерживают и развивают сложные разветвленные глобальные сети коммуникаций [6]. Структуру мирового рынка IKT составляют: IT-сервис, компьютерное оборудование; программное обеспечение, оборудование для сетей передачи данных, коммуникационное оборудование для пользователей, офисное оборудование. Объем рынка в 2011 г. составлял 846 млрд. дол., а в связи с переходом компаний на «облачную» модель вычислений и развитие соответствующих сервисов на 2013 г. прогнозируется рост рынка до 54 млрд. дол. (Gartner), и соответственно – 44 миллиарда (IDC). На перспективу 2015 г. Gartner прогнозирует рост рынка «облачных» технологий до 148 млрд. дол., IDC – до 72,9 млрд., однако все мировые агентства уверены во «взрывном» росте спроса на цифровые «облака». Сегмент сервисов информационной безопасности в 2011 г. составлял 35,1 млрд. дол., а в 2015 г. прогнозируется рост сегмента до 49,1 млрд. дол., в том числе, сегмент IT-менеджмента достигнет 14,9 млрд. дол., консалтинга 12,5млрд., разработок и интеграции – 13,74 млрд. дол. Ведущими компаниями, которые занимают 45% рынка IKT, эксперты считают Symantec (18,9% мирового рынка информационной безопасности), McAfee (10,4%), Trend Micro (6,3%), IBM (4,9%), EMC (3,8%), Kaspersky Lab (в 2010 г. получила прибыль в 538 млн. дол.). По прогнозам Gartner, рынок сервиса программного обеспечения для защиты данных будет постоянно расти, а продукты для авторизации и контроля доступа в 2014 г. принесут более 12 млрд. дол. Основными же трендами на перспективу аналитики ITBusiness week называют инновационные технологические разработки, которые проявят себя на полную мощность с 2025 г. [7; 8].

Мировой рынок информационного приборостроения включает в себя производство микропроцессоров и микросхем, цифровых модулей и сетей, производство и продажу коммерческих решений, производство систем искусственного интеллекта для разных отраслей мирового хозяйства, производство различных IT-устройств, а также устройств для мобильной связи, установок для передачи данных, бытовой электронной техники и др. Общий объем рынка, по данным экспертов, составляет свыше 980 трлн. дол. (учитываются все сегменты), США занимают 34% мирового рынка, Европа-40%, Япония – 14%, все остальные страны – 15%. По прогнозам Gartner, совокупный доход ИТ-индустрии в 2012 г. составлял 3,5 трлн. дол. Основными причинами роста рынка, по мнению специалистов, стали высокий потребительский спрос, рост сегментов стратегических технологий – ноутбуков, нетбуков, смартфонов, аксессуаров, материнских плат, платформ NFC (Near Field Communications) и снижение цен на цифровые системы. Деятельность ведущих компаний ИТ-индустрии Nokia, HP, IBM, Motorola, Siemens, Asus, Fujitsu, Dell, Sony Ericsson, Philips, Bosh, Toshiba, технологическое лидерство которых позволяет осуществлять глобальные инициативы по развитию таких технологий, а именно, Bluetooth, IPv6, WAP (Wireless Application Protocol), GPRS (General Packet Radio Service), UMTS (Universal Mobile Telecommunications System), в том числе в рамках таких авторитетных консорциумов, как 3G-и 4GPP (3rd-4rd Generation Partnership Project), WAP Forum, направлена на разработку и

развитие открытых стандартов, которые будут определять будущее глобальных телекоммуникаций [9; 10].

Мировой рынок коммуникативных технологий и деловой аналитики предлагает такие продукты и услуги, как корпоративный, финансовый, кризисный, политический, правительственный, коммерческий, промышленный, Internet-PR, технологии брендинга, инвестиционного позиционирования (IR), лоббирования и GR, Internet-консалтинга, деловой и финансовой аналитики, репутационного и антикризисного менеджмента, кредитно-справочного бизнеса и т.д. [11]. На мировом рынке коммуникативных технологий доля США составляет 28,4%, Европы-33,1%, Японии – 13,7%, остального мира – 24%. Стратегия развития рынка коммуникативных технологий учитывает благоприятную рыночную конъюнктуру, тенденции деятельности ведущих компаний, в частности, Barson Marsteller, Weber Shandwick, Edelmann PR World Wide, Hill & Knowlton, Grey Global Group, Ogilvy Public Relfnions Worldwide, Fleishman-Hillard, Financial Dynamics, The Brunswick Group, сотрудничество которых обеспечивает сверхприбыли на рынке информационных и коммуникативных технологий, создание новых форм и структур, способных конкурировать на мировых рынках. Динамично растет спрос на PR-услуги в финансовой сфере. Ведущую роль на мировом рынке финансовой аналитики играет корпорация Reuters, 93% деятельности которой приходится на поставки финансовой информации и продажу информационных продуктов и услуг [12].

Региональные рынки информационных продуктов и услуг имеют общие и отличительные черты: к общим относят – продукты и услуги информационной индустрии и смежных отраслей промышленности, к отличным – структуру информационных продуктов и услуг, сферу их распространения, количество потребителей, присутствие транснациональных корпораций, динамику развития рынка, соотношение экспорта/импорта на региональных рынках, а динамика национальных информационных рынков зависит от уровня экономической и регуляторной политики страны, ее интеграции в глобальные интеграционные процессы, конкуренции корпораций, развития ИТ-индустрии, наличия интеллектуальных ресурсов, квалификации людских ресурсов.

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс. – М.: Эльга, 2000. – 454 с.
2. Гілл, Ч. Міжнародний бізнес / Ч. Гілл. – К.: Основи,2001. – 1025 с.
3. EITO – European Information Technology Obcervatory [Електронний ресурс]. – Mode of access: http://www.eito.com. – Date of access: 15.03.2013.
4. Європейські комунікації / Є.А. Макаренко, М.А. Ожеван, М.М. Рижков та ін. – К.: Центр вільної преси, 2007. – 536 с.
5. Gartner: мировой рынок социальных медиа в 2011 году вырастет на 41,4% // Открытые системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.osp.ru/nevs/2011/. – Дата доступа: 15.03.2013.
6. Мальцев, С. Мировой рынок телекоммуникаций в III квартале 2011 года. / С. Мальцев // Информационный портал spbIT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spbit.ru/nevs/83274. – Дата доступа 15.03.2013.
7. ИТ (мировой рынок):объем, структура рынка, прогнозы его развития и позиция стран на ИТ-карте мира // TAdviser [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/. – Дата доступа: 15.03.2013.
8. Мировой рынок ИТ-услуг вернулся к росту // Ліга.Бізнес [Електронный ресурс]. – Режим доступа: http://biz.liga.net/all/novosti/htm. – Дата доступа: 15.03.2013.
9. Gartner Group, Inc. [Electronic resource]. – Mode of access: www.gartner.com. – Date of access: 15.03.2013.
10. IT-индустрия в 2011: главные технологии и тенденции // IT Business week [Електронний ресурс]. – Режим доступа: www.itbusiness.com.ua. – Дата доступу: 13.03.2013.
11. Макаренко, Є.А. Сучасні комунікативні технології: доктрина, типологія, інструменти, практика / Є.А. Макаренко // Актуальні проблеми міжнародних відносин. – К., 2011. – Вип. 99, Частина. 2. – С. 153 – 161.
12. Reuters [Electronic resource]. – Mode of access: www.reuters.com. – Date of access: 13.03.2013.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВСЕМИРНОМУ КРИЗИСУ

Е.С. Подвальный, А.А. Слинько (Воронеж)

Усиление процессов глобализации заставляет Россию искать гибкие механизмы интеграции в условиях углубления финансового кризиса в Европейском Союзе и США. Образование и укрепление ШОС, консолидация Таможенного Союза, а также продолжение курса на формирование Еврорегионов – важные вехи на этом направлении. Характерно, что именно механизм создания Еврорегионов стал «последней надеждой» многих европейских политиков. Активизация создания Еврорегионов зафиксирована в Италии и Испании. С другой стороны, Россия и Украина намерены расширять существующие конфигурации. Например, принято решение о расширении Еврорегиона «Донбасс» (с включением Воронежской области). А это значительно активизирует трансграничное сотрудничество.

Вступление России в ВТО завершило процесс интеграции страны в современную международную экономическую систему. Страна получила возможность на равных с основными игроками участвовать в жизни мировых рынков. Вступление в ВТО можно считать своевременным по ряду причин [1, с. 61 – 89].

1. Долгий процесс переговоров позволил России накопить опыт функционирования экономики в условиях глобализации и подтянуть отстающие отрасли.

2. Россия смогла добиться баланса экономических отношений между США, Европейским Союзом и Китаем.

3. Глобальный кризис настолько ослабил некоторых игроков (например, Евросоюз), что при всем субъективном желании некоторых агрессивных сил причинить вред экономике России это вряд ли возможно.

4. Россия, вступив в ВТО, договорилась о преференциях и изъятиях в свою пользу в болевой точке нашей экономики – в сфере сельского хозяйства. При этом главный поставщик дешевой сельскохозяйственной продукции на наш рынок – США – по правилам ВТО прав на торговлю без ограничений в нашей стране не имеет, так как не снял ограничений в виде поправки Джексона-Веника, некогда увязавшей торговые преференции с проблемой эмиграции из СССР.

Между тем, вхождение России в ВТО очень важно в связи с попытками распространить англосаксонское право на весь мир, а с ним и удержать слабеющее влияние США. Идет агрессивное формирование имиджа изгоев для неугодных Соединенным Штатам и их союзникам стран. В частности, речь идет о Сирии, режим в которой представляет собой «исторического врага» суннитских фундаменталистов из Саудовской Аравии. При этом сирийский режим оказалось достаточно трудно свергнуть именно потому, что и Россия, и Китай (которые оказывают этой стране определенную поддержку) так глубоко интегрированы в мировую экономику, что навесить на них ярлыки изгоев в нынешних условиях очень трудно. С другой стороны, в попытке удержать призрачное мировое господство США и Великобритания даже готовы взорвать сложившиеся принципы международного права. Характерно в этом смысле намерение британцев штурмовать посольство Эквадора в Лондоне с целью захватить Дж. Ассанджа – известного разоблачителя американских спецслужб. Коварство замысла в том, что норма международного права, признающая право убежища в посольствах, действует именно в Латинской Америке. Противопоставляя себе целый континент, англичане и американцы надеются отвлечь внимание мировой общественности от колоссального экономического кризиса, захватившего экономику Европы: ныне объем финансовых операций в Европе меньше, чем у отдельно взятой Австралии. Поэтому и

нужны военные операции в Сирии и скандал у эквадорского посольства в Лондоне, чтобы замаскировать провал экономической политики единой Европы.

В этой ситуации вступление России в ВТО закрепляет за ней роль связующего звена между кризисной Европой и далеко некризисным Китаем, роль транспортного коридора между атлантическим и тихоокеанским миром, роль сырьевого тыла и Европы, и Китая, и Соединенных Штатов. Своими действиями Россия подчеркивает, что ВТО – это не организация типа НАТО, ВТО – это не разваливающаяся еврозона. Всемирная Торговая Организация – это серьезное образование, позволяющее выживать всем вместе, а не по отдельности [2].

НАТО, к примеру, расширилось до пределов неуправляемости, и даже президент Франции Ф. Олланд говорит о необходимости вывести страну из военной организации НАТО, как это сделал некогда президент Ш. де Голль, потому что гигантский блок нужен США, а не Франции. С другой стороны, еврозона разваливается не только слабыми странами типа Греции. Больше всего ее хотят покинуть страны богатые, с сильно организованным и продвинутым бизнесом. Так, в Финляндии уже реализуется график выхода из зоны евро на правительственном уроне.

Аморфный и ненавязчивый режим деятельности ВТО позволяет России реально усиливать свои позиции в ближнем зарубежье. Сближение России и ориентированной на Запад Украины началось в данный момент именно благодаря историческому вхождению России в ВТО, что означает на деле отказ от признания нашей страны авторитарной нерыночной системой, неспособной на развитие. Ныне Россия и Украина вступили в зону свободной торговли, и далеко не случайно, что вступление нашей страны в ВТО и присоединение Украины к Зоне свободной торговли СНГ произошли одновременно в августе 2012 г.

Не следует забывать, что сообщество экспертов давно пришло к четким выводам, что треть российской экономики выигрывает от вступления в ВТО, а проигрывают лишь 4% участников экономической деятельности. Даже эксперты Всемирного банка, не очень симпатизирующего России, вынуждены признать, что в долгосрочной перспективе российская экономика может вырасти на 11%, а в денежном исчислении на 215 млрд. долл.

Что касается российских экспертов, то они отмечают возможный рост зарплаты квалифицированных рабочих на 0,5%, однако рекордными станут зарплаты у металлургов – рост на 15%. В целом ожидается существенное усиление позиций трех экспортно ориентированных отраслей промышленности – черной и цветной металлургии и химической. Важным моментом является возможность участия иностранного банковского капитала в российской банковской системе (до 50%). При этом в России уже подготовлен слой квалифицированных профессионалов, которые теперь должны проверить свои навыки в открытой конкуренции с западными специалистами. Есть мнение, что в условиях финансовых сложностей в США и в Европе российская банковская система уже вполне конкурентоспособна.

Тем не менее, некоторым сферам и отраслям экономики надо резко повысить свою эффективность. К примеру, по правилам ВТО в телекоммуникационных компаниях через четыре года будет снято ограничение доли иностранного капитала 49%. Если не будут проведены серьезные реформы, пострадать могут машиностроение, легкая промышленность и обработка древесины. Однако, всемирный опыт свидетельствует: приходя на новый рынок, иностранные компании опираются, прежде всего, на местные фирмы, а это, в конечном счете, улучшает положение в экономике. Но надо отметить, что присоединение к ВТО не имеет решающего значения: процессы глобализации действовали на протяжении по-

следних лет поверх и мимо этой организации, которая представляет собой ныне лишь обычный инструмент стимулирования национальных экономик.

Сейчас многие видят положительный эффект от деятельности ВТО в попытке ограничить постоянно расширяющуюся сферу «серой» экономики и криминального бизнеса. Конечно, обстановка постоянных гражданских войн превращает практически весь бизнес в черной Африке или в криминальный, или в теневой. Рост спроса на наркотики в Соединенных Штатах буквально «взорвал» такую относительно некогда спокойную страну как Мексика, где с бандитами ведутся бои с применением авиации и артиллерии. Теневая и «серая» экономика – это не только наркотики. Есть мнение, что именно значительные элементы теневой и «серой» экономики привели страны Европы к тотальному финансовому кризису.

Таким образом, регулирующих инструментов типа ВТО уже недостаточно для развития мировой экономики. Европейски Союз пытается создать новые контролирующие инстанции и принять новые защитительные меры. Среди них – налог на финансовые транзакции и контроль над оффшорными зонами. Характерно, что Россия со своей стороны готова присоединиться к любым формам борьбы с криминализацией мировой экономики без оговорок и изъятий.

Конечно, особое значение вступление России в ВТО имеет как символ готовности страны к грандиозным масштабным экономическим проектам трансконтинентального характера. Некоторые из них – газовые и нефтяные – уже реализуются. Это «Северный поток», «Южный поток», «Сахалин-1 и 2», грандиозное строительство газо- и нефтепроводов в КНР. Однако, проекты, которые озвучило руководство РЖД, еще крупнее и масштабнее. Среди этих проектов – строительство, в частности, железнодорожного тоннеля под Беринговым проливом. Этим проектом заинтересовались в США, Канаде, Японии и Южной Корее. Важен проект скоростного шоссе Россия – Европа – Китай, планируется и строительство новых веток железной дороги из европейской части России в Сибирь и Китай [3].

Интерес к России на Западе сильно возрос в связи с тем, что КНР предложила превратить ШОС в экономический союз и выразила готовность предоставить всем ее участникам дешевые и даже беспроцентные кредиты. Эта ситуация активизировала деятельность Запада в деле выравнивания «баланса сил». Таким образом, можно надеяться, что вступление в ВТО при определенных условиях может стимулировать положительные изменения в экономике России [4].

На проблему вступления России в ВТО существуют самые различные взгляды. Есть мнение, что отрицательные последствия этого шага могут перевесить названные плюсы. Время поможет расставить правильные акценты в ближайшие годы. При этом надо помнить, что экономическая жизнь России вне влияния мировых тенденций невозможна.

В конечном счете, Россия и ее союзники по БРИКС выстраивают новую международную систему, основанную, с одной стороны, на «отсечении» оффшорной криминальной среды, что стабилизирует экономику Запада, а, с другой стороны, на уменьшении бюрократического контроля над бизнесом.

1. Дюмулен, И.И. Всемирная торговая организация / И.И. Дюмулен. – М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2003. – 271 с.
2. Дюмулен, И.И. Всемирная торговая организация. Экономика, политика, право / И.И. Дюмулен. – М.: Изд-во ГОУ ВПО Всероссийская акад. внешней торговли Минэкономразвития России, 2008. – 347 с.
3. Халевинская, Е.Д. Всемирная торговая организация и российские интересы / Е.Д. Халевинская, Е.В. Вавилова. – М.: Магистр, 2009. – 367 с.
4. Национальные инновационные системы в России и ЕС / Н.Н. Бондарева [и др.]; под ред. В.В. Иванова [и др.]. – М.: ЦИПРАН РАН, 2006. – 280 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авласенко Игорь Михайлович – аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета БГУ, г. Минск.

Алексеева Екатерина Владимировна – референт-переводчик Министерства обороны РБ, старший лейтенант, г. Минск.

Андреева Виктория Анатольевна – преподаватель кафедры истории нового и новейшего времени БГУ, г. Минск.

Андриевский Константин Петрович – аспирант кафедры международных отношений БГУ, г. Минск.

Анисяев Михаил Андреевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института национальной безопасности Республики Беларусь, г. Минск.

Бабосов Евгений Михайлович – доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси, главный научный сотрудник отдела политической социологии и социологии права ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», г. Минск.

Бабосова Екатерина Сергеевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», г. Минск.

Бессонова Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ГУ «Институт всемирной истории НАН Украины», г. Киев.

Бетеня Александр Петрович – аспирант исторического факультета БГУ, г. Минск.

Бобина Олег Валериевич – кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института Национального университета кораблестроения имени адмирала Макарова, г. Николаев.

Болдырева Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Елецкого филиала Российского Нового университета, г. Елец Липецкой области.

Большедворова Людмила Степановна – заместитель директора Центра международных исследований ФМО БГУ, г. Минск.

Бударина Наталья Анатольевна – научный сотрудник, заведующий сектором «Правовое обеспечение инновационной деятельности» ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси», г. Минск.

Бурковская Валентина Александровна – кандидат политических наук, профессор, директор Елецкого филиала Российского Нового университета, г. Елец Липецкой области.

Бучнева Наталья Болеславовна – младший научный сотрудник Регионального центра по Витебской области ГНУ «НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь», г. Витебск.

Величко Нина Веньяминовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск.

Гайкин Виктор Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, г. Владивосток.

Гогоша Орест Игоревич – ассистент кафедры международных отношений и дипломатической службы Львовского национального университета им. Ивана Франко, г. Львов.

Гросс Елена Петровна – аспирант отдела всеобщей истории, межгосударственных и международных отношений ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», г. Минск.

Гусев Владимир Евгеньевич – кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой истории Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского, г. Москва.

Давлатова Елена Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск.

Данилович Мария Владимировна – аспирант факультета международных отношений БГУ, г. Минск.

Демянчук Юлия Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Харьковской государственной зооветеринарной академии, г. Харьков.

Дернович Олег Иванович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», г. Минск.

Довгялло Михаил Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян БГУ, г. Минск.

Дорофеев Денис Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь.

Достанко Елена Анатольевна – кандидат политических наук, доцент, директор Центра международных исследований ФМО БГУ, г. Минск.

Егоров Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского юридического института ФСИН Российской Федерации, полковник внутренней службы, г. Псков.

Зинченко Виктор Викторович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины, г. Киев.

Иванов Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра изучения истории Канады Магнитогорского государственного университета, г. Магнитогорск.

Иоффе Эмануил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и права УО «БГПУ им. М. Танка», г. Минск.

Клевакина Евгения Владимировна – ассистент кафедры международных отношений и международного права ННОУ ВПО «Институт Дружбы народов Кавказа», г. Ставрополь.

Климов Эдуард Владимирович – аспирант факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.

Коваленок Дмитрий Витальевич – главный инспектор Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, г. Минск.

Коробкина Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.

Король Вадим Леонтьевич – аспирант УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», г. Гродно.

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск.

Костючков Алексей Николаевич – старший преподаватель кафедры философии ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск.

Кошелев Михаил Клавдиевич – кандидат исторических наук, доцент, зав. отделом всеобщей истории и международных отношений ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», г. Минск.
Краско Геннадий Геннадьевич – кандидат исторических наук, Институт национальной безопасности Республики Беларусь, г. Минск.
Кривов Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории политики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.
Кривоносова Елена Эдвардовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск.
Кривошей Дмитрий Антонович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Республики Беларусь ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», г. Минск.
Курьянович Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории права и гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», г. Минск.
Кучик Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и дипломатической службы Львовского национального университета имени Ивана Франко, г. Львов.
Литвишко Ольга Михайловна – преподаватель кафедры профессионально-ориентированного английского языка Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Пятигорск.
Лубинский Иван Иванович – преподаватель кафедры философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета, г. Минск.
Лымарь Маргарита Юрьевна – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики Черноморского государственного университета имени Петра Могилы, г. Николаев.
Макаренко Евгения Анатольевна – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины, г. Киев.
Маклюк Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Запорожского национального университета, г. Запорожье.
Максименко Ирина Владимировна – преподаватель кафедры международных отношений Института социальных наук Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса.
Мальчевский Евгений Сергеевич – главный специалист Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь; старший научный сотрудник БелНИИДАД, г. Минск.
Махалкина Мария Александровна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, г. Краснодар.
Москалевич Галина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин БГЭУ, г. Минск.
Мудриевская Ирина Игоревна – аспирант Института всемирной истории НАН Украины, г. Киев.
Наконечный Владимир Игоревич – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики Черноморского государственного университета имени Петра Могилы, г. Николаев.

Недокус Игорь Степанович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и государственного управления Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича, г. Черновцы.
Петухов Юрий Сергеевич – историк, г. Витебск.
Пик Светлана Мирославовна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и дипломатической службы Львовского национального университета имени Ивана Франко, г. Львов.
Пипченко Наталия Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры международной информации Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев.
Плеснякова Вера Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Елецкого филиала Российского Нового университета, г. Елец Липецкой области.
Подвальный Евгений Семенович – доктор технических наук, профессор, директор Воронежского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Воронеж.
Поповская Татьяна Александровна – научный сотрудник ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», г. Минск.
Протченко Ирина Валериевна – ведущий специалист Центра международных исследований ФМО БГУ, г. Минск.
Разуванова Ксения Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», г. Минск.
Райкова Вера Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург.
Ратушняк Олег Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, г. Краснодар.
Рубо Олеся Петровна – соискатель кафедры международных отношений БГУ, г. Минск.
Рудковский Эдвард Иосифович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск.
Рута Эстарита Йохана Каролина – первый секретарь Посольства Боливарианской Республики Венесуэла в Республике Беларусь.
Рыбалко Ольга Константиновна – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.
Сакович Екатерина Георгиевна – аспирант кафедры истории России БГУ, г. Минск.
Сальников Вячеслав Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Воронежского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Воронеж.
Свилас Светлана Францевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений БГУ, г. Минск.
Седляр Юлия Александровна – кандидат политических наук, доцент Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев.

Семченко Александр Анатольевич – кандидат политических наук, соискатель кафедры политологии Одесской национальной академии связи им. А.С. Попова, г. Одесса.
Серебрякова Алла Аркадьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права юридического института Балтийского Федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград.
Сидоренко Борис Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права и иностранных языков Могилевского филиала ЧУО «БИП – Институт правоведения», г. Могилев.
Симановский Сергей Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии БГУ, г. Минск.
Слемнев Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск.
Слинько Александр Анатольевич – доктор политических наук, профессор Воронежского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Воронеж.
Слинько Елена Александровна – преподаватель кафедры политологии и политического управления Воронежского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Воронеж.
Снапковский Владимир Евдокимович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений БГУ, г. Минск.
Снисаренко Константин Леонидович – старший преподаватель кафедры международных отношений БГУ, г. Минск.
Соловей Татьяна Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии БГУ, г. Минск.
Старкин Сергей Валерьевич – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.
Стрелец Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест.
Сулейманов Александр Альбертович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск.
Тихомиров Александр Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений БГУ, г. Минск.
Трипутень Максим Владимирович – курсант Института пограничной службы Республики Беларусь, г. Минск.
Тулбасиева Сауле Калидилдаевна – кандидат исторических наук, преподаватель Казахстанского национального педагогического университета имени Абая, г. Алматы.
Фаблинова Ольга Николаевна – младший научный сотрудник ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», г. Минск.
Федив Ростислав Дмитриевич – аспирант кафедры международных отношений и дипломатической службы Львовского Национального Университета имени Ивана Франко, г. Львов.
Фрольцов Владислав Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений БГУ, г. Минск.

Хришкевич Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, г. Псков.
Циватый Вячеслав Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, первый проректор Дипломатической академии Украины при Министерстве иностранных дел Украины, г. Киев.
Чайковская Юлия Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент Института бизнеса и менеджмента технологий БГУ, г. Минск.
Челядинский Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений БГУ, г. Минск
Чуракова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института социально-гуманитарных и политических наук Северного Арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск.
Шабельцев Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета, г. Минск.
Шевчук Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор, декан факультета политических наук Черноморского государственного университета имени Петра Могилы, г. Николаев.
Шенин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.
Шимкевич Екатерина Александровна – ассистент кафедры всемирной истории и международных отношений Запорожского национального университета, г. Запорожье.
Шубина Юлия Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и международного права ННОУ ВПО «Институт Дружбы народов Кавказа», г. Ставрополь.
Юрчак Денис Валерьевич – заместитель декана по учебной работе исторического факультета ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск.
Яковлева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск.
Яковлева Наталья Вячеславовна – аспирант Санкт-Петербургского филиала ФГОБУ ВПО «Финансовый Университет при Правительстве РФ», г. Санкт-Петербург.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авласенко И. М. 103
Алексеева Е. В. 106
Андреева В. А. 226
Андриевский К. П. 195
Анисяев М. А. 79
Бабосов Е. М. 198
Бабосова Е. С. 269
Бессонова М. Н. 290
Бетеня А. П. 41
Бобина О. В. 29
Болдырева О. М. 45
Большедворова Л. С. 27
Бударина Н. А. 192
Бурковская В. А. 111
Бучнева Н. Б. 311
Величко Н. В. 48
Гайкин В. А. 298
Гогоша О. И. 121
Грос Е. П. 259
Гусев В. Е. 54
Давлатова Е. В. 302
Данилович М. В. 114
Демянчук Ю. А. 157
Дзярновіч А. І. 228
Довгялло М. С. 128
Дорофеев Д. В. 19
Достанко Е. А. 25
Егоров А. М. 67
Зинченко В. В. 160
Иванов А. Г. 83
Иоффе Э. Г. 201
Клевакина Е. В. 154
Климов Э. В. 307
Коваленок Д. В. 208
Коробкина И. А. 56
Король В. Л. 236
Косов А. П. 62
Костючков А. Н. 275
Кошалеў М. К. 183
Краско Г. Г. 59
Кривов С. В. 307
Кривоносова Е. Э. 278
Крывашэй Д. А. 211
Курьянович А. В. 173
Кучик А. С. 170
Литвишко О. М. 31
Лубінскі І. І. 240
Лымарь М. Ю. 92
Макаренко Е. А. 330
Маклюк О. Н. 179
Максименко И. В. 16
Мальчэўскі Я. С. 326
Махалкина М. А. 151
Москалевич Г. Н. 323
Мудриевская И. И. 132
Наконечный В. И. 136
Недокус И. С. 149
Петухов Ю. С. 22
Пик С. М. 117
Пипченко Н. А. 287
Плеснякова В. Н. 317
Подвальный Е. С. 334
Папоўская Т. А. 215
Протченко И. В. 248
Разуванава К. С. 284
Райкова В. А. 51
Ратушняк О. В. 163
Рубо О. П. 14
Рудковский Э. И. 300
Рута Йохана 206
Рыбалко О. К. 100
Сакович Е. Г. 38
Сальников В. И. 11
Свилас С. Ф. 73
Седляр Ю. А. 138
Семченко А. А. 8
Серебрякова А. А. 320
Сидоренко Б. И. 263
Сіманоўскі С. І. 219
Слемнев М. А. 294
Слинько А. А. 334
Слинько Е. А. 167
Снапкоўскі У. Е. 70
Снисаренко К. Л. 272
Соловей Т. Г. 233
Старкин С. В. 108
Стрелец М. В. 87
Сулейманов А. А. 304
Тихомиров А. В. 189
Трипутень М. В. 309
Фаблинова О. Н. 280
Федив Р. Д. 144
Фрольцов В. В. 35
Хришкевич Т. Г. 142
Циватый В. Г. 243
Чайковская Ю. В. 329
Челядинский А.А. 4
Чуракова О. В. 256
Шабельцев С. В. 266
Шевчук А. В. 89
Шенин С. Ю. 96
Шимкевич Е. А. 246
Шубина Ю. Г. 176
Юрчак Д. В. 222
Яковлева Г. Н. 252
Яковлева Н. В. 314
Tulbasiyeva Saule K. 124

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ (вторая половина XX – начало XXI в.)

Материалы международной научно-практической конференции

Витебск, 25–26 апреля 2013 г.

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *Т.Е. Сафранкова*

Подписано в печать 22.04.2013. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,00. Уч.-изд. л. 29,79. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
ЛИ № 02330 / 110 от 30.01.2013.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.